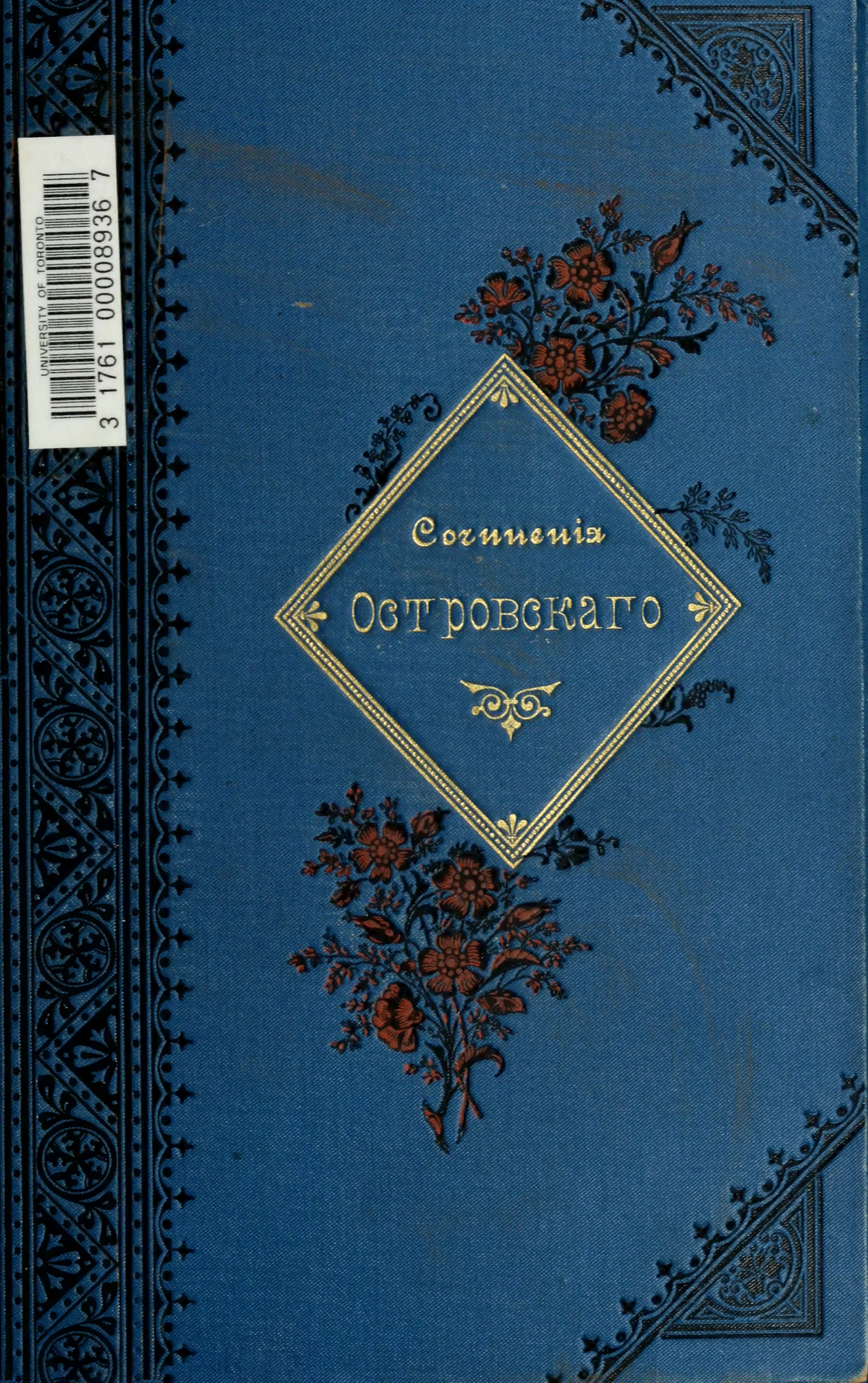

Сочиненія
Островскаго
UNIVERSITY OF TORONTO
3 1761 00008936 7

Presented to the
LIBRARY *of the*
UNIVERSITY OF TORONTO
by

ESTATE OF THE LATE
JOHN B. C. WATKINS

СОЧИНЕНІЯ

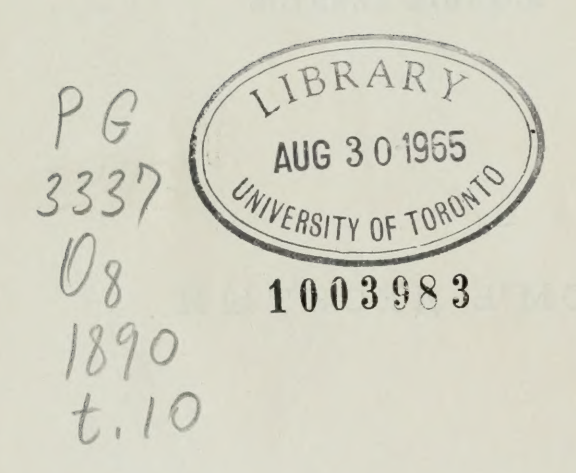
А. Н. ОСТРОВСКАГО

ИЗДАНІЕ ДЕВЯТОЕ

ТОМЪ ДЕСЯТЫЙ

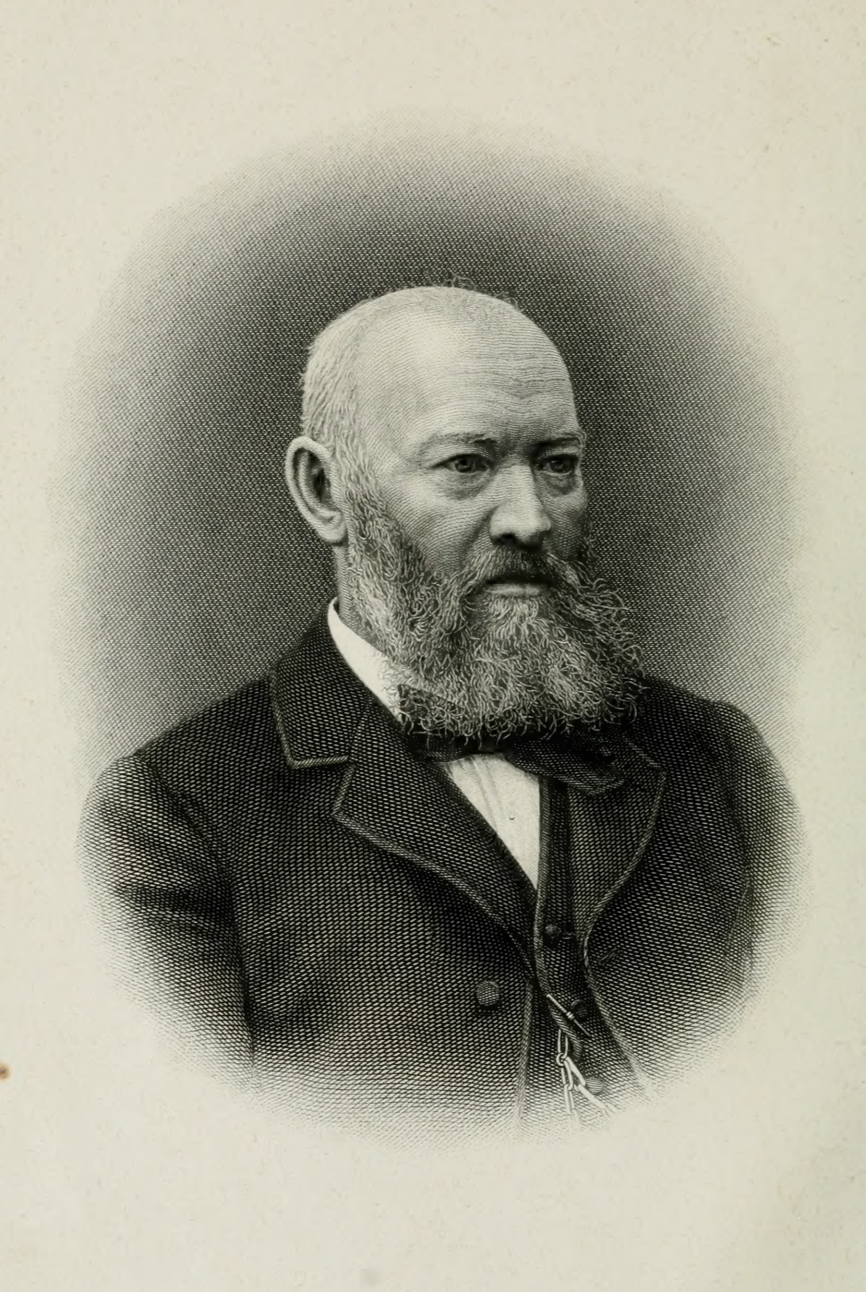

МОСКВА
ИЗДАНІЕ КНИЖН. МАГ. В. ДУМНОВА, ПОДЪ ФИРМОЮ „НАСЛѢДНИКИ БР. САЛАЕВЫХЪ“
1890.

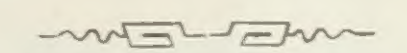

Типографія Э. Лисснера и Ю. Романа,
Воздвиженка, Крестовоздвижен. пер., домъ Э. Лисснера.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

БЕЗПРИДАННИЦА.

ДРАМА ВЪ ЧЕТЫРЕХЪ ДѢЙСТВІЯХЪ.

ДѢЙСТВІЕ ПЕРВОЕ.

ЛИЦА:

Харита Игнатьевна Огудалова, вдова, среднихъ лѣтъ; одѣта изящно, но смѣло и не по лѣтамъ.

Лариса Дмитріевна, ея дочь, дѣвица; одѣта богато, но скромно.

Мокій Парменычъ Кнуровъ, изъ крупныхъ дѣльцовъ послѣдняго времени, пожилой человѣкъ, съ громаднымъ состояніемъ.

Василій Данилычъ Вожеватовъ, очень молодой человѣкъ, одинъ изъ представителей богатой торговой фирмы; по костюму — европеецъ.

Юлій Капитонычъ Карандышевъ, молодой человѣкъ, небогатый чиновникъ.

Сергѣй Сергѣичъ Паратовъ, блестящій баринъ, изъ судохозяевъ, лѣтъ за 30.

Робинзонъ.

Гаврила, клубный буфетчикъ и содержатель кофейной на бульварѣ.

Иванъ, слуга въ кофейной.

Дѣйствіе происходитъ въ настоящее время, въ большомъ городѣ Бряхимовѣ, на Волгѣ.

Городской бульваръ на высокомъ берегу Волги, съ площадкой передъ кофейной. Направо отъ актеровъ — входъ въ кофейную; налѣво — деревья; въ глубинѣ чугунная рѣшетка; за ней видъ на Волгу, на большое пространство: лѣса, села и проч. На площадкѣ столы и стулья: одинъ столъ на правой сторонѣ, подлѣ кофейной; другой — на лѣвой.

ЯВЛЕНІЕ ПЕРВОЕ.

Гаврила *стоитъ въ дверяхъ кофейной;* Иванъ *приводитъ въ порядокъ мебель на площадкѣ.*

Иванъ.

Никого народу-то нѣтъ на бульварѣ.

Гаврила.

По праздникамъ всегда такъ. По старинѣ живемъ: отъ поздней обѣдни всѣ къ пирогу да ко щамъ, а потомъ, послѣ хлѣба-соли, семь часовъ отдыхъ.

Иванъ.

Ужъ и семь! Часика три-четыре. Хорошее это заведеніе.

Гаврила.

А вотъ около вечеренъ проснутся, попьютъ чайку до третьей тоски...

Иванъ.

До тоски! Объ чемъ тосковать-то?

Гаврила.

Посиди за самоваромъ поплотнѣе, поглотай часа два кипятку, такъ узнаешь. Послѣ шестого пота, она, первая-то тоска, подступаетъ... Разстанутся съ чаемъ и выползутъ на бульваръ раздышаться да разгуляться. Теперь чистая публика гуляетъ: вонъ Мокій Парменычъ Кнуровъ проминаетъ себя.

Иванъ.

Онъ каждое утро бульваръ-то мѣряетъ взадъ и впередъ, точно по обѣщанію. И для чего это онъ такъ себя утруждаетъ?

Гаврила.

Для моціону.

Иванъ.

А моціонъ для чего?

Гаврила.

Для аппетиту. А аппетитъ нуженъ ему для обѣда. Какіе обѣды-то у него! Развѣ безъ моціону такой обѣдъ съѣшь?

Иванъ.

Отчего это онъ все молчитъ?

Гаврила.

„Молчитъ". Чудакъ ты… Какъ же ты хочешь, чтобъ онъ разговаривалъ, коли у него милліоны? Съ кѣмъ ему разговаривать? Есть человѣка два-три въ городѣ, съ ними онъ разговариваетъ, а больше не съ кѣмъ; ну, онъ и молчитъ. Онъ и живетъ здѣсь не подолгу отъ этого отъ самаго; да и не жилъ бы, кабы не дѣла. А разговаривать онъ ѣздитъ въ Москву, въ Петербургъ, да за границу — тамъ ему просторнѣе.

Иванъ.

А вотъ Василій Данилычъ изъ-подъ горы идетъ. Вотъ тоже богатый человѣкъ, а разговариваетъ.

Гаврила.

Василій Данилычъ еще молодъ, малодушествомъ занимается, а въ лѣта войдетъ, такой же идолъ будетъ. *(Слѣва выходитъ Кнуровъ и, не обращая вниманія на поклоны Гаврилы и Ивана, садится къ столу, вынимаетъ изъ кармана французскую газету и читаетъ. Справа входитъ Вожеватовъ.)*

ЯВЛЕНІЕ ВТОРОЕ.

Кнуровъ, Вожеватовъ, Гаврила *и* Иванъ.

Вожеватовъ *(почтительно кланяясь)*.

Мокій Парменычъ, честь имѣю кланяться!

Кнуровъ.

А! Василій Данилычъ! *(Подаетъ руку.)* Откуда?

Вожеватовъ.

Съ пристани. *(Садится. Гаврила подходитъ ближе.)*

Кнуровъ.

Встрѣчали кого-нибудь?

Вожеватовъ.

Встрѣчалъ, да не встрѣтилъ. Я вчера отъ Сергѣя Сергѣича Паратова телеграмму получилъ. Я у него пароходъ покупаю.

Гаврила.

Не „Ласточку" ли, Василій Данилычъ?

Вожеватовъ.

Да, „Ласточку". А что̀?

Гаврила.

Рѣзво бѣгаетъ, сильный пароходъ.

Вожеватовъ.

Да вотъ обманулъ Сергѣй Сергѣичъ: не пріѣхалъ.

Гаврила.

Вы ихъ съ Самолетомъ ждали, а они, можетъ, на своемъ пріѣдутъ, на „Ласточкѣ“.

Иванъ.

Василій Данилычъ, да вонъ еще пароходъ бѣжитъ сверху.

Вожеватовъ.

Мало-ль ихъ по Волгѣ бѣгаетъ!

Иванъ.

Это Сергѣй Сергѣичъ ѣдутъ.

Вожеватовъ.

Ты думаешь?

Иванъ.

Да похоже, что они-съ... Кожухи-то на „Ласточкѣ“ больно примѣтны.

Вожеватовъ.

Разберешь ты кожухи за семь верстъ.

Иванъ.

За десять разобрать можно-съ... Да и ходко идетъ, сейчасъ видно, что съ хозяиномъ.

Вожеватовъ.

А далеко?

Иванъ.

Изъ-за острова вышелъ. Такъ и выстилаетъ, такъ и выстилаетъ.

Гаврила.

Ты говоришь, выстилаетъ?

Иванъ.

Выстилаетъ. Страсть! Шибче Самолета бѣжитъ, такъ и мѣряетъ.

Гаврила.

Они ѣдутъ-съ.

Вожеватовъ *(Ивану)*.

Такъ ты скажи, какъ приставать станутъ.

Иванъ.

Слушаю-съ... Чай, изъ пушки выпалятъ.

Гаврила.

Безпремѣнно.

Вожеватовъ.

Изъ какой пушки?

Гаврила.

У нихъ тутъ свои баржи серёдъ Волги на якорѣ.

Вожеватовъ.

Знаю.

Гаврила.

Такъ на баржѣ пушка есть. Когда Сергѣя Сергѣича встрѣчаютъ или провожаютъ, такъ всегда палятъ. *(Взглянувъ въ сторону за кофейную.)* Вонъ и коляска за ними ѣдетъ-съ, извозчицкая, Чиркова-съ! Видно, дали знать Чиркову, что пріѣдутъ. Самъ хозяинъ Чирковъ на козлахъ. Это за ними-съ.

Вожеватовъ.

Да почемъ ты знаешь, что за ними?

Гаврила.

Четыре иноходца въ рядъ, помилуйте, — за ними. Для кого же Чирковъ такую четверню сберетъ? Вѣдь, это ужасти смотрѣть... какъ львы... всѣ четыре на трензеляхъ! А сбруя-то, сбруя-то! За ними-съ.

Иванъ.

И цыганъ съ Чирковымъ на козлахъ сидитъ, въ парадномъ казакинѣ, ремнемъ перетянутъ такъ, что, того гляди, переломится.

Гаврила.

Это за ними-съ. Некому больше на такой четверкѣ ѣздить. Они-съ.

Кнуровъ.

Съ шикомъ живетъ Паратовъ.

Вожеватовъ.

Ужъ чего другого, а шику довольно.

Кнуровъ.

Дешево пароходъ-то покупаете?

Вожеватовъ.

Дешево, Мокій Парменычъ!

Кнуровъ.

Да, разумѣется, а то, что̀ за расчетъ покупать. Зачѣмъ онъ продаетъ?

Вожеватовъ.

Знать, выгоды не находитъ.

Кнуровъ.

Конечно, гдѣ-жъ ему! Не барское это дѣло. Вотъ вы выгоду найдете, коли дешево-то купите.

Вожеватовъ.

Намъ кстати: у насъ на низу грузу много.

Кнуровъ.

Не деньги-ль понадобились?... Онъ, вѣдь, мотоватъ.

Вожеватовъ.

Его дѣло. Деньги у насъ готовы.

Кнуровъ.

Да, съ деньгами можно дѣла дѣлать, можно. *(Съ улыбкой.)* Хорошо тому, Василій Данилычъ, у кого денегъ-то много.

Вожеватовъ.

Дурно ли дѣло! Вы сами, Мокій Парменычъ, это лучше всякаго знаете.

Кнуровъ.

Знаю, Василій Данилычъ, знаю.

Вожеватовъ.

Не выпьемъ ли холодненькаго, Мокій Парменычъ?

Кнуровъ.

Что̀ вы, утромъ-то! Я еще не завтракалъ...

Вожеватовъ.

Ничего-съ. Мнѣ одинъ англичанинъ, — онъ директоръ на фабрикѣ, — говорилъ, что отъ насморка хорошо шампанское натощакъ пить. А я вчера простудился немного.

Кнуровъ.

Какимъ образомъ? Такое тепло стоитъ.

Вожеватовъ.

Да все имъ же и простудился-то: холодно очень подали.

Кнуровъ.

Нѣтъ, что̀ хорошаго; люди посмотрятъ, скажутъ: ни свѣтъ, ни заря — шампанское пьютъ.

Вожеватовъ.

А чтобъ люди чего дурного не сказали, такъ мы станемъ чай пить.

Кнуровъ.

Ну, чай — другое дѣло.

Вожеватовъ *(Гаврилѣ)*.

Гаврила, дай-ка намъ чайку моего, понимаешь?... *Моего!*

Гаврила.

Слушаю-съ. *(Уходитъ.)*

Кнуровъ.

Вы развѣ особенный какой пьете?

Вожеватовъ.

Да все то же шампанское, только въ чайники онъ разольетъ и стаканы съ блюдечками подастъ.

Кнуровъ.

Остроумно.

Вожеватовъ.

Нужда-то всему научитъ, Мокій Парменычъ!

Кнуровъ.

Ѣдете въ Парижъ-то, на выставку?

Вожеватовъ.

Вотъ куплю пароходъ да отправлю его внизъ за грузомъ и поѣду.

Кнуровъ.

И я на-дняхъ: ужъ меня ждутъ. *(Гаврила приноситъ на подносѣ два чайника съ шампанскимъ и два стакана.)*

Вожеватовъ *(наливая)*.

Слышали новость, Мокій Парменычъ? Лариса Дмитріевна замужъ выходитъ.

Кнуровъ.

Какъ замужъ? Что̀ вы! За кого?

Вожеватовъ.

За Карандышева.

Кнуровъ.

Что̀ за вздоръ такой? Вотъ фантазія! Ну, что̀ такое Карандышевъ? Не пара, вѣдь, онъ ей, Василій Данилычъ!

Вожеватовъ.

Какая ужъ пара! Да что̀-жъ дѣлать-то, гдѣ взять жениховъ-то? Вѣдь, она безприданница.

Кнуровъ.

Безприданницы-то и находятъ жениховъ хорошихъ.

Вожеватовъ.

Не то время. Прежде жениховъ-то много было, такъ и на безприданницъ хватало; а теперь жениховъ-то въ самый обрѣзъ: сколько приданыхъ, столько и жениховъ, лишнихъ нѣтъ — безприданницамъ-то и недостаетъ. Развѣ бы Харита Игнатьевна отдала за Карандышева, кабы лучше были?

Кнуровъ.

Бойкая женщина.

Вожеватовъ.

Она, должно быть, не русская.

Кнуровъ.

Отчего?

Вожеватовъ.

Ужъ очень проворна.

Кнуровъ.

Какъ это она оплошала? Огудаловы все-таки фамилія порядочная, и вдругъ за какого-то Карандышева!... Да съ ея-то ловкостью!.. Всегда полонъ домъ холостыхъ...

Вожеватовъ.

Ѣздить-то къ ней всѣ ѣздятъ, потому что весело очень: барышня хорошенькая, играетъ на разныхъ инструментахъ, поетъ, обращеніе свободное, оно и тянетъ... Ну, а жениться-то надо подумавши.

Кнуровъ.

Вѣдь выдала же она двухъ?

Вожеватовъ.

Выдать-то выдала, да надо ихъ спросить, сладко ли имъ жить-то. Старшую увезъ какой-то горецъ, кавказскій князекъ. Вотъ потѣха-то была!.. Какъ увидалъ, затрясся, заплакалъ

даже, — такъ двѣ недѣли и стоялъ подлѣ нея, за кинжалъ держался да глазами сверкалъ, чтобъ не подходилъ никто. Женился и уѣхалъ, да, говорятъ, не довезъ до Кавказа-то, зарѣзалъ на дорогѣ отъ ревности. Другая тоже за какого-то иностранца вышла, а онъ послѣ оказался совсѣмъ не иностранецъ, а шуллеръ.

Кнуровъ.

Огудалова разочла не глупо: состояніе небольшое, давать приданое не изъ чего, такъ она живетъ открыто, всѣхъ принимаетъ.

Вожеватовъ.

Любитъ и сама пожить весело. А средства у нея такъ не велики, что даже и на такую жизнь недостаетъ.

Кнуровъ.

Гдѣ же она беретъ?

Вожеватовъ.

Женихи платятся. Какъ кому понравилась дочка, такъ и раскошеливайся... Потомъ на приданое возьметъ съ жениха, а приданаго не спрашивай.

Кнуровъ.

Ну, я думаю, не одни женихи платятся, а и вамъ, напримѣръ, частое посѣщеніе этого семейства не дешево обходится.

Вожеватовъ.

Не разорюсь, Мокій Парменычъ! Что̀-жъ дѣлать, за удовольствія платить надо: они даромъ не достаются; а бывать у нихъ въ домѣ большое удовольствіе.

Кнуровъ.

Дѣйствительно, удовольствіе, это вы правду говорите.

Вожеватовъ.

А сами почти никогда не бываете.

Кнуровъ.

Да неловко: много у нихъ всякаго сброду бываетъ, потомъ встрѣчаются, кланяются, разговаривать лѣзутъ. Вотъ, напримѣръ, Карандышевъ, ну, что̀ за знакомство для меня?

Вожеватовъ.

Да, у нихъ въ домѣ на базаръ похоже.

Кнуровъ.

Ну, что̀ хорошаго? Тотъ лѣзетъ къ Ларисѣ Дмитріевнѣ съ комплиментами, другой съ нѣжностями, такъ и жужжатъ, не даютъ съ ней слова сказать. Пріятно съ ней одной почаще видѣться — безъ помѣхи.

Вожеватовъ.

Жениться надо.

Кнуровъ.

Жениться! Не всякому можно, да не всякій и захочетъ; вотъ я, напримѣръ, женатый.

Вожеватовъ.

Такъ ужъ нечего дѣлать... Хорошъ виноградъ, да зеленъ, Мокій Парменычъ!

Кнуровъ.

Вы думаете?

Вожеватовъ.

Видимое дѣло. Не такихъ правилъ люди: мало-ль случаевъ-то было, да вотъ не польстились, хоть за Карандышева, да замужъ.

Кнуровъ.

А хорошо бы съ такой барышней въ Парижъ прокатиться на выставку!

Вожеватовъ.

Да, не скучно будетъ, прогулка пріятная. Какіе у васъ планы-то, Мокій Парменычъ!

Кнуровъ.

Да и у васъ этихъ плановъ-то не было ли тоже?

Вожеватовъ.

Гдѣ мнѣ! Я простоватъ на такія дѣла. Смѣлости у меня съ женщинами нѣтъ: воспитаніе, знаете ли, такое, ужъ очень нравственное, патріархальное получилъ.

Кнуровъ.

Ну, да, толкуйте! У васъ шансовъ больше моего: молодость — великое дѣло. Да и денегъ не пожалѣете; дешево пароходъ покупаете, такъ изъ барышей-то можно. А вѣдь, чай, не дешевле „Ласточки“ обошлось бы.

Вожеватовъ.

Всякому товару цѣна есть, Мокій Парменычъ! Я хоть молодъ, а не зарвусь: лишняго не передамъ.

Кнуровъ.

Не ручайтесь! Долго ли съ вашими лѣтами влюбиться, а ужъ тогда какіе расчеты!

Вожеватовъ.

Нѣтъ, какъ-то я, Мокій Парменычъ, въ себѣ этого совсѣмъ не замѣчаю.

Кнуровъ.

Чего?

Вожеватовъ.

А вотъ, что̀ любовью-то называютъ.

Кнуровъ.

Похвально, хорошимъ купцомъ будете. А все-таки вы съ ней гораздо ближе, чѣмъ другіе.

Вожеватовъ.

Да въ чемъ моя близость? Лишній стаканчикъ шампанскаго потихоньку отъ матери иногда налью, пѣсенку выучу, романы вожу, которые дѣвушкамъ читать не даютъ.

Кнуровъ.

Развращаете, значитъ, понемножку.

Вожеватовъ.

Да мнѣ что̀! Я, вѣдь, насильно не навязываю... Что̀-жъ мнѣ объ ея нравственности заботиться! Я не опекунъ.

Кнуровъ.

Я все удивляюсь, неужели у Ларисы Дмитріевны, кромѣ Карандышева, жениховъ не было?

Вожеватовъ.

Были, да, вѣдь, она простовата.

Кнуровъ.

Какъ простовата? То-есть глупа?

Вожеватовъ.

Не глупа, а хитрости нѣтъ, не въ матушку. У той все хитрость да лесть, а эта вдругъ, ни съ того, ни съ сего, и скажетъ, что̀ не надо.

Кнуровъ.

То-есть, правду?

Вожеватовъ.

Да, правду, а безприданницамъ такъ нельзя. Къ кому рас-

положена, нисколько этого не скрываетъ. Вотъ Сергѣй Сергѣичъ Паратовъ въ прошломъ году появился, наглядѣться на него не могла, а онъ мѣсяца два поѣздилъ, жениховъ всѣхъ отбилъ, да и слѣдъ его простылъ, исчезъ неизвѣстно куда.

Кнуровъ.

Чтò-жъ съ нимъ сдѣлалось?

Вожеватовъ.

Кто его знаетъ; вѣдь онъ мудреный какой-то. А ужъ какъ она его любила, чуть не умерла съ горя! Какая чувствительная! *(Смѣется.)* Бросилась за нимъ догонять; ужъ мать со второй станціи воротила.

Кнуровъ.

А послѣ Паратова были женихи?

Вожеватовъ.

Набѣгали двое: старикъ какой-то съ подагрой, да разбогатѣвшій управляющій какого-то князя, вѣчно пьяный. Ужъ Ларисѣ и не до нихъ, а любезничать надо было: маменька приказываетъ.

Кнуровъ.

Однако, положеніе ея незавидное.

Вожеватовъ.

Да, смѣшно даже. У нея иногда слезинки на глазахъ видны, поплакать задумала, а маменька улыбаться велитъ. Потомъ вдругъ проявился этотъ кассиръ. Вотъ бросалъ деньгами-то, такъ и засыпалъ Хариту Игнатьевну. Отбилъ всѣхъ, да не долго покуражился: у нихъ въ домѣ его и арестовали. Скандалище здоровый! *(Смѣется.)* Съ мѣсяцъ Огудаловымъ никуда глазъ показать было нельзя. Тутъ ужъ Лариса наотрѣзъ матери объявила: „довольно, говоритъ, съ насъ сраму-то; за перваго пойду, кто посватается, богатъ ли, бѣденъ ли, разбирать не буду.“ А Карандышевъ и тутъ, какъ тутъ, съ предложеніемъ.

Кнуровъ.

Откуда взялся этотъ Карандышевъ?

Вожеватовъ.

Онъ давно у нихъ въ домѣ вертится, года три. Гнать не гнали, а и почету большого не было. Когда перемежка случилась, никого изъ богатыхъ жениховъ въ виду не было, такъ и его

придерживали, слегка приглашали, чтобъ не совсѣмъ пусто было въ домѣ. А какъ бывало набѣжитъ какой-нибудь богатенькій, такъ просто жалость было смотрѣть на Карандышева; и не говорятъ съ нимъ, и не смотрятъ на него. А онъ-то, въ углу сидя, разныя роли разыгрываетъ, дикіе взгляды бросаетъ, отчаяннымъ прикидывается. Разъ застрѣлиться хотѣлъ, да не вышло ничего, только насмѣшилъ всѣхъ... А то вотъ потѣха-то: былъ у нихъ, какъ-то еще при Паратовѣ, костюмированный вечеръ; такъ Карандышевъ одѣлся разбойникомъ, взялъ въ руки топоръ и бросалъ на всѣхъ звѣрскіе взгляды, особенно на Сергѣя Сергѣича.

Кнуровъ.

И что̀ же?

Вожеватовъ.

Топоръ отняли и переодѣться велѣли, а то, молъ, пошелъ вонъ!

Кнуровъ.

Значитъ, онъ за постоянство награжденъ. Радъ, я думаю.

Вожеватовъ.

Еще какъ радъ-то, сіяетъ, какъ апельсинъ. Что̀ смѣху-то! Вѣдь онъ у насъ чудакъ. Ему бы жениться поскорѣй, да уѣхать въ свое имѣньишко, пока разговоры утихнутъ, такъ и Огудаловымъ хотѣлось, а онъ таскаетъ Ларису на бульваръ, ходитъ съ ней подъ руку, голову такъ высоко поднялъ, что, того гляди, наткнется на кого-нибудь. Да еще очки надѣлъ зачѣмъ-то, а никогда ихъ не носилъ. Кланяется — едва киваетъ; тонъ какой взялъ; прежде и не слыхать его было, а теперь все: „я да я, я хочу, я желаю“.

Кнуровъ.

Какъ мужикъ русскій: мало радости, что пьянъ, надо поломаться, чтобъ всѣ видѣли. Поломается, поколотятъ его раза два, ну, онъ и доволенъ, и идетъ спать.

Вожеватовъ.

Да, кажется, и Карандышеву не миновать.

Кнуровъ.

Бѣдная дѣвушка; какъ она страдаетъ, на него глядя, я думаю.

Вожеватовъ.

Квартиру свою вздумалъ отдѣлывать, вотъ чудитъ-то. Въ кабинетѣ коверъ грошовый на стѣну прибилъ, кинжаловъ, пистолетовъ тульскихъ навѣшалъ; ужъ диви бы охотникъ, а то и ружье-то никогда въ руки не бралъ. Тащитъ къ себѣ, показываетъ; надо хвалить, а то обидишь — человѣкъ самолюбивый, завистливый. Лошадь изъ деревни выписалъ, клячу какую-то разношерстную; кучеръ маленькій, а кафтанъ на немъ съ большого. И возитъ на этомъ верблюдѣ-то Ларису Дмитріевну, сидитъ такъ гордо, будто на тысячныхъ рысакахъ ѣдетъ. Съ бульвара выходитъ, такъ кричитъ городовому: „прикажи подавать мой экипажъ!“ Ну, и подъѣзжаетъ этотъ экипажъ съ музыкой: всѣ винты, всѣ гайки дребезжатъ на разные голоса, а рессоры-то трепещутся, какъ живыя.

Кнуровъ.

Жаль бѣдную Ларису Дмитріевну, жаль...

Вожеватовъ.

Что̀ это вы очень жалостливы стали?

Кнуровъ.

Да развѣ вы не видите, что эта женщина создана для роскоши. Дорогой брильянтъ дорогой и оправы требуетъ.

Вожеватовъ.

И хорошаго ювелира.

Кнуровъ.

Совершенную правду вы сказали. Ювелиръ — не простой мастеровой: онъ долженъ быть художникомъ. Въ нищенской обстановкѣ, да еще за дуракомъ мужемъ, она или погибнетъ, или опошлится.

Вожеватовъ.

А я такъ думаю, что броситъ она его скорехонько. Теперь еще она, какъ убитая, а вотъ оправится да поглядитъ на мужа попристальнѣе, каковъ онъ... *(Тихо.)* Вотъ они, легки на поминѣ-то... *(Входятъ Карандышевъ, Огудалова, Лариса. Вожеватовъ встаетъ и кланяется. Кнуровъ вынимаетъ газету.)*

ЯВЛЕНІЕ ТРЕТЬЕ.

Кнуровъ, Вожеватовъ, Карандышевъ, Огудалова, Лариса *(въ глубинѣ садится на скамейку у рѣшетки и смотритъ въ бинокль на Волгу.)* Гаврила и Иванъ.

Огудалова *(подходя къ столу).*

Здравствуйте, господа! *(Карандышевъ подходитъ за ней. Вожеватовъ подаетъ руку Огудаловой и Карандышеву. Кнуровъ, молча и не вставая съ мѣста, подаетъ руку Огудаловой, слегка киваетъ Карандышеву и погружается въ чтеніе газеты.)*

Вожеватовъ.

Харита Игнатьевна, присядьте, милости просимъ! *(Подвигаетъ стулъ, Огудалова садится.)* Чайку не прикажете ли? *(Карандышевъ садится поодаль.)*

Огудалова.

Пожалуй, чашку выпью.

Вожеватовъ.

Иванъ, подай чашку, да прибавь кипяточку! *(Иванъ беретъ чайникъ и уходитъ.)*

Карандышевъ.

Чтò за странная фантазія пить чай въ это время? Удивляюсь.

Вожеватовъ.

Жажда, Юлій Капитонычъ, а чтò пить — не знаю. Посовѣтуйте, — буду очень благодаренъ.

Карандышевъ *(смотритъ на часы).*

Теперь полдень, можно выпить рюмочку водки, съѣсть котлетку, выпить стаканчикъ вина хорошаго, — я всегда такъ завтракаю.

Вожеватовъ *(Огудаловой).*

Вотъ жизнь-то, Харита Игнатьевна, позавидуешь! *(Карандышеву.)* Пожилъ бы, кажется, хоть денекъ на вашемъ мѣстѣ. Водочки да винца! Намъ такъ нельзя-съ, пожалуй, разумъ потеряешь. Вамъ можно все: вы капитала не проживаете, потому его нѣтъ, а ужъ мы такіе горькіе зародились на свѣтъ: у насъ дѣла очень велики, такъ намъ разума-то

терять и нельзя. *(Иванъ подаетъ чайникъ и чашки.)* Я и чай-то холодный пью, чтобы люди не сказали, что я горячіе напитки употребляю.

Огудалова.

Чай-то холодный, только, Вася, ты мнѣ крѣпко налилъ.

Вожеватовъ.

Ничего-съ. Выкушайте, сдѣлайте одолженіе! На воздухѣ не вредно.

Карандышевъ *(Ивану)*.

Приходи ко мнѣ сегодня служить за обѣдомъ!

Иванъ.

Слушаю-съ, Юлій Капитонычъ!

Карандышевъ.

Ты, братецъ, почище одѣнься!

Иванъ.

Извѣстно дѣло, фракъ; нешто не понимаемъ-съ.

Карандышевъ.

Василій Данилычъ, вотъ чтò: пріѣзжайте-ка вы ко мнѣ обѣдать сегодня!

Вожеватовъ.

Покорно благодарю... Мнѣ тоже во фракѣ прикажете?

Карандышевъ.

Какъ вамъ угодно, не стѣсняйтесь. Однако, дамы будутъ.

Вожеватовъ *(кланяясь)*.

Слушаю-съ. Надѣюсь не уронить себя.

Карандышевъ *(переходитъ къ Кнурову)*.

Мокій Парменычъ, не угодно ли вамъ будетъ сегодня отобѣдать у меня?

Кнуровъ *(съ удивленіемъ оглядываетъ его)*.

У васъ?

Огудалова.

Мокій Парменычъ, это все равно, что у насъ, — этотъ обѣдъ для Ларисы.

Кнуровъ.

Да, такъ это вы приглашаете? Хорошо, я пріѣду.

Карандышевъ.

Такъ ужъ я буду надѣяться.

Кнуровъ.

Ужъ я сказалъ, что пріѣду. *(Читаетъ газету.)*

Огудалова.

Юлій Капитонычъ мой будущій зять, я выдаю за него Ларису.

Кнуровъ *(продолжая читать).*

Это ваше дѣло.

Карандышевъ.

Да-съ, Мокій Парменычъ, я рискнулъ. Я вообще всегда былъ выше предразсудковъ... *(Кнуровъ закрывается газетой.)*

Вожеватовъ *(Огудаловой).*

Мокій Парменычъ строгъ...

Карандышевъ *(отходя отъ Кнурова къ Вожеватову).*

Я желаю, чтобъ Ларису Дмитріевну окружали только избранные люди.

Вожеватовъ.

Значитъ, и я къ избранному обществу принадлежу? Благодарю, не ожидалъ. *(Гаврилъ.)* Гаврила, сколько съ меня за чай?

Гаврила.

Двѣ порціи изволили спрашивать?

Вожеватовъ.

Да, двѣ порціи.

Гаврила.

Такъ ужъ сами знаете, Василій Данилычъ, не въ первый разъ... Тринадцать рублей-съ...

Вожеватовъ.

То-то, я думалъ, что подешевле стало.

Гаврила.

Съ чего дешевле-то быть? Курсы, пошлина, помилуйте!

Вожеватовъ.

Да вѣдь я не спорю съ тобой, чтò ты пристаешь! Получай деньги и отстань! *(Отдаетъ деньги.)*

Карандышевъ.

За чтò такъ дорого, я не понимаю.

Гаврила.

Кому дорого, а кому нѣтъ... Вы такого чаю не кушаете.

Огудалова *(Карандышеву).*

Перестаньте вы, не мѣшайтесь не въ свое дѣло!

Иванъ.

Василій Данилычъ, „Ласточка“ подходитъ.

Вожеватовъ.

Мокій Парменычъ, „Ласточка“ подходитъ, не угодно ли взглянуть? Мы внизъ не пойдемъ, съ горы посмотримъ.

Кнуровъ.

Пойдемте. Любопытно. *(Встаетъ.)*

Огудалова.

Вася, я доѣду на твоей лошади.

Вожеватовъ.

Поѣзжайте, только пришлите поскорѣй! *(Подходитъ къ Ларисѣ и говоритъ съ ней тихо.)*

Огудалова *(подходитъ къ Кнурову).*

Мокій Парменычъ, затѣяли мы свадьбу, такъ не повѣрите, сколько хлопотъ...

Кнуровъ.

Да...

Огудалова.

И вдругъ такіе расходы, которыхъ никакъ нельзя было ожидать... Вотъ завтра рожденье Ларисы, хотѣлось бы что̀-нибудь подарить...

Кнуровъ.

Хорошо, я къ вамъ заѣду. *(Огудалова уходитъ.)*

Лариса *(Вожеватову).*

До свиданія, Вася! *(Вожеватовъ и Кнуровъ уходятъ. Лариса подходитъ къ Карандышеву.)*

ЯВЛЕНІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

Карандышевъ *и* Лариса.

Лариса.

Я сейчасъ все за Волгу смотрѣла; какъ тамъ хорошо, на той сторонѣ! Поѣдемте поскорѣй въ деревню!

Карандышевъ.

Вы за Волгу смотрѣли. А что̀ съ вами Вожеватовъ говорилъ?

Лариса.

Ничего, такъ пустяки какіе-то. Меня такъ и манитъ за Волгу, въ лѣсъ... *(Задумчиво.)* Уѣдемте, уѣдемте отсюда!

Карандышевъ.

Однако, это странно! Объ чемъ онъ могъ съ вами разговаривать?

Лариса.

Ахъ, да объ чемъ бы онъ ни говорилъ, что̀ вамъ за дѣло?

Карандышевъ.

Называете его Васей. Что̀ за фамильярность съ молодымъ человѣкомъ?

Лариса.

Мы съ малолѣтства знакомы; еще маленькіе играли вмѣстѣ; ну, я и привыкла.

Карандышевъ.

Вамъ надо старыя привычки бросить. Что̀ за короткость съ пустымъ, глупымъ мальчикомъ? Нельзя же терпѣть того, что̀ у васъ до сихъ поръ было.

Лариса *(обидясь)*.

У насъ ничего дурного не было.

Карандышевъ.

Былъ цыганскій таборъ-съ, вотъ что̀ было. *(Лариса утираетъ слезы.)* Чѣмъ же вы обидѣлись, помилуйте!

Лариса.

Что̀-жъ, можетъ быть, и цыганскій таборъ; только въ немъ было, по крайней мѣрѣ, весело. Сумѣете ли вы дать мнѣ что̀-нибудь лучше этого табора?

Карандышевъ.

Ужъ конечно.

Лариса.

Зачѣмъ вы постоянно попрекаете меня этимъ таборомъ? Развѣ мнѣ самой такая жизнь нравилась? Мнѣ было приказано, такъ нужно было маменькѣ; значитъ, волей или неволей я должна была вести такую жизнь... Колоть безпрестанно

мнѣ глаза цыганской жизнью или глупо, или безжалостно. Если-бъ я не искала тишины, уединенія, не захотѣла бѣжать отъ людей, развѣ бы я пошла за васъ? Такъ умѣйте это понять и не приписывать моего выбора своимъ достоинствамъ: я ихъ еще не вижу. Я еще только хочу полюбить васъ, меня манитъ скромная, семейная жизнь; она мнѣ кажется какимъ-то раемъ. Вы видите, я стою на распутьи: поддержите меня, мнѣ нужно ободреніе, сочувствіе; относитесь ко мнѣ нѣжно, съ лаской! Ловите эти минуты и не пропустите ихъ!

Карандышевъ.

Лариса Дмитріевна, я совсѣмъ не хотѣлъ васъ обидѣть, это я сказалъ такъ.

Лариса.

Чтò значитъ „такъ“? То-есть не подумавши; вы не понимаете, что въ вашихъ словахъ обида, такъ чтò ли?

Карандышевъ.

Конечно, я безъ умыслу.

Лариса.

Такъ это еще хуже. Надо думать, о чемъ говоришь. Болтайте съ другими, если вамъ нравится, а со мной говорите осторожнѣе. Развѣ вы не видите, что положеніе мое очень серьезно? Каждое слово, которое я сама говорю и которое я слышу, я чувствую. Я сдѣлалась очень чутка и впечатлительна.

Карандышевъ.

Въ такомъ случаѣ, я прошу извинить меня.

Лариса.

Да Богъ съ вами, только впередъ будьте осторожнѣе! *(Задумчиво.)* Цыганскій таборъ... Да, это, пожалуй, правда... Но въ этомъ таборѣ были и хорошіе, и благородные люди.

Карандышевъ.

Кто же эти благородные люди? Ужъ не Сергѣй ли Сергѣичъ Паратовъ?

Лариса.

Нѣтъ, я прошу васъ, вы не говорите о немъ.

Карандышевъ.

Да почему-же-съ?

Лариса.

Вы его не знали, да хоть бы и знали, такъ... извините, не вамъ о немъ судить.

Карандышевъ.

Объ людяхъ судятъ по поступкамъ. Развѣ онъ хорошо поступилъ съ вами?

Лариса.

Это ужъ мое дѣло. Если я боюсь и не смѣю осуждать его, такъ не позволю и вамъ.

Карандышевъ.

Лариса Дмитріевна, скажите мнѣ, только, прошу васъ, говорите откровенно!

Лариса.

Чтò вамъ угодно?

Карандышевъ.

Ну, чѣмъ я хуже Паратова?

Лариса.

Ахъ, нѣтъ, оставьте!

Карандышевъ.

Позвольте, отчего же?

Лариса.

Не надо, не надо! Чтò за сравненія!

Карандышевъ.

А мнѣ бы интересно было слышать отъ васъ.

Лариса.

Не спрашивайте, не нужно!

Карандышевъ.

Да почему же?

Лариса.

Потому, что сравненіе не будетъ въ вашу пользу. Сами по себѣ вы что-нибудь значите: вы хорошій, честный человѣкъ, но отъ сравненія съ Сергѣемъ Сергѣичемъ вы теряете все.

Карандышевъ.

Вѣдь это только слова, нужны доказательства. Вы разберите насъ хорошенько!

Лариса.

Съ кѣмъ вы равняетесь? Возможно ли такое ослѣпленіе!.. Сергѣй Сергѣичъ... это идеалъ мужчины. Вы понимате, чтò

такое идеалъ? Быть можетъ, я ошибаюсь, я еще молода, не знаю людей; но это мнѣніе измѣнить во мнѣ нельзя: оно умретъ со мною!

Карандышевъ.

Не понимаю-съ, не понимаю, чтò въ немъ особеннаго; ничего, ничего не вижу. Смѣлость какая-то, дерзость... Да это всякій можетъ, если захочетъ.

Лариса.

Да вы знаете, какая это смѣлость?

Карандышевъ.

Да какая-жъ такая, чтò тутъ необыкновеннаго? Стóитъ только напустить на себя.

Лариса.

А вотъ какая, я вамъ разскажу одинъ случай. Проѣзжалъ здѣсь одинъ кавказскій офицеръ, знакомый Сергѣя Сергѣича, отличный стрѣлокъ; были они у насъ; Сергѣй Сергѣичъ и говоритъ: „я слышалъ, вы хорошо стрѣляете“. Да, не дурно, говоритъ офицеръ. Сергѣй Сергѣичъ даетъ ему пистолетъ, ставитъ себѣ стаканъ на голову и отходитъ въ другую комнату, шаговъ на двѣнадцать. „Стрѣляйте“, говоритъ.

Карандышевъ.

И онъ стрѣлялъ?

Лариса.

Стрѣлялъ и, разумѣется, сшибъ стаканъ, но только поблѣднѣлъ немного. Сергѣй Сергѣичъ говоритъ: „вы прекрасно стрѣляете, но вы поблѣднѣли, стрѣляя въ мужчину и человѣка вамъ не близкаго. Смотрите, я буду стрѣлять въ дѣвушку, которая для меня дороже всего на свѣтѣ, и не поблѣднѣю“. Даетъ мнѣ держать какую-то монету, равнодушно, съ улыбкой, стрѣляетъ на такомъ же разстояніи и выбиваетъ ее.

Карандышевъ.

И вы послушали его?

Лариса.

Да развѣ можно его не послушать?

Карандышевъ.

Развѣ ужъ вы были такъ увѣрены въ немъ?

Лариса.

Чтò вы? Да развѣ можно быть въ немъ неувѣренной?

Карандышевъ.

Сердца нѣтъ, оттого онъ такъ и смѣлъ.

Лариса.

Нѣтъ, и сердце есть. Я сама видѣла, какъ онъ помогалъ бѣднымъ, какъ отдавалъ всѣ деньги, которыя были съ нимъ.

Карандышевъ.

Ну, положимъ, Паратовъ имѣетъ какія-нибудь достоинства, по крайней мѣрѣ, въ глазахъ вашихъ; а что̀ такое этотъ купчикъ Вожеватовъ, этотъ вашъ Вася?

Лариса.

Вы не ревновать ли? Нѣтъ, ужъ вы эти глупости оставьте! Это пóшло, я не переношу этого, я вамъ заранѣе говорю. Не бойтесь, я не люблю и не полюблю никого.

Карандышевъ.

А если-бъ явился Паратовъ?

Лариса.

Разумѣется, если-бъ явился Сергѣй Сергѣичъ и былъ свободенъ, такъ довольно одного его взгляда... Успокойтесь, онъ не явился, а теперь хоть и явится, такъ ужъ поздно. Вѣроятно, мы никогда и не увидимся болѣе. *(На Волгѣ пушечный выстрѣлъ.)* Что̀ это?

Карандышевъ.

Какой-нибудь купецъ-самодуръ слѣзаетъ съ своей баржи, такъ въ честь его салютуютъ.

Лариса.

Ахъ, какъ я испугалась!

Карандышевъ.

Чего? Помилуйте!

Лариса.

У меня нервы разстроены. Я сейчасъ съ этой скамейки внизъ смотрѣла, и у меня закружилась голова. Тутъ можно очень ушибиться?

Карандышевъ.

Ушибиться! Тутъ вѣрная смерть; внизу мощено камнемъ. Да, впрочемъ, тутъ такъ высоко, что умрешь прежде, чѣмъ долетишь до земли.

Лариса.

Пойдемте домой, пора!

Карандышевъ.

Да и мнѣ нужно: у меня, вѣдь, обѣдъ.

Лариса *(подойдя къ рѣшеткѣ).*

Подождите немного. *(Смотритъ внизъ.)* Ай, ай, держите меня!

Карандышевъ *(беретъ Ларису за руку).*

Пойдемте, что за ребячество! *(Уходятъ. Гаврила и Иванъ выходятъ изъ кофейной.)*

ЯВЛЕНІЕ ПЯТОЕ.

Гаврила *и* Иванъ.

Иванъ.

Пушка! Баринъ пріѣхалъ, баринъ пріѣхалъ, Сергѣй Сергѣичъ.

Гаврила.

Я говорилъ, что онъ. Ужъ я знаю: видно сокола по полету.

Иванъ.

Коляска пустая въ гору ѣдетъ, значитъ господа пѣшкомъ идутъ... Да вонъ они! *(Убѣгаетъ въ кофейную.)*

Гаврила.

Милости просимъ. Чѣмъ только ихъ потчевать-то, не сообразишь. *(Входятъ: Паратовъ (черный однобортный сертукъ въ обтяжку, высокіе лаковые сапоги, бѣлая фуражка, черезъ плечо дорожная сумка), Робинзонъ (въ плащѣ, правая пола закинута на лѣвое плечо, мягкая, высокая шляпа надѣта на бокъ), Кнуровъ, Вожеватовъ. Иванъ выбѣгаетъ изъ кофейной съ вѣничкомъ и бросается обметать Паратова.)*

ЯВЛЕНІЕ ШЕСТОЕ.

Паратовъ, Робинзонъ, Кнуровъ, Вожеватовъ, Гаврила *и* Иванъ.

Паратовъ *(Ивану).*

Да что ты! Я съ воды... на Волгѣ-то не пыльно.

Иванъ.

Все-таки, сударь, нельзя же... порядокъ требуетъ. Цѣлый годъ-то васъ не видали, да чтобы... съ пріѣздомъ, сударь...

Паратовъ.

Ну хорошо, спасибо! На! *(Даетъ ему рублевую бумажку.)*

Иванъ.

Покорнѣйше благодаримъ-съ. *(Отходитъ.)*

Паратовъ.

Такъ вы меня, Василій Данилычъ, съ Самолетомъ ждали?

Вожеватовъ.

Да вѣдь я не зналъ, что вы на своей „Ласточкѣ“ прилетите; я думалъ, что она съ баржами идетъ.

Паратовъ.

Нѣтъ, я баржи продалъ. Я думалъ нынче рано утромъ пріѣхать; мнѣ хотѣлось обогнать Самолетъ, да трусъ машинистъ. Кричу кочегарамъ „муруй!“ — а онъ у нихъ дрова отнимаетъ. Вылѣзъ изъ своей мурьи: „Если вы, говоритъ, хоть полѣно еще подкинете, я за бортъ выброшусь“. Боялся, что котелъ не выдержитъ, цыфры мнѣ какія-то на бумажкѣ выводилъ, давленіе разсчитывалъ. Иностранецъ, голландецъ онъ, душа коротка; у нихъ ариѳметика вмѣсто души-то... А я, господа, и позабылъ познакомить васъ съ моимъ другомъ. Мокій Парменычъ, Василій Данилычъ, рекомендую — Робинзонъ. *(Робинзонъ раскланивается и подаетъ руку Кнурову и Вожеватову.)*

Вожеватовъ.

А какъ ихъ по имени и отчеству?

Паратовъ.

Такъ, просто, Робинзонъ, безъ имени и отчества.

Робинзонъ *(Паратову)*.

Сержъ!

Паратовъ.

Что̀ тебѣ?

Робинзонъ.

Полдень, мой другъ, я стражду.

Паратовъ.

А вотъ, погоди, въ гостиницу пріѣдемъ.

Робинзонъ *(показывая на кофейную)*.

Voila!

Паратовъ.

Ну, ступай, чортъ съ тобой! *(Робинзонъ идетъ въ кофейную.)* Гаврила, ты этому барину больше одной рюмки не давай; онъ характера непокойнаго.

Робинзонъ *(пожимая плечами).*

Сержъ! *(Уходитъ въ кофейную, Гаврила за нимъ.)*

Паратовъ.

Это, господа, провинціальный актеръ, Счастливцевъ Аркадій.

Вожеватовъ.

Почему же онъ Робинзонъ?

Паратовъ.

А вотъ почему: ѣхалъ онъ на какомъ-то пароходѣ, ужъ не знаю, съ другомъ своимъ, съ купеческимъ сыномъ Непутевымъ; разумѣется, оба пьяные, до послѣдней возможности. Творили они, что̀ только въ голову придетъ; публика все терпѣла. Наконецъ, въ довершеніе безобразія, придумали драматическое представленіе: раздѣлись, разрѣзали подушку, вывалялись въ пуху и начали изображать дикихъ; тутъ ужъ капитанъ, по требованію пассажировъ, и высадилъ ихъ на пустой островъ. Бѣжимъ мы мимо этого острова, гляжу, кто-то взываетъ, поднявши руки кверху. Я сейчасъ „стопъ", сажусь самъ въ шлюпку и обрѣтаю артиста Счастливцева. Взявъ его на пароходъ, одѣлъ съ ногъ до головы въ свое платье, благо у меня много лишняго. Господа, я имѣю слабость къ артистамъ... Вотъ почему онъ Робинзонъ!

Вожеватовъ.

А Непутевый на островѣ остался?

Паратовъ.

Да, на что̀ онъ мнѣ? Пусть провѣтрится. Сами посудите, господа, вѣдь въ дорогѣ скука смертная, всякому товарищу радъ.

Кнуровъ.

Еще бы, конечно.

Вожеватовъ.

Это такое счастье, такое счастье! Вотъ находка-то золотая!

Кнуровъ.

Одно только не пріятно: пьянствомъ одолѣетъ.

Паратовъ.

Нѣтъ, со мной, господа, нельзя: я строгъ на этотъ счетъ. Денегъ у него нѣтъ, безъ моего разрѣшенія давать не велѣно, а у меня какъ попроситъ, такъ ему въ руки французскіе разговоры, на счастье нашлись у меня; изволь прежде страницу выучить, безъ того не дамъ... Ну, и учитъ, сидитъ. Какъ старается!

Вожеватовъ.

Эко вамъ счастье, Сергѣй Сергѣичъ! Кажется, ничего-бъ не пожалѣлъ за такого человѣка, а нѣтъ, какъ нѣтъ. Онъ хорошій актеръ?

Паратовъ.

Ну, нѣтъ, какой хорошій! Онъ всѣ амплуа прошелъ и въ суфлерахъ былъ, а теперь въ опереткахъ играетъ. Ничего, такъ себѣ, смѣшитъ.

Вожеватовъ.

Значитъ веселый?

Паратовъ.

Потѣшный господинъ.

Вожеватовъ.

А пошутить съ нимъ можно?

Паратовъ.

Ничего, онъ не обидчивъ... Вотъ отводите свою душу: могу его вамъ дня на два, на три предоставить.

Вожеватовъ.

Очень благодаренъ. Коли придетъ по нраву, такъ не останется въ накладѣ.

Кнуровъ.

Какъ это вамъ, Сергѣй Сергѣичъ, не жаль „Ласточку" продавать?

Паратовъ.

Чтò такое „жаль", этого я не знаю. У меня, Мокій Парменычъ, ничего завѣтнаго нѣтъ; найду выгоду, такъ все продамъ, чтò угодно. А теперь, господа, у меня другія дѣла и другіе расчеты. Я женюсь на дѣвушкѣ очень богатой, беру въ приданое золотые пріиски.

Вожеватовъ.

Приданое хорошее.

Паратовъ.

Но достается оно мнѣ не дешево: я долженъ проститься съ моей свободой, съ моей веселой жизнью. Поэтому надо постараться, какъ можно повеселѣе провести послѣдніе дни.

Вожеватовъ.

Будемъ стараться, Сергѣй Сергѣичъ, будемъ стараться.

Паратовъ.

Отецъ моей невѣсты важный чиновный господинъ, старикъ строгій: онъ слышать не можетъ о цыганахъ, о кутежахъ и о прочемъ; даже не любитъ, кто много куритъ табаку. Тутъ ужъ надѣвай фракъ и parlez français! Вотъ я теперь и практикуюсь съ Робинзономъ. Только онъ, для важности, что̀ ли, ужъ не знаю, зоветъ меня: „ля Сержъ", а не просто Сержъ. Умора! *(На крыльцѣ кофейной показывается Робинзонъ, что̀-то жуетъ, за нимъ Гаврила.)*

ЯВЛЕНІЕ СЕДЬМОЕ.

Паратовъ, Кнуровъ, Вожеватовъ, Робинзонъ, Гаврила *и* Иванъ.

Паратовъ *(Робинзону).*

Que faites vous là? Venez!

Робинзонъ *(съ важностью).*

Comment?

Паратовъ.

Что̀ за прелесть! Каковъ тонъ, господа? *(Робинзону.)* Оставь ты эту вашу скверную привычку бросать порядочное общество для трактира.

Вожеватовъ.

Да, это за ними водится.

Робинзонъ.

Ля Сержъ, ты ужъ успѣлъ... Очень нужно было.

Паратовъ.

Да, извини, я твой псевдонимъ раскрылъ.

Вожеватовъ.

Мы, Робинзонъ, тебя не выдадимъ, ты у насъ такъ за англичанина и пойдешь.

Робинзонъ.

Какъ сразу на „ты?“ Мы съ вами брудершафтъ не пили.

Вожеватовъ.

Это все равно... Что̀ за церемоніи!

Робинзонъ.

Но я фамильярности не терплю и не позволю всякому...

Вожеватовъ.

Да я не всякій...

Робинзонъ.

А кто же вы?

Вожеватовъ.

Купецъ.

Робинзонъ.

Богатый?

Вожеватовъ.

Богатый.

Робинзонъ.

И тороватый?

Вожеватовъ.

И тороватый.

Робинзонъ.

Вотъ это въ моемъ вкусѣ. *(Подаетъ руку Вожеватову.)* Очень пріятно. Вотъ теперь я могу тебѣ позволить обращаться со мной запросто.

Вожеватовъ.

Значитъ пріятели: два тѣла — одна душа.

Робинзонъ.

И одинъ карманъ. Имя, отчество? То-есть одно имя, отчества не надо.

Вожеватовъ.

Василій Данилычъ.

Робинзонъ.

Такъ вотъ, Вася, для перваго знакомства, заплати за меня.

Вожеватовъ.

Гаврила, запиши! Сергѣй Сергѣичъ, мы нынче вечеромъ прогулочку сочинимъ за Волгу. На одномъ катерѣ — цыгане, на другомъ — мы; пріѣдемъ, усядемся на коврикѣ, жженочку сваримъ.

Гаврила.

А у меня, Сергѣй Сергѣичъ, два ананасика давно васъ дожидаются, надо ихъ нарушить для вашего пріѣзда.

Паратовъ *(Гаврилѣ).*

Хорошо, срѣжь! *(Вожеватову.)* Дѣлайте, господа, со мной что̀ хотите.

Гаврила.

Да ужъ я, Василій Данилычъ, все заготовлю, что̀ требуется; у меня и кастрюлечка серебряная водится для такихъ оказій, ужъ я и своихъ людей съ вами отпущу.

Вожеватовъ.

Ну, ладно. Чтобы къ шести часамъ все было готово; коли что̀ лишнее припасешь, взыску не будетъ, а за недостачу отвѣтишь.

Гаврила.

Понимаемъ-съ.

Вожеватовъ.

А назадъ поѣдемъ, на катерахъ разноцвѣтные фонарики зажжемъ.

Робинзонъ.

Давно ли я его знаю, а ужъ полюбилъ, господа. Вотъ чудо-то!

Паратовъ.

Главное, чтобъ весело. Я прощаюсь съ холостой жизнью, такъ чтобъ было чѣмъ ее вспомнить. А откушать сегодня, господа, прошу ко мнѣ.

Вожеватовъ.

Эка досада! Вѣдь нельзя, Сергѣй Сергѣичъ...

Кнуровъ.

Отозваны мы.

Паратовъ.

Откажитесь, господа!

Вожеватовъ.

Отказаться-то нельзя: Лариса Дмитріевна выходитъ замужъ; такъ мы у жениха обѣдаемъ.

Паратовъ.

Лариса выходитъ замужъ! *(Задумывается.)* Что̀-жъ... Богъ съ ней!... Это даже лучше. Я немножко виноватъ передъ

ней, то-есть такъ виноватъ, что не долженъ бы и носу къ нимъ показывать; ну, а теперь она выходитъ замужъ, значитъ, старые счеты покончены, и я могу опять явиться, поцѣловать ручки у нея и у тетеньки. Я Хариту Игнатьевну, для краткости, тетенькой зову. Вѣдь я было чуть не женился на Ларисѣ, — вотъ бы людей-то насмѣшилъ! Да, разыгралъ было дурака. Замужъ выходитъ... это очень мило съ ея стороны; все-таки на душѣ у меня немного полегче... и дай ей Богъ здоровья и всякаго благополучія! Заѣду я къ нимъ, заѣду; любопытно, очень любопытно поглядѣть на нее.

Вожеватовъ.

Ужъ навѣрное и васъ пригласятъ.

Паратовъ.

Само собой, какъ же можно безъ меня!

Кнуровъ.

Я очень радъ, все-таки будетъ съ кѣмъ хоть слово за обѣдомъ перемолвить.

Вожеватовъ.

Тамъ и потолкуемъ, какъ намъ веселѣе время провести, можетъ, и еще чтó придумаемъ.

Паратовъ.

Да, господа, жизнь коротка, говорятъ философы, такъ надо умѣть ею пользоваться... N'est ce pas, Робинзонъ?

Робинзонъ.

Вуй, ля Сержъ!

Вожеватовъ.

Постараемся, скучать не будете, на томъ стоймъ. Мы третій катеръ прихватимъ, полковую музыку посадимъ.

Паратовъ.

До свиданія, господа! Я въ гостиницу... Маршъ, Робинзонъ!

Робинзонъ *(поднимая шляпу)*.

Да здравствуетъ веселье!
Да здравствуетъ Усладъ!

(Занавѣсъ.)

ДѢЙСТВІЕ ВТОРОЕ.

ЛИЦА:

Огудалова.
Лариса.
Карандышевъ.
Паратовъ.
Кнуровъ.
Вожеватовъ.
Робинзонъ.
Илья, цыганъ.
Лакей Огудаловой.

Комната въ домѣ Огудаловой. Двѣ двери: одна въ глубинѣ — входная, другая налѣво (отъ актеровъ), направо — окно; мебель приличная; фортепіано, на немъ лежитъ гитара.

ЯВЛЕНІЕ ПЕРВОЕ.

Огудалова *(одна, подходитъ къ двери налѣво, съ коробочкой въ рукахъ).*

Лариса, Лариса! *(Лариса за сценой: „Я, мама, одѣваюсь“.)* Погляди-ка, какой тебѣ подарокъ Вася привезъ! *(Лариса за сценой: „Послѣ погляжу!“)* Какія вещи — рублей пятьсотъ стóятъ. Положите, говоритъ, завтра поутру въ ея комнату и не говорите, отъ кого. А вѣдь знаетъ, плутишка, что я не утерплю, — скажу. Я его просила посидѣть, не остался; съ какимъ-то иностранцемъ ѣздитъ, городъ ему показываетъ. Да вѣдь шутъ онъ, у него не разберешь, нарочно онъ или вправду. „Надо, говоритъ, этому иностранцу всѣ замѣчательныя трактирныя заведенія показать!“ Хотѣлъ къ намъ привезти этого иностранца. *(Взглянувъ въ окно.)* А вотъ и Мокій Парменычъ! Не выходи, я лучше одна съ нимъ потолкую. *Входитъ Кнуровъ.)*

ЯВЛЕНІЕ ВТОРОЕ.

Огудалова *и* Кнуровъ.

Кнуровъ *(въ дверяхъ).*

У васъ никого нѣтъ?

Огудалова.

Никого, Мокій Парменычъ!

Кнуровъ *(входитъ)*.

Ну, и прекрасно.

Огудалова.

На чемъ записать такое счастіе! Благодарна, Мокій Парменычъ, очень благодарна, что удостоили. Я такъ рада, растерялась, право... не знаю, гдѣ и посадить васъ.

Кнуровъ.

Все равно, сяду гдѣ-нибудь. *(Садится.)*

Огудалова.

А Ларису извините: она переодѣвается. Да, вѣдь, можно ее поторопить.

Кнуровъ.

Нѣтъ, зачѣмъ безпокоить?

Огудалова.

Какъ это вы вздумали?

Кнуровъ.

Брожу, вѣдь, я много пѣшкомъ передъ обѣдомъ-то, ну, вотъ и зашелъ.

Огудалова.

Будьте увѣрены, Мокій Парменычъ, что мы за особенное счастье поставляемъ вашъ визитъ; ни съ чѣмъ этого сравнить нельзя.

Кнуровъ.

Такъ выдаете замужъ Ларису Дмитріевну?

Огудалова.

Да, замужъ, Мокій Парменычъ!

Кнуровъ.

Нашелся женихъ, который беретъ безъ денегъ?

Огудалова.

Безъ денегъ, Мокій Парменычъ! Гдѣ-жъ намъ взять денегъ-то?

Кнуровъ.

Что̀-жъ онъ, средства имѣетъ большія, женихъ-то вашъ?

Огудалова.

Какія средства? Самыя ограниченныя!

Кнуровъ.

Да... А какъ вы полагаете, хорошо вы поступили, что отдаете Ларису Дмитріевну за человѣка бѣднаго?

Огудалова.

Не знаю, Мокій Парменычъ! Я тутъ ни при чемъ: ея воля была.

Кнуровъ.

Ну, а этотъ молодой человѣкъ, какъ по вашему, хорошо поступаетъ?

Огудалова.

Что̀-жъ, я нахожу, что это похвально съ его стороны.

Кнуровъ.

Ничего тутъ нѣтъ похвальнаго, напротивъ, это не похвально. Пожалуй, съ своей точки зрѣнія, онъ не глупъ: что̀ онъ такое… кто его знаетъ, кто на него обратитъ вниманіе? А теперь весь городъ заговоритъ про него: онъ влѣзаетъ въ лучшее общество, онъ позволяетъ себѣ приглашать меня на обѣдъ, напримѣръ… Но вотъ что̀ глупо: онъ не подумалъ или не захотѣлъ подумать, какъ и чѣмъ ему жить съ такой женой. Вотъ объ чемъ поговорить намъ съ вами слѣдуетъ.

Огудалова.

Сдѣлайте одолженіе, Мокій Парменычъ!

Кнуровъ.

Какъ вы думаете о вашей дочери, что̀ она такое?

Огудалова.

Да ужъ я не знаю, что̀ и говорить; мнѣ одно осталось: слушать васъ.

Кнуровъ.

Вѣдь въ Ларисѣ Дмитріевнѣ земного, этого житейскаго, нѣтъ. Ну, понимаете, тривіальнаго, что̀ нужно для бѣдной семейной жизни.

Огудалова.

Ничего нѣтъ, ничего.

Кнуровъ.

Вѣдь, это эѳиръ?

Огудалова.

Эѳиръ, Мокій Парменычъ!

Кнуровъ.

Она создана для блеску!

Огудалова.

Для блеску, Мокій Парменычъ!

Кнуровъ.

Ну, а можетъ ли вашъ Карандышевъ доставить ей этотъ блескъ?

Огудалова.

Нѣтъ, гдѣ же!

Кнуровъ.

Бѣдной полумѣщанской жизни она не вынесетъ. Что̀-жъ остается ей? Зачахнуть, а потомъ, какъ водится — чахотка.

Огудалова.

Ахъ, что̀ вы, что̀ вы? Сохрани Богъ!

Кнуровъ.

Хорошо, если она догадается поскорѣе бросить мужа и вернуться къ вамъ.

Огудалова.

Опять бѣда, Мокій Парменычъ: чѣмъ мнѣ жить съ дочерью?

Кнуровъ.

Ну, эта бѣда поправимая. Теплое участіе сильнаго, богатаго человѣка...

Огудалова.

Хорошо, какъ найдется это участіе.

Кнуровъ.

Надо постараться пріобрѣсть. Въ такихъ случаяхъ добраго друга, солиднаго, прочнаго, имѣть необходимо.

Огудалова.

Ужъ какъ необходимо-то.

Кнуровъ.

Вы можете мнѣ сказать, что она еще и замужъ-то не вышла, что еще очень далеко то время, когда она можетъ разойтись съ мужемъ. Да, пожалуй, можетъ быть, что и очень далеко, а вѣдь, можетъ быть, что и очень близко. Такъ лучше предупредить васъ, чтобъ вы еще не сдѣлали какой-нибудь ошибки, чтобъ знали, что я для Ларисы Дмитріевны ничего не пожалѣю... Что̀ вы улыбаетесь?

Огудалова.

Я очень рада, Мокій Парменычъ, что вы такъ расположены къ намъ.

Кнуровъ.

Вы, можетъ быть, думаете, что такія предложенія не бываютъ безкорыстны?

Огудалова.

Ахъ, Мокій Парменычъ!

Кнуровъ.

Обижайтесь, если угодно, прогоните меня!

Огудалова *(конфузясь)*.

Ахъ, Мокій Парменычъ!

Кнуровъ.

Найдите такихъ людей, которые посулятъ вамъ десятки тысячъ даромъ, да тогда и браните меня. Не трудитесь напрасно искать, — не найдете. Но я увлекся въ сторону, я пришелъ не для этихъ разговоровъ. Чтò это у васъ за коробочка?

Огудалова.

Это я, Мокій Парменычъ, хотѣла дочери подарокъ сдѣлать...

Кнуровъ *(разсматривая вещи)*.

Да...

Огудалова.

Да дорого, не по карману.

Кнуровъ *(отдаетъ коробочку)*.

Ну, это пустяки, есть дѣла поважнѣе. Вамъ нужно сдѣлать для Ларисы Дмитріевны гардеробъ, то-есть мало сказать хорошій — очень хорошій. Подвѣнечное платье, ну, и все тамъ, чтò слѣдуетъ.

Огудалова.

Да, да, Мокій Парменычъ.

Кнуровъ.

Обидно будетъ видѣть, если ее одѣнутъ кой-какъ. Такъ вы закажите все это въ лучшемъ магазинѣ, да не разсчитывайте и не копейничайте! А счеты пришлите ко мнѣ: я заплачу.

Огудалова.

Право, даже ужъ и словъ-то не подберешь, какъ благодарить васъ.

Кнуровъ.

Вотъ зачѣмъ собственно я зашелъ къ вамъ. *(Встаетъ.)*

Огудалова.

А все-таки мнѣ завтра хотѣлось бы дочери сюрпризъ сдѣлать. Сердце матери, знаете...

Кнуровъ *(беретъ коробочку).*

Ну, что̀ тамъ такое? Что̀ сто́итъ?

Огудалова.

Оцѣните, Мокій Парменычъ!

Кнуровъ.

Что̀ тутъ цѣнить! Пустое дѣло! Триста рублей это сто́итъ. *(Достаетъ изъ бумажника деньги и отдаетъ Огудаловой.)* До свиданья! Я пойду еще побродить... Я нынче на хорошій обѣдъ разсчитываю. За обѣдомъ увидимся. *(Идетъ къ дверямъ.)*

Огудалова.

Очень, очень вамъ благодарна за все, Мокій Парменычъ, за все! *(Кнуровъ уходитъ. Входитъ Лариса съ корзинкой въ рукѣ.)*

ЯВЛЕНІЕ ТРЕТЬЕ.

Огудалова *и* Лариса.

Лариса *(ставитъ корзинку на столъ и разсматриваетъ вещи въ коробочкѣ).*

Это Вася-то подарилъ? Не дурно. Какой милый!

Огудалова.

„Не дурно“! Это очень дорогія вещи. Будто ты не рада?

Лариса.

Никакой особенной радости не чувствую.

Огудалова.

Ты поблагодари Васю, такъ шепни ему на ухо: „благодарю, молъ“. И Кнурову то же.

Лариса.

А Кнурову за что̀?

Огудалова.

Ужъ такъ надо; я знаю, за что̀.

Лариса.

Ахъ, мама, все-то у тебя секреты да хитрости.

Огудалова.

Ну, ну, хитрости! Безъ хитростей на свѣтѣ не проживешь.

Лариса *(беретъ гитару, садится къ окну и запѣваетъ).*

Матушка голубушка, солнышко мое,
Пожалѣй, родимая, дитятко твое.

Юлій Капитонычъ хочетъ въ мировые судьи баллотироваться.

Огудалова.

Ну, вотъ и прекрасно! Въ какой уѣздъ?

Лариса.

Въ Заболотье.

Огудалова.

Ай, въ лѣсъ вѣдь это? Что̀ ему вздумалось такую даль?

Лариса.

Тамъ кандидатовъ меньше: навѣрно выберутъ.

Огудалова.

Что̀-жъ, ничего, — и тамъ люди живутъ.

Лариса.

Мнѣ хоть бы въ лѣсъ, да только поскорѣй отсюда вырваться.

Огудалова.

Да оно и хорошо въ захолустьи пожить; тамъ и твой Карандышевъ милъ покажется, пожалуй, первымъ человѣкомъ въ уѣздѣ будетъ; вотъ помаленьку и привыкнешь къ нему.

Лариса.

Да онъ и здѣсь хорошъ; я въ немъ ничего не замѣчаю дурного.

Огудалова.

Ну, что̀ ужъ! Такіе-ль хорошіе-то бываютъ!

Лариса.

Конечно, есть и лучше; я сама это очень хорошо знаю.

Огудалова.

Есть, да не про нашу честь.

Лариса.

Теперь для меня и этотъ хорошъ... Да что̀ толковать, дѣло рѣшеное.

Огудалова.

Я вѣдь только радуюсь, что онъ тебѣ нравится. Слава Богу! Осуждать его передъ тобой я не стану, а и притворяться-то намъ другъ передъ другомъ нечего, — ты сама не слѣпая.

Лариса.

Я ослѣпла, я всѣ чувства потеряла, да и рада. Давно ужъ точно во снѣ вижу, чтò кругомъ меня происходитъ. Нѣтъ, уѣхать надо, вырваться отсюда. Я стану приставать къ Юлію Капитонычу. Скоро и лѣто пройдетъ, а я хочу гулять по лѣсамъ, собирать ягоды, грибы...

Огудалова.

Вотъ для чего ты корзиночку-то приготовила? Понимаю теперь. Ты ужъ и шляпу соломенную съ широкими полями заведи, вотъ и будешь пастушкой.

Лариса.

И шляпу заведу. *(Запѣваетъ.)*

Не искушай меня безъ нужды...

Тамъ спокойствіе, тишина.

Огудалова.

А вотъ сентябрь настанетъ, такъ не очень тихо будетъ: вѣтеръ-то загудитъ въ окно.

Лариса.

Ну, чтò-жъ такое?

Огудалова.

Волки завоютъ на разные голоса.

Лариса.

Все-таки лучше, чѣмъ здѣсь. Я, по крайней мѣрѣ, душой отдохну.

Огудалова.

Да развѣ я тебя отговариваю? Поѣзжай, сдѣлай милость, отдыхай душой! Только знай, что Заболотье не Италія. Это я обязана тебѣ сказать, а то какъ ты разочаруешься, такъ меня же будешь винить, что я тебя не предупредила.

Лариса.

Благодарю тебя... Но пусть тамъ и дико, и глухо, и холодно; для меня послѣ той жизни, которую я здѣсь испы-

тала, всякій тихій уголокъ покажется раемъ. Что̀ это Юлій Капитонычъ медлитъ, я не понимаю.

Огудалова.

До деревни-ль ему! Ему покрасоваться хочется, да и не удивительно: изъ ничего, да въ люди попалъ.

Лариса *(напѣваетъ).*

Не искушай меня безъ нужды...

Экая досада, не налажу никакъ. *(Взглянувъ въ окно.)* Илья, Илья! Зайди на минутку! Наберу съ собой въ деревню романсовъ, и буду играть да пѣть отъ скуки. *(Входитъ Илья.)*

ЯВЛЕНІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

Огудалова, Лариса *и* Илья.

Илья.

Съ праздникомъ! Дай Богъ здорово да счастливо. *(Кладетъ фуражку на стулъ, у двери.)*

Лариса.

Илья, наладь мнѣ: „Не искушай меня безъ нужды". Все сбиваюсь. *(Подаетъ гитару.)*

Илья.

Сейчасъ, барышня! *(Беретъ гитару и подстраиваетъ.)* Хороша пѣсня; она въ три голоса хороша, теноръ надо: второе колѣно дѣлаетъ... Больно хорошо. А у насъ, бѣда, ахъ, бѣда!

Огудалова.

Какая бѣда?

Илья.

Антонъ у насъ есть, теноръ поетъ...

Огудалова.

Знаю, знаю.

Илья.

Одинъ теноръ и есть, а то все басы. Какіе басы, какіе басы! А теноръ одинъ Антонъ!

Огудалова.

Такъ что̀-жъ?

Илья.

Не годится въ хоръ — хоть брось.

Огудалова.

Не здоровъ?

Илья.

Нѣтъ здоровъ, совсѣмъ невредимый.

Огудалова.

Что̀ же съ нимъ?

Илья.

Пополамъ перегнуло на бокъ, совсѣмъ угломъ, такъ глаголемъ и ходитъ... другая недѣля... ахъ, бѣда! Теперь въ хорѣ всякій лишній человѣкъ дорого сто́итъ, а безъ тенора какъ быть! Къ доктору ходилъ, докторъ и говоритъ: „черезъ недѣлю, черезъ двѣ отпуститъ, опять прямой будешь“. А намъ теперь его надо.

Лариса.

Да ты пой!

Илья.

Сейчасъ, барышня. Секунда фальшивитъ. Вотъ бѣда, вотъ бѣда! Въ хорѣ надо браво стоять, а его на бокъ перегнуло.

Огудалова.

Отчего это съ нимъ?

Илья.

Отъ глупости.

Огудалова.

Отъ какой глупости?

Илья.

Такая есть глупость въ насъ. Говорилъ: „наблюдай, Антонъ, эту осторожность!“ А онъ не понимаетъ.

Огудалова.

Да и мы не понимаемъ.

Илья.

Ну, не вамъ будь сказано: гулялъ. Такъ гулялъ, такъ гулялъ! Я говорю: Антонъ, наблюдай эту осторожность! А онъ не понимаетъ. Ахъ, бѣда, ахъ, бѣда! Теперь сто рублей человѣкъ сто́итъ, вотъ какое дѣло у насъ, такого барина ждемъ, а Антона на бокъ свело. Какой прямой цыганъ былъ, а теперь кривой! *(Запѣваетъ басомъ.)* „Не искушай...“ *(Го-*

лось въ окнѣ: „Илья, Илья, ча одарикъ! ча сегеръ!“) *) Намо? Со туки требе! **) *(Голосъ съ улицы: „Иди, баринъ пріѣхалъ!“)* Хохавеса! ***) *(Голосъ съ улицы: „Вѣрно, пріѣхалъ!“.)* Некогда, барышня, баринъ пріѣхалъ! *(Кладетъ гитару и беретъ фуражку.)*

Огудалова.

Какой баринъ?

Илья.

Такой баринъ, ждемъ не дождемся: годъ ждали, вотъ какой баринъ! *(Уходитъ.)*

ЯВЛЕНІЕ ПЯТОЕ.

Огудалова *и* Лариса.

Огудалова.

Кто-жъ бы это пріѣхалъ? Должно быть, богатый и, вѣроятно, Лариса, холостой, коли цыгане такъ ему обрадовались. Видно, ужъ у цыганъ и живетъ. Ахъ, Лариса, не прозѣвали ли мы жениха? Куда торопиться-то было?

Лариса.

Ахъ, мама, мало, что̀ ли, я страдала? Нѣтъ, довольно унижаться.

Огудалова.

Эко страшное слово сказала: „унижаться“! Испугать, что̀ ли, меня вздумала? Мы люди бѣдные, намъ унижаться-то всю жизнь. Такъ ужъ лучше унижаться смолоду, чтобъ потомъ пожить по-человѣчески.

Лариса.

Нѣтъ, не могу, тяжело, невыносимо тяжело.

Огудалова.

А легко-то ничего не добудешь, всю жизнь и останешься ничѣмъ.

Лариса.

Опять притворяться, опять лгать.

Огудалова.

И притворяйся, и лги! Счастье не пойдетъ за тобой, если сама отъ него бѣгаешь. *(Входитъ Карандышевъ.)*

---

*) Поди сюда. Иди скорѣй!
**) Зачѣмъ? Что тебѣ?
***) Обманываешь.

ЯВЛЕНІЕ ШЕСТОЕ.

Огудалова, Лариса и Карандышевъ.

Огудалова.

Юлій Капитонычъ, Лариса у насъ въ деревню собралась, вотъ и корзинку для грибовъ приготовила.

Лариса.

Да, сдѣлайте для меня эту милость, поѣдемте поскорѣй!

Карандышевъ.

Я васъ не понимаю; куда вы торопитесь, зачѣмъ?

Лариса.

Мнѣ такъ хочется бѣжать отсюда.

Карандышевъ *(запальчиво)*.

Отъ кого бѣжать? Кто васъ гонитъ? Или вы стыдитесь за меня, что̀ ли?

Лариса *(холодно)*.

Нѣтъ, я за васъ не стыжусь. Не знаю, что̀ дальше будетъ, а пока вы мнѣ еще повода не подали.

Карандышевъ.

Такъ зачѣмъ бѣжать, зачѣмъ скрываться отъ людей? Дайте мнѣ время устроиться, опомниться, прійти въ себя! Я радъ, я счастливъ! Дайте мнѣ возможность почувствовать всю пріятность моего положенія!

Огудалова.

Повеличаться!

Карандышевъ.

Да, повеличаться, я не скрываю. Я много, очень много перенесъ уколовъ для своего самолюбія, моя гордость не разъ была оскорблена; теперь я хочу и въ правѣ погордиться и повеличаться.

Лариса.

Вы когда же думаете ѣхать въ деревню?

Карандышевъ.

Послѣ свадьбы, когда вамъ угодно, хоть на другой день. Только вѣнчаться непремѣнно здѣсь, чтобы не сказали, что мы прячемся, потому что я не женихъ вамъ, не пара, а только та соломинка, за которую хватается утопающій.

Лариса.

Да вѣдь послѣднее-то почти такъ, Юлій Капитонычъ, вотъ это правда.

Карандышевъ *(съ сердцемъ).*

Такъ правду эту вы знайте про себя! *(Сквозь слезы.)* Пожалѣйте вы меня хоть сколько-нибудь! Пусть хоть посторонніе-то думаютъ, что вы любите меня, что выборъ вашъ былъ свободенъ.

Лариса.

Зачѣмъ это?

Карандышевъ.

Какъ зачѣмъ? Развѣ вы ужъ совсѣмъ не допускаете въ человѣкѣ самолюбія?

Лариса.

Самолюбіе! Вы только о себѣ! Всѣ себя любятъ! Когда же меня-то будетъ любить кто-нибудь? Доведете вы меня до погибели!

Огудалова.

Полно, Лариса, чтò ты?

Лариса.

Мама, я боюсь, я чего-то боюсь. Ну, послушайте: если ужъ свадьба будетъ здѣсь, такъ, пожалуйста, чтобы поменьше было народу, чтобы какъ можно тише, скромнѣе.

Огудалова.

Нѣтъ, ты не фантазируй! Свадьба, такъ свадьба! Я — Огудалова, я нищенства не допущу. Ты у меня заблестишь такъ, что здѣсь и не видывали!

Карандышевъ.

Да и я ничего не пожалѣю.

Лариса.

Ну, я молчу. Я вижу, что я для васъ кукла; поиграете вы мной, изломаете и бросите.

Карандышевъ.

Вотъ и обѣдъ сегодня для меня обойдется не дешево.

Огудалова.

А этотъ обѣдъ вашъ я считаю ужъ совсѣмъ лишнимъ, — напрасная трата.

Карандышевъ.

Да если-бъ онъ стоилъ мнѣ вдвое, втрое, я-бъ не пожалѣлъ денегъ.

Огудалова.

Никому онъ не нуженъ.

Карандышевъ.

Мнѣ нуженъ.

Лариса.

Да зачѣмъ, Юлій Капитонычъ?

Карандышевъ.

Лариса Дмитріевна, три года я терпѣлъ униженія, три года я сносилъ насмѣшки прямо въ лицо отъ вашихъ знакомыхъ; надо же и мнѣ, въ свою очередь, посмѣяться надъ ними!

Огудалова.

Что̀ вы еще придумываете? Ссору, что̀ ли, затѣять хотите? Такъ мы съ Ларисой и не поѣдемъ.

Лариса.

Ахъ, пожалуйста, не обижайте никого.

Карандышевъ.

Не обижайте! А меня обижать можно? Да успокойтесь, никакой ссоры не будетъ: все будетъ очень мирно. Я предложу за васъ тостъ и поблагодарю васъ публично за счастіе, которое вы дѣлаете мнѣ своимъ выборомъ, за то, что вы отнеслись ко мнѣ не такъ, какъ другіе, что вы оцѣнили меня и повѣрили въ искренность моихъ чувствъ. Вотъ и все, вотъ и вся моя месть!

Огудалова.

И все это совсѣмъ не нужно.

Карандышевъ.

Нѣтъ, ужъ эти фаты одолѣли меня своимъ фанфаронствомъ. Вѣдь, не сами они нажили богатство; что̀-жъ они имъ хвастаются? По пятнадцати рублей за порцію чаю бросаютъ!

Огудалова.

Все это вы на бѣднаго Васю нападаете.

Карандышевъ.

Да не одинъ Вася, всѣ хороши. Вонъ посмотрите, что̀ въ городѣ дѣлается, какая радость на лицахъ! Извозчики всѣ

повеселѣли, скачутъ по улицамъ, кричатъ другъ другу: „баринъ пріѣхалъ, баринъ пріѣхалъ...“ Половые въ трактирахъ тоже сіяютъ, выбѣгаютъ на улицу, изъ трактира въ трактиръ перекликаются: „баринъ пріѣхалъ, баринъ пріѣхалъ!“ Цыгане съ ума сошли, всѣ вдругъ галдятъ, машутъ руками. У гостиницы съѣздъ, толпа народу. Сейчасъ къ гостиницѣ четыре цыганки разряженныя въ коляскѣ подъѣхали, поздравить съ пріѣздомъ... Чудо, что̀ за картина! А баринъ-то, я слышалъ, промотался совсѣмъ, послѣдній пароходишко продалъ. Кто пріѣхалъ? Промотавшійся кутила, развратный человѣкъ, и весь городъ радъ. Хороши нравы!

Огудалова.

Да кто пріѣхалъ-то?

Карандышевъ.

Вашъ Сергѣй Сергѣичъ Паратовъ. *(Лариса въ испугѣ встаетъ.)*

Огудалова.

А, такъ вотъ кто?

Лариса.

Поѣдемте въ деревню, сейчасъ поѣдемте!

Карандышевъ.

Теперь-то и не нужно ѣхать.

Огудалова.

Что̀ ты, Лариса, зачѣмъ отъ него прятаться? Онъ не разбойникъ!

Лариса.

Что̀ вы меня не слушаете? Топите вы меня, толкаете въ пропасть!

Огудалова.

Ты сумасшедшая!

Карандышевъ.

Чего вы боитесь?

Лариса.

Я не за себя боюсь.

Карандышевъ.

За кого же?

Лариса.

За васъ.

Карандышевъ.

О, за меня не бойтесь! Я въ обиду не дамся. Попробуй онъ только задѣть меня, такъ увидитъ...

Огудалова.

Нѣтъ, что̀ вы? Сохрани васъ Богъ! Это, вѣдь, не Вася. Вы поосторожнѣе съ нимъ, а то жизни не рады будете.

Карандышевъ *(у окна)*.

Вотъ, изволите видѣть, къ вамъ подъѣхалъ; четыре иноходца въ рядъ, и цыганъ на козлахъ съ кучеромъ. Какую пыль въ глаза пускаетъ! Оно, конечно, никому вреда нѣтъ, пусть тѣшится, а въ сущности-то и гнусно, и глупо.

Лариса *(Карандышеву)*.

Пойдемте, пойдемте ко мнѣ въ комнату. Мама, прими сюда, пожалуйста, отдѣлайся отъ его визитовъ! *(Лариса и Карандышевъ уходятъ. Входитъ Паратовъ.)*

ЯВЛЕНІЕ СЕДЬМОЕ.

Огудалова *и* Паратовъ.

Паратовъ *(всю сцену ведетъ въ шутливо-серьезномъ тонѣ)*.

Тетенька, ручку!

Огудалова *(протягивая руку)*.

Ахъ, Сергѣй Сергѣичъ! Ахъ, родной мой!

Паратовъ.

Въ объятія желаете заключить? Можно? *(Обнимаются и цѣлуются.)*

Огудалова.

Какимъ вѣтромъ занесло? Проѣздомъ, вѣроятно?

Паратовъ.

Нарочно сюда, и первый визитъ къ вамъ, тетенька!

Огудалова.

Благодарю. Какъ поживаете, какъ дѣла ваши?

Паратовъ.

Гнѣвить Бога нечего, тетенька, живу весело, а дѣла не важны.

Огудалова *(поглядѣвъ на Паратова)*.

Сергѣй Сергѣичъ, скажите, мой родной, что это вы тогда такъ вдругъ исчезли?

Паратовъ.

Непріятную телеграмму получилъ, тетенька.

Огудалова.

Какую?

Паратовъ.

Управители мои и управляющіе свели безъ меня домокъ мой въ орѣховую скорлупку-съ. Своими операціями довели было до аукціонной продажи мои пароходики и все движимое, и недвижимое имѣніе. Такъ я полетѣлъ тогда спасать свои животики-съ.

Огудалова.

И, разумѣется, все спасли и все устроили?

Паратовъ.

Никакъ нѣтъ-съ; устроилъ, да не совсѣмъ, брешь порядочная осталась. Впрочемъ, тетенька, духу не теряю и веселаго расположенія не утратилъ.

Огудалова.

Вижу, что не утратилъ.

Паратовъ.

На одномъ потеряемъ, на другомъ выиграемъ, тетенька; вотъ наше дѣло какое.

Огудалова.

На чемъ же вы выиграть хотите? Новые обороты завели?

Паратовъ.

Не намъ, легкомысленнымъ джентльменамъ, новые обороты заводить! За это въ долговое отдѣленіе, тетенька. — Хочу продать свою волюшку.

Огудалова.

Понимаю; выгодно жениться хотите? А во сколько вы цѣните свою волюшку?

Паратовъ.

Въ полмилліона-съ.

Огудалова.

Порядочно.

Паратовъ.

Дешевле, тетенька, нельзя-съ, расчету нѣтъ, себѣ дороже, сами знаете.

Огудалова.

Молодецъ мужчина!

Паратовъ.

Съ тѣмъ возьмите.

Огудалова.

Экой соколъ! Глядѣть на тебя да радоваться.

Паратовъ.

Очень лестно слышать отъ васъ. Ручку пожалуйте. *(Цѣлуетъ руку.)*

Огудалова.

А покупатели, то-есть, покупательницы-то есть?

Паратовъ.

Поискать, такъ найдутся.

Огудалова.

Извините за нескромный вопросъ!

Паратовъ.

Коли очень нескромный, такъ не спрашивайте, я стыдливъ.

Огудалова.

Да полно тебѣ шутить-то! Есть невѣста или нѣтъ? Коли есть, такъ кто она?

Паратовъ.

Хоть зарѣжьте, не скажу.

Огудалова.

Ну, какъ знаешь.

Паратовъ.

Я бы желалъ засвидѣтельствовать свое почтеніе Ларисѣ Дмитріевнѣ. Могу я ее видѣть?

Огудалова.

Отчего же?.. Я ее сейчасъ пришлю къ вамъ. *(Беретъ футляръ съ вещами.)* Да, вотъ, Сергѣй Сергѣичъ, завтра Ларисы рожденіе, хотѣлось бы подарить ей эти вещи, да денегъ много не хватаетъ.

Паратовъ.

Тетенька, тетенька! Вѣдь ужъ человѣкъ съ трехъ взяли? Я тактику-то вашу помню.

Огудалова *(беретъ Паратова за ухо).* Ахъ ты, проказникъ!

Паратовъ.

Я завтра самъ привезу подарокъ, получше этого.

Огудалова.

Я позову къ вамъ Ларису. *(Уходитъ. Входитъ Лариса.)*

ЯВЛЕНІЕ ВОСЬМОЕ.

Паратовъ *и* Лариса.

Паратовъ.

Не ожидали?

Лариса.

Нѣтъ, теперь не ожидала. Я ждала васъ долго, но ужъ давно перестала ждать.

Паратовъ.

Отчего же перестали ждать?

Лариса.

Не надѣялась дождаться. Вы скрылись такъ неожиданно, и ни одного письма.

Паратовъ.

Я не писалъ потому, что не могъ сообщить вамъ ничего пріятнаго.

Лариса.

Я такъ и думала.

Паратовъ.

И замужъ выходите?

Лариса.

Да, замужъ.

Паратовъ.

А позвольте васъ спросить, долго вы меня ждали?

Лариса.

Зачѣмъ вамъ знать это?

Паратовъ.

Мнѣ не для любопытства, Лариса Дмитріевна; меня интересуютъ чисто теоретическія соображенія. Мнѣ хочется знать, скоро ли женщина забываетъ страстно-любимаго человѣкъ: на

другой день послѣ разлуки съ нимъ, черезъ недѣлю, или черезъ мѣсяцъ... Имѣлъ ли право Гамлетъ сказать матери, что она „башмаковъ еще не износила“ и такъ далѣе...

Лариса.

На вашъ вопросъ я вамъ не отвѣчу, Сергѣй Сергѣичъ; можете думать обо мнѣ, что̀ вамъ угодно.

Паратовъ.

Объ васъ я всегда буду думать съ уваженіемъ; но женщины вообще, послѣ вашего поступка, много теряютъ въ глазахъ моихъ.

Лариса.

Да какой мой поступокъ? Вы ничего не знаете.

Паратовъ.

Эти „кроткіе, нѣжные взгляды“, этотъ сладкій любовный шопотъ, когда каждое слово чередуется съ глубокимъ вздохомъ, эти клятвы!... И все это черезъ мѣсяцъ повторяется другому, какъ выученный урокъ. О, женщины!

Лариса.

Что̀ „женщины?“

Паратовъ.

Ничтожество ваше имя!

Лариса.

Ахъ, какъ вы смѣете такъ обижать меня? Развѣ вы знаете, что я послѣ васъ полюбила кого-нибудь? Вы увѣрены въ этомъ?

Паратовъ.

Я не увѣренъ, но полагаю.

Лариса.

Чтобы такъ жестоко упрекать, надо знать, а не полагать.

Паратовъ.

Вы выходите замужъ?

Лариса.

Но что̀ меня заставило?... Если дома жить нельзя, если во время страшной, смертельной тоски заставляютъ любезничать, улыбаться, навязываютъ жениховъ, на которыхъ безъ отвращенія нельзя смотрѣть, если въ домѣ скандалы, если надо бѣжать и изъ дому, и даже изъ города?

Паратовъ.

Лариса, такъ вы?...

Лариса.

Что̀ „я?“ Ну, что̀ вы хотѣли сказать?

Паратовъ.

Извините! Я виноватъ передъ вами. Такъ вы не забыли меня, вы еще... меня любите? *(Лариса молчитъ.)* Ну, скажите, будьте откровенны!

Лариса.

Конечно, да. Нечего и спрашивать.

Паратовъ *(нѣжно цѣлуетъ руку Ларисы).*

Благодарю васъ, благодарю.

Лариса.

Вамъ только и нужно было: вы — человѣкъ гордый.

Паратовъ.

Уступить васъ я могу, я долженъ по обстоятельствамъ; но любовь вашу уступить было бы тяжело.

Лариса.

Неужели?

Паратовъ.

Если-бъ вы предпочли мнѣ кого-нибудь, вы оскорбили бы меня глубоко, и я не легко бы простилъ вамъ это.

Лариса.

А теперь?

Паратовъ.

А теперь я во всю жизнь сохраню самое пріятное воспоминаніе о васъ, и мы разстанемся, какъ лучшіе друзья.

Лариса.

Значитъ, пусть женщина плачетъ, страдаетъ, только бы любила васъ?

Паратовъ.

Что̀ дѣлать, Лариса Дмитріевна! Въ любви равенства нѣтъ, это ужъ не мной заведено. Въ любви приходится иногда и плакать.

Лариса.

И непремѣнно женщинѣ?

Паратовъ.

Ужъ, разумѣется, не мужчинѣ.

Лариса.

Да почему?

Паратовъ.

Очень просто, потому что если мужчина заплачетъ, такъ его бабой назовутъ, а эта кличка для мужчины хуже всего, что̀ только можетъ изобрѣсть умъ человѣческій.

Лариса.

Кабы любовь-то была равная съ обѣихъ сторонъ, такъ слезъ-то бы не было. Бываетъ это когда-нибудь?

Паратовъ.

Изрѣдка случается. Только ужъ это какое-то кондитерское пирожное выходитъ, какое-то безэ.

Лариса.

Сергѣй Сергѣичъ, я сказала вамъ то, чего не должна была говорить; я надѣюсь, что вы не употребите во зло моей откровенности.

Паратовъ.

Помилуйте, за кого же вы меня принимаете? Если женщина свободна, ну, тогда другой разговоръ... Я, Лариса Дмитріевна, человѣкъ съ правилами: бракъ для меня дѣло священное. Я этого вольнодумства терпѣть не могу. Позвольте узнать: вашъ будущій супругъ, конечно, обладаетъ многими достоинствами?

Лариса.

Нѣтъ, однимъ только.

Паратовъ.

Не много.

Лариса.

Зато дорогимъ.

Паратовъ.

А именно?

Лариса.

Онъ любитъ меня.

Паратовъ.

Дѣйствительно дорогимъ; это для домашняго обихода очень хорошо. *(Входятъ Огудалова и Карандышевъ.)*

ЯВЛЕНІЕ ДЕВЯТОЕ.

Паратовъ, Лариса, Огудалова, Карандышевъ, *потомъ* лакей.

Огудалова.

Позвольте васъ познакомить, господа! *(Паратову.)* Юлій Капитонычъ Карандышевъ! *(Карандышеву.)* Сергѣй Сергѣичъ Паратовъ!

Паратовъ *(подавая руку Карандышеву).*

Мы ужъ знакомы. *(Кланяясь.)* Человѣкъ съ большими усами и малыми способностями. Прошу любить и жаловать. Старый другъ Хариты Игнатьевны и Ларисы Дмитріевны.

Карандышевъ *(сдержанно).*

Очень пріятно.

Огудалова.

Сергѣй Сергѣичъ у насъ въ домѣ, какъ родной.

Карандышевъ.

Очень пріятно.

Паратовъ *(Карандышеву).*

Вы не ревнивы?

Карандышевъ.

Я надѣюсь, что Лариса Дмитріевна не подастъ мнѣ никакого повода быть ревнивымъ.

Паратовъ.

Да вѣдь ревнивые люди ревнуютъ безъ всякаго повода.

Лариса.

Я ручаюсь, что Юлій Капитонычъ меня ревновать не будетъ.

Карандышевъ.

Да, конечно, но если бы...

Паратовъ.

О да, да. Вѣроятно, это было бы что̀-нибудь очень ужасное.

Огудалова.

Что̀ вы, господа, затѣяли? Развѣ нѣтъ другихъ разговоровъ, кромѣ ревности?

Лариса.

Мы, Сергѣй Сергѣичъ, скоро ѣдемъ въ деревню.

Паратовъ.

Отъ прекрасныхъ здѣшнихъ мѣстъ?

Карандышевъ.

Что̀ же вы находите здѣсь прекраснаго?

Паратовъ.

Вѣдь это какъ кому: на вкусъ, на цвѣтъ образца нѣтъ.

Огудалова.

Правда, правда. Кому городъ нравится, а кому деревня.

Паратовъ.

Тетенька, у всякаго свой вкусъ: одинъ любитъ арбузъ, а другой свиной хрящикъ.

Огудалова.

Ахъ, проказникъ! Откуда вы столько пословицъ знаете?

Паратовъ.

Съ бурлаками водился, тетенька, такъ русскому языку выучишься.

Карандышевъ.

У бурлаковъ учиться русскому языку!

Паратовъ.

А почему-жъ у нихъ не учиться?

Карандышевъ.

Да потому, что мы считаемъ ихъ...

Паратовъ.

Кто это: мы?

Карандышевъ *(разгорячась)*.

Мы, то-есть образованные люди, а не бурлаки.

Паратовъ.

Ну-съ, чѣмъ же вы считаете бурлаковъ? Я судохозяинъ и вступаюсь за нихъ; я самъ такой же бурлакъ.

Карандышевъ.

Мы считаемъ ихъ образцомъ грубости и невѣжества.

Паратовъ.

Ну, далѣе, господинъ Карандышевъ.

Карандышевъ.

Все, больше ничего.

Паратовъ.

Нѣтъ, не все, главнаго недостаетъ: вамъ нужно просить извиненія.

Карандышевъ.

Мнѣ — извиняться!

Паратовъ.

Да, ужъ нечего дѣлать, надо.

Карандышевъ.

Да съ какой стати? Это мое убѣжденіе.

Паратовъ.

Но-но-но! Отвилять нельзя.

Огудалова.

Господа, господа, что̀ вы?

Паратовъ.

Не безпокойтесь, я за это на дуэль не вызову: вашъ женихъ цѣлъ останется; я только поучу его. У меня правило: никому ничего не прощать, а то страхъ забудутъ, забываться станутъ.

Лариса *(Карандышеву)*.

Что̀ вы дѣлаете? Просите извиненія сейчасъ, я вамъ приказываю!

Паратовъ *(Огудаловой.)*

Кажется, пора меня знать. Если я кого хочу поучить, такъ на недѣлю дома запираюсь да казнь придумываю.

Карандышевъ *(Паратову)*.

Я не понимаю...

Паратовъ.

Такъ выучитесь прежде понимать, да потомъ и разговаривайте!

Огудалова.

Сергѣй Сергѣичъ, я на колѣни брошусь передъ вами; ну, ради меня, извините его!

Паратовъ.

Благодарите Хариту Игнатьевну. Я васъ прощаю. Только мой родной, разбирайте людей! Я ѣду-ѣду, не свищу, а наѣду — не спущу! *(Карандышевъ хочетъ отвѣчать.)*

Огудалова.

Не возражайте, не возражайте! А то я съ вами поссорюсь. Лариса, вели шампанскаго подать, да налей имъ по стаканчику — пусть выпьютъ мировую! *(Лариса уходитъ.)* И ужъ, господа, пожалуйста, не ссорьтесь больше. Я женщина мирнаго характера; я люблю, чтобъ все дружно было, согласно.

Паратовъ.

Я и самъ мирнаго характера, курицы не обижу; я никогда первый не начну, за себя я вамъ ручаюсь.

Огудалова.

Юлій Капитонычъ, вы еще молодой человѣкъ, вамъ надо быть поскромнѣе, горячиться не слѣдуетъ. Извольте-ка вотъ пригласить Сергѣя Сергѣича на обѣдъ, извольте непремѣнно! Намъ очень пріятно быть съ нимъ вмѣстѣ.

Карандышевъ.

Я и самъ хотѣлъ. Сергѣй Сергѣичъ, угодно вамъ откушать у меня сегодня?

Паратовъ *(холодно)*.

Съ удовольствіемъ. *(Входитъ Лариса, за ней человѣкъ съ бутылкой шампанскаго и съ стаканами на подносѣ.)*

Лариса *(наливаетъ)*.

Господа, прошу покорно. *(Паратовъ и Карандышевъ берутъ стаканы.)* Прошу васъ быть друзьями.

Паратовъ.

Ваша просьба для меня равняется приказу.

Огудалова *(Карандышеву)*.

Вотъ и вы берите примѣръ съ Сергѣя Сергѣича!

Карандышевъ.

Про меня нечего и говорить: для меня каждое слово Ларисы Дмитріевны — законъ. *(Входитъ Вожеватовъ.)*

ЯВЛЕНІЕ ДЕСЯТОЕ.

Огудалова, Лариса, Паратовъ, Карандышевъ, Вожеватовъ, *потомъ* Робинзонъ.

Вожеватовъ.

Гдѣ шампанское, тамъ и мы. Каково чутье! Харита Игнатьевна, Лариса Дмитріевна, позвольте бѣлокурому въ комнату войти!

Огудалова.

Какому бѣлокурому?

Вожеватовъ.

Сейчасъ увидите. Войди, бѣлокуръ! *(Робинзонъ входитъ.)* Честь имѣю представить новаго друга моего: лордъ Робинзонъ.

Огудалова.

Очень пріятно.

Вожеватовъ *(Робинзону).*

Цѣлуй ручки! *(Робинзонъ цѣлуетъ руки у Огудаловой и Ларисы.)* Ну, милордъ, теперь поди сюда!

Огудалова.

Что̀ это вы какъ командуете вашимъ другомъ?

Вожеватовъ.

Онъ почти не бывалъ въ дамскомъ обществѣ, такъ застѣнчивъ. Все больше путешествовалъ, и по водѣ, и по сушѣ, а вотъ недавно совсѣмъ было одичалъ на необитаемомъ островѣ. *(Карандышеву.)* Позвольте васъ познакомить! Лордъ Робинзонъ, Юлій Капитонычъ Карандышевъ!

Карандышевъ *(подавая руку Робинзону).*

Вы ужъ давно выѣхали изъ Англіи?

Робинзонъ.

Yes *(Йесъ.)*

Вожеватовъ *(Паратову).*

Я его слова три по-англійски выучилъ, да, признаться, и самъ-то немного больше знаю. *(Робинзону.)* Что̀ ты на вино-то поглядываешь? Харита Игнатьевна, можно?

Огудалова.

Сдѣлайте одолженіе.

Вожеватовъ.

Англичане вѣдь цѣлый день пьютъ вино, съ утра.

Огудалова.

Неужели вы цѣлый день пьете?

Робинзонъ.

Yes.

Вожеватовъ.

Они три раза завтракаютъ, да потомъ обѣдаютъ съ шести часовъ до двѣнадцати.

Огудалова.

Возможно ли?

Робинзонъ.

Yes.

Вожеватовъ (*Робинзону*).

Ну, наливай!

Робинзонъ (*наливъ стаканы*).

If you plaese! (*Ифъ ю плизъ.*) (*Пьютъ.*)

Паратовъ (*Карандышеву*).

Пригласите и его обѣдать. Мы съ нимъ вездѣ вмѣстѣ: я безъ него не могу.

Карандышевъ.

Какъ его зовутъ?

Паратовъ.

Да кто-жъ ихъ по именамъ зоветъ? Лордъ, милордъ...

Карандышевъ.

Развѣ онъ лордъ?

Паратовъ.

Конечно, не лордъ, да они такъ любятъ. А то просто: сэръ Робинзонъ.

Карандышевъ (*Робинзону*).

Сэръ Робинзонъ, прошу покорно сегодня откушать у меня.

Робинзонъ.

I thank you (*ай сенкъ ю.*)

Карандышевъ (*Огудаловой*).

Харита Игнатьевна, я отправлюсь домой: мнѣ нужно похлопотать кой о чемъ. (*Кланяясь всѣмъ.*) Я васъ жду, господа. Честь имѣю кланяться! (*Уходитъ.*)

Паратовъ (*беретъ шляпу*).

Да и намъ пора, надо отдохнуть съ дороги.

Вожеватовъ.

Къ обѣду приготовиться.

Огудалова.

Погодите, господа, не всѣ вдругъ. *(Огудалова и Лариса уходятъ за Карандышевымъ въ переднюю.)*

ЯВЛЕНІЕ ОДИННАДЦАТОЕ.

Паратовъ, Вожеватовъ *и* Робинзонъ.

Вожеватовъ.

Понравился вамъ женихъ?

Паратовъ.

Чему тутъ нравиться? Кому онъ можетъ нравиться? А еще разговариваетъ, гусь лапчатый!

Вожеватовъ.

Развѣ было что̀?

Паратовъ.

Былъ разговоръ небольшой. Топорщился тоже, какъ и человѣкъ, пѣтушиться тоже вздумалъ. Да погоди, дружокъ, я надъ тобой, дружокъ, потѣшусь! *(Ударивъ себя по лбу.)* Ахъ, какая мысль блестящая! Ну, Робинзонъ, тебѣ предстоитъ работа трудная, старайся!..

Вожеватовъ.

Что̀ такое?

Паратовъ.

А вотъ что̀... *(Прислушиваясь.)* Идутъ! Послѣ скажу, господа. *(Входятъ Огудалова и Лариса.)* Честь имѣю кланяться!

Вожеватовъ.

До свиданія! *(Раскланиваются.)*

(Занавѣсъ.)

ДѢЙСТВІЕ ТРЕТЬЕ.

ЛИЦА:

Евфросинья Потаповна, тетка Карандышева.
Карандышевъ.
Огудалова.
Лариса.
Паратовъ.
Кнуровъ.
Вожеватовъ.
Робинзонъ.
Иванъ.
Илья, цыганъ.

Кабинетъ Карандышева, Комната, меблированная съ претензіями, но безъ вкуса: на одной стѣнѣ прибитъ предъ диваномъ коверъ, на которомъ развѣшено оружіе. Три двери: одна посрединѣ, двѣ по бокамъ.

ЯВЛЕНІЕ ПЕРВОЕ.

Евфросинья Потаповна *и* Иванъ *выходитъ изъ двери налѣво.*

Иванъ.

Лимоновъ пожалуйте!

Евфросинья Потаповна.

Какихъ лимоновъ, аспидъ?

Иванъ.

Мессинскихъ-съ.

Евфросинья Потаповна.

На что̀ они тебѣ понадобились?

Иванъ.

Послѣ обѣда, которые господа кофей кушаютъ, а которые чай, такъ къ чаю требуются.

Евфросинья Потаповна.

Вымотали вы изъ меня всю душеньку нынче. Подай клюковнаго морсу, развѣ не все равно? Возьми тамъ у меня гра-

финчикъ; ты поосторожнѣе, графинчикъ-то старенькій, пробочка и такъ еле держится, сургучикомъ подклеена. Пойдемъ, я сама выдамъ. *(Уходитъ въ среднюю дверь; Иванъ за ней. Входятъ Огудалова и Лариса слѣва.)*

ЯВЛЕНІЕ ВТОРОЕ.

Огудалова *и* Лариса.

Лариса.

Ахъ, мама, я не знала, куда дѣться.

Огудалова.

Я такъ и ожидала отъ него.

Лариса.

Что̀ за обѣдъ, что̀ за обѣдъ! А еще зоветъ Мокія Парменыча! Что̀ онъ дѣлаетъ?

Огудалова.

Да, угостилъ, нечего сказать.

Лариса.

Ахъ, какъ не хорошо! Нѣтъ хуже этого стыда, когда приходится за другихъ стыдиться... Вотъ мы ни въ чемъ не виноваты, а стыдно, стыдно, такъ бы убѣжала куда-нибудь. А онъ какъ будто не замѣчаетъ ничего: онъ даже веселъ.

Огудалова.

Да ему и замѣтить нельзя: онъ ничего не знаетъ, онъ никогда и не видывалъ, какъ порядочные люди обѣдаютъ. Онъ еще думаетъ, что удивилъ всѣхъ своей роскошью; вотъ онъ и веселъ. Да развѣ ты не замѣчаешь? Его нарочно подпаиваютъ.

Лариса.

Ахъ, ахъ! Останови его, останови его!

Огудалова.

Какъ остановить? Онъ — не малолѣтній, пора безъ няньки жить.

Лариса.

Да вѣдь онъ не глупъ, какъ же онъ не видитъ этого?

Огудалова.

Не глупъ, да самолюбивъ. Надъ нимъ подтруниваютъ, вина похваливаютъ, — онъ и радъ; сами-то только видъ дѣлаютъ, что пьютъ, а ему подливаютъ.

Лариса.

Ахъ, я боюсь, всего боюсь. Зачѣмъ они это дѣлаютъ?

Огудалова.

Да такъ просто, позабавиться хотятъ.

Лариса.

Да вѣдь они меня терзаютъ-то?

Огудалова.

А кому нужно, что ты терзаешься? Вотъ, Лариса, еще ничего не видя, а ужъ терзаніе; чтò дальше-то будетъ?

Лариса.

Ахъ, дѣло сдѣлано, можно только жалѣть, а поправить нельзя. *(Входитъ Евфросинья Потаповна.)*

ЯВЛЕНІЕ ТРЕТЬЕ.

Огудалова, Лариса *и* Евфросинья Потаповна.

Евфросинья Потаповна.

Ужъ откушали? А чаю не угодно?

Огудалова.

Нѣтъ, увольте.

Евфросинья Потаповна.

А мужчины-то чтò?

Огудалова.

Они тамъ сидятъ, разговариваютъ.

Евфросинья Потаповна.

Ну, покушали и вставали бы; чего еще дожидаются? Ужъ достался мнѣ этотъ обѣдъ; чтò хлопотъ, чтò изьяну! Поваришки разбойники, въ кухню-то точно какой побѣдитель придетъ: слова ему сказать не смѣй!

Огудалова.

Да объ чемъ съ нимъ разговаривать? Коли онъ хорошій поваръ, такъ учить его не надо.

Евфросинья Потаповна.

Да не объ ученьѣ рѣчь, а много очень добра изводятъ. Кабы свой матеріалъ, домашній, деревенскій, такъ я бы слова не сказала, а то купленый, дорогой, такъ его и жалко. Помилуйте, требуетъ сахару, ванилю, рыбьяго клею, а ваниль этотъ дорогой, а рыбій клей еще дороже. Ну, и положилъ бы чуточку для духу, а онъ валитъ зря: сердце-то и мретъ, на него глядя.

Огудалова.

Да, для расчетливыхъ людей, конечно...

Евфросинья Потаповна.

Какіе тутъ расчеты, коли человѣкъ съ ума сошелъ? Возьмемъ стерлядь: развѣ вкусъ-то въ ней не одинъ, что̀ большая, что̀ маленькая? А въ цѣнѣ-то разница, охъ, велика! Полтинничекъ десятокъ и за глаза бы, а онъ по полтиннику штуку платилъ.

Огудалова.

Ну, этимъ, что̀ были за обѣдомъ, еще погулять по Волгѣ да подрости бы не мѣшало.

Евфросинья Потаповна.

Ахъ, да вѣдь, пожалуй, есть и въ рубль, и въ два; плати, у кого деньги бѣшеныя. Кабы для начальника какого высокаго, али для владыки, ну, ужъ это такъ и полагается, а то для кого? Опять вино хотѣлъ было дорогое покупать, въ рубль и больше, да купецъ честный человѣкъ попался: берите, говоритъ, кругомъ по шести гривенъ за бутылку, а ярлыки наклеимъ, какіе прикажете! Ужъ и вино отпустилъ! Можно сказать, что на чести. Попробовала я рюмочку, такъ и гвоздикой-то пахнетъ, и розаномъ пахнетъ, и еще чѣмъ-то. Какъ ему быть дешевымъ, когда въ него столько дорогихъ духовъ кладется! И деньги немалыя: шесть гривенъ за бутылку, а ужъ и сто́итъ дать. А дороже платить не изъ чего, жалованьемъ живемъ. Вотъ у насъ сосѣдъ женился, такъ къ нему этого одного пуху: перинъ да подушекъ, возили-возили, возили-возили, да все чистаго; потомъ пушного: и лисица, и куница, и соболь! Все это въ домъ, такъ есть изъ чего ему тратиться. А вотъ рядомъ чиновникъ женился, такъ всего приданаго привезли фортепіаны старыя. Не разживешься. Все равно и намъ форсить некстати.

Лариса *(Огудаловой).*

Бѣжала-бъ я отсюда, куда глаза глядятъ.

Огудалова.

Невозможно, къ несчастію.

Евфросинья Потаповна.

Да коли вамъ не по себѣ, такъ пожалуйте ко мнѣ въ комнату, а то придутъ мужчины, накурятъ такъ, что не продохнешь. Что̀ я стою-то? Бѣжать мнѣ серебро сосчитать, да запереть, нынче народъ безъ креста. *(Огудалова и Лариса уходятъ въ дверь направо, Евфросинья Потаповна въ среднюю. Изъ двери налѣво выходятъ Паратовъ, Кнуровъ, Вожеватовъ.)*

ЯВЛЕНІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

Паратовъ, Кнуровъ *и* Вожеватовъ.

Кнуровъ.

Я, господа, въ клубъ обѣдать поѣду: я не ѣлъ ничего.

Паратовъ.

Подождите, Мокій Парменычъ!

Кнуровъ.

Со мной первый разъ въ жизни такой случай. Приглашаетъ обѣдать извѣстныхъ людей, а ѣсть нечего... Онъ человѣкъ глупый, господа.

Паратовъ.

Мы не споримъ. Надо ему отдать справедливость: онъ, дѣйствительно, глупъ.

Кнуровъ.

И самъ прежде всѣхъ напился.

Вожеватовъ.

Мы его порядочно подстроили.

Паратовъ.

Да, я свою мысль привелъ въ исполненіе. Мнѣ еще давеча въ голову пришло накатить его хорошенько и посмотрѣть, что̀ выйдетъ.

Кнуровъ.

Такъ у васъ было задумано?

Паратовъ.

Мы прежде условились. Вотъ, господа, для такихъ случаевъ Робинзоны-то и дóроги.

Вожеватовъ.

Золото, а не человѣкъ!

Паратовъ.

Чтобы напоить хозяина, надо самому пить съ нимъ вмѣстѣ; а есть ли возможность глотать эту микстуру, которую онъ виномъ величаетъ? А Робинзонъ — натура выдержанная на заграничныхъ винахъ ярославскаго производства: ему ни почемъ. Онъ пьетъ да похваливаетъ, пробуетъ то одно, то другое, сравниваетъ, смакуетъ съ видомъ знатока, но безъ хозяина пить не соглашается; тотъ и попался. Человѣкъ непривычный, много-ль ему надо, скорехонько и дошелъ до восторга.

Кнуровъ.

Это забавно; только мнѣ, господа, не шутя, ѣсть хочется.

Паратовъ.

Еще успѣете. Погодите немного; мы попросимъ Ларису Дмитріевну спѣть чтò-нибудь.

Кнуровъ.

Это другое дѣло. А гдѣ-жъ Робинзонъ?

Вожеватовъ.

Они тамъ еще допиваютъ. *(Входитъ Робинзонъ.)*

ЯВЛЕНІЕ ПЯТОЕ.

Паратовъ, Кнуровъ, Вожеватовъ *и* Робинзонъ.

Робинзонъ *(падая на диванъ).*

Батюшки, помогите! Ну, Сержъ, будешь ты за меня Богу отвѣчать.

Паратовъ.

Чтò-жъ ты, пьянъ, чтò ли?

Робинзонъ.

Пьянъ! Развѣ я на это жалуюсь когда-нибудь? Кабы пьянъ, это бы прелесть чтò такое — лучше бы и желать ничего нельзя. Я съ этимъ добрымъ намѣреніемъ ѣхалъ сюда, да

съ этимъ намѣреніемъ и на свѣтѣ живу. Это цѣль моей жизни.

Паратовъ.

Что̀-жъ съ тобой?

Робинзонъ.

Я отравленъ, я сейчасъ караулъ закричу.

Паратовъ.

Да ты что̀ пилъ-то больше, какое вино?

Робинзонъ.

Кто-жъ его знаетъ? Химикъ я, что̀-ли? Ни одинъ аптекарь не разберетъ.

Паратовъ.

Да что̀ на бутылкѣ-то, какой этикетъ?

Робинзонъ.

На бутылкѣ-то „бургонское“, а въ бутылкѣ-то „киндеръ-бальзамъ“ какой-то. Не пройдетъ мнѣ даромъ эта специя, ужъ я чувствую.

Вожеватовъ.

Это случается: какъ дѣлаютъ вино, такъ переложатъ лишнее что̀-нибудь противъ пропорціи. Ошибиться долго ли? Человѣкъ не машина. Мухоморовъ не переложили ли?

Робинзонъ.

Что̀ тебѣ весело? Человѣкъ погибаетъ, а ты радъ.

Вожеватовъ.

Шабашъ! Помирать тебѣ, Робинзонъ.

Робинзонъ.

Ну, это вздоръ, помирать я не согласенъ... Ахъ, хоть бы знать, какое увѣчье-то отъ этого вина бываетъ!

Вожеватовъ.

Одинъ глазъ лопнетъ непремѣнно, ты такъ и жди. *(За сценой голосъ Карандышева: „Эй, дайте намъ бургонскаго“!)*

Робинзонъ.

Ну, вотъ, изволите слышать, опять бургонскаго! Спасите, погибаю! Сержъ, пожалѣй хоть ты меня! Вѣдь я въ цвѣтѣ лѣтъ, господа, я подаю большія надежды. За что̀-жъ искусство должно лишиться...

Паратовъ.

Да не плачь, я тебя вылѣчу; я знаю, чѣмъ помочь тебѣ; какъ рукой сниметъ. *(Входитъ Карандышевъ съ ящикомъ сигаръ.)*

ЯВЛЕНІЕ ШЕСТОЕ.

Паратовъ, Кнуровъ, Вожеватовъ, Робинзонъ *и* Карандышевъ.

Робинзонъ *(взглянувъ на коверъ)*.

Чтò это у васъ такое?

Карандышевъ.

Сигары.

Робинзонъ.

Нѣтъ, чтò развѣшено-то? Бутафорскія вещи?

Карандышевъ.

Какія бутафорскія вещи? Это турецкое оружіе.

Паратовъ.

Такъ вотъ кто виноватъ, что австрійцы турокъ одолѣть не могутъ.

Карандышевъ.

Какъ? Чтò за шутки? Помилуйте, чтò это за вздоръ! Чѣмъ я виноватъ?

Паратовъ.

Вы забрали у нихъ все дрянное, негодное оружіе; вотъ они съ горя хорошимъ англійскимъ и запаслись.

Вожеватовъ.

Да, да, вотъ кто виноватъ! Теперь нашлось. Ну, вамъ австрійцы спасибо не скажутъ.

Карандышевъ.

Да чѣмъ оно негодное? Вотъ этотъ пистолетъ, напримѣръ... *(Снимаетъ со стѣны пистолетъ.)*

Паратовъ *(беретъ у него пистолетъ)*.

Этотъ пистолетъ?

Карандышевъ.

Ахъ, осторожнѣе, онъ заряженъ!

Паратовъ.

Не бойтесь! Заряженъ ли онъ, не заряженъ ли, опасность отъ него одинаковая: онъ, все равно, не выстрѣлитъ. Стрѣляйте въ меня въ пяти шагахъ, я позволяю.

Карандышевъ.

Ну, нѣтъ-съ, и этотъ пистолетъ пригодиться можетъ.

Паратовъ.

Да, въ стѣну гвозди вколачивать. *(Бросаетъ пистолетъ на столъ.)*

Вожеватовъ.

Ну, нѣтъ, не скажите! По русской пословицѣ: „на грѣхъ и изъ палки выстрѣлишь“.

Карандышевъ *(Паратову).*

Не угодно ли сигаръ?

Паратовъ.

Да, вѣдь, чай, дорогія? Рублей семь сотня, я думаю.

Карандышевъ.

Да-съ, около того; сортъ высокій, очень высокій сортъ.

Паратовъ.

Я этотъ сортъ знаю: Регалія капустиссима dos amigos; я его держу для пріятелей, а самъ не курю.

Карандышевъ *(Кнурову).*

Не прикажете ли?

Кнуровъ.

Не хочу я вашихъ сигаръ, — свои курю.

Карандышевъ.

Хорошенькія сигары, хорошенькія-съ.

Кнуровъ.

Ну, а хорошія, такъ и курите сами.

Карандышевъ *(Вожеватову).*

Вамъ не угодно ли?

Вожеватовъ.

Для меня эти очень дороги; пожалуй, избалуешься. Не нашему носу рябину клевать; рябина — ягода нѣжная.

Карандышевъ.

А вы, сэръ Робинзонъ, курите?

Робинзонъ.

Я-то? Странный вопросъ! Пожалуйте пяточекъ! *(Выбираетъ пять штукъ, вынимаетъ изъ кармана бумажку и тщательно завертываетъ.)*

Карандышевъ.

Чтò же вы не закуриваете?

Робинзонъ.

Нѣтъ, какъ можно! Эти сигары надо курить въ природѣ, въ хорошемъ мѣстоположеніи.

Карандышевъ.

Да почему же?

Робинзонъ.

А потому, чтò если ихъ закурить въ порядочномъ домѣ, такъ, пожалуй, прибьютъ, чего я терпѣть не могу.

Вожеватовъ.

Не любишь, когда бьютъ?

Робинзонъ.

Нѣтъ, съ дѣтства отвращеніе имѣю.

Карандышевъ.

Какой онъ оригиналъ! А, господа, каковъ оригиналъ! Сейчасъ видно, что англичанинъ. *(Громко.)* А гдѣ наши дамы? *(Еще громче.)* Гдѣ дамы? *(Входитъ Огудалова.)*

ЯВЛЕНІЕ СЕДЬМОЕ.

Паратовъ, Кнуровъ, Вожеватовъ, Робинзонъ, Карандышевъ *и* Огудалова.

Огудалова.

Дамы здѣсь, не безпокойтесь. *(Карандышеву тихо.)* Чтò вы дѣлаете? Посмотрите вы на себя!

Карандышевъ.

Я, помилуйте, я себя знаю. Посмотрите, всѣ пьяны, а я только веселъ. Я счастливъ сегодня, я торжествую.

Огудалова.

Торжествуйте, только не такъ громко. *(Подходитъ къ Паратову.)* Сергѣй Сергѣичъ, перестаньте издѣваться надъ

Юліемъ Капитонычемъ! Намъ больно видѣть: вы обижаете меня и Ларису.

Паратовъ.

Ахъ, тетенька, смѣю ли я!

Огудалова.

Неужели вы еще не забыли давешнюю ссору? Какъ не стыдно!

Паратовъ.

Что̀ вы! Я, тятенька, не злопамятенъ. Да извольте, я для вашего удовольствія все это покончу однимъ разомъ. Юлій Капитонычъ!

Карандышевъ.

Что̀ вамъ угодно?

Паратовъ.

Хотите брудершафтъ со мной выпить?

Огудалова.

Вотъ это хорошо. Благодарю васъ!

Карандышевъ.

Брудершафтъ, вы говорите? Извольте, съ удовольствіемъ.

Паратовъ *(Огудаловой)*.

Да попросите сюда Ларису Дмитріевну! Что̀ она прячется отъ насъ?

Огудалова.

Хорошо, я приведу ее. *(Уходитъ.)*

Карандышевъ.

Что̀ же мы выпьемъ? Бургонскаго?

Паратовъ.

Нѣтъ, ужъ отъ бургонскаго увольте! Я человѣкъ простой.

Карандышевъ.

Такъ чего же?

Паратовъ.

Знаете что̀: любопытно теперь намъ съ вами коньячку выпить. Коньякъ есть?

Карандышевъ.

Какъ не быть! У меня все есть. Эй, Иванъ, коньяку!

Паратовъ.

Зачѣмъ сюда; мы тамъ выпьемъ; только велите стаканчиковъ дать, я рюмокъ не признаю.

Робинзонъ.

Чтò-жъ вы прежде не сказали, что у васъ коньякъ есть? Сколько дорогого времени-то потеряно!

Вожеватовъ.

Какъ, онъ ожилъ!

Робинзонъ.

Съ этимъ напиткомъ я обращаться умѣю: я къ нему примѣнился. *(Паратовъ и Карандышевъ уходятъ въ дверь налѣво.)*

ЯВЛЕНІЕ ВОСЬМОЕ.

Кнуровъ, Вожеватовъ *и* Робинзонъ.

Робинзонъ *(глядитъ въ дверь налѣво).*

Погибъ Карандышевъ. Я началъ, а Сержъ его докончитъ. Наливаютъ, устанавливаются въ позу; живая картина. Посмотрите, какая у Сержа улыбка! Совсѣмъ Бертрамъ. *(Поетъ изъ „Роберта“:)* „Ты мой спаситель. — Я твой спаситель! — И покровитель, и покровитель“. Ну, проглотилъ. Цѣлуются. *(Поетъ.)* „Какъ счастливъ я! — Жертва моя!“ Ай, уноситъ Иванъ коньякъ, уноситъ! *(Громко.)* Чтò ты, чтò ты, оставь! Я его давно дожидаюсь. *(Убѣгаетъ. Изъ средней двери выходитъ Илья.)*

ЯВЛЕНІЕ ДЕВЯТОЕ.

Кнуровъ, Вожеватовъ, Илья, *потомъ* Паратовъ.

Вожеватовъ.

Чтò тебѣ, Илья?

Илья.

Да наши готовы, собрались совсѣмъ, на бульварѣ дожидаются. Когда ѣхать прикажете?

Вожеватовъ.

Сейчасъ всѣ вмѣстѣ поѣдемъ, подождите немного!

Илья.

Хорошо, какъ прикажете, такъ и будетъ. *(Входитъ Паратовъ.)*

Паратовъ.

А, Илья, готовы?

Илья.

Готовы, Сергѣй Сергѣичъ!

Паратовъ.

Гитара съ тобой?

Илья.

Не захватилъ, Сергѣй Сергѣичъ.

Паратовъ.

Гитару нужно, слышишь?

Илья.

Сейчасъ сбѣгаю, Сергѣй Сергѣичъ! *(Уходитъ.)*

Паратовъ.

Я хочу попросить Ларису Дмитріевну спѣть намъ что̀-нибудь, да и поѣдемте за Волгу.

Кнуровъ.

Не весела наша прогулка будетъ безъ Ларисы Дмитріевны. Вотъ если бы... Дорого можно заплатить за такое удовольствіе...

Вожеватовъ.

Если бы Лариса Дмитріевна поѣхала, я бы, съ радости, всѣхъ гребцовъ по рублю серебромъ одѣлилъ.

Паратовъ.

Представьте, господа, я и самъ о томъ же думаю; вотъ какъ мы сошлись.

Кнуровъ.

Да есть ли возможность?

Паратовъ.

На свѣтѣ нѣтъ ничего невозможнаго, говорятъ философы.

Кнуровъ.

А Робинзонъ, господа, лишній. Потѣшились и будетъ. Напьется онъ тамъ до звѣринаго образа, — что̀ хорошаго? Эта прогулка дѣло серьезное: онъ намъ совсѣмъ не компанія. *(Указывая въ дверь.)* Вонъ онъ какъ къ коньяку-то прильнулъ.

Вожеватовъ.

Такъ не брать его.

Паратовъ.

Увяжется какъ-нибудь.

Вожеватовъ.

Погодите, господа, я отъ него отдѣлаюсь. *(Въ дверь.)* Робинзонъ! *(Входитъ Робинзонъ.)*

ЯВЛЕНІЕ ДЕСЯТОЕ.

Паратовъ, Кнуровъ, Вожеватовъ *и* Робинзонъ.

Робинзонъ.

Что̀ тебѣ?

Вожеватовъ *(тихо)*.

Хочешь ѣхать въ Парижъ?

Робинзонъ.

Какъ въ Парижъ, когда?

Вожеватовъ.

Сегодня вечеромъ.

Робинзонъ.

А мы за Волгу сбирались.

Вожеватовъ.

Какъ хочешь; поѣзжай за Волгу, а я въ Парижъ.

Робинзонъ.

Да вѣдь у меня паспорта нѣтъ.

Вожеватовъ.

Это ужъ мое дѣло.

Робинзонъ.

Я, пожалуй.

Вожеватовъ.

Такъ отсюда мы поѣдемъ вмѣстѣ; я тебя завезу домой къ себѣ; тамъ и жди меня, отдохни, усни. Мнѣ нужно заѣхать по дѣламъ мѣста въ два.

Робинзонъ.

А интересно бы и цыганъ послушать.

Вожеватовъ.

А еще артистъ! Стыдись! Цыганскія пѣсни, — вѣдь, это невѣжество. То ли дѣло итальянская опера или оперетка веселенькая! Вотъ что̀ тебѣ надо слушать. Чай, самъ игралъ?

Робинзонъ.

Еще бы! Я въ „Птичкахъ пѣвчихъ“ игралъ.

Вожеватовъ.

Кого?

Робинзонъ.

Нотаріуса.

Вожеватовъ.

Ну, какъ же такому артисту да въ Парижѣ не побывать! Послѣ Парижа тебѣ какая цѣна-то будетъ!

Робинзонъ.

Руку!

Вожеватовъ.

Ѣдешь?

Робинзонъ.

Ѣду!

Вожеватовъ *(Паратову)*.

Какъ онъ тутъ пѣлъ изъ „Роберта"! Что̀ за голосъ!

Паратовъ.

А вотъ мы съ нимъ въ Нижнемъ, на ярмаркѣ, дѣлъ надѣлаемъ.

Робинзонъ.

Еще поѣду ли я, спросить надо.

Паратовъ.

Что̀ такъ?

Робинзонъ.

Невѣжества я и безъ ярмарки довольно вижу.

Паратовъ.

Ого, какъ онъ поговаривать началъ!

Робинзонъ.

Нынче образованные люди въ Европу ѣздятъ, а не по ярмаркамъ шатаются.

Паратовъ.

Какія же государства и какіе города Европы вы осчастливить хотите?

Робинзонъ.

Конечно, Парижъ: я ужъ туда давно собираюсь.

Вожеватовъ.

Мы съ нимъ сегодня вечеромъ ѣдемъ.

Паратовъ.

А, вотъ что̀! Счастливаго пути! Въ Парижъ тебѣ, дѣйстви-

тельно, надо ѣхать. Тамъ только тебя и недоставало. А гдѣ же хозяинъ?

Робинзонъ.

Онъ тамъ; онъ говорилъ, что сюрпризъ намъ готовитъ. *(Входятъ справа Огудалова и Лариса; слѣва — Карандышевъ и Иванъ.)*

ЯВЛЕНІЕ ОДИННАДЦАТОЕ.

Огудалова, Лариса, Паратовъ, Кнуровъ, Вожеватовъ, Робинзонъ, Карандышевъ, Иванъ, *потомъ* Илья *и* Евфросинья Потаповна.

Паратовъ *(Ларисѣ).*

Чтò вы насъ покинули?

Лариса.

Мнѣ чтò-то нездоровится.

Паратовъ.

А мы сейчасъ съ вашимъ женихомъ брудершафтъ выпили. Теперь ужъ друзья навѣкъ.

Лариса.

Благодарю васъ. *(Жметъ руку Паратову.)*

Карандышевъ *(Паратову).*

Сержъ!

Паратовъ *(Ларисѣ).*

Вотъ видите, какая короткость! *(Карандышеву.)* Чтò тебѣ?

Карандышевъ.

Тебя кто-то спрашиваетъ.

Паратовъ.

Кто тамъ?

Иванъ.

Цыганъ Илья.

Паратовъ.

Такъ зови его сюда. *(Иванъ уходитъ.)* Господа, извините, что я приглашаю Илью въ наше общество. Это мой лучшій другъ. Гдѣ принимаютъ меня, тамъ должны принимать и моихъ друзей. Это мое правило.

Вожеватовъ *(тихо Ларисѣ).*

Я новую пѣсенку знаю.

Лариса.

Хорошая?

Вожеватовъ.

Безподобная! „Веревьюшки веревью, на барышнѣ башмачки“.

Лариса.

Это забавно.

Вожеватовъ.

Я васъ выучу. *(Входитъ Илья съ гитарой.)*

Паратовъ *(Ларисѣ).*

Позвольте, Лариса Дмитріевна, попросить васъ осчастливить насъ! Спойте намъ какой-нибудь романсъ или пѣсенку! Я васъ цѣлый годъ не слыхалъ, да, вѣроятно, и не услышу ужъ болѣе.

Кнуровъ.

Позвольте и мнѣ повторить ту же просьбу!

Карандышевъ.

Нельзя, господа, нельзя. Лариса Дмитріевна не станетъ пѣть.

Паратовъ.

Да почемъ ты знаешь, что не станетъ? А можетъ быть, и станетъ.

Лариса.

Извините, господа, я и не расположена сегодня, и не въ голосѣ.

Кнуровъ.

Чтò-нибудь, чтò вамъ угодно!

Карандышевъ.

Ужъ коли я говорю, что не станетъ, такъ не станетъ.

Паратовъ.

А вотъ посмотримъ. Мы попросимъ хорошенько, на колѣни станемъ.

Вожеватовъ.

Это я сейчасъ: я человѣкъ гибкій.

Карандышевъ.

Нѣтъ, нѣтъ, и не просите, нельзя; я запрещаю!

Огудалова.

Чтò вы? Запрещайте тогда, когда будете имѣть право, а теперь еще погодите запрещать, рано.

Карандышевъ.

Нѣтъ, нѣтъ! Я положительно запрещаю.

Лариса.

Вы запрещаете? Такъ я буду пѣть, господа! *(Карандышевъ, надувшись, отходитъ въ уголъ и садится.)*

Паратовъ.

Илья!

Илья.

Чтò будемъ пѣть, барышня?

Лариса.

„Не искушай".

Илья *(подстроивая гитару).*

Вотъ третій голосъ надо! Ахъ, бѣда! Какой теноръ былъ! Отъ своей отъ глупости... *(Поютъ въ два голоса.)*

Не искушай меня безъ нужды
Возвратомъ нѣжности твоей!
Разочарованному чужды
Всѣ обольщенья прежнихъ дней.

(Всѣ различнымъ образомъ выражаютъ восторгъ. Паратовъ сидитъ, запустивъ руки въ волоса. Ко 2-му куплету слегка пристаетъ Робинзонъ.)

Ужъ я не вѣрю увѣреньямъ,
Ужъ я не вѣрую въ любовь,
И не хочу предаться вновь
Разъ обманувшимъ сновидѣньямъ.

Илья *(Робинзону).*

Вотъ спасибо, баринъ. Выручилъ.

Кнуровъ *(Ларисѣ).*

Велико наслажденіе видѣть васъ, а еще больше наслажденія слушать васъ.

Паратовъ *(съ мрачнымъ видомъ).*

Мнѣ кажется, я съ ума сойду. *(Цѣлуетъ руку Ларисы.)*

Вожеватовъ.

Послушать да и умереть — вотъ оно чтò! *(Карандышеву.)* А вы хотѣли лишить насъ этого удовольствія.

Карандышевъ.

Я, господа, не меньше вашего восхищаюсь пѣніемъ Ларисы Дмитріевны. Мы сейчасъ выпьемъ шампанскаго за ея здоровье.

Вожеватовъ.

Умную рѣчь пріятно и слышать.

Карандышевъ *(громко).*

Подайте шампанскаго!

Огудалова *(тихо).*

Потише! Что̀ вы кричите?

Карандышевъ.

Помилуйте, я у себя дома. Я знаю, что̀ дѣлаю. *(Громко.)* Подайте шампанскаго! *(Входитъ Евфросинья Потаповна.)*

Евфросинья Потаповна.

Какого тебѣ еще шампанскаго? Поминутно то того, то другого.

Карандышевъ.

Не мѣшайтесь не въ свое дѣло! Исполняйте, что̀ вамъ приказываютъ!

Евфросинья Потаповна.

Такъ поди самъ! А ужъ я ноги отходила; я еще, можетъ быть, не ѣвши съ утра. *(Уходитъ. Карандышевъ идетъ въ дверь налѣво.)*

Огудалова.

Послушайте, Юлій Капитонычъ... *(Уходитъ за Карандышевымъ.)*

Паратовъ.

Илья, поѣзжай! Чтобъ катера были готовы. Мы сейчасъ пріѣдемъ. *(Илья уходитъ въ среднюю дверь.)*

Вожеватовъ *(Кнурову).*

Оставимъ его одного съ Ларисой Дмитріевной. *(Робинзону.)* Робинзонъ, смотри: Иванъ коньякъ-то убираетъ.

Робинзонъ.

Да я его убью. Мнѣ легче съ жизнью разстаться! *(Уходятъ налѣво Кнуровъ, Вожеватовъ и Робинзонъ.)*

ЯВЛЕНІЕ ДВѢНАДЦАТОЕ.

Лариса *и* Паратовъ.

Паратовъ.

Очаровательница! *(Страстно глядитъ на Ларису.)* Какъ я проклиналъ себя, когда вы пѣли!

Лариса.

За что̀?

Паратовъ.

Вѣдь — не дерево; потерять такое сокровище, какъ вы, развѣ легко?

Лариса.

Кто же виноватъ?

Паратовъ.

Конечно, я, и гораздо болѣе виноватъ, чѣмъ вы думаете. Я долженъ презирать себя.

Лариса.

За что̀ же, скажите?

Паратовъ.

Зачѣмъ я бѣжалъ отъ васъ? На что̀ промѣнялъ васъ?

Лариса.

Зачѣмъ же вы это сдѣлали?

Паратовъ.

Ахъ, зачѣмъ! Конечно, малодушіе. Надо было поправить свое состояніе. Да Богъ съ нимъ, съ состояніемъ! Я проигралъ больше, чѣмъ состояніе, — я потерялъ васъ; я и самъ страдаю, и васъ заставилъ страдать.

Лариса.

Да, надо правду сказать, вы надолго отравили мою жизнь.

Паратовъ.

Погодите, погодите винить меня! Я еще не совсѣмъ опошлился, не совсѣмъ огрубѣлъ; во мнѣ врожденнаго торгашества нѣтъ; благородныя чувства еще шевелятся въ душѣ моей. Еще нѣсколько такихъ минутъ, да... еще нѣсколько такихъ минутъ...

Лариса *(тихо)*.

Говорите!

Паратовъ.

Я брошу всѣ расчеты, и ужъ никакая сила не вырветъ васъ у меня, развѣ вмѣстѣ съ моею жизнью.

Лариса.

Чего же вы хотите?

Паратовъ.

Видѣть васъ, слушать васъ... Я завтра уѣзжаю.

Лариса *(опустя голову)*.

Завтра?

Паратовъ.

Слушать вашъ очаровательный голосъ, забывать весь міръ и мечтать только объ одномъ блаженствѣ...

Лариса *(тихо)*.

О какомъ?...

Паратовъ.

О блаженствѣ быть рабомъ вашимъ, быть у вашихъ ногъ.

Лариса.

Но какъ же?

Паратовъ.

Послушайте: мы ѣдемъ всей компаніей кататься по Волгѣ на катерахъ — поѣдемте!

Лариса.

Ахъ! а здѣсь? Я не знаю, право... какъ же здѣсь?

Паратовъ.

Чтò такое „здѣсь"? Сюда сейчасъ пріѣдутъ: тетка Карандышева, барыни въ крашеныхъ шелковыхъ платьяхъ, разговоръ будетъ о соленыхъ грибахъ.

Лариса.

Когда же ѣхать?

Паратовъ.

Сейчасъ.

Лариса.

Сейчасъ?

Паратовъ.

Сейчасъ или никогда.

Лариса.

Ѣдемте!

Паратовъ.

Какъ, вы рѣшаетесь ѣхать за Волгу?

Лариса.

Куда вамъ угодно.

Паратовъ.

Съ нами, сейчасъ?

Лариса.

Когда вамъ угодно.

Паратовъ.

Ну, признаюсь, выше и благороднѣй этого я ничего и вообразить не могу. Очаровательное созданіе! Повелительница моя!

Лариса.

Вы — мой повелитель! *(Входятъ Огудалова, Кнуровъ, Вожеватовъ, Робинзонъ, Карандышевъ и Иванъ съ подносомъ, на которомъ стаканы шампанскаго.)*

ЯВЛЕНІЕ ТРИНАДЦАТОЕ.

Огудалова, Лариса, Паратовъ, Кнуровъ, Вожеватовъ, Робинзонъ, Карандышевъ *и* Иванъ.

Паратовъ *(Кнурову и Вожеватову).*

Она поѣдетъ.

Карандышевъ.

Господа, я предлагаю тостъ за Ларису Дмитріевну. *(Всѣ берутъ стаканы.)* Господа, вы сейчасъ восхищались талантомъ Ларисы Дмитріевны. Ваши похвалы — для нея не новость; съ дѣтства она окружена поклонниками, которые восхваляютъ ее въ глаза при каждомъ удобномъ случаѣ. Да-съ, талантовъ у нея, дѣйствительно, много. Но не за нихъ я хочу похвалить ее. Главное, неоцѣненное достоинство Ларисы Дмитріевны, то, господа... то, господа...

Вожеватовъ.

Спутается.

Паратовъ.

Нѣтъ, вынырнетъ, выучилъ.

Карандышевъ.

То, господа, что она умѣетъ цѣнить и выбирать людей. Да-съ, Лариса Дмитріевна знаетъ, что не все то — золото̀, что̀ блеститъ. Она умѣетъ отличать золото отъ мишуры. Много блестящихъ молодыхъ людей окружали ее; но она мишур-

нымъ блескомъ не прельстилась. Она искала для себя человѣка не блестящаго, а достойнаго...

Паратовъ *(одобрительно)*.

Браво, браво!

Карандышевъ.

И выбрала...

Паратовъ.

Васъ! Браво, браво!

Вожеватовъ и Робинзонъ.

Браво, браво!

Карандышевъ.

Да, господа, я не только смѣю, я имѣю право гордиться и горжусь! Она меня поняла, оцѣнила и предпочла всѣмъ. Извините, господа, можетъ быть, не всѣмъ это пріятно слышать; но я счелъ своимъ долгомъ поблагодарить публично Ларису Дмитріевну за такое лестное для меня предпочтеніе. Господа, я самъ пью и предлагаю выпить за здоровье моей невѣсты!

Паратовъ, Вожеватовъ и Робинзонъ.

Ура!

Паратовъ *(Карандышеву)*.

Еще есть вино-то?

Карандышевъ.

Разумѣется, есть; какъ же не быть? Чтò ты говоришь? Ужъ я достану.

Паратовъ.

Надо еще тостъ выпить.

Карандышевъ.

Какой?

Паратовъ.

За здоровье счастливѣйшаго изъ смертныхъ, Юлія Капитоныча Карандышева.

Карандышевъ.

Ахъ, да. Такъ ты предложишь? Ты и предложи, Сержъ! А я пойду, похлопочу; я достану. *(Уходитъ.)*

Кнуровъ.

Ну, хорошенькаго понемножку. Прощайте! Я заѣду, закушу и сейчасъ же на сборный пунктъ. *(Кланяется дамамъ.)*

Вожеватовъ *(указывая на среднюю дверь).*

Здѣсь пройдите, Мокій Парменычъ! Тутъ прямо выходъ въ переднюю; никто васъ и не увидитъ. *(Кнуровъ уходитъ.)*

Паратовъ *(Вожеватову).*

И мы сейчасъ ѣдемъ *(Ларисѣ.)* Собирайтесь. *(Лариса уходитъ направо.)*

Вожеватовъ.

Не дождавшись тоста?

Паратовъ.

Такъ лучше.

Вожеватовъ.

Да чѣмъ же?

Паратовъ.

Смѣшнѣе. *(Входитъ Лариса со шляпой въ рукахъ.)*

Вожеватовъ.

И то смѣшнѣе, Робинзонъ! Ѣдемъ!

Робинзонъ.

Куда?

Вожеватовъ.

Домой, сбираться въ Парижъ. *(Робинзонъ и Вожеватовъ раскланиваются и уходятъ.)*

Паратовъ *(тихо Ларисѣ).*

Ѣдемъ! *(Уходитъ.)*

Лариса.

Прощай, мама!

Огудалова.

Чтò ты! Куда ты?

Лариса.

Или тебѣ радоваться, мама, или ищи меня въ Волгѣ!

Огудалова.

Богъ съ тобой! Чтò ты?

Лариса.

Видно, отъ своей судьбы не уйдешь! *(Уходитъ.)*

Огудалова.

Вотъ, наконецъ, до чего дошло: всеобщее бѣгство! Ахъ, Лариса!... Догонять мнѣ ее иль нѣтъ? Нѣтъ, зачѣмъ?... Чтò бы тамъ ни было, все-таки кругомъ нея люди... А здѣсь, хоть и бросить, такъ потеря не велика! *(Входитъ Карандышевъ и Иванъ съ бутылкой шампанскаго.)*

ЯВЛЕНІЕ ЧЕТЫРНАДЦАТОЕ.

Огудалова, Карандышевъ, Иванъ, *потомъ* Евфросинья Потаповна.

Карандышевъ.

Я, господа... *(Оглядываетъ комнату.)* Гдѣ-жъ они? Уѣхали? Вотъ это учтиво, нечего сказать! Ну, да тѣмъ лучше! Однако, когда-жъ они уѣхали? И вы, пожалуй, уѣдете? Нѣтъ, ужъ вы-то съ Ларисой Дмитріевной погодите! Обидѣлись? — понимаю. Ну, и прекрасно! И мы останемся въ тѣсномъ семейномъ кругу... А гдѣ же Лариса Дмитріевна? *(У двери направо.)* Тетенька, у васъ Лариса Дмитріевна?

Евфросинья Потаповна *(входя).*

Никакой у меня твоей Ларисы Дмитріевны нѣтъ.

Карандышевъ.

Однако, чтò-жъ это такое, въ самомъ дѣлѣ? Иванъ, куда дѣвались всѣ господа и Лариса Дмитріевна?

Иванъ.

Лариса Дмитріевна, надо полагать, съ господами вмѣстѣ уѣхали... Потому какъ господа за Волгу сбирались, въ родѣ какъ пикникъ у нихъ.

Карандышевъ.

Какъ за Волгу?

Иванъ.

На катерахъ-съ. И посуда, и вино, все отъ насъ пошло-съ; еще давеча отправили; ну, и прислуга — все какъ слѣдуетъ-съ.

Карандышевъ *(садится и хватается за голову).*

Ахъ, чтò же это, чтò же это?

Иванъ.

И цыгане, и музыка съ ними — все какъ слѣдуетъ.

Карандышевъ *(съ горячностью).*

Харита Игнатьевна, гдѣ ваша дочь? Отвѣчайте мнѣ, гдѣ ваша дочь?

Огудалова.

Я къ вамъ привезла дочь, Юлій Капитонычъ; вы мнѣ скажите, гдѣ моя дочь?

Карандышевъ.

И все это преднамѣренно, умышленно — всѣ вы впередъ сговорились... *(Со слезами.)* Жестоко, безчеловѣчно жестоко!

Огудалова.

Рано было торжествовать-то!

Карандышевъ.

Да, это смѣшно... Я смѣшной человѣкъ... Я знаю самъ, что я смѣшной человѣкъ. Да развѣ людей казнятъ за то, что они смѣшны? Я смѣшонъ, — ну, смѣйся надо мной, смѣйся въ глаза! Приходите ко мнѣ обѣдать, пейте мое вино и ругайтесь, смѣйтесь надо мной — я того стóю! Но разломать грудь у смѣшного человѣка, вырвать сердце, бросить подъ ноги и растоптать его! Охъ, охъ! Какъ мнѣ жить? Какъ мнѣ жить?

Евфросинья Потаповна.

Да полно ты, перестань! Не о чемъ сокрушаться-то!

Карандышевъ.

И вѣдь это не разбойники — это почетные люди... Это все пріятели Хариты Игнатьевны.

Огудалова.

Я ничего не знаю.

Карандышевъ.

Нѣтъ, у васъ одна шайка, вы всѣ за одно. Но знайте, Харита Игнатьевна, что и самаго кроткаго человѣка можно довести до бѣшенства. Не всѣ преступники — злодѣи, и смирный человѣкъ рѣшится на преступленіе, когда ему другого выхода нѣтъ. Если мнѣ на бѣломъ свѣтѣ остается только или повѣситься отъ стыда и отчаянія, или мстить, такъ ужъ я буду мстить. Для меня нѣтъ теперь ни страха, ни закона, ни жалости; только злоба лютая и жажда мести душатъ меня. Я буду мстить каждому изъ нихъ, каждому, пока не убьютъ меня самого. *(Схватываетъ со стола пистолетъ и убѣгаетъ.)*

Огудалова.

Чтò онъ взялъ-то?

Иванъ.

Пистолетъ.

Огудалова.

Бѣги, бѣги за нимъ, кричи, чтобъ остановили!

(Занавѣсъ.)

ДѢЙСТВІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

ЛИЦА:

Паратовъ.
Кнуровъ.
Вожеватовъ.
Робинзонъ.
Лариса.
Карандышевъ.
Илья.
Гаврила.
Иванъ.
Цыгане и цыганки.

Декорація перваго дѣйствія. Свѣтлая лѣтняя ночь.

ЯВЛЕНІЕ ПЕРВОЕ.

Робинзонъ *съ мазикомъ въ рукѣ и* Иванъ *выглядываетъ изъ кофейной.*

Иванъ.

Мазикъ-то пожалуйте!

Робинзонъ.

Не отдамъ. Ты играй со мной! Отчего ты не играешь?

Иванъ.

Да какъ же играть съ вами, когда вы денегъ не платите?

Робинзонъ.

Я послѣ отдамъ. Мои деньги у Василья Данилыча; онъ ихъ увезъ съ собой. Развѣ ты не вѣришь?

Иванъ.

Какъ же вы это съ ними на пикникъ не поѣхали?

Робинзонъ.

Я заснулъ, а онъ не посмѣлъ меня безпокоить, будить; ну, и уѣхалъ одинъ. Давай играть!

Иванъ.

Нельзя-съ, игра не равна: я ставлю деньги, а вы нѣтъ — выигрываете, берете, а проигрываете — не отдаете. Ставьте деньги-съ!

Робинзонъ.

Чтò-жъ, развѣ мнѣ кредита нѣтъ? Это странно! Я первый городъ такой вижу; я вездѣ, по всей Россіи, все больше въ кредитъ.

Иванъ.

Это я оченно вѣрю-съ. Коли спросить чего угодно, мы подадимъ; знавши Сергѣя Сергѣича и Василья Данилыча, какіе они господа, мы обязаны для васъ кредитъ сдѣлать-съ, а игра денегъ требуетъ-съ.

Робинзонъ.

Такъ бы ты и говорилъ. Возьми мазикъ и дай мнѣ бутылку... чего бы?...

Иванъ.

Портвейнъ есть не дуренъ-съ.

Робинзонъ.

Я вѣдь дешеваго не пью.

Иванъ.

Дорогого подадимъ-съ.

Робинзонъ.

Да вели мнѣ приготовить... знаешь, этого... какъ оно ..

Иванъ.

Дупелей зажарить можно; не прикажете ли?

Робинзонъ.

Да, вотъ именно дупелей.

Иванъ.

Слушаю-съ! *(Уходитъ.)*

Робинзонъ.

Они пошутить захотѣли надо мной; ну, и прекрасно, и я пошучу надъ ними. Я, съ огорченія, задолжаю рублей двадцать, пусть расплачиваются. Они думаютъ, что мнѣ общество ихъ очень нужно — ошибаются; мнѣ только бы кредитъ, а то я и одинъ не соскучусь, я и solo могу разыграть очень веселое. Къ довершенію удовольствія, денегъ бы занять... *(Входитъ Иванъ съ бутылкой.)*

Иванъ *(ставитъ бутылку).*

Дупеля заказаны-съ.

Робинзонъ.

Я здѣсь театръ снимаю.

Иванъ.

Дѣло хорошее-съ.

Робинзонъ.

Не знаю, кому буфетъ сдать. Твой хозяинъ не возьметъ ли?

Иванъ.

Отчего не взять-съ!

Робинзонъ.

Только у меня — чтобъ содержать исправно. И, для вѣрности, побольше задатку сейчасъ же!

Иванъ.

Нѣтъ, ужъ онъ ученъ, задатку не даетъ: его такъ-то ужъ двое обманули.

Робинзонъ.

Ужъ двое? Да, коли ужъ двое...

Иванъ.

Такъ третьему не повѣритъ.

Робинзонъ.

Какой народъ! Удивляюсь. Вездѣ поспѣютъ: гдѣ только можно взять, все ужъ взято, непочатыхъ мѣстъ нѣтъ. Ну, не надо, не нуждаюсь я въ немъ. Ты ему не говори ничего, а то онъ подумаетъ, что и я хочу обмануть, а я гордъ.

Иванъ.

Да-съ, оно, конечно... А какъ давеча господинъ Карандышевъ разсердились, когда всѣ гости вдругъ уѣхали! Очень гнѣвались, даже убить кого-то хотѣли, такъ съ пистолетомъ и ушли изъ дому.

Робинзонъ.

Съ пистолетомъ? Это не хорошо.

Иванъ.

Хмельненьки были; я полагаю, что это у нихъ постепенно пройдетъ-съ. Они по бульвару раза два проходили... да вонъ и сейчасъ идутъ.

Робинзонъ *(оробѣвъ)*.

Ты говоришь, съ пистолетомъ? Онъ кого убить-то хотѣлъ — не меня вѣдь?

Иванъ.

Ужъ не могу вамъ сказать. *(Уходитъ. Входитъ Карандышевъ. Робинзонъ старается спрятаться за бутылку.)*

ЯВЛЕНІЕ ВТОРОЕ.

Робинзонъ, Карандышевъ, *потомъ* Иванъ.

Карандышевъ *(подходитъ къ Робинзону).*

Гдѣ ваши товарищи, господинъ Робинзонъ?

Робинзонъ.

Какіе товарищи? У меня нѣтъ товарищей.

Карандышевъ.

А тѣ господа, которые обѣдали у меня съ вами вмѣстѣ?

Робинзонъ.

Какіе-жъ это товарищи! Это такъ... мимолетное знакомство.

Карандышевъ.

Такъ не знаете ли, гдѣ они теперь?

Робинзонъ.

Не могу сказать, я стараюсь удаляться отъ этой компаніи; я человѣкъ смирный, знаете ли... семейный...

Карандышевъ.

Вы семейный?

Робинзонъ.

Очень семейный... Для меня тихая семейная жизнь выше всего, а неудовольствіе какое или ссора — это Боже сохрани; я люблю и побесѣдовать, только чтобъ разговоръ умный, учтивый, объ искусствѣ, напримѣръ... Ну, съ благороднымъ человѣкомъ, вотъ какъ вы, можно и выпить немножко. Не прикажете ли?

Карандышевъ.

Не хочу.

Робинзонъ.

Какъ угодно. Главное дѣло, чтобы непріятности не было.

Карандышевъ.

Да вы должны же знать, гдѣ они?

Робинзонъ.

Кутятъ гдѣ-нибудь: чтò-жъ имъ больше-то дѣлать?

Карандышевъ.

Говорятъ, они за Волгу поѣхали?

Робинзонъ.

Очень можетъ быть.

Карандышевъ.

Васъ не звали съ собой?

Робинзонъ.

Нѣтъ; я человѣкъ семейный.

Карандышевъ.

Когда же они воротятся?

Робинзонъ.

Ужъ это они и сами не знаютъ, я думаю. Къ утру вернутся.

Карандышевъ.

Къ утру?

Робинзонъ.

Можетъ быть, и раньше.

Карандышевъ.

Все-таки надо подождать; мнѣ кой съ кѣмъ изъ нихъ объясниться нужно.

Робинзонъ.

Коли ждать, такъ на пристани; зачѣмъ они сюда пойдутъ? Съ пристани они прямо домой проѣдутъ. Чего имъ еще? Чай, и такъ сыты.

Карандышевъ.

Да на какой пристани? Пристаней у насъ много.

Робинзонъ.

Да на какой угодно, только не здѣсь; здѣсь ихъ не дождетесь.

Карандышевъ.

Ну, хорошо, я пойду на пристань. Прощайте! *(Подаетъ руку Робинзону.)* Не хотите ли проводить меня?

Робинзонъ.

Нѣтъ, помилуйте, я человѣкъ семейный. *(Карандышевъ уходитъ.)* Иванъ, Иванъ! *(Входитъ Иванъ.)* Накрой мнѣ въ комнатѣ и вино перенеси туда!

Иванъ.

Въ комнатѣ, сударь, душно. Чтò за неволя?

Робинзонъ.

Нѣтъ, мнѣ на воздухѣ вечеромъ вредно; докторъ запретилъ. Да если этотъ баринъ спрашивать будетъ, такъ скажи, что меня нѣтъ. *(Уходитъ въ кофейную. Изъ кофейной выходитъ Гаврила.)*

ЯВЛЕНІЕ ТРЕТЬЕ.

Гаврила *и* Иванъ.

Гаврила.

Ты смотрѣлъ на Волгу? Не видать нашихъ?

Иванъ.

Должно быть пріѣхали.

Гаврила.

Чтò такъ?

Иванъ.

Да подъ горой шумъ: эѳіопы загалдѣли. *(Беретъ со стола бутылку и уходитъ въ кофейную. Входитъ Илья и хоръ цыганъ.)*

ЯВЛЕНІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

Гаврила, Иванъ, цыгане *и* цыганки.

Гаврила.

Хорошо съѣздили?

Илья.

И, хорошо! Такъ хорошо, не говори!

Гаврила.

Господа веселы?

Илья.

Разгулялись, важно разгулялись, дай Богъ на здоровье! Сюда идутъ; всю ночь, гляди, прогуляютъ.

Гаврила *(потирая руки).*

Такъ ступайте, усаживайтесь! Женщинамъ велю чаю подать, а вы къ буфету — закусите!

Илья.

Старушкамъ къ чаю-то ромку вели — любятъ. *(Илья, цыгане, цыганки, Гаврила уходятъ въ кофейную. Выходятъ Кнуровъ и Вожеватовъ.)*

ЯВЛЕНІЕ ПЯТОЕ.

Кнуровъ *и* Вожеватовъ.

Кнуровъ.

Кажется, драма начинается.

Вожеватовъ.

Похоже.

Кнуровъ.

Я ужъ у Ларисы Дмитріевны слезки видѣлъ.

Вожеватовъ.

Да вѣдь у нихъ дешевы!

Кнуровъ.

Какъ хотите, а положеніе ея незавидное.

Вожеватовъ.

Дѣло обойдется какъ-нибудь.

Кнуровъ.

Ну, едва ли.

Вожеватовъ.

Карандышевъ посердится немножко, поломается, сколько ему надо, и опять тотъ же будетъ.

Кнуровъ.

Да она-то не та же. Вѣдь, чтобъ бросить жениха, чуть не наканунѣ свадьбы, надо имѣть основаніе. Вы подумайте: Сергѣй Сергѣичъ пріѣхалъ на одинъ день, и она бросаетъ для него жениха, съ которымъ ей жить всю жизнь. Значитъ, она надежду имѣетъ на Сергѣя Сергѣича; иначе зачѣмъ онъ ей?

Вожеватовъ.

Такъ вы думаете, что тутъ не безъ обмана, что онъ опять словами поманилъ ее?

Кнуровъ.

Да, непремѣнно. И, должно быть, обѣщанія были опредѣленныя и серьезныя, а то какъ бы она повѣрила человѣку, который ужъ разъ обманулъ ее!

Вожеватовъ.

Мудренаго нѣтъ; Сергѣй Сергѣичъ ни надъ чѣмъ не задумается, — человѣкъ смѣлый.

Кнуровъ.

Да, вѣдь какъ ни смѣлъ, а милліонную невѣсту на Ларису Дмитріевну не промѣняетъ.

Вожеватовъ.

Еще бы! Чтò за расчетъ?

Кнуровъ.

Такъ посудите, каково ей, бѣдной!

Вожеватовъ.

Чтò дѣлать-то? Мы не виноваты, наше дѣло сторона. *(На крыльцѣ кофейной показывается Робинзонъ.)*

ЯВЛЕНІЕ ШЕСТОЕ.

Кнуровъ, Вожеватовъ *и* Робинзонъ.

Вожеватовъ.

А, милордъ! Чтò во снѣ видѣлъ?

Робинзонъ.

Богатыхъ дураковъ; то же, чтò и на яву вижу.

Вожеватовъ.

Ну, какъ же ты, бѣдный умникъ, здѣсь время проводишь?

Робинзонъ.

Превосходно! Живу въ свое удовольствіе и притомъ въ долгъ, на твой счетъ. Чтò можетъ быть лучше?

Вожеватовъ.

Позавидуешь тебѣ. И долго ты намѣренъ наслаждаться такой пріятной жизнью?

Робинзонъ.

Да ты — чудакъ, я вижу. Ты подумай: какой же мнѣ расчетъ отказываться отъ такихъ прелестей?

Вожеватовъ.

Чтò-то я не помню: какъ будто я тебѣ открытаго листа не давалъ?

Робинзонъ.

Такъ ты въ Парижъ обѣщалъ со мной ѣхать, — развѣ это не все равно?

Вожеватовъ.

Нѣтъ, не все равно. Чтò я обѣщалъ — тò исполню; для меня слово — законъ: чтò сказано — тò свято. Ты спроси: обманывалъ ли я кого-нибудь?

Робинзонъ.

А покуда ты сбираешься въ Парижъ, не воздухомъ же мнѣ питаться?

Вожеватовъ.

Объ этомъ уговору не было. Въ Парижъ хоть сейчасъ.

Робинзонъ.

Теперь поздно; поѣдемъ, Вася, завтра!

Вожеватовъ.

Ну, завтра, такъ завтра. Послушай, вотъ чтò: поѣзжай лучше ты одинъ, я тебѣ прогоны выдамъ взадъ и впередъ.

Робинзонъ.

Кáкъ одинъ? Я дороги не найду.

Вожеватовъ.

Довезутъ.

Робинзонъ.

Послушай, Вася: я по-французски не совсѣмъ свободно... Хочу выучиться, да все времени нѣтъ.

Вожеватовъ.

Да зачѣмъ тебѣ французскій языкъ?

Робинзонъ.

Какъ же, въ Парижѣ да по-французски не говорить?

Вожеватовъ.

Да и не надо совсѣмъ, и никто тамъ не говоритъ по-французски.

Робинзонъ.

Столица Франціи, да чтобъ тамъ по-французски не говорили! Чтò ты меня за дурака, чтò ли, считаешь?

Вожеватовъ.

Да какая столица? Чтò ты въ умѣ ли? О какомъ Парижѣ ты думаешь? Трактиръ у насъ на площади есть „Парижъ“; вотъ я куда хотѣлъ съ тобой ѣхать.

Робинзонъ.

Браво, браво!

Вожеватовъ.

А ты полагалъ, въ настоящій? Хоть бы ты немножко подумалъ. А еще умнымъ человѣкомъ считаешь себя! Ну, зачѣмъ я тебя туда возьму, съ какой стати? Клѣтку, что̀ ли, сдѣлать да показывать тебя?

Робинзонъ.

Хорошей ты школы, Вася, хорошей; серьезный изъ тебя негоціантъ выйдетъ.

Вожеватовъ.

Да, ничего; я стороной слышалъ, одобряютъ.

Кнуровъ.

Василій Данилычъ, оставьте его! Мнѣ нужно вамъ сказать кой-что̀.

Вожеватовъ *(подходя)*.

Что̀ вамъ угодно?

Кнуровъ.

Я все думалъ о Ларисѣ Дмитріевнѣ. Мнѣ кажется, она теперь находится въ такомъ положеніи, что намъ, близкимъ людямъ, не только позволительно, но мы даже обязаны принять участіе въ ея судьбѣ. *(Робинзонъ прислушивается.)*

Вожеватовъ.

То-есть, вы хотите сказать, что теперь представляется удобный случай взять ее съ собой въ Парижъ?

Кнуровъ.

Да, пожалуй; если угодно — это одно и то же.

Вожеватовъ.

Такъ зачѣмъ же дѣло стало? Кто мѣшаетъ?

Кнуровъ.

Вы мнѣ мѣшаете, а я вамъ. Можетъ быть, вы не боитесь соперничества? Я тоже не очень опасаюсь, а все-таки неловко, безпокойно; гораздо лучше, когда поле чисто.

Вожеватовъ.

Отступного я не возьму, Мокій Парменычъ!

Кнуровъ.

Зачѣмъ отступное? Можно иначе какъ-нибудь.

Вожеватовъ.

Да вотъ лучше всего. *(Вынимаетъ изъ кармана монету и кладетъ подъ руку.)* Орелъ или рѣшетка?

Кнуровъ *(въ раздумьи).*

Если скажу: орелъ, такъ проиграю; орелъ, конечно, вы. *(Рѣшительно.)* Рѣшетка.

Вожеватовъ *(поднимая руку).*

Ваше. Значитъ, мнѣ одному въ Парижъ ѣхать. Я не въ убыткѣ; расходовъ меньше.

Кнуровъ.

Только, Василій Данилычъ, давши слово, держись, а не давши, крѣпись! Вы купецъ, вы должны понимать, что̀ значитъ слово.

Вожеватовъ.

Вы меня обижаете. Я самъ знаю, что̀ такое купеческое слово. Вѣдь я съ вами дѣло имѣю, а не съ Робинзономъ.

Кнуровъ.

Вонъ Сергѣй Сергѣичъ идетъ съ Ларисой Дмитріевной! Войдемте въ кофейную, не будемъ имъ мѣшать. *(Кнуровъ и Вожеватовъ уходятъ въ кофейную. Входятъ Паратовъ и Лариса.)*

ЯВЛЕНІЕ СЕДЬМОЕ.

Паратовъ, Лариса *и* Робинзонъ.

Лариса.

Ахъ, какъ я устала! Я теряю силы, я насилу взошла на гору. *(Садится въ глубинѣ сцены на скамейку у рѣшетки.)*

Паратовъ.

А, Робинзонъ! Ну, что̀-жъ ты скоро въ Парижъ ѣдешь?

Робинзонъ.

Съ кѣмъ это? Съ тобой, ля Сержъ, куда хочешь, а ужъ съ купцомъ я не поѣду. Нѣтъ, съ купцами кончено.

Паратовъ.

Что̀ такъ?

Робинзонъ.

Невѣжи!

Паратовъ.

Будто? Давно ли ты догадался?

Робинзонъ.

Всегда зналъ. Я всегда за дворянъ.

Паратовъ.

Это дѣлаетъ тебѣ честь, Робинзонъ. Но ты не по времени гордъ. Примѣняйся къ обстоятельствамъ, бѣдный другъ мой! Время просвѣщенныхъ покровителей, время меценатовъ прошло; теперь торжество буржуазіи, теперь искусство на вѣсъ золота цѣнится, въ полномъ смыслѣ наступаетъ золотой вѣкъ. Но, ужъ не взыщи, подчасъ и ваксой напоятъ, и въ бочкѣ съ горы, для собственнаго удовольствія, прокатятъ — на какого Медичиса нападешь. Не отлучайся, ты мнѣ будешь нуженъ!

Робинзонъ.

Для тебя въ огонь и въ воду. *(Уходитъ въ кофейную.)*

Паратовъ *(Ларисѣ).*

Позвольте теперь поблагодарить васъ за удовольствіе — нѣтъ, этого мало — за счастіе, которое вы намъ доставили.

Лариса.

Нѣтъ, нѣтъ, Сергѣй Сергѣичъ, вы мнѣ фразъ не говорите! Вы мнѣ скажите только: что̀ я — жена ваша или нѣтъ?

Паратовъ.

Прежде всего, Лариса Дмитріевна, вамъ нужно ѣхать домой. Поговорить обстоятельно мы еще успѣемъ завтра.

Лариса.

Я не поѣду домой.

Паратовъ.

Но и здѣсь оставаться вамъ нельзя. Прокатиться съ нами по Волгѣ днемъ — это еще можно допустить; но кутить всю ночь въ трактирѣ, въ центрѣ города, съ людьми, извѣстными дурнымъ поведеніемъ! Какую пищу вы дадите для разговоровъ!

Лариса.

Что̀ мнѣ за дѣло до разговоровъ! Съ вами я могу быть вездѣ. Вы меня увезли, вы и должны привезти меня домой.

Паратовъ.

Вы поѣдете на моихъ лошадяхъ — развѣ это не все равно?

Лариса.

Нѣтъ, не все равно. Вы меня увезли отъ жениха; маменька видѣла, какъ мы уѣхали — она не будетъ безпокоиться, какъ бы

мы поздно ни возвратились... Она покойна, она увѣрена въ васъ; она только будетъ ждать насъ, ждать... чтобъ благословить. Я должна или пріѣхать съ вами, или совсѣмъ не являться домой.

Паратовъ.

Что̀ такое? Что̀ значитъ: „совсѣмъ не являться“? Куда дѣться вамъ?

Лариса.

Для несчастныхъ людей много простора въ Божьемъ мірѣ: вотъ садъ, вотъ Волга. Здѣсь на каждомъ сучкѣ удавиться можно, на Волгѣ — выбирай любое мѣсто. Вездѣ утопиться легко, если есть желаніе да силъ достанетъ.

Паратовъ.

Какая экзальтація! Вамъ можно жить и должно. Кто откажетъ вамъ въ любви, въ уваженіи! Да тотъ же вашъ женихъ: онъ будетъ радехонекъ, если вы опять его приласкаете.

Лариса.

Что̀ вы говорите? Я мужа своего, если ужъ не любить, такъ хоть уважать должна; а какъ могу я уважать человѣка, который равнодушно сноситъ насмѣшки и всевозможныя оскорбленія? Это дѣло кончено: онъ для меня не существуетъ. У меня одинъ женихъ: это вы.

Паратовъ.

Извините, не обижайтесь на мои слова! Но едва ли вы имѣете право быть такъ требовательны ко мнѣ.

Лариса.

Что̀ вы говорите! Развѣ вы забыли? Такъ я вамъ опять повторю все сначала. Я годъ страдала, годъ не могла забыть васъ, жизнь стала для меня пуста; я рѣшилась, наконецъ, выйти замужъ за Карандышева, чуть не за перваго встрѣчнаго. Я думала, что семейныя обязанности наполнятъ мою жизнь и помирятъ меня съ ней. Явились вы и говорите: „брось все, я твой“. Развѣ это не право? Я думала, что ваше слово искренне, что я его выстрадала.

Паратовъ.

Все это прекрасно, и обо всемъ этомъ мы съ вами потолкуемъ завтра.

Лариса.

Нѣтъ, сегодня, сейчасъ.

Паратовъ.

Вы требуете?

Лариса.

Требую. *(Въ дверяхъ кофейной видны Кнуровъ и Вожеватовъ.)*

Паратовъ.

Извольте. Послушайте, Лариса Дмитріевна! Вы допускаете мгновенное увлеченіе?

Лариса.

Допускаю. Я сама способна увлечься.

Паратовъ.

Нѣтъ, я не такъ выразился: допускаете ли вы, что человѣкъ, скованный по рукамъ и по ногамъ неразрывными цѣпями, можетъ такъ увлечься, что забудетъ все на свѣтѣ, забудетъ и гнетущую его дѣйствительность, забудетъ и свои цѣпи?

Лариса.

Ну, что̀ же! И хорошо, что онъ забудетъ.

Паратовъ.

Это душевное состояніе очень хорошо, я съ вами не спорю; но оно не продолжительно. Угаръ страстнаго увлеченія скоро проходитъ; остаются цѣпи и здравый разсудокъ, который говоритъ, что этихъ цѣпей разорвать нельзя, что онѣ неразрывны.

Лариса *(задумчиво)*.

Неразрывныя цѣпи! *(Быстро.)* Вы женаты?

Паратовъ.

Нѣтъ.

Лариса.

А всякія другія цѣпи — не помѣха! Будемъ носить ихъ вмѣстѣ: я раздѣлю съ вами эту ношу, бо̀льшую половину тяжести я возьму на себя.

Паратовъ.

Я обрученъ.

Лариса.

Ахъ!

Паратовъ *(показывая обручальное кольцо)*.

Вотъ золотыя цѣпи, которыми я скованъ на всю жизнь.

Лариса.

Что же вы молчали? Безбожно, безбожно! *(Садится на стулъ.)*

Паратовъ.

Развѣ я въ состояніи былъ помнить что-нибудь? Я видѣлъ васъ, и ничего болѣе для меня не существовало.

Лариса.

Поглядите на меня! *(Паратовъ смотритъ на нее.)* „Въ глазахъ, какъ на небѣ, свѣтло“... Ха, ха, ха! *(Истерически смѣется.)* Подите отъ меня! Довольно! Я ужъ сама объ себѣ подумаю. *(Опираетъ голову на руки. Кнуровъ, Вожеватовъ и Робинзонъ выходятъ на крыльцо кофейной.)*

ЯВЛЕНІЕ ВОСЬМОЕ.

Паратовъ, Лариса, Кнуровъ, Вожеватовъ *и* Робинзонъ.

Паратовъ *(подходя къ кофейной).*

Робинзонъ, поди сыщи мою коляску! Она тутъ у бульвара. Ты свезешь Ларису Дмитріевну домой.

Робинзонъ.

Ля Сержъ! Онъ тутъ, онъ ходитъ съ пистолетомъ.

Паратовъ.

„Кто онъ“?

Робинзонъ.

Карандышевъ.

Паратовъ.

Такъ что-жъ мнѣ за дѣло?

Робинзонъ.

Онъ меня убьетъ.

Паратовъ.

Ну, вотъ велика важность! Исполняй, что приказываютъ! Безъ разсужденій! Я этого не люблю, Робинзонъ.

Робинзонъ.

Я тебѣ говорю, какъ онъ увидитъ меня съ ней вмѣстѣ, онъ меня убьетъ.

Паратовъ.

Убьетъ онъ тебя, или нѣтъ — это еще не извѣстно; а вотъ если ты не исполнишь сейчасъ же того, чтò я тебѣ приказываю, такъ я тебя убью ужъ навѣрное! *(Уходитъ въ кофейную.)*

Робинзонъ *(грозя кулакомъ).*

О, варвары, разбойники! Ну, попалъ я въ компанію! *(Уходитъ. Вожеватовъ подходитъ къ Ларисѣ.)*

Лариса *(взглянувъ на Вожеватова).*

Вася, я погибаю!

Вожеватовъ.

Лариса Дмитріевна, голубушка моя! Чтò дѣлать-то? Ничего не подѣлаешь.

Лариса.

Вася, мы съ тобой съ дѣтства знакомы, почти родные; чтò мнѣ дѣлать — научи!

Вожеватовъ.

Лариса Дмитріевна, уважаю я васъ, и радъ бы... я ничего не могу. Вѣрьте моему слову!

Лариса.

Да я ничего и не требую отъ тебя, прошу только пожалѣть меня. Ну, хоть поплачь со мной вмѣстѣ!

Вожеватовъ.

Не могу, ничего не могу.

Лариса.

И у тебя тоже цѣпи?

Вожеватовъ.

Кандалы, Лариса Дмитріевна.

Лариса.

Какіе?

Вожеватовъ.

Честное, купеческое слово. *(Отходитъ въ кофейную.)*

Кнуровъ *(подходитъ къ Ларисѣ).*

Лариса Дмитріевна, выслушайте меня и не обижайтесь! У меня и въ помышленіи нѣтъ васъ обидѣть. Я только желаю вамъ добра и счастія, чего вы вполнѣ заслуживаете. Не угодно ли вамъ ѣхать со мной въ Парижъ, на выставку? *(Лариса отрицательно качаетъ головой.)* И полное обезпеченіе

на всю жизнь? *(Лариса молчитъ.)* Стыда не бойтесь, осужденій не будетъ. Есть границы, за которыя осужденіе не переходитъ; я могу предложить вамъ такое громадное содержаніе, что самые злые критики чужой нравственности должны будутъ замолчать и разинуть рты отъ удивленія. *(Лариса поворачиваетъ голову въ другую сторону.)* Я бы ни на одну минуту не задумался предложить вамъ руку, но я женатъ. *(Лариса молчитъ.)* Вы разстроены, я не смѣю торопить васъ отвѣтомъ. Подумайте! Если вамъ будетъ угодно благосклонно принять мое предложеніе, извѣстите меня; и съ той минуты я сдѣлаюсь вашимъ самымъ преданнымъ слугой и самымъ точнымъ исполнителемъ всѣхъ вашихъ желаній и даже капризовъ, какъ бы они странны и дороги ни были. Для меня невозможнаго мало. *(Почтительно кланяется и уходитъ въ кофейную.)*

ЯВЛЕНІЕ ДЕВЯТОЕ.

Лариса *(одна).*

Я давеча смотрѣла внизъ черезъ рѣшетку, у меня закружилась голова, и я чуть не упала. А если упасть, такъ, говорятъ... вѣрная смерть! *(Подумавъ.)* Вотъ хорошо бы броситься! Нѣтъ, зачѣмъ бросаться!... Стоять у рѣшетки и смотрѣть внизъ, закружится голова и упадешь... Да, это лучше... въ безпамятствѣ, ни боли... ничего не будешь чувствовать! *(Подходитъ къ рѣшеткѣ и смотритъ внизъ. Нагибается, крѣпко хватается за рѣшетку, потомъ съ ужасомъ отбѣгаетъ.)* Ой, ой! Какъ страшно! *(Чуть не падаетъ, хватается за бесѣдку.)* Какое головокруженіе! Я падаю, падаю, ай! *(Садится у стола подлѣ бесѣдки.)* Охъ, нѣтъ!... *(Сквозь слезы.)* Разставаться съ жизнью совсѣмъ не такъ просто, какъ я думала. Вотъ и нѣтъ силъ! Вотъ я какая несчастная! А вѣдь есть люди, для которыхъ это легко. Видно, ужъ тѣмъ совсѣмъ жить нельзя, ихъ ничто не прельщаетъ, имъ ничто не мило, ничего не жалко. Ахъ, что̀ я!.. Да вѣдь и мнѣ ничто не мило, и мнѣ жить нельзя, и мнѣ жить незачѣмъ! Что̀-жъ я не рѣшаюсь? Что̀ меня держитъ надъ этой пропастью? Что̀ мѣшаетъ? *(Задумывается.)* Ахъ, нѣтъ, нѣтъ... не Кнуровъ... Роскошь, блескъ... нѣтъ, нѣтъ... я далека отъ суеты... *(Вздрогнувъ.)* Развратъ... охъ, нѣтъ... Просто, рѣшимости

не имѣю. Жалкая слабость: жить, хоть какъ-нибудь, да жить... когда нельзя жить и не нужно. Какая я жалкая, несчастная! Кабы теперь меня убилъ кто-нибудь... Какъ хорошо умереть... пока еще упрекнуть себя не въ чемъ! Или захворать и умереть... Да, я, кажется, захвораю. Какъ дурно мнѣ!... Хворать долго, успокоиться, со всѣмъ примириться, всѣмъ простить и умереть... Ахъ, какъ дурно, какъ кружится голова! *(Подпираетъ голову рукой и сидитъ въ забытьи. Входятъ Робинзонъ и Карандышевъ.)*

ЯВЛЕНІЕ ДЕСЯТОЕ.

Лариса, Робинзонъ *и* Карандышевъ.

Карандышевъ.

Вы говорите, что вамъ велѣно отвезти ее домой?

Робинзонъ.

Да-съ, велѣно.

Карандышевъ.

И вы говорили, что они оскорбили ее?

Робинзонъ.

Ужъ чего еще хуже, чего обиднѣе?

Карандышевъ.

Она сама виновата: ея поступокъ заслуживалъ наказанія. Я ей говорилъ, что̀ это за люди; наконецъ, она сама могла, она имѣла время замѣтить разницу между мной и ими. Да, она виновата; но судить ее, кромѣ меня, никто не имѣетъ права, а тѣмъ болѣе оскорблять. Это ужъ мое дѣло: прощу я ее или нѣтъ; но защитникомъ ея я обязанъ явиться. У нея нѣтъ ни братьевъ, ни близкихъ; одинъ я, только одинъ я обязанъ вступиться за нее и наказать оскорбителей. Гдѣ она?

Робинзонъ.

Она здѣсь была. Вотъ она!

Карандышевъ.

При нашемъ объясненіи постороннихъ не должно быть; вы будете лишній. Оставьте насъ!

Робинзонъ.

Съ величайшимъ удовольствіемъ. Я скажу, что вамъ сдалъ Ларису Дмитріевну. Честь имѣю кланяться! *(Уходитъ въ кофейную. Карандышевъ подходитъ къ столу и садится противъ Ларисы.)*

ЯВЛЕНІЕ ОДИННАДЦАТОЕ.

Лариса *и* Карандышевъ.

Лариса *(поднимая голову).*

Какъ вы мнѣ противны, кабы вы знали! Зачѣмъ вы здѣсь?

Карандышевъ.

Гдѣ же быть мнѣ?

Лариса.

Не знаю. Гдѣ хотите, только не тамъ, гдѣ я.

Карандышевъ.

Вы ошибаетесь, я всегда долженъ быть при васъ, чтобы оберегать васъ. И теперь я здѣсь, чтобы отмстить за ваше оскорбленіе!

Лариса.

Для меня самое тяжкое оскорбленіе — это ваше покровительство; ни отъ кого и никакихъ другихъ оскорбленій мнѣ не было.

Карандышевъ.

Ужъ вы слишкомъ не взыскательны. Кнуровъ и Вожеватовъ мечутъ жеребій, кому вы достанетесь, играютъ въ орлянку — и это не оскорбленіе? Хороши ваши пріятели! Какое уваженіе къ вамъ! Они не смотрятъ на васъ, какъ на женщину, какъ на человѣка — человѣкъ самъ располагаетъ своей судьбой; они смотрятъ на васъ, какъ на вещь. Ну, если вы вещь, это другое дѣло. Вещь, конечно, принадлежитъ тому, кто ее выигралъ; вещь и обижаться не можетъ.

Лариса *(глубоко оскорбленная).*

Вещь... Да, вещь. Они правы: я вещь, а не человѣкъ. Я сейчасъ убѣдилась въ томъ, я испытала себя... Я вещь! *(Съ горячностью.)* Наконецъ, слово для меня найдено, вы нашли его. Уходите! Прошу васъ, оставьте меня!

Карандышевъ.

Оставить васъ? Какъ я васъ оставлю, на кого я васъ оставлю?

Лариса.

Всякая вещь должна имѣть хозяина; я пойду къ хозяину.

Карандышевъ *(съ жаромъ)*.

Я беру васъ, я вашъ хозяинъ. *(Хватаетъ ее за руку.)*

Лариса *(оттолкнувъ его)*.

О, нѣтъ! Каждой вещи своя цѣна есть... Ха, ха, ха... Я слишкомъ, слишкомъ дорога для васъ!

Карандышевъ.

Чтò вы говорите? Могъ ли я ожидать отъ васъ такихъ безстыдныхъ словъ?

Лариса *(со слезами)*.

Ужъ если быть вещью, такъ одно утѣшеніе — быть дорогой, очень дорогой. Сослужите мнѣ послѣднюю службу: подите, пошлите ко мнѣ Кнурова.

Карандышевъ.

Чтò вы, чтò вы, опомнитесь!

Лариса.

Ну, такъ я сама пойду.

Карандышевъ.

Лариса Дмитріевна! Остановитесь! Я васъ прощаю, я все прощаю!

Лариса *(съ горькой улыбкой)*.

Вы мнѣ прощаете? Благодарю васъ. Только я-то себѣ не прощаю, что вздумала связать судьбу свою съ такимъ ничтожествомъ, какъ вы.

Карандышевъ.

Уѣдемте, уѣдемте сейчасъ изъ этого города: я на все согласенъ.

Лариса.

Поздно. Я васъ просила взять меня поскорѣй изъ цыганскаго табора; вы не умѣли этого сдѣлать; видно, мнѣ жить и умереть въ цыганскомъ таборѣ.

Карандышевъ.

Ну, я васъ умоляю, осчастливьте меня!

Лариса.

Поздно. Ужъ теперь у меня передъ глазами заблестѣло золото, засверкали брильянты.

Карандышевъ.

Я готовъ на всякую жертву, готовъ терпѣть всякое униженіе для васъ.

Лариса *(съ отвращеніемъ)*.

Подите, вы слишкомъ мелки, слишкомъ ничтожны для меня.

Карандышевъ.

Скажите же: чѣмъ мнѣ заслужить любовь вашу? *(Падаетъ на колѣни.)* Я васъ люблю, люблю!

Лариса.

Лжете. Я любви искала и не нашла. На меня смотрѣли и смотрятъ, какъ на забаву. Никогда никто не постарался заглянуть ко мнѣ въ душу; ни отъ кого я не видѣла сочувствія, не слыхала теплаго, сердечнаго слова. А вѣдь такъ жить холодно! Я не виновата, я искала любви и не нашла... Ея нѣтъ на свѣтѣ... Нечего и искать. Я не нашла любви, такъ буду искать золота. Подите, я вашей быть не могу!

Карандышевъ *(вставая)*.

О, не раскайтесь! *(Кладетъ руку за бортъ сертука.)* Вы должны быть моей?

Лариса.

Чьей ни быть, но не вашей!

Карандышевъ *(запальчиво)*.

Не моей?

Лариса.

Никогда.

Карандышевъ.

Такъ не доставайся-жъ ты никому! *(Стрѣляетъ въ нее изъ пистолета.)*

Лариса *(хватаясь за грудь)*.

Ахъ! Благодарю васъ! *(Опускается на стулъ.)*

Карандышевъ.

Что̀ я, что̀ я... Ахъ, безумный! *(Роняетъ пистолетъ.)*

Лариса *(нѣжно)*.

Милый мой, какое благодѣяніе вы для меня сдѣлали! Пистолетъ сюда, сюда, на столъ! Это я сама... сама... Ахъ,

какое благодѣяніе!... *(Поднимаетъ пистолетъ и кладетъ на столъ. Изъ кофейной выходятъ: Паратовъ, Кнуровъ, Вожеватовъ, Робинзонъ, Гаврила и Иванъ.)*

ЯВЛЕНІЕ ДВѢНАДЦАТОЕ.

Лариса, Карандышевъ, Паратовъ, Кнуровъ, Вожеватовъ, Робинзонъ, Гаврила *и* Иванъ.

Всѣ.

Что̀ такое, что̀ такое?

Лариса.

Это я сама... Никто не виноватъ, никто... Это я сама. *(За сценой цыгане запѣваютъ пѣсню.)*

Паратовъ.

Велите замолчать! Велите замолчать!

Лариса *(постепенно слабѣющимъ голосомъ).*

Нѣтъ, нѣтъ, зачѣмъ!... Пусть веселятся, кому весело... Я не хочу мѣшать никому! Живите, живите всѣ! Вамъ надо жить, а мнѣ надо... умереть... Я ни на кого не жалуюсь, ни на кого не обижаюсь... Вы всѣ хорошіе люди... Я васъ всѣхъ... всѣхъ люблю. *(Посылаетъ поцѣлуй. Громкій хоръ цыганъ.)*

СЕРДЦЕ НЕ КАМЕНЬ.

КОМЕДІЯ ВЪ ЧЕТЫРЕХЪ ДѢЙСТВІЯХЪ.

ДѢЙСТВІЕ ПЕРВОЕ.

ЛИЦА:

Потапъ Потаповичъ Каркуновъ, богатый купецъ, старикъ.

Вѣра Филипповна, его жена, 30 лѣтъ съ небольшимъ.

Исай Даниловичъ Халымовъ, подрядчикъ, кумъ Каркунова.

Аполлинарія Панфиловна, его жена, за 40 лѣтъ.

Константинъ Лукичъ Каркуновъ, племянникъ Потапа Потаповича, молодой человѣкъ.

Ольга Дмитріевна, его жена, молодая женщина.

Ерастъ, приказчикъ Каркунова, лѣтъ 30.

Огуревна, ключница, старуха.

Въ домѣ Каркунова, въ фабричной мѣстности, на самомъ краю Москвы. Жилая комната купеческаго дома, представляющая и семейную столовую, и кабинетъ хозяина; въ ней же принимаютъ и гостей запросто, т.-е. родныхъ и близкихъ знакомыхъ. Направо (отъ актеровъ) небольшой письменный столъ, передъ нимъ кресло; далѣе желѣзный денежный сундукъ-шкафъ, вдѣланный въ стѣну; въ углу дверь въ спальню. Съ лѣвой стороны диванъ; передъ нимъ круглый обѣденный столъ, покрытый цвѣтной салфеткой, и нѣсколько креселъ; далѣе большая горка съ серебромъ и фарфоромъ; въ углу дверь въ парадныя комнаты. Въ глубинѣ дверь въ переднюю; съ правой стороны большой комодъ, съ лѣвой — буфетъ. Вся мебель, хотя не модная, но массивная, хорошей работы.

ЯВЛЕНІЕ ПЕРВОЕ.

Огуревна *стоитъ, подперши щеку рукой. Входятъ* Константинъ *и* Ольга.

Константинъ.

Огуревна, что̀ ты тутъ дѣлаешь?

Огуревна.

Самоё дожидаюсь насчетъ самовара.

Константинъ.

А гдѣ-жъ она, сама-то, гдѣ дяденька?

Огуревна.

Въ залѣ сидятъ; залу растворить велѣли, и чехлы всѣ съ небели да́веча еще поснимали.

Константинъ.

Что̀ за праздникъ такой? Кажется, такіе параты у насъ раза три въ годъ бываютъ, не больше.

Огуревна.

Съ гостями сидятъ.

Ольга.

Съ какими гостями?

Огуревна.

Аполлинарія Панфиловна съ Исай Данилычемъ пріѣхали; за ними давеча наро́чно посылали.

Константинъ *(Ольгѣ)*.

Поняла?

Ольга.

Ничего не понимаю.

Константинъ.

Завѣщаніе.

Ольга.

Какое завѣщаніе?

Константинъ.

Дяденька давно собирались завѣщаніе писать, только хотѣли посовѣтоваться съ Исаемъ Данилычемъ, такъ какъ онъ подрядчикъ, съ казной имѣлъ дѣло и, значитъ, всѣ законы

знаетъ. А мы съ дяденькой никогда понятія не знали, какіе такіе въ Россіи законы существуютъ, потому намъ не для чего.

Огуревна.

Да, да, писать что̀-то хотятъ — это вѣрно; у приказчика Ераста карандашъ и бумагу требовали.

Константинъ *(Ольгѣ).*

Слышишь?

Ольга.

Ну, такъ что̀-жъ?

Константинъ.

Не твоего ума дѣло. Огуревна, поди скажи дяденькѣ, молъ, Константинъ Лукичъ желаютъ войти, такъ — можно ли?

Огуревна.

Хорошо, батюшка. *(Уходитъ налѣво.)*

Ольга.

Зачѣмъ ты пойдешь?

Константинъ.

Разговаривать буду.

Ольга.

Въ такомъ-то видѣ?

Константинъ.

Я всегда умепъ, что̀ пьяный, что̀ трезвый; еще пьяный лучше, потому у меня тогда мысли свободнѣе.

Ольга.

Объ чемъ же ты будешь разговаривать?

Константинъ.

Мое дѣло. Обо всемъ буду разговаривать. Никакого завѣщанія не нужно; дяденька долженъ мнѣ наслѣдство оставить; я единственный... понимаешь... И потому еще, что я, въ надеждѣ на дяденькино наслѣдство, все свое состояніе прожилъ.

Ольга.

А кто тебѣ велѣлъ?

Константинъ.

Не разговаривай! Если дяденька мнѣ ничего не оставитъ, мы должны будемъ въ кулаки свистѣть, и я даже могу попасть въ число несостоятельныхъ, со всѣми послѣдствіями, которыя изъ этого проистекаютъ. *(Входитъ Огуревна.)*

Огуревна.

Пожалуйте!

Ольга.

И я съ тобой пойду.

Константинъ *(отстраняя жену)*.

Маршъ за шламбаумъ! Нечего тебѣ тамъ дѣлать. Разговоръ будетъ умственный. Тетенька и Аполлинарія Панфиловна должны сейчасъ сюда прійти: либо ихъ попросятъ вонъ, либо онѣ сами догадаются, что при нашемъ разговорѣ онѣ не при чемъ, а только мѣшаютъ; потому это дѣло на много градусовъ выше женскаго соображенія. *(Уходитъ налѣво. Съ той же стороны входятъ Вѣра Филипповна и Аполлинарія Панфиловна.)*

ЯВЛЕНІЕ ВТОРОЕ.

Вѣра Филипповна, Аполлинарія Панфиловна, Ольга *и* Огуревна.

Вѣра Филипповна.

Здравствуй, Оленька!

Аполлинарія Панфиловна.

Здравствуй, Оленька!

Вѣра Филипповна.

Садиться милости прошу, гостьи дорогія!

Огуревна.

Матушка, Вѣра Филипповна, чай-то сюда прикажете подавать, аль сами къ самоварчику сядете?

Вѣра Филипповна.

Да онъ готовъ у тебя?

Огуревна.

Въ минуту закипитъ, ужъ зашумѣлъ.

Аполлинарія Панфиловна.

А ты ему шумѣть-то много не давай! Другой самоваръ ворчливѣе хозяина, расшумится такъ, что и не уймешь.

Вѣра Филипповна.

Сейчасъ придемъ, Огуревна. *(Огуревна уходитъ.)* Я поджидаю, когда самъ выйдетъ.

Аполлинарія Панфиловна.

Что̀ это вы, Вѣра Филипповна, точно русачка изъ Телѣжной улицы, мужа-то „самъ“ называете!

Ольга.

Тетенька всегда такъ.

Вѣра Филипповна.

Мы съ Потапъ Потапычемъ люди не модные, немножко старинки придерживаемся. Да не все ли равно? Какъ его ни называй: мужъ, хозяинъ, самъ, — все онъ большой въ домѣ.

Аполлинарія Панфиловна.

Ну, нѣтъ, разница. „Хозяинъ“ — ужъ это совсѣмъ низко: у насъ кучерова жена своего мужа хозяиномъ зоветъ; а и „самъ“, тоже развѣ ужъ которыя еще въ платочкахъ ходятъ.

Ольга.

А кто нынче въ платочкахъ-то ходитъ? Всѣ и любовницы давно шляпки понадѣли.

Аполлинарія Панфиловна.

Нынче купчихи себя высоко, охъ, высоко держатъ, ни въ чемъ иностранкамъ уступить не хотятъ... снаружи-то.

Вѣра Филипповна.

Слышала я, по слуху-то и я знаю. Что̀-жъ мудренаго! Люди людей видятъ, одинъ отъ другого занимаются. Только я одна двадцать лѣтъ свѣту Божьяго не вижу, такъ мнѣ и заняться не отъ кого. Что̀ это Потапъ Потапычъ съ Исаемъ Данилычемъ затолковались?

Аполлинарія Панфиловна.

Стало-быть дѣло есть. Развѣ не слыхали?

Вѣра Филипповна.

Ничего не слыхала.

Ольга.

Напрасно вы, тетенька, скрываете отъ насъ; мы и сами довольно хорошо знаемъ.

Аполлинарія Панфиловна.

Мнѣ Исай Данилычъ говорилъ.

Вѣра Филипповна.

А мнѣ Потапъ Потапычъ ничего не сказывалъ.

Аполлинарія Панфиловна.

По заслугамъ и награда.

Ольга.

Отчего-жъ не награждать, коли кто чего стóитъ; всякій волёнъ въ своемъ добрѣ; только и другихъ тоже обижать не нужно.

Вѣра Филипповна.

Зачѣмъ обижать! Сохрани Богъ! Только не знаю я, про какую награду вы говорите.

Аполлинарія Панфиловна.

Завѣщаніе пишутъ, Вѣра Филипповна, завѣщаніе.

Вѣра Филипповна *(съ испугомъ).*

Завѣщаніе? Какое завѣщаніе, зачѣмъ? Потапъ Потапычъ на здоровье не жалуется; онъ, кажется... слава Богу.

Аполлинарія Панфиловна.

Осторожность не мѣшаетъ, въ животѣ и смерти Богъ волёнъ. А ну, вдругъ... Значитъ, надо впередъ подумать, да успокоить, кого любишь. Вотъ, молъ, не сомнѣвайтесь, все вамъ предоставляю, всякое счастіе, всякое удовольствіе.

Ольга.

Какъ же, тетенька, неужели-жъ вы этого не ожидали?

Вѣра Филипповна.

Не ожидала, да и не думала никогда.

Аполлинарія Панфиловна.

Какъ, чай, не думать! Развѣ вы богатству не рады будете?

Вѣра Филипповна.

Нѣтъ, очень рада.

Аполлинарія Панфиловна.

Ну, еще бы!

Вѣра Филипповна.

Я много бѣднымъ помогаю, такъ часто не хватаетъ, а у Потапа Потапыча просить боюсь; а кабы я богата была, мнѣ бы рай, а не житье. *(Входитъ Огуревна.)*

Огуревна.

Я, матушка, насчетъ варенья.

Вѣра Филипповна.

Сейчасъ приду. *(Огуревна уходитъ.)* Извините, гости дорогія. *(Уходитъ.)*

Ольга.

„Для бѣдныхъ!“ Разсказывай тутъ! И мы люди не богатые.

Аполлинарія Панфиловна.

Надо ей говорить-то что̀-нибудь! *(Входитъ Вѣра Филипповна.)* Вы говорите, что не думали о богатствѣ? Да кто-жъ этому повѣритъ? Не безъ расчета-жъ вы шли за старика? Жили бы въ бѣдности...

Вѣра Филипповна.

Я и не оправдываюсь; я не святая. Да и много ли у насъ, въ купечествѣ, дѣвушки по любви-то выходятъ? Все больше по расчету, да еще не по своему, а по родительскому. Родители подумаютъ, разочтутъ и выдадутъ — вотъ и все тутъ. Маменька все сокрушалась, какъ ей быть со мной при нашей бѣдности; разумѣется, какъ посватался Потапъ Потапычъ, она обѣими руками перекрестилась. Развѣ я могла не послушаться маменьки, не утѣшить ее?

Аполлинарія Панфиловна.

Послушались маменьку и полюбили богатаго старичка.

Ольга.

Какъ богатаго не полюбить! Да я бы сейчасъ...

Вѣра Филипповна.

Богатаго труднѣй полюбить. За что̀ я его буду любить? Ему и такъ жить хорошо. Бѣднаго скорѣй полюбишь. Будешь думать: „того у него нѣтъ, другого нѣтъ“, станешь жалѣть и полюбишь.

Аполлинарія Панфиловна.

Ужъ на маменьку только слава; чай, и сами были не прочь за Потапа Потапыча итти. Всякому хочется получше пожить, особливо кто изъ бѣдности.

Вѣра Филипповна.

„Получше пожить“. Да жила ли я, спросите! Моей жизни завидовать нечему. Я двадцать лѣтъ свѣту не видала; мнѣ только и выходу было, что въ церковь. Нѣтъ, виновата, въ первую зиму, какъ я замужъ вышла, въ театръ-было поѣхали.

Аполлинарія Панфиловна.

Да не доѣхали, чтò ли?

Вѣра Филипповна.

Нѣтъ, хуже.

Аполлинарія Панфиловна.

Смѣшнѣе?

Вѣра Филипповна.

Кому какъ. Только что я сѣла въ ложу, кто-то изъ креселъ на меня въ трубку и посмотрѣлъ; Потапъ Потапычъ какъ вспылилъ: „чтò, говоритъ, онъ глаза-то пялитъ, чего не видывалъ? Сбирайся домой!“ Такъ и уѣхали до начала представленія. Да съ тѣхъ поръ, вотъ ужъ двадцатый годъ, и сижу дома. Я ужъ не говорю о театрахъ, о гуляньяхъ...

Ольга.

Какъ, тетенька, неужели же ни въ Сокольники, ни въ Паркъ, ни въ Эрмитажъ?...

Вѣра Филипповна.

Какіе Сокольники, какой Эрмитажъ? Я объ нихъ и понятія не имѣю.

Ольга.

Однако, тетенька.

Аполлинарія Панфиловна.

Да, ужъ нынче такихъ антиковъ не много, чтобъ Сокольниковъ не знать.

Вѣра Филипповна.

Ну, да ужъ такъ и быть. Сначала-то и горько было, и обидно, и до смертной тоски доходило, что все въ заперти сижу, а потомъ, слава Богу, прошло, къ бѣднымъ привязалась; да такъ обсидѣлась дома, что самой страшно подумать: какъ это я на гулянье пойду? Да ужъ Богъ съ ними, съ гуляньями и театрами. Говорятъ, тамъ соблазну много. Да вѣдь на бѣломъ свѣтѣ не все-жъ дурное: есть чтò-нибудь и хорошее; я и хорошаго-то не видала, ничего и не знаю. Для меня Москва-то, какъ лѣсъ; пусти меня одну, такъ я подлѣ дома заблужусь. Твердо дорогу знаю только въ церковь, да въ баню. И теперь, какъ выѣду, такъ, словно дитя малое, на дома да на церкви любуюсь: все-то мнѣ въ диковинку.

Ольга.

Все-жъ-таки выѣзжали куда-нибудь?

Вѣра Филипповна.

Выѣздъ мой, милая, былъ раза два-три въ годъ по магазинамъ за нарядами, да и то всегда самъ со мной ѣздилъ. Портниха и башмачникъ на домъ приходятъ. Мѣхъ понадобится, такъ на другое утро, я еще не проснулась, а ужъ въ залѣ по всему полу мѣха разостланы, — выбирай любой. Шляпку захочу, такъ тоже мадамъ полну карету картоновъ привезетъ. О вещахъ дорогихъ и говорить нечего: Потапъ Потапычъ чуть не каждую недѣлю возилъ то серьги, то кольцо, то брошку. Хоть надѣвать некуда, а все-таки занятіе: поутру встану, переберу да перегляжу все — время-то незамѣтно и пройдетъ.

Аполлинарія Панфиловна.

Сидѣли дома съ Потапъ Потапычемъ да другъ на друга любовались. Чтò-жъ, любезное дѣло!

Вѣра Филипповна.

И любоваться-то не приходилось. Еще теперь, какъ Потапъ Потапычъ сталъ здоровьемъ припадать, такъ иной день и дома просидитъ; а прежде по буднямъ его днемъ-то и не видала. Изъ городу въ трактиръ, либо въ клубъ, и жди его до трехъ часовъ утра. Прежде ждала, безпокоилась, а потомъ ужъ и ждать перестала, такъ не спится... съ чего спать-то! А по праздникамъ: отъ поздней обѣдни за обѣдъ, потомъ отдохнетъ часа три, проснется, чаю напьется: „скучно, говоритъ, съ тобой. Поѣду въ карты играть“. И нѣтъ его до утра. Вотъ и сижу я одна; въ окна-то у насъ, черезъ садъ, чуть не всю Москву видно, сижу и утро, и вечеръ, и день, и ночь, гляжу, слушаю. А по Москвѣ гулъ идетъ, какой-то шумъ, стучатъ колеса; думаешь: вѣдь это люди живутъ, чтò-нибудь дѣлаютъ, коли такой шумъ отъ Москвы-то.

Аполлинарія Панфиловна.

Житейское море волнуется.

Вѣра Филипповна.

Думала пріемыша взять, сиротку, чтобъ не такъ скучно было: Потапъ Потапычъ не велитъ.

Аполлинарія Панфиловна.

Сироту взять, такъ веселѣе будетъ.

Вѣра Филипповна.

Только чтобъ не самаго крошечнаго, не грудного.

Аполлинарія Панфиловна.

Нѣтъ, зачѣмъ! Такъ лѣтъ-двадцати пяти, кудрявенькаго. Отъ скуки пріятно.

Вѣра Филипповна.

Ахъ, что̀ вы, какъ вамъ не стыдно? Безъ шутокъ вамъ говорю, помѣшаться можно было. Какъ я тогда съ ума не сошла, такъ это дивиться надо.

Аполлинарія Панфиловна.

Старики ужъ всегда ревнивы.

Вѣра Филипповна.

Да что̀ меня ревновать-то? Я въ двадцать лѣтъ не взглянула ни разу на посторонняго мужчину. Въ чемъ другомъ не похвалюсь, а этого грѣха нѣтъ за мной, чиста душа моя.

Аполлинарія Панфиловна.

Ну, не говорите! Искушенія не было. такъ и грѣха нѣтъ. Врагъ-то силенъ, поручиться за себя никакъ нельзя.

Ольга.

Это правда, тетенька. Вы по вечерамъ и по баламъ не ѣздите, а посмотрѣли бы тамъ, какіе мужчины бываютъ. Умные, ловкіе, образованные, не то, что̀...

Аполлинарія Панфиловна.

Не то, что̀ мужья наши? Ай, Оленька! Вотъ умница! А вѣдь правду она говоритъ: пока не видишь другихъ людей, такъ и свои хороши кажутся; а какъ сравнишь, такъ на свое-то и глядѣть не хочется.

Вѣра Филипповна.

Что̀ вы, что̀ вы? Какъ вамъ не грѣхъ!

Ольга.

Да вѣдь мы, тетенька, не слѣпыя. Конечно, обязанность есть наша любить мужа, такъ ее исполняешь; а вѣдь глаза-то на что̀-нибудь даны? Что̀ невѣжа и дуракъ, а что̀ образованный человѣкъ, разобрать-то не хитрость.

Аполлинарія Панфиловна.

Не видали вы настоящихъ-то мужчинъ, такъ хорошо вамъ

разговаривать. И первый человѣкъ грѣха не миновалъ, да и послѣдній не минуетъ. Грѣхъ сладокъ, а человѣкъ падокъ.

Вѣра Филипповна.

Ну, и славу Богу, что смолоду искушенія не было, а ужъ теперь и бояться нечего: мое время прошло.

Аполлинарія Панфиловна.

Какіе ваши года! Мнѣ и подъ пятьдесятъ лѣтъ, да я за себя не поручусь.

Ольга.

Я, кажется, до семидесяти лѣтъ влюбляться буду. А то и жить-то не зачѣмъ, какой интересъ! А тутъ вдругъ какъ-то тепло на душѣ. А то какая наша жизнь? Пей, ѣшь да спи!

Аполлинарія Панфиловна.

Я тоже не люблю, чтобъ безъ занятія. Ужъ, само собой, не любовь, — гдѣ ужъ! Хоть и не закаиваюсь. А чтобъ были мнѣ хлопоты: или сватать, или когда молодая женщина запутается, такъ поучишь ее, какъ изъ бѣды вынырнуть, мужу глаза отвести.

Ольга.

Да что̀, въ самомъ дѣлѣ, тетенька, мы не люди, что̀ ли? Посмотрите-ка, что̀ мужчины-то дѣлаютъ, какую они себѣ льготу даютъ! Что̀ они боятся, аль стыдятся чего? Какая только придетъ имъ въ голову фантазія, все и исполняютъ. А отъ насъ требуютъ, чтобъ не только мы законъ соблюдали, а въ душѣ и помышленіи непорочность имѣли. Какъ еще они, при своей такой безобразной жизни, смѣютъ отъ насъ чего-то требовать? Да возьми такой мужъ въ самомъ дѣлѣ-то хорошую да благородную дѣвушку, такъ она черезъ три дня плюнетъ на него да убѣжитъ, куда глаза глядятъ.

Аполлинарія Панфиловна.

Недавно замужемъ, а какъ разговариваешь! Скоро жизнь-то раскусила.

Ольга.

Раскусишь. Я шла замужъ-то, какъ голубка была, а мужъ меня черезъ недѣлю по трактирамъ повезъ арфистокъ слушать; сажалъ ихъ за одинъ столъ со мной, обнимался съ ними; а что̀ говорили, такъ у меня волоса дыбомъ подымались!

Вѣра Филипповна.

Я такія рѣчи въ первый разъ слышу.

Аполлинарія Панфиловна.

Да вольно-жъ вамъ людей-то дичиться! Вы ужъ спесивы очень. Пожаловали бы когда къ намъ запросто, или меня къ себѣ приглашали почаще; угощенья для меня особеннаго не нужно: былъ бы чай да бутылка мадеры — вотъ и все.

Вѣра Филипповна.

Нѣтъ, гдѣ ужъ мнѣ по гостямъ! Я одичала очень, мнѣ и людей-то видѣть тяжело. И разъ-то въ годъ выѣдешь, такъ часъ просидишь въ гостяхъ, ужъ тамъ и скучно, домой тянетъ.

Ольга.

Теперь не прежнее время, не взаперти живете; вотъ бы и начали выѣзжать понемножку, привыкать къ людямъ.

Вѣра Филипповна.

Разница-то не велика: прежде взаперти жила, а теперь сама усѣлась дома. Вотъ только одно мое удовольствіе, по монастырямъ стала ѣздить: въ Симоновъ, въ Новоспасскій, въ Андроньевъ.

Аполлинарія Панфиловна.

Раненько за богомолье-то принялись.

Вѣра Филипповна.

Да хорошо тамъ очень: когда небольшой праздникъ, тамъ народу немного, тихо таково, просторно, поютъ хорошо. Выйдешь за ограду, по бульварчику походишь, на Москву поглядишь, старушекъ-богомолокъ найдешь, съ ними потолкуешь. *(Входитъ Огуревна.)* Что̀ ты?

Огуревна.

Сумлѣваюсь насчетъ лимону.

Вѣра Филипповна.

Я сейчасъ, гости дорогія. *(Уходитъ съ Огуревной.)*

Аполлинарія Панфиловна.

По монастырямъ стала ѣздить! Надо подсмотрѣть за ней: въ самомъ дѣлѣ, нѣтъ ли сироты какого.

Ольга.

Нѣтъ, не похоже.

Аполлинарія Панфиловна.

Смотри ей въ зубы-то! Я очень тихимъ-то не вѣрю. Знаешь пословицу: въ тихомъ омутѣ... *(Входитъ Вѣра Филипповна.)*

Вѣра Филипповна.

Сюда прикажете чай подать или туда пойдете? Сюда и мужчины придутъ; вонъ, кажется, Потапъ Потапычъ подвигается.

Аполлинарія Панфиловна.

Лучше мы къ самовару присосѣдимся; я не люблю съ мужчинами-то: не привыкли мы въ перемѣшку-то. Простору нѣтъ, разговоръ не тотъ; я въ разговорѣ свободна, стѣснять себя не люблю. Мужчины врутъ сами по себѣ, а мы сами по себѣ, и имъ свободнѣй, и намъ вольнѣй. Любезное дѣло! А вмѣстѣ — одна канитéль, а не разговоръ. Я съ прибавленіемъ люблю чай-то пить; неравно при мужчинахъ-то невзначай лишнее перельёшь, такъ и совѣстно.

Вѣра Филипповна.

Какъ вамъ угодно. Пожалуйте! *(Уходятъ Аполлинарія Панфиловна, Ольга, Вѣра Филипповна. Входятъ Каркуновъ, (въ рукахъ бумага и карандашъ), Халымовъ, Константинъ Каркуновъ.)*

ЯВЛЕНІЕ ТРЕТЬЕ.

Каркуновъ, Халымовъ *и* Константинъ Каркуновъ.

Константинъ.

Помилуйте, дяденька!... Къ чему, къ чему?... Ни къ чему это не ведетъ.

Каркуновъ.

Помолчи ты, помолчи! *(Халымову.)* Ахъ, кумъ ты мой милый, вотъ ужъ спасибо, вотъ ужъ спасибо!

Халымовъ.

Да за чтò?

Каркуновъ.

Какъ, за что? Я тебѣ шепнулъ: „пріѣзжай, молъ“, а ты и пріѣхалъ.

Халымовъ.

Да чудакъ: зовешь въ гости, какъ не поѣхать! Отъ хлѣба-соли кто же отказывается?

Каркуновъ.

Да я еще тебя хлѣбомъ-то не кормилъ; я, какъ ты пріѣхалъ, такъ за дѣло тебя; говорю: „помоги!...“

Халымовъ.

Да какое дѣло-то! Гроша оно мѣднаго не стóитъ; эка невидаль — завѣщаніе написать! Было-бъ чтò отказывать; а коли есть, такъ не хитро: тутъ все твоя воля, чтò хочешь, то и пиши!

Каркуновъ.

Нѣтъ, ты не говори! Вотъ тутъ у насъ по сосѣдству адвокатишка проживаетъ, такой паршивенькій, а и тотъ триста рублей проситъ.

Халымовъ.

Еще мало запросилъ. Вольно-жъ тебѣ за адвокатами посылать!

Константинъ.

Да помилуйте! Коли есть единственный... такъ къ чему? Однѣ кляузы!

Каркуновъ.

Погоди! Ты помолчи, помолчи!

Халымовъ.

Взялъ листъ, и пиши!

Каркуновъ.

„Пиши“, ишь ты! Чтò я напишу, чтò я знаю? Какъ напьемся хорошенько, такъ „мыслете“ писать наше дѣло; а перо-то возьмешь, такъ вѣдь надо, чтобъ оно слушалось. А коли не слушается, такъ чтò-жъ ты тутъ! Ничего не подѣлаешь.

Халымовъ.

А ты его возьми покрѣпче въ руки-то, да и пиши съ первоначалу съ Божьяго благословенія: Во имя, и прочее...

Каркуновъ.

Такъ, такъ, съ Божьяго благословенія; нельзя безъ этого, это ужъ первое дѣло. *(Константину.)* Ты незваный пришелъ, такъ вотъ тебѣ бумага и карандашъ. Пиши! *(Отдаетъ бумагу и карандашъ.)* Пиши, чтò сказано.

Константинъ.

Да позвольте! Коли я единственный...

Каркуновъ.

Молчи, молчи! *(Константинъ садится къ столу.)* Что̀ ему писать-то?

Халымовъ.

Потомъ пиши: „во-первыхъ...“

Каркуновъ.

Константинъ, пиши: во-первыхъ...

Халымовъ.

„Поручаю душу мою Богу...“

Каркуновъ *(вздыхая)*.

Охъ, охъ! Да, да. *(Константинъ пишетъ.)*

Халымовъ.

„А грѣшное тѣло мое предать землѣ по христіанскому обряду“.

Каркуновъ.

По христіанскому, по христіанскому, да, да, по христіанскому, чтобъ ужъ какъ слѣдуетъ.

Халымовъ.

Теперь насчетъ пѣвчихъ... Какихъ тебѣ будетъ пріятнѣе: Чудовскихъ иль Нешумовскихъ?

Каркуновъ.

Чудовскихъ пріятнѣе, другъ ты мой любезный, пріятнѣе.

Халымовъ.

Ну, и пиши: „Чудовскихъ“.

Каркуновъ.

Константинъ, запиши: „Чудовскихъ!“

Халымовъ.

Теперь покровъ на гробъ... хочешь парчевый, хочешь глазе́товый. Нынче этотъ товаръ до тонкости доведенъ, въ Парижѣ на выставкѣ былъ.

Каркуновъ.

Надъ этимъ задумаешься, кумъ, задумаешься.

Халымовъ.

Да какъ не задумаешься: дѣло большого разсудка требуетъ. А ты вели принести обра́зчиковъ, да который тебѣ къ лицу, тотъ и обозначь; узорчикъ повеселѣй выбери. Да вотъ

еще забыли, прежде всего надо: „находясь въ здравомъ умѣ“. Что̀ забыли-то! Да и вправду, въ здравомъ мы умѣ, аль нѣтъ?

Каркуновъ.

Въ здравомъ, въ здравомъ, куда хочешь. Константинъ, проставь впереди: „въ здравомъ умѣ“.

Константинъ.

Ну, ужъ сомнѣваюсь!

Каркуновъ.

Пиши, пиши, не твое дѣло!

Халымовъ.

„И твердой памяти“.

Каркуновъ.

Ну, насчетъ памяти... противъ прежняго не то.

Халымовъ.

Да вѣдь помнишь всѣхъ, кто тебѣ долженъ?

Каркуновъ.

Всѣхъ, всѣхъ, всѣхъ.

Халымовъ.

Значитъ, твердая. Можетъ быть, забываешь, кому самъ долженъ? Такъ не бѣда, напомнятъ. Ну, главное дѣло кончено, теперь ужъ пустяки. Вотъ пиши: „любезной супругѣ моей, Вѣрѣ Филипповнѣ, за ея любовь ко мнѣ и всегдашнія попеченія...“

Каркуновъ.

Да, да, всегдашнія попеченія.

Халымовъ.

Ну, тамъ что̀ знаешь.

Каркуновъ.

Пиши, Константинъ: „все движимое и недвижимое имѣніе и милліонъ денегъ“.

Константинъ.

Да, позвольте, дяденька...

Каркуновъ.

Молчи, молчи! Сто́итъ, сто́итъ, больше сто́итъ.

Халымовъ.

Ужъ это твое дѣло.

Каркуновъ.

Больше стóитъ, больше стóитъ. Только вотъ чтȏ кумъ, охъ...

Халымовъ.

Чтȏ случилось?

Каркуновъ.

Оставлю я ей милліонъ, а она съ моими деньгами-то замужъ, либо любовника.

Халымовъ.

Да тебѣ-то чтȏ за дѣло? Ужъ тамъ, какъ знаетъ, какъ ей лучше.

Каркуновъ.

Нѣтъ, такъ нельзя, такъ нельзя: мои деньги-то. Она выйдетъ замужъ, да еще подсмѣется съ мужемъ-то надъ старикомъ.

Халымовъ.

Да и подсмѣются, ничего не подѣлаешь.

Каркуновъ.

Нѣтъ, вотъ какъ: любезной супругѣ моей, Вѣрѣ Филипповнѣ, коли не выйдетъ она замужъ и не заведетъ любовника, милліонъ.

Халымовъ.

Нельзя такъ написать-то, кумъ.

Каркуновъ.

Отчего, кумъ?

Халымовъ.

Скажутъ, что не въ здравомъ разсудкѣ.

Каркуновъ.

Такъ мы этого писать не будемъ, не осрамимъ себя, кумъ, не осрамимъ. Я вотъ чтȏ: я велю ей образъ со стѣны снять да побожиться. Такъ, кумъ?

Халымовъ.

Такъ, такъ. Да вѣдь и она не глупа: она образъ-то, на которомъ божилась, повернетъ къ стѣнѣ, либо вовсе изъ комнаты вынесетъ, чтобы свидѣтелей не было, да и сдѣлаетъ, чтȏ хочетъ.

Каркуновъ.

Опять бѣда! Вотъ горе-то мое, горе!

Халымовъ.

Ну, какъ не горе! Всю жизнь мучилъ жену, хочешь и послѣ смерти потиранить, да никакъ не придумаешь. Да она честно жила съ тобой?

Каркуновъ.

Честно, честно. Что̀ тутъ говорить — святая!

Халымовъ.

Всякій твой капризъ, всякую блажь исполняла?

Каркуновъ.

Исполняла, исполняла.

Халымовъ.

Сто́итъ это чего-нибудь?

Каркуновъ.

Сто́итъ, сто́итъ, какъ не сто́ить!

Халымовъ.

Ну, чего это сто́итъ, то ты и дай ей; да ужъ и не печалься больше, — пусть живетъ, какъ сама знаетъ.

Каркуновъ.

Нѣтъ, мало, мало. *(Константину.)* Да что̀ тутъ! Пиши, безъ всякихъ условіевъ — милліонъ.

Константинъ.

Ужъ это, дяденька, даже довольно глупо, позвольте вамъ сказать.

Каркуновъ.

Ты молчи! Ты долженъ къ дядѣ со всякимъ уваженіемъ.

Константинъ.

Я со всякимъ уваженіемъ, а ежели что̀ не умно, такъ поневолѣ скажешь: глупо.

Халымовъ.

Пойдемъ дальше помаленьку! Теперь племяннику... „Племяннику моему, Константину Лукичу Каркунову, за его почтительность и хорошее поведеніе...“

Каркуновъ.

Пиши, Константинъ: „племяннику моему...“

Константинъ.

Написалъ.

Каркуновъ.

Вся моя торговля, фабричное заведеніе, опричь стѣнъ, товары, векселя и милліонъ денегъ.

Константинъ.

Я такъ понимаю, что это только одна шутка съ вашей стороны.

Каркуновъ.

Только, чтобъ онъ вѣчно поминалъ меня, а свое пьянство и безобразіе оставилъ.

Константинъ.

Безобразіемъ-то, дяденька, мы вмѣстѣ занимались; ежели я и пьянствовалъ, такъ для вашего удовольствія.

Каркуновъ.

И чтобъ всю жизнь онъ чувствовалъ.

Халымовъ.

Опять ты съ чувствами! А если онъ чувствовать не будетъ?

Каркуновъ.

Тогда деньги отобрать.

Халымовъ.

Нѣтъ, ты эти аллегоріи брось! Никто такого твоего завѣщанія не утвердитъ.

Константинъ.

Оставьте! Пущай не утвердятъ: тѣмъ лучше, все мнѣ и достанется.

Каркуновъ.

Ишь ты какой ловкій! Пиши: милліонъ! Милліонъ тебѣ — вотъ и все.

Константинъ.

Одна только прокламація, больше ничего.

Халымовъ.

Ну, еще что? Кому еще соблаговолишь?

Каркуновъ.

Приказчику моему, Ерасту... Пиши: ему десять тысячъ! Давай бумагу, ступай! Объ остальномъ безъ тебя порѣшимъ.

Константинъ.

Ну, дяденька, не ожидалъ. Кажется, знаете, какой я человѣкъ! Можно довѣриться безъ сумлѣнія. Сто́итъ вамъ приказать

словесно: выдай тому столько-то, тому столько-то, — въ точности исполню. Наслѣдникъ у васъ одинъ я, а вы какую-то моду выдумали — завѣщаніе писать. Смѣшно даже.

Каркуновъ.

Ну, хорошо, хорошо, ступай! Обиженъ не будешь. *(Константинъ уходитъ.)*

ЯВЛЕНІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

Каркуновъ *и* Халымовъ.

Каркуновъ *(осмотрѣвъ всѣ двери).*

Ну, кумъ, вотъ ужъ теперь ты мнѣ помоги, въ ножки поклонюсь! Возьми бумажку-то! *(Подаетъ бумагу, писанную Константиномъ.)* Захерь, всю захерь! Да напиши ты мнѣ все завѣщаніе снова! При племянникѣ я правды-то говорить не хотѣлъ.

Халымовъ.

А въ чемъ твоя правда-то?

Каркуновъ.

Грѣшный я, ахъ, какой грѣшный человѣкъ! Чтò грѣховъ, чтò грѣховъ! Чтò неправды на душѣ, чтò обиды людямъ, чтò всякаго угнетенія!

Халымовъ.

Ну, такъ что-же?

Каркуновъ.

Такъ надо, чтобъ за мою душу много народу молилось; выкупать надо душу-то изъ ада кромѣшнаго.

Халымовъ.

Какъ же ты ее выкупишь?

Каркуновъ.

А вотъ какъ: ни женѣ, ни племяннику — ничего, такъ развѣ малость какую. На нихъ надежда плоха: они не умолятъ. Все на бѣдныхъ, неимущихъ, чтобы молились. Вотъ и распиши! Ты порядокъ-то знаешь: туда столько, въ другое мѣсто столько, чтобы вѣчное поминовеніе, на вѣчныя времена... на вѣчныя. А вотъ тебѣ записочка, чтò у меня есть наличными и прочимъ имуществомъ. *(Достаетъ изъ кармана бумажку и подаетъ Халымову.)*

Халымовъ.

Ого! Сколько у тебя наличныхъ-то! Гдѣ же ты ихъ держишь?

Каркуновъ.

Дома, кумъ, вонъ въ шкапу.

Халымовъ.

Ты живешь въ захолустьи, кругомъ пустыри; налетятъ молодцы, такъ увезутъ у тебя деньги-то и съ твоимъ дорогимъ шкапомъ вмѣстѣ.

Каркуновъ.

Не боюсь, кумъ, нѣтъ. Нынче, кумъ, люди-то умны, говорятъ, стали; такъ и я съ людьми поумнѣлъ Вотъ видишь двѣ пуговки! *(Показываетъ двѣ пуговки подлѣ шкафа.)* Электрическій звонокъ! А? Умственная штука, кумъ, умственная штука! Одну пуговку нажму, всѣ молодцы и дворники тутъ, а другую — сто человѣкъ фабричныхъ чрезъ двѣ минуты здѣсь будутъ.

Халымовъ.

Ну, кумъ, задалъ ты мнѣ задачу!

Каркуновъ.

Сдѣлай милость! Будь другъ! Трепещу, трепещу, что̀ грѣховъ-то, что̀ грѣховъ-то, что̀ всякаго окаянства!

Халымовъ.

Какъ же ты жену-то обидишь, за что̀?

Каркуновъ.

Да, да... жена у меня душа ангельская, голубица чистая. Какъ подумаю, кумъ, про нее, такъ слезы у меня. Вотъ видишь, слезы. Заморилъ я ее, всю жизнь загубилъ... Да что̀ же... мое вѣдь... кому хочу, тому и даю. Душа-то дороже жены. Вотъ еще приказчикъ... Я у пріятеля сыночка взялъ, обѣщалъ въ люди вывести, наградить... а не вывелъ. И жалованье-то платилъ малое, все посулами проводилъ... И объ немъ тоже, видишь, пла́чу. Только у меня дорогого-то, что̀ жена да приказчикъ, а душа все-таки дороже... Можно ему что̀-нибудь изъ платья... шубу старую... Такъ и напиши!

Халымовъ.

Напишу, что̀ съ тобой дѣлать! Только будетъ ли польза душѣ-то?

Каркуновъ.

Будетъ, будетъ; съ умными людьми совѣтовался, съ благо-

честивыми... И больше все, чтобы по мелочамъ, въ раздачу нищей братіи, по гривнѣ сто тысячъ, по пятаку триста.

Халымовъ.

Это хорошо, это по крайности цѣликомъ въ казну поступитъ; казнѣ деньги нужны.

Каркуновъ.

Какъ, кумъ, въ казну?

Халымовъ.

Чрезъ акцизное управленіе. Питейныя заведенія заторгуютъ хорошо.

Каркуновъ.

Ну, что̀-жъ, пущай! Все-таки каждый передъ стаканомъ-то помянетъ добрымъ словомъ.

Халымовъ.

Передъ первымъ помянетъ, а на другой не хватитъ денегъ, такъ тебя-жъ и обругаетъ.

Каркуновъ.

Ничего, нужды нѣтъ; хоть разъ перекрестится да вздохнетъ на образъ, все-таки душѣ-то легче. *(Растворяетъ двери.)* Вѣра Филипповна, Костя!... А! И ты, Ерастъ, здѣсь! Войдите, войдите! *(Входятъ Вѣра Филипповна, Константинъ и Ерастъ.)*

ЯВЛЕНІЕ ПЯТОЕ.

Каркуновъ, Халымовъ, Вѣра Филипповна, Константинъ *и* Ерастъ.

Каркуновъ.

Ну, супруга любезная, ну, племянничекъ дорогой, и ты, Ерастъ! Молитесь Богу, молитесь Богу! Всѣхъ, всѣхъ наградилъ, всю жизнь поминать будете.

Вѣра Филипповна.

Благодарю покорно, Потапъ Потапычъ! Не надо мнѣ ничего, а коли ваша такая любовь ко мнѣ, такъ за любовь вашу я должна васъ поминать всегда и всегда за васъ Бога молить.

Ерастъ.

Покорно благодарю, Потапъ Потапычъ, что труды мои цѣните, даже сверхъ заслугъ.

Константинъ.

Извините, дяденька, мнѣ благодарить не за что. Конечно, на все ваша воля, а коли разсудить правильно, такъ и безъ того все мое.

Каркуновъ.

А коли твое, такъ твое и будетъ; никого не обижу, никого.

Вѣра Филипповна.

Сюда чай прикажете или къ намъ пожалуете?

Каркуновъ.

Пойдемъ, кумъ, къ бабамъ, пойдемъ балагурить, зубы точить. *(Уходятъ Каркуновъ и Халымовъ.)*

Вѣра Филипповна.

Пожалуйте! Константинъ Лукичъ, Ерастъ... приходите!

Константинъ.

Увольте, тетенька, мы не желаемъ. *(Вѣра Филипповна уходитъ.)*

ЯВЛЕНІЕ ШЕСТОЕ.

Константинъ *и* Ерастъ.

Константинъ.

Ну, Ерастъ, дѣло табакъ.

Ерастъ.

О чемъ твой разговоръ, и какъ его понимать?

Константинъ.

Намъ съ тобой зубы на полку.

Ерастъ.

Почему такъ полагаешь?

Константинъ.

Все теткѣ — шабашъ!

Ерастъ.

Что-жъ, послужимъ и ей.

Константинъ.

Не придется.

Ерастъ.

Отчего-жъ не служить, мы не хуже людей?

Константинъ.

Ты думаешь, она при милліонахъ-то съ фабриками да съ торговлей путаться будетъ? Какъ же, очень ей нужно! Оборотитъ все въ деньги, да замужъ за благороднаго.

Ерастъ.

Пожалуй; мудренаго нѣтъ.

Константинъ.

А мы съ тобой на бобахъ останемся.

Ерастъ.

Такъ неужто-жъ вся моя служба задаромъ пропадетъ?

Константинъ.

А ты благодарности ждешь?... Отъ дяди-то? Жди, жди! Онъ не нынче, такъ завтра тебя по шапкѣ скомандуетъ.

Ерастъ.

За чтò, про чтò?

Константинъ.

Здорово живешь. Къ расчету ближе. Ты, по своимъ трудамъ, стóишь много, а ему жаль тебѣ прибавить; ну, извѣстно дѣло, придерется къ чему, расшумится, да и прогонитъ. У нихъ, у хозяевъ, одна политика-то.

Ерастъ.

Однако, призадумаешься. Надо мѣсто искать.

Константинъ.

Погоди! Ты вспомни, чему я тебя училъ.

Ерастъ.

Насчетъ чего?

Константинъ.

Насчетъ амуровъ.

Ерастъ.

Эхъ! Будетъ тебѣ глупости-то!

Константинъ.

Одно твое спасенье.

Ерастъ.

Не такая женщина; приступу нѣтъ.

Константинъ.

Ну, плохъ же ты, братъ!

Ерастъ.

Кто плохъ? Я-то?.. Кабы ты зналъ, такъ не говорилъ бы, что я плохъ. Я свое дѣло знаю, да ничего не подѣлаешь. Первымъ долгомъ, надо женщину хвалить въ глаза; такимъ манеромъ какую хочешь донять можно. Нынче скажи — красавица, завтра — красавица, она уши-то и распуститъ, и подавай ей турусы на колесахъ! А ужъ коли стала слушать, такъ заговорить недолго.

Константинъ.

Такъ бы ты и дѣйствовалъ.

Ерастъ.

Я и дѣйствовалъ, да она меня только однимъ взглядомъ такъ ошибла, ровно обухомъ, насилу на ногахъ устоялъ. Нѣтъ, я теперь на другой манеръ.

Константинъ.

Какая статья?

Ерастъ.

Она у насъ сердобольная, чувствительная; такъ я на жалость ее маню, казанскимъ сиротой прикидываюсь.

Константинъ.

Дѣйствуетъ?

Ерастъ.

Кажется, подѣйствовало; ужъ полдюжины голландскихъ рубашекъ получилъ вчера. Отъ кого-жъ, какъ не отъ нея? Она все такъ-то, втайнѣ благодѣтельствуетъ.

Константинъ.

Ну, и дѣйствуй въ этомъ направленіи. Затягивай ее мало-по-малу; потомъ свиданье гдѣ-нибудь назначь, либо къ себѣ замани.

Ерастъ.

Ну, хотя бы и такъ, да тебѣ-то какая польза отъ всего этого?

Константинъ.

Ахъ, простота! Я подстерегу васъ, да и укажу дядѣ: вотъ, молъ, посмотри, кому ты милліоны-то оставляешь!

Ерастъ.

Однако! Да чтò ты дурака, чтò-ль, нашелъ?

Константинъ.

Погоди! Чтò болтаешь зря, не разобравши дѣла? Ты слушай, да понимай! Тебя все равно дня черезъ два-три дядя прогонитъ, ужъ онъ говорилъ; такъ чтò тебѣ жалѣть-то себя? Такъ, ни съ чѣмъ уйдешь; а коли мнѣ, черезъ твою услугу, дядино состояніе достанется, такъ я тебя озолочу.

Ерастъ.

Разсказывай! Тебѣ повѣришь, такъ трехъ дней не проживешь!

Константинъ.

Это точно, это ты правду говоришь. И не вѣрь мнѣ на слово никогда, — я обману. Какое я состояніе-то ухнулъ — отобрали все. А отчего? Оттого, что людямъ вѣрилъ. Нѣтъ, ужъ теперь шабашъ; и я людямъ не вѣрю, и мнѣ не вѣрь. Ты на совѣсть мою, пожалуйста, не располагайся: была когда-то, а теперь ея нѣтъ. Это я тебѣ прямо говорю. Бери документъ! Хочешь двѣ-три тысячи, ну, хочешь пять?

Ерастъ.

Да чтò съ тебя возьмешь по документу-то?

Константинъ.

Само собой, что теперь ничего, а какъ оставитъ дядя наслѣдство, получишь все и съ процентами.

Ерастъ *(подумавъ)*.

Вотъ чтò, слушай! Которое ты дѣло мнѣ сейчасъ рекомендуешь, довольно оно подлое. Пойми ты! Довольно подлое.

Константинъ.

Да развѣ я говорю тебѣ, что оно хорошее? И я такъ считаю, что оно подлое. Только я за него деньги плачу. Разбирай, какъ знаешь! Пять тысячъ, да на голодные-то зубы, да тому, кто ихъ никогда у себя не видывалъ... тоже пріятность имѣютъ.

Ерастъ.

Не надо. Не только твоихъ пяти тысячъ... а отойди! Вотъ... одно слово!

Константинъ.

Правда пословица-то: дураковъ-то ни орутъ, ни сѣютъ, а сами родятся. Получаешь ты триста рублей въ годъ, значитъ,

обязанъ ты воровать; хотятъ тебя осчастливить, даютъ тебѣ пять тысячъ, а ты физіономію въ сторону отворачиваешь! Мозги! Нечего сказать! Постучи-ка себя въ лобъ-то, да вонъ въ стѣну попробуй, будетъ ли разница?

Ерастъ.

А какъ ты думаешь, ежели дьяволъ... такъ кто изъ васъ тоньше... людей-то опутывать?

Константинъ.

Ну, вотъ еще, „дьяволъ“. Испугать, что̀-ль, меня хочешь? Слова, глупыя слова, и больше ничего. Къ чему тутъ: дьяволъ? Которые люди святой жизни, такъ дьяволу съ ними заботы много; а мы и безъ него нагрѣшимъ, что на десяти возахъ не вывезешь. Но, однако, всякому разговору конецъ бываетъ... Хочешь — бери деньги, а не хочешь — сочти такъ, что я пошутилъ.

Ерастъ.

Надо, по крайности, подумать.

Константинъ.

И выходишь ты, братецъ мой, невѣжа. Думай, не думай, ума не прибудетъ; сколько тебѣ ума дано, столько и останется. Значитъ, показывай сейчасъ свой умъ или свою глупость! На томъ и покончимъ.

Ерастъ.

Ну, ужъ была не была, куда ни шло!

Константинъ.

Вотъ такъ-то лучше, а ты еще въ разсужденія пускаешься! Какія еще твои разсужденія, когда ты обязанъ во всемъ слушать меня и всегда подражать подъ меня. Я старше тебя, хотя не лѣтами, но жизнью и умомъ; я большое состояніе прожилъ, а ты всегда жилъ въ бѣдности; я разсуждаю свободно, а ты въ разсужденіи связанъ; я давно совѣсть потерялъ, а ты еще только начинаешь. Когда-жъ подробный объ этомъ предметѣ у насъ разговоръ будетъ?

Ерастъ.

Ты сегодня что̀ дѣлаешь?

Константинъ.

До вечера свободенъ, зайду къ тебѣ и потолкуемъ; а вечеромъ — опять съ дядей въ провожатыхъ.

Ерастъ.

Куда вы съ нимъ ѣздите?

Константинъ.

По трактирамъ, а то куда-жъ больше. Надоѣло имъ безъ проказъ пьянствовать, такъ теперь придумываютъ, что̀ чуднѣй: антиковъ разныхъ разыскиваютъ, да и тѣшатся. У кого сила, такъ бороться заставляютъ; у кого голосъ великъ, такъ многолѣтіе имъ кричи; кто пьетъ много, такъ по̀ятъ на пари. Вотъ бы найти какого диковиннаго, чтобъ дяденькѣ удружить!

Ерастъ.

Нѣтъ, я встрѣтилъ антика-то: и сила, и голосъ, и выпить, сколько хочешь.

Константинъ.

Кто онъ такой?

Ерастъ.

Такъ, въ родѣ какъ странникъ по Москвѣ бродитъ, понакутитъ, да у монастырей съ нищими становится.

Константинъ.

И знаешь, гдѣ его найти?

Ерастъ.

Знаю.

Константинъ.

Такъ покажи мнѣ сегодня же! Я съ кѣмъ-нибудь стравлю его на пари, большой капиталъ могу нажить отъ дяди. Да что̀! Дядя озолотитъ, все состояніе оставитъ мнѣ, коли придется ему по вкусу, да всѣхъ мы побѣдимъ.

Ерастъ.

Можно. *(Входятъ Каркуновъ, Халымовъ, Вѣра Филипповна и Аполлинарія Панфиловна.)*

ЯВЛЕНІЕ СЕДЬМОЕ.

Каркуновъ, Халымовъ, Вѣра Филипповна, Аполлинарія Панфиловна, Константинъ *и* Ерастъ.

Каркуновъ.

Что̀-жъ, кумъ, загуляли, значитъ?

Халымовъ.

Не знаю, какъ ты, а я коньки подвязалъ, далеко катиться могу.

Каркуновъ.

Такъ поѣхали, чтò ли?

Халымовъ.

Поѣхали.

Каркуновъ *(указывая на женщинъ)*.

А ихъ не возьмемъ, кумъ, не возьмемъ! Пущай дома сидятъ! Вотъ вы и знайте! Да! Мы въ разгулъ, а вы дома сидите!

Халымовъ.

Куда ихъ! Намъ съ тобой надо быть налегкѣ, безъ грузу; чтобы куда потянетъ, туда и плыть, такъ, глядя по фантазіи, рулемъ-то и поворачивай!

Аполлинарія Панфиловна.

Да поѣзжайте, куда душѣ угодно, не заплачемъ.

Каркуновъ.

О чемъ плакать? Чтò за слезы? Не о томъ рѣчь! А ты вотъ чтò, кума: ты спроси у лошади, какъ ей лучше, свободнѣй: въ хомутѣ или безъ хомута! А баба-то вѣдь хомутъ.

Аполлинарія Панфиловна.

Да ну васъ, убирайтесь! Не очень-то въ васъ нуждаются. Домой-то дорогу я и одна найду. Такъ пріѣдете, Вѣра Филипповна, въ монастырь-то ко всенощной?

Вѣра Филипповна.

Пріѣду непремѣнно.

Аполлинарія Панфиловна.

Ну, вотъ, можетъ быть, увидимся. Прощайте! Къ намъ милости просимъ.

Вѣра Филипповна.

Ваши гости.

Аполлинарія Панфиловна.

Прощайте, кавалеры! *(Уходитъ.)*

Константинъ.

Дяденька, мнѣ прикажете съ вами сопутствовать?

Каркуновъ.

Чего еще спрашиваешь? Аль ты свою службу забылъ? У тебя вѣдь одно дѣло-то: по ночамъ пьянаго дядю домой провожать.

Константинъ.

А ежели я малость замѣшкаюсь, такъ къ ночи гдѣ васъ искать, подъ какимъ флагомъ? То-есть, дяденька, подъ какой вывѣской?

Халымовъ.

Да ужъ гдѣ ни путаться, а, должно быть, Стрѣльны не миновать. Поклонъ, да и вонъ! Поѣхали.

Каркуновъ.

Хозяйка, не жди! *(Уходятъ Каркуновъ, Халымовъ, Константинъ. Вѣра Филипповна провожаетъ ихъ въ переднюю и возвращается.)*

ЯВЛЕНІЕ ВОСЬМОЕ.

Вѣра Филипповна *и* Ерастъ.

Ерастъ *(потупя голову)*.

Вѣра Филипповна, вы позволите мнѣ сегодня итти ко всенощной?

Вѣра Филипповна.

Развѣ Богу молиться позволенія спрашиваютъ?

Ерастъ.

Нѣтъ-съ, я спрашиваю, позволите ли вы мнѣ итти въ монастырь, куда вы поѣдете?

Вѣра Филипповна.

Храмъ большой, всѣмъ мѣсто будетъ... Иди, коли есть усердіе.

Ерастъ.

Я думалъ, что, можетъ быть, вамъ не пріятно, что я все съ вами въ одну церковь хожу. Такъ я могу въ другое мѣсто...

Вѣра Филипповна *(взглянувъ на Ераста)*.

Отчего же ты думаешь, что мнѣ не пріятно?

Ерастъ.

Вы женщина строгая, мало-ль что̀ можете подумать!

Вѣра Филипповна.

Я ничего не думаю а коли ты самъ что̀-нибудь думаешь дурное, такъ лучше не ходи, не грѣши. А ежели ты съ чистымъ сердцемъ...

Ерастъ.

Съ чистымъ, Вѣра Филипповна.

Вѣра Филипповна.

А коли съ чистымъ, такъ иди съ Богомъ! Мнѣ даже очень пріятно; я очень рада, что въ такомъ дѣлѣ есть у меня товарищъ и провожатый.

Ерастъ.

Я только вамъ доложить хотѣлъ. Я безъ спросу не посмѣлъ.

Вѣра Филипповна.

Да, хорошо, хорошо! Вижу, что ты скромный и хорошій человѣкъ. Я такихъ люблю. Хорошаго человѣка нельзя не полюбить... Кого-жъ и любить, какъ не хорошихъ людей? Ну, покуда прощай! *(Ерастъ почтительно кланяется.)*

Занавѣсъ.

ДѢЙСТВІЕ ВТОРОЕ.

ЛИЦА:

Вѣра Филипповна.
Аполлинарія Панфиловна.
Константинъ Каркуновъ.
Ерастъ.
Иннокентій-странникъ, сильный мужчина суроваго вида, въ длинномъ парусинномъ пальто и странницкой шапкѣ.

Бульваръ подъ монастырской стѣной; нѣсколько скамеекъ; въ глубинѣ по обрыву деревянная загородка; за ней вдали видна часть Москвы.

ЯВЛЕНІЕ ПЕРВОЕ.

Иннокентій *(одинъ).*

Эка обуза!... Эка обуза мнѣ тѣло мое... алчное, жадное, ненасытимое! Этакую утробу богатому человѣку — и то будетъ въ тяжесть удоволить; а мнѣ, пролетарію... нѣсть конца мученіямъ... Непрестанныя муки голода и жажды... непрестанныя обуреванія страстей! Былъ рубль сегодня — и нѣтъ его; а жажда и голодъ все тѣ же. Хоть бы ослѣпнуть! Несытымъ

окомъ видишь трактиры, видишь пивныя заведенія, видишь лѣпообразныхъ женъ... Какъ звѣрь бы ринулся на все сіе и пожралъ, но не пожрешь... Прежде, чѣмъ пасть твоя разинется, связанъ будешь и заключенъ въ узилище... Былъ рубль... Лучше бы его не было... Рубль издержалъ, но удовлетворенія нѣтъ, а только сугубая жажда. Всуе искать человѣка, который, какъ я, могъ бы завидовать всему. Волкъ живетъ хищеніемъ, грабежомъ, убійствомъ... а я ему завидую; ибо онъ даровую находитъ пищу. *(Входитъ Вѣра Филипповна.)*

ЯВЛЕНІЕ ВТОРОЕ.

Иннокентій *и* Вѣра Филипповна.

Иннокентій.

Государыня милостивая, соблаговолите странному человѣку!

Вѣра Филипповна *(подавая деньги).*

Примите!

Иннокентій.

Мало.

Вѣра Филипповна.

Не взыщите.

Иннокентій.

Другому это довольно, а мнѣ мало.

Вѣра Филипповна.

Ты человѣкъ въ силахъ, работать бы тебѣ...

Иннокентій.

Не могу.

Вѣра Филипповна.

Нездоровъ, что̀ ли?

Иннокентій.

Нѣтъ.

Вѣра Филипповна.

Такъ почему же?

Иннокентій.

Я празднолюбецъ.

Вѣра Филипповна.

Такимъ не помогаютъ.

Иннокентій.

Напрасно.

Вѣра Филипповна.

Работай и молись, такъ не будешь нуждаться.

Иннокентій.

Не наставленій, государыня милостивая, а денегъ желаю я получить отъ тебя.

Вѣра Филипповна.

Такъ не просятъ.

Иннокентій *(оглядываясь)*.

Я не прошу, я приказываю.

Вѣра Филипповна.

Богъ съ тобой, миленькій! Прими еще и будь доволенъ. За всякую малость надо Бога благодарить. Не грѣши и меня не вводи въ грѣхъ: я молиться иду.

Иннокентій.

Вотъ у тебя, раба Божья, сколько серебряныхъ денегъ-то!

Вѣра Филипповна.

Не завидуй, грѣшно!

Иннокентій.

Отдай-ка ты мнѣ ихъ!

Вѣра Филипповна.

Мнѣ, миленькій, не жаль, да не мои деньги-то, отдать-то нельзя: онѣ бѣднымъ приготовлены.

Иннокентій.

А если я ихъ отниму у тебя?

Вѣра Филипповна.

Отнимай, коли Бога не боишься, а сама не отдамъ; это деньги чужія.

Иннокентій.

Отнять-то я отниму, да вотъ бѣда: сила у меня большая, и рука тяжела, какъ бы не повредить тебя, руки не оторвать прочь.

Вѣра Филипповна.

Ты, миленькій, глядѣлъ когда на небо-то, лобъ-то крестишь себѣ или нѣтъ?

Иннокентій.

Ну, ужъ будетъ разговаривать то!

Вѣра Филипповна.

Взгляни, миленькій, взгляни на небо-то!

Иннокентій.

Либо у тебя разумъ младенческій, либо ты ужъ очень въ вѣрѣ крѣпка. Что̀ ты мнѣ рацеи-то читаешь! Я самъ умнѣе тебя. Молчи, говорятъ тебѣ, заткни уста свои, а то я такую печать наложу на нихъ!... Давай кошелекъ! *(Вдали показываются Константинъ и Ерастъ.)*

Вѣра Филипповна.

А вотъ мнѣ Богъ и помощь посылаетъ.

Иннокентій *(тихо)*.

Ну, счастлива ты! Проходи! Я пошутилъ съ тобой! *(Громко.)* Благодарствую, государыня милостивая. *(Садится. Вѣра Филипповна уходитъ. Входятъ Константинъ и Ерастъ.)*

ЯВЛЕНІЕ ТРЕТЬЕ.

Иннокентій, Константинъ *и* Ерастъ.

Константинъ *(Ерасту)*.

Этотъ, что̀ ли?

Ерастъ.

Онъ самый.

Константинъ.

Мужчина занятный.

Иннокентій.

Господа милостивые, соблаговолите странному человѣку на пропитаніе.

Константинъ.

Я на пропитаніе не даю; коли пропить сейчасъ, такъ изволь, подамъ.

Иннокентій.

Давай! Пропью!

Константинъ.

Такъ ты вотъ какой странникъ-то!

Иннокентій.

Не осуждай! Коли хочешь подать, такъ подай; а не хочешь, такъ проходи! Мнѣ не до разговоровъ.

Константинъ.

Что̀ такъ? Иль гордъ очень?

Иннокентій.

Не гордъ, а голоденъ.

Константинъ.

Накормимъ.

Иннокентій.

Накормишь, тогда и будемъ съ тобой разговаривать.

Константинъ.

Да объ чемъ съ тобой разговаривать-то; что̀ ты знаешь?

Иннокентій.

Знаю больше тебя; я человѣкъ ученый и умный, а ты, какъ вижу, профанъ, простецъ.

Константинъ.

А коли ты ученый, отчего-жъ бѣдствуешь?

Иннокентій.

Я человѣкъ, обуреваемый страстями и весьма порочный.

Константинъ.

Намъ такихъ и надо. А выпить ты много можешь?

Иннокентій.

И пью, и ѣмъ много и жадно.

Константинъ.

Да какъ много-то?

Иннокентій.

Не мѣрялъ; только очень много, неизглаголанно много, повѣрить невозможно — вотъ сколько!

Константинъ.

Да, можетъ, хвастаешь?

Иннокентій *(отворачивается въ сторону)*.

Лучше отойди!... Проходи мимо!

Константинъ.

Что̀ „проходи"! Ты человѣкъ нужный. Надо тебя испробовать: словами-то все можно сказать.

Иннокентій.

Испробуй!

Константинъ.

А начнешь пробовать, такъ, пожалуй, и я больше выпью. Съ нами такія-то оказіи бывали.

Иннокентій.

Не выпьешь.

Константинъ.

Да почемъ ты знаешь? Какъ ты можешь такъ... вдругъ?... Ты слыхалъ романсъ: „Никто души моей не знаетъ“?

Иннокентій.

Не выпьешь.

Константинъ.

Еще это дѣло впереди.

Иннокентій.

Невозможно. Ты не только что̀ не выпьешь, ты руками не подымешь того, что̀ я могу выпить.

Константинъ.

Коли правда, мнѣ же лучше; я на тебѣ большіе капиталы наживу. *(Ерасту.)* Ну, я теперь его понялъ, мы съ нимъ и ѣдемъ. Что̀ у васъ съ теткой будетъ, извѣсти! *(Ерастъ уходитъ.)*

ЯВЛЕНІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

Константинъ *и* Иннокентій.

Константинъ.

Ты слышалъ, что̀ я тебѣ сказалъ?

Иннокентій.

Нѣтъ, я слышу только требованія и вопли желудка моего.

Константинъ.

Ну, такъ я тебѣ повторю: „я тебя понялъ“.

Иннокентій.

Говори, милостивецъ, яснѣй!

Константинъ.

Ты человѣкъ голодный; чѣмъ ты живешь?

Иннокентій.

Подаяніемъ отъ доброхотныхъ дателей.

Константинъ.

А когда подаянія не хватаетъ по размѣру твоего аппетита, тогда что̀?

Иннокентій.

Надо бы умирать съ голоду, но я не умираю.

Константинъ.

На пятерню берешь?

Иннокентій.

Ты что̀ за духовникъ?

Константинъ.

Ничего, признавайся, свидѣтелей нѣтъ.

Иннокентій.

Да ты ужъ не товарища ли ищешь?

Константинъ.

Пока Богъ миловалъ, а впередъ не угадаешь: можетъ, и понадобится товарищъ.

Иннокентій.

Такъ не избѣгай, я работникъ хорошій.

Константинъ.

Сундуковъ желѣзныхъ ты безъ ключа отпирать не пробовалъ?

Иннокентій.

Да на что̀ тутъ ключъ, коли руки хороши; а то такъ и разрывъ-траву можно приложить.

Константинъ.

Стало-быть Ѳомка-то *) бывалъ въ рукахъ?

Иннокентій.

Что̀ за мастеръ безъ инструмента!

Константинъ.

Судился?

Иннокентій.

Было.

Константинъ.

А потомъ гдѣ гостилъ?

Иннокентій.

Въ арестантскихъ ротахъ.

*) Короткій ломъ.

Константинъ.

Мѣсто хорошее! Ну, поѣдемъ! Только ты теперь держи себя, братецъ, въ струнѣ. Съ хорошими людьми въ компаніи будешь, съ купцами съ богатыми. Надо тебѣ русское платье достать. Скажемъ, что ты съ Волги, изъ Рыбинска, изъ крючниковъ.

Иннокентій.

Знаю, случалось кули-то таскать.

Константинъ.

Нашей компаніи умѣй только уважить, а то на цѣлый мѣсяцъ и сытъ, и пьянъ будешь, да и мнѣ будетъ хорошо.

Иннокентій.

Только кормите досыта, да поите допьяна, а то радъ вамъ хоть воду возить.

Константинъ.

Вѣдь тебѣ умирать бы съ голоду въ другомъ мѣстѣ, а Москва-то матушка что̀ значитъ! Здѣсь и такіе, какъ ты, надобны. *(Уходятъ. Входятъ Вѣра Филипповна и Аполлинарія Панфиловна.)*

ЯВЛЕНІЕ ПЯТОЕ.

Вѣра Филипповна *и* Аполлинарія Панфиловна.

Аполлинарія Панфиловна.

Да, да, конечно; какъ можно безъ провожатаго?

Вѣра Филипповна.

Кого-жъ я возьму?

Аполлинарія Панфиловна.

Мало-ль у васъ... Ну, хоть Ераста.

Вѣра Филипповна.

Какъ можно! Молодой человѣкъ цѣлый день занятъ: ему охота погулять. У нихъ на гулянье времени-то и такъ не много; чай, вечеромъ-то радехоньки вырваться изъ дому, а тутъ еще хозяйку провожай. У меня совѣсть не подымется.

Аполлинарія Панфиловна.

Почемъ знать, можетъ, ему и самому пріятно. Вы домой есйчасъ поѣдете?

Вѣра Филипповна.

Нѣтъ, ужъ я достою. Я всегда послѣ второго звона отдыхать выхожу, а къ третьему опять въ соборъ.

Аполлинарія Панфиловна.

А ужъ я поѣду. Народу мало; ни посмотрѣть не на кого, ни себя показать некому. Тутъ какъ ни одѣнься, никто не замѣтитъ.

Вѣра Филипповна.

Мнѣ все равно; я не за тѣмъ ѣзжу.

Аполлинарія Панфиловна.

Нѣтъ, мы люди грѣшные; мы и въ церковь-то ходимъ людей посмотрѣть да себя показать. Прощайте! *(Уходитъ. Подходитъ Ерастъ.)*

ЯВЛЕНІЕ ШЕСТОЕ.

Вѣра Филипповна *и* Ерастъ.

Вѣра Филипповна.

Присядь, Ерастъ, отдохни!

Ерастъ.

Помилуйте, смѣю ли я! Ничего-съ, я и постою.

Вѣра Филипповна.

Вѣдь устанешь, служба-то длинна.

Ерастъ.

Хоть всю ночь-съ... Я этого себѣ въ трудъ не считаю.

Вѣра Филипповна.

Ну, какъ знаешь.

Ерастъ.

Ужъ я и то долженъ за счастье считать, что съ вами нахожусь... Въ одномъ домѣ живемъ, а когда васъ увидишь!

Вѣра Филипповна.

Да на чтò-жъ тебѣ меня видѣть? Тебѣ хозяинъ нуженъ, а не я.

Ерастъ.

Конечно, всякое дѣло ведется хозяиномъ; только вѣдь мы отъ хозяина-то, кромѣ брани да обиды, ничего не видимъ. А

коли есть у насъ въ домѣ чтò хорошее, коли еще жить можно, такъ всѣ понимаютъ, что это отъ васъ. Вѣдь мы тоже не каменные, благодарность чувствуемъ; только выразить ее не смѣемъ, потому какъ вы отъ насъ очень отдалены.

Вѣра Филипповна.

Чтò за благодарность! Если я чтò и дѣлаю, такъ, повѣрь, не изъ благодарности.

Ерастъ.

Я это очень понимаю, только за чтò-жъ вы людей такъ низко ставите? Вѣдь это значитъ: „дѣлать, молъ, для васъ добро я могу изъ жалости — нà-те, молъ, я брошу вамъ... только я такъ высока для васъ, что вы даже и благодарить меня не смѣете, и ни во чтò я считаю вашу благодарность, какъ есть вы люди ничтожные".

Вѣра Филипповна.

Нѣтъ, нѣтъ, чтò ты, чтò ты! Я никогда такъ и не думала.

Ерастъ.

Хотя вы и не думали, но оно такъ выходитъ по вашимъ поступкамъ.

Вѣра Филипповна.

Нѣтъ, нѣтъ, ты, пожалуйста, не думай! Я нисколько не горда, а только что мнѣ стыдно, когда меня благодарятъ; я ничего такого особеннаго... а чтò только должное...

Ерастъ.

Какъ, помилуйте, какое должное! Да вотъ я ужъ и словъ не найду, какъ васъ благодарить.

Вѣра Филипповна.

За чтò, Ерастъ?

Ерастъ.

Такое вниманіе, такая, можно сказать, заботливость обо мнѣ... развѣ я стóю?

Вѣра Филипповна.

Да про чтò ты?

Ерастъ.

А подарокъ вашъ... помилуйте! Вѣдь ужъ это даже въ родѣ какъ по-родственному; да и отъ родственниковъ нынче не дождешься... Какія-жъ мои заслуги противъ васъ, помилуйте!

Вѣра Филипповна.

Можетъ, и есть тебѣ подарокъ, только ты на меня не думай!

Ерастъ.

Эхъ, Вѣра Филипповна! Вотъ опять съ вашей стороны гордость, а мнѣ униженіе. „Бросила тебѣ, нищему, а благодарности не желаю“.

Вѣра Филипповна.

Нѣтъ, нѣтъ, чтò ты?... Богъ съ тобой! Ну, я, я...

Ерастъ.

Благодарность... вѣдь оно такое чувство, что его не удержишь: оно изъ души просится. Можетъ быть, сколько слезъ пролито, пока я дождался, чтобъ вамъ ее выразить!

Вѣра Филипповна.

Ну, хорошо, я принимаю твою благодарность.

Ерастъ.

Позвольте ручку поцѣловать.

Вѣра Филипповна.

Ахъ, нѣтъ, чтò ты, чтò ты? Я никогда...

Ерастъ.

Да отчего же, помилуйте! Всѣ дамы-съ...

Вѣра Филипповна.

Да, нѣтъ, чтò это, какъ можно! Я знаю, что у дамъ и барышень цѣлуютъ руки, да не хорошо это. За чтò насъ возвеличивать, чтò въ насъ такого особеннаго? Мы такіе же люди. Вѣдь, это развѣ какого высокаго званія, или за святость жизни, а какое наше званіе, какія-жъ мы святыя? Которая развѣ ужъ сама себя не понимаетъ, чтò она такое, ну, по глупости, и рада, а то какъ это равному человѣку свою руку давать цѣловать? Вотъ у матери цѣлуй! Потому нѣтъ больше ничего для тебя на свѣтѣ, какъ ея любовь, ея забота, ея печаль о тебѣ.

Ерастъ.

Хорошо, у кого жива родительница; а коли съ дѣтства кто сиротой остался?

Вѣра Филипповна.

Чтò-жъ, Божья воля.

Ерастъ.

Это точно-съ. Но развѣ другая женщина не можетъ быть вмѣсто матери-съ?

Вѣра Филипповна.

Никогда, Ерастъ, никогда!

Ерастъ.

Нѣтъ, можетъ-съ. Положимъ такъ, что въ ней любви такой ужъ не будетъ, да это ничего-съ. Вы извольте понять, что̀ такое сирота съ малыхъ лѣтъ. Ласки не видишь, никто тебя не пожалѣетъ, а вѣдь горе-то частое. Каково сидѣть одному въ углу да кулакомъ слезы утирать? Плачешь, а на душѣ не легче, а все тяжелѣй становится. Есть ли на свѣтѣ горчѣе сиротскихъ слезъ? А коли есть къ кому прійти съ горемъ-то, такъ совсѣмъ другое дѣло: приляжешь на грудь съ слезами-то, и она надъ тобою заплачетъ; вотъ сразу и легче, вотъ и конецъ горю.

Вѣра Филипповна.

Правда твоя, правда. Присядь, Ерастъ!

Ерастъ.

Нѣтъ, зачѣмъ-же-съ? Да мнѣ ни серебра, ни золота, никакихъ сокровищъ на свѣтѣ не надо, только-бъ ласку видѣть, да жалѣлъ бы меня кто-нибудь. Вотъ теперь вашъ подарокъ, конечно, я очень чувствую, а, вѣдь, для души тутъ ничего нѣтъ-съ. Для меня только ласковое слово, совѣтъ, наставленіе для жизни въ тысячу разъ дороже всякихъ подарковъ. А ежели пожалѣть, утѣшить въ горѣ, заплакать вмѣстѣ... Объ такихъ предметахъ зачѣмъ и мечтать! Потому, этого никогда не дождешься...

Вѣра Филипповна.

Отчего-жъ не дождешься? Вѣдь, ужъ я плачу, Ерастъ!

Ерастъ.

Это для меня сверхъ всякаго ожиданія. Такое счастье, что ужъ я и не знаю, какъ его оцѣнить и чему приписать! Все-таки, по крайности, позвольте хоть ручку поцѣловать.

Вѣра Филипповна *(задумчиво)*.

Не надо, мой другъ; ты знаешь, что я не люблю.

Ерастъ.

Вы сами изволили говорить, что у матери слѣдуетъ руки

цѣловать, а вы для меня гораздо дороже-съ. Потому мать — это дѣло даже довольно обыкновенное: у всякаго она есть; а чтобъ посторонняя женщина такія чувства имѣла — это, по нынѣшнимъ временамъ, невозможно и встрѣтить. Не обижайте, позвольте ручку!

Вѣра Филипповна.

Ну, изволь, мой дружокъ. Только пожалуйста, чтобъ ужъ никогда...

Ерастъ *(цѣлуя руку).*

Какъ никогда, какъ никогда? Помилуйте! Подняли меня до небесъ и опять приказываете мнѣ взять оборотъ на старое положеніе. Я такъ осмѣливался думать, что не послѣдній разъ я отъ васъ такое утѣшеніе въ своихъ горестяхъ имѣю.

Вѣра Филипповна.

Да я, дружокъ, только насчетъ поцѣлуевъ-то, а побесѣдовать съ тобой, посовѣтовать что̀, потужить вмѣстѣ, я, пожалуй, и впередъ не откажусь.

Ерастъ.

Только того-съ и жаждетъ душа моя.

Вѣра Филипповна.

Что̀-жъ, отчего же? Тутъ дурного ничего нѣтъ.

Ерастъ.

Окромя хорошаго, ничего нѣтъ-съ. Но при всемъ томъ я отъ васъ отойду подальше; потому Аполлинарія Панфиловна сюда приближается. *(Уходитъ. Входитъ Аполлинарія Панфиловна.)*

ЯВЛЕНІЕ СЕДЬМОЕ.

Вѣра Филипповна *и* Аполлинарія Панфиловна.

Вѣра Филипповна.

Воротились?

Аполлинарія Панфиловна.

Затолковалась съ одной знакомой. А вы все еще тутъ сидѣли?

Вѣра Филипповна.

Да, отдыхаю. Хорошо здѣсь воздухомъ-то подышать; еще поспѣю, служба долгая, часовъ до десяти.

Аполлинарія Панфиловна.

Да, да, конечно, на вольномъ воздухѣ... Что̀ дома-то, въ четырехъ стѣнахъ сидѣть! Проводить есть кому, такъ что̀-жъ вамъ? Не то что̀ до десяти часовъ, хоть до полночи оставайтесь.

Вѣра Филипповна.

Я безъ провожатыхъ, одна ѣзжу.

Аполлинарія Панфиловна.

А словно какъ я тутъ вашего приказчика, Ераста, видѣла?

Вѣра Филипповна.

Да, и я видѣла; такъ вѣдь онъ тоже помолиться пришелъ, а совсѣмъ не для проводовъ; онъ самъ по себѣ, а я сама по себѣ.

Аполлинарія Панфиловна.

Да, конечно. Хорошій онъ человѣкъ, солидный, скромный такой.

Вѣра Филипповна.

Не знаю я ихъ, приказчиковъ-то, да и вижу ихъ очень рѣдко. Какіе они тамъ — ужъ это не мое дѣло: это Потапъ Потапычъ знаетъ.

Аполлинарія Панфиловна.

Хорошій человѣкъ, хорошій: не болтунъ, не похвастаетъ, женщину не опозоритъ, которая къ нему снисходительность имѣетъ, ужъ хоть умретъ, а промолчитъ. Другіе, вѣдь, такіе охальники, чего и нѣтъ наговорятъ; а этотъ, хоть бы что̀ и было, такъ рѣжь его, не выдастъ. Оно и дорого для насъ, для женщинъ-то.

Вѣра Филипповна.

Не понимаю я, что̀ вы говорите?

Аполлинарія Панфиловна.

Да что̀ вы, Вѣра Филипповна; что̀ тутъ такого непонятнаго? Разумѣется, скромный мужчина гораздо пріятнѣе. Другой, знаете, и собой не красивъ, а, глядишь, очень хорошая женщина любитъ. А за что̀? За скромность. Вотъ Оленька сама мнѣ проговорилась, а онъ молчитъ и виду не подаетъ.

Вѣра Филипповна.

Оленька, говорите вы? Какая Оленька?

Аполлинарія Панфиловна.

Да Оленька, ваша племянница. Болтушка она; хорошо еще, что такого скромнаго человѣка нашла. Попадись она другому, такъ ужъ мужъ-то давно бы узналъ.

Вѣра Филипповна.

Да что̀ вы говорите? Можетъ ли быть?

Аполлинарія Панфиловна.

Да что̀-жъ такого мудренаго? Эхъ, матушка, Вѣра Филипповна. Да сплошь, да рядомъ, чему тутъ удивляться-то?

Вѣра Филипповна.

Нѣтъ, я не вѣрю вамъ: онъ кажется такимъ скромнымъ, сиротливымъ.

Аполлинарія Панфиловна.

„Кажется". Да мужчина, какимъ ему нужно, такимъ онъ и кажется: гдѣ надо быть смирнымъ, онъ смиренъ, гдѣ надо бойкимъ, онъ бойкій; гдѣ плакать — плачетъ; гдѣ плясать — пляшетъ. Всякій мужчина, коли онъ не дуракъ, такъ плутъ, а у всякаго плута свой расчетъ. Разини-то повывелись, нынче палецъ въ ротъ не клади, откусятъ.

Вѣра Филипповна.

Ахъ, право, какъ это не пріятно, какъ не пріятно.

Аполлинарія Панфиловна.

Да вамъ-то что̀ за дѣло? Пущай ихъ...

Вѣра Филипповна.

Да какъ же это... въ нашемъ домѣ! Нѣтъ, не хорошо, не хорошо.

Аполлинарія Панфиловна.

Да вѣдь слуховъ никакихъ нѣтъ, никто про это тоже не говоритъ — все равно, что нѣтъ ничего.

Вѣра Филипповна.

Нѣтъ, все-таки... Вотъ поди узнай людей-то!

Аполлинарія Панфиловна.

Да зачѣмъ ихъ узнавать? И вѣрить никому не надо. Надо только самой быть осторожной. Вѣдь не къ присягѣ же всякаго приводить! Вотъ я никому не вѣрю. Мало ли что̀ сгоряча-то говорится!... Пожалуй, меня обманывай, я не раз-

сержусь: я зато сама десятерыхъ обману. Ахъ, заболталась я съ вами. Прощайте, домой пора!

Вѣра Филипповна.

Ужъ и я.

Аполлинарія Панфиловна.

Что̀ такъ? Вы достоять хотѣли?

Вѣра Филипповна.

Да что̀-то нездоровится, такъ какъ-то не по-себѣ.

Аполлинарія Панфиловна.

Погуляйте немножко. На воздухѣ-то лучше Куда вамъ торопиться?... Да гдѣ онъ тутъ? Вонъ, кажется, идетъ... Парень-то такъ, безъ дѣла шатается... онъ и проводитъ васъ. Прощайте! *(Уходитъ. Вдали показывается Ерастъ.)*

ЯВЛЕНІЕ ВОСЬМОЕ.

Вѣра Филипповна *и* Ерастъ *вдали.*

Вѣра Филипповна.

Кто изъ нихъ лжетъ: онъ или она? Да что̀ мнѣ, въ самомъ дѣлѣ... какъ хотятъ; мнѣ за нихъ не отвѣчать. Только вотъ ужъ разговаривать-то не надо. Развѣ пойти въ соборъ... да нѣтъ, какая ужъ молитва? *(Ерастъ подходитъ.)* Что̀ тебѣ, Ерастъ?

Ерастъ.

Не будетъ ли какого приказанія отъ васъ?

Вѣра Филипповна.

Какія приказанія! Я уѣду сейчасъ.

Ерастъ.

А мнѣ-съ?

Вѣра Филипповна.

Да что̀-жъ мнѣ до тебя? Хочешь оставайся, — хочешь домой ступай.

Ерастъ.

Только и всего-съ?

Вѣра Филипповна.

Чего-жъ тебѣ? Я пріѣхала молиться, ты тоже; я себя знаю, и ты свое мѣсто понимай.

Ерастъ.

Это ужъ совсѣмъ другой разговоръ противъ давешняго: одно къ другому не подходитъ.

Вѣра Филипповна.

Ну, что-жъ дѣлать! Пока человѣка не знаешь, такъ ему и вѣришь; а какъ узнаешь про дѣла его, такъ по дѣламъ ему и цѣна.

Ерастъ.

Теперь я понимаю. Такъ я и ожидалъ. Значитъ, въ вашихъ глазахъ меня очернили; и теперь, что̀ было для меня дорогого на свѣтѣ, я всего лишенъ; потому, вы считаете меня неосновательнымъ человѣкомъ. Ну, что̀-жъ дѣлать! Знать, такая судьба, такъ тому и быть. Но послѣ всего этого позвольте вамъ сказать два слова.

Вѣра Филипповна.

Говори!

Ерастъ.

Первое-съ: ничего такого и никакихъ дурныхъ дѣлъ за мной нѣтъ. Если что̀ вамъ сказано, такъ это все пустое, все наносныя слова. Есть за мной одинъ грѣхъ, что̀ я больше всего на свѣтѣ уважаю и люблю женщину, которая очень высока для меня; но этого я грѣхомъ не ставлю.

Вѣра Филипповна.

Ну, дальше что̀-жъ?

Ерастъ.

Такъ какъ вижу я со всѣхъ сторонъ однѣ нападки и ни откуда мнѣ никакой радости и утѣшенія нѣтъ, такъ для чего жить-съ! Не въ примѣръ лучше будетъ, ежели свою жизнь покончить.

Вѣра Филипповна.

Что̀ ты, Богъ съ тобой! Какія ты слова говоришь!

Ерастъ.

Слова самыя настоящія; все это такъ и будетъ. Спасенія мнѣ нѣтъ, спасти меня никто не можетъ... Только можетъ одна женщина, и эта женщина — вы-съ!

Вѣра Филипповна.

Да очень бы я рада и готова.

Ерастъ.

Только и отъ васъ мнѣ спасенія ожидать нельзя.

Вѣра Филипповна.

Почему-жъ ты такъ думаешь?

Ерастъ.

Вы меня не пожалѣете. Что̀ такое я для васъ? Сто́итъ ли вамъ изъ-за меня себя безпокоить?

Вѣра Филипповна.

Нѣтъ, пожалѣю, пожалѣю.

Ерастъ.

Нельзя вамъ пожалѣть: вамъ ваше званіе не позволяетъ; приказчикъ хоть умирай, а хозяину до этого дѣла нѣтъ — такой порядокъ.

Вѣра Филипповна.

Да какой тамъ порядокъ! По-христіански всякаго жалѣть слѣдуетъ.

Ерастъ.

Опять же у женщинъ всякое дѣло все имъ грѣшно, — да стыдно; и все-то онѣ грѣха боятся, а еще больше того — стыда.

Вѣра Филипповна.

Да какъ же, миленькій, стыда не бояться? Для того онъ и стыдъ называется, чтобы его боялись.

Ерастъ.

Позвольте-съ! Ежели бы былъ такой законъ, чтобъ совсѣмъ даже не прикасаться до мужчины ни подъ какимъ видомъ, а кто прикоснется, такъ это грѣхъ и стыдъ. И вотъ, если мужчина на вашихъ глазахъ тонетъ, а вамъ только руку протянуть, и онъ спасенъ. Вѣдь вы руки не протянете, потому, это стыдно; пущай онъ тонетъ.

Вѣра Филипповна.

Какъ руки не протянуть! Да если человѣкъ тонетъ, до стыда ли тутъ! Стыдъ вѣдь только въ обыкновенной жизни очень нуженъ, а то онъ не очень важенъ: какъ что̀ посерьезнѣй, такъ его и нѣтъ.

Ерастъ.

Ну, вотъ только всего-съ, и конченъ разговоръ-съ. Стыдно по ночамъ къ мужчинамъ на свиданіе ходить, а вы, значить, ко мнѣ пожалуете.

Вѣра Филипповна.

Что̀ ты, что̀ ты, опомнись!

Ерастъ.

Мнѣ жизнь не дорога; я не живу, а только путаюсь въ своей жизни; стало-быть, и жалѣть ее нечего, и, значитъ, я человѣкъ отчаянный. Кромѣ васъ, я никому на свѣтѣ не вѣрю и никого не уважаю. Вамъ я желаю разсказать всю свою жизнь: какъ жилъ, что̀ дѣлалъ и всѣ свои помышленія, и спросить у васъ совѣта, какимъ манеромъ и для чего мнѣ существовать на этомъ свѣтѣ и влачиться на землѣ. Это разговоръ не минутный, тутъ мало — часа полтора или два потребуется. Видѣться мнѣ съ вами негдѣ, къ себѣ въ комнату я васъ приглашать не смѣю; поэтому самому пожалуйте завтра внизъ, въ контору, въ десять часовъ вечера. Потапъ Потапычъ, по обыкновенію, въ эти часы находятся въ отъѣзжихъ поляхъ, въ домѣ все будетъ погружено въ глубокомъ снѣ; значитъ, намъ полная свобода.

Вѣра Филипповна.

Да нѣтъ, что̀ ты, какая свобода! Ты перестань глупости-то!

Ерастъ.

Если въ десять часовъ не придете, въ одиннадцать — у васъ въ домѣ упокойникъ.

Вѣра Филипповна.

Ахъ, страсти! Да не говори, пожалуйста!

Ерастъ.

Придете?

Вѣра Филипповна.

Да ужъ нечего съ тобой дѣлать... Что̀-жъ, видно, надо прійти.

Ерастъ.

Такъ я и ожидалъ, потому у васъ душа особенная. Вотъ она, Москва-то рѣка, недалеко, нырнуть въ нее — одна минута; но какъ васъ увижу, совсѣмъ другія мысли у меня проясняются.

Вѣра Филипповна.

Нѣтъ, ужъ ты, пожалуйста, поберегай себя.

Ерастъ.

Теперь еще желаю я знать отъ васъ: обиду вы прощаете?

Вѣра Филипповна.

Какова обида, миленькій!

Ерастъ.

Ну, вотъ-съ человѣкъ у васъ украдетъ что̀ или ограбитъ васъ, ну, вредъ вамъ какой сдѣлаетъ... Такъ вы простите его или всю жизнь будете зло на него въ душѣ имѣть?

Вѣра Филипповна.

Нѣтъ, какъ можно! Пусть его Богъ судитъ, а я прощу.

Ерастъ *(горячо обнимаетъ и цѣлуетъ ее).*

Вотъ вамъ и обида-съ!

Вѣра Филипповна.

Ай! *(Отбѣгаетъ.)*

Ерастъ.

Ну, казните!

Вѣра Филипповна.

Какъ же ты?... Зачѣмъ это? *(Отираетъ слезы.)*

Ерастъ.

Приказывайте, что̀ мнѣ надъ собой дѣлать! *(Вѣра Филипповна тихо плачетъ.)* Ужъ теперь самому-то въ омутъ броситься будетъ мало для меня, а утопить меня надо съ камнемъ за мое невѣжество. *(Молчаніе.)*

Вѣра Филипповна *(взглянувъ на Ераста).*

Неужели ты домой, этакую даль, пѣшкомъ пойдешь? Поѣдемъ, я подвезу. *(Молчаніе.)*

Ерастъ.

Да-съ... ужъ лучше-бъ меня казнили... Замѣсто всего... такія слова... да это... развѣ отъ ангела дождаться.

Вѣра Филипповна.

Ну, что̀-жъ... ты не подумавши... А вотъ подумаешь, такъ увидишь, какъ это тяжело и больно для меня.

Ерастъ.

И сейчасъ понимаю: тяжело и больно для васъ, а съ моей стороны даже довольно низко... И никогда впередъ не посмѣю и подумать-съ... Только, я полагаю... все-таки въ этомъ никакой обиды нѣтъ для васъ.

Вѣра Филипповна *(улыбаясь).*

Да, пожалуй. Очень, очень дурно ты сдѣлалъ, и никакъ я не могла отъ тебя ожидать... а коли правду сказать... если ты каешься да говоришь, что впередъ не будешь... такъ... само собой... какая-жъ тутъ обида! Простить тебя очень можно. Поѣдемъ, Ерастъ! *(Уходятъ.)*

Занавѣсъ.

ДѢЙСТВІЕ ТРЕТЬЕ.

ЛИЦА:

Каркуновъ.
Халымовъ.
Вѣра Филипповна.
Константинъ.
Ольга.
Ерастъ.
Огуревна.

Комната со сводомъ въ нижнемъ этажѣ дома Каркунова. На правой сторонѣ (отъ актеровъ) дверь въ комнату Ераста; на лѣвой — въ коридоръ; поперекъ комнаты дубовый прилавокъ, за нимъ двѣ конторки съ табуретами; на стѣнѣ часы. Кипы товаровъ въ суровыхъ парусинныхъ сорочкахъ сложены у прилавка. Въ глубинѣ два окна.

ЯВЛЕНІЕ ПЕРВОЕ.

Ерастъ *(одинъ, за конторкой; на конторкѣ свѣча).*

А похоже, что Константинъ правду сказалъ: хозяинъ ходитъ сердитый, на свѣтъ не глядитъ; все ворчитъ: „надо прикончить фабрику, выгоды никакой нѣтъ...“ Дѣло не хвали! Пойдешь по Москвѣ шляться, мостовую гранить. Денегъ на черный день не припасено... Да какъ ихъ и припасешь на такомъ жалованьи? Какъ прогуляешь мѣсяца три-четыре, а то и всѣ полгода безъ мѣста, вотъ и узнаешь, гдѣ раки-то зимуютъ. Затянешься въ долги, платьишко все размотаешь... вѣдь голодъ-то не тетка; пожалуй, въ такое званіе попадешь,

что послѣ и не выцарапаешься. Мало-ль ихъ зимой въ лѣтнемъ платьѣ по городу ходятъ, за копеечки пляшутъ на морозѣ, да руки протягиваютъ. Эхъ, ты жизнь! Какъ подумаешь, такъ мурашки у тебя по спинѣ-то заползаютъ. Тутъ не то... что... тутъ на разбой пойдешь... Оно точно, что хозяйка наша женщина рѣдкостная, совсѣмъ какая-то особенная, и какую я теперь штуку гну, такъ немного это лучше, чтò зарѣзать человѣка. А какъ подумаешь объ жизни объ своей, такъ оно и выходитъ, что своя рубашка къ тѣлу ближе... Коли не выгоритъ дѣло у Константина, ну, была не была... Чтò я теряю? Только и всего, что въ томъ же чинѣ останусь, какъ былъ... Былъ ничего и останусь ничего... А разживется Константинъ, такъ и я хоть немножко побарствую... получу съ него деньги, покучу, сколько мнѣ надо, одѣнусь по послѣднему журналу, поступлю на мѣсто хорошее: нынче жалованье-то по платью даютъ. Само собою, дурного хорошимъ не назовешь; да разница-то велика: по морозу въ какомъ-нибудь страмъ-пальто прыгать да въ кулаки подувать, или въ шубѣ съ сѣдымъ бобровымъ воротникомъ по Ильинкѣ проѣхаться. *(Взглянувъ на стѣнные часы.)* Еще безъ двадцати минутъ десять. Пойти взять книжку. *(Уходитъ со свѣчой. Въ комнатѣ темно, лунный свѣтъ. Входитъ Вѣра Филипповна; Огуревна со свѣчкой остается на порогѣ.)*

ЯВЛЕНІЕ ВТОРОЕ.

Вѣра Филипповна *и* Огуревна.

Вѣра Филипповна *(тихо).*

Поди, поставь свѣчку на лѣстницу, да сама тамъ посиди, подожди меня.

Огуревна.

А? Ну... подожду, подожду...

Вѣра Филипповна.

Поди на лѣстницу, говорю я.

Огуревна.

Куда на лѣстницу, зачѣмъ?

Вѣра Филипповна.

Поди, поди, говорю я, взойди на лѣстницу, да и сядь тамъ.

Огуревна.

Ну, и ничего здѣсь... и пойдемъ, что̀ ли?

Вѣра Филипповна.

Ступай одна, я сейчасъ приду, подожди тамъ'

Огуревна.

Часъ-то который?

Вѣра Филипповна.

Да ты ступай ужъ!

Огуревна.

То-то, молъ, что̀ теперь? Утро, аль вечеръ?

Вѣра Филипповна.

Да какая тебѣ надобность? Утро ли, вечеръ ли, все равно тебѣ. Ты ступай, ступай!

Огуревна.

А? Ступай! Куда ступай?

Вѣра Филипповна.

Ты на лѣстницу ступай, наверхъ! Какъ ты не понимаешь?

Огуревна.

Да, понимать... Ты днемъ говори, такъ я пойму, а ночью человѣкъ, что̀ онъ можетъ понимать? Ты ему то, а онъ тебѣ то; потому заснулъ человѣкъ, все одно, что̀ утонулъ. А ежели ты его разбудишь, ну, какое у него понятіе?

Вѣра Филипповна.

Ступай, ступай!

Огуревна *(оглянувшись)*.

Батюшки, да гдѣ это мы?

Вѣра Филипповна.

Ступай, ступай, не твое дѣло!

Огуревна.

А вѣдь мнѣ мерещится, что ты это у себя въ спальнѣ, на постелѣ лежа, мнѣ что̀ приказываешь.

Вѣра Филипповна.

Ступай, ступай, вонъ прямо по коридору — на лѣстницу наверхъ, да тамъ и жди! Да не усни дорогой-то!

Огуревна *(уходя)*.

Ладно, молъ, ладно.

Вѣра Филипповна.

Куда ты? Куда ты? Прямо, прямо... Свѣчку-то не урони!... *(Затворяетъ дверь и отходитъ отъ нея.)* Гдѣ же онъ? Онъ въ своей комнатѣ. Ну, я туда не пойду. *(Прислушивается.)* Кто-то идетъ со двора... по коридору... сюда кто-то... *(Входитъ за прилавокъ и садится за кипы товару. Входитъ изъ коридора Ольга; навстрѣчу ей Ерастъ выходитъ изъ своей комнаты со свѣчкой.)*

ЯВЛЕНІЕ ТРЕТЬЕ.

Ольга *и* Ерастъ.

Ерастъ.

Ты зачѣмъ? Кто тебя просилъ?

Ольга.

А затѣмъ, чтобъ сказать тебѣ прямо въ глаза, что безсовѣстный ты человѣкъ.

Ерастъ.

Такъ, я думаю, ты это послѣ успѣла бы, торопиться-то тебѣ некуда.

Ольга.

Да душа не терпитъ, постылый ты человѣкъ. Вотъ какъ ты за любовь-то мою, вотъ какъ! Да вѣдь со мной шутить нельзя... Я тебя, голубчикъ, погоди!...

Ерастъ.

Да потише ты! Ты не въ своей квартирѣ — дебоширничать-то! Ты въ чужомъ домѣ. *(Заглядываетъ въ коридоръ.)*

Ольга.

Да что̀ мнѣ! Я и знать не хочу!

Ерастъ.

Нѣтъ, вотъ что̀: ты лучше оставь до завтра; мы съ тобой послѣ поговоримъ.

Ольга.

Да не могу я, не могу; душа кипитъ, не могу.

Ерастъ.

Ну, говори, только скорѣй! Что̀ тамъ такое у тебя случилось?

Ольга.

Я только одному дивлюсь, какъ у тебя хватаетъ совѣсти прямо глядѣть на меня. Ахъ, убила-бъ я тебя!

Ерастъ.

Да ужъ довольно твоихъ аховъ-то! Ты дѣло-то говори!

Ольга.

Аполлинарія Панфиловна видѣла тебя съ теткой вмѣстѣ? Говори! Видѣла?

Ерастъ.

Ну, такъ что̀-жъ за бѣда? Видѣла, такъ видѣла.

Ольга.

И ты можешь послѣ этого равнодушно со мной разговаривать, и тебѣ ничего не стыдно? Вотъ и выходитъ, что глаза-то у тебя безстыжіе.

Ерастъ.

Да, дальше-то что̀? Ты дѣло-то говори! Некогда мнѣ съ тобой проклажаться. *(Заглядываетъ въ дверь.)*

Ольга.

Чего-жъ тебѣ еще дальше-то, чего еще?

Ерастъ.

А коли только, такъ и ступай домой. Стоило прибѣгать изъ-за такихъ пустяковъ.

Ольга *(чуть не плачетъ)*.

Что̀-жъ, тебѣ мало этого? Мало?

Ерастъ.

Разумѣется, мало, а ты какъ думала?

Ольга.

Мало! Чего-жъ тебѣ? Удавиться мнѣ, что̀ ли?

Ерастъ.

Коли твоя глупость заставляетъ тебя давиться, такъ дavись! Я тебѣ больше скажу! Твоя тетка сейчасъ ко мнѣ сюда придетъ. Слышишь ты это?

Ольга.

Ну, такъ не бывать же этому; себя не пожалѣю, а ужъ не позволю тебѣ такъ издѣваться надо мной.

Ерастъ.

Позволишь.

Ольга.

И не говори ты мнѣ, и не терзай ты меня, а то я такихъ дѣлъ надѣлаю, что ты сраму и не оберешься.

Ерастъ.

Погоди, слушай ты меня! Сейчасъ придетъ сюда твоя тетка, а черезъ десять минутъ нагрянетъ сюда Потапъ Потапычъ съ твоимъ мужемъ и накроютъ ее здѣсь.

Ольга.

Чтò, чтò? Чтò еще за глупости придумываешь?

Ерастъ.

Ну, ужъ это не твоего ума дѣло.

Ольга.

Да, зачѣмъ, къ чему это?

Ерастъ.

Стало быть, такъ надо.

Ольга.

Да, голубчикъ, миленькій, скажи!

Ерастъ.

То-то вотъ, такъ-то лучше, а то шумишь да грозишь безъ толку. *(Смотритъ въ дверь.)* Пожить-то тебѣ получше хочется и одѣться, и все такое?

Ольга.

Какъ не хотѣться? Дурное ли дѣло.

Ерастъ.

А мужъ-то твой давно прогорѣлъ, да еще долговъ много. Коли дядя ему наслѣдства не оставитъ, такъ ему въ яму садиться, а тебѣ куда?

Ольга.

Ужъ ты меня не оставь, Ерастъ, на тебя только и надежда.

Ерастъ.

Да мнѣ самому-то не нынче-завтра придется по Москвѣ собакъ гонять. А какъ застанетъ Потапъ Потапычъ жену здѣсь, меня-то за ворота дубьемъ проводитъ, да ужъ и ей наслѣдство не достанется, а все ваше будетъ. Такъ видишь ты: я для васъ съ мужемъ себя не жалѣю, а ты тутъ путаешься да мѣшаешь.

Ольга.

Да развѣ я знала...

Ерастъ.

Такъ вотъ знай! Ну, иди, иди!

Ольга.

А вѣдь я думала, что ты ее любишь.

Ерастъ.

Какъ бы не полюбить, да не такая женщина. Къ ней не скоро подъѣдешь.

Ольга.

А ты бы не прочь подъѣхать, кабы можно?

Ерастъ.

Да, конечно, чего-жъ зѣвать-то?

Ольга.

Ахъ, ты постылый! Такъ вотъ не пойду же, не пойду!

Ерастъ.

Кому-жъ ты угрозить хочешь? Себѣ-жъ хуже сдѣлаешь. Да тебя мужъ-то убьетъ до смерги, коли ты намъ помѣшаешь.

Ольга.

Да я бы ушла, да какъ тебя оставить-то съ ней? Сомнительно мнѣ.

Ерастъ.

Ревность. Ты о теткѣ-то по себѣ судишь!... Не сумлѣвайся. Она не такая, не вамъ чета. Ну, ступай скорѣй, скоро десять часовъ.

Ольга.

Ну, смотри же ты у меня! И, кажется... тогда не живи на свѣтѣ!

Ерастъ.

Да будетъ ужъ, ступай! Постой! Идетъ кто-то. Вотъ дотолковались. Бѣги въ мою комнату, возьми свѣчку, затворись и сиди тамъ не дыши. *(Ольга уходитъ со свѣчкой; Ерастъ подходитъ къ двери коридора.)*

ЯВЛЕНІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

Ерастъ *и* Вѣра Филипповна.

Ерастъ *(у двери).*

Вѣра Филипповна, это вы-съ?

Вѣра Филипповна *(выходя изъ-за перегородки).*

Нѣтъ, Ерастъ, я давно ужъ здѣсь.

Ерастъ *(хватаясь за голову).*

Все слышали?

Вѣра Филипповна.

Все.

Ерастъ.

Стало-быть, знаете теперь, каковы мы люди?

Вѣра Филипповна.

Знаю, Ерастъ.

Ерастъ.

Оправданій нѣтъ, и языкъ не подымется оправдываться передъ вами! Чтὸ-жъ мнѣ, плакать, прощенія просить, въ ногахъ валяться? Такъ я, можетъ, и потерянный человѣкъ, но унижаться не стану, низкости во мнѣ нѣтъ. Все дѣло на лицо, ясно... ужъ тутъ нечего... Слѣдуетъ вамъ только пренебречь нами, плюнуть и уйти... и оставайтесь опять такой высокой женщиной, какъ вы были, не связывайтесь съ такими людьми, какъ мы.

Вѣра Филипповна.

Такъ я и сдѣлаю. Ты какъ точно угадалъ мои мысли.

Ерастъ.

Но позвольте! Человѣкъ я для васъ маленькій, ничтожный, такъ все одно, чтὸ червь ползучій; но не откажите сдѣлать мнѣ послѣднюю милость. *(Становится на колѣни.)* Скажите, чтὸ-нибудь да скажите! Ругайте, прощайте, проклинайте, ну, чтὸ вамъ угодно, только говорите — мнѣ будетъ легче; ежели же вы уйдете молча, мнѣ жить нельзя. Не убивайте презрѣніемъ, сорвите сердце, обругайте и уйдите!...

Вѣра Филипповна.

Изволь. Встань! *(Ерастъ встаетъ.)* Ты меня хотѣлъ обмануть, а Богъ меня помиловалъ; стало быть, мнѣ жаловаться

не на что̀. Мнѣ радоваться надо, что Богъ меня не забылъ. Хоть сто разъ меня обманутъ, а все-таки любить людей я не отстану. Только одно я скажу тебѣ: любить людей надо, а въ дѣла ихъ входить не нужно. Чтобы входить въ дѣла людей, надо знать ихъ, а знать ихъ мнѣ не дано. Коли я не умѣю разобрать, кто правду говоритъ, а кто обманываетъ, такъ лучше не браться за это. Кто молча нуждается, кто проситъ, кто руку протягиваетъ — всякому помоги и проходи мимо съ легкимъ сердцемъ. А станешь ты людей про ихъ нужды разспрашивать, такъ, волей-неволей, тебя обманутъ, потому что всякому хочется себя оправдать, свою вину на другихъ, либо на судьбу свалить, всякому хочется себя получше показать, своихъ-то грѣховъ, своей-то вины никто тебѣ не скажетъ. А догадаешься ты, что тебя обманываютъ, и осудишь человѣка, такъ ужъ какое тутъ добро, только грѣхъ одинъ. А вотъ какъ надо жить намъ, глупымъ людямъ: люби людей и не знай ихъ, и не суди. Я не за свое дѣло взялась, моя забота — люди бѣдные, безпомощные; а вы сами себѣ поможете; ишь какъ ловко вы все придумали! Видѣть тебя и разговаривать съ тобой ужъ больше мнѣ незачѣмъ. Ты прощенья-то за свой грѣхъ проси не у меня, а выше, а коли и мое прощенье тебѣ нужно, такъ я тебѣ прощаю. Съ Богомъ! Мы теперь чужіе. *(Идетъ къ двери.)*

Ерастъ.

Вотъ, кажется, къ воротамъ кто-то подъѣхалъ, да ужъ теперь васъ не застанутъ.

Вѣра Филипповна.

Тебѣ дѣла до меня нѣтъ, ты объ себѣ думай, я не боюсь. Что̀ правому человѣку бояться! *(Уходитъ.)*

Ерастъ.

Вотъ важно! Хорошо, очень хорошо, лучше требовать нельзя. Ну, Константинъ, подвелъ ты меня ловко! Во всей формѣ я теперь невѣжа передъ ней, да и самому-то на себя глядѣть противно. Вотъ такъ налетѣлъ! Я стыда-то еще въ жизни не видалъ, такъ вотъ попробовалъ. Эхъ, сирота, сирота, учить-то тебя да бить-то было некому! Вотъ и бѣда, какъ твердо-то не знаешь, что̀ хорошо, что̀ дурно. Нѣтъ,

ужъ лучше бѣдствовать, чѣмъ такими дѣлами заниматься! Только бы Богъ помогъ. До поту меня стыдъ-то пробралъ, да потъ-то какой, холодный. *(Подходитъ къ двери своей комнаты.)* Ольга! *(Выходитъ Ольга со свѣчой.)*

ЯВЛЕНІЕ ПЯТОЕ.

Ерастъ *и* Ольга.

Ерастъ *(беретъ свѣчу и ставитъ на конторку)*.

Иди домой! Бѣги скорѣй!

Ольга.

Что̀, что̀ случилось?

Ерастъ.

Когда тутъ разговаривать! Бѣги скорѣй, застанутъ.

Ольга.

Такъ я завтра къ тебѣ забѣгу.

Ерастъ.

Да ладно, ладно.

Ольга.

Вѣдь ты меня любишь, ты меня ни на кого не промѣняешь?

Ерастъ.

Нашла время нѣжничать. Бѣги, говорятъ тебѣ.

Ольга *(обнимаетъ Ераста)*.

Ну, прощай, милый, прощай! *(Отворяетъ дверь въ коридоръ.)* Ай! *(Подбѣгаетъ къ Ерасту.)* Дяденька тамъ, мужъ...

Ерастъ.

Бѣги ко мнѣ въ комнату, прячься тамъ хорошенько! *(Ольга убѣгаетъ. Ерастъ садится за конторку и раскрываетъ конторскую книгу. Входятъ Каркуновъ, Халымовъ и Константинъ. Ерастъ встаетъ и кланяется.)*

ЯВЛЕНІЕ ШЕСТОЕ.

Ерастъ, Каркуновъ, Халымовъ *и* Константинъ.

Каркуновъ *(садясь на стулъ)*.

Чѣмъ мнѣ не житье, кумъ, а? Какого еще житья надо? Приказчики ночи не спятъ, надъ книгами сидятъ, а не пьянствуютъ вѣдь, не безобразничаютъ.

Халымовъ.

Каковъ хозяинъ, таковы и приказчики: хозяинъ трезвой жизни, и приказчики по немъ.

Каркуновъ.

Да, да, вѣрно, кумъ, вѣрно. Другіе-то приказчики по трактирамъ, да всякое безобразіе...

Халымовъ.

Да вѣдь они глупы: они думаютъ, что трактиры-то для нихъ устроены, а не знаютъ того, что трактиры-то и всякія безобразія для хозяевъ, а не для приказчиковъ.

Каркуновъ.

Такъ, такъ это, кумъ, такъ точно. А мои, видишь, какъ стараются. Старайся, Ерастъ, старайся!

Ерастъ.

Я, Потапъ Потапычъ, всѣ силы полагаю.

Каркуновъ.

Да вижу, какъ не видать, чудакъ, вижу. Старайся, старайся! Забытъ не будешь. А племянникъ, кумъ, словъ-то я, словъ не подберу, какъ нахвалиться! Я за нимъ, какъ за каменной стѣной! Какъ онъ дядю бережетъ! Пріѣдетъ съ дядей въ трактиръ, — самъ прежде дяди пьянъ напьется! Золотой парень, золотой! Ѣдемъ ночью домой, кто кого везетъ — неизвѣстно, кто-кого держитъ — не разберешь. Обнявшись ѣдемъ всю дорогу, пока насъ у крыльца дворники не снимутъ съ дрожекъ.

Халымовъ.

Чудесно! Значитъ, дружески живете. Чего-жъ лучше!

Константинъ.

Стараюсь, помилуйте, себя не жалѣю... Какъ можно, чтобы я для дяденьки...

Каркуновъ.

Вотъ и нынче, видишь, какъ старался, чуть на ногахъ держится.

Константинъ.

Для куражу, дяденька, для куражу. Коль скоро вы меня въ свою компанію принимаете, долженъ же я понимать себя, значитъ, долженъ я васъ веселить. А если я буду, повѣся носъ сидѣть, — скука, канитель... для чего я вамъ тогда нуженъ?

Каркуновъ.

Молодцы, молодцы ребята! А, кумъ, такъ вѣдь?

Халымовъ.

Твое дѣло.

Константинъ.

Я, дяденька, всей душой... Да, кажется, такъ надобно сказать, что во всемъ домѣ только одинъ я къ вамъ приверженность и имѣю.

Каркуновъ *(встаетъ)*.

Спасибо, голубчикъ мой, спасибо! *(Кланяется въ поясъ.)*

Константинъ.

Чувствовать вашу благодарность я, дяденька, могу... душу имѣю такую... благородную...

Каркуновъ.

И тебѣ, Ерастъ, за твою службу спасибо! *(Кланяется.)* Спасибо, дружки мои! Ты, Ерастъ, завтра утромъ расчетъ получишь! *(Константину.)* А ты такъ, безъ расчету, убирайся! И чтобы завтра духу вашего не пахло... *(Ерастъ молча кланяется.)*

Константинъ.

Вы, дяденька, извольте найти виноватыхъ, а я надѣюсь передъ вами правымъ остаться.

Каркуновъ.

Не надѣйся, дружокъ, не надѣйся! Ужъ ты тѣмъ виноватъ, какъ ты смѣлъ противъ тетки... что̀ она и что̀ ты? Такъ вѣдь, кумъ, я говорю?

Халымовъ.

Да ну тебя, разговаривай одинъ! Итакъ хорошо поешь, чего еще! Подпѣвать тебѣ не нужно. Пой, а мы слушать будемъ.

Каркуновъ.

Ты спьяну-то забылся; ты забылъ, что ты ничто, ты прахъ, тлѣнъ, послѣдній гвоздь въ каблукѣ сапога моего! А тетка твоя женщина благочестивая, богомольная... Да вѣдь она жена моя, жена моя... Какъ же ты смѣлъ? Какъ ты меня, братецъ, обидѣлъ, какъ обидѣлъ!

Константинъ.

Я такъ чувствую, что всѣ ваши слова только одна шутка;

вы своей фантазіи отвагу даете. Извольте разобрать дѣло, поискать хорошенько кругомъ да около, тогда и окажется, кто правъ, кто виноватъ.

Каркуновъ.

Погоди, погоди, твои рѣчи впереди! Мы теперь другую матерію заведемъ. *(Плачевнымъ тономъ.)* Вотъ, кумъ, горе мое, зубы плохи стали!

Халымовъ.

Свѣжіе закажи, коли природные изжевалъ; нынче покупные получше своихъ.

Каркуновъ.

Да и то покупные, своихъ-то давно нѣтъ. Вотъ смотри! Да не востры, костяные, ну, что̀ въ нихъ? А что̀, кумъ, если заказать желѣзные, сдѣлаютъ? Я большія деньги заплачу.

Халымовъ.

Да что̀ ты, баба-яга, что̀ ли?

Каркуновъ.

Да, я баба-яга, а ты какъ думалъ? Вотъ какъ будутъ желѣзные зубы-то, вотъ и буду я ими жевать жену-то — жевать, жевать... Константинъ, сослужи послѣднюю службу: гдѣ жена, гдѣ жена моя, боярыня?

Константинъ.

Да вотъ, надо полагать, дяденька, что она вотъ тутъ. *(Указывая на комнату Ераста.)* Уйти ей было некуда.

Ерастъ.

Ошибаетесь.

Константинъ.

Нѣтъ, ужъ теперь не увернешься, съ поличнымъ поймали! Коли ты дяденькиныхъ благодѣяній не чувствуешь, что̀ ты за человѣкъ послѣ этого? Пожалуйте, дяденька! *(Отворяетъ дверь въ комнату Ераста.)*

Каркуновъ *(у двери).*

Жена, Вѣра Филипповна, выходи! Нейдетъ, церемонится... Пожалуйте сюда, честью васъ просимъ. Эхъ баба-то заломалась, заупрямилась... Видно, пойти самому, покланяться ей хорошенько! *(Уходитъ; слышенъ его хохотъ; показывается изъ двери.)* Тсс... тише!... Нашелъ, нашелъ, находку нашелъ.

Ни съ кѣмъ не подѣлюсь! Чуръ одному! *(Уходитъ и быстро возвращается, таща за руку Ольгу.)* Вотъ она, вотъ она, жена-то! *(Вглядывается, потомъ подбѣгаетъ къ Константину и ударяетъ его по плечу.)* Жена... жена, да не моя, чудакъ!

Константинъ.

Вотъ такъ разъ... Ну — Ольга!

Каркуновъ.

Ха, ха, ха! Поддержи меня, кумъ, поддержи! *(Хохочетъ истерически.)* Завтра же всѣхъ васъ вонъ, всѣхъ вонъ! Метлой велю вымести начисто! Ха, ха, ха! *(Уходитъ, опираясь на Халымова, который его поддерживаетъ.)*

ЯВЛЕНІЕ СЕДЬМОЕ.

Константинъ, Ерастъ *и* Ольга.

Константинъ.

Ну, Ольга!.. *(Ольга убѣгаетъ въ коридоръ.)* Не отбѣгаешься, расчетъ съ тобой будетъ. *(Ерасту.)* А съ тобой какъ намъ разбираться, какъ съ тобой считаться будемъ?

Ерастъ *(вынимаетъ вексель, разрываетъ, свертываетъ въ комокъ и бросаетъ)*.

Вотъ тебѣ и всѣ счеты. Возьми свой вексель! Считаться намъ нечего. Плакаться не на кого; не рой другому яму... *(Вбѣгаетъ Ольга.)*

Ольга.

Съ дяденькой въ коридорѣ дурно сдѣлалось... Говорятъ, ударъ... онъ умираетъ...

Константинъ.

А, умираетъ? Такъ это другое дѣло.

Ольга *(заглянувъ въ коридоръ)*.

Умеръ.

Константинъ.

Ну, Ольга, сто́ило бы убить тебя, а теперь я тебѣ въ ножки поклонюсь. По твоей милости, дядя помираетъ безъ завѣщанія, и я теперь полный хозяинъ всему этому.

Занавѣсъ.

ДѢЙСТВІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

ЛИЦА:

Каркуновъ.
Вѣра Филипповна.
Халымовъ.
Аполлинарія Панфиловна.
Константинъ.
Ольга.
Ерастъ.
Иннокентій.
Огуревна.
Одинъ изъ фабричныхъ.

Декорація перваго дѣйствія.

ЯВЛЕНІЕ ПЕРВОЕ.

Огуревна, *потомъ* Аполлинарія Панфиловна.

Огуревна.

Никакъ кто-то идетъ! Не заперла я дверь-то. Не изъ нищихъ ли? Пожалуй, стащатъ что̀. *(Идетъ къ двери. Входитъ Аполлинарія Панфиловна.)* Здравствуйте, матушка, Аполлинарія Панфиловна!

Аполлинарія Панфиловна.

Здравствуй, Огуревна! Всѣ ли вы тутъ живы?

Огуревна.

Покуда живы; еще Богъ грѣхамъ терпитъ.

Аполлинарія Панфиловна.

Какъ здоровье Потапа Потапыча?

Огуревна.

Все также, матушка, перемѣны не видать.

Аполлинарія Панфиловна.

Встаетъ съ постели-то?

Огуревна.

На полчасика, не больше; побродитъ по комнатамъ, на палочку опирается, да подъ руки держимъ; посидитъ на креслѣ,

да и опять сведемъ его на постель; сидѣть-то силушки нѣтъ у него.

Аполлинарія Панфиловна.

А какъ сердцемъ-то: по-прежнему блажитъ, аль нѣтъ?

Огуревна.

Нѣтъ, какъ можно, не въ примѣръ тише сталъ. Да докторъ говоритъ, чтобъ не сердился, а то вторительный ударъ ошибетъ, такъ и живъ не будетъ. Онъ теперь совсѣмъ на Вѣру Филипповну расположился, такъ ужъ и не наглядится; все-то смотритъ на нее, да креститъ, да шепчетъ ей: „молись за меня, устрой мою душу, раздавай милостыню, не жалѣй!“ А ужъ такая-ль она женщина, чтобъ пожалѣла!

Аполлинарія Панфиловна.

Много добра-то дѣлаетъ?

Огуревна.

Ужъ и говорить нечего. Только и дѣла у нея, что разспрашиваетъ о бѣдныхъ, да и сама ихъ разыскиваетъ. А потомъ на бумажку пишетъ: кому, когда и сколько отвезти или послать. У ней на каждый день расписано — одинъ разъ въ недѣлю ужъ непремѣнно въ острогъ съѣздитъ, а то по тюрьмамъ да по больницамъ. А что̀ разсылаетъ по обителямъ да по церквамъ по дальнимъ! Окромѣ того каждый день, послѣ обѣдни, до десяти часовъ у нихъ полонъ дворъ нищихъ и всякаго народу; сама ихъ всѣхъ одѣляетъ. Да что̀ ходитъ этихъ съ книжками да съ кружками! Такіе-то заходятъ странники, что глядѣть на нихъ страсть; другой, какъ есть, разбойникъ, а она ихъ всѣхъ угощаетъ. А по праздникамъ кормитъ бѣдныхъ-то, — вотъ тутъ-то всякаго народу насмотришься. Вотъ у насъ тутъ и пріемная рядомъ съ ея спальней. Сюда прямо и лѣзутъ всѣ.

Аполлинарія Панфиловна.

Много къ вамъ бѣдныхъ-то ходитъ?

Огуревна.

Много. И утромъ и вечеромъ ходятъ. Дворникамъ всѣхъ велѣно до самой допущать, такъ они и пускаютъ народъ, не разбирая. Какъ святыя живемъ, не бережемся; деньги изъ сундука вынетъ, да такъ на столъ и броситъ, такъ и валяются, а то и сундукъ забудетъ запереть. И какъ это насъ не ограбятъ до сихъ поръ!

Аполлинарія Панфиловна.

А кто-жъ у васъ за больнымъ-то ходитъ?

Огуревна.

Попеременно, либо я, либо она, а то еще старичка изъ богадѣльни взяли. Вотъ и сейчасъ она у Потапа Потапыча сидитъ; я пойду перемѣню ее, пошлю къ вамъ. *(Уходитъ.)*

Аполлинарія Панфиловна.

Да неужто ужъ такъ окрѣпла женщина, что кромѣ милостыни ничего не знаетъ? А вѣдь еще молода. Чудно! Какъ же намъ-то, грѣшнымъ, на себя смотрѣть послѣ этого? Да нѣтъ, словно какъ этого и не бываетъ. Да вотъ попробуемъ: попытка не шутка, а спросъ не бѣда. *(Входитъ Вѣра Филипповна.)*

ЯВЛЕНІЕ ВТОРОЕ.

Аполлинарія Панфиловна *и* Вѣра Филипповна.

Аполлинарія Панфиловна.

Здравствуйте, Вѣра Филипповна, золотая моя! Какъ поживаете?

Вѣра Филипповна.

Какой еще жизни? Вотъ только самъ-то боленъ, а то какъ въ раю живу.

Аполлинарія Панфиловна.

Во всемъ довольствѣ, значитъ?

Вѣра Филипповна.

Да какое мое довольство? Мнѣ для себя ничего не нужно; тѣмъ я довольна, что всякому бѣдному помочь могу: никому отказывать не приходится; всякій съ чѣмъ-нибудь да уйдетъ отъ меня! Сколько богатства-то и доходу у Потапа Потапыча! Точно я изъ моря черпаю, ничего не убываетъ: тысячу-двѣ истратишь, а три прибудетъ. Или ужъ это Богъ посылаетъ за добрыя дѣла.

Аполлинарія Панфиловна.

Много-ль въ день-то раздаете?

Вѣра Филипповна.

Я не считаю, день на день не придется. Вотъ нынче много отдала, за племянника, Константина Лукича, долги заплатила, изъ заключенія его выкупила.

Аполлинарія Панфиловна.

А ужъ Потапъ Потапычъ въ ваши дѣла не вступается?

Вѣра Филипповна.

Нѣтъ, къ нему только кланяться ходятъ, которые люди съ чувствомъ. А онъ только плачетъ, крестится да меня благодаритъ. Никогда бы мнѣ, говоритъ, такъ о своей душѣ не позаботиться, какъ ты объ ней заботишься: я хоть бы и хотѣлъ бѣднымъ людямъ помочь, такъ не сумѣлъ бы!

Аполлинарія Панфиловна.

Все ужъ, значитъ, теперь вамъ предоставлено?

Вѣра Филипповна.

Все, все.

Аполлинарія Панфиловна.

Значитъ, во всей формѣ завѣщаніе сдѣлано?

Вѣра Филипповна.

Нѣтъ, онъ хочетъ при жизни все на мое имя перевести по какой-то бумагѣ, по купчей или по дарственной, ужъ не знаю. Исай Данилычъ хлопочетъ объ этомъ въ судѣ.

Аполлинарія Панфиловна.

Слышала я отъ него, слышала... Онъ хотѣлъ нынче къ вамъ заѣхать... Не за этимъ ли дѣломъ ужъ? Ну, чай, не вдругъ-то Потапъ Потапычъ рѣшился, развѣ что болѣзнь-то убила?

Вѣра Филипповна.

Нѣтъ, онъ равнодушно... Только одно отъ меня требовалъ, чтобъ я поклялась нейти замужъ послѣ его смерти.

Аполлинарія Панфиловна.

Ну, чтò-жъ вы?

Вѣра Филипповна.

Божиться не стала — я грѣхомъ считаю, а сказала, что я и въ помышленіи этого не имѣю. Чтò мнѣ за охота себя подъ чужую волю отдавать? Будетъ, пожила.

Аполлинарія Панфиловна.

Ну, нѣтъ, не закаивайтесь, зароку не давайте!

Вѣра Филипповна.

Я никому зароку и не даю, а только знаю про себя, что не быть мнѣ замужемъ; скорѣй же я въ монастырь пойду. Объ этомъ я подумываю иногда.

Аполлинарія Панфиловна.

Не раненько ли въ монастырь-то?

Вѣра Филипповна.

Охъ, да одна только и помѣха, моложава я, вотъ бѣда-то!

Аполлинарія Панфиловна.

Да чтò-жъ за бѣда? По-нашему, такъ чего-жъ лучше! Мы чтò бѣлилъ-то да разныхъ специй истратимъ, чтобъ помоложе казаться, а у васъ этого расходу нѣтъ. А вѣдь это расчетъ не маленькій.

Вѣра Филипповна.

Нѣтъ, я къ тому, что соблазну боюсь; народу я вижу много, такъ грѣха не убережешься. Сама-то я не соблазнюсь, а люди-то смотрятъ на меня: кто знаетъ, чтò у нихъ на умѣ-то! Молода еще, да богата, другому въ голову-то и придетъ чтò нехорошее — вотъ и соблазнъ; а грѣхъ-то на мнѣ: я соблазнила-то. Вотъ горе-то мое какое!

Аполлинарія Панфиловна.

Коли только и горя у васъ, такъ еще жить можно. А я къ вамъ съ просьбой! Надо помочь одному человѣку.

Вѣра Филипповна.

Съ радостью, чтò могу.

Аполлинарія Панфиловна.

Ему многаго не нужно; ему только слово ласковое.

Вѣра Филипповна.

За этимъ у меня дѣло не станетъ.

Аполлинарія Панфиловна.

Такъ поѣду, обрадую его.

Вѣра Филипповна.

Къ Потапу Потапычу не зайдете?

Аполлинарія Панфиловна.

Я черезъ полчасика къ вамъ заѣду съ мужемъ, тогда ужъ и съ Потапъ Потапычемъ повидаюсь. Да, забыла... Оленьку сейчасъ видѣла, катитъ въ коляскѣ, такъ-то разодѣта.

Вѣра Филипповна.

Ну, Богъ съ ней, не намъ судить.

Аполлинарія Панфиловна.

До свиданія! *(Уходитъ.)*

Вѣра Филипповна *(у двери въ коридоръ).*

Кто тамъ? Проводите Аполлинарію Панфиловну... *(Входитъ Огуревна.)*

ЯВЛЕНІЕ ТРЕТЬЕ.

Вѣра Филипповна *и* Огуревна.

Огуревна.

Самъ-то уснулъ; я у него старичка посадила.

Вѣра Филипповна.

Поди-ка, посиди въ передней, а то взойдетъ кто, и доложить некому.

Огуревна.

Чай, тамъ есть кто, неужто-жъ нѣтъ? Да что̀ мудренаго! Ишь у насъ какой присмотръ-то въ домѣ! Какъ самъ захворалъ, такъ никакой строгости не стало. *(Отворяетъ дверь въ переднюю.)* Да и то никого нѣтъ.

Вѣра Филипповна *(садится къ столу).*

Много-ль у меня денегъ-то осталось? *(Вынимаетъ изъ кармана деньги.)* О, еще довольно! Надо-бъ ихъ въ шкапъ убрать, да пусть здѣсь полежатъ, кто ихъ тронетъ. *(Кладетъ на столъ деньги.)* Куда мнѣ завтра-то? *(Беретъ бумажку со стола и читаетъ.)* „На Разгуляй, ко вдовѣ съ сиротами"; мужъ на желѣзной дорогѣ, такъ машиной убило. Да, вотъ она, жизнь-то! И день, и ночь при машинѣ, семью-то и видѣлъ не надолго. А машина... вѣдь, она желѣзная — развѣ она чувствуетъ, что онъ одинъ кормилецъ-то? Убила, да и дальше пошла. А вдовѣ-то съ дѣтьми каково? *(Входитъ Огуревна.)*

Огуревна.

Матушка, Константинъ Лукичъ пришелъ съ нѣкіимъ странникомъ.

Вѣра Филипповна.

Ну, что̀-жъ, пусти!

Огуревна.

Матушка, пускать ли странника-то? Вида-то онъ, какъ бы тебѣ сказать, больше звѣринаго, ничѣмъ человѣческаго.

Вѣра Филипповна.

Съ виду-то и ошибиться недолго. Ничего, пусти! *(Огурèвна уходитъ. Вѣра Филипповна отходитъ отъ стола къ дивану. Входитъ Константинъ, одѣтъ бѣдно, пальто короткое, поношенное, панталоны въ сапогахъ, и Иннокентій.)*

ЯВЛЕНІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

Вѣра Филипповна, Константинъ *и* Иннокентій.

Вѣра Филипповна.

Милости прошу! Присядьте!

Константинъ.

Съ Хитрова рынка пѣшкомъ путешествовали, такъ отдохнуть надо. *(Садится.)*

Иннокентій.

Благодаримъ, государыня милостивая. *(Садится.)*

Вѣра Филипповна.

Какъ же ты, Константинъ Лукичъ, устроиться думаешь? Къ мѣсту бы куда опредѣлился, что̀ ли.

Константинъ.

Что̀ мнѣ къ мѣсту, я самъ человѣкъ богатый.

Вѣра Филипповна.

Ну, полно шутить-то!

Константинъ.

Наслѣдства жду.

Вѣра Филипповна.

Откудова?

Константинъ.

Объ этомъ разговоръ послѣ. Вы бы, тетенька, покормили странныхъ-то!...

Вѣра Филипповна.

Я не знала, что ты голоденъ. Подите внизъ, тамъ внизу столъ накрытъ, покушайте!

Константинъ.

Я сухоядѣнія не люблю; прежде надо горло промочить.

Вѣра Филипповна.

Негдѣ взять, миленькій; мы вина не держимъ.

Константинъ.

Были-бъ деньги, а вина достать можно.

Вѣра Филипповна.

Такъ возьми денегъ и ступайте, куда вамъ нужно; а въ моемъ домѣ пьянства я не позволю.

Константинъ.

Въ „твоемъ домѣ"! Мой домъ-то, а не твой!

Вѣра Филипповна.

Что̀-жъ дѣлать? На то была воля Потапа Потапыча!

Константинъ.

Ну, домъ — куда ни шло; ты хоть деньгами подѣлись.

Вѣра Филипповна.

Я и подѣлилась, я за васъ долги заплатила.

Константинъ.

Этого мало, ты половину всего подай!

Вѣра Филипповна.

Такъ не просятъ.

Константинъ.

Да я и пришелъ къ тебѣ не просить, а требовать; я за своимъ пришелъ, — тутъ все мое. Вонъ, на столѣ деньги, и тѣ мои. Прибирай, Иннокентій, благо карманы широки! *(Иннокентій беретъ деньги со стола.)* Это разъ! Теперь надо пощупать, что̀ въ шкапу лежитъ — это будетъ другой.

Вѣра Филипповна.

Что̀ вы дѣлаете? Побойтесь Бога!

Константинъ.

Иннокентій, съ тобой разрывъ-трава?

Иннокентій.

Со мной, государь милостивый. *(Вынимаетъ небольшой ломъ.)*

Константинъ.

Такъ похлопочи около шкапа-то! Постой! Не придушить ли ее немного, чтобъ не тараторила?

Иннокентій.

Какъ прикажешь, милостивецъ. Только у меня рука тяжела, послѣ моихъ рукъ не выхаживаются. Клещи у меня здоровыя, прихвачу горло, пикнуть не успѣешь, государыня милостивая.

Константинъ.

Вотъ слышишь! Ну, поняла ты теперь, что̀ мы за люди? Ребята теплые! Ты кричать не вздумай! Что̀ хорошаго? Пожалуй, дядю разбудишь, а онъ спитъ теперь; а Огуревну я внизъ услалъ, не услышитъ. Значитъ, доставай ключъ, отпирай шкапъ и дѣли деньги пополамъ!

Вѣра Филипповна.

Это деньги не мои, это деньги Божьи. Онъ мнѣ ихъ послалъ для бѣдныхъ. Хоть убейте, я не отопру.

Константинъ.

Да и убьемъ, тетенька, убьемъ: ты не сомнѣвайся! Вонъ погляди, каковъ у меня товарищъ; онъ изъ разбойниковъ, только въ отпуску, еще отставку не выслужилъ.

Вѣра Филипповна.

Я его знаю; онъ Божьимъ именемъ у меня милостыню просилъ; онъ не убьетъ меня.

Иннокентій.

Убью, государыня милостивая!

Константинъ.

Тетенька, разговоровъ нѣтъ, надо отпирать! Отпирай! Постой! Шкапъ-то съ секретомъ, онъ и самъ отопрется. Видишь пружины-то. *(Показываетъ на пуговку звонка.)* Подави-ка, Иннокентій, навались, а я другую пожму. *(Нажимаютъ пуговки звонковъ.)*

Вѣра Филипповна.

Что̀ вы! Что̀ вы дѣлаете?

Константинъ.

Что̀ дѣлаемъ? Это ты сейчасъ увидишь.

Вѣра Филипповна.

Какъ Богъ-то васъ попуталъ! Это не пружина, это звонки на фабрику. Сейчасъ вся фабрика будетъ здѣсь.

Константинъ.

Какая фабрика?

Вѣра Филипповна.

Фабричные, ткачи, ну, и всякіе.

Иннокентій.

Я еще поборюсь, государыня милостивая.

Вѣра Филипповна.

Миленькій, нельзя: человѣкъ семьдесятъ, а то и больше нахлынетъ.

Иннокентій.

Да, это сила: противъ такой силы не пойду, ибо глупо. *(Константину.)* Милостивецъ, бросай, что̀ лишнее, да расправляй руки, лопатки крутить будутъ. Сопротивленіе безполезно, я фабричныхъ знаю; ребра беречь надо, милостивецъ.

Константинъ *(съ испугомъ)*.

Батюшки, что̀ дѣлать-то?

Иннокентій.

Слышу шумъ отъ множества шаговъ.

Константинъ *(падая на колѣни)*.

Тетенька, вѣдь мы только попугать васъ хотѣли... Простите!

Вѣра Филипповна.

Встаньте, Константинъ Лукичъ! Богъ съ вами!

Константинъ.

Деньги-то, тетенька, которыя мы взяли, отдать прикажете?

Вѣра Филипповна.

Да, отдайте! Отнятое въ прокъ не пойдетъ. Не ввели бы онѣ васъ въ бѣду какую.

Константинъ.

Отдавай, Иннокентій!

Иннокентій.

Здоровые зубы свои извлекать клещами легче бы мнѣ было, чѣмъ возвращать сіи деньги. *(Отдаетъ деньги.)*

Вѣра Филипповна.

Прошу васъ принять ихъ отъ меня. *(Отдаетъ деньги обратно.)* Раздѣлите ихъ пополамъ! И дай Богъ, чтобы онѣ вамъ на пользу пошли.

Иннокентій.

Благодаримъ, государыня милостивая.

Константинъ.

Тетенька, отпустите насъ?

Вѣра Филипповна.

Погодите! *(Входитъ фабричный.)*

ЯВЛЕНІЕ ПЯТОЕ.

Тѣ же и фабричный.

Фабричный.

Что̀ приказать изволите, матушка, Вѣра Филипповна?

Вѣра Филипповна.

Постой немножко... Дяденька вашъ жалуетъ вамъ пенсію, Константинъ Лукичъ, по пятидесяти рублей въ мѣсяцъ; каждое первое число приходите въ контору получать.

Константинъ.

А наверхъ ужъ ни ногой, тетенька?

Вѣра Филипповна.

Да вамъ и незачѣмъ: ужъ я за васъ поблагодарю Потапа Потапыча.

Иннокентій.

Я, государыня милостивая, недолго погуляю на волѣ, къ зимѣ-то на казенную квартиру попрошусь къ Бутырской заставѣ; такъ не оставьте своей милостью, благодѣтельница.

Вѣра Филипповна.

Хорошо, я попомню, навѣщу. Прощайте! *(Константинъ и Иннокентій уходятъ.)* Молодецъ, вы подите внизъ, скажите, чтобъ вамъ дали по стаканчику водки передъ ужиномъ. Я за тѣмъ васъ и позвала.

Фабричный.

Благодаримъ покорно! *(Кланяется и уходитъ. Входитъ Аполлинарія Панфиловна.)*

ЯВЛЕНІЕ ШЕСТОЕ.

Вѣра Филипповна, Аполлинарія Панфиловна, *потомъ* Огуревна.

Аполлинарія Панфиловна.

Я опять къ вамъ, съ мужемъ пріѣхала; онъ тамъ прямо къ Потапу Потапычу прошелъ.

Вѣра Филипповна.

Очень рада гостямъ, милости прошу. Чѣмъ потчевать прикажете?

Аполлинарія Панфиловна.

Хоть оно и стыдно на угощеніе напрашиваться, а ужъ съ вами по душѣ, — велите-ка мнѣ подать мадерки.

Вѣра Филипповна.

Ахъ, что̀ вы, помилуйте, какой стыдъ? Это моя глупость, что я не знаю, кого и когда чѣмъ потчевать.

Аполлинарія Панфиловна.

Да какъ узнать-то? Въ чужую душу не влѣзешь.

Вѣра Филипповна *(у двери въ переднюю).*

Огуревна, подай мадеры!

Аполлинарія Панфиловна.

Ну, какъ вы можете знать, зачѣмъ мнѣ выпить нужно?

Огуревна *(за сценой).*

Сейчасъ, матушка, несу.

Аполлинарія Панфиловна.

Я для куражу хочу выпить. Разговаривать съ вами хочу, а смѣлости не хватаетъ. *(Входитъ Огуревна съ бутылкой мадеры и стаканомъ.)* И стаканчикъ принесла, мою препорцію знаетъ. Ну-ка, налей, слуга Личарда. *(Огуревна наливаетъ и уходитъ.)*

Вѣра Филипповна.

Кушайте!

Аполлинарія Панфиловна.

Выпью, много кланяться не заставлю. *(Пьетъ.)*

Вѣра Филипповна.

Объ чемъ же вамъ угодно было со мной разговаривать?

Аполлинарія Панфиловна.

Помните?... Да нѣтъ, погодите, еще не подѣйствовало, что̀-то не куражитъ. Не осудите вы меня?

Вѣра Филипповна.

Ахъ, что̀ вы, помилуйте!

Аполлинарія Панфиловна.

Такъ я еще стаканчикъ пропущу.

Вѣра Филипповна.

Кушайте на здоровье. *(Наливаетъ стаканъ.)*

Аполлинарія Панфиловна *(выпивъ).*

Ну, вотъ теперь, кажется, въ самый разъ. Отчего это мы съ вами по-пріятельски не сойдемся? Я вѣдь женщина не дурная: я гораздо лучше того, что̀ про себя разсказываю. Отчего-жъ это мы по-дружески не живемъ?

Вѣра Филипповна.

Я не прочь, это какъ вамъ угодно.

Аполлинарія Панфиловна.

Ну, такъ поцѣлуемся! *(Цѣлуются.)* Вотъ что̀, Вѣрочка милая, ты надъ нами не очень возвышайся! Коли тебѣ дана душа хорошая, такъ ты не очень возносись; можетъ быть, и у другихъ не хуже твоей.

Вѣра Филипповна.

Я и не возношусь. Я всегда и передъ всякимъ смириться готова.

Аполлинарія Панфиловна.

Какъ думаешь, на что̀ женщинѣ дана душа-то хорошая?

Вѣра Филипповна.

Чтобъ ближнихъ любить, бѣднымъ помогать.

Аполлинарія Панфиловна.

Только? Кабы это правда, такъ одной бы души съ женщины-то и довольно. А то еще ей дано тѣло хорошее, больно красивое да складное... Это для чего? Вотъ и понимай, какъ знаешь!

Вѣра Филипповна.

Не разберу я тебя, Аполлинарія Панфиловна.

Аполлинарія Панфиловна.

Да что̀ тутъ разбирать-то? Помнишь, я тебя просила объ одномъ человѣкѣ, такъ онъ въ передней дожидается.

Вѣра Филипповна.

Кто же такой?

Аполлинарія Панфиловна.

Ерастъ; хочешь ты принимай его, не хочешь — не принимай, твоя воля. А я къ Потапъ Потапычу пойду. *(Уходитъ.)*

ЯВЛЕНІЕ СЕДЬМОЕ.

Вѣра Филипповна, *потомъ* Огуревна.

Вѣра Филипповна *(садится къ столу и подпираетъ голову рукой).*

Что̀ она сказала! Что̀ она сказала! Нѣтъ, не надо мнѣ его... зачѣмъ онъ? А можетъ... онъ нуждается? Ну, пусть черезъ людей скажетъ, что̀ ему нужно. А коль видѣть хочетъ? Не всякую нужду-то людямъ повѣришь... Словно, какъ я боюсь его... Да нѣтъ, чего бояться?... Обидѣлъ онъ меня, кровно обидѣлъ... Такъ какъ же это... неужто я до сихъ поръ ему не простила? Ужели въ самомъ дѣлѣ не простила? А надо бы простить. Грѣхъ вѣдь это, грѣхъ... Разбойника, который хотѣлъ убить меня, я простила, а его не прощаю... Какой грѣхъ-то... какой грѣхъ-то! *(Громко.)* Огуревна! *(Входитъ Огуревна.)* Ерастъ въ передней?

Огуревна.

Тамъ, матушка.

Вѣра Филипповна.

Ну, такъ... *(Задумывается.)*

Огуревна.

Что̀, матушка?

Вѣра Филипповна.

Пусть онъ... пусть онъ войдетъ сюда. *(Огуревна уходитъ. Входитъ Ерастъ.)*

ЯВЛЕНІЕ ВОСЬМОЕ.

Вѣра Филипповна *и* Ерастъ.

Вѣра Филипповна.

Здравствуй, Ерастъ!

Ерастъ.

Честь имѣю кланяться.

Вѣра Филипповна.

Какъ ты поживаешь?

Ерастъ.

Лучше требовать нельзя; мѣсто имѣю отличное, двѣ тысячи рублей жалованья получаю.

Вѣра Филипповна.

Ну, слава Богу! Очень рада за тебя. *(Молчаніе.)* Ты меня зачѣмъ-то хотѣлъ видѣть?

Ерастъ.

Точно такъ-съ.

Вѣра Филипповна.

Зачѣмъ же? Вѣдь ужъ ты теперь не нуждаешься?

Ерастъ.

Я пришелъ затѣмъ-съ... вотъ чтобъ сказать вамъ, что я хорошо живу.

Вѣра Филипповна.

Ну, спасибо тебѣ. Это радость для меня не малая.

Ерастъ.

Да еще...

Вѣра Филипповна.

Зачѣмъ еще-то?

Ерастъ.

Пожалѣть васъ.

Вѣра Филипповна.

Что̀ ты, Богъ съ тобой! Нашелъ кого жалѣть! Я такъ счастлива, какъ въ раю живу!

Ерастъ.

Такъ-ли-съ?

Вѣра Филипповна.

Чего мнѣ еще? Я теперь полная хозяйка всему, у меня больше, чѣмъ надо — на добрыя дѣла тратить могу, сколько хочу. Какого-жъ еще счастія?

Ерастъ.

И значитъ, вы живете въ полномъ удовольствіи?

Вѣра Филипповна.

Въ полномъ удовольствіи, Ерастъ.

Ерастъ.

А я такъ понимаю, что вы только сами себя обманываете.

Вѣра Филипповна.

Да что̀ съ тобой? Какъ ты знать можешь? Я сама-то себя лучше знаю.

Ерастъ.

Не знаете. Вы очень любите людей-съ и полагаете, что этого довольно?

Вѣра Филипповна.

Да, конечно, довольно.

Ерастъ.

Нѣтъ, мало-съ. Ежели я кого люблю, а меня на отвѣтъ не любятъ, такъ какое же мнѣ удовольствіе?

Вѣра Филипповна.

Ты про другое говоришь; ты про то говоришь, чего я знать не хочу.

Ерастъ.

Нѣтъ, не про то самое. Вы теперь всѣхъ людей любите и добрыя дѣла постоянно дѣлаете, только одно у васъ это занятіе и есть, а себя любить не позволяете; но пройдетъ годъ или полтора, и вся эта ваша любовь... я не смѣю сказать, что она вамъ надоѣстъ, а только зачерствѣетъ, и всѣ ваши добрыя дѣла будутъ въ родѣ какъ обязанность или служба какая, а ужъ душевнаго ничего не будетъ. Вся эта ваша душевность изсякнетъ, а намѣсто того, даже раздражительность послѣ въ васъ окажется и сердиться будете и на себя, и на людей.

Вѣра Филипповна.

Правда ли это?

Ерастъ.

Зачѣмъ же я буду лгать? Я лгать пробовалъ, да ничего хорошаго не вышло, такъ ужъ я зарокъ далъ. А если бы вы сами настоящую любовь и ласку отъ мужчины видѣли, совсѣмъ дѣло другое-съ; душевность ваша не изсякнетъ, къ людямъ вы не въ примѣръ мягче и добрѣй будете, все вамъ на свѣтѣ будетъ понятнѣй и доступнѣй, и всѣ ваши благодѣянія будутъ для всякаго въ десять разъ дороже.

Вѣра Филипповна.

Можетъ быть, это и правда; да что̀-жъ дѣлать-то, — нельзя.

Ерастъ.

Я такъ думаю, что можно. Отбросьте гордость, не гоните того человѣка, который васъ полюбитъ, не обижайте его!

Вѣра Филипповна.

Я замужняя женщина.

Ерастъ.

Такъ что-жъ за бѣда? Потапъ Потапычъ ужъ не жилецъ на свѣтѣ; доктора говорятъ, что онъ больше мѣсяца не проживетъ. Притомъ же, если умный человѣкъ, такъ онъ пойметъ ваше теперешнее положеніе, будетъ себя вдали держать и сумѣетъ благороднымъ образомъ своего термину дождаться.

Вѣра Филипповна.

Ты давно ли такъ уменъ-то сталъ?

Ерастъ.

Давно-съ. Я не то, что другіе изъ нашего брата, которые только и знаютъ, что по трактирамъ шляться; я все больше къ умнымъ да къ образованнымъ людямъ въ компанію приставалъ; хоть самъ говорить съ ними не могу, такъ, по крайней мѣрѣ, отъ другихъ занимаюсь.

Вѣра Филипповна.

Да, умныя твои рѣчи, только слушать ихъ грѣхъ.

Ерастъ.

Какъ вы, однако, грѣха-то боитесь! Вы, видно, хотите совсѣмъ безъ грѣха прожить? Такъ вѣдь это гордость. Да и какая-жъ заслуга, ежели человѣкъ отъ соблазна прячется? Значитъ, онъ на себя не надѣется. А вы все испытайте, все извѣдайте, да останьтесь чисты, непорочны — вотъ заслуги.

Вѣра Филипповна.

Охъ, да!

Ерастъ.

Отъ враговъ прячутся-то, а не отъ тѣхъ, кто любитъ. Повѣрьте душѣ моей, что кто васъ истинно любитъ, тотъ злодѣемъ вашимъ не будетъ.

Вѣра Филипповна.

Да, хорошо, хорошо, я вѣрю.

Ерастъ.

Такъ будьте хоть нѣсколько поснисходительнѣе къ тѣмъ, кто васъ любитъ.

Вѣра Филипповна.

Хорошо, хорошо, мы объ этомъ послѣ поговоримъ.

Ерастъ.

Значитъ, вы мнѣ позволяете навѣщать васъ хоть изрѣдка?

Вѣра Филипповна.

Чтò-жъ, заходи... только я рѣдко свободна бываю.

Ерастъ.

Ужъ я найду время. Такъ я буду въ надеждѣ-съ?

Вѣра Филипповна.

Не знаю, Ерастъ, на чтò ты надѣешься; только надежды отнимать я не буду у тебя. Надежду отнимать у человѣка — грѣхъ... Прощай, Ерастъ!

Ерастъ.

Если я чтò вамъ непріятное... такъ извините-съ.

Вѣра Филипповна.

Нѣтъ, чтò ты! Скорѣй же я... Меня извини. *(Ерастъ вздыхаетъ, кланяется и уходитъ. Вѣра Филипповна сидитъ у стола въ задумчивости. Изъ двери налѣво входятъ Аполлинарія Панфиловна, Каркуновъ, одной рукой опирается на палку, подъ другую его поддерживаетъ Халымовъ.)*

ЯВЛЕНІЕ ДЕВЯТОЕ.

Вѣра Филипповна, Аполлинарія Панфиловна, Каркуновъ *и* Халымовъ.

Аполлинарія Панфиловна.

Кресло Потапу Потапычу, кресло! *(Вѣра Филипповна беретъ кресло отъ письменнаго стола и ставитъ на серединѣ комнаты. Каркуновъ садится.)*

Каркуновъ *(дрожащимъ голосомъ).*

Любезная супруга моя, Вѣра Филипповна... я вотъ сейчасъ... торжественно... Потому, кумъ, кума, Аполлинарія Панфиловна, вы знаете, какъ мои чувства, ежели насчетъ души моей... какъ ее устроить... значитъ, чтобъ на вѣчное поминовеніе... я не могу самъ, а все она, все она. *(Утираетъ слезы.)* Торжественно объявляю... *(Достаетъ изъ кармана бумагу и передаетъ Вѣрѣ Филипповнѣ.)* На, возьми! Все, все предоставляю... Теперь выгони ты меня, дурака, изъ дому-то! Все твое, все... дарственная... Я гость у тебя,

а ты хозяйка. Поди сюда поближе, нагнись ко мнѣ! Я тебѣ шепну на ухо! *(Вѣра Филипповна нагибается.)* Ты возьми да выгони меня изъ дому! Такъ молъ васъ и надо, дураковъ старыхъ, женолюбивыхъ. Кумъ, кума, нѣтъ... она меня не выгонитъ... Какъ она объ душѣ моей хлопочетъ... всѣ меня благодарить приходятъ, земно кланяются, а за что̀, я не знаю.

Вѣра Филипповна.

Я, Потапъ Потапычъ, за Константина Лукича долги заплатила.

Каркуновъ,

Вонъ, вонъ, слышите, слышите?

Вѣра Филипповна.

Я ему вашимъ именемъ, Потапъ Потапычъ, пенсію положила пятьдесятъ рублей въ мѣсяцъ.

Каркуновъ.

Что̀ для души-то моей дѣлаетъ! *(Утираетъ слезы.)* А мнѣ бы не догадаться, не догадаться.

Вѣра Филипповна.

Онъ приказалъ благодарить васъ.

Каркуновъ.

Да, да, вотъ; владѣй... владѣй всѣмъ!

Вѣра Филипповна.

Потапъ Потапычъ, при вашей жизни, продли вамъ Богъ вѣку, я исполнять вашу волю съ радостью готова; искать бѣдныхъ, утѣшать ихъ, помогать имъ я нисколько не считаю себѣ въ тягость, а даже за великое счастіе. И благодарю васъ, что вы наградили меня такимъ счастіемъ.

Каркуновъ.

Кумъ, кума, слышите?

Вѣра Филипповна.

И когда Богъ по вашу душу пошлетъ, и тогда я готова до самой своей смерти непрестаннымъ подаяніемъ вашу душу поминать; только дарственную вы отъ меня возьмите и откажите ваше имѣніе кому-нибудь другому.

Каркуновъ.

Чтò это? Обижаетъ вѣдь она меня, обижаетъ... На колѣняхъ вѣдь я тебя буду просить, на колѣняхъ... *(Приподнимается.)*

Вѣра Филипповна.

Никакого зароку, никакой клятвы, я не дамъ.

Каркуновъ.

Какъ, какъ ты говоришь?

Вѣра Филипповна.

Я вамъ откровенно скажу, я замужъ пойду.

Каркуновъ.

Змѣя, змѣя! *(Падаетъ въ кресло.)*

Халымовъ.

Зачѣмъ было говорить?

Аполлинарія Панфиловна.

Къ чему это похвасталась! Дѣлай послѣ, чтò хочешь, а пока молчала бы.

Вѣра Филипповна.

Не могу я лгать, не могу.

Каркуновъ.

Нѣтъ, нѣтъ. Она моей смерти ждетъ, моей смерти радоваться будетъ.

Вѣра Филипповна.

Неправда, я вашей смерти радоваться не буду. *(Отходитъ къ сторонѣ и, отвернувшись, плачетъ.)*

Каркуновъ.

Такъ не дождаться ей, не радоваться. *(Быстро поднимается.)* Я ее убью. *(Подымаетъ палку.)* Пусть умираетъ прежде меня.

Халымовъ.

Кумъ, кумъ, чтò дѣлаешь?

Каркуновъ.

Прочь! Между мужемъ и женой посредниковъ нѣтъ. *(Подходя къ Вѣрѣ Филипповнѣ.)* Такъ ты моей смерти ждешь? Гляди на меня! Гляди на меня! *(Вѣра Филипповна глядитъ на него.)* Убить ее, люди добрые, убить? Убить тебя, а? *(Глядитъ ей въ глаза, бросаетъ палку, весь дрожитъ и едва*

держится на ногахъ. Вѣра Филипповна его поддерживаетъ. Каркуновъ смотритъ ей въ глаза, потомъ прилегаетъ къ плечу.) За двадцать-то лѣтъ любви, покоя, за все ея усердіе убить хотѣлъ. Вотъ, какой я добрый! А еще умирать собираюсь. Нѣтъ, я не убью ее, не убью и не свяжу... Пусть живетъ, какъ ей угодно; какъ бы она ни жила, что̀ бы она ни дѣлала, она отъ добра не отстанетъ и о душѣ моей помнить будетъ. *(Вѣра Филипповна подводитъ его къ креслу и сажаетъ его. Всѣ окружаютъ Каркунова. Вѣра Филипповна становится на колѣни подлѣ него.)* Владѣй всѣмъ, владѣй! Тебѣ и владѣть! А я долженъ благодарить Бога, что нашелъ человѣка, который знаетъ, на что̀ богатымъ людямъ деньги даны, и какъ богатому человѣку проживать ихъ слѣдуетъ, чтобъ непостыдно могъ стать онъ передъ послѣднимъ судомъ.

НЕВОЛЬНИЦЫ.

КОМЕДІЯ ВЪ ЧЕТЫРЕХЪ ДѢЙСТВІЯХЪ.

ДѢЙСТВІЕ ПЕРВОЕ.

ЛИЦА:

Евдокимъ Егоровичъ Стыровъ, очень богатый человѣкъ, лѣтъ за 50.

Евлалія Андреевна, его жена, лѣтъ подъ 30.

Никита Абрамовичъ Кобловъ, богатый человѣкъ, среднихъ лѣтъ, компаніонъ Стырова по большому промышленному предпріятію.

Софья Сергѣевна, его жена, молодая женщина.

Артемій Васильевичъ Мулинъ, молодой человѣкъ, одинъ изъ главныхъ служащихъ въ конторѣ компаніи.

Миронъ Ипатычъ, старый лакей Стырова.

Марѳа Севастьяновна, экономка.

Гостиная въ домѣ Стырова. Въ глубинѣ растворенныя двери въ залу, направо (отъ актеровъ) дверь въ кабинетъ Стырова, налѣво — въ комнаты Евлаліи Андреевны. Мебель богатая, между прочей мебелью шахматный столикъ.

ЯВЛЕНІЕ ПЕРВОЕ.

Марѳа *входитъ слѣва;* Миронъ *заглядываетъ изъ залы.*

Миронъ *(кланяясь).*

Марѳѣ Севастьяновнѣ!

Марѳа.

Миронъ Липатычъ! Да взойдите, ничего... *(Миронъ входитъ.)* Какими судьбами?

Миронъ.

Барина навѣстить пришелъ, наслышанъ, что пріѣхали.

Мароа.

Пріѣхали, Миронъ Липатычъ.

Миронъ *(нюхая табакъ)*.

На теплыхъ водахъ были?

Мароа.

На теплыхъ водахъ. Были и въ другихъ разныхъ земляхъ, два раза туда путешествовали... Ну, и въ Петербургѣ по долгу проживали. Много вояжу было; прошлое лѣто вотъ тоже въ Крымъ...

Миронъ.

И вы завсегда съ ними?

Мароа.

Въ Крыму была, а то все въ Петербургѣ при домѣ оставалась.

Миронъ.

Постарѣлъ, я думаю, Евдокимъ Егорычъ-то?

Мароа.

Конечно, ужъ не къ молодости дѣло идетъ, а къ старости, сами знаете. Вѣдь и вы, Миронъ Липатычъ...

Миронъ.

Ну, мы другое дѣло; у насъ это больше... знаете... отъ неаккуратности.

Мароа.

А вы неаккуратность-то эту все еще продолжаете?

Миронъ.

Нѣтъ, будетъ, довольно, порѣшилъ... все разломалъ, отрѣзалъ. Теперь ужъ ни Боже мой, ни подъ какимъ видомъ.

Мароа.

И давно вы это... урезонились?

Миронъ *(нюхая табакъ)*.

Съ Мироносицкой предѣлъ положилъ. Думалъ еще со Страшной закончить, ну, да знаете, Святая... потомъ Ѳомина... тоже, надо вамъ сказать, недѣля-то довольно путаная. Поправная недѣля она числится: голова-то поправки требуетъ, особенно на первыхъ дняхъ. Ну, а съ Мироносицкой-то ужъ

и установилъ себя, какъ слѣдуетъ. И вотъ, надо Бога благодарить, Марѳа Севастьяновна, до сихъ поръ... какъ видите! И чтобы тянуло тебя, манило, али тоска... ничего этого нѣтъ.

Марѳа.

Ну, укрѣпи васъ Богъ!

Миронъ.

Очень чувствительный я человѣкъ, Марѳа Севастьяновна, — сердце мое непереносчиво! Обидитъ кто, или непріятность какая, ну, и не сдержишь себя. Не то, чтобъ у меня охота была или какое къ этой дряни пристрастіе, а все отъ душевнаго огорченія.

Марѳа.

Разно бываетъ, Миронъ Липатычъ: кто отъ чего. Но, при всемъ томъ, безобразіе-то все одно.

Миронъ.

Такъ, значитъ, состарились мы съ Евдокимомъ Егорычемъ?

Марѳа.

Да, таки порядочно. Коли вы его давно не видали, такъ перемѣну большую замѣтите.

Миронъ.

Три года не видалъ. Какъ тогда женились, такъ мнѣ отъ мѣста отказали, молодую прислугу завели. Нѣтъ, Марѳа Севастьяновна, пожилому на молоденькой жениться не слѣдъ.

Марѳа.

Да вѣдь она не то, чтобы очень молоденькая, двадцати пяти лѣтъ замужъ-то шла.

Миронъ.

Самый цвѣтъ... вполнѣ...

Марѳа.

Да вотъ ужъ три года замужемъ.

Миронъ,

Все-таки женщина въ полномъ своемъ удовольствіи, а мы-то съ Евдокимомъ Егорычемъ ужъ скоро грибы будемъ. Старый-то на молодой женится, думаетъ, что самъ помолодѣетъ, а замѣсто того, еще скорѣе рушится, въ затхлость обращается.

Марѳа.

Почему вы такъ полагаете? Отчего-жъ-бы это?

Миронъ.

Отъ сумлѣнія.

Мароа.

Можетъ быть, и правда ваша.

Миронъ.

Старый человѣкъ понимаетъ, что молодая его любить, какъ слѣдуетъ, не можетъ; ну, и долженъ онъ всякій часъ ее во всемъ подозрѣвать, и обязанъ онъ, коли онъ мужъ настоящій, за каждымъ ея шагомъ, за каждымъ взглядомъ наблюдать, нѣтъ ли какой въ чемъ фальши. А вѣдь это новая забота, ея прежде не было. А вы сами знаете: не лѣта человѣка старятъ, а заботы.

Мароа.

Да, ужъ настоящаго спокою нѣтъ.

Миронъ.

Какой спокой! И я про то-жъ говорю. Я теперь Евдокима Егорыча — охъ! — какъ понимаю. Опять же не изъ своего круга взята.

Мароа.

Какого вамъ еще круга? Маменька ихъ въ заведеніи, которое для барышень, главная начальница.

Миронъ.

Мадамина дочь, въ родѣ какъ изъ иностранковъ...

Мароа.

Вы это напрасно... Только что обучена на всякіе языки, а природы нашей, русской.

Миронъ.

А промежду себя они?...

Мароа.

Ну, конечно, не такъ, какъ молодые...

Миронъ.

Контры выходятъ?

Мароа.

А все-жъ-таки...

Миронъ.

Стражаются?

Мароа.

Что̀ вы, какъ можно? Несогласія между ними не замѣтно.

Миронъ.

И часто у нихъ это бываетъ?

Марѳа.

Чтò?

Миронъ.

Страженіе?

Марѳа.

Да чтò вы, какое страженіе? Изъ-за чего имъ? Живутъ, какъ слѣдуетъ, какъ всѣ прочіе господа.

Миронъ.

Вѣдь вы правды не скажете: женская прислуга всегда за барыню; плутни у васъ заодно, а за маклерство вамъ большой доходъ. У Евдокима Егорыча, какъ я вижу, нѣтъ никого, чтобы преданный человѣкъ былъ: поберечь его некому. Значитъ, Евдокиму Егорычу вѣрный слуга нуженъ. Я теперь понялъ изъ вашихъ словъ все дѣло.

Марѳа.

Вы зачѣмъ же къ Евдокиму Егорычу?

Миронъ.

Слышалъ, что у нихъ камардина нѣтъ; такъ хочу опять къ нимъ проситься.

Марѳа.

Теперь гости у насъ, а подождите немножко въ кухнѣ, Миронъ Липатычъ, по времени я доложу.

Миронъ.

Чтò-жъ не подождать! Екстры нѣтъ, больше ждали. *(Уходитъ. Изъ кабинета входятъ Стыровъ и Кобловъ.)*

ЯВЛЕНІЕ ВТОРОЕ.

Стыровъ, Кобловъ *и* Марѳа.

Стыровъ *(Марѳѣ).*

Пошли узнать, дома ли Артемій Васильичъ! Если дома, просить его ко мнѣ. *(Марѳа уходитъ.)* Будемъ продолжать прежній разговоръ. Я похожъ на нищаго, который вдругъ нашелъ огромную сумму денегъ и не знаетъ, куда съ ними дѣться, какъ ихъ уберечь; все боится, чтобы ихъ не украли.

Кобловъ.

О чемъ вы жалѣете, въ чемъ вы раскаиваетесь, я не понимаю?

Стыровъ.

Ну, положимъ, что я не жалѣю и не раскаиваюсь; довольно съ меня и того, что я чувствую неловкость своего положенія. Вы, я думаю, понимаете, что человѣку съ моимъ состояніемъ весьма естественно желать себѣ спокойствія и всякаго удобства.

Кобловъ.

Какъ не понимать! Но вы меня извините, я никакой неловкости, никакого неудобства въ вашемъ положеніи не вижу.

Стыровъ.

О такомъ деликатномъ предметѣ, разумѣется, я могу говорить только съ одними вами: у насъ общія дѣла, общіе интересы, и ужъ мы привыкли повѣрять другъ другу то, что̀ для постороннихъ должно оставаться тайной.

Кобловъ.

Ужъ позвольте и мнѣ говорить съ вами откровенно. Вы знаете, какъ я глубоко уважаю Евлалію Андреевну; поэтому, чтобы не стѣснять себя въ разговорѣ, мы будемъ говорить не о васъ и о ней собственно, а вообще, то-есть о всякомъ мужѣ и женѣ, какіе бы они ни были.

Стыровъ.

Хорошо. Вы, я думаю, знаете сами, что для счастья въ супружеской жизни весьма важно, чтобы выборъ съ обѣихъ сторонъ былъ непринужденный и вполнѣ свободный.

Кобловъ.

Да, это условіе не лишнее, хотя нельзя сказать, чтобы необходимое.

Стыровъ.

А вѣдь Евлалію Андреевну выдали за меня почти насильно. Мать до двадцати-пяти лѣтъ держала ее взаперти и обращалась съ ней, какъ съ десятилѣтней дѣвочкой. Я ее купилъ у матери.

Кобловъ.

Да хоть бы украли. Вѣдь, вы вѣнчаны, значитъ, вы находитесь въ положеніи мужа и жены. Отношенія эти извѣстны, опредѣлены, и задумываться тутъ не надъ чѣмъ.

Стыровъ.

И притомъ неравенство возрастовъ...

Кобловъ.

Да вѣдь она видѣла, за кого идетъ?

Стыровъ.

Не видала: я ослѣпилъ ихъ съ матерью. Когда я нечаянно познакомился съ ними, меня сразу поразили нѣкоторыя особенности въ характерѣ Евлаліи. Въ ней было что-то, чего я не встрѣчалъ въ другихъ дѣвушкахъ; а я ихъ видалъ-таки довольно на своемъ вѣку. Быстрыя перемѣны въ лицѣ — то оно какъ будто завянетъ, то вдругъ оживится и освѣтится; порывистыя движенія, короткое, судорожное пожатіе руки при встрѣчѣ, прямая рѣчь, безъ всякаго жеманства, и почти дѣтская откровенность. Все это вмѣстѣ было довольно привлекательно. Но вѣдь не влюбился же я, — въ мои годы этого не бываетъ, — я просто захотѣлъ пріобрѣсть ее, какъ рѣдкость. И упрекаю теперь себя за это, какъ за поступокъ неосторожный.

Кобловъ.

Напрасно.

Стыровъ.

Я пошелъ путемъ прямымъ и вѣрнымъ; я не давалъ опомниться имъ съ матерью: бывалъ у нихъ по три раза въ день, дѣлалъ безумныя траты для ихъ удовольствія, осыпалъ подарками... И вотъ въ результатѣ: старый, постоянно занятый дѣлами мужъ и молодая, страстная и способная къ увлеченіямъ жена.

Кобловъ.

Что-жъ изъ этого? Къ чему эти признанія? Я и безъ васъ зналъ, что мужья и жены не всегда бываютъ равны возрастомъ и одинаковы характеромъ. Я опять-таки повторяю: вѣдь, вы вѣнчаны, значитъ, вы стали въ извѣстныя отношенія другъ къ другу — вы мужъ и жена. Эти отношенія ужъ опредѣлены, и они одинаковы и для молодыхъ, и для старыхъ, и для страстныхъ, и для безстрастныхъ. Мужъ — глава, хозяинъ, а жена должна любить и бояться мужа. Любить — это надо предоставить женѣ, какъ ей угодно, насильно милъ не будешь; а заставить бояться — ужъ это дѣло мужа, и этой обязанностью онъ пренебрегать никакъ не долженъ.

Стыровъ.

Но, вѣдь, она молода, ей жить хочется... Когда войдешь въ ея положеніе...

Кобловъ.

А зачѣмъ это вамъ входить въ ея положеніе? Нѣтъ, вы этого не дѣлайте! Начнете входить въ положеніе жены, такъ можете пріобрѣсть дурную привычку входить въ чужое положеніе вообще. Если послѣдовательно итти по этому пути, такъ можно дойти до юродства. Тамъ сирые да убогіе, несчастные да угнетенные; придешь, пожалуй, къ заключенію, что надо имѣніе раздать нищимъ, а самому съ цвѣточкомъ бѣгать босикомъ по морозу. Ужъ, извините, такого поведенія рекомендовать нельзя человѣку дѣловому, у котораго на рукахъ большое коммерческое предпріятіе.

Стыровъ.

Мы уклоняемся отъ предмета... Я говорилъ съ вами не о житейскихъ правилахъ: я имѣю свои и довольно твердыя, и въ совѣтахъ не нуждаюсь. Я говорилъ только о томъ исключительномъ положеніи, въ которомъ я нахожусь. Послѣ свадьбы, вы знаете, сейчасъ же мы уѣхали въ Петербургъ, два раза ѣздили въ Парижъ, были въ Италіи, въ Крыму, погостили въ Москвѣ; вездѣ не подолгу, скучать ей было некогда. Теперь я долженъ прожить здѣсь, по своимъ дѣламъ, годъ или болѣе; городъ довольно скучный, развлеченій мало, притомъ же она можетъ встрѣтить кого-нибудь изъ своихъ прежнихъ знакомыхъ. Когда я женился, ей было двадцать пять лѣтъ; нельзя же предполагать, что у нея совсѣмъ не было привязанностей, а, при скукѣ, старыя привязанности — штука опасная.

Кобловъ.

Конечно, опасная, если вы будете вольнодумствовать.

Стыровъ.

Ка́къ, „вольнодумствовать"?... Что̀ это значитъ?

Кобловъ.

То-есть, пренебрегать правами мужа. Какъ, по вашему мнѣнію, долженъ поступить мужъ въ случаѣ невѣрности жены?

Стыровъ.

Вѣдь это, глядя по характеру... Я не знаю... можетъ быть, я только заплакалъ бы, а можетъ быть, и убилъ бы жену.

Кобловъ.

Ну, вотъ, видите ли!... Значитъ, для васъ прямой расчетъ не допускать невѣрности.

Стыровъ.

Безъ сомнѣнія; но какъ это сдѣлать?

Кобловъ.

Надо стараться устранить всякіе поводы къ соблазну, надо принять мѣры.

Стыровъ.

Да какія мѣры? Въ томъ-то и дѣло.

Кобловъ.

Во-первыхъ, надо отнять совершенно свободу у жены, ограничить кругъ ея знакомства людьми, хорошо извѣстными вамъ.

Стыровъ.

Да тутъ знакомство и такъ не велико; выбирать-то не изъ кого... Извѣстныя лица... А кто здѣсь намъ хорошо-то извѣстенъ?

Кобловъ.

Да вотъ, напримѣръ, всѣ служащіе у насъ.

Стыровъ.

Безъ исключенія? И Мулинъ?

Кобловъ.

И Мулинъ. Онъ намъ преданъ, вся будущность его въ нашихъ рукахъ; кромѣ того, онъ очень не равнодушенъ къ деньгамъ и постоянно ухаживаетъ за богатыми невѣстами. А не женился онъ до сихъ поръ только потому, что все ждетъ, не появится ли еще побогаче.

Стыровъ.

Итакъ, во-первыхъ, знакомство; а во-вторыхъ?

Кобловъ.

А во-вторыхъ, надо учредить негласный надзоръ за женой.

Стыровъ.

То-есть — шпіонство. На кого-жъ возложить эту обязанность?

Кобловъ.

Прежде всего на прислугу.

Стыровъ.

Что вы говорите? Да вѣдь это гадко!

Кобловъ.

Вы бывали больны? Ну, конечно, бывали и принимали не одни только сладкія лѣкарства. Когда дѣло идетъ о здоровьи, такъ вкуса въ лѣкарствахъ не разбираютъ.

Стыровъ.

Какъ хотите, а къ такому средству можно прибѣгать развѣ ужъ въ послѣдней крайности.

Кобловъ.

Въ крайности ужъ будетъ поздно. Тѣмъ-то это средство и хорошо, что предупреждаетъ крайности. Всякое увлеченіе въ началѣ очень невинно; тутъ-то его и накрывать. У женщины, Евдокимъ Егорычъ, два главныхъ двигателя всѣхъ ихъ поступковъ: капризъ и хитрость. Противъ каприза нужна строгость, противъ хитрости — абсолютное недовѣріе и постоянный надзоръ.

Стыровъ.

Но какъ же со всѣмъ этимъ вы согласите любовь къ женѣ?

Кобловъ.

Какъ? Очень просто. Вѣдь любимъ же мы своихъ маленькихъ дѣтей; однако, за капризы ихъ наказываемъ и безъ нянекъ не оставляемъ.

Стыровъ.

Но справедливо ли смотрѣть на женщинъ, какъ на маленькихъ дѣтей?

Кобловъ.

Да мы, кажется, не о справедливости разговоръ начали, а о спокойствіи для мужей.

Стыровъ.

Хорошо. Благодарю васъ! Я подумаю... и приму въ соображеніе ваши слова. *(Садится къ шахматному столу.)* Не сыграемъ ли въ шахматы? Мнѣ прислали недавно рѣзные, превосходной работы. *(Вынимаетъ изъ кармана ключикъ и отпираетъ ящикъ стола.)* Я ихъ запираю отъ любопытныхъ. Растеряютъ, либо переломаютъ. *(Входитъ Мароа съ телеграммой.)*

ЯВЛЕНІЕ ТРЕТЬЕ.

Стыровъ, Кобловъ *и* Марѳа.

Марѳа.

Телеграмму подали изъ конторы. *(Подаетъ телеграмму Стырову.)*

Стыровъ *(прочитавъ телеграмму).*

Нашъ пароходъ съ баржами остановился; значительное поврежденіе. *(Встаетъ. Ключъ остается въ замкѣ ящика. Передаетъ телеграмму Коблову.)* Надо ѣхать самому. *(Взглянувъ на часы, Марѳѣ.)* Скажи Евлаліи Андреевнѣ, что я уѣзжаю на пароходѣ на нѣсколько дней... Я поѣду на пароходѣ черезъ полчаса... Распорядись, чтобы мнѣ приготовили и собрали все, чтò нужно, да вели закладывать лошадей.

Марѳа.

Слушаю-съ. Миронъ Липатычъ тутъ дожидается.

Стыровъ.

Какой „Липатычъ"?

Марѳа.

Вашъ бывшій камардинъ.

Стыровъ.

Чтò ему нужно?

Марѳа.

Должно быть, безъ мѣста, такъ навѣдаться пришелъ.

Стыровъ.

Хорошо; пошли его сюда. *(Марѳа уходитъ.)*

Кобловъ.

Надо, какъ можно скорѣе исправить поврежденіе, — время не ждетъ; а главное, надо разобрать, кто виноватъ.

Стыровъ.

Я затѣмъ самъ и ѣду. А вы потрудитесь съ вечернимъ пароходомъ намъ механика прислать. *(Входитъ Миронъ.)*

ЯВЛЕНІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

Стыровъ, Кобловъ *и* Миронъ.

Стыровъ.

Здравствуй, Миронъ! Чтò ты?

Миронъ.

Слышалъ, что у васъ человѣка нѣтъ, такъ желаю послужить вамъ, Евдокимъ Егорычъ, по-старому, какъ прежде я вамъ... вѣрой и правдой...

Стыровъ.

По-старому? И пить будешь по-старому?

Миронъ.

Нѣтъ, зачѣмъ же, помилуйте! Это даже совсѣмъ лишнее.

Кобловъ.

Не ѣхать ли мнѣ съ вами?

Стыровъ.

Нѣтъ, вы, Никита Абрамычъ, горячи очень; тутъ надо быть хладнокровнѣе. *(Мирону.)* Ну, такъ какъ же?

Миронъ.

Зачѣмъ пить? Пить не надо, Евдокимъ Егорычъ. Ну, его! Я и врагу не желаю.

Кобловъ.

Вы мнѣ телеграфируйте, что̀ такое тамъ у нихъ.

Стыровъ.

Непремѣнно.

Миронъ.

Какъ же вы хотите, чтобы я пилъ?

Стыровъ.

Да я вовсе не хочу. Съ чего ты взялъ?

Кобловъ.

Дней пять пробудете, съ проѣздомъ?

Стыровъ.

Да, я думаю, не болѣе.

Миронъ.

Нѣтъ, ужъ вы этого теперь отъ меня не дождетесь, потому я отъ себя не надѣюсь...

Стыровъ.

Вотъ и прекрасно.

Миронъ.

Кабы въ томъ что̀ хорошее было, ну, тогда бы, пожалуй, отчего-жъ не выпить; а то вѣдь это только наша глупость одна и даже со вредомъ... Такъ чему же это? Кому нужно? Кто

себѣ врагъ? Да, кажется, наставь мнѣ въ ротъ воронку, да насильно лей, такъ и то я... нѣтъ, не согласенъ; увольте, скажу...

Стыровъ.

Какъ же ты прежде-то?

Миронъ.

Такъ какъ прежде мы были на холостомъ положеніи, ну, ужъ аккуратности этой и не наблюдаешь, а теперь какъ можно! Теперь надо себя стараться содержать...

Стыровъ.

Ну, хорошо, я тебя возьму на пробу, только ужъ не взыщи, если...

Миронъ.

Да, нѣтъ, Евдокимъ Егорычъ, ожидать мудрено, чтобы... Ни къ чему не ведетъ, вотъ главное... Не хорошо, дурно, очень дурно.

Стыровъ.

Сегодня же ты и поступишь. Я сейчасъ уѣзжаю; смотри безъ меня за порядкомъ, за чистотой въ домѣ, за всѣмъ.

Миронъ.

Понимаю, очень понимаю.

Стыровъ.

Кто будетъ меня спрашивать, отказывай, говори, что меня въ городѣ нѣтъ.

Миронъ.

Никого не буду принимать, вотъ какъ. Охъ, какъ я васъ понимаю!

Стыровъ.

Понимать тебѣ нечего, а надо слушать и исполнять.

Миронъ.

Да ужъ вотъ какъ стараться буду, ужъ вотъ какъ... ну, ужъ одно слово... вотъ ужъ какъ, какъ рабъ... самый... который...

Стыровъ.

Хорошо, ступай! Пособи тамъ собрать мои вещи: ты это дѣло знаешь.

Миронъ.

Слушаю-съ. *(Уходитъ.)*

Кобловъ.

Я пойду отвѣтъ напишу на телеграмму. Да надо приказать, чтобы лодка была готова принять васъ, а то они проспятъ, пожалуй. *(Уходитъ въ кабинетъ. Входитъ Мулинъ.)*

ЯВЛЕНІЕ ПЯТОЕ.

Стыровъ *и* Мулинъ.

Стыровъ *(подавая руку).*

Я за вами посылалъ, Артемій Васильевичъ.

Мулинъ.

Что̀ вамъ угодно, Евдокимъ Егоровичъ?

Стыровъ.

Я записку составилъ, она тамъ у меня, въ кабинетѣ, на столѣ; надо ее хорошенько редактировать.

Мулинъ.

Велика?

Стыровъ.

Листовъ шесть, семь.

Мулинъ.

А къ какому времени вамъ она нужна будетъ, Евдокимъ Егоровичъ?

Стыровъ.

Черезъ недѣлю, не далѣе. Успѣете?

Мулинъ.

Какъ не успѣть! Я сегодня же и начну заниматься.

Стыровъ.

Только ужъ сами и перепишите начисто; это дѣло важное и весьма секретное; я, кромѣ васъ, никому поручить его не могу.

Мулинъ.

Благодарю васъ и постараюсь оправдать ваше довѣріе.

Стыровъ.

Да вы ужъ не одинъ разъ оправдывали. Я вамъ, любезнѣйшій Артемій Васильевичъ, больше довѣрю, чѣмъ это дѣло: я вамъ довѣряю жену свою. Я получилъ телеграмму и сейчасъ уѣзжаю на нѣсколько дней. Прошу васъ на это время

поступить въ распоряженіе Евлаліи Андреевны и быть ея кавалеромъ. Если вздумаетъ она погулять на бульварѣ или въ общественномъ саду, такъ ужъ вы, пожалуйста, будьте при ней неотлучно.

Мулинъ.

Я прошу васъ, Евдокимъ Егоровичъ, если только возможно, освободить меня отъ этой обязанности.

Стыровъ.

Почему это?

Мулинъ.

Нашъ городъ — сплетникъ, ужасный сплетникъ; за неимѣніемъ новостей, онъ ежедневно самъ сочиняетъ внутреннія извѣстія.

Стыровъ.

Чтò же могутъ сочинить про васъ?

Мулинъ.

Наше городское воображеніе отважно, оно ни передъ чѣмъ не останавливается. Для людей, которымъ нужно говорить во чтò бы то ни стало, у которыхъ зудъ въ языкѣ, святого ничего нѣтъ.

Стыровъ.

Пусть говорятъ; мы съ женой не боимся разговоровъ, да и вы не красная дѣвушка, На чтò вамъ беречь свою репутацію? Иль жениться задумали? Вамъ еще рано, погодите немного! Нельзя же нашимъ женамъ безъ кавалера оставаться! *(Входятъ Евлалія Андреевна и Софья Сергѣевна.)*

ЯВЛЕНІЕ ШЕСТОЕ.

Стыровъ, Мулинъ, Евлалія *и* Софья.

Евлалія.

Вы уѣзжаете?

Стыровъ.

Да, сейчасъ. И вотъ оставляю тебѣ кавалера, Артемія Васильевича. Тебѣ выѣзжать вѣдь некуда?

Евлалія.

Нѣтъ, куда же? Я никуда не поѣду безъ васъ.

Стыровъ.

А если вздумаешь въ садъ или на бульваръ, такъ приглашай съ собой Артемія Васильевича.

Евлалія.

Очень рада. Вы не надолго?

Стыровъ.

Не знаю, какъ дѣла потребуютъ; во всякомъ случаѣ не болѣе, какъ на недѣлю.

Евлалія *(Мулину).*

Вамъ не скучно будетъ со мной?

Стыровъ.

Евлалія, развѣ такъ говорятъ? Ты на комплименты напрашиваешься.

Софья.

А что̀-жъ за бѣда? Пусть молодой человѣкъ учится: ему въ жизни пригодится.

Мулинъ.

Мнѣ учиться незачѣмъ; я и такъ умѣю.

Евлалія.

А правду умѣете говорить?

Мулинъ.

И правду умѣю, когда нужно.

Евлалія.

Только когда нужно? Да развѣ не всегда нужно правду говорить?

Софья.

Да что̀ вы, ребенокъ, что̀ ли? Васъ это удивляетъ, что люди не всегда правду говорятъ?

Евлалія.

Такъ зачѣмъ же насъ учили?

Софья.

Да кто насъ училъ? Учителя. Имъ нельзя было не учить чему-нибудь; имъ за это деньги платятъ; а жить учиться ужъ мы должны сами.

Стыровъ.

Вы, я вижу, въ философію ударились. Философствуйте на

здоровье, а насъ извините — мы васъ оставимъ. Пойдемте, Артемій Васильевичъ, я вамъ покажу записку, про которую говорилъ. *(Стыровъ и Мулинъ уходятъ въ кабинетъ.)*

Евлалія.

Зачѣмъ такъ шутить? Мужчины въ самомъ дѣлѣ могутъ подумать, что мы не всегда говоримъ правду.

Софья.

Да развѣ я шутила, развѣ это шутки? Какія у васъ еще ребячьи понятія! Это слезы, а не шутки. Женщина не только не всегда должна говорить правду, а никогда, никогда. Знай правду только про себя.

Евлалія.

А другихъ обманывать?

Софья.

Конечно, обманывать, непремѣнно обманывать.

Евлалія.

Да зачѣмъ же?

Софья.

Вы только подумайте, какъ на насъ смотрятъ мужья и мужчины вообще! Они считаютъ насъ малодушными, вѣтреными, а главное, хитрыми и лживыми. Вѣдь ихъ не разубѣдишь; такъ зачѣмъ же намъ быть лучше того, что̀ они о насъ думаютъ? Они считаютъ насъ хитрыми — и надо быть хитрыми. Они считаютъ насъ лживыми — и надо лгать. Они только такихъ женщинъ и знаютъ; имъ другихъ и не нужно; только съ такими они и умѣютъ жить.

Евлалія.

Ахъ, что̀ вы говорите?

Софья.

Что̀-жъ по-вашему? Начать мужу доказывать, что я, молъ, хорошая, серьезная женщина, гораздо умнѣе тебя, и чувства у меня гораздо благороднѣе, чѣмъ у тебя. Ну, что̀-жъ, доказывайте, а онъ будетъ улыбаться да думать про-себя: „пой, матушка, пой! Знаемъ мы васъ; тебя на минуту безъ надзора оставить нельзя". Ну, утѣшительное это положеніе?

Евлалія.

Да неужели это такъ?

Софья.

Поживите, такъ увидите.

Евлалія.

Но если мы лучше, такъ мы должны стать выше ихъ.

Софья.

Да какъ вы станете, коли въ ихъ рукахъ власть, власть, ужасная тѣмъ, что она опошляетъ все, къ чему ни коснется? Я говорю только про нашъ кругъ. Посмотрите, взгляните, что̀ въ немъ! Посредственность, тупость, пошлость — и все это прикрыто, закрашено деньгами, гордостью, неприступностью, такъ что издали кажется чѣмъ-то крупнымъ, внушительнымъ. Наши мужья сами пошлы и ищутъ только пошлости, и видятъ во всемъ только пошлость.

Евлалія.

Это вы говорите про женатыхъ, а холостые?

Софья.

Такіе же.

Евлалія.

Ну, ужъ я вамъ положительно не вѣрю.

Софья.

Какъ угодно. Дай Богъ только, чтобы разочарованіе вамъ не очень дорого обошлось. Нѣтъ, я вижу, что вы совсѣмъ не знаете нашихъ мужчинъ.

Евлалія.

Но вѣдь въ нашемъ кругу много иностранцевъ.

Софья.

Да развѣ они лучше нашихъ? Наши дружатся съ ними, братаются, перенимаютъ отъ нихъ новыя пошлости да сальные каламбуры и воображаютъ, что живутъ по-европейски. Мой мужъ тоже уважаетъ Европу и очень хвалитъ. Онъ бывалъ на югѣ Франціи, знакомъ тамъ съ многими фабрикантами; но что̀ же онъ вынесъ изъ этого знакомства? Онъ говоритъ: „тамъ мужья-то еще круче нашего съ женами обращаются; тамъ они васъ вовсе за людей не считаютъ“. Вотъ вамъ и Европа! Не надо нашимъ мужьямъ хорошихъ женъ! Они воображаютъ, что жены-то еще пошлѣе и глупѣе ихъ, и чрезвычайно довольны своей судьбой и счастливы. Если-бъ Богъ, какимъ-нибудь чудомъ открылъ имъ глаза, и они бы увидали что̀ такое ихъ жены въ самомъ-то дѣлѣ, на сколько онѣ выше ихъ по уму, по чувствамъ, по стремленіямъ, какъ противны

женской душѣ ихъ хищническіе инстинкты, они бы потерялись, затосковали, запили бы съ горя.

Евлалія.

Какъ же вы переносите такую жизнь?

Софья.

Человѣкъ ко всему можетъ примѣниться. Прежде мнѣ очень тяжело было, а теперь и я немного лучше ихъ: я такая, какую имъ нужно. Рано или поздно и съ вами то же будетъ, или начнете дни и ночи въ карты играть. *(Входятъ Стыровъ, Кобловъ и Мулинъ.)*

ЯВЛЕНІЕ СЕДЬМОЕ.

Евлалія, Софья, Стыровъ, Кобловъ *и* Мулинъ.

Стыровъ.

Ну, что̀-жъ, рѣшили вы свой споръ?

Кобловъ.

О чемъ?

Евлалія.

Всегда ли нужно правду говорить?

Кобловъ.

Ну, я женское рѣшеніе этого вопроса давно знаю.

Евлалія.

Какое же оно?

Кобловъ.

Правду можно говорить иногда только пріятельницамъ, и то съ большой осторожностью, а мужьямъ — никогда.

Софья.

А вы женамъ развѣ говорите правду?

Кобловъ.

Ну, это другое дѣло: нашу правду вамъ незачѣмъ и знать. Съ васъ довольно и того, что̀ мы находимъ нужнымъ сказать вамъ; вотъ вамъ и правда, и другой никакой для васъ нѣтъ.

Евлалія.

Мнѣ кажется, вы на жену смотрите, какъ на невольницу.

Кобловъ.

А что̀-жъ такое, хоть бы и такъ? Слово-то, что̀ ли, страшно? Вы думаете, я испугаюсь. Нѣтъ, я не пугливъ. По мнѣ невольница все-таки лучше, чѣмъ вольница.

Стыровъ.

Однако, мнѣ пора. Прощайте!

Евлалія.

Не проводить ли мнѣ васъ на пароходъ?

Стыровъ.

Нѣтъ, зачѣмъ? Тамъ толкотня, суета.

Кобловъ.

И мы домой, Софья Сергѣевна!

Софья.

Хорошо, поѣдемъ. *(Всѣ уходятъ въ залу. Слѣва входитъ Мареа.)*

ЯВЛЕНІЕ ВОСЬМОЕ.

Мареа, *потомъ* Стыровъ.

Мареа.

Уѣхали, что̀ ли? *(Заглядываетъ въ залу.)* Нѣтъ еще, цѣлуются, прощаются. *(Оглядывая комнату.)* Не забылъ ли Евдокимъ Егорычъ чего? Это чья шляпа-то? А, это Артемія Васильича... ну, онъ, чай, вернется за ней. *(Входитъ Стыровъ.)*

Стыровъ *(говоритъ въ залу).*

Подождите, я на одну минуту, я забылъ кой-что̀... *(Мареѣ.)* Мареа, слушай! Береги Евлалію Андреевну безъ меня! Ты знаешь, какъ я ее люблю.

Мареа.

Да какъ же, помилуйте! Нешто я не вижу?

Стыровъ.

Я въ дорогѣ все буду думать о ней: что̀ она дѣлаетъ? не скучаетъ ли?

Мареа.

Ужъ какъ не думать? Конечно, думается.

Стыровъ.

Такъ ты ужъ и не отлучайся отъ нея. Я какъ пріѣду, такъ потребую отъ тебя отчетъ: что она безъ меня дѣлала, говорила, даже думала. Я такъ ее люблю, чтò, понимаешь ли ты, мнѣ все это пріятно знать... все, все... мнѣ это очень пріятно. *(Даетъ Марѳѣ кредитный билетъ.)*

Марѳа.

Понимаю, Евдокимъ Егорычъ, будьте покойны.

Стыровъ.

Не то, чтобъ я... ну, ты понимаешь, а ужъ я ее очень люблю. Такъ ты смотри! Ну, не все же ей дома сидѣть.

Марѳа.

Конечно, дѣло молодое...

Стыровъ.

Такъ для прогулокъ, или выѣхать куда, я просилъ Артемія Васильевича; а вотъ дома-то ты...

Марѳа.

Да ужъ будьте покойны! *(Стыровъ уходитъ.)* Ишь-ты, старичокъ-то!... Чтò онъ далъ-то? *(Глядитъ на ассигнацію.)* Пять рублей... Значитъ, услуги требуетъ. Чтò-жъ, ничего, не больно скупо. Да за чтò и дать-то больше? Доносить-то, должно быть, нечего будетъ. А коли будетъ чтò, такъ и съ другой стороны, гляди, перепадетъ; тоже не поскупятся. Бери то съ того, то съ другого — отличное дѣло. Люблю я такія мѣста. Только умѣй себя вести, а то на чтò лучше! *(Прислушиваясь.)* Чу! Уѣхали. Пойти, показать Липатычу, куда платье да бѣлье Евдокима Егорыча убрать; тамъ все пораскидали. *(Уходитъ налѣво. Изъ залы входятъ Евлалія и Мулинъ.)*

ЯВЛЕНІЕ ДЕВЯТОЕ.

Евлалія *и* Мулинъ.

Мулинъ *(взявъ шляпу)*.

Честь имѣю кланяться.

Евлалія.

Куда вы?

Мулинъ.

Въ контору.

Евлалія.

Еще поспѣете. Развѣ вамъ не пріятно посидѣть со мной десять минутъ?

Мулинъ.

Очень пріятно; но у меня есть дѣло: Евдокимъ Егоровичъ поручилъ мнѣ большую и спѣшную работу.

Евлалія.

Это однѣ отговорки. Вотъ ужъ больше недѣли мы живемъ въ одномъ домѣ, и вы ни разу не удостоили меня вашей бесѣды.

Мулинъ.

Чтò вы говорите, помилуйте! Чуть не каждый день я у васъ обѣдаю, да и по вечерамъ мы часто бесѣдуемъ довольно долго.

Евлалія.

Да, болтаемъ глупости, отъ которыхъ уши вянутъ. Вы, впрочемъ, больше съ мужемъ разговариваете да съ посторонними, а не со мной. А вотъ такъ, наединѣ, вы ни разу.

Мулинъ.

Наединѣ? Не помню... кажется, нѣтъ.

Евлалія.

И вы никогда не искали случая, вы даже какъ будто стараетесь избѣгать его.

Мулинъ.

Избѣгать — не избѣгаю, и искать — не ищу. У насъ нѣтъ никакихъ дѣлъ, никакихъ общихъ интересовъ съ вами; нѣтъ ничего такого, чтò бы заставило меня искать случая говорить съ вами наединѣ.

Евлалія.

„Интересовъ!“ А сама я для васъ не интересна?

Мулинъ.

Я васъ не понимаю.

Евлалія.

Вамъ не интересно знать, напримѣръ, почему я вышла замужъ за человѣка, который вдвое старше меня?

Мулинъ.

Признаюсь вамъ, я и не думалъ объ этомъ; это до меня нисколько не касается.

Евлалія.

Нѣтъ, касается.

Мулинъ.

Какимъ образомъ? Объясните, сдѣлайте одолженіе!

Евлалія.

Мы съ вами знакомы давно, задолго еще до моего замужества. Помните, какъ мы бывало въ залѣ у маменьки музыку Шопена слушали, а на актѣ вальсъ танцовали; помните, съ балкона на звѣзды смотрѣли.

Мулинъ.

Очень хорошо помню.

Евлалія.

Неужели вы никогда не замѣчали, неужели не видали?

Мулинъ.

Нѣтъ, видѣлъ.

Евлалія.

И оставались равнодушны?

Мулинъ.

Кто же вамъ сказалъ, что я оставался равнодушенъ?

Евлалія.

Такъ что̀ же?... Вамъ стоило только слово сказать, протянуть руку, и я пошла бы за вами безъ оглядки хоть на край свѣта.

Мулинъ.

Я это очень хорошо зналъ и, если бы былъ богатъ, я бы не задумался ни на минуту. Но, Евлалія Андреевна, каждый дѣльный человѣкъ думаетъ о своей судьбѣ, впередъ составляетъ себѣ планы; благородная бѣдность въ мои планы не входила. Я могъ предложить вамъ только нищету, и вы бы ее приняли. Нѣтъ, вы лучше поблагодарите меня, что я не погубилъ васъ и не запуталъ себя на всю жизнь.

Евлалія.

Значитъ, вы жалѣли, берегли меня?... Вы любили меня?... Очень?

Мулинъ.

Да, вы мнѣ нравились... Нѣтъ, зачѣмъ скрывать? Я любилъ васъ.

Евлалія *(задумчиво)*.

И только бѣдность помѣшала нашему счастью?

Мулинъ.

Да, конечно, только бѣдность, ничего больше.

Евлалія.

Я такъ и думала. Теперь выслушайте меня, выслушайте мое оправданіе!

Мулинъ.

Зачѣмъ, Евлалія Андреевна? Не надо.

Евлалія.

Надо, Артемій Васильевичъ. Вы можете думать очень дурно обо мнѣ, вы можете подумать, что я польстилась на деньги Евдокима Егоровича, что я продала себя. Я дорожу вашимъ мнѣніемъ.

Мулинъ.

Ничего дурного я о васъ не думаю; я знаю, что васъ выдали почти насильно.

Евлалія.

Насильно выдать замужъ нельзя: я — совершеннолѣтняя. Меня можно осуждать за то, что я слабо сопротивлялась, скоро сдалась. Да, всѣ въ правѣ осуждать меня за это; но не вы, Артемій Васильевичъ.

Мулинъ.

Почему же?

Евлалія *(опустя глаза)*.

Я знала, что вы живете въ одномъ домѣ съ Евдокимомъ Егоровичемъ, что вы будете близко, что я могу васъ видѣть каждый день...

Мулинъ *(пораженный)*.

Чтò вы говорите?

Евлалія.

Я принесла жертву для васъ... Я хотѣла уничтожить препятствіе, которое насъ раздѣляло.

Мулинъ.

Вы уничтожили одно и создали другое: тогда вы были свободны, теперь у васъ мужъ.

Евлалія.

Ахъ, не говорите! Я не люблю его и не полюблю никогда. Я не знала... Я думала, что выйти замужъ безъ любви не такъ страшно, а потомъ... Ахъ, нѣтъ... ужасно... Перестанешь уважать себя. Онъ мнѣ противенъ.

Мулинъ.

Можетъ быть, но я-то обязанъ Евдокиму Егоровичу всѣмъ своимъ существованіемъ и чувствую къ нему глубокую благодарность. Не забудьте, я пользуюсь его довѣріемъ; онъ довѣряетъ мнѣ все, онъ довѣрилъ мнѣ и васъ. Злоупотреблять довѣріемъ у насъ считается ужъ не проступкомъ, а преступленіемъ; это безчестно, грязно...

Евлалія *(съ сердцемъ).*

Подбирайте, подбирайте: гадко, скверно, мерзко. Ну, такъ что̀ же вы тутъ... стоите передо мной? Я не понимаю! Что̀ вамъ нужно отъ меня?

Мулинъ.

Ничего не нужно; вы сами меня остановили.

Евлалія.

Да что̀ у васъ глазъ нѣтъ, что̀ ли? Вы слѣпы? Развѣ вы не видите, какъ я страдаю? Меня увезли отъ васъ, три года возили по всей Европѣ... Я старалась забыть васъ, *(со слезами)* но не могла... Я все еще люблю васъ... Развѣ вы не видите?

Мулинъ.

Вижу и вижу также, что надо помочь этой бѣдѣ, что я долженъ принять мѣры.

Евлалія.

Какія „мѣры"?

Мулинъ.

Мнѣ надо переѣхать изъ вашего дома.

Евлалія.

Да, вотъ что̀!

Мулинъ.

Я ужъ говорилъ Евдокиму Егоровичу, что и мнѣ не удобно, и его я стѣсняю.

Евлалія.

Такъ убирайтесь, убирайтесь; кто васъ держитъ?

Мулинъ.

Онъ не желаетъ, чтобъ я переѣзжалъ; но теперь это становится необходимымъ, и я настою̀.

Евлалія.

Убирайтесь, сдѣлайте одолженіе!

Мулинъ.

Я только дождусь его пріѣзда.

Евлалія.

Чѣмъ скорѣй, тѣмъ лучше.

Мулинъ.

Честь имѣю кланяться. *(Идетъ къ двери.)*

Евлалія.

Да постойте же, постойте! Куда вы? Это странно: придетъ человѣкъ, повернется... не успѣешь слова сказать.

Мулинъ.

Чтò вамъ угодно?

Евлалія.

Вы забудьте то, чтò я говорила сейчасъ! Вы не вѣрьте моимъ словамъ: я сама не знаю, чтò со мной... На меня иногда находитъ... Все это вздоръ, глупый порывъ... Вамъ переѣзжать изъ нашего дома незачѣмъ, рѣшительно незачѣмъ... Я не стану искать свиданія съ вами... Будемъ видѣться только при мужѣ, при постороннихъ... Такъ зачѣмъ же вамъ переѣзжать? Зачѣмъ бѣжать? Вѣдь это смѣшно...

Мулинъ.

Нѣтъ, оно, знаете ли, все-таки покойнѣе.

Евлалія.

Для кого?

Мулинъ.

Для меня.

Евлалія.

Какое же вамъ безпокойство жить здѣсь?

Мулинъ.

Да не только безпокойство, даже опасность.

Евлалія.

Чего же или кого вы боитесь?

Мулинъ.

Васъ, а болѣе всего самого себя. Сохрани Богъ! Вѣдь, безъ ужаса нельзя себѣ представить, какія могутъ быть послѣдствія. Я еще молодъ, вы тоже... На грѣхъ-то мастера нѣтъ.

Евлалія.

Довольно, довольно! Ужъ, пожалуйста, не придумывайте!

Оставайтесь! Чего вамъ бояться? Вѣдь, ужъ я вамъ сказала, что мы будемъ видаться только при постороннихъ. Чего же вамъ?

Мулинъ.

Да, если такъ... пожалуй, конечно.

Евлалія.

Такъ вы останетесь?

Мулинъ.

Извольте, останусь.

Евлалія.

Ну, по рукамъ. Вотъ такъ. Будемъ друзьями!

Мулинъ.

Друзьями, друзьями, и ничего болѣе.

Евлалія.

Да, да, еще бы! Ахъ, пожалуйста, не думайте дурно обо мнѣ, Артемій Васильевичъ! Я хорошая женщина.

Мулинъ.

Помилуйте, смѣю ли я сомнѣваться! До свиданія, Евлалія Андреевна! Мнѣ пора за дѣло приниматься.

Евлалія.

До свиданія, милый Артемій Васильевичъ!

Мулинъ.

Развѣ милый?

Евлалія.

Милый, милый! *(Бросается къ Мулину.)*

Мулинъ.

Что̀ вы, что̀ вы?

Евлалія *(беретъ его за руку и смотритъ въ глаза).*

Поцѣлуйте мою руку!

Мулинъ.

Извольте, съ удовольствіемъ. *(Цѣлуетъ руку Евлаліи.)*

Евлалія *(горячо цѣлуетъ Мулина; сквозь слезы).*

Вѣдь, вы моя первая и единственная страсть! *(Плача, машетъ рукой.)* Уходите!

Мулинъ.

Прощайте! *(Уходитъ.)*

Евлалія.

Пять лѣтъ я мечтала, пять лѣтъ дожидалась свиданія съ нимъ... Онъ боится себя... онъ меня еще любитъ. Какъ я счастлива! *(Почти рыдая.)* Какъ я счастлива! Мечта моей жизни сбывается. О, я еще увижу радости! Единственная моя радость — это онъ; мнѣ больше ничего не нужно.

(Занавѣсъ.)

ДѢЙСТВІЕ ВТОРОЕ.

ЛИЦА:

Евлалія Андреевна.
Мулинъ.
Софья Сергѣевна.
Марѳа.
Миронъ.

Декорація перваго дѣйствія.

ЯВЛЕНІЕ ПЕРВОЕ.

Марѳа *(одна)*.

Никакъ нельзя изъ дому отлучиться, никакъ нельзя. Вотъ ушла только на минуту, весь домъ и разошелся. Такъ вѣдь я не безъ спросу. Отпросилась у Евлаліи Андреевны на полчасика, пока они съ Артеміемъ Васильичемъ на бульварѣ гуляютъ; вотъ я и опять дома. А это на что̀ похоже? Живой души въ домѣ нѣтъ: ни горничныхъ, ни повара, ни дворниковъ, — разбрелись кто куда; одинъ швейцаръ дремлетъ на подъѣздѣ, старыя, прошлогоднія газеты читаетъ. Вотъ и Миронъ Липатычъ, только-что сталъ на мѣсто, а ужъ бѣгать началъ изъ дому, диви бы молоденькій. Вотъ что̀ значитъ безъ хозяина: прислуга-то, какъ тараканы передъ пожаромъ, и расползется вся. *(Прислушиваясь.)* Никакъ Евлалія Андреевна подъѣхала? А въ передней-то никого, некому и встрѣтить. *(Уходитъ. Входятъ Евлалія и Мулинъ.)*

ЯВЛЕНІЕ ВТОРОЕ.

Евлалія *и* Мулинъ.

Евлалія.

Благодарю васъ! Мнѣ, право, совѣстно, я столько отнимаю у васъ времени.

Мулинъ.

Еще до ночи долго, успѣю поработать и въ конторѣ, и дома.

Евлалія.

А вѣдь я одна, Артемій Васильевичъ... пожалѣйте меня! Съ ума можно сойти отъ тоски.

Мулинъ.

Евлалія Андреевна, я не могу оставаться съ вами; у насъ уговоръ былъ.

Евлалія.

Ахъ, да, я знаю... Нѣтъ, я хотѣла только сказать вамъ нѣсколько словъ.

Мулинъ.

Говорите, я слушаю.

Евлалія *(задумывается).*

Что̀ я хотѣла сказать-то вамъ? Да, объ Софьѣ Сергѣевнѣ... Нѣтъ, нѣтъ, вотъ что̀...

Мулинъ.

Что̀ же именно?

Евлалія.

Я такъ счастлива, такъ счастлива, когда иду съ вами подъ руку на бульварѣ! Я воображаю, что вы мой, что мы связаны на всю жизнь.

Мулинъ.

Какое у васъ сильное воображеніе!

Евлалія.

Чего желаешь, то само собой представляется; тутъ не надо сильнаго воображенія. Ахъ, вотъ еще вспомнила. Чему это засмѣялась Софья Сергѣевна, когда встрѣтилась съ нами на бульварѣ? И потомъ все глядѣла на васъ и улыбалась.

Мулинъ.

Не знаю, Евлалія Андреевна. Можетъ быть, она догадалась, что̀ вы воображаете; вѣдь женщины проницательны.

Евлалія.

Ахъ, нѣтъ, почемъ она можетъ догадаться? Это не возможно. Какъ чужія мысли знать?

Мулинъ.

У васъ лицо очень подвижно: когда вы счастливы, такъ у васъ глаза такъ и сіяютъ, точно вы хотите всѣмъ разсказать, какое счастье у васъ.

Евлалія.

Ахъ, да. Вотъ какая я несчастная! Вы говорили, что у меня лицо сіяетъ, когда я счастлива; да часто ли это со мной бываетъ? Зато сколько я пла́чу!.. Да, кажется, и все бы я плакала...

Мулинъ.

Вамъ ли горевать, Евлалія Андреевна? Чего вамъ еще недостаетъ? Богатымъ людямъ жить можно; богатство — великое дѣло.

Евлалія.

Да, богатство, конечно, хорошо; только, знаете ли, что̀ мнѣ не нравится?...

Мулинъ.

Нѣтъ, не знаю. Что̀ такое?

Евлалія.

Зачѣмъ мужчины здороваются съ дамами по-мужски, протягиваютъ руку?

Мулинъ.

А то какъ же еще прикажете?

Евлалія.

Прежде цѣловали руку у дамъ.

Мулинъ.

И теперь тоже иногда, коли коротко знакомы. Я у васъ иногда цѣлую руку.

Евлалія.

Нѣтъ, ужъ вы всегда... Это даетъ мнѣ право поцѣловать васъ.

Мулинъ *(кланяясь).*

Слушаю-съ.

Евлалія.

Только вотъ что̀, Артемій Васильевичъ; я замѣчала, что вы и у Софьи Сергѣевны цѣлуете руку.

Мулинъ.

Да какъ же иначе? Вѣдь ея мужъ мой хозяинъ, точно такъ же, какъ и вашъ.

Евлалія.

Нѣтъ, нѣтъ, пожалуйста, не дѣлайте этого никогда, никогда. Слышите вы, не цѣлуйте руки ни у кого, кромѣ меня. Вонъ вы, на бульварѣ, со многими дамами и дѣвицами кланяетесь... Нѣтъ, нѣтъ, я не хочу, чтобъ васъ цѣловалъ кто-будь, кромѣ меня.

Мулинъ.

Евлалія Андреевна, да вѣдь это странно.

Евлалія.

Нѣтъ, нѣтъ, не хочу; и не говорите, и не разстроивайте меня! Да вамъ незачѣмъ и знакомымъ быть съ женщинами! Зачѣмъ вамъ всѣ эти женщины? Ну, я прошу васъ, умоляю, оставьте всѣ эти знакомства!

Мулинъ.

Да помилуйте, зачѣмъ же я вдругъ брошу хорошихъ знакомыхъ? Какую причину я могу придумать для этого, что̀ сказать, когда меня спросятъ?

Евлалія.

Значитъ, вы меня нисколько не любите и не жалѣете. Ну, коли я не могу, коли я страдаю... Ну, что̀-жъ мнѣ дѣлать? Вѣдь я не могу же перенести, чтобъ вы были близки съ какой-нибудь другой женщиной. Я умру, это выше силъ моихъ!

Мулинъ.

Евлалія Андреевна, извините, мнѣ пора.

Евлалія.

Какой малости не хотите вы сдѣлать для меня!

Мулинъ.

Да развѣ это малость: не быть знакомымъ рѣшительно ни съ одной женщиной? Хороша малость!... Однако, я заговорился съ вами, а у меня спѣшное дѣло. Его надо кончить

до пріѣзда Евдокима Егоровича, а онъ не нынче-завтра будетъ здѣсь.

Евлалія.

Что̀ вы говорите? Такъ скоро? Да вѣдь онъ недавно уѣхалъ.

Мулинъ.

Однако, вотъ ужъ почти недѣля.

Евлалія.

А я и не замѣтила, мнѣ показалось, дня два-три не больше... Я была, какъ въ раю.

Мулинъ.

Честь имѣю кланяться. *(Цѣлуетъ руку Евлаліи.)*

Евлалія.

Когда-жъ опять? Вечеромъ придете? Приходите!

Мулинъ.

Не знаю; можетъ быть, если успѣю.

Евлалія.

Нѣтъ, непремѣнно, непремѣнно; я жду васъ чай пить. *(Въ дверь залы.)* Марѳа, Марѳа, проводи Артемія Васильевича, въ передней нѣтъ никого. *(Мулинъ уходитъ. Марѳа за сценой: „Тамъ Миронъ Липатычъ“. Евлалія уходитъ въ свою комнату. Выходятъ Марѳа и Миронъ.)*

ЯВЛЕНІЕ ТРЕТЬЕ.

Марѳа *и* Миронъ.

Марѳа.

Вотъ, Миронъ Липатычъ, безъ года недѣля вы живете въ здѣшнемъ домѣ, а ужъ поминутно безъ спросу отлучаетесь; какъ ни хватись, васъ дома нѣтъ.

Миронъ.

А кому печаль обо мнѣ, кто такъ ужъ очень соскучился?

Марѳа.

Кому нужно тосковать объ васъ; въ передней никого нѣтъ, вотъ про что̀ я говорю. Приходилъ Артемій Васильевичъ, пальто некому снять. Въ этакомъ-то домѣ!... На что это похоже?

Миронъ.

А зачѣмъ онъ приходилъ? Что̀ онъ повадился? Онъ знай свою контору!

Мареа.

Ну, ужъ это не вашего ума дѣло.

Миронъ.

За какими онъ дѣлами ходилъ? Еще это надо разобрать, до тонкости надо это постигнуть.

Мареа.

Ну, гдѣ же вамъ такія дѣла постигать, коли это много выше вашего понятія! Да и не къ чему.

Миронъ.

А то „передняя!“ Нешто я для передней нанятъ? Я здѣсь существую совсѣмъ на другихъ правахъ.

Мареа *(качая головой)*.

Эхъ, Миронъ Липатычъ! А еще зарокъ дали!

Миронъ.

Какой зарокъ?

Мареа.

А насчетъ неаккуратности.

Миронъ.

Зарокъ! Очень нужно! Да что̀ я, дуракъ что̀ ли? Стану я самъ себя такого удовольствія лишать? Какая мнѣ крайность? А то зарокъ! Связывать-то себя! Да даже и грѣшно. Какъ вы говорите: зарокъ давать! Да можетъ ли человѣкъ знать, что̀ съ нимъ даже черезъ часъ будетъ?

Мареа.

Да что̀ мнѣ! Не я говорила, вы говорили.

Миронъ.

Я вотъ шагъ шагнулъ, а за другой... Да позвольте! Вы про Эзопа знаете?

Мареа.

Про какого тамъ Эзопа? На что̀ онъ мнѣ?

Миронъ.

Но, однако, позвольте! Спрашиваетъ его баринъ: „Эзопъ, куда ты идешь?“ — „Не знаю, говоритъ“. — „Какъ же, говоритъ, ты не знаешь? Стало-быть, ты, братецъ, мошенникъ

и бродяга. Посадить, говоритъ, его въ тюрьму". Вотъ и повели Эзопа въ тюрьму, а онъ барину и говоритъ: „Вотъ моя правда и выходитъ: зналъ ли я, что въ тюрьму иду". Вотъ что̀! Должны вы это понять? Какъ же вы хотите, чтобъ я зарокъ давалъ? Съ чѣмъ это сообразно?

Мароа.

Ахъ, отстаньте, пожалуйста; не я хочу, вы сами говорили.

Миронъ.

Когда? Не можетъ этого быть; потому я еще, слава Богу, съ ума не сошелъ.

Мароа.

Да мнѣ какъ хотите! Вы въ такихъ лѣтахъ, что сами объ себѣ понимать можете. А только-что вы сами говорили, что съ Мироносицкой прикончили.

Миронъ.

Позвольте. Это точно. Только это совсѣмъ другой разговоръ. Былъ я тогда безъ мѣста; какія были деньжонки, на Святой всѣ прожилъ... ухнулъ. Ну, значитъ, и не на что̀ было; поневолѣ пить перестанешь, коли денегъ нѣтъ. Что̀-жъ, мнѣ воровать, что̀ ли, прикажете?

Мароа.

Да мнѣ что̀ за дѣло? Хотите — воруйте, хотите — нѣтъ.

Миронъ.

Такъ еще согласенъ ли я воровать, вы меня спросите! Можетъ, я не согласенъ. Я даже ужасно какъ этого боюсь. Попутаетъ тебя грѣхъ въ маломъ въ чемъ, а на всю жизнь слава, что воръ.

Мароа.

Да что̀ мнѣ до васъ? Какъ хотите. Только что нельзя свое мѣсто бросать.

Миронъ.

Какое „свое мѣсто"?

Мароа.

Переднюю.

Миронъ.

Не мое это мѣсто; мое мѣсто много превозвышеннѣе... я свыше поставленъ.

Марѳа.

Толкуйте еще!

Миронъ.

А вы какъ думали? Велика моя служба для барина, охъ, велика! Ну, не знаю, между прочимъ, какъ оцѣнитъ! А очень велика.

Марѳа.

Ну, ваше счастье, коли вы на такую высокую службу поставлены.

Миронъ.

Да, на высокую; а то, какъ же ее назовете?

Марѳа.

Любопытно только знать, что̀ это за служба такая, потому что, можетъ, вы и хвастаете.

Миронъ.

Что̀ мнѣ хвастать? Была оказія! Наблюдать я поставленъ.

Марѳа.

Наблюдать? Надъ чѣмъ?

Миронъ.

За вами.

Марѳа.

За мной? Ну, ужъ это поздравляю васъ соврамши!

Миронъ.

Не за вами собственно; кому до васъ нужда, хоть бы вы тамъ...

Марѳа.

Оставьте ваши глупости, прошу васъ! Я ихъ слушать не въ расположеніи.

Миронъ.

Кому интересно за вами наблюдать? Смѣшно даже. А тутъ повыше... на это мнѣ приказъ есть строгій. Вотъ вы и знайте! И разговаривать теперь мнѣ съ вами больше ужъ не о чемъ. *(Уходитъ въ залу.)*

Марѳа.

Скажите, пожалуйста, какой наблюдатель нашелся! *(Входитъ Евлалія.)*

ЯВЛЕНІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

Евлалія *и* Мареа.

Евлалія.

Съ кѣмъ ты тутъ разговаривала?

Мареа.

Съ Мирономъ Липатычемъ.

Евлалія.

А я думала, кто пріѣхалъ. Тоска ужасная. *(Садится.)*

Мареа.

Липатычъ-то немного не въ своемъ разумѣ, вотъ и разсыпаетъ свои разговоры.

Евлалія.

А развѣ онъ пьетъ?

Мареа.

Да-таки частенько; онъ и прежде жилъ у Евдокима Егорыча, такъ за это же самое его сослали.

Евлалія.

Зачѣмъ же его опять взяли?

Мареа.

Не знаю, не наше дѣло. Коли ему повѣрить, такъ онъ очень важный человѣкъ въ домѣ.

Евлалія.

Какой важный? Чтò это значитъ?

Мареа.

Да такъ, я думаю, городитъ онъ зря. Повѣрить-то мудрено, чтобы Евдокимъ Егорычъ такое довѣріе сдѣлалъ пьяному человѣку.

Евлалія.

Евдокимъ Егоровичъ знаетъ, кому какое довѣріе сдѣлать. Это до тебя не касается; объ его распоряженіяхъ судить ты не должна.

Мареа.

Кабы не касалось, я бы и не говорила. Въ томъ-то и дѣло, что касается и меня, и васъ, да и обидно очень.

Евлалія.

Чтò за вздоръ такой? Не можетъ быть.

Марѳа.

Бывать-то оно бываетъ, только что, конечно...

Евлалія.

Да чтò такое?

Марѳа.

Изволите ли видѣть, Липатычъ величается, что будто Евдокимъ Егорычъ поручилъ ему наблюденіе...

Евлалія.

Какое наблюденіе?

Марѳа.

А надъ вами, Евлалія Андреевна: кто въ домѣ бываетъ? Какъ вы кого принимаете? Ну, и все такое.

Евлалія.

Нѣтъ, я не вѣрю: это что-то ужъ глупо очень.

Марѳа.

Нѣтъ, оно вовсе не глупо. Бываютъ жены, которыхъ точно что безъ присмотру оставить нельзя никакъ. Ну, а другой женщинѣ, которая себя чувствуетъ не въ томъ направленіи, даже и обидно.

Евлалія *(встаетъ)*.

Да не только, что обидно, это оскорбительно, невыносимо, это жить нельзя. И если это правда...

Марѳа.

Да позвольте; надо дѣло разобрать толкомъ. Можетъ, Евдокимъ Егорычъ такъ чтò-нибудь сказали, къ слову, а Липатычъ принялъ за серьезное, да и возмечталъ.

Евлалія.

Да неужели Евдокимъ Егоровичъ способенъ на такую низость?

Марѳа.

Вѣдь и мужей, вотъ хотя бы Евдокима Егорыча взять, тоже надо судить по человѣчеству. Другой жену такъ любитъ, такъ любитъ, до страсти, ну, и наставитъ сторожей на каждомъ шагу. Вѣдь они такъ думаютъ, что это молъ отъ любви, отъ сильной, значитъ, женѣ обижаться нечего. Ну, пускай бы

ужъ сторожей ставили, да только путныхъ; а то пьяному человѣку такое довѣріе дѣлать, на чтò-жъ это похоже? У другой и въ помышленіи-то нѣтъ ничего дурного, а пьяный лакей славитъ вездѣ, что онъ надзирателемъ поставленъ надъ барыней.

Евлалія *(хватаясь за голову)*.

Ужасно, ужасно!

Марѳа.

Да вы не извольте безпокоиться; этому Мирону у насъ не жить, ужъ я устрою. Вотъ только Евдокимъ Егорычъ пріѣдетъ, ужъ я подведу штуку. Чтò вамъ себя разстроивать, изъ чего? Диви бы кто путный говорилъ, а то Миронъ; ему вѣрить-то одинъ разъ въ годъ можно. Какой онъ слуга? Вы изволили уѣхать, а онъ, не спросясь, ушелъ, оставилъ домъ пустой. Я уходила, такъ я спросилась.

Евлалія *(садится)*.

Да, ты спросилась. *(Задумчиво.)* Куда ты ходила?

Марѳа.

Въ разныхъ мѣстахъ, матушка, была. Къ племяннику заходила въ аптеку; онъ тамъ въ мальчикахъ помаленьку обучается.

Евлалія *(задумчиво)*.

Да... въ аптеку... чтò-жъ тамъ?

Марѳа.

Да чтò, еще къ чему важному его не приставляютъ покуда; при пластыряхъ да при дѣвичьей кожѣ находится. Заходила навѣстить его, кстати ужъ отравы попросить.

Евлалія.

Какой отравы?

Марѳа.

Для всякаго гаду; въ кладовой развелись. А я же боюсь ихъ до страсти. Вчера на мышà наступила, такъ часъ безъ чувствъ въ забвеніи лежала. Вотъ и дали мнѣ такого яду.

Евлалія.

Яду?

Марѳа.

Да-съ, чѣмъ волковъ травятъ. Шарики такіе изъ хлѣба скатать. Они сказывали, да названье-то такое мудреное. Вотъ онъ у меня. *(Показываетъ пузырекъ.)*

Евлалія.

Ахъ, нѣтъ, дай сюда, дай! Я боюсь, ты какъ-нибудь, по неосторожности, насъ отравишь. Я уберу подальше. Когда тебѣ нужно, спроси! При мнѣ и сдѣлаешь шарики.

Мареа *(отдаетъ пузырекъ).*

Хорошо-съ. Потомъ у племянницы была; она въ горничныхъ живетъ въ хорошемъ домѣ, у нѣмцевъ у богатыхъ; чайку у нея попила. Новость я тамъ слышала. Вамъ, Евлалія Андреевна, скоро лишній расходъ будетъ.

Евлалія.

Какъ расходъ?

Мареа.

Придется платье богатое шить, либо два.

Евлалія.

Зачѣмъ? У меня много.

Мареа.

Сколько-бъ ни было, а все надо новыя шить, ужъ никакъ не миновать; на свадьбѣ пировать придется.

Евлалія.

На какой свадьбѣ?

Мареа.

Ужъ не знаю, говорить ли; можетъ, это дѣло въ секретѣ содержится. Да оно, конечно, какой ужъ секретъ, коли въ другомъ домѣ прислуга знаетъ! Гдѣ племянница-то моя живетъ, такъ рядомъ съ ними домъ купца Барабошкина; у нихъ барышня есть, небольно чтобы красива: рябовата немножко и коситъ малость — все какъ будто назадъ оглядывается — ну, и конфузлива.

Евлалія.

Такъ что̀ же?

Мареа.

Коли вдругъ покраснѣетъ при постороннихъ, такъ ужъ никакими способами заставить ее разговаривать невозможно. Лучше отстать, а то хуже: вовсе заплачетъ. Но только денегъ за ней даютъ очень много; даже если считать, такъ, кажется, ни въ жизнь не сочтешь. Такъ вотъ и говорятъ, что нашъ Артемій Васильевичъ сватается. Ну, а коли сватается, такъ и женится. Чего-жъ еще имъ? Женихъ во всей формѣ.

Евлалія *(въ испугѣ).*

Кто, ты говоришь, сватается?

Марѳа.

Артемій Васильевичъ.

Евлалія.

Не можетъ быть, не можетъ быть; я бы знала.

Марѳа.

Ужъ такъ точно, будьте спокойны. Вотъ жаль только, къ Барабошкинымъ-то я не зашла, у меня тамъ тоже кума есть, узнала бы все до ниточки.

Евлалія *(потерявшись).*

Ну, такъ что̀ же ты?... Какъ же это, ну, какъ же не зайти?

Марѳа.

Да не посмѣла, домой торопилась.

Евлалія.

Да нѣтъ... какъ не зайти!... Да Господи Боже мой! Что̀ же это, право? Вѣдь надо, надо узнать.

Марѳа.

Такъ далеко ли тутъ; я вѣдь и сбѣгаю, коли прикажете.

Евлалія *(со слезами).*

Да ты пойми... какъ же это? Вѣдь онъ мнѣ ничего не говорилъ... вѣдь надо же мнѣ узнать-то?

Марѳа.

Да сейчасъ... Что̀-жъ такое!

Евлалія.

Вѣдь онъ мнѣ ни слова, рѣшительно-таки ни слова... Отчего-жъ онъ не говорилъ? *(Плачетъ.)* Все бы ужъ лучше сказать, а то, какъ же такъ, потихоньку-то? Ну, зачѣмъ, зачѣмъ онъ это?

Марѳа.

Да что̀ вы, матушка, что̀ вы? Вотъ мы сейчасъ разберемъ.

Евлалія.

Вѣдь не шутки, въ самомъ дѣлѣ... Онъ обманывалъ меня, утѣшалъ, какъ ребенка; онъ за шутку, что̀ ли, считалъ?... Шутить надъ сердцемъ! *(Плачетъ.)*

Марѳа.

Да успокойтесь, матушка, Евлалія Андреевна!

Евлалія.

Ахъ, оставь меня!

Марѳа.

Такъ я побѣгу. *(Смотритъ на Евлалію.)*

Евлалія.

Чтò ты смотришь? Это я такъ... Это со мной вдругъ... *(Улыбаясь.)* Вотъ я какая! А ты все-таки сходи!

Марѳа.

Я мигомъ. Не за горами, тутъ близко.

Евлалія.

Да, поскорѣй, пожалуйста, поскорѣй! *(Марѳа уходитъ.)*

ЯВЛЕНІЕ ПЯТОЕ.

Евлалія, *потомъ* Миронъ.

Евлалія.

Чтò же онъ думаетъ обо мнѣ, за кого меня принимаетъ? При его умѣ, при его благородствѣ такой поступокъ не объяснимъ... Онъ не легкомысленъ, его деньги привлекать не могутъ; такіе люди на богатство не прельщаются. Я его знаю, понимаю... онъ долженъ презирать богатство... Значитъ, онъ меня не любитъ? Тогда зачѣмъ жить?... Мечта моя исчезаетъ — и чтò-жъ остается? Мужъ... человѣкъ мелочной, безъ души... родные, знакомые, все это эгоисты, холодные... Чтò за жизнь, чтò это за жизнь?... Нѣтъ, безъ него весь міръ пустѣетъ для меня. Былъ одинъ человѣкъ въ этомъ скучномъ мірѣ, человѣкъ съ возвышеннымъ умомъ... съ нѣжными, благородными чувствами... честный, безкорыстный... Моя душа поняла его, оцѣнила... и его нѣтъ. Если спросить меня, зачѣмъ я живу... я не найду отвѣта... Цѣли въ жизни нѣтъ... жила для него... его нѣтъ... Да, у меня ничего нѣтъ, ничего нѣтъ, все оборвалось! *(Плачетъ.)* Вотъ придетъ, чтò-то скажетъ?... Чтò скажетъ?... Еще какой-то лучъ надежды блеститъ. *(Сидитъ, задумавшись. Входитъ Миронъ.)*

Миронъ.

Софья Сергѣевна-съ!

Евлалія.

А?

Миронъ.

Софья Сергѣевна пріѣхали-съ. *(Уходитъ. Входитъ Софья Сергѣевна.)*

ЯВЛЕНІЕ ШЕСТОЕ.

Евлалія *и* Софья.

Софья.

Чтò вы это? Чтò съ вами? Васъ узнать нельзя.

Евлалія.

Нездоровится чтò-то.

Софья.

Не вѣрю. Вы разстроены, огорчены чѣмъ-то. Знаете ли, когда человѣкъ очень огорченъ, не надо сдерживать себя: надо или плакать, или браниться, или поскорѣй подѣлиться съ кѣмъ-нибудь своимъ горемъ. А то начнешь думать, думать, и представится тебѣ, что больше твоего горя и на свѣтѣ нѣтъ, что и жить-то тебѣ незачѣмъ. Здраво-то обсудить своего положенія мы не можемъ, душа-то угнетена, и нанизываемъ разные ужасы да несчастія, какъ на нитку. Нѣтъ, это вредно, это даже опасно. У васъ я большого горя не подозрѣваю...

Евлалія.

Нѣтъ, у меня очень большое горе.

Софья.

Не вѣрю; это вамъ только такъ кажется; но все-таки помочь вамъ надо. Я не любопытна и сама не откровенна, вообще откровенностей не люблю; но васъ попрошу разсказать мнѣ ваше горе, хоть намекомъ. Вы еще такъ не опытны.

Евлалія.

Благодарю васъ за участіе. Вотъ мое горе: я люблю одного человѣка, очень давно люблю, да я больше никого и не любила въ жизни... Мнѣ казалось, что и онъ меня любитъ, и я его теряю...

Софья.

Онъ уѣзжаетъ далеко? Вамъ грозитъ разлука?

Евлалія.

Нѣтъ.

Софья *(съ участіемъ).*

Онъ боленъ, умираетъ?

Евлалія.

Нѣтъ. *(Со слезами.)* Онъ женится.

Софья.

Онъ самъ вамъ это сказалъ?

Евлалія.

Ахъ, нѣтъ, потихоньку, обманомъ.

Софья.

И вы, конечно, додумались, что ужъ вамъ теперь жить нельзя?

Евлалія.

Цѣли въ жизни нѣтъ, такъ зачѣмъ же?

Софья.

Со мной очень недавно былъ точно такой же случай: я любила человѣка и вѣрила ему, а онъ вздумалъ потихоньку отъ меня посвататься. Да, вотъ видите, я жива и даже весела.

Евлалія.

Я жила только этой любовью; для меня другого интереса въ жизни нѣтъ.

Софья.

Да, я понимаю, у васъ горе большое, а все-таки помочь ему можно.

Евлалія.

Нѣтъ, оставьте меня съ моимъ горемъ: помочь ему средствъ нѣтъ.

Софья.

Напрасно; я знаю два. Какимъ изъ нихъ я сама воспользовалась, я вамъ не скажу, а вышло хорошо. Вотъ первое: написать подъ разныя женскія руки нѣсколько слезныхъ писемъ съ жалобами на обольстителя, а иныя съ угрозами, да и послать родителямъ невѣсты.

Евлалія.

Что̀ вы, что̀ вы? Можно ли рѣшиться? Это такъ дурно, не честно.

Софья.

Нѣтъ, ничего, средство хорошее, особенно если человѣкъ женится по расчету, безъ любви, то-есть мѣняетъ васъ и вашу любовь на деньги. Такого жалѣть нечего. Если-жъ дѣйствительно онъ полюбилъ дѣвушку, и она его, ну, тогда нужно другое средство.

Евлалія.

Какое?

Софья.

Постараться забыть его и поскорѣй найти другого.

Евлалія.

Найти другого? Да развѣ ихъ много такихъ, кого любить можно? Можетъ быть, только одинъ и былъ, который сто́итъ моей любви, который имѣетъ всѣ достоинства.

Софья.

То-то и бѣда, что всѣ эти достоинства только въ вашемъ воображеніи. Полюбите вы самаго обыкновеннаго, дюжиннаго человѣка, вообразите себѣ его героемъ, да и ждите отъ него разныхъ подвиговъ: безкорыстной преданности, самоотверженія...

Евлалія.

О, нѣтъ, я люблю недюжиннаго человѣка.

Софья.

Трудно вѣрить.

Евлалія.

Такихъ людей не много, это исключеніе... въ немъ все... Мнѣ кажется даже, что онъ поэтъ.

Софья.

Мнѣ жаль васъ. Какъ бы мнѣ хотѣлось поскорѣй разочаровать васъ насчетъ этого поэта. Кто онъ такой, я не знаю; но я увѣрена, что всѣ его достоинства сочинены вами.

Евлалія.

Почему же вы такъ думаете?

Софья.

Васъ до двадцати-пяти лѣтъ держали взаперти, въ полномъ невѣдѣніи, васъ изуродовали глупымъ воспитаніемъ. Знанія людей и жизни у васъ нѣтъ никакого, душа впечатлительная, жажда любви сильная; ну, понятное дѣло, какъ только васъ

выпустили на волю, первый встрѣчный мужчина и долженъ вамъ показаться идеальнымъ существомъ.

Евлалія.

Чтò же, я не должна, по-вашему, ни чувствовать, ни любить?

Софья.

Кто вамъ говоритъ? Чувствуйте, любите, только умѣйте разбирать людей и пользоваться жизнью. Вы очень богаты, мужъ вашъ человѣкъ очень добрый, ни въ чемъ вамъ не отказываетъ: чего вамъ еще? Вамъ бы только жить да радоваться. Не налагайте на себя новыхъ цѣпей, мы и такъ скованы. Выбирайте въ жизни только легкое и веселое, а непріятностей-то намъ и отъ мужей довольно. Старайтесь больше знать, тогда будете меньше воображать.

Евлалія.

Да чтò же я воображаю?

Софья.

Все, и все, разумѣется, навыворотъ.

Евлалія.

Напримѣръ?

Софья.

Извольте. Вамъ случалось когда-нибудь долго ждать вашего поэта? То-есть онъ обѣщалъ прійти, да нейдетъ.

Евлалія *(съ тоской)*.

Ахъ, да, случалось.

Софья.

Чтò же вы думали въ это время?

Евлалія.

Что онъ очень занятъ, что онъ спѣшитъ, торопится...

Софья.

Летѣть на крыльяхъ любви? Вотъ это воображеніе, а въ дѣйствительности ничего этого нѣтъ.

Евлалія.

А чтò же есть?

Софья.

Сидитъ онъ съ пріятелями, играетъ въ карты, въ винтъ, по двадцатой долѣ копейки, и думаетъ: „Вотъ наказанье-то божеское; надо итти нѣжничать“!

Евлалія *(смѣется)*.

Ахъ, нѣтъ. Чтò вы... въ карты! Нѣтъ, не можетъ быть!

Софья.

Ну, вотъ, я васъ хоть успокоить не успокоила, а все-таки развлекла, развеселила немного. Прощайте!

Евлалія.

Благодарю васъ.

Софья.

Пожалуйста, не задумывайтесь, не отдавайтесь горю, дѣлитесь имъ со мной! Мы обѣ несчастныя женщины, обѣ изуродованы рабствомъ; вы — въ дѣтствѣ, а я — въ замужествѣ; мы обѣ невольницы; такъ будемъ друзьями! Я къ вамъ завтра заѣду, мы еще потолкуемъ. *(Уходитъ въ залу; Евлалія за ней. Евлалія возвращается съ Мароой.)*

ЯВЛЕНІЕ СЕДЬМОЕ.

Евлалія *и* Мароа.

Евлалія *(хватаясь за грудь)*.

Ну, чтò? Говори скорѣй!

Мароа.

Да ничего; не извольте безпокоиться.

Евлалія *(весело)*.

Значитъ, вздоръ; сватовства никакого не было?

Мароа.

Нѣтъ, сватовство-то было...

Евлалія.

А!... было... *(Садится въ задумчивости.)*

Мароа.

Да ничего не вышло.

Евлалія.

Отказали?

Мароа.

Отказали. Законфузилась невѣста, что очень полированъ, или чтò тамъ другое, ужъ не знаю... Другой женихъ есть, побогаче и попроще. *(Молчаніе.)*

Евлалія *(задумчиво, съ разстановкой).*

Артемій Васильевичъ хотѣлъ прійти къ намъ чай пить.

Маρѳа.

Ну, чтò-жъ, пущай.

Евлалія.

Ты не знаешь, онъ дома?

Марѳа.

Дома, дома. Сейчасъ видѣла въ окно, сидитъ...

Евлалія.

Занимается?

Марѳа.

Нѣтъ, въ карты играютъ съ пріятелями.

Евлалія.

Въ карты?.. *(Встаетъ и ходитъ по комнатѣ.)* А какъ ты полагаешь, Софья Сергѣевна умная женщина?

Марѳа.

Чего еще? Тонкая дама... насквозь все видитъ: только взглянетъ на тебя, такъ, кажется, всю твою душу и знаетъ.

Евлалія.

Послушай, сходи, пожалуйста, къ Артемію Васильевичу, скажи ему, что я жду его чай пить, чтобъ онъ шелъ сейчасъ.

Марѳа.

Слушаю-съ. *(Уходитъ.)*

Евлалія.

Если онъ отвѣтитъ, что ему некогда, что онъ занятъ дѣломъ, я сама пойду къ нему и застану его за картами. Какъ ему будетъ стыдно!... О, если-бъ онъ поскорѣй пришелъ! Я боюсь, что у меня пройдетъ все негодованіе, весь гнѣвъ. *(Молчаніе.)* Нѣтъ, я прощу ему, прощу все; только бы онъ не покидалъ меня. Разумѣется, я ему выскажу, какъ онъ огорчилъ меня своимъ сватовствомъ; но выскажу не съ упрекомъ, а съ кроткой жалобой, со слезами. Онъ устыдится своего положенія, онъ будетъ раскаиваться. У него душа прекрасная... Онъ еще легкомысленъ немного, увлекается... Но онъ оцѣнитъ мою любовь и ужъ болѣе измѣнять мнѣ не будетъ. *(Входитъ Марѳа.)*

Мареа.

Сейчасъ идутъ.

Евлалія.

Хорошо, ступай! Скажи Мирону, чтобъ никого не принималъ.

Мареа.

Слушаю-съ. *(Уходитъ. Входитъ Мулинъ.)*

ЯВЛЕНІЕ ВОСЬМОЕ.

Евлалія *и* Мулинъ.

Мулинъ *(съ недовольнымъ видомъ).*

Вы за мной посылали?

Евлалія.

Да, посылала. Вы, вѣроятно, забыли?

Мулинъ.

Нѣтъ, я ничего не забываю. Чтò вамъ угодно?

Евлалія.

Вы обѣщали со мной чай пить.

Мулинъ.

Я это очень хорошо помню. Теперь еще рано; черезъ часъ, черезъ полтора я буду къ вашимъ услугамъ.

Евлалія.

А теперь развѣ вамъ некогда, у васъ есть дѣло? Чтò вы дѣлаете?

Мулинъ.

Чтò бы я ни дѣлалъ, это все равно; я не свободенъ. Черезъ полтора часа я буду имѣть честь явиться къ вамъ.

Евлалія.

Но мнѣ нужно говорить съ вами, у меня очень важное дѣло; я не могу ждать.

Мулинъ.

Важное ли, Евлалія Андреевна?

Евлалія.

Очень важное и серьезное.

Мулинъ.

Сомнѣваться не смѣю. Извольте, я слушаю.

Евлалія.

Ахъ, я просто не знаю, какъ начать...

Мулинъ.

Начинайте съ начала.

Евлалія.

Это не выносимо! *(Подноситъ платокъ къ глазамъ.)*

Мулинъ.

Слезы! Ну, по такому началу ничего хорошаго ожидать нельзя.

Евлалія.

Вы... вы виноваты передо мной, непростительно виноваты, и вы имѣете еще дерзость такъ разговаривать со мной! Чтò мнѣ думать о васъ?

Мулинъ.

Я виноватъ передъ вами? Не ожидалъ.

Евлалія.

Вы хотѣли жениться...

Мулинъ.

Да, вотъ чтò! Но вѣдь я не давалъ обѣта безбрачія, сколько мнѣ помнится?

Евлалія.

И не сказали мнѣ ни слова.

Мулинъ.

Я не знаю, Евлалія Андреевна, обязанъ ли я отдавать вамъ отчетъ въ своихъ поступкахъ.

Евлалія.

Какъ вы дурно понимаете ваши обязанности! Вы знаете, что я васъ люблю, что я только и живу этой любовью, и вы осуждаете меня на разлуку и не потрудились даже приготовить меня къ ней, предупредить меня.

Мулинъ.

Да вѣдь я не женился.

Евлалія.

Не женились, потому что вамъ отказали. Довольно и того, что вы сватались.

Мулинъ.

Послушайте, вѣдь я не мальчикъ, не подъ вліяніемъ минутнаго увлеченія, не очертя голову, я хотѣлъ жениться; я

долженъ думать о своей будущности: мнѣ нужно составить себѣ положеніе.

Евлалія *(не слушая).*

Свататься потихоньку, украдкой, отъ женщины нѣжно любящей! Вѣдь вы знаете меня: я — женщина несчастная, я очень ревнива. Для меня больно, когда вы даже разговариваете съ какой-нибудь женщиной; я просила васъ бросить всѣ женскія знакомства; я приказывала вамъ не цѣловать руки ни у кого, кромѣ меня.

Мулинъ.

Приказывали? Но, Евлалія Андреевна, вѣдь надо, чтобы я согласился исполнять ваши приказанія.

Евлалія.

Это выше силъ моихъ! Нѣтъ. Вы будете исполнять мои приказанія! Я буду слѣдить за вами, не спущу съ глазъ. Если вы вздумаете свататься или ухаживать за какой-нибудь женщиной, я тогда не пожалѣю ни васъ, ни себя; я не побоюсь никакого скандала: я открыто объявлю и мужу, и всѣмъ, что вы меня завлекали.

Мулинъ.

Что̀ вы, что̀ вы?

Евлалія *(не слушая).*

Что я вышла замужъ для васъ, что между нами было условлено.

Мулинъ *(съ испугомъ).*

Евлалія Андреевна, успокойтесь!

Евлалія.

Вамъ этого мало? Я лишу себя жизни. Вотъ видите! *(Вынимаетъ изъ кармана пузырекъ.)*

Мулинъ *(прочитавъ надпись).*

Nux vomica, это цѣлибуха, стрихнинъ, этимъ не шутятъ.

Евлалія.

Да я и не шучу. Если бы ваше сватовство удалось, меня бы не было на свѣтѣ. Всѣ мечты, всѣ надежды разбиты; развѣ можно жить послѣ этого, развѣ можно?

Мулинъ.

Евлалія Андреевна, я вѣдь не зналъ... я думалъ...

Евлалія.

Чтò же вы думали? Ахъ, не говорите, не огорчайте меня еще! Я и такъ глубоко, глубоко-несчастная женщина. *(Плачетъ.)*

Мулинъ.

Евлалія Андреевна, успокойтесь, успокойтесь! Я виноватъ дѣйствительно, я сознаюсь.

Евлалія.

Очень, очень виноваты.

Мулинъ.

Я сознаюсь, сознаюсь. Ну, простите меня! Этого впередъ не будетъ, повѣрьте. Простите меня!

Евлалія.

Я прощу васъ, конечно... Чтò-жъ мнѣ дѣлать? Только не покидайте меня такъ безбожно.

Мулинъ.

Нѣтъ, нѣтъ, увѣряю васъ! Успокойтесь, вы такъ взволнованы!

Евлалія.

Погодите... постойте! Дайте мнѣ собраться съ мыслями!

Мулинъ.

Я теперь вижу, какое безпокойство и огорченіе я вамъ доставилъ и прошу васъ извинить меня. Моя прямая обязанность была беречь васъ и покоить, удалять отъ васъ всякія непріятности и огорченія...

Евлалія *(не слушая)*.

Я не дурная женщина, Артемій Васильевичъ. Вы не судите меня по моимъ вспышкамъ. Я иногда сама себя не узнаю, иногда сама пугаюсь своихъ словъ.

Мулинъ.

Ну, простите меня, и кончено дѣло.

Евлалія.

Я васъ прощаю.

Мулинъ.

Заключимъ вѣчный миръ!

Евлалія.

Да, вѣчный, вѣчный.

Мулинъ.

И чтобъ ужъ больше не вспоминать никогда объ этомъ.

Евлалія.

Никогда.

Мулинъ.

Ну, вотъ по рукамъ. *(Цѣлуетъ руку Евлаліи.)* Прекрасно. Черезъ часъ или черезъ полтора я приду къ вамъ чай пить и останусь у васъ, сколько вамъ угодно.

Евлалія.

Такъ смотрите же, я буду ждать васъ! Черезъ часъ?

Мулинъ.

Черезъ полтора.

Евлалія.

Постойте! *(Кладетъ руку на плечо Мулина и долго смотритъ на него.)* Вы поэтъ?

Мулинъ.

Не замѣчалъ этого за собой.

Евлалія.

Вы скрываете. Принесите мнѣ какъ-нибудь ваши стихи: мы будемъ читать вмѣстѣ. Такъ черезъ часъ?

Мулинъ.

Черезъ полтора. До свиданія, до скораго и пріятнаго свиданія! *(Цѣлуетъ руку Евлаліи и идетъ въ залу.)*

Евлалія *(у дверей).*

Такъ черезъ часъ?

Мулинъ *(изъ залы).*

Вѣрнѣе, что черезъ полтора.

Занавѣсъ.

ДѢЙСТВІЕ ТРЕТЬЕ.

ЛИЦА:

Стыровъ.
Евлалія Андреевна.
Мулинъ.
Марѳа.
Миронъ.

Кабинетъ Стырова. Въ глубинѣ дверь въ гостиную, направо — во внутреннія комнаты; богатая кабинетная мебель въ безпорядкѣ; каминъ, на немъ часы и проч., большой письменный столъ, на немъ ящикъ съ сигарами, золотой портсигаръ, разныя вещи и бумаги; все въ безпорядкѣ.

ЯВЛЕНІЕ ПЕРВОЕ.

Миронъ *(одинъ, стоитъ по срединѣ комнаты).*

Трещитъ моя головушка, врозь разваливается! *(Смотритъ въ каминное зеркало.)* Ого, физіономія-то! Эна, а! Ахъ, шутъ-те! Точно изъ аду на время выпущенъ. Отдѣлалъ я себя за недѣлю-то! Чтò говорилъ, чтò творилъ, — ничего не помню. Баринъ-то пріѣхалъ, посмотрѣлъ на меня, только головой покачалъ. Какъ ее теперь поправишь? *(Смотритъ въ зеркало.)* Вона, глаза-то! Какъ у разбойника, точно въ семи душахъ повинился. Развѣ вотъ чтò?... Постой! *(Достаетъ платокъ изъ кармана.)* Я щеку завяжу, будто зубы болятъ. *(Завязываетъ щеку.)* Вотъ такъ. *(Смотритъ въ зеркало.)* Ну, вотъ теперь не въ примѣръ лучше. Больной человѣкъ, больше ничего сказать нельзя. Теперь, кто ни взгляни, особенно если онъ человѣкъ съ душой, такъ пожалѣть долженъ, а не то чтобы... *(Смотритъ по сторонамъ.)* За чтò взяться-то, не знаю, руки-то точно не свои. Въ кабинетѣ-то съ самаго баринова отъѣзда не убиралъ ни разу. Пыли-то, пыли-то! Ужъ не трогать *(махнувъ рукой)*, а то хуже. Послѣ уберу. *(Входитъ Марѳа.)*

ЯВЛЕНІЕ ВТОРОЕ.

Миронъ *и* Мароа.

Мароа.

Миронъ Липатычъ, гдѣ Евдокимъ Егорычъ? Евлалія Андреевна прислали узнать.

Миронъ.

Въ контору пошелъ.

Мароа.

Что̀ это вы, какъ подвязались?

Миронъ.

Зубами маюсь.

Мароа.

Ну, да вѣдь оно даромъ-то не проходитъ; надо-жъ чему-нибудь быть. Жаловаться не на кого. Вѣдь оно вино-то разно уродуетъ человѣка: у кого зубы, у кого что̀, а кого и вовсе перекоситъ. Какъ Евдокимъ Егорычъ рано пріѣхали!

Миронъ.

Въ семь часовъ, я только успѣлъ глаза продрать.

Мароа.

Ужъ вы больно долго нѣжитесь. Нѣтъ, ужъ я чай пила, какъ Евдокимъ Егорычъ пріѣхалъ. Сейчасъ свѣжаго чаю заварила хорошаго, въ одну минуту и подала ему. Оно и хорошо; съ дороги-то пріятно, и спрашивать да дожидаться не заставила; значитъ, аккуратность, какъ будто его ждали!

Миронъ.

Что̀-жъ аккуратность! И у меня, кажется, все въ порядкѣ.

Мароа.

Ужъ какой порядокъ! Чортъ ногу переломитъ. Вы посмотрите, что̀ въ кабинетѣ-то! У хорошаго кучера въ конюшнѣ чище.

Миронъ.

Вы сами не знаете, что̀ говорите. Нешто вы можете понимать, что̀ такое кабинетъ?

Мароа.

Жаль, не знала я, что здѣсь такой безпорядокъ; я бы убрала на досугѣ за васъ.

Миронъ.

Ну, да, какъ же! Такъ бы я васъ и пустилъ въ кабинетъ! Сюда безъ Евдокима Егорыча, окромя меня, никому ходу нѣтъ; потому за каждую малость я отвѣчаю. Онъ не любитъ, чтобы въ кабинетѣ какую вещь трогали; у него что̀ гдѣ лежало, чтобы тамъ и было. Какъ же я тутъ стану убирать? А ну, сдвинешь, переложишь али пошевелишь что̀! Анъ за это непріятность бываетъ нашему брату. Нѣтъ *(грозитъ пальцемъ)*, тутъ чтобы ни синя пороха!... А вотъ Евдокимъ Егорычъ посмотритъ, увидитъ, что все на своемъ мѣстѣ; ну, тогда я и уберу. А то безпорядокъ! Да въ кабинетѣ такъ и должно! Вы этого понимать не можете.

Марѳа.

Ну, а въ передней? Щетки сапожныя у васъ на полу раскиданы, сапоги на окнѣ, вакса на столикѣ передъ зеркаломъ, вмѣстѣ съ гребенками и головными щетками. Это тоже такъ нужно?

Миронъ.

Ну, а въ передней я уберу, это минутное дѣло. Есть объ чемъ разговаривать! Вотъ нашли матерію! *(Уходитъ.)*

Марѳа.

„Никого не пущу въ кабинетъ". Ишь ты строгій какой! Всю недѣлю ничего не дѣлалъ, палецъ объ палецъ не ударилъ, однимъ только безобразіемъ занимался, да еще важничаетъ. „Я не за тѣмъ въ домѣ, чтобы комнаты убирать, я надъ вами надзирателемъ поставленъ". Лежа на боку, ябедничествомъ выслужиться хочетъ. „Чтобы все на своемъ мѣстѣ было". Погоди-жъ ты! *(Переставляетъ разныя вещи съ мѣста на мѣсто. Беретъ со стола золотой портсигаръ.)* Куда-бъ его спрятать подальше, чтобы не скоро нашли? Погоди! Я его положу въ шахматный столикъ въ гостиной, благо онъ не запертъ, а ключикъ суну куда-нибудь на столъ въ бумаги. Вотъ и пусть Евдокимъ Егорычъ посмотритъ, все ли на своемъ мѣстѣ у исправнаго слуги. *(Прислушивается.)* Да никакъ Евдокимъ Егорычъ тамъ съ Евлаліей Андреевной разговариваетъ? Словно его голосъ-то! Побѣгу поскорѣй! *(Уходитъ въ гостиную. Справа входитъ Стыровъ и садится къ столу. Марѳа возвращается, не замѣчая Стырова.)*

ЯВЛЕНІЕ ТРЕТЬЕ.

Стыровъ *и* Марѳа.

Стыровъ.

Что̀ ты, Марѳа?

Марѳа.

Ахъ, Евдокимъ Егорычъ, я васъ и не видала... Да вотъ ключикъ какой-то на полу подняла.

Стыровъ.

Покажи!

Марѳа.

Извольте! *(Подаетъ ключъ.)*

Стыровъ.

Это отъ шахматнаго столика. *(Кладетъ ключъ въ карманъ.)* Что̀ за безпорядокъ у меня! Этого никогда не бывало. Что̀ же Миронъ-то дѣлалъ?

Марѳа.

Убрали бы и безъ него, да онъ не пущалъ никого; безъ васъ чтобы никто въ кабинетъ не ходилъ. Одинъ тутъ распоряжался.

Стыровъ.

Не началъ ли онъ опять?

Марѳа.

Грѣха таить нечего; безъ васъ онъ осторожности надъ собой не наблюдалъ.

Стыровъ.

Ну, какъ же вы тутъ жили безъ меня?

Марѳа.

Да какъ жили? День да ночь — сутки прочь. Скучали безъ васъ, Евдокимъ Егорычъ!

Стыровъ.

Отчего Евлалія Андреевна какъ будто разстроена немножко?

Марѳа.

Да все отъ того же, отъ скуки.

Стыровъ.

Чай, навѣщали Евлалію Андреевну? Безъ меня кто бывалъ у васъ?

Мароа.

Софья Сергѣевна раза два-три заѣзжали, да Артемій Васильичъ забѣгалъ кой-когда, больше никого не было.

Стыровъ.

А сама-то она выѣзжала?

Мароа.

Развѣ погулять когда, а то все дома. Вотъ вчера самоваръ до одиннадцати часовъ ночи на столѣ стоялъ: все поджидали, не подойдетъ ли кто; такъ никого не было, весь вечеръ однѣ сидѣли.

Стыровъ.

Да, скучно ей; я понимаю, что скучно. Ну, вотъ теперь я пріѣхалъ, такъ будетъ жить повеселѣе. Чтò я своего портсигара не вижу? Онъ всегда на одномъ мѣстѣ лежитъ, вотъ здѣсь!

Мароа.

Не знаю, Евдокимъ Егорычъ, ничего я здѣсь не знаю; надо у Мирона Липатыча спросить.

Стыровъ.

Пошли его сюда!

Мароа *(въ дверяхъ въ гостиную).*

Миронъ Липатычъ! Васъ Евдокимъ Егорычъ требуютъ. *(Уходитъ. Входитъ Миронъ.)*

ЯВЛЕНІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

Стыровъ *и* Миронъ.

Стыровъ.

Чтò ты щеку-то завязалъ, зубы, чтò-ль, болятъ?

Миронъ.

У-у-у! *(Мычитъ.)* Страсть!

Стыровъ.

Чтò-то пыли много въ кабинетѣ, я замѣчаю.

Миронъ.

Какъ же ей не быть, коли я тутъ ни до чего не касался. Ни, ни! Не равно чтò стронешь, а этого господа не любятъ. Гдѣ чтò есть, чтобы тамъ и было. Я даже никого

близко къ кабинету не подпущалъ. Вотъ теперь вы изволите видѣть: все на своемъ мѣстѣ, вотъ я и приберу.

Стыровъ *(открывъ сигарный ящикъ).*

Ты и самъ ничего не трогалъ, и другихъ не пускалъ?

Миронъ.

И... ни синя пороха!

Стыровъ.

Благодарю. А гдѣ же сигары? Ихъ было больше полъящика, а теперь что̀? *(Показываетъ ящикъ.)* Посмотри!

Миронъ.

„Сигары". Это я виноватъ-съ; ужъ очень зубы одолѣли, хоть на стѣну лѣзь — такъ парочку взялъ. А что̀ касается другого прочаго, такъ ужъ я тутъ за всѣмъ блюлъ. Никого не подпускалъ; потому я одинъ долженъ отвѣчать, съ меня спросятъ.

Стыровъ.

Да, съ тебя. Ну, сигары ты выкурилъ?

Миронъ.

Это — виноватъ-съ.

Стыровъ.

А портсигаръ гдѣ?

Миронъ.

Какой же это портсигаръ-съ?

Стыровъ.

Мой портсигаръ, золотой.

Миронъ.

„Золотой". Знаю-съ, какъ же мнѣ не знать!

Стыровъ.

Гдѣ же онъ?

Миронъ.

Портсигаръ... надо быть здѣсь-съ.

Стыровъ.

Я знаю, что ему надо быть здѣсь; только нѣтъ его.

Миронъ.

Нѣтъ? Гдѣ-жъ ему быть? Оказія!

Стыровъ.

Онъ лежитъ всегда на одномъ и томъ же мѣстѣ.

Миронъ.

Да знаю, какъ не знать-съ! Вотъ здѣсь ему лежать слѣдствуетъ.

Стыровъ.

Да, здѣсь слѣдствуетъ. А здѣсь ли онъ?

Миронъ.

Никакъ нѣтъ-съ.

Стыровъ.

Ну, такъ вотъ ищи!

Миронъ.

Въ столѣ изволили смотрѣть?

Стыровъ.

Изволилъ.

Миронъ.

Какъ же это такъ? Я, кажется, не бралъ.

Стыровъ.

Плохо дѣло, коли тебѣ только кажется.

Миронъ.

Воромъ я еще не бывалъ. Есть за мной слабость, это точно, а этого качества нѣтъ.

Стыровъ.

Да я тебя воромъ и не называю; только портсигара нѣтъ.

Миронъ.

Это я разыщу, я такъ не могу оставить. Я, коли что̀, такъ и къ ворожеѣ пойду. Она скажетъ.

Стыровъ.

Вѣдь ты говорилъ, что никто сюда не ходилъ, что ты одинъ тутъ былъ; такъ объ чемъ же тутъ ворожить?

Миронъ.

Все-таки лучше. Нѣтъ, къ бабушкѣ надо сходить, ужъ, по крайности, дѣло вѣрное. На кого укажетъ, тотъ и виноватъ: можетъ, и на меня укажетъ, ну, тогда, значитъ, я — воръ. Коли я не воровалъ, такъ мнѣ ворожбы бояться нечего!

Стыровъ.

Нѣтъ, ужъ лучше безъ ворожбы! Ступай ты отъ меня сегодня же! Не за воровство я тебя сгоняю — можетъ быть,

ты и не виноватъ — а за то, что у тебя зубы болятъ. Мнѣ здоровыхъ слугъ нужно. Жалованье за недѣлю въ конторѣ получишь. Прощай! *(Уходитъ въ дверь направо.)*

ЯВЛЕНІЕ ПЯТОЕ.

Миронъ *(одинъ).*

Охъ! Догулялся! Вотъ такъ разъ! Все и похмелье соскочило. Однако, я влетѣлъ! Какъ мнѣ теперь самого себя понимать, ужъ не знаю. Кажется, не бралъ. Эка память! Ежели мнѣ такъ на себя думать, что я его укралъ да продалъ; такъ гдѣ же деньги? Тогда, значитъ, я бы богатъ былъ, а я нынче все утро по всѣмъ своимъ карманамъ шарю — нигдѣ пятачка не найду, самаго-то нужнаго пятачка. Не взялъ ли я его похвастать, что вотъ, молъ, какія у насъ вещи, да, можетъ, вытащили изъ кармана? Хошь зарѣжь, ничего не помню. А только я знаю, что не можетъ этого быть, никогда я господскихъ вещей не бралъ. Развѣ по ненависти кто подшутилъ? Вотъ это похоже на дѣло. Пуще всего теперь къ ворожеѣ надо. Не скажетъ ничего, ну, конецъ, повѣшусь — больше мнѣ себя опредѣлить некуда. А укажетъ человѣка, такъ я его, кажется... ухъ! что̀ сдѣлаю. Зубами съѣмъ. *(Хватаясь за голову.)* Тутъ что̀ еще мотается? Ахъ, да, платокъ. Нѣтъ, ужъ теперь этотъ маскарадъ надо отмѣнить. *(Развязываетъ платокъ.)* Надо приняться за розыскъ, воромъ остаться не желательно. *(Уходитъ въ залу. Справа выходятъ Стыровъ и Евлалія, которая останавливается въ дверяхъ. Изъ залы входитъ Мулинъ.)*

ЯВЛЕНІЕ ШЕСТОЕ.

Стыровъ, Евлалія *и* Мулинъ.

Стыровъ *(Евлаліи).*

Я сдѣлаю нѣсколько визитовъ, заѣду къ Кобловымъ. Не нужно ли сказать чего отъ тебя Софьѣ Сергѣевнѣ?

Евлалія.

Пригласи ее къ намъ сегодня.

Стыровъ.

Да, да! Я и еще кого-нибудь позову. *(Мулину.)* И вы приходите! Поиграемъ въ карты, поужинаемъ. Вотъ и прекрасно. *(Евлалія уходитъ.)*

Мулинъ.

Благодарю васъ. Я приду, я нынче вечеромъ свободенъ. Вотъ я принесъ записку, которую вы мнѣ давали.

Стыровъ.

Положите на столъ. Вотъ еще есть дѣло. *(Вынимаетъ бумагу изъ кармана и подаетъ Мулину.)* Посмотрите повнимательнѣе эту бумагу и сдѣлайте на поляхъ свои замѣтки.

Мулинъ.

Я ее возьму съ собой, а вечеромъ вамъ доставлю.

Стыровъ.

Нѣтъ, я прошу васъ, займитесь здѣсь.

Мулинъ.

Евдокимъ Егоровичъ, неужели вы мнѣ не довѣряете?

Стыровъ.

Я вамъ вполнѣ довѣряю; но такого рода бумаги не должны выходить изъ моего кабинета. Да и дѣла-то тутъ всего на четверть часа: не стóитъ ходить взадъ и впередъ. До свиданья! *(Подаетъ руку Мулину и уходитъ.)*

Мулинъ *(садится къ столу и боязливо взглядываетъ на дверь, въ которую ушла Евлалія. Входитъ Евлалія.)*

Вотъ положеніе! *(Какъ бы не замѣчая Евлаліи, углубляется въ чтеніе.)*

ЯВЛЕНІЕ СЕДЬМОЕ.

Мулинъ, Евлалія, *потомъ* Марѳа.

Евлалія *(садится у стола съ боку).*

Вы меня обманули.

Мулинъ.

Евлалія Андреевна, у меня очень серьезное дѣло; позвольте мнѣ его кончить прежде. *(Пишетъ что-то карандашомъ.)*

Евлалія.

Я васъ ждала до одиннадцати часовъ.

Мулинъ *(читая про себя).*

Что̀ вы изволите говорить?

Евлалія.

Я измучилась; два раза посылала къ вамъ. Сказали, что васъ дома нѣтъ.

Мулинъ.

Да помилуйте, телеграмма... *(Читаетъ.)* Надо было на телеграфъ ѣхать. *(Пишетъ.)*

Евлалія.

Занимайтесь, я вамъ не мѣшаю... Я только хотѣла у васъ спросить...

Мулинъ.

Что̀ вамъ угодно?

Евлалія.

Вы, вѣроятно, любите какую-нибудь дѣвушку или женщину...

Мулинъ *(со вздохомъ).*

Ахъ, Евлалія Андреевна... *(Читаетъ про себя.)*

Евлалія.

Нѣтъ, вѣдь, я серьезно.

Мулинъ *(не поднимая головы).*

Никого я не люблю.

Евлалія.

И меня?

Мулинъ.

Вамъ хочется слышать признаніе отъ меня?

Евлалія.

Да. Потому что, если вы меня не любите, значитъ, вы любите другую женщину... Безъ любви жить нельзя.

Мулинъ.

Можно.

Евлалія.

Не шутите со мной! *(Слезы.)*

Мулинъ.

Я не понимаю, Евлалія Андреевна, изъ чего вы себя разстроиваете! Между нами такія отношенія, лучше которыхъ желать нельзя: нѣжная дружба, у меня къ вамъ самая теплая привязанность.

Евлалія.

Дружба, привязанность... Отчего-жъ не любовь?

Мулинъ.

Ну, любовь... если вамъ такъ угодно.

Евлалія.

Не вѣрю. *(Молчаніе. Мулинъ пишетъ.)* Скажите, что̀ мнѣ дѣлать, чтобъ вы меня любили?

Мулинъ.

Ничего не нужно, Евлалія Андреевна.

Евлалія.

Нѣтъ, вы мало меня любите. *(Молчаніе.)* Я знаю, я сама виновата: я вамъ надоѣдаю... ревную... связываю васъ... *(Молчаніе.)* Я обѣщаю вамъ, что этого не будетъ. Довольны вы?

Мулинъ.

Прекрасно, Евлалія Андреевна, прекрасно. Позвольте, не мѣшайте мнѣ!

Евлалія.

Мы будемъ видѣться не часто: приходите ко мнѣ, когда вы совершенно свободны, когда у васъ нѣтъ никакого дѣла, никакого занятія, — однимъ словомъ, когда вамъ самимъ будетъ угодно! *(Молчаніе.)* Дѣлайте, что̀ хотите... бывайте, гдѣ хотите... разговаривайте съ женщинами... любезничайте... *(Молчаніе.)* Только...

Мулинъ.

Что̀ „только“?

Евлалія.

Только не измѣняйте мнѣ... Не разрушайте моихъ надеждъ.

Мулинъ *(читая про себя)*.

Смѣю ли я... разрушать...

Евлалія.

И вы всегда будете меня любить?

Мулинъ.

Конечно, всегда... Что̀-жъ мнѣ еще?

Евлалія.

Ну, вотъ и хорошо; я очень рада. *(Задумывается. Мулинъ взглядываетъ на нее. Молчаніе.)* Знаете, объ чемъ я мечтала?

Мулинъ.

Нѣтъ, не знаю.

Евлалія.

О будущемъ. Я могу быть счастлива.

Мулинъ.

Да я не знаю, чего вамъ недостаетъ и въ настоящемъ.

Евлалія.

Чего? Счастья. Я могу быть счастлива только съ вами.

Мулинъ.

Но вѣдь это не возможно. *(Марѳа отворяетъ дверь.)*

Евлалія.

Помѣха нашему счастью — мой мужъ.

Марѳа.

Евлалія Андреевна!

Евлалія.

Что̀ тебѣ?

Марѳа.

Ко мнѣ племянница пришла, такъ дѣло есть до васъ маленькое.

Евлалія.

Подожди, Марѳа! Ужъ я тебя не одинъ разъ просила не входить, пока тебя не позовутъ.

Марѳа.

Виновата, Евлалія Андреевна. Дѣло-то у насъ не терпитъ, племянницѣ долго ждать нельзя.

Евлалія.

Нельзя входить. У насъ могутъ быть свои разговоры, которыхъ прислугѣ слушать не надо.

Марѳа.

Понимаю, Евлалія Андреевна, все понимаю. Мнѣ вѣдь только бы на два слова! Ужъ я вамъ больше не помѣшаю.

Евлалія.

Хорошо, сейчасъ; подожди немного. *(Марѳа уходитъ и остается за дверью.)* Евдокимъ Егоровичъ ужъ старъ... Мы будемъ дожидаться.

Мулинъ.

Чего?

Евлалія.

Ему жить не долго.

Мулинъ.

Какъ вы объ этомъ легко говорите!

Евлалія.

Я не желаю смерти Евдокиму Егоровичу; но, вы подумайте, могу ли я не только любить его, но даже имѣть къ нему хоть какую-нибудь привязанность? *(Марѳа пріотворяетъ дверь.)* Онъ купилъ меня, какъ невольницу; онъ оскорбляетъ меня недовѣріемъ, поручаетъ пьяному лакею надзоръ за мной! Жалѣть его было бы притворствомъ съ моей стороны.

Мулинъ.

Да, конечно.

Евлалія.

Значитъ, я имѣю полное право мечтать о счастіи съ вами. Вы мой... если не теперь, такъ въ будущемъ.

Мулинъ.

Да, развѣ въ будущемъ. Ну, вотъ я кончилъ. *(Встаетъ.)* До свиданія, Евлалія Андреевна! *(Цѣлуетъ руку Евлаліи.)*

Евлалія *(цѣлуетъ Мулина).*

Такъ мы будемъ ждать, и вы, и я?

Мулинъ.

Будемъ, будемъ! *(Уходитъ. Евлалія звонитъ въ колокольчикъ. Входитъ Марѳа.)*

ЯВЛЕНІЕ ВОСЬМОЕ.

Евлалія *и* Марѳа.

Марѳа.

Здѣсь, Евлалія Андреевна, здѣсь.

Евлалія.

Что̀ тебѣ нужно?

Марѳа.

Племянницу мы просватали. Ну, разумѣется, такъ какъ я ей тетка, такъ и должна помочь насчетъ приданаго.

Евлалія.

Ну, конечно.

Марѳа.

Такъ вотъ она за этимъ за самымъ и пришла.

Евлалія.

Такъ что̀ же, я-то зачѣмъ вамъ?

Марѳа.

Да, помилуйте, Евлалія Андреевна, какіе же мои достатки! Изъ чего мнѣ?

Евлалія.

Дай, что̀ можешь; вѣдь всякій помогаетъ, глядя по состоянію.

Марѳа.

Мало-то дать стыдно. Хоть бы роднѝо нашу взять, вѣдь они тоже понимаютъ, въ какомъ я домѣ служу.

Евлалія.

Ну, и я тебѣ помогу; я дамъ десять рублей. Евдокиму Егоровичу скажу; онъ никогда не отказываетъ бѣднымъ невѣстамъ.

Марѳа.

Покорнѣйше васъ благодарю, Евлалія Андреевна. Евдокимъ Егорычъ точно никогда бѣднымъ невѣстамъ не отказываютъ; только вѣдь у нихъ положеніе извѣстное: пятнадцать рублей... Конечно, такъ какъ я давно служу, можетъ, и двадцать пять пожалуютъ.

Евлалія.

И очень хорошо; чего-жъ еще?

Марѳа.

Да, помилуйте, Евлалія Андреевна, того ли я, за мою вамъ службу, ожидать должна?

Евлалія.

Да вѣдь ты за свою службу жалованье получаешь.

Марѳа.

Жалованье-жалованьемъ, это ужъ положо́ное; я за свое жалованье все вамъ исполняю, что̀ должно и къ чему я приставлена; но, окромя всего этого, моя къ вамъ приверженность...

Евлалія.

Какая приверженность?

Мареа.

Да бѣгать-то по городу, про разныхъ кавалеровъ разыскивать; нешто-бъ я для кого другого, кромѣ васъ, это сдѣлала!

Евлалія.

По какому городу бѣгать, про какихъ кавалеровъ разыскивать?

Мареа.

Да какъ же ихъ... ну, хоть бы Артемія Васильича, назвать? Обыкновенно для учтивости кавалерами называешь.

Евлалія.

Зачѣмъ ты объ Артеміи Васильевичѣ говоришь, скажи мнѣ?

Мареа.

Значитъ, все даромъ, всѣ мои потрафленія для васъ?

Евлалія.

Боже мой, что̀ ты говоришь?

Мареа.

Да какъ же, Евлалія Андревна, я не служу? Значитъ, не ублажила васъ? Покорнѣйше васъ благодарю. А вы еще того не знаете: когда онъ тутъ у васъ, что я какъ листъ дрожу. Да Боже сохрани, кто доведетъ барину... А ужъ вы тутъ за мной, все равно какъ за каменной стѣной, можете равнодушно, какъ душѣ угодно... потому я васъ берегу. Я на себѣ это самое потрясеніе переношу; вѣдь отъ страху-то все равно какъ ознобъ...

Евлалія.

Какой ознобъ?

Мареа.

А вы думаете, легко? Только что, конечно, бѣдность наша непокрытая заставляетъ, а то бы, кажется, никакихъ милліоновъ не взялъ...

Евлалія.

Да за что̀? Развѣ я что̀ дурное заставляю тебя дѣлать?

Мареа.

Да вѣдь и хорошимъ назвать нельзя. Обыкновенное дѣло, корысть насъ заставляетъ: я такъ и ожидала, что вы мнѣ рубликовъ полтораста пожалуете. Оттого и племянницу просва-

тали, а то гдѣ-бъ намъ взять? Теперь, первымъ долгомъ, жениху на сговорѣ надо сотельную дать.

Евлалія.

Да скажи ты мнѣ, что̀ ты обо мнѣ думаешь, въ чемъ ты меня подозрѣваешь?

Мароа.

Какъ мы смѣемъ подозрѣвать? Наша обязанность — исполнять, что̀ прикажутъ.

Евлалія.

Что̀ же я тебѣ приказывала?

Мароа.

Да вѣдь это какъ вамъ угодно, Евлалія Андреевна; хотите мою службу ни во что̀ поставить, такъ поставьте. Развѣ я смѣю требовать; у насъ ря́ды не было. Черезъ меня, вы, при своемъ богатствѣ, всякое удовольствіе и утѣшеніе себѣ видѣли; такъ вамъ меня, бѣднаго человѣка, забывать тоже не хорошо. Бѣгать-то по городу сыщикомъ, гдѣ у него невѣста, да какая невѣста, да что̀ гдѣ говорили, да какъ приняли!... Это, я вамъ скажу, въ какой домъ налетишь! Изъ другого такъ-то по затылку, по всему двору до самой калитки, проводятъ, что своихъ не узнаешь. Опять же къ нему съ утра до поздней ночи бѣгаешь — бѣгаешь: скоро-ль придетъ, да когда придетъ, да чтобъ безпремѣнно пришелъ! Все это хорошо, у кого ноги молодыя да шея крѣпка; а у меня ужъ ноги-то второй срокъ выслужили, да и стыдъ въ глазахъ есть. Не по моимъ бы лѣтамъ такимъ художествомъ заниматься!

Евлалія.

Ну, довольно! Ты дѣлала лишнее, я тебѣ и прибавляю къ жалованью десять рублей. Больше я говорить съ тобой не хочу.

Мароа.

Это опять-таки ваша воля. Только я нанималась къ Евдокиму Егорычу служить вѣрой и правдой, а, замѣсто того, должна ваши прихоти прикрывать.

Евлалія.

Замолчи, говорю я тебѣ!

Мароа.

Замолчать можно... Только и бѣдныхъ людей пожалѣть слѣдуетъ.

Евлалія.

Я тебя прогоню.

Марѳа.

Ну, прогнать за чтд же? Это еще погодить надо! Кабы я къ вамъ нанималась, вы бы меня и прогнать вольны были, а я нанималась къ Евдокиму Егорычу; еще какъ онъ насъ съ вами разсудитъ!

Евлалія *(сквозь слезы)*.

Такъ иди ты къ своему Евдокиму Егоровичу и не смѣй меня больше безпокоить. *(Уходитъ.)*

Марѳа.

Ужъ чтд-то вы некстати очень высоко летаете, Евлалія Андреевна! Можно вамъ крылья-то и ошибить. *(Входитъ Миронъ.)*

ЯВЛЕНІЕ ДЕВЯТОЕ.

Марѳа *и* Миронъ.

Марѳа.

Чтд вы, Миронъ Липатычъ?

Миронъ.

Въ разстройствѣ.

Марѳа.

У ворожеи были?

Миронъ.

Былъ.

Марѳа.

Чтд же она вамъ сказала?

Миронъ.

„Скажу, говоритъ, я тебѣ вѣрно; только трудно будетъ мои слова понимать“.

Марѳа.

Ну, и чтд же?

Миронъ.

„Думай, говоритъ, на рябоватаго, а помогалъ весноватый“.

Марѳа.

Какъ же вы объ этомъ разсуждаете?

Миронъ.

Да чтд, Марѳа Севастьяновна, если разсуждать правильно, такъ мнѣ ужъ только одно средство осталось.

Марѳа.

Какое же, Миронъ Липатычъ?

Миронъ.

Повѣситься.

Марѳа.

Ну, что̀ это вы? Какое это средство? Самое плохое.

Миронъ.

Я думаю, отсюда прямо на чердакъ. Какъ вы посовѣтуете?

Марѳа.

Въ этакомъ дѣлѣ совѣтовать довольно мудрено, Миронъ Липатычъ; каждый самъ долженъ о себѣ знать, какъ ему лучше.

Миронъ.

Удавлюсь, шабашъ!

Марѳа.

Ваше дѣло. Только если бы вамъ, вмѣсто гадалки, мнѣ поклониться, такъ я бы вамъ вашу пропажу скорѣй нашла.

Миронъ.

А вы думаете, не поклонюсь? И поклонюсь, и сто разъ поклонюсь. Какъ до петли дойдетъ, всякому поклонишься, Марѳа Севастьяновна.

Марѳа.

Ваша пропажа изъ дому не выходила.

Миронъ.

Какъ? Здѣсь? Батюшки мои! Гдѣ же?

Марѳа.

И даже очень недалеко, и даже въ сосѣдней комнатѣ.

Миронъ.

Въ гостиной? Да вѣдь я тамъ всѣ мышьи норки обшарилъ.

Марѳа.

Въ шахматномъ столикѣ.

Миронъ.

Да вѣдь онъ запертъ?

Марѳа.

Запертъ, и ключъ у Евдокима Егорыча, а сигарочница тамъ.

Миронъ.

Кто-жъ ее туда положилъ?

Мареа.

Я.

Миронъ.

Ну, не змѣя ли вы подколодная послѣ этого, Мареа Севастьяновна?

Мареа.

Мы люди подневольные, Миронъ Липатычъ; что̀ прикажутъ, то и дѣлай. Мы за то жалованье получаемъ; нанялся — продался.

Миронъ.

Кто-жъ это приказалъ вамъ?

Мареа.

Стало-быть, кто-нибудь васъ съ мѣста сживаетъ, кому-нибудь вы мѣшаете.

Миронъ.

Такъ вѣдь, окромя Евлаліи Андреевны, некому.

Мареа.

Само собой; развѣ-бъ я чьего другого приказа послушалась?

Миронъ.

Въ чемъ же я ей помѣха? Развѣ антрыги завелись?

Мареа.

Ну, ужъ сами понимайте, какъ знаете.

Миронъ.

Какъ же это я? Проглядѣлъ вѣдь! Эка слабость моя! Одолѣла она меня, проклятая! Вотъ бы когда глаза-то нужны, а я ихъ залилъ, что свѣта не вижу, что̀ день, что̀ ночь не разберу. И таки въ сурьезъ дѣло, али можетъ такъ, только время продолжаютъ?

Мареа.

Оно, конечно, что пустяки. Ну, вѣдь наше дѣло такое: знаете, что иногда ненарокомъ и за дверью случиться, когда они промежъ себя разговариваютъ.

Миронъ.

Д-да, да, да.

Марѳа.

Такъ если по разговорамъ судить, ничего важнаго не состоитъ. А вѣдь кому какъ покажется.

Миронъ.

Вы мнѣ только разговоры-то эти скажите, а ужъ я пойму, я сейчасъ все до тонкости...

Марѳа.

Разговоры вотъ какіе, Миронъ Липатычъ: „другъ ты мой милый, другъ ты мой любезный, одна у насъ съ тобой помѣха — мужъ мой постылый“.

Миронъ.

Ая-я-я-яй! *(Хватаясь за голову.)* Ая-я-я-яй!

Марѳа.

„Нѣтъ, говоритъ, на него пропасти“.

Миронъ.

Однако... закуска!

Марѳа.

Ну, и много такого прочаго. И, при всемъ этомъ, яду у меня просила.

Миронъ.

Уфъ! Сразили вы меня. Погодите! Духъ захватываетъ. Какого же, напримѣръ, яду?

Марѳа.

Отравы, чѣмъ волковъ травятъ. Какъ ходила я въ аптеку къ племяннику отравы для мышей попросить, вотъ и прознала она это. „Дай, говоритъ, ты, пожалуй, отравишь, а у меня сохраннѣе будетъ“- Ну, я сейчасъ же и поняла.

Миронъ.

Ого-го-го-го! Фу, ты, оглашенный Мирошка! Охъ, какъ бить меня нужно! Что̀ я прозѣвалъ-то было! Вотъ когда Евдокиму-то Егорычу вѣрный человѣкъ нуженъ. А вы говорите: „пустяки, да важности въ этомъ не состоитъ“.

Марѳа.

Какимъ глазомъ это посмотришь. На мой взглядъ, пустяки, а другой кто, можетъ, и за важное приметъ. Я что̀ слышала, то и передаю вамъ. А я такъ думаю, что мы тутъ ни при чемъ, наше дѣло постороннее.

Миронъ.

Нѣтъ, ужъ какое постороннее! Я насилу на ногахъ устоялъ, какъ вы сказали; такъ и сразило. И теперь еще въ настоящія чувства не приду. Не одолжите ли гривенничекъ взаймы?

Марѳа.

На что̀ вамъ, Миронъ Липатычъ?

Миронъ *(вынувъ табакерку).*

Провіанту не хватаетъ; всего заряда на два осталось.

Марѳа.

Нѣтъ у меня, Миронъ Липатычъ; развѣ-бъ я отказала?

Миронъ.

Скупитесь. Ахъ, постойте!... И забылъ совсѣмъ. А кто-жъ онъ-то, другъ-то любезный?

Марѳа.

Ну, ужъ этого вы отъ меня не дождетесь; и такъ я вамъ много сказала, чего не надо. Вы надъ нами наблюдателемъ поставлены, вы должны сами знать.

Миронъ.

Не скажете?

Марѳа.

Не скажу, Миронъ Липатычъ; своимъ умомъ доходите. *(Уходитъ въ залу.)*

Миронъ.

Сколь ехидна эта женщина! Все разсказала, а какъ дошло до сути, такъ и молчитъ. Какъ теперь объяснить Евдокиму Егорычу? А докладывать надо безпремѣнно. Уголовщина! Судъ да дѣло, пойдетъ слѣдствіе, въ острогѣ насидишься. Бѣда. Нѣтъ, ужъ какъ сумѣю, а доложу. Куражу бы прикупить хоть на гривенничекъ! Вотъ когда человѣку гривенничекъ-то дороже каменнаго моста.

Занавѣсъ.

ДѢЙСТВІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

ЛИЦА:

Стыровъ.
Евлалія Андреевна.
Кобловъ.
Софья Сергѣевна.
Мулинъ.
Марѳа.
Миронъ.

Декорація перваго дѣйствія.

ЯВЛЕНІЕ ПЕРВОЕ.

Миронъ *(одинъ).*

Ну, вотъ я теперь могу разглагольствовать. Я теперь во всемъ развязенъ. Ужъ я думалъ, думалъ... Нѣтъ, надо поберечь Евдокима Егорыча... Хорошій баринъ, хорошій... Чтобъ я допустилъ! Нѣтъ, погодите! Не допущу. Ишь что̀ выдумали, а! Отравить!... Скажите на милость. Это шутки плохія... Сообразное ли дѣло отравить человѣка хорошаго, барина моего, Евдокима Егорыча, отравить, какъ крысу какую! Нѣтъ, шалишь! Разорвусь, а барина своего не выдамъ... Выведу, все на свѣжую воду выведу. Да вотъ онъ никакъ подъѣхалъ... Ну, тамъ отопрутъ безъ меня: я теперь не при должности — отставной козы барабанщикъ — не мое дѣло. А мы еще посмотримъ!.. Вотъ пусть онъ и пойметъ, какого онъ слугу было обидѣлъ!... Нѣтъ, вѣрные-то слуги нынче рѣдкость, ихъ цѣнить надо... Ну, такъ точно, это онъ, его походка. *(Дѣлаетъ печальную мину и становится у двери. Входитъ Стыровъ.)*

ЯВЛЕНІЕ ВТОРОЕ.

Стыровъ *и* Миронъ.

Стыровъ.

Ты еще здѣсь?

Миронъ.

Здѣсь, Евдокимъ Егорычъ, здѣсь я, на стражѣ стою, какъ есть я вѣрный рабъ вашего здоровья.

Стыровъ.

Не нужно мнѣ твоего рабства, ступай! Я повторять приказаній не люблю.

Миронъ.

Но позвольте!... Но пожалуйте сюда! *(Подходитъ къ шахматному столу и указываетъ на него пальцемъ.)*

Стыровъ.

Чтò такое? Ты пьянъ? Поди вонъ!

Миронъ.

Но извольте отпереть. Пьянъ... ну, пущай пьянъ... все перенесу, все... Я, можетъ, и не пьянъ... Извольте отпереть!

Стыровъ *(отпираетъ столъ и вынимаетъ портсигаръ).*

Какъ онъ сюда попалъ? *(Миронъ вынимаетъ платокъ и, молча, утираетъ слезы.)* Да говори же, чтò это значитъ?

Миронъ *(плача).*

Сживаютъ, съ мѣста меня сживаютъ.

Стыровъ.

Кто, кому нужно?

Миронъ.

Евлалія Андреевна.

Стыровъ.

Чтò за вздоръ такой?

Миронъ.

Вотъ... хоть сейчасъ... съ колокольнымъ звономъ.

Стыровъ.

Да чтò съ тобой говорить; ты пьянъ! Пошелъ вонъ!

Миронъ.

Пущай, пьяный; но вѣрный рабъ вашъ... по гробъ дней моихъ... сейчасъ ведите казнить... на мелкія части...

Стыровъ *(хватаясь за голову).*

Чтò такое?... Я понять не могу.

Миронъ *(падая на колѣна).*

Батюшка, отецъ нашъ... не жить вамъ! Извести васъ хотятъ, Евдокимъ Егорычъ... Изведутъ васъ, отецъ нашъ!.. На кого мы, бѣдные, останемся?..

Стыровъ *(строго).*

Молчи! Встань и говори тихо и толкомъ, или убирайся!

Миронъ *(встаетъ).*

Тихо, очень тихо... это извольте... *(Оглядывается.)* Что̀ тутъ было, что̀ тутъ было... Ахъ!

Стыровъ.

Да что̀ же, что̀? Дождусь ли я отъ тебя?

Миронъ.

Изведемъ, говоритъ, его: онъ — наша помѣха... Это про васъ-то.

Стыровъ.

Да кто̀ говоритъ-то?

Миронъ.

Евлалія Андреевна. Припасена, говоритъ, у меня отрава; вотъ мы его и отравимъ.

Стыровъ.

Какая отрава?

Миронъ.

Обыкновенная, чѣмъ волковъ травятъ. А онъ говоритъ: „и расчудесное дѣло“.

Стыровъ.

Да кто онъ-то?

Миронъ *(вздыхаетъ).*

Охъ! *(Таинственно.)* Неизвѣстный человѣкъ.

Стыровъ.

Господи! Что̀ онъ говоритъ? Невозможно! Да понимаешь ли ты, что съ тобой невозможно разговаривать? Бывалъ онъ здѣсь?

Миронъ.

И утромъ, и вечеромъ, и въ ночь, и за полночь.

Стыровъ.

Какой онъ изъ себя?

Миронъ *(подумавъ).*

Рябоватый.

Стыровъ.

Только? Да еще-то какой?

Миронъ.

Рябоватый — это вѣрно; такъ и сказано, что рябоватый.

Стыровъ.

Такъ ты самъ не видалъ? Тебѣ сказано. Ктò-жъ тебѣ сказалъ?

Миронъ.

Бабка-гадалка. Это ужъ вѣрно; такъ и сказала: думай, говоритъ, на рябоватаго! Ну... я и думаю.

Стыровъ.

Невозможно! Убирайся! Я себѣ простить не могу, что связался разговаривать съ тобой. Только ты меня разстроилъ. Убирайся, и чтобъ я тебя не видалъ.

Миронъ.

Вотъ такъ, вотъ хорошо, вотъ ужъ покорно благодарю! За мою-то службу? Не того я, признаться, ожидалъ отъ васъ, Евдокимъ Егорычъ. Все вѣрно, все очень вѣрно, а чтò насчетъ яду, такъ извольте сейчасъ у Марѳы Севастьяновны спросить.

Стыровъ.

Позови Марѳу!

Миронъ.

Да-съ; коли вы мнѣ не вѣрите, что я тутъ, можетъ быть, всю свою утробу полагалъ, такъ я позову вамъ Марѳу. Сейчасъ всю вѣрность мою, какъ на ладони, увидите! *(Уходитъ.)*

Стыровъ.

Какъ бы я желалъ, чтобъ вся эта исторія оказалась самымъ глупымъ вздоромъ! Это былъ бы отличный урокъ для меня. Связываться съ прислугой мнѣ и сначала казалось не очень приглядномъ, а теперь ужъ выходитъ чтò-то и вовсе гадкое. Вонъ Миронъ считаетъ мою жизнь въ опасности и утробу свою за меня полагаетъ; такъ ужъ когда ему чистотой заниматься, до того ли! Нѣтъ, гадко очень. *(Входятъ Миронъ и Марѳа.)*

ЯВЛЕНІЕ ТРЕТЬЕ.

Стыровъ, Миронъ *и* Марѳа.

Стыровъ.

Какой тутъ у васъ ядъ? Мнѣ Миронъ говорилъ какія-то глупости, которыхъ понять никакъ нельзя.

Марѳа.

Что̀-жъ! ежели ужъ вамъ извѣстно, такъ я молчать не должна. Сама-то я давеча сказать вамъ не посмѣла.

Стыровъ.

Чего не посмѣла? Отчего не посмѣла?

Марѳа.

Оттого и не посмѣла, что ума у насъ нѣтъ: сболтнешь сдуру-то, а потомъ окажется, что не такъ; ты же останешься виновата.

Стыровъ.

Да какой ядъ, зачѣмъ онъ попалъ въ домъ?

Марѳа.

Ужъ вы меня извините, Евдокимъ Егорычъ; ядъ этотъ самый я въ домъ принесла... Только вѣдь я не знала и даже вздумать не могла... Я принесла его для домашней надобности, а Евлалія Андреевна у меня его отобрала. Стало-быть, онъ имъ нужнѣе.

Стыровъ.

Да на что̀ же ей ядъ?

Марѳа.

Онѣ мнѣ этого не говорили. Промежъ себя они, конечно, разговариваютъ и даже нисколько не стѣсняются... Только это не наше дѣло.

Стыровъ.

Объ чемъ же они промежъ себя разговариваютъ?

Марѳа.

Да развѣ у меня языкъ поднимется; да, кажется, ни въ жизнь!

Стыровъ.

„Промежъ себя“. Съ кѣмъ она разговаривала?

Марѳа.

Вся воля ваша, Евдокимъ Егорычъ; а какъ я въ свою жизнь доносчицей не была, такъ и теперь вы отъ меня доносовъ никакихъ не дождетесь. Ужъ это, пущай, кто другой, но не я.

Миронъ *(Марѳѣ).*

Да что̀ вы ломаетесь? Вѣдь онъ весноватый.

Марѳа.

Кто весноватый? Вовсе нѣтъ, неправда ваша.

Миронъ.

Да, и то, чтò я? Языкъ-то одинъ, проболтаешься... Рябоватый, я говорю.

Марѳа.

Все вы зря говорите, Миронъ Липатычъ; совсѣмъ у нихъ чистое лицо. Только я вамъ докладываю, Евдокимъ Егорычъ: служила я вамъ и всегда готова служить вѣрой и правдой, а доносить на барыню я никогда не согласна. Я такъ считаю, что это низко. Да вотъ — Евлалія Андреевна сами идутъ, извольте у нихъ спросить, а намъ, чѣмъ дальше отъ грѣха, тѣмъ гораздо покойнѣе.

Стыровъ.

Хорошо, ступайте! *(Миронъ и Марѳа уходятъ. Входитъ Евлалія.)*

ЯВЛЕНІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

Стыровъ *и* Евлалія.

Евлалія.

Кóбловы чтò-то не ѣдутъ.

Стыровъ.

Они обѣщали рано пріѣхать, часу въ восьмомъ.

Евлалія.

Значитъ, скоро?

Стыровъ.

Сейчасъ, я думаю. А я, послѣ обѣда, успѣлъ еще два визита сдѣлать. *(Молчаніе.)* Я еще и не поговорилъ съ тобой по душѣ послѣ пріѣзда.

Евлалія *(садясь).*

Объ чемъ?

Стыровъ.

Какъ ты тутъ поживала, не скучала ли безъ меня?

Евлалія.

Нѣтъ, не скучала.

Стыровъ.

Навѣщали тебя, были у тебя гости?

Евлалія.

Нѣтъ, кромѣ Артемія Васильевича и Софьи Сергѣевны, никого не было.

Стыровъ.

Никого?

Евлалія.

Никого.

Стыровъ.

Можетъ быть, былъ кто-нибудь изъ старыхъ знакомыхъ?

Евлалія.

Изъ какихъ старыхъ?

Стыровъ.

Изъ тѣхъ, которые были съ тобой прежде знакомы, до замужества.

Евлалія.

Кто былъ со мной знакомъ? Никто, точно такъ же, какъ и теперь. Жила въ неволѣ и опять въ неволѣ живу. Чтȯ за странные вопросы? Если вамъ нужно знать, кто бывалъ у меня, спросите прислугу, которой вы платите за то, чтобъ она за мной подсматривала.

Стыровъ.

Какъ тебѣ не стыдно? Чтȯ ты говоришь?

Евлалія.

Да, стыдно, дѣйствительно стыдно; да чтȯ-жъ мнѣ дѣлать-то? Мнѣ еще стыднѣе было, когда ваша прислуга просила съ меня полтораста рублей за то, чтобъ доложить вамъ, что безъ васъ я вела себя скромно и прилично.

Стыровъ *(хватаясь за голову)*.

Ахъ! Чтȯ такое? Чтȯ за мерзости?

Евлалія.

Я не хотѣла подкупать ихъ; пусть они говорятъ правду. Подите, разговаривайте съ ними! *(Встаетъ.)*

Стыровъ.

Евлалія, ты сердишься?

Евлалія.

Нѣтъ, не сержусь. То, чтȯ я чувствую, я не могу объ-

яснить вамъ; вы не поймете. Чтобъ понять мое горе, нужно имѣть хоть нѣсколько деликатности въ чувствахъ. У васъ ея нѣтъ. Зачѣмъ я буду съ вами говорить? Развѣ я могу найти состраданіе къ моему горю въ душѣ человѣка, который шепчется потихоньку въ передней съ пьянымъ лакеемъ?

Стыровъ.

Евлалія, пощади, не казни меня! Какое твое горе? Вѣдь виноватъ въ твоемъ горѣ могу быть только я.

Евлалія.

Да развѣ это не горе: быть совершенно одинокой? Отца я едва помню; мать — директриса женскаго учебнаго заведенія: она всю жизнь была моей гувернанткой, а не матерью. Остаетесь вы, мужъ... Ну, я не знаю ничего, не понимаю, ну, я глупенькая совсѣмъ институтка!... Такъ вѣдь не мучить меня за это, а пожалѣть надо. А вы, вмѣсто того, чтобъ руководить меня въ жизни, быть мнѣ вмѣсто отца, нанимаете шпіоновъ подсматривать за мной. Ахъ, подите прочь, пожалуйста!

Стыровъ.

Евлалія, ты не такъ поняла мои распоряженія, или тебѣ ихъ не такъ передали. Я приказалъ беречь тебя, заботиться о тебѣ; за тобой нужно ухаживать, какъ за маленькимъ ребенкомъ. Ты не имѣешь никакого понятія объ жизни и, если не доглядѣть за тобой, твои ребячества могутъ имѣть дурныя и даже опасныя послѣдствія. Вотъ, напримѣръ, какой у тебя ядъ, и зачѣмъ онъ тебѣ?

Евлалія.

Какъ мнѣ жалко васъ! Лгать, прибѣгать къ уверткамъ... Какъ это должно быть тяжело и стыдно въ ваши лѣта! Ядъ! И объ ядѣ вамъ доложили? Такъ не меня берегли ваши надзиратели, а я берегла себя и ихъ. Я взяла ядъ у Марѳы изъ рукъ и убрала его, чтобъ она, по своей небрежности, не отравила насъ или кого-нибудь. Только потомъ я догадалась, что этотъ ядъ можетъ быть мнѣ нуженъ.

Стыровъ.

Значитъ, я правъ, Евлалія. Ну, развѣ не ребячество то, что̀ ты говоришь? Зачѣмъ тебѣ ядъ?

Евлалія.

А вотъ вы сейчасъ узнаете, ребячество это или нѣтъ? Вѣдь могу же я когда-нибудь въ жизни встрѣтить и полюбить хорошаго человѣка, который стоитъ любви? Вѣдь это можетъ случиться? Пусть моя любовь будетъ преступна въ вашихъ глазахъ; но вѣдь я буду лелѣять ее въ своей груди, буду беречь ее. Она мнѣ будетъ дорога... поймите меня! Я полюбила и почувствовала себя женщиной, а до тѣхъ поръ я считала себя куклой! Я буду таить эту любовь, какъ сокровище, буду беречь ее не только отъ осужденія, но даже отъ самаго теплаго дружескаго участія; ужъ и оно мнѣ покажется оскорбленіемъ моей святыни. И вдругъ, эта лелѣянная, береженная дѣвственнымъ чувствомъ тайна волочится, треплется отъ передней и кухни до кабинета моего мужа! Вотъ тогда мнѣ нуженъ ядъ для того, чтобъ на загрязненной очной ставкѣ съ прислугой умереть съ улыбкой счастья на лицѣ.

Стыровъ *(цѣлуя руки Евлаліи)*.

Евлалія, виноватъ, виноватъ; но не терзай же, не казни меня такъ!

Евлалія.

Успокойтесь, до этого дѣло не дойдетъ; оно кончится проще. Я не могу жить съ вами. Я пойду въ гувернантки, въ сельскія учительницы, но здѣсь жить не останусь. Ищите себѣ за ваши деньги другую женщину. Я и такъ виновата передъ собой, что безъ любви вышла за васъ, я должна поправить этотъ проступокъ. И ужъ теперь я не возьму никакихъ милліоновъ, чтобъ возвратиться къ вамъ.

Стыровъ.

Я тебѣ и не предложу милліоновъ, Евлалія; я предложу другое, что̀, можетъ быть, тебѣ покажется дороже.

Евлалія.

Что̀ же?

Стыровъ.

Полную свободу.

Евлалія *(удивленная)*.

Свободу? Ахъ! Это что̀-то хорошее... Я ея не знала съ дѣтства... Ахъ, погодите! Я и рада, и путаюсь въ мысляхъ...

Что̀ это такое? Это новое... Я еще цѣны ему не знаю... Погодите, я подумаю.

Стыровъ.

Что я люблю тебя очень, въ этомъ ты сомнѣваться не должна; только выражалъ-то я свою любовь пошло: подарками. Я съ самаго начала долженъ былъ дать тебѣ свободу и оказать полное довѣріе. Вотъ въ чемъ моя ошибка или вина, какъ тебѣ угодно.

Евлалія.

И вы это говорите серьезно?

Стыровъ.

Я всегда говорю серьезно.

Евлалія.

Я отъ васъ никакъ ожидать не могла.

Стыровъ.

Я, вѣдь, не дурной человѣкъ, а только слабый и безхарактерный: я подчинялся чужому вліянію, послушался чужихъ совѣтовъ. Я очень люблю тебя и желаю, чтобы ты была совершенно счастлива — я только не сообразилъ, что безъ свободы нѣтъ счастья для женщины.

Евлалія.

И я совершенно свободна?

Стыровъ.

Совершенно. Я велю великолѣпно отдѣлать твои комнаты; живи полной хозяйкой на своей половинѣ, имѣй свою прислугу, принимай, кого хочешь, выѣзжай, когда и куда угодно.

Евлалія.

И вы не шутите?

Стыровъ.

Нисколько не шучу. Я ни въ твои распоряженія, ни въ твои дѣла мѣшаться не буду; я только тогда подамъ свой голосъ, когда ты сама попросишь моего совѣта.

Евлалія.

Я не знаю, смѣяться мнѣ или плакать отъ радости. Вы — благородный человѣкъ.

Стыровъ.

Напрасно ты сомнѣвалась въ этомъ.

Евлалія *(жметъ руку Стырова).*

Благодарю, благодарю! Я еще не могу опомниться.

Стыровъ *(обнимая Евлалію).*

Ахъ, ты, бѣдная моя жонка! Сиротлива ты, я вижу. Спасибо, что высказалась. Можетъ быть, и много еще у тебя на душѣ, да прячешь ты, со мной не подѣлишься. Не пара я тебѣ. Живи, пользуйся жизнью, а коли горе какое случится, или обидитъ кто, такъ приходи ко мнѣ, приласкаю, какъ умѣю.

Евлалія.

Ахъ, какъ я счастлива! У меня теперь будетъ и хорошій отецъ, и...

Стыровъ.

И кто?

Евлалія *(сконфузившись).*

Я хотѣла сказать... Ахъ, вонъ, кажется, подъѣхалъ кто-то! Не Софья ли Сергѣевна?

Стыровъ.

И кто же еще, Евлалія?

Евлалія.

Ну, мужъ, разумѣется... а то кто-жъ? *(Убѣгаетъ въ залу.)*

Стыровъ.

Что̀-жъ это значитъ: „у меня добрый отецъ и...“? Не договорила и сконфузилась... Добрый отецъ и еще-то кто же? Неужели хорошій любовникъ? А вотъ посмотримъ, посмотримъ... Коли, въ самомъ дѣлѣ, хорошъ, такъ нечего дѣлать... *(Входитъ Кобловъ.)*

ЯВЛЕНІЕ ПЯТОЕ.

Стыровъ *и* Кобловъ.

Стыровъ *(задумчиво).*

Здравствуйте, Никита Абрамовичъ! *(Подаетъ руку.)*

Кобловъ.

Что̀ вы задумались? Объ чемъ философствуете?

Стыровъ.

Думаю, гадаю...

Кобловъ.

О чемъ?

Стыровъ.

Нѣтъ ли такой вѣрной примѣты, по которой бы можно было догадаться — влюблена женщина, или нѣтъ?

Кобловъ.

Позвольте! *(Подумавъ.)* Одна примѣта есть вѣрная.

Стыровъ.

Какая?

Кобловъ.

Если женщина имѣетъ влеченіе къ картамъ, такъ не влюблена.

Стыровъ.

Къ картамъ?

Кобловъ.

Да. Ну, азартныя игры: рамсы, стуколки, я еще не считаю вѣрной примѣтой, а какъ начала довольно старательно играть въ винтъ, такъ баста — конецъ всѣмъ амурамъ.

Стыровъ.

Да почему же?

Кобловъ.

Да нельзя влюбленной въ эту игру играть: она, того гляди, ренонсъ сдѣлаетъ, либо своего туза козыремъ покроетъ. Съ такой никто играть не станетъ.

Стыровъ.

Да, правда ваша.

Кобловъ.

Недавно одинъ мой знакомый началъ сомнѣваться насчетъ жены: „стала, говоритъ, задумываться, что̀-то шептать про себя, стала бредить по ночамъ... Ну, думаю, говоритъ, бѣда: влюбилась въ кого-нибудь, либо идеи какія вредныя забрала въ голову — конецъ моему спокойствію. Сталъ, говоритъ, я прислушиваться; слышу, бормочетъ: тузъ самъ-другъ, король самъ-третей, дама, валетъ самъ-пятъ. Тутъ я обѣими руками перекрестился: ну, думаю, матушка, на настоящую ты линію попала; теперь мужу можно спать спокойно“.

Стыровъ.

Да, кабы Богъ далъ!... Покойно, очень покойно.

Кобловъ.

Винтъ — игра хорошая для женщинъ: во-первыхъ, серьезная, ни о чемъ другомъ думать не позволяетъ; во-вторыхъ, занимательная, не видишь, какъ время идетъ. Часовъ до трехъ — до четырехъ утра она, милая, проиграетъ, потомъ спитъ цѣлый день, а къ вечеру опять забота, какъ бы партію составить.

Стыровъ.

Ужъ чего бы лучше! Пойдемте-ка, пока партнеры-то не съѣхались, просмотримъ биржевую хронику. *(Уходятъ въ кабинетъ. Входятъ Евлалія и Софья.)*

ЯВЛЕНІЕ ШЕСТОЕ.

Евлалія *и* Софья.

Софья.

Что̀ съ вами? Съ чѣмъ васъ поздравить? Вы такъ сіяете.

Евлалія.

Кабы вы знали, сколько я перенесла сегодня! Сначала непріятности отъ прислуги; они наплели на меня разныя глупости мужу...

Софья.

Сами виноваты. Прислугѣ надо платить. Это составляетъ довольно значительный расходъ для женщины, у которой есть что̀ скрывать отъ мужа. Я плачу всѣмъ, даже и кучеру, и плачу очень дорого. Хорошо, что у меня мамаша очень богатая женщина и ни въ чемъ мнѣ не отказываетъ, а то хлопотъ было бы довольно. Чѣмъ же у васъ эта исторія кончилась?

Евлалія.

Кончилась совершенно неожиданно для меня. Я разгорячилась, разстроилась... Ну, конечно, вѣдь это обидно... Я высказала мужу все, что̀ у меня на-кипѣло на душѣ.

Софья.

Что̀ же онъ?

Евлалія.

Онъ и самъ растрогался... Онъ, должно быть, любитъ меня. Онъ сказалъ: „съ этихъ поръ живи на своей половинѣ, полной хозяйкой, какъ тебѣ угодно; я въ твои дѣла мѣшаться не буду“.

Софья.

Какой милый! просто прелесть!

Евлалія.

Я теперь жду — не дождусь одного человѣка, чтобъ подѣлиться съ нимъ моей радостью: мы теперь можемъ видаться безъ всякаго стѣсненія.

Софья.

Да зачѣмъ вамъ этого одного человѣка? У васъ мужъ такой милый, такой благородный!

Евлалія.

Да, дѣйствительно, благородный и добрый человѣкъ.

Софья.

При такомъ мужѣ, да еще „одинъ человѣкъ“ — это излишняя роскошь. Мнѣ простительно; мнѣ никакъ нельзя мужа любить, рѣшительно не за что̀, придраться не къ чему, ни одной хорошей стороны не найдешь, а любить нужно, любить хочется. А вамъ я завидую; вамъ, право, очень можно мужа любить.

Евлалія.

Я и не спорю: онъ хорошій человѣкъ; но это не мой идеалъ. Мнѣ съ нимъ скучно.

Софья.

А коли онъ хорошій, такъ и слѣдуетъ его любить за это; а отъ скуки, для развлеченія, начните играть въ карты, учитесь въ винтъ.

Евлалія.

Ахъ, нѣтъ, что̀ вы! Это такая проза, можно совсѣмъ опошлиться.

Софья.

Отъ добра, добра не ищутъ. Да я и не знаю, право; здѣсь лучше вашего мужа и не найдешь...

Евлалія.

Нѣтъ, не говорите! Есть одинъ... идеальный молодой человѣкъ... въ немъ все...

Софья.

Не знаю, не слыхать что̀-то...

Евлалія.

Онъ молодъ, хорошъ собою, уменъ, благороденъ, поэтъ.

Софья.

Если такъ, то, дѣйствительно, идеальный.

Евлалія.

Какъ онъ меня любитъ! Только...

Софья.

А! Значитъ, и въ солнцѣ есть пятна?

Евлалія.

Обѣщаетъ иногда прійти; ждешь, ждешь его, а онъ не придетъ; а если придетъ, такъ не надолго.

Софья.

Да онъ богатъ?

Евлалія,

Небогатъ.

Софья.

Такъ надо денегъ давать ему побольше да почаще; онъ ни обманывать, ни опаздывать не будетъ, ужъ совсѣмъ идеальный сдѣлается.

Евлалія.

Денегъ! Что̀ вы? Вы его не знаете... Денегъ дать? Да это обидѣть, жестоко оскорбить его! Нѣтъ, какъ это возможно? Какъ я могу уважать его послѣ этого?

Софья.

Да зачѣмъ вамъ уважать, довольно съ васъ любить его! Кто же молодыхъ людей уважаетъ? Да и гдѣ ихъ у насъ взять такихъ, которыхъ уважать можно?

Евлалія.

Да нѣтъ, какъ это... какъ осмѣлиться предложить деньги?

Софья.

Очень просто. Купите хорошій, дорогой бумажникъ, а въ бумажникъ-то положите рублей двѣсти или триста. Вотъ и конфузиться нечего: вы дарите бумажникъ, а деньги въ него нечаянно попали. Да мало ли какъ можно; хотите я васъ научу?

Евлалія.

Нѣтъ, нѣтъ, не надо. Да я вамъ не вѣрю, вы шутите.

Софья.

Чтò за шутки! Я сама дарю. Да и какъ не дарить? Молодому человѣку одѣться хочется поприличнѣй, да и мало ли у нихъ расходовъ, а жалованье небольшое...

Евлалія.

Нѣтъ, пожалуйста, не продолжайте! Это чтò-то будничное, прозаическое. Мы съ вами не понимаемъ другъ друга; мы говоримъ о разныхъ предметахъ. Я понимаю только любовь чистую, возвышенную.

Софья.

Возвышенная-то, пожалуй, еще дороже обойдется.

Евлалія.

Чтò вы, чтò вы? Вы меня удивляете, вы меня поражаете!

Софья.

Да, конечно. Возвышенная любовь гораздо скучнѣе: она очень надоѣдаетъ молодымъ людямъ; на нее надо много времени даромъ тратить. Онъ бы почиталъ чтò-нибудь, пошелъ къ пріятелямъ, поигралъ въ карты, а тутъ надо возвышаться до возвышенной любви. Это очень тяжелое занятіе.

Евлалія.

Чтò такое... чтò за слова я слышу отъ васъ? Да если всѣ мужчины таковы, развѣ можно любить кого-нибудь изъ нихъ?

Софья.

Можно.

Евлалія.

Скажите же мнѣ, какого человѣка вы любите, какія у него качества, достоинства?

Софья.

Онъ очень милый человѣкъ; у него есть умъ, ловкость, нѣкоторое остроуміе.

Евлалія.

И вы дарите ему вещи, деньги?

Софья.

Дарю.

Евлалія.

Да развѣ это любовь?

Софья *(обидясь)*.

А то что̀ же? Жалѣть человѣка, входить въ его положеніе до мельчайшихъ подробностей, помогать ему, доставлять удовольствіе, дѣлать пріятные сюрпризы — развѣ это не значитъ любить? Это настоящая человѣческая любовь; другая любовь, по-моему, хуже.

Евлалія.

Извините меня; все это мнѣ кажется какъ-то пошло; тутъ нѣтъ ничего такого... высокаго... неземного.

Софья.

Ну, а нѣтъ, такъ что̀-жъ дѣлать, гдѣ же взять-то? Я люблю, какъ умѣю.

Евлалія.

Нѣтъ, моя любовь другая. Впрочемъ, это такъ и должно быть: я люблю поэта; вы любите простого дюжиннаго человѣка.

Софья.

Ну, нѣтъ, нельзя, чтобъ вовсе дюжинный.

Евлалія.

Простите моему женскому любопытству!... Если вы меня считаете достойной вашего довѣрія, скажите: кто онъ?

Софья.

Онъ, послѣ вашего мужа, пожалуй, лучшій человѣкъ здѣсь.

Евлалія *(съ любопытствомъ)*.

Но кто же онъ, кто?

Софья.

Артемій Васильевичъ Мулинъ.

Евлалія.

Ахъ! *(Чуть не падаетъ.)* Поддержите меня!

Софья.

Что̀ съ вами?

Евлалія.

Мнѣ дурно. *(Софья сажаетъ ее въ кресло.)* Охъ! Благодарю васъ!

Софья.

Успокойтесь! Не принести ли вамъ воды?

Евлалія.

Ахъ, нѣтъ, не надо... благодарю... Это пройдетъ... сейчасъ пройдетъ... Позвольте... еще одинъ вопросъ.... Вчера вечеромъ Артемій Васильевичъ былъ у васъ?

Софья.

Да, былъ, просидѣлъ весь вечеръ.

Евлалія *(слабымъ голосомъ)*.

Онъ обѣщалъ быть у меня; я его ждала долго, очень долго.

Софья.

Позвольте мнѣ за него заступиться! Вотъ, видите ли, ему нельзя было не прійти ко мнѣ: вчера поутру я послала ему въ подарокъ великолѣпные часы; такъ онъ приходилъ благодарить.

Евлалія *(со вздохомъ)*.

Ахъ, довольно объ этомъ.

Софья.

Евлалія Андреевна, я вижу, что мы соперницы. Послушайте, уступите мнѣ его безспорно. Вамъ нужно людей идеальныхъ, съ возвышенными чувствами, а по мнѣ онъ таковскій, мнѣ и этотъ годится. По Сенькѣ и шапка.

Евлалія.

Ахъ! Мечта всей жизни...

Софья.

Да ужъ будетъ вамъ мечтать-то, пора на землю опуститься. Такъ отдайте же!

Евлалія.

Возьмите!... Вотъ онъ идетъ... Позвольте мнѣ сказать съ нимъ два слова!

Софья.

Сдѣлайте одолженіе! Я пойду въ кабинетъ. *(Уходитъ въ кабинетъ. Входитъ Мулинъ.)*

ЯВЛЕНІЕ СЕДЬМОЕ.

Евлалія *и* Мулинъ.

Евлалія.

Подите сюда! *(Мулинъ подходитъ.)* Я васъ... презираю!

Мулинъ.

И слава Богу! Очень радъ, Евлалія Андреевна; благодарю васъ.

Евлалія.

Какъ мало въ васъ самолюбія! Васъ презираютъ, и вы этому радуетесь.

Мулинъ.

Да вѣдь какой камень-то съ меня свалился! Вѣдь, бывало, когда вы меня еще не презирали-то, идешь къ вамъ, такъ душа не на мѣстѣ.

Евлалія.

Чего же вы боялись?

Мулинъ.

Любви вашей.

Евлалія.

Это вздоръ. Мнѣ Софья Сергѣевна сейчасъ призналась... Значитъ, вы любви не очень боитесь.

Мулинъ.

Да вѣдь любовь-то бываетъ разная.

Евлалія.

Какая разная?

Мулинъ.

Есть любовь, которую сама природа подсказываетъ женщинѣ; на эту любовь нельзя не отвѣтить; та любовь знаетъ тайну. А то есть другая любовь, напускная, пансіонскаго и институтскаго происхожденія, такъ-называемое обожаніе; эта любовь напоказъ: ея ужасно боятся мужчины; особенно жутко бываетъ подчиненному человѣку.

Евлалія.

Подите отъ меня! Повторяю вамъ: я васъ презираю!

Мулинъ.

Презирать-то — презирайте, а и поблагодарить меня вамъ тоже не мѣшаетъ.

Евлалія.

За что это?

Мулинъ.

Вы сами признаетесь въ любви и кидаетесь на шею человѣку, котораго вы совсѣмъ не знаете. Будь во мнѣ поменьше совѣсти и уваженія къ Евдокиму Егоровичу, или только, просто, не служи я у него, вѣдь изъ этого могъ бы выйти скандалъ веселый. И самъ-то бы я насмѣялся надъ вами вдоволь, да и всему бы городу удовольствіе большое доставилъ. Такъ вы сначала поблагодарите меня, что я этого не сдѣлалъ, а потомъ ужъ презирайте, пожалуй.

Евлалія *(тихо).*

Благодарю васъ! *(Входятъ Стыровъ, Кобловъ и Софья.)*

ЯВЛЕНІЕ ВОСЬМОЕ.

Евлалія, Мулинъ, Стыровъ, Кобловъ *и* Софья.

Кобловъ.

Дурной примѣръ вы подаете мужьямъ, Евдокимъ Егорычъ. Я вамъ серьезно говорю. У насъ вѣдь переймутъ сейчасъ; за вами, глядишь, другой и третій потянется. А тамъ ужъ и всѣ жены взбунтуются.

Стыровъ.

Чтò мнѣ за дѣло до другихъ! Я у себя въ домѣ хозяинъ: чтò хочу, то и дѣлаю.

Кобловъ.

Ну, нѣтъ, это дѣло не личное ваше, это дѣло общественное. Къ свободѣ надо пріучать исподоволь; дай-ка вдругъ волю-то, вы увидите, чтò отъ нашихъ женъ будетъ. Да всякая благоразумная женщина вамъ сама скажетъ, что, сейчасъ послѣ теремовъ, къ свободѣ привыкать не легко.

Софья.

А я слышала, напротивъ; говорятъ, къ палкѣ привыкать трудно, а къ свободѣ гораздо легче.

Евлалія.

Если рѣчь идетъ обо мнѣ, такъ я и не желаю никакой свободы; на что мнѣ она?

Софья.

Что вы? Опять экзальтація? Отъ чего хотите отказывайтесь, только не отъ свободы. Не теперь, такъ впередъ пригодится.

Евлалія.

Ахъ! да, конечно. Я сказала, не подумавши. *(Задумчиво.)* Свобода — хороша... только я не знаю, что съ ней дѣлать...

Кобловъ.

Ну, да что о пустякахъ-то толковать, пора бы и за серьезное дѣло, пора въ винтъ садиться. Вонъ, кажется, партнеры подъѣхали.

Евлалія *(мужу)*.

Я съ вами.

Стыровъ.

Какъ съ нами?

Евлалія.

Я съ вами въ винтъ буду играть, я хочу учиться.

Стыровъ.

Евлалія, что ты говоришь? Вѣрить ли мнѣ ушамъ своимъ?

Евлалія.

Я теперь постоянно, каждый день буду играть; мнѣ эта игра очень нравится.

Стыровъ.

Евлалія, милая Евлалія! *(Обнимаетъ ее.)* Вотъ, господа, когда я счастливъ вполнѣ. Играй, Евлалія, играй по большой, проигрывай тысячи; я ничего для тебя не пожалѣю! Вотъ это, господа, праздникъ! Человѣкъ, шампанскаго, больше давай, больше! *(Цѣлуетъ Евлалію.)*

ТАЛАНТЫ И ПОКЛОННИКИ.

КОМЕДІЯ ВЪ ЧЕТЫРЕХЪ ДѢЙСТВІЯХЪ.

ДѢЙСТВІЕ ПЕРВОЕ.

ЛИЦА:

Александра Николаевна Нѣгина, актриса провинціальнаго театра, молодая дѣвица.

Домна Пантелеевна, мать ея, вдова, совсѣмъ простая женщина, лѣтъ за 40, была за мужемъ за музыкантомъ провинціальнаго оркестра.

Князь Ираклій Стратоновичъ Дулебовъ, важный баринъ стараго типа, пожилой человѣкъ.

Григорій Антоновичъ Бакинъ, губернскій чиновникъ на видномъ мѣстѣ, лѣтъ 30-ти.

Иванъ Семеновичъ Великатовъ, очень богатый помѣщикъ, владѣлецъ отлично устроенныхъ имѣній и заводовъ, отставной кавалеристъ, человѣкъ практическаго ума, ведетъ себя скромно и сдержанно, постоянно имѣетъ дѣла съ купцами и, видимо, старается подражать ихъ тону и манерамъ; среднихъ лѣтъ.

Петръ Егоровичъ Мелузовъ, молодой человѣкъ, кончившій курсъ въ университетѣ и ожидающій учительскаго мѣста.

Нина Васильевна Смѣльская, актриса, постарше Нѣгиной.

Мартынъ Прокофьевичъ Нароковъ, помощникъ режиссера и бутафоръ, старикъ, одѣтъ очень прилично, но бѣдно; манеры хорошаго тона.

Дѣйствіе въ губернскомъ городѣ. Въ первомъ дѣйствіи, въ квартирѣ актрисы Нѣгиной: налѣво отъ актеровъ окно; въ глубинѣ, въ углу — дверь въ переднюю; направо — перегородка съ дверью въ другую комнату; у окна столъ, на немъ нѣсколько книгъ и тетрадей; обстановка бѣдная.

ЯВЛЕНІЕ ПЕРВОЕ.

Домна Пантелеевна *(одна, говоритъ въ окно).*

Зайди денька черезъ три-четыре; послѣ бенифиста всѣ тебѣ отдадимъ! А? Что̀? О, глухой! Не слышитъ. Бенефистъ у насъ будетъ; такъ послѣ бенефиста всѣ тебѣ отдадимъ. Ну, ушелъ. *(Садится.)* Что̀ долгу, что̀ долгу! Туда рубль, сюда два... А каковъ еще сборъ будетъ, кто-жъ его знаетъ? Вотъ зимой бенефистъ брали, всего сорокъ два съ полтиной въ очистку-то вышло, да какой-то купецъ полоумный серьги бирюзовыя преподнесъ... Очень нужно! Эка невидаль! А теперь ярмарка, сотни двѣ ужъ все возьмемъ. А и триста рублей получишь, нешто ихъ въ рукахъ удержишь; всѣ промежду пальцевъ уйдутъ, какъ вода. Нѣтъ моей Сашѣ счастья! Содержитъ себя очень аккуратно, ну, и нѣтъ того расположенія промежду публики: ни подарковъ какихъ особенныхъ, ничего такого, какъ прочимъ, которыя... ежели... Вотъ хоть бы князь... ну, что̀ ему стоитъ! Или вотъ Иванъ Семенычъ Великатовъ... говорятъ, сахарные заводы у него не одинъ милліонъ сто́ятъ... Что̀ бы ему головки двѣ прислать: намъ бы надолго хватило... Сидятъ, по уши въ деньгахъ зарывшись, а нѣтъ, чтобы бѣдной дѣвушкѣ помочь. Я ужъ про купечество и не говорю — съ тѣхъ что̀ взять! Они и въ театръ-то не ходятъ; развѣ какой ужъ ошалѣетъ совсѣмъ, такъ его, словно вѣтромъ, туда занесетъ... такъ отъ такихъ чего ожидать, окромя безобразія. *(Входитъ Нароковъ.)*

ЯВЛЕНІЕ ВТОРОЕ.

Домна Пантелеевна *и* Нароковъ.

Домна Пантелеевна.

А, Прокофьичъ, здравствуй!

Нароковъ *(мрачно).*

Здравствуй, Прокофьевна!

Домна Пантелеевна.

Я не Прокофьевна, я Пантелеевна, что̀ ты!

Нароковъ.

И я не Прокофьичъ, а Мартынъ Прокофьевичъ.

Домна Пантелеевна.

Ахъ, извините, господинъ аркистъ!

Нароковъ.

Коли хотите быть со мной на ты, такъ зовите, просто, Мартыномъ; все-таки приличнѣе. А что̀ такое „Прокофьичъ“! Вульгарно, мадамъ, очень вульгарно!

Домна Пантелеевна.

Люди-то мы съ тобой, батюшка, маленькіе, что̀ намъ эти комплименты разводить.

Нароковъ.

„Маленькіе“? Я не маленькій человѣкъ, извините!

Домна Пантелеевна.

Такъ неужели большой?

Нароковъ.

Большой.

Домна Пантелеевна.

Такъ теперь и будемъ знать. Зачѣмъ же ты, большой человѣкъ, къ намъ, къ маленькимъ людямъ, пришелъ?

Нароковъ.

Такъ, въ этомъ тонѣ и будемъ продолжать, Домна Пантелеевна? Откуда это въ васъ озорство такое?

Домна Пантелеевна.

Озорство во мнѣ есть, это ужъ грѣха нечего таить! Подтрунить люблю, и чтобы стѣснять себя въ разговорѣ съ тобой, такъ я не желаю.

Нароковъ.

Да откуда оно въ васъ, это озорство-то? Отъ природы или отъ воспитанія?

Домна Пантелеевна.

Ахъ, батюшки, откуда? Ну, откуда... Да откуда чему другому-то быть? Жила всю жизнь въ бѣдности, промежду мѣщанскаго сословія: ругань-то каждый Божій день по дому кругомъ ходила; ни отдыху, ни передышки въ этомъ занятіи не было. Вѣдь не изъ пансіона я, не съ мадамами воспитывалась. Въ нашемъ званіи только въ томъ и время проходитъ, что всѣ

промежъ себя ругаются. Вѣдь это у богатыхъ деликатности разныя придуманы.

Нароковъ.

Резонъ. Понимаю теперь.

Домна Пантелеевна.

Такъ неужто-жъ со всякимъ нѣжничать, всякому, съ позволенія сказать... Сказала-бъ я тебѣ словечко, да обижать не хочу. Неужто всякому „вы" говорить?

Нароковъ.

Да, въ простонародіи всѣ на ты...

Домна Пантелеевна.

„Въ простонародіи"! Скажите, пожалуйста! А ты что̀ за баринъ?

Нароковъ.

Я баринъ, я совсѣмъ баринъ... Ну, давай на ты, мнѣ это не въ диковину.

Домна Пантелеевна.

Да какая диковина; обыкновенное дѣло. Въ чемъ же твоя барственность?

Нароковъ.

Я могу сказать тебѣ, какъ Лиръ: каждый вершокъ меня — баринъ. Я человѣкъ образованный, учился въ высшемъ учебномъ заведеніи, я былъ богатъ.

Домна Пантелеевна.

Ты-то?

Нароковъ.

Я-то!

Домна Пантелеевна.

Да ужли?

Нароковъ.

Ну, что̀-жъ, божиться тебѣ, что̀ ли?

Домна Пантелеевна.

Нѣтъ, зачѣмъ? Не божись, не надо; я и такъ повѣрю. Отчего же ты шуфлеромъ служишь?

Нароковъ.

Я не chou-fleur, и не siffler, мадамъ, и не суфлеръ даже, а помощникъ режиссера. Здѣшній-то театръ былъ мой.

Домна Пантелеевна *(съ удивленіемъ).*

Твой? Скажите на милость!

Нароковъ.

Я его пять лѣтъ держалъ, а Гаврюшка-то былъ у меня писаремъ, роли переписывалъ.

Домна Пантелеевна *(съ большимъ удивленіемъ).*

Гаврила Петровичъ, ампренёръ здѣшній?

Нароковъ.

Онъ самый.

Домна Пантелеевна.

Ахъ ты, горькій! Такъ вотъ что̀. Значитъ, тебѣ въ этомъ театрашномъ дѣлѣ счастья Богъ не далъ, что̀ ли?

Нароковъ.

Счастья! Да я не зналъ, куда дѣвать счастье-то, вотъ сколько его было!

Домна Пантелеевна.

Отчего-жъ ты въ упадокъ-то пришелъ? Пилъ, должно быть? Куда-жъ твои деньги дѣвались?

Нароковъ.

Никогда я не пилъ. Я всѣ свои деньги за счастье-то и заплатилъ.

Домна Пантелеевна.

Да какое-жъ такое счастье у тебя было?

Нароковъ.

А такое и счастье, что я дѣлалъ любимое дѣло. *(Задумчиво.)* Я люблю театръ, люблю искусство, люблю артистовъ, понимаешь ты? Продалъ я свое имѣніе, денегъ получилъ много и сталъ антрепренеромъ. А? Развѣ это не счастье? Снялъ здѣшній театръ, отдѣлалъ все за̀ново: декораціи, костюмы; собралъ хорошую труппу и зажилъ, какъ въ раю... Есть ли сборы, нѣтъ ли, я на это не смотрѣлъ, я всѣмъ платилъ большое жалованье аккуратно. Поблаженствовалъ я такъ-то пять лѣтъ, вижу, что деньги мои подъ исходъ; по окончаніи сезона, разсчиталъ всѣхъ артистовъ, сдѣлалъ имъ обѣдъ прощальный, поднесъ каждому по дорогому подарку на память обо мнѣ...

Домна Пантелеевна.

Ну, а что-жъ потомъ-то?

Нароковъ.

А потомъ Гаврюшка снялъ мой театръ, а я пошелъ въ службу къ нему; платитъ онъ мнѣ небольшое жалованье да помаленьку уплачиваетъ за мое обзаведеніе. Вотъ и все, милая дама.

Домна Пантелеевна.

Тѣмъ ты только и кормишься?

Нароковъ.

Ну, нѣтъ, хлѣбъ-то я себѣ всегда достану; я уроки даю, въ газеты корреспонденціи пишу, перевожу, а служу у Гаврюшки, потому что отъ театра отстать не хочется, искусство люблю очень. И вотъ я, человѣкъ образованный, съ тонкимъ вкусомъ, живу теперь между грубыми людьми, которые на каждомъ шагу оскорбляютъ мое артистическое чувство. *(Подойдя къ столу.)* Что это за книги у васъ?

Домна Пантелеевна.

Саша учится; къ ней учитель ходитъ.

Нароковъ.

Учитель? Какой учитель?

Домна Пантелеевна.

Студентъ. Петръ Егорычъ. Чай, знаешь его?

Нароковъ.

Знаю. Кинжалъ въ грудь по самую рукоятку!

Домна Пантелеевна.

Что больно строго?

Нароковъ.

Безъ сожалѣнья.

Домна Пантелеевна.

Погоди колоть-то: онъ женихъ Сашинъ.

Нароковъ *(съ испугомъ)*.

Женихъ?

Домна Пантелеевна.

Тамъ еще, конечно, что Богъ дастъ, а, все-таки, женихомъ зовемъ. Познакомилась она съ нимъ гдѣ-то, ну, и сталъ къ намъ ходить. Какъ же его назвать-то? Ну, и говоришь,

что, молъ, женихъ, а то сосѣди-то что̀ заговорятъ? Да и отдамъ за него, коли мѣсто хорошее получитъ. Гдѣ-жъ жениховъ-то взять? Вотъ кабы купецъ богатый; да хорошій-то не возьметъ, а которые ужъ очень-то безобразны, тоже радость не велика. А за него что̀-жъ не отдать, парень смирный, Саша его любитъ.

Нароковъ.

Любитъ? Она его любитъ?

Домна Пантелеевна.

Отчего-жъ его не любить? Что̀, въ самомъ дѣлѣ, по театрамъ-то трепаться молодой дѣвушкѣ! Никакой основательности къ жизни получить себѣ нельзя!

Нароковъ.

И это ты говоришь?

Домна Пантелеевна.

Я говорю, и ужъ давно говорю. Ничего хорошаго, окромя дурного.

Нароковъ.

Да вѣдь твоя дочь талантъ; она рождена для сцены.

Домна Пантелеевна.

Для сцены-то для сцены, это точно, это ужъ что̀ говорить! Она еще маленькая была, такъ, бывало, не вытащить ее изъ театра; стои́тъ за кулисами, вся трясется. Мужъ-то мой, отецъ-то ея, былъ музыкантъ, на флейтѣ игралъ; такъ, бывало, какъ онъ въ театръ, такъ и она за нимъ. Прижмется къ кулисѣ, да и стоитъ, не дышитъ.

Нароковъ.

Ну, вотъ видишь. Ей только на сценѣ и мѣсто.

Домна Пантелеевна.

Ужъ куда какое мѣсто прекрасное!

Нароковъ.

Да вѣдь у нея страсть, пойми ты: страсть! Сама же ты говоришь.

Домна Пантелеевна.

Хоша бы и страсть, да хорошаго-то въ этомъ нѣтъ, похвалить-то нечего. Это вотъ вамъ, бездомовымъ да безпутнымъ.

Нароковъ.

О, невѣжество! Кинжалъ въ грудь по рукоятку!

Домна Пантелеевна.

Да ну тебя съ кинжалами! У васъ путнаго-то на сценѣ не много, а я держу свою дочь на замужней линіи. Со всѣхъ сторонъ тамъ къ ней лѣзутъ да подлипаютъ, да глупости разныя въ уши шепчутъ... Вотъ князь Дулебовъ повадился, тоже на старости лѣтъ ухаживать вздумалъ... Хорошо это? Какъ ты скажешь?

Нароковъ.

Князь Дулебовъ? Кинжалъ въ грудь по рукоятку!

Домна Пантелеевна.

Охъ, ужъ много ты очень народу перекололъ!

Нароковъ.

Много.

Домна Пантелеевна.

И всѣ живы?

Нароковъ.

А то какъ же? Конечно, живы и всѣ въ добромъ здоровьи; продли имъ, Господи, вѣку! На-ка вотъ, отдай! *(Подаетъ тетрадку.)*

Домна Пантелеевна.

Это что̀-жъ такое?

Нароковъ.

Роль. Это я самъ переписалъ для нея.

Домна Пантелеевна.

Да что̀-жъ это за парадъ такой? На тонкой бумагѣ, связано розовой ленточкой!

Нароковъ.

Ну, да ужъ ты ей отдай! Что̀ тутъ разговаривать!

Домна Пантелеевна.

Да къ чему-жъ эти нѣжности при нашей бѣдности? Небось вѣдь за ленточку-то послѣдній двугривенный отдалъ?

Нароковъ.

Хоть и послѣдній, такъ что̀-жъ изъ этого? Ручки у нея хорошенькія, душка еще лучше; нельзя же ей грязную тетрадь подать.

Домна Пантелеевна.

Да къ чему, къ чему это?

Нароковъ.

Чтò ты удивляешься? Все это очень просто и естественно; такъ и должно быть, потому что я въ нее влюбленъ.

Домна Пантелеевна.

Ахъ, батюшки! Часъ отъ часу не легче! Да вѣдь ты старикъ, вѣдь ты старый шутъ; какой ты еще любви захотѣлъ?

Нароковъ.

Да вѣдь она хороша? Говори: хороша?

Домна Пантелеевна.

Ну, хороша; такъ тебѣ-то чтò-жъ?

Нароковъ.

Кто-жъ хорошее не любитъ? Вѣдь и ты тоже хорошее любишь. Ты думаешь, коли человѣкъ влюбленъ, такъ сейчасъ гамъ... и съѣлъ? Изъ тонкихъ парфюмовъ соткана душа моя. Гдѣ-жъ тебѣ это понять!

Домна Пантелеевна.

А вѣдь ты чудакъ, какъ посмотрю я на тебя!

Нароковъ.

Слава Богу, догадалась. Я и самъ знаю, что чудакъ. Чтò-жъ ты меня обругать, чтò ли, этимъ словомъ-то хотѣла?

Домна Пантелеевна *(у окна)*.

Никакъ князь подъѣхалъ? И то онъ.

Нароковъ.

Ну, такъ я уйду тутъ, черезъ кухню. Адье, мадамъ.

Домна Пантелеевна.

Адье, мусье! *(Нароковъ уходитъ за перегородку. Входятъ Дулебовъ и Бакинъ.)*

ЯВЛЕНІЕ ТРЕТЬЕ.

Домна Пантелеевна, Дулебовъ *и* Бакинъ.

Домна Пантелеевна.

Дома нѣтъ, ваше сіятельство, ужъ извините! Въ Гостиный дворъ пошла.

Дулебовъ.

Ну, ничего, я подожду.

Домна Пантелеевна.

Какъ угодно, ваше сіятельство.

Дулебовъ.

Вы дѣлайте свое дѣло, не безпокойтесь, пожалуйста, я подожду. *(Домна Пантелеевна уходитъ.)*

Бакинъ.

Вотъ мы и съѣхались, князь.

Дулебовъ.

Ну, что же, здѣсь не тѣсно и для двоихъ.

Бакинъ.

Но, во всякомъ случаѣ, одинъ изъ насъ лишній, и этотъ лишній — я. Ужъ такое мнѣ счастье: заѣхалъ къ Смѣльской, тамъ Великатовъ сидитъ, молчитъ.

Дулебовъ.

А вы бы разговаривали. Вы разговаривать умѣете, значитъ, шансы на вашей сторонѣ.

Бакинъ.

Не всегда, князь. Великатовъ и молчитъ-то гораздо убѣдительнѣе, чѣмъ я говорю.

Дулебовъ.

Да почему же?

Бакинъ.

Потому что богатъ. А такъ какъ, по русской пословицѣ: „съ богатымъ не тянись, а съ сильнымъ не борись", то я и ретируюсь. Великатовъ богатъ, а вы сильны своей любезностью.

Дулебовъ.

Ну, а вы-то чѣмъ же хотите взять?

Бакинъ.

Смѣлостью, князь. Смѣлость, говорятъ, города беретъ.

Дулебовъ.

Города-то, пожалуй, легче... А впрочемъ... ужъ это ваше дѣло. Коли не боитесь проигрыша, такъ отчего-жъ и смѣлость не попробовать.

Бакинъ.

Я лучше готовъ потерпѣть неудачу, чѣмъ пускаться въ любезности.

Дулебовъ.

У всякаго свой вкусъ.

Бакинъ.

Ухаживать, любезничать, воскрешать времена рыцарства — ужъ это не много ли чести для нашихъ дамъ?

Дулебовъ.

У всякаго свой взглядъ.

Бакинъ.

Мнѣ кажется, очень довольно вотъ такой деклараціи: „я вотъ таковъ, какъ вы меня видите, предлагаю вамъ то-то и то-то; угодно вамъ любить меня?

Дулебовъ.

Да, но вѣдь это оскорбительно для женщины?

Бакинъ.

А ужъ это ихъ дѣло, оскорбляться или нѣтъ. По крайней мѣрѣ, я не обманываю; вѣдь не могу же я, при такомъ количествѣ дѣлъ, заниматься любовью серьезно; зачѣмъ же я буду притворяться влюбленнымъ, вводить въ заблужденіе, возбуждать, можетъ быть, какія-нибудь несбыточныя надежды? То ли дѣло договоръ!

Дулебовъ.

У всякаго свой характеръ. Скажите, пожалуйста, что̀ за человѣкъ Великатовъ?

Бакинъ.

Я объ немъ знаю столько же, сколько и вы. Очень богатъ; великолѣпное имѣніе въ сосѣдней губерніи, свекло-сахарный заводъ, да еще конный, да, кажется, винокуренный. Сюда пріѣзжаетъ онъ на ярмарку; продавать ли, покупать ли лошадей — ужъ я не знаю. Какъ онъ разговариваетъ съ барышниками — я тоже не знаю; но въ нашемъ обществѣ онъ больше молчитъ.

Дулебовъ.

Онъ деликатный человѣкъ?

Бакинъ.

Даже очень: никогда не споритъ, со всѣми соглашается,

и никакъ не разберешь, серьезно онъ говоритъ или мистифицируетъ тебя.

Дулебовъ.

Но онъ очень учтивый человѣкъ?

Бакинъ.

Ужъ слишкомъ даже: въ театрѣ рѣшительно всѣхъ по именамъ знаетъ, и кассира, и суфлера, и даже бутафора, всѣмъ руку подаетъ. А ужъ старухъ обворожилъ совсѣмъ; все-то онъ знаетъ; во всѣ ихъ интересы входитъ; ну, однимъ словомъ, для каждой старухи сынъ самый почтительный и предупредительный.

Дулебовъ.

А изъ молодыхъ онъ, кажется, никому особаго предпочтенія не даетъ и держится какъ-то въ сторонѣ отъ нихъ.

Бакинъ.

Съ этой стороны, князь, будьте покойны, онъ вамъ соперникъ не опасный: онъ какъ-то сторонится отъ молодыхъ и никогда первый не заговариваетъ; когда обратятся къ нему, такъ у него только и словъ: „что̀ прикажете? что̀ угодно?“

Дулебовъ.

А можетъ быть, это разсчитанная холодность, онъ хочетъ заинтересовать собою?

Бакинъ.

Да на что̀ ему разсчитывать? Онъ завтра или послѣ завтра уѣзжаетъ.

Дулебовъ.

Да... развѣ?

Бакинъ.

Навѣрное. Онъ мнѣ самъ говорилъ; у него ужъ все приготовлено къ отъѣзду.

Дулебовъ.

Жаль! Онъ очень пріятный человѣкъ, такой ровный, спокойный.

Бакинъ.

Мнѣ кажется, его спокойствіе происходитъ отъ ограниченности; ума не скроешь, онъ бы въ чемъ-нибудь выказался, а онъ молчитъ, значитъ, не уменъ; но и не глупъ, потому что считаетъ за лучшее молчать, чѣмъ говорить глупости.

У него ума и способностей ровно столько, сколько нужно, чтобы вести себя прилично и не прожить того, чтò папенька оставилъ.

Дулебовъ.

Въ томъ-то и дѣло, что папенька оставилъ ему имѣніе разоренное, а онъ его устроилъ.

Бакинъ.

Ну, прибавимъ ему еще нѣсколько практическаго смысла и разсчетливости.

Дулебовъ.

Пожалуй, придется и еще что-нибудь прибавить — и выйдетъ очень умный, практическій человѣкъ.

Бакинъ.

Какъ-то вѣрить не хочется. А, впрочемъ, мнѣ все равно, уменъ ли онъ, глупъ ли; вотъ, что богатъ онъ, это немножко досадно.

Дулебовъ.

Неужели?

Бакинъ.

Право. Какъ-то невольно въ голову приходитъ, что было бы гораздо лучше, если бы я былъ богатъ, а онъ бѣденъ.

Дулебовъ.

Да, это для васъ лучше; ну, а для него-то?

Бакинъ.

А мнѣ чортъ его возьми; чтò мнѣ до него? Я про себя говорю. Однако, пора и за дѣло! Уступаю вамъ мѣсто безъ бою. До свиданья, князь!

Дулебовъ *(подавая руку)*.

Прощайте, Григорій Антоновичъ! *(Бакинъ уходитъ. Входитъ Домна Пантелеевна.)*

ЯВЛЕНІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

Дулебовъ *и* Домна Пантелеевна.

Домна Пантелеевна.

Ушли, не дождались?

Дулебовъ.

Вы чтò за эту квартиру платите?

Домна Пантелеевна.

Двѣнадцать рублей, ваше сіятельство.

Дулебовъ *(указывая въ уголъ).*

Тутъ сыро, должно быть?

Домна Пантелеевна.

По деньгамъ и квартира.

Дулебовъ.

Надо будетъ перемѣнить. *(Отворяя дверь направо.)* А тамъ что̀?

Домна Пантелеевна.

Спальня Саши, а направо-то моя комната, а тамъ кухня.

Дулебовъ *(про-себя).*

Мизерно. Да... конечно, такъ невозможно.

Домна Пантелеевна.

По средствамъ, ваше сіятельство.

Дулебовъ.

Пожалуйста, не говорите, чего не понимаете. Хорошей актрисѣ нельзя такъ жить, ну, нельзя, я вамъ говорю, невозможно. Это не прилично.

Домна Пантелеевна.

Какіе же достатки?

Дулебовъ.

Что̀ такое за слово: „достатки“?

Домна Пантелеевна.

Изъ какихъ доходовъ, ваше сіятельство?

Дулебовъ.

Какое же намъ дѣло до вашихъ доходовъ?

Домна Пантелеевна.

Да гдѣ-жъ взять то, ваше сіятельство?

Дулебовъ.

Ну, „гдѣ взять!“ Кому нужно? Никому до этого дѣла нѣтъ; гдѣ хотите, тамъ и берите. Только такъ нельзя, это... это... ну, просто не прилично, да и все тутъ...

Домна Пантелеевна.

Вотъ кабы жалованье...

Дулебовъ.

Ну, тамъ жалованье или что̀ другое, это ужъ ваше дѣло.

Домна Пантелеевна.

Бенефисты очень плохи беремъ.

Дулебовъ.

А кто виноватъ? Чтобы брать большіе бенефисы, нужно знакомство хорошее, нужно умѣть его выбрать, умѣть обходиться. Я могу вамъ назвать лицъ десять, которыхъ нужно привлечь на свою сторону; вотъ и великолѣпные бенефисы будутъ: и призы, и подарки. Это дѣло простое, давно всѣмъ извѣстное. Нужно принимать у себя порядочныхъ людей... А гдѣ же тутъ? Что̀ это такое? Кто сюда поѣдетъ?

Домна Пантелеевна.

А вѣдь, кажется, публика ее любитъ, а вотъ въ бенефистъ такъ... ничѣмъ не заманишь.

Дулебовъ.

Какая публика? Гимназисты, семинаристы, лавочники, мелкіе чиновники! Они рады всѣ руки себѣ отхлопать, по десяти разъ вызываютъ Нѣгину, а ужъ вѣдь онъ, каналья, лишняго гроша не заплатитъ.

Домна Пантелеевна.

Что̀ правда, то нравда, ваше сіятельство. Конечно, кабы знакомство, такъ ужъ совсѣмъ другое дѣло.

Дулебовъ.

Само собой. публику винить нельзя, публика никогда виновата не бываетъ; это то же общественное мнѣніе, а на него жаловаться смѣшно. Надо умѣть заслужить любовь публики. Надо, чтобъ постоянно окружала вашу дочь богатая молодежь, ну, а главными-то, собственно, ея друзьями были бы мы, солидные люди. Всѣ мы цѣлый день заняты, кто семейными и хозяйственными дѣлами, кто общественными, у насъ свободны только нѣсколько часовъ вечеромъ; гдѣ же удобнѣе, какъ не у молодой актрисы отдохнуть, такъ сказать, отъ бремени заботъ, одному — хозяйственныхъ, а другому — о ввѣренномъ его управленію вѣдомствѣ или районѣ.

Домна Пантелеевна.

Ужъ это очень мудрено для меня, ваше сіятельство. Вы вотъ эти-то слова Сашѣ и скажите.

Дулебовъ.

Да, скажу, непремѣнно скажу: я за этимъ и пріѣхалъ.

Домна Пантелеевна.

Да вотъ, кажется, и она бѣжитъ.

Дулебовъ.

Только ужъ вы намъ не мѣшайте!

Домна Пантелеевна.

Ахъ, помилуйте, да развѣ я своему дѣтищу врагъ? *(Входитъ Нѣгина.)* Что̀ ты такъ долго? Князь тебя давно дожидается. *(Беретъ у дочери шляпку, зонтикъ, плащъ и уходитъ.)*

ЯВЛЕНІЕ ПЯТОЕ.

Дулебовъ *и* Нѣгина.

Дулебовъ *(подходитъ и цѣлуетъ руку Нѣгиной).*

Ахъ, моя радость! Я васъ заждался.

Нѣгина.

Извините, князь! Съ бенефисомъ все хлопочу, такая мука... *(Задумывается.)*

Дулебовъ *(садясь).*

Скажите, пожалуйста, мой дружочекъ...

Нѣгина *(выходя изъ задумчивости).*

Что̀ вамъ угодно?

Дулебовъ.

Какъ эта пьеса, что̀ вы въ послѣдній разъ играли?...

Нѣгина.

Уріель Акоста.

Дулебовъ.

Да, да... Прекрасно вы играли, прекрасно. Сколько чувства, благородства! Не шутя, вамъ говорю.

Нѣгина.

Благодарю васъ, князь.

Дулебовъ.

Странныя пьесы нынче пишутъ; не поймешь ничего.

Нѣгина.

Да она уже давно написана.

Дулебовъ.

Давно? Чья же она, Каратыгина или Григорьева?

Нѣгина.

Нѣтъ, Гуцкова.

Дулебовъ.

А! Гуцкова... знаю, знаю. Еще у него есть комедія, прекрасная комедія: „Русскій человѣкъ добро помнитъ“.

Нѣгина.

То Полевого, князь.

Дулебовъ.

Ахъ, да... я смѣшалъ... Полевого... Николай Полевой. Онъ изъ мѣщанъ... По-французски выучился самоучкой, ученыя книги писалъ, все съ французскаго бралъ... Только онъ тогда заспорилъ съ кѣмъ-то... съ учеными, или съ профессорами. Ну, гдѣ же, возможно ли, да и прилично ли! Ну, ему и не велѣли ученыхъ книгъ писать, приказали водевили сочинять. Послѣ самъ былъ благодаренъ, большія деньги получалъ. „Мнѣ бы, говоритъ, и не догадаться“. Чтò вы такъ печальны?

Нѣгина.

Много хлопотъ, князь.

Дулебовъ.

Вамъ, моя красавица, надо веселѣе быть, вамъ еще рано задумываться; старайтесь развлекать себя, утѣшать чѣмъ-нибудь. Вотъ мы сейчасъ съ вашей матушкой говорили...

Нѣгина.

Объ чемъ, князь?

Дулебовъ.

Разумѣется, о васъ, мое сокровище, а то о чемъ же? Вотъ квартира у васъ не хороша... Нельзя актрисѣ, хорошенькой дѣвушкѣ, въ такой избѣ жить, — это неприлично.

Нѣгина *(нѣсколько обидясь)*.

Не хороша квартира? Ну, такъ чтò же? Я и сама знаю, что бываютъ квартиры лучше этой... Вамъ бы, князь, пожалѣть меня, не напоминать мнѣ о моей бѣдности; я и безъ васъ ее чувствую каждый часъ, каждую минуту.

Дулебовъ.

Да развѣ я васъ не жалѣю? Я васъ очень жалѣю, красавица моя.

Нѣгина.

Такъ вы жалѣйте про себя, ваше сіятельство! Мнѣ нѣтъ никакой пользы отъ вашихъ сожалѣній, а слышать ихъ не пріятно. Вы находите, что моя квартира не хороша, а я нахожу, что она удобна для меня, и мнѣ лучше не надо. Вамъ моя квартира не нравится, вамъ непріятно бывать въ такой квартирѣ, такъ вѣдь никто васъ не принуждаетъ.

Дулебовъ.

Не горячитесь, не горячитесь, моя радость! Вы не дослушаете, да и сердитесь на человѣка, который вамъ преданъ всей душой... Такъ нельзя...

Нѣгина.

Извольте говорить, я слушаю.

Дулебовъ.

Я человѣкъ деликатный, я никогда никого не оскорбляю, я извѣстенъ своею деликатностью. Я бы никогда не посмѣлъ осуждать вашу квартиру, если-бъ не имѣлъ въ виду...

Нѣгина.

Чего, князь?

Дулебовъ.

Предложить вамъ другую, лучше гораздо.

Нѣгина.

За ту же цѣну?

Дулебовъ.

Ну, какое вамъ дѣло до цѣны?

Нѣгина.

Я чтȏ-то не понимаю, князь.

Дулебовъ.

Вотъ видите ли, мое блаженство, я человѣкъ очень добрый, нѣжный — это тоже всѣмъ извѣстно... я, несмотря на свои лѣта, до сихъ поръ сохранилъ всю свѣжесть чувства... я еще до сихъ поръ могу увлекаться, какъ юноша...

Нѣгина.

Я очень рада; но какое же отношеніе имѣетъ все это къ моей квартирѣ?

Дулебовъ.

Очень просто. Развѣ вы не замѣчаете? Я люблю васъ...

Лелѣять васъ, баловать... это было бы для меня наслажденіемъ... это моя потребность; у меня очень много нѣжности въ душѣ, мнѣ нужно ласкать кого-нибудь, я безъ этого не могу. Ну, подойдите ко мнѣ, мой птенчикъ!

Нѣгина *(встаетъ).*

Вы съ ума сошли!

Дулебовъ.

Грубо, мой другъ, грубо!

Нѣгина.

Да съ чего вы вздумали? Помилуйте! Я вамъ никакого повода не подавала... Какъ вы осмѣлились выговорить?

Дулебовъ.

Потише, потише, мой дружочекъ!

Нѣгина.

Это что-жъ такое? Пріѣхать въ чужой домъ и, ни съ того, ни съ сего, затѣять глупый, обидный разговоръ!

Дулебовъ.

Потише, потише, пожалуйста! Вы еще очень молоды, чтобы такъ разговаривать.

Нѣгина.

Вотъ это мило! „Вы еще молоды!“ Значитъ, молодыхъ можно обижать, сколько угодно, и они должны молчать?

Дулебовъ.

Да какая тутъ обида? Въ чемъ обида? Дѣло самое обыкновенное. Вы не знаете ни жизни, ни порядочнаго общества, и осмѣливаетесь осуждать почтеннаго человѣка! Что вы, въ сасамомъ дѣлѣ! Вы меня обижаете!

Нѣгина *(въ слезахъ).*

Ахъ, Боже мой! Нѣтъ, это выше силъ...

Дулебовъ.

На все есть приличная форма, сударыня! Въ васъ совсѣмъ нѣтъ благовоспитанности; не нравится вамъ мое предложеніе, вы должны были все-таки поблагодарить меня и высказать ваше нежеланіе учтиво или какъ-нибудь на шутку свести.

Нѣгина.

Ахъ, оставьте меня, пожалуйста! Не нужно мнѣ вашихъ нравоученій. Я сама знаю, что мнѣ дѣлать, сама знаю, что

хорошо, что̀ дурно. Ахъ, Боже мой!... Да не желаю я васъ слушать.

Дулебовъ.

Да что̀ же вы кричите?

Нѣгина.

Отчего-жъ мнѣ не кричать? Я у себя дома, кого-жъ мнѣ бояться?

Дулебовъ.

Прекрасно! Только вы помните, моя радость, что я обиды не забываю.

Нѣгина.

Ну, хорошо, хорошо, буду помнить.

Дулебовъ.

Извините, я думалъ, что вы дѣвица благовоспитанная; я никакъ не могъ ожидать, что вы отъ всякой малости расплачетесь и расчувствуетесь, какъ кухарка.

Нѣгина.

Да ну, хорошо; ну, я кухарка, только я желаю быть честной. *(Домна Пантелеевна показывается изъ двери.)*

Дулебовъ.

И поздравляю васъ! Только честности одной мало: надо быть и поумнѣе, и поосторожнѣе, чтобы потомъ не плакать. Билета мнѣ не присылайте, я не поѣду на вашъ бенефисъ, мнѣ некогда; а если вздумаю, такъ пошлю взять въ кассѣ. *(Уходитъ. Входитъ Домна Пантелеевна.)*

ЯВЛЕНІЕ ШЕСТОЕ.

Нѣгина *и* Домна Пантелеевна.

Домна Пантелеевна.

Что̀ такое? Что̀ тутъ у васъ? Князь уѣхалъ? Ужъ не разсердился ли онъ?

Нѣгина.

Да пускай его сердится!

Домна Пантелеевна.

Что̀ ты? Опомнись! Передъ бенефистомъ-то? Да въ умѣ ли ты?

Нѣгина.

Да вѣдь невозможно! Чтò онъ говоритъ! Кабы вы послушали!

Домна Пантелеевна.

А тебѣ чтò? Пускай, говоритъ. Отъ его словъ тебя не убудетъ.

Нѣгина.

Да вѣдь вы не знаете, чтò онъ говорилъ; чтò-жъ вы мѣшаетесь не въ свое дѣло?

Домна Пантелеевна.

Очень я знаю, оченно прекрасно все это знаю, чтò мужчины говорятъ.

Нѣгина.

И можно это слушать равнодушно?

Домна Пантелеевна.

А чтò-жъ такое? Городи, сколько хочешь. Пусть его мелетъ въ свое удовольствіе, а ты, знай, посмѣивайся!

Нѣгина.

Ахъ, не учите! Оставьте, пожалуйста! Я знаю, какъ вести себя.

Домна Пантелеевна.

Ужъ и видно, что знаешь: передъ самымъ бенефистомъ побранилась ты съ такимъ человѣкомъ!

Нѣгина.

Маменька, да развѣ вы не видите, что я разстроена? Я дрожу вся, а вы ко мнѣ пристаете.

Домна Пантелеевна.

Нѣтъ, ты погоди! Ты выслушай отъ матери резонъ! Какъ же это передъ бенефистомъ браниться, ежели которые люди тебѣ нужные?... Не могла ты подождать-то? Ну, послѣ бенефиста бранись, сколько хочешь, я тебѣ ни слова не скажу. Потому нельзя тоже имъ и волю давать; ограничить слѣдуетъ. Ахъ, молъ, ты пугало огородное!...

Нѣгина.

Маменька, да довольно ужъ...

Домна Пантелеевна.

Нѣтъ, постой! А передъ бенефистомъ ты должна была учтиво...

Нѣгина.

Да я и не бранилась, я только обидѣлась и сказала, чтобъ онъ оставилъ меня въ покоѣ.

Домна Пантелеевна.

Вотъ и глупа, вотъ и глупа! Ты бы, какъ можно, старалась учтивѣе. „Молъ, ваше сіятельство, мы завсегда вами очень довольны и завсегда вами благодарны; только подлостевъ такихъ мы слушать не желаемъ. Мы, молъ, совсѣмъ напротивъ того, какъ вы объ насъ понимаете“. Вотъ какъ надо сказать! Потому честно, благородно и учтиво.

Нѣгина.

Что̀ сдѣлано, то сдѣлано; нечего теперь объ этомъ толковать!

Домна Пантелеевна.

Я вотъ и неученая, да знаю, какъ съ людьми разговаривать, а тебя еще учитель учитъ...

Нѣгина.

Что̀ вы еще объ учителѣ?... Вѣдь не понимаете вы этого ничего, такъ нечего вамъ и мѣшаться не въ свое дѣло.

Домна Пантелеевна.

Да чего понимать-то? Обнаковенно студентъ... Эка важность какая, скажите, пожалуйста! Не баронъ какой-нибудь!... Видали мы этого званія-то довольно. Только на разговорѣ ихъ и взять... Голь на голи да голью погоняетъ. Только одинъ форсъ, а сертучишка нѣтъ порядочнаго.

Нѣгина.

Что̀ онъ вамъ сдѣлалъ?... Ну, за что̀ вы? За что̀ вы и меня-то мучаете?

Домна Пантелеевна.

Ну, да какъ же, эка особа! И говорить про него не смѣй! Нѣтъ, матушка, никто мнѣ не запретитъ, захочу вотъ, такъ и обругаю, въ глаза обругаю. Самыя, что̀ ни есть, обидныя слова подберу, да такъ-таки прямо ему и отпечатаю... Вотъ ты и знай, какъ съ матерью спорить, какъ съ матерью разговаривать.

Нѣгина.

Уйдите!

Домна Пантелеевна.

Вотъ еще: „уйдите!“ Да уходи сама, коли тебѣ со мной тѣсно.

Нѣгина.

Вонъ кто-то подъѣхалъ, кажется... Уйдите, маменька! Кому интересно наши съ вами умные разговоры слушать?

Домна Пантелеевна.

Такъ вотъ не уйду же. Ишь ты... Сама разобидитъ мать, какъ нельзя хуже, да еще разныя претензіи представляетъ... „Умные разговоры“. Не глупѣе я тебя съ студентомъ-то съ твоимъ, съ лохматымъ.

Нѣгина *(взглянувъ въ окно).*

Великатовъ! Въ первый разъ къ намъ... а у насъ тутъ...

Домна Пантелеевна.

Не безпокойтесь, сударыня, мамзель Нѣгина, знаменитая актриса, обращеніе не хуже васъ знаемъ... Только я тебѣ это припомню.

Нѣгина.

Смѣльская съ нимъ.

Домна Пантелеевна.

Да-съ, вотъ люди умѣютъ же...

Нѣгина.

Какія лошади, какія лошади!

Домна Пантелеевна.

Смѣльская-то катается, а мы пѣшечкомъ ходимъ. *(Входятъ Смѣльская и Великатовъ.)*

ЯВЛЕНІЕ СЕДЬМОЕ.

Нѣгина, Домна Пантелеевна, Смѣльская *и* Великатовъ.

Домна Пантелеевна.

Пожалуйте, пожалуйте, Нина Васильевна!

Смѣльская.

Здравствуйте, Домна Пантелеевна! Гостя къ вамъ привезла, Ивана Семеновича Великатова. *(Великатовъ кланяется.)*

Домна Пантелеевна.

Ахъ, очень пріятно познакомиться. Давно я васъ знаю, въ театрѣ часто видала, а познакомиться не приводилось.

Смѣльская.

Здравствуй, Саша! Я сбиралась къ тебѣ, ужъ и шляпу надѣла, а Иванъ Семеновичъ и заѣхалъ; ну, и увязался со мной. Ты не сердишься? Она, вѣдь, у насъ затворница.

Нѣгина *(подаетъ руку Великатову).*

Ахъ, что ты? Я очень рада. Вамъ бы давно догадаться, Иванъ Семеновичъ.

Великатовъ.

Не смѣлъ, Александра Николаевна; я человѣкъ робкій.

Смѣльская.

Да, ужъ робкій — похоже!

Нѣгина.

Скажите лучше, гордый.

Домна Пантелеевна.

Вотъ ужъ это ты напрасно; Иванъ Семенычъ человѣкъ обходительный со всѣми, я сама это видала. Гордости этой въ нихъ совсѣмъ нѣтъ.

Великатовъ.

Совсѣмъ нѣтъ, Домна Пантелеевна.

Домна Пантелеевна.

Я люблю правду говорить.

Великатовъ.

Я тоже, Домна Пантелеевна.

Нѣгина.

Садитесь, Иванъ Семеновичъ.

Великатовъ.

Не безпокойтесь, сдѣлайте одолженіе! У васъ, вѣроятно, какія-нибудь дѣла есть; вы на насъ не обращайте вниманія. Я съ Домной Пантелеевной побесѣдую. *(Садится у стола. Нѣгина и Смѣльская говорятъ шопотомъ.)*

Нѣгина *(Смѣльской).*

Вотъ что, Нина...

Смѣльская.

Неужели?

Нѣгина.

Да. Не знаю, чтд и дѣлать.

Смѣльская.

Какъ быть-то? Да ты бы... *(Говоритъ шопотомъ.)*

Домна Пантелеевна.

Да чтд вы, въ самомъ дѣлѣ, шепчетесь? Нешто это учтиво?

Великатовъ.

Не мѣшайте имъ! У всякаго свои дѣла.

Домна Пантелеевна.

Какія дѣла? Все пустяки. Вѣдь я знаю, про чтд говорятъ. О тряпкахъ. Вотъ у нихъ дѣла-то какія!

Великатовъ.

Для насъ съ вами тряпки — пустяки, а для нихъ — важное дѣло.

Домна Пантелеевна.

Платьишка нѣтъ къ бенефисту, да и денегъ-то.

Великатовъ.

Ну, вотъ видите! А вы говорите, что пустяки. *(Взглянувъ въ окно.)* Курочки-то это ваши?

Домна Пантелеевна.

Которыя?

Великатовъ.

А вотъ кохинхинскія.

Домна Пантелеевна.

Нѣтъ, гдѣ ужъ намъ кохетинскихъ разводить! Были двѣ гилянки да двѣ шпанки, а пѣтухъ русскій; орелъ, а не пѣтухъ — да всѣхъ разворовали.

Великатовъ.

А вы любите курочекъ-то, Домна Пантелеевна?

Домна Пантелеевна.

До страсти, батюшка, всякую птицу люблю. *(Входитъ Мелузовъ.)*

ЯВЛЕНІЕ ВОСЬМОЕ.

Нѣгина, Смѣльская, Домна Пантелеевна, Великатовъ *и* Мелузовъ.

Нѣгина *(Великатову).*

Позвольте васъ познакомить! Петръ Егоровичъ Мелузовъ. Иванъ Семеновичъ Великатовъ.

Смѣльская.

Ахъ, знаете ли, Иванъ Семеновичъ, вѣдь Петръ Егоровичъ — студентъ; онъ женихъ Сашинъ.

Великатовъ *(подавая руку).*

Очень пріятно съ вами познакомиться.

Мелузовъ.

Что̀ же тутъ пріятнаго для васъ? Вѣдь это фраза. Ну, познакомились, такъ и будемъ знакомы. Вотъ и все.

Великатовъ *(почтительно).*

Совершенно справедливо: очень много говорится пустыхъ фразъ, я съ вами согласенъ; но то, что̀ я сказалъ, извините, не фраза. Мнѣ пріятно, что артистки выходятъ замужъ за порядочныхъ людей.

Мелузовъ.

Да, коли такъ... благодарю васъ! *(Подходитъ и горячо жметъ руку Великатову.)*

Нѣгина.

Пойдемъ, Нина, я тебѣ покажу платье! Посмотри, можно ли изъ него сдѣлать что̀-нибудь! *(Великатову.)* Извините, что мы васъ оставляемъ! Но я знаю, что вамъ не будетъ скучно: вы будете разговаривать съ образованнымъ человѣкомъ: это не то, что̀ съ нами. Маменька, пойдемте! Отоприте шкапъ! *(Уходятъ Нѣгина, Смѣльская и Домна Пантелеевна.)*

ЯВЛЕНІЕ ДЕВЯТОЕ.

Великатовъ *и* Мелузовъ.

Великатовъ *(замѣтивъ на столѣ книги).*

Книжки и тетрадки.

Мелузовъ.

Да, учимся понемножку.

Великатовъ.

И успѣхи есть?

Мелузовъ.

Нѣкоторые, такъ сказать, относительные.

Великатовъ.

И того довольно. Времени у Александры Николаевны мало: чуть не каждый день новая пьеса, надо и рольку подготовить, и о костюмѣ подумать. Не знаю, какъ вы полагаете, а мнѣ кажется, что это довольно затруднительно: учить роли и грамматику вмѣстѣ.

Мелузовъ.

Да, удобствъ большихъ не представляетъ.

Великатовъ.

По крайней мѣрѣ, есть стремленіе, есть охота, и то ужъ великое дѣло. Честь вамъ и слава.

Мелузовъ.

Да за что̀ же слава-то, напримѣръ?

Великатовъ.

За благородныя намѣренія. Кому же въ голову придетъ актрису грамматикѣ учить?

Мелузовъ.

Да вы смѣетесь, можетъ быть?

Великатовъ.

Нисколько, помилуйте; я никогда себѣ не позволю. Я очень люблю молодыхъ людей.

Мелузовъ.

Ужъ будто?

Великатовъ.

Очень люблю ихъ слушать... это освѣжаетъ душу. Такіе благородные, высокіе замыслы... даже завидно.

Мелузовъ.

Чему же тутъ завидовать? Кто-жъ вамъ мѣшаетъ имѣть благородные, высокіе замыслы?

Великатовъ.

Нѣтъ, гдѣ же намъ, помилуйте! Насъ проза жизни одолѣла. И радъ бы въ рай, да грѣхи не пускаютъ.

Мелузовъ.

Какіе же грѣхи за вами водятся?

Великатовъ.

Тяжкіе. Практическія соображенія, матеріальные расчеты — вотъ наши грѣхи. Постоянно вращаешься въ сферѣ возможнаго, достижимаго; ну, душа-то и мельчаетъ; ужъ высокихъ, благородныхъ замысловъ и не приходитъ въ голову.

Мелузовъ.

Да что̀ вы называете благородными замыслами?

Великатовъ.

А такіе замыслы, въ которыхъ очень много благородства и очень мало шансовъ на успѣхъ. *(Входятъ Нѣгина, Смѣльская и Домна Пантелеевна.)*

ЯВЛЕНІЕ ДЕСЯТОЕ.

Великатовъ, Мелузовъ, Нѣгина, Смѣльская *и* Домна Пантелеевна.

Смѣльская *(Нѣгиной).*

Все это, душа моя, не годится.

Нѣгина.

Я и сама вижу. Новое дѣлать — будетъ очень дорого.

Смѣльская.

Да какъ же быть-то? Вѣдь нельзя же... Поѣдемте, Иванъ Семеновичъ!

Великатовъ.

Къ вашимъ услугамъ. *(Подаетъ руку Нѣгиной.)* Честь имѣю кланяться!

Нѣгина.

Какія у васъ лошади! Вотъ бы прокатиться какъ-нибудь.

Великатовъ.

Когда вамъ угодно, прикажите только. *(Подаетъ руку Мелузову, потомъ Домнѣ Пантелеевнѣ.)* Домна Пантелеевна, мое почтеніе! А какъ вы на мою тетеньку похожи!

Домна Пантелеевна.

Да ужли?

Великатовъ.

Вѣдь это удивительно... такое сходство... Чуть не назвалъ васъ тетенькой.

Домна Пантелеевна.

Да зовите... Зачѣмъ дѣло стало?

Смѣльская.

Ну, ѣдемте! Прощай, Саша! Прощайте! *(Кланяется всѣмъ.)*

Великатовъ *(Домнѣ Пантелеевнѣ).*

До свиданія, тетенька! *(Уходятъ Смѣльская и Великатовъ. Домна Пантелеевна провожаетъ ихъ до двери.)*

Домна Пантелеевна.

Ахъ, прокуратъ! *(Нѣгиной.)* А ты говоришь, онъ гордый! Ничего не гордый! Ужъ на что̀ еще обходительнѣе. *(Уходитъ.)*

ЯВЛЕНІЕ ОДИННАДЦАТОЕ.

Нѣгина *и* Мелузовъ.

Нѣгина *(у окна).*

Какъ покатили! Что̀ за прелесть! Счастливая эта Нина; вотъ характеръ завидный. *(Мелузовъ обнимаетъ ее.)* Ахъ, медвѣжьи объятья!... До смерти не люблю. Нѣтъ, Петя, оставь меня!

Мелузовъ.

Саша, да вѣдь я отъ тебя еще ни одной ласки не видалъ. Хороши женихъ съ невѣстой!

Нѣгина.

Послѣ, Петя, послѣ. Дай мнѣ немного успокоиться! Мнѣ теперь не до того.

Мелузовъ.

А коли не до того, такъ давай учиться!

Нѣгина.

Какое ученье! У меня бенефисъ изъ головы нейдетъ; платья нѣтъ, вотъ моя бѣда.

Мелузовъ.

Не о платьѣ же мы будемъ говорить, это не мой предметъ; по этой части я въ преподаватели не гожусь.

Нѣгина.

Охъ, мнѣ теперь не преподаваніе нужно, а деньги.

Мелузовъ.

Ну, и по этой части я тоже швахъ. Вотъ получу мѣсто, запрягусь; тогда будемъ жить безбѣдно. Ну, что̀-жъ мы будемъ дѣлать? А вотъ что̀, Саша: давай примемся за исповѣдь!

Нѣгина.

Ахъ, мнѣ всегда это какъ-то неловко!

Мелузовъ.

Ты меня стыдишься?

Нѣгина.

Нѣтъ, а какъ-то вотъ тяжело... непріятно.

Мелузовъ.

Надо побороть въ себѣ это непріятное чувство. Вѣдь ты меня просила учить тебя жить; ну, какъ же я стану тебя учить, не лекціи же читать? А, вотъ, ты мнѣ говоришь, что̀ ты чувствовала, говорила и дѣлала, а я тебѣ говорю, какъ надо чувствовать, говорить и поступать. Такъ ты постепенно и улучшаешься, и со временемъ будешь...

Нѣгина.

Что̀ буду, милый мой?

Мелузовъ.

Будешь совсѣмъ хорошей женщиной, такой, какой надо, какъ это нынче требуется отъ вашего брата.

Нѣгина.

Да, я тебѣ благодарна. Я ужъ и такъ много лучше стала, я сама это чувствую... А все тебѣ обязана, голубчикъ... Ну, изволь.

Мелузовъ *(садится у стола)*.

Садись со мной рядомъ!

Нѣгина *(садится подлѣ; Мелузовъ обнимаетъ ее одной рукой)*.

Ну, вотъ слушай! Нынче утромъ заѣзжалъ ко мнѣ князь Дулебовъ. Говорилъ, что у меня квартира не хороша, что такъ жить неприлично; ну, я немножко обидѣлась, сказала, что коли моя квартира ему не нравится, такъ никто его не принуждаетъ бывать здѣсь.

Мелузовъ.

Молодецъ, Саша! Далѣе!

Нѣгина.

Далѣе, предложилъ мнѣ переѣхать на другую квартиру, хорошую.

Мелузовъ.

Зачѣмъ это ему?

Нѣгина.

А затѣмъ, что у него очень много нѣжности въ душѣ, и что ему, видишь ты, ласкать некого.

Мелузовъ *(хохочетъ).*

Вотъ силлогизмъ неожиданный! Такъ какъ мнѣ ласкать некого, а ласкать нужно, то эта квартира не хороша, и вы должны переѣхать на новую квартиру. *(Хохочетъ.)* Ай да князь! Одолжилъ.

Нѣгина.

Ты вотъ смѣешься, тебѣ весело, а я расплакалась.

Мелузовъ.

Такъ и надо: мнѣ смѣяться, а тебѣ плакать.

Нѣгина.

Да почему же это?

Мелузовъ.

Да ты подумай! Если бы отъ такихъ разговоровъ тебѣ очень весело было, а я бы заплакалъ, хорошо ли бы это было?

Нѣгина *(подумавъ).*

Да, ужъ это было бы очень не хорошо. Ахъ, ты головка! *(Гладитъ его по головѣ.)* Скажи мнѣ, Петя, отчего ты такой умный?

Мелузовъ.

Умный или нѣтъ, это еще вопросъ; но что я умнѣй многихъ васъ, въ этомъ нѣтъ сомнѣнія. И умнѣй оттого, что я больше думаю, чѣмъ говорю; а вы больше говорите, чѣмъ думаете.

Нѣгина.

Ну, теперь ужъ я тебѣ скажу самую откровенную вещь... Только ты, пожалуйста, не сердись! Это ужъ нашъ порокъ женскій. Я сегодня позавидовала.

Мелузовъ.

Кому ты можешь завидовать, милая? Въ чемъ?

Нѣгина.

Да только ты не сердись! Смѣльской... что она такъ весело живетъ, катается на такихъ лошадяхъ. Дурно, знаю, что дурно.

Мелузовъ.

Зависть да ревность — опасныя чувства: мужчины это знаютъ хорошо и пользуются вашей слабостью. Изъ зависти да изъ ревности женщина много дурного способна натворить.

Нѣгина.

Знаю, знаю, видала примѣры. Мнѣ такъ это на минуту въ голову пришло: я потомъ одумалась.

Мелузовъ.

Надо ужъ что-нибудь одно, Саша. Мы съ тобой хотимъ честную, трудовую жизнь вести, такъ объ лошадяхъ ли намъ думать!

Нѣгина.

Да, конечно! Вѣдь и въ трудовой жизни есть свои удовольствія, Петя? Вѣдь бываютъ?

Мелузовъ.

Еще бы!

Нѣгина.

Ты у насъ пообѣдай! Послѣ обѣда я тебѣ роль почитаю, такъ и проведемъ цѣлый день вмѣстѣ. Будемъ привыкать къ тихой, семейной жизни.

Мелузовъ.

Безподобно!

Нѣгина *(прислушиваясь)*.

Это что такое? Подъѣхалъ кто-то. *(Входитъ Смѣльская съ двумя свертками въ рукахъ.)*

ЯВЛЕНІЕ ДВѢНАДЦАТОЕ.

Нѣгина, Мелузовъ *и* Смѣльская.

Смѣльская.

Вотъ, Саша, на! *(Подаетъ одинъ свертокъ.)* Это Иванъ Семеновичъ купилъ намъ по платью. Это тебѣ, а это мнѣ. *(Развертываютъ и смотрятъ оба куска.)*

Мелузовъ.

Да какое же онъ имѣетъ право дѣлать подарки Александрѣ Николаевнѣ?

Смѣльская.

Ахъ, оставьте, пожалуйста, ваши разсужденія! Ваша философія теперь не къ мѣсту. Это совсѣмъ не подарокъ; это онъ ей за билетъ въ бенефисъ.

Мелузовъ.

А вамъ за чтò?

Смѣльская.

А вамъ какое дѣло? За то, что любитъ меня.

Нѣгина.

Именно то, чтò мнѣ нужно, Нина. Ахъ, какъ мило!

Смѣльская.

Вѣдь я выбирала; ужъ я знаю, чтò тебѣ требуется. Ну, ѣдемъ, Саша, ѣдемъ скорѣй!

Нѣгина.

Куда?

Смѣльская.

Кататься, я на лошадяхъ Ивана Семеновича, а потомъ обѣдать въ вокзалъ. Онъ звалъ всю труппу, хочетъ проститься со всѣми; онъ скоро уѣзжаетъ.

Нѣгина *(задумчиво)*.

Право, не знаю.

Смѣльская.

Да чтò ты, помилуй! Объ чемъ тутъ думать? Развѣ отказаться можно? Должна же ты поблагодарить его?

Мелузовъ.

Весьма любопытно, какъ вы поступите въ этомъ случаѣ?

Нѣгина.

Знаете чтò, Петръ Егоровичъ? Я думаю, что мнѣ надо ѣхать, а то не учтиво. Можно вооружить противъ себя всю публику: князь ужъ сердится, да и Великатовъ можетъ обидѣться.

Мелузовъ.

А когда же мы будемъ къ тихой, семейной жизни привыкать?

Смѣльская.

Это ужъ послѣ бенефиса, Петръ Егоровичъ. Время ли теперь о семейной жизни думать? Это смѣшно даже. Еще семейная-то жизнь успѣетъ надоѣсть, а теперь нужно пользоваться случаемъ.

Нѣгина *(рѣшительно)*.

Нѣтъ, Петръ Егоровичъ, я поѣду. Въ самомъ дѣлѣ, отказываться не хорошо.

Мелузовъ.

Какъ вамъ угодно; это ваше дѣло.

Нѣгина.

Тутъ не въ томъ дѣло, угодно ли мнѣ; можетъ быть, мнѣ и не угодно, а необходимо ѣхать, конечно, необходимо, и разсуждать нечего.

Мелузовъ.

Такъ поѣзжайте!

Смѣльская.

Сбирайся, сбирайся!

Нѣгина.

Я сейчасъ. *(Уходитъ за перегородку со сверткомъ.)*

Смѣльская.

Вы не ревновать ли вздумали? Такъ успокойтесь: онъ черезъ день уѣзжаетъ, да и я не уступлю его Сашѣ.

Мелузовъ.

„Не уступлю!“ Вы меня извините, я такихъ отношеній между мужчинами и женщинами не понимаю.

Смѣльская.

Да гдѣ же еще вамъ понимать! Вѣдь вы жизни совсѣмъ не знаете. А вотъ поживите между нами, такъ научитесь все понимать. *(Входитъ Нѣгина одѣтая.)* Ну, идемъ! Прощайте! *(Уходитъ.)*

Нѣгина.

Петя, ты приходи вечеромъ; мы будемъ учиться; я буду умница; я буду тебя слушаться всегда во всемъ, а теперь прости меня! Ну, прости, милый! *(Цѣлуетъ его и убѣгаетъ.)*

Мелузовъ *(нахлобучиваетъ шляпу)*.

Гм! *(Подумавъ.)* Зашагаемъ ко дворамъ! Ничего не подѣлаешь!

Занавѣсъ.

ДѢЙСТВІЕ ВТОРОЕ.

ЛИЦА:

Нѣгина.
Смѣльская.
Князь Дулебовъ.
Великатовъ.
Бакинъ.
Мелузовъ.
Нароковъ.
Гаврила Петровичъ Мигаевъ — антрепренеръ.
Ерастъ Громиловъ — трагикъ.
Вася, молодой купчикъ, пріятной наружности и съ приличными манерами.
Публика разнаго рода, болѣе купеческая.

Городской садъ. Направо отъ актеровъ заднiй уголъ театра (деревяннаго) съ входной дверью на сцену; ближе къ авансценѣ садовая скамья; налѣво, на первомъ планѣ, подъ деревьями, скамейка и столъ; въ глубинѣ подъ деревьями столики и садовая мебель.

ЯВЛЕНІЕ ПЕРВОЕ.

Трагикъ *сидитъ у стола, опустивъ голову на руку; изъ театра выходитъ* Нароковъ.

Трагикъ.

Мартынъ, антрактъ?

Нароковъ.

Антрактъ. А ты ужъ опять „за Ураломъ за рѣкой?“

Трагикъ.

Гдѣ мой Вася? Гдѣ мой Вася?

Нароковъ.

А я почемъ знаю.

Трагикъ.

Мартынъ, поди сюда!

Нароковъ *(подходя).*

Ну, пришелъ сюда, ну, чтò?

Трагикъ.

Деньги есть?

Нароковъ.

Ни крейцера.

Трагикъ.

Мартынъ... для друга! Велико это слово!

Нароковъ.

Pas un sou; хоть выворотп карманы.

Трагикъ.

Скверно.

Нароковъ.

На что хуже.

Трагикъ *(покачавъ головой)*.

О люди, люди!... *(Молчаніе.)* Мартынъ!

Нароковъ.

Что еще?

Трагикъ.

Займи, поди!

Нароковъ.

У кого прикажете? Кредитъ-то у насъ съ тобой необширный.

Трагикъ.

О люди, люди!

Нароковъ.

Да, ужъ дѣйствительно „о люди, люди!“

Трагикъ.

И ты, Мартынъ, возропталъ?

Нароковъ.

Какая-то гнусная, дьявольская интрига затѣвается.

Трагикъ *(грозно)*.

Интрига? Гдѣ? Противъ кого?

Нароковъ.

Противъ Александры Николаевны.

Трагикъ *(еще грознѣе)*.

Кто онъ? Гдѣ онъ? Скажи ему отъ меня, что онъ со мной будетъ имѣть дѣло, съ Ерастомъ Громиловымъ!

Нароковъ.

Ничего ты не сдѣлаешь. Замолчи! Не раздражай меня! Я и такъ разстроенъ, а ты шумишь безъ толку. Мука мнѣ съ вами! У всѣхъ у васъ и много лишняго, и многаго не хватаетъ. Я измаялся, глядя на васъ. У комиковъ много лишняго ко-

мизма, а у тебя много лишняго трагизма; а не хватаетъ у васъ граціи... граціи, мѣры. А мѣра-то и есть искусство... Вы не актеры, вы шуты гороховые!

Трагикъ.

Нѣтъ, Мартынъ, я благороденъ... Ахъ, какъ я благороденъ! Одно, братъ Мартынъ, обидно, что благороденъ-то я только въ пьяномъ видѣ... *(Опускаетъ голову и трагически рыдаетъ.)*

Нароковъ.

Ну, вотъ и шутъ, ну, вотъ и шутъ!

Трагикъ.

Мартынъ! говорятъ, что̀, ты сумасшедшій; скажи мнѣ, правда это, или нѣтъ?

Нароковъ.

Правда, я согласенъ, но только съ однимъ условіемъ: если вы всѣ здѣсь умные, такъ я сумасшедшій, я тогда спорить не стану.

Трагикъ.

Знаешь, Мартынъ, на что̀ мы съ тобой похожи?

Нароковъ.

На что̀?

Трагикъ.

Ты знаешь Лира?

Нароковъ.

Знаю.

Трагикъ.

Такъ, помнишь, тамъ, въ лѣсу, въ бурю... Я — Лиръ, а ты — мой дуракъ.

Нароковъ.

Нѣтъ, не заблуждайся, Лировъ нѣтъ межъ нами; а кто изъ насъ дуракъ, это я предоставляю тебѣ самому догадаться. *(Изъ театра выходитъ Нѣгина.)*

ЯВЛЕНІЕ ВТОРОЕ.

Трагикъ, Нароковъ *и* Нѣгина.

Нѣгина.

Что̀-жъ это такое, Мартынъ Прокофьевичъ? Что̀ они со мной дѣлаютъ?

Нароковъ *(хватаясь за голову).*

Не знаю, не знаю, не спрашивайте меня.

Нѣгина.

Да вѣдь это обидно до слезъ.

Нароковъ.

О, не плачьте; они не стóятъ вашихъ слезъ. Вы бѣлый голубь въ черной стаѣ грачей, вотъ они и клюютъ васъ. Бѣлизна, чистота ваша имъ обидна.

Нѣгина *(сквозь слезы).*

Послушайте, Мартынъ Прокофьевичъ, вѣдь при васъ, при васъ, помните, онъ обѣщалъ дать мнѣ сыграть передъ бенефисомъ. Я жду, я цѣлую недѣлю не играла, сегодня послѣдній спектакль передъ бенефисомъ, а онъ, противный, чтò же дѣлаетъ? Назначаетъ „Фру-фру“ со Смѣльской.

Нароковъ.

Кинжалъ въ грудь по рукоятку!

Нѣгина.

Устраиваютъ ей оваціи наканунѣ моего бенефиса, подносятъ букеты, а меня публика и забыла совсѣмъ. Какой же у меня можетъ быть сборъ?

Трагикъ.

Офелія, удались отъ людей!

Нѣгина.

Я стала ему говорить, онъ только шутитъ да смѣется въ глаза.

Нароковъ.

Дерево онъ у насъ, дерево, дубъ, осина.

Трагикъ.

Офелія, удались отъ людей!

Нѣгина.

Мартынъ Прокофьевичъ, вы только одни меня любите.

Нароковъ.

О, да, больше жизни, больше свѣта!

Нѣгина.

Я васъ понимаю и сама люблю.

Нароковъ.

Понимаете, любите? Ну, вотъ, я и счастливъ, да, да... *(тихо смѣется)* какъ ребенокъ счастливъ.

Нѣгина.

Мартынъ Прокофьевичъ, сдѣлайте одолженіе, поищите Петра Егоровича; скажите ему, чтобы онъ ко мнѣ на сцену пришелъ.

Нароковъ.

Я такъ счастливъ, что съ удовольствіемъ позову и приведу къ вамъ вашего любовника.

Нѣгина.

Онъ женихъ, Мартынъ Прокофьевичъ, а не любовникъ.

Нароковъ.

Все равно, все равно, голубь мой бѣлый! Женихъ, мужъ; но если вы его любите, такъ онъ вашъ любовникъ. Но я ему не завидую, я самъ счастливъ.

Нѣгина.

Да зайдите въ кассу, узнайте, берутъ ли на мой бенефисъ. Я подожду васъ въ уборной: будемъ чай пить. *(Нароковъ уходитъ.)*

Трагикъ.

Коли съ ромомъ, такъ и я буду.

Нѣгина.

Нѣтъ, безъ рому. *(Уходитъ на сцену.)*

Трагикъ.

Гдѣ мой Вася? Гдѣ мой Вася? *(Уходитъ въ глубину сада. Входятъ князь Дулебовъ и Мигаевъ.)*

ЯВЛЕНІЕ ТРЕТЬЕ.

Дулебовъ *и* Мигаевъ.

Дулебовъ.

Нѣгина намъ не годится, говорю я вамъ. Вы обязаны угождать благородной публикѣ, свѣтской, а не райку. Ну, а намъ она не по вкусу, слишкомъ проста, ни манеръ, ни тону.

Мигаевъ.

Гардеробу не имѣетъ хорошаго, а талантъ большой-съ.

Дулебовъ.

Ну, талантъ! Много вы, мой милый, понимаете!

Мигаевъ.

Дѣйствительно, ваше сіятельство, я понимаю не очень много; но, вѣдь, мы судимъ... извините, ваше сіятельство, по карману: дѣлаетъ сборы большіе, такъ и талантъ.

Дулебовъ.

Ну, да, конечно; вы матеріалисты.

Мигаевъ.

Совершенно справедливо изволили сказать, ваше сіятельство, мы матеріалисты.

Дулебовъ.

Вы не понимаете этого... тонкаго... какъ это сказать... этого шику.

Мигаевъ.

Не понимаемъ, ваше сіятельство. Но позвольте вамъ доложить, я въ прошломъ году выписалъ знаменитость съ шикомъ на великосвѣтскія роли...

Дулебовъ.

Ну, что̀ же?

Мигаевъ.

Убытокъ, ваше сіятельство. Ни красы, ни радости.

Дулебовъ.

Красы не было? Ну, какъ это возможно сказать, какъ можно позволить себѣ сказать, что красы не было?

Мигаевъ.

Виноватъ, ваше сіятельство. Краса, дѣйствительно, была: бывало, когда она одѣвается, такъ вся труппа подлѣ уборной, кто въ двери, кто въ щелочки. Вѣдь у насъ уборныя прозрачныя, ажуръ устроены.

Дулебовъ *(хохочетъ)*.

Ха, ха, ха! Вотъ видите! Ну, и радость тоже.

Мигаевъ.

Такъ точно-съ, и радость была... для вашего сіятельства, а для меня горе.

Дулебовъ.

Ха, ха, ха! Ты каламбуристъ.

Мигаевъ.

Нельзя же безъ этого, всего есть понемножку, а то пропадешь; наше званіе такое, ваше сіятельство.

Дулебовъ.

Ты бы водевили писалъ. Извините, я вамъ говорю „ты“... Но это только знакъ расположенія, мой милый.

Мигаевъ.

А изъ чего же мы и бьемся, какъ не изъ расположенія. Только осчастливьте, ваше сіятельство... А тамъ „ты“ ли, „вы“ ли — это рѣшительно все равно.

Дулебовъ.

Нѣтъ, зачѣмъ же? Я учтивъ, я всегда деликатенъ. Такъ чтò же вы водевилей не пишете?

Мигаевъ.

Пробовалъ, ваше сіятельство.

Дулебовъ.

Ну, чтò же?

Мигаевъ.

Театрально-литературный комитетъ не одобряетъ.

Дулебовъ.

Странно. Отчего же такъ?

Мигаевъ.

Не могу знать, ваше сіятельство.

Дулебовъ.

А вы въ другой разъ, коли напишете, такъ скажите мнѣ. Я вамъ сейчасъ... у меня тамъ. Ну, да чтò тутъ. Только скажите.

Мигаевъ.

Слушаю, ваше сіятельство.

Дулебовъ.

А я ужъ это сейчасъ!... у меня тамъ... ну, да чтò толковать, только скажите... А я вамъ, вмѣсто Нѣгиной, выпишу актрису настоящую, и собой *(разводитъ руками)* ужъ, мое почтеніе! Пальчики оближете.

Мигаевъ.

Пальчики облизать, это ничего, это еще можно стерпѣть: не пришлось бы кулакомъ слезы утирать, ваше сіятельство?

Дулебовъ.

Ха, ха, ха! Вы каламбуристъ! Нѣтъ, право, пишите водевили, пишите, я совѣтую. А актриса, я вамъ говорю, прелесть.

Мигаевъ.

Цѣна, ваше сіятельство?

Дулебовъ.

Ну, цѣна, конечно, подороже.

Мигаевъ.

Изъ какихъ же доходовъ, ваше сіятельство? Гдѣ взять прикажете? И такъ годъ отъ году на нихъ цѣна растетъ, а сборы все хуже да хуже. Платимъ жалованье, очертя голову, точно милліонщики. Развѣ исполу, ваше сіятельство?

Дулебовъ.

Чтò такое „исполу“! Какъ такъ исполу?

Мигаевъ.

Пополамъ, половину жалованья вы, половину я.

Дулебовъ.

Ха, ха, ха! Ну, пожалуй... Ну чтò такое Нѣгина? Какая это первая актриса? Съ ней скучно, мой милый; она не оживляетъ общества; она наводитъ на насъ уныніе.

Мигаевъ.

Чтò же дѣлать! Ужъ если такъ угодно вашему сіятельству, такъ я съ ней контракта не возобновлю.

Дулебовъ.

Да, непремѣнно.

Мигаевъ.

У нея контрактъ кончается.

Дулебовъ.

Ну, вотъ и прекрасно. Вся наша публика будетъ вамъ благодарна.

Мигаевъ.

Да публики-то вашей, ваше сіятельство, только первый рядъ креселъ.

Дулебовъ.

За то мы даемъ тонъ.

Мигаевъ.

Какъ бы не прогадать?

Дулебовъ.

О, нѣтъ, не безпокойтесь! Публика къ ней охладѣла: вотъ посмотрите, въ бенефисъ у нея совсѣмъ сбору не будемъ. Хотите пари?

Мигаевъ.

Спорить не смѣю.

Дулебовъ.

Да и нельзя со мной спорить; я лучше васъ знаю публику и понимаю дѣло. А я такую актрису выпишу, что она здѣсь всѣхъ одушевитъ. Мы тогда заживемъ припѣваючи.

Мигаевъ.

Припѣваючи? Волкомъ бы не завыть, ваше сіятельство.

Дулебовъ.

Ха, ха, ха! Нѣтъ, ты каламбуристъ, рѣшительно каламбуристъ. Ахъ, извините! Это у меня, когда ужъ очень я разговорюсь, въ дружеской бесѣдѣ, а то я вообще, деликатенъ... я даже и съ прислугой... *(Вынимаетъ портсигаръ.)* Хочешь сигару?

Мигаевъ.

Пожалуйте, ваше сіятельство. *(Беретъ сигару.)* Дорогія-съ?

Дулебовъ.

Я дешевыхъ не курю.

Мигаевъ.

А у меня горе, ваше сіятельство.

Дулебовъ.

Что̀ такое?

Мигаевъ.

Трагикъ запилъ. Вонъ онъ бродитъ по саду.

Дулебовъ.

А паспортъ у него въ порядкѣ?

Мигаевъ.

Когда-жъ у нихъ въ порядкѣ бываютъ, ваше сіятельство?

Дулебовъ.

Такъ можно пугнуть: что, молъ, по этапу на мѣсто жительства.

Мигаевъ.

Нѣтъ, ужъ пугать-то ихъ, ваше сіятельство, не приходится: себѣ дороже.

Дулебовъ.

А чтò?

Мигаевъ.

Душа у нихъ очень широка, ваше сіятельство. Мнѣ, говоритъ, хоть въ Камчатку, а ты — мерзавецъ! Да такъ онъ это слово, ваше сіятельство, выразительно выговоритъ, что не до разговоровъ, а только подумываешь, какъ бы ноги унести.

Дулебовъ.

Да, въ такомъ случаѣ, лучше лаской.

Мигаевъ.

Ужъ и то ласкаю. Удивляются, ваше сіятельство, что укротители ко львамъ въ клѣтку ходятъ; насъ этимъ не удивишь. Я скорѣй соглашусь ко льву подойти, чѣмъ къ трагику, когда онъ не въ духѣ или пьянъ.

Дулебовъ.

Ха, ха, ха! Однако, задали они вамъ страху. Я пойду, поищу своихъ. *(Уходитъ за дверь. Входитъ трагикъ.)*

ЯВЛЕНІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

Мигаевъ *и* Трагикъ.

Мигаевъ *(подаетъ сигару).*

Хочешь сигару?

Трагикъ.

Грошовая? Отъ тебя вѣдь хорошей не дождешься.

Мигаевъ.

Нѣтъ, хорошая, княжеская.

Трагикъ.

А чтò-жъ самъ не куришь?

Мигаевъ.

Да у меня свои-то лучше. *(Вынимаетъ серебряный портсигаръ.)*

Трагикъ.

Вотъ какой портсигаръ у тебя, а говоришь, денегъ нѣтъ.

Мигаевъ.

Да, чудакъ, давно-бъ я его заложилъ, да нельзя — дареный, въ знакъ памяти, пуще глаза его берегу. Видишь надпись: „Гавріилу Петровичу Мигаеву отъ публики".

Трагикъ.

Эѳіопъ!

Мигаевъ.

Толкуй съ тобой, коли ты резоновъ не понимаешь. Вонъ публика; должно быть, актъ кончился. *(Уходитъ.)*

Трагикъ *(вслѣдъ ему).*

Эѳіопъ! *(Садится къ столу.)* О люди, люди! *(Опускаетъ голову на руки. Входятъ Дулебовъ, Великатовъ и Вася.)*

ЯВЛЕНІЕ ПЯТОЕ.

Трагикъ, Дулебовъ, Великатовъ, Бакинъ *и* Вася.

Бакинъ.

Это прекрасно; такъ ихъ и надо учить, впередъ умнѣе будутъ. Я въ кассу заходилъ, справлялся; сбору четырнадцать рублей.

Вася.

Капиталъ не большой-съ. Еще завтра поторгуютъ утромъ да вечеромъ; оно и понаберется.

Бакинъ.

Сто рублей. Больше не будетъ.

Вася.

И то деньги-съ.

Бакинъ.

Не велики. Вѣдь, чай, и должишки есть, за тряпочки за разныя. Безъ этого актрисы не живутъ. *(Васѣ.)* Вамъ не должна?

Вася.

Мы въ кредитъ не отпускаемъ-съ.

Бакинъ.

Скрываете. Я это люблю, это очень пріятно, когда общественное мнѣніе такъ дружно высказывается. *(Великатову.)* Какъ вы полагаете?

Великатовъ.

Совершенно согласенъ съ вами.

Бакинъ.

Она въ лицѣ князя оскорбила наше общество, а общество платитъ ей за это равнодушіемъ, даетъ понять, что оно забыло о ея существованіи. Вотъ когда придется ей зубы на полку положить, такъ и выучится приличному обхожденію.

Вася.

Чѣмъ же госпожа Нѣгина оскорбила его сіятельство?

Бакинъ.

Да вы знаете князя Ираклія Стратоновича? Вотъ онъ!

Вася.

Какъ же намъ не знать-съ, и ктò-жъ въ нашихъ палестинахъ не знаетъ ихъ сіятельства?

Дулебовъ.

Да, мы съ нимъ знакомы давно, я еще и отца его...

Бакинъ *(Васѣ)*.

Значитъ, вы знаете, чтò это за человѣкъ? Это человѣкъ въ высшей степени почтенный, это нашъ Аристархъ, душа нашего общества, человѣкъ съ большимъ вкусомъ, умѣющій хорошо пожить, человѣкъ, любящій искусство и тонко его понимающій, покровитель всѣхъ художниковъ, артистовъ, а преимущественно артистокъ...

Дулебовъ.

Не довольно ли?

Бакинъ.

Каждому по заслугамъ, князь. И кромѣ того, человѣкъ щедрый, гостепріимный, отличный семьянинъ. Господа, замѣтьте это! Это рѣдкость въ наше время. Ну, однимъ словомъ, человѣкъ почтеннѣйшій во всѣхъ отношеніяхъ. Такъ я говорю?

Вася.

Точно такъ-съ.

Бакинъ *(Великатову)*.

Кажется, тутъ двухъ мнѣній быть не можетъ?

Великатовъ.

Совершенно съ вами согласенъ.

Бакинъ.

И этотъ, господа, почтеннѣйшій во всѣхъ отношеніяхъ человѣкъ и отличный семьянинъ пожелалъ осчастливить своей благосклонностью дѣвицу и именно Нѣгину. Что̀ тутъ дурного, я васъ спрашиваю? Онъ очень учтиво говоритъ ей: „Хотите, душенька, итти ко мнѣ на содержаніе?“ А она изволила обидѣться и расплакаться.

Дулебовъ.

Нѣтъ, ужъ, Григорій Антоновичъ, оставьте, сдѣлайте одолженіе!

Бакинъ.

Почему же, князь?

Дулебовъ.

Вы когда начнете хвалить кого-нибудь, такъ у васъ выходитъ, что почтенный во всѣхъ отношеніяхъ человѣкъ оказывается совсѣмъ непочтеннымъ.

Бакинъ.

Какъ вамъ угодно. Я не знаю... я всегда говорю правду. Позвольте, князь, я продолжу немножко. Такъ, изволите видѣть, госпожа Нѣгина обидѣлась. Ей бы и въ голову не пришло обижаться, по крайней мѣрѣ, своимъ умомъ ей бы никакъ до этого не дойти, потому что, въ сущности, тутъ для нея нѣтъ ничего обиднаго. Оказывается постороннее вліяніе.

Дулебовъ.

Да, я слышалъ.

Бакинъ.

У этой барышни нашелся наставникъ студентъ; значитъ, дѣло объясняется просто.

Дулебовъ.

И въ театръ проникли.

Бакинъ.

Знали бы свое дѣло, рѣзали бы собакъ да лягушекъ, а то вздумали актрисъ просвѣщать. Ученая пропаганда между актрисами — дѣло опасное; противъ нея надо принять неотложныя мѣры.

Дулебовъ.

Конечно.

Бакинъ.

Ну, какъ они просвѣтятъ ихъ въ самомъ дѣлѣ; куда-жъ намъ тогда съ княземъ дѣться?

Дулебовъ.

Ну, ужъ довольно: прошу васъ!

Бакинъ.

Извольте, я кончилъ. *(Великатову.)* Вы, кажется, хотѣли уѣхать сегодня?

Великатовъ.

Не всегда можно разсчитывать навѣрное. Я, дѣйствительно, хотѣлъ уѣхать сегодня; но теперь мнѣ представляется одна операція, на которую я прежде не разсчитывалъ.

Бакинъ.

Нажива манитъ?

Великатовъ.

Это дѣло рискованное: можно и нажить, а очень легко и потерять.

Бакинъ.

Хорошо бы сегодня поужинать вмѣстѣ.

Великатовъ.

Что̀-жъ я не прочь.

Бакинъ.

Князь, какъ вы?

Дулебовъ.

Да, пожалуй, поѣдемте.

Бакинъ.

Сойдемся здѣсь по окончаніи спектакля, да и поѣдемъ куда-нибудь! Теперь что̀ тамъ? Дивертисментъ?

Вася.

Разсказчикъ какой-то разсказываетъ.

Дулебовъ.

Что̀-жъ, пойдемте, посмѣемтесь.

Бакинъ.

Коли есть чему, прибавьте князь. *(Бакинъ, Дулебовъ и Великатовъ уходятъ.)*

Трагикъ.

Гдѣ мой Вася?

Вася *(подходя).*

Здѣсь Вася. Что̀ тебѣ?

Трагикъ.

Гдѣ ты, братецъ, пропадаешь?

Вася.

Да тебѣ что̀ нужно-то отъ меня? Говори скорѣе!

Трагикъ.

Что̀ нужно? Уваженіе нужно. Развѣ ты своей обязанности не знаешь?

Вася.

Ну, подожди немножечко, уважу. Вѣдь ужъ долго ждалъ, такъ немножко-то подождать можешь. Я пойду разсказчика послушаю: всѣ наши тамъ. Ну, будь другъ, не держи меня!

Трагикъ.

Ступай! Я благороденъ. *(Вася уходитъ. Со сцены выходятъ Нѣгина, Смѣльская и Мелузовъ; у него на рукѣ пледъ и накидка Нѣгиной.)*

ЯВЛЕНІЕ ШЕСТОЕ.

Трагикъ, Нѣгина, Смѣльская *и* Мелузовъ.

Смѣльская.

Да, Саша, твое положеніе очень непріятное; я понимаю; только я тутъ ни въ чемъ не виновата. Ахъ, Саша, и я въ большомъ затрудненіи!

Нѣгина.

Не можетъ быть: какія у тебя затрудненія? Я не вѣрю. Тебѣ такъ легко, хорошо живется на свѣтѣ.

Смѣльская.

А вотъ видишь. *(Отводитъ Нѣгину къ сторонѣ.)* За мной очень ухаживаетъ князь.

Нѣгина.

Такъ что̀-жъ? Ужъ это твое дѣло.

Смѣльская.

Конечно, мое дѣло, я это знаю; но мнѣ и Великатова не хочется упустить.

Нѣгина *(съ нѣкоторымъ волненіемъ).*

А развѣ Великатовъ тоже за тобой ухаживаетъ?

Смѣльская.

Онъ странный какой-то: каждый день бываетъ у меня, исполняетъ всѣ мои желанія, а ничего не говоритъ... Онъ робокъ, должно быть. Вѣдь бываютъ такіе характеры. Какъ мнѣ теперь поступить, ужъ я и не знаю. Показать князю холодность — наживешь врага; а Великатовъ, пожалуй, уѣдетъ завтра, и его потеряешь. Любезничать съ княземъ будетъ и неблагодарно съ моей стороны, да и Великатовъ мнѣ гораздо больше нравится.

Нѣгина.

Еще бы! Конечно... Кому онъ не понравится?

Смѣльская.

Ты находишь? А что̀ я узнала про него! Вѣдь у него милліонное состояніе; онъ только прикидывается такимъ простымъ. Ужъ и не знаю, что̀ мнѣ дѣлать. Повѣришь ли, Саша, измучилась.

Нѣгина.

Я вѣдь ничего не понимаю въ этихъ дѣлахъ; спроси вонъ Петра Егорыча.

Смѣльская.

Что̀ ты! А онъ-то что̀ понимаетъ? Онъ будетъ городить свою философію; нужно очень. И ты, милая Саша, напрасно его слушаешь! Не слушай, не слушай ты его, коли добра себѣ желаешь. Онъ тебя только съ толку сбиваетъ. Философія-то хороша въ книжкахъ, а онъ поживи-ка, попробуй, на нашемъ мѣстѣ! Ужъ есть ли что̀ хуже нашего женскаго положенія! Ты домой, такъ пойдемъ!

Нѣгина.

Мнѣ бы хотѣлось поговорить съ Гавриломъ Петровичемъ: я его дожидаюсь.

Смѣльская.

Такъ и я подожду. *(Подходятъ къ Мелузову, который смотритъ на Трагика.)*

Трагикъ *(поднимая голоув, Мелузову)*.

Кто ты такой? Зачѣмъ ты здѣсь?

Нѣгина.

Онъ со мной пришелъ.

Трагикъ.

Александра Николаевна!... Саша! Офелія! Зачѣмъ онъ здѣсь?

Нѣгина.

Это мой женихъ, мой учитель.

Трагикъ.

Учитель! Чему же онъ тебя учитъ?

Нѣгина.

Всему хорошему.

Трагикъ *(Мелузову)*.

Ну, поди сюда! *(Мелузовъ подходитъ.)* Давай руку! *(Мелузовъ подаетъ руку.)* Я самъ тоже учитель, да, учитель. Чтò ты на меня смотришь? Я учу богатаго купца.

Мелузовъ.

А позволено ли мнѣ будетъ спросить?...

Трагикъ.

Спрашивай!

Мелузовъ.

Чему, напримѣръ, вы учите?

Трагикъ.

Благородству.

Мелузовъ.

Предметъ серьезный.

Трагикъ.

Я думаю, да-съ... я думаю. Это не то, чтò твоя географія, какая-нибудь. Значитъ, мы съ тобой учителя, ну, и прекрасно. По этому случаю, пойдемъ въ буфетъ, выпьемъ, и, разумѣется, на твой счетъ.

Мелузовъ.

Ну, ужъ извините! На этомъ поприщѣ я вамъ не товарищъ: я не пью.

Трагикъ.

Саша, Саша! Александра! Къ намъ, къ артистамъ, въ храмъ музъ, кого ты водишь съ собой?

Мелузовъ.

Да пойдемте! Вы будете пить вино, а я стаканъ воды выпью.

Трагикъ.

Пошелъ ты къ чорту! Уберите его! *(Опускаетъ голову.)*

Гдѣ мой Вася? *(Входятъ Дулебовъ, Великатовъ, Бакинъ, Вася; за ними лакей изъ буфета съ бутылкой портвейна и рюмками; нѣсколько лицъ изъ публики, которыя остаются въ глубинѣ сцены.)*

ЯВЛЕНІЕ СЕДЬМОЕ.

Дулебовъ *садится на скамейку съ правой стороны; съ нимъ рядомъ садится* Смѣльская, *неподалеку отъ нихъ* Мелузовъ *и* Нѣгина; *къ нимъ подходятъ съ лѣвой стороны* Великатовъ *и* Бакинъ. Трагикъ *сидитъ въ прежнемъ положеніи; къ нему подходятъ* Вася *и* лакей изъ буфета, *который ставитъ бутылку и рюмки на столъ и отходитъ къ сторонѣ.* Публика *частію стоитъ, а частію садится за столики въ глубинѣ; потомъ* Мигаевъ.

Вася *(трагику, наливая рюмку вина).*

Покорнѣйше прошу, пожалуйте!

Трагикъ.

Не проси, и такъ выпью. Къ чему много словъ: „покорнѣйше прошу, пожалуйте!“ Скажи: пей! Видишь, какъ просто — всего только одно слово, а какая мысль глубокая. *(Изъ театра выходитъ Мигаевъ.)*

Нѣгина.

Гаврила Петровичъ, пожалуйте сюда!

Мигаевъ *(подходя къ Нѣгиной).*

Чтò вамъ угодно?

Нѣгина.

На сценѣ вы все бѣгали отъ меня; я желаю теперь поговорить съ вами здѣсь, при постороннихъ.

Мелузовъ.

Да, интересно будетъ выслушать отъ васъ мотивы вашихъ поступковъ.

Мигаевъ.

Какихъ поступковъ-съ?

Мелузовъ.

Вы назначили бенефисъ Александры Николаевны въ самомъ концѣ ярмарки.

Мигаевъ.

Самое лучшее время-съ. По контракту я обязанъ дать бенефисъ госпожѣ Нѣгиной во время ярмарки; но тамъ не сказано, въ началѣ или въ концѣ; это ужъ мое дѣло-съ.

Мелузовъ.

Вы стоите на почвѣ закона; это я понимаю. Но, кромѣ закона, существуютъ еще для человѣка нравственныя обязанности.

Мигаевъ.

Это какія же такія-съ, и къ чему весь этотъ разговоръ?

Мелузовъ.

А вотъ послушайте: вы отодвинули бенефисъ до послѣдняго дня, поздно выпустили афиши и не дали Александрѣ Николаевнѣ сыграть передъ бенефисомъ. Это ваши поступки?

Мигаевъ.

Точно такъ-съ.

Мелузовъ.

Но Александра Николаевна этого не заслужила, потому что въ продолженіе ярмарки доставляла вамъ всегда полные сборы, чего другіе не дѣлали. Вотъ и потрудитесь оправдать свое поведеніе.

Трагикъ.

Эѳіопъ!

Мигаевъ.

Сколько мнѣ извѣстно, вы у насъ въ театрѣ не служите, а постороннимъ я въ своихъ дѣлахъ отчета не даю-съ.

Дулебовъ.

Разумѣется. Чтò за допросъ? Онъ хозяинъ въ театрѣ; онъ поступаетъ, соображаясь съ своими расчетами и выгодами.

Мелузовъ.

Тѣмъ не менѣе, такіе поступки называются неблаговидными, и господинъ, позволяющій себѣ подобный образъ дѣйствій, не имѣетъ права считать себя честнымъ человѣкомъ. О чемъ я и имѣю честь объявить вамъ передъ публикой. И затѣмъ мы считаемъ себя удовлетворенными.

Мигаевъ.

Какъ вамъ угодно-съ, какъ вамъ угодно-съ, мнѣ все равно. У публики вкусы разные, на всѣхъ не угодишь: вамъ мои поступки не нравятся, а князь ихъ одобряетъ.

Мелузовъ.

Какое мнѣ дѣло до князя? Нравственные-то законы для всѣхъ одинаковы. *(Мигаевъ подходитъ къ князю.)*

Бакинъ.

Вотъ охота людямъ даромъ терять краснорѣчіе, проповѣдовать Мигаеву объ честности! Ужъ это очень наивно. Честность онъ давно считаетъ предразсудкомъ, и для него разницы между честнымъ и безчестнымъ поступкомъ не существуетъ, пока его не побили. А вотъ плюхи двѣ-три влетитъ, тогда онъ задумается: должно быть, молъ, я какую-нибудь мерзость сдѣлалъ, коли меня бьютъ.

Трагикъ.

Да и влетитъ, и дождется, ужъ это я ему давно пророчу.

Мигаевъ *(подойдя къ Нѣгиной).*

Значитъ, вы, госпожа Нѣгина, изволите быть на меня въ претензіи?

Нѣгина.

Конечно. И вы еще спрашиваете!

Мигаевъ.

Въ такомъ случаѣ, что̀ же васъ заставляетъ служить у меня? Контрактъ вашъ кончается.

Нѣгина.

Да, но вѣдь вы сами просили, чтобъ я его возобновила.

Мигаевъ.

Извините, передумалъ-съ. По требованію публики, долженъ на ваше мѣсто пригласить другую артистку. *(Нѣгина стоитъ въ изумленіи.)*

Трагикъ.

Офелія, удались отъ людей!

Нѣгина.

Вы должны были предупредить меня заранѣе; у меня были приглашенія отъ другихъ антрепренеровъ; я всѣмъ отказывала, я вѣрила вашему слову.

Мигаевъ.

Словамъ-то вы напрасно вѣрите. Мы за каждое свое слово отвѣчать никакъ не можемъ — мы зависимъ отъ публики и должны исполнять ея желанія.

Нѣгина.

Куда же мнѣ теперь, я и не знаю; вы меня поставили въ такое положеніе...

Мигаевъ.

Виноватъ-съ. Съ другой бы артисткой я такъ и не сдѣлалъ, но вы такой талантъ, для васъ никакого ущерба не будетъ: васъ вездѣ примутъ съ радостью.

Нѣгина *(сквозь слезы).*

Вы еще смѣетесь надо мной... Но хорошо еще, что вы мнѣ это сказали наканунѣ моего бенефиса... Я завтра прощусь съ публикой... которая меня такъ любитъ... Надо напечатать, что я играю въ послѣдній разъ.

Вася.

Мы и безъ афишъ вездѣ разблаговѣстимъ.

Нѣгина *(Великатову).*

Вы, Иванъ Семеновичъ, не уѣдете до завтра?

Великатовъ.

Нѣтъ, еще не уѣду-съ.

Нѣгина.

Значитъ, будете въ театрѣ?

Великатовъ.

Непремѣнно.

Бакинъ.

Только вы этого на свой счетъ не принимайте: онъ остается не для вашего бенефиса, у него еще не кончены дѣла — есть въ виду какая-то операція.

Великатовъ.

Дѣйствительно, есть. Эта операція не секретъ, господа; я ее не скрою отъ васъ: я хочу купить бенефисъ у Александры Николаевны. Можетъ быть, и наживу что̀-нибудь.

Нѣгина.

Какъ? Вы хотите купить мой бенефисъ? Вы не шутите? Это еще новая обида, новая насмѣшка надо мной!

Великатовъ.

Нисколько не шучу. Какъ вы цѣните вашъ бенефисъ, что̀ вамъ угодно получить за него?

Нѣгина.

Я ни во что̀ его не цѣню: онъ ничего не сто́итъ. Дай Богъ, чтобы убытку не было.

Вася.

Напрасно изволите безпокоиться: вашъ бенефисъ оченно можно купить-съ.

Великатовъ.

Сколько можетъ получить бенефиціантъ, если театръ полонъ и цѣны большія? Вѣдь бралъ же кто-нибудь очень хорошіе бенефисы?

Трагикъ *(ударяя кулакомъ по столу).*

Я.

Вася.

Мы съ нимъ въ началѣ ярмарки триста-пятьдесятъ рублей взяли.

Великатовъ.

Угодно вамъ получить триста-пятьдесятъ рублей?

Нѣгина.

Я не могу; это очень много, это подарокъ... Я не желаю получать подарковъ: это не въ моихъ правилахъ.

Великатовъ.

Какъ пріятно слышать такія рѣчи отъ молодой артистки! Сейчасъ видно, что у васъ есть хорошій руководитель, человѣкъ съ честными, благородными убѣжденіями.

Вася.

Да ничего не дорого, Александра Николаевна, помилуйте-съ! Ужъ коли Иванъ Семеновичъ берутся за это дѣло, такъ у васъ завтра вся ярмарка будетъ. Я пятьдесятъ рубликовъ накину; угодно взять четыреста рублей?

Великатовъ.

Нѣтъ, извините, я не уступлю: я предлагаю Александрѣ Николаевнѣ пятьсотъ рублей.

Вася.

Шабашъ, дальше не пойду; цѣна настоящая.

Нѣгина.

Да что̀ вы дѣлаете, господа? Вѣдь у меня бенефисъ половинный, да еще расходы.

Вася.

Въ убыткѣ не будемъ-съ, — люди коммерческіе; завтра къ одиннадцати часамъ ни одного билета не останется. *(Великатову.)* Позвольте въ долю войти! Пожалуйте два бель-этажа и дюжину креселъ!

Великатовъ.

Возьмите у кассира, да скажите ему, чтобы онъ деньги за билеты, которые продалъ, и всѣ оставшіеся билеты, исключая верхнихъ, доставилъ мнѣ сейчасъ же! Я здѣсь подожду.

Вася.

Хорошо, я скажу-съ. Извольте получить за два бель-этажа и двѣнадцать креселъ. *(Отдаетъ деньги.)*

Великатовъ *(принимая деньги)*.

Тутъ сто рублей.

Вася.

Такъ точно, въ расчетѣ-съ. Позвольте, тутъ нашихъ есть человѣка четыре, такъ, можетъ, найдутся охотники; я сейчасъ сбѣгаю. *(Уходитъ въ глубь сцены.)*

Великатовъ.

Я еще не получилъ вашего согласія, Александра Николаевна.

Нѣгина *(Мелузову)*.

Какъ мнѣ поступить, Петръ Егоровичъ? Я не знаю; какъ вы скажете, такъ я и сдѣлаю.

Мелузовъ.

И я не знаю: я въ такихъ вопросахъ не компетентенъ. Покуда, кажется, все въ законныхъ формахъ. Соглашайтесь.

Нѣгина *(Великатову)*.

Я согласна, благодарю васъ.

Великатовъ.

Благодарить не за что, я наживу деньги; я долженъ васъ благодарить.

Мигаевъ *(Дулебову)*.

А вы, ваше сіятельство, пари предлагали.

Дулебовъ.

Ну, кто же могъ ожидать? Это совсѣмъ особенный случай.

Бакинъ *(Великатову).*

Мнѣ билетикъ оставьте! Любопытное это будетъ зрѣлище. *(Вася возвращается.)*

Вася.

Билеты и деньги кассиръ сейчасъ принесетъ, только кассу подсчитаетъ. Я еще взялъ десять креселъ по пяти рублей. Извольте получить. *(Отдаетъ Великатову 50 рублей.)*

Великатовъ.

Не дорого ли это?

Вася.

Ничего не дорого; сейчасъ четыре билета по пяти рублей продалъ, а завтра у меня пойдетъ первый рядъ по десяти, да на подарокъ беру по десяти рублей съ рыла.

Дулебовъ.

Ужъ это надо быть совсѣмъ дуракомъ, чтобы въ провинціальномъ театрѣ платить по десяти рублей за кресло.

Вася.

Да ужъ въ первомъ-то ряду, ваше сіятельство, у кассира только одно мѣсто осталось.

Дулебовъ.

Въ такомъ случаѣ, Иванъ Семеновичъ, оставьте его за мной.

Великатовъ.

За десять рублей, князь?

Дулебовъ.

Что̀-жъ дѣлать, коли всѣ съ ума сошли.

Вася.

Ну, Гаврила Петровичъ, закрывай лавочку! Какъ Александра Николаевна уѣдетъ, тебѣ больше не торговать! Баста! Калачомъ въ театръ не заманишь. Такъ ты и ожидай!

Нѣгина.

Дайте мнѣ пальто, Петръ Егоровичъ! До свиданья, господа! Благодарю васъ! Вы меня утѣшили, а ужъ я плакать собиралась; право, господа, такъ обидно, такъ обидно... *(Мелузовъ подаетъ ей пальто; Нѣгина надѣваетъ его.)*

Трагикъ.

Вася, спрашивай шампанскаго!

Вася.

Да развѣ нужно?

Трагикъ.

Да какъ же, чудакъ? Ты поступилъ благородно, такъ надо тебя поздравить, братецъ.

Вася.

Такъ давно бы ты сказалъ. Человѣкъ, бутылку шампанскаго!

Нѣгина.

Прощайте, господа!

Великатовъ.

Позвольте вамъ предложить мою коляску.

Смѣльская.

Предлагаете коляску, и себя, конечно, въ провожатые?

Великатовъ.

Нѣтъ, зачѣмъ же! Александра Николаевна поѣдетъ съ своимъ женихомъ. *(Мелузову.)* Кстати ужъ и васъ кучеръ завезетъ домой, а потомъ вы его пришлите.

Мелузовъ.

Обо мнѣ-то ужъ ваши заботы я считаю, извините, лишними. *(Закутывается плэдомъ. Великатовъ ему помогаетъ.)* Вы напрасно безпокоитесь: я привыкъ обходиться безъ чужой помощи. Это мой принципъ.

Великатовъ.

Но его трудно выдержать: безъ взаимной помощи люди не обходятся.

Нѣгина *(Великатову)*.

Вы такой благородный человѣкъ, такой деликатный... Я вамъ такъ благодарна, я не знаю, какъ и выразить... Я васъ поцѣлую завтра.

Великатовъ.

Очень буду счастливъ.

Смѣльская.

Завтра? Это долго ждать. *(Дулебову.)* Князь, а я васъ поцѣлую сегодня, сейчасъ.

Дулебовъ.

Готовъ служить, моя прелесть! Распоряжайтесь мной, какъ угодно. *(Смѣльская цѣлуетъ Дулебова.)*

Нѣгина.

Ну, прощайте, господа, прощайте! *(Посылаетъ рукой поцѣлуи.)*

Трагикъ.

Офелія! О, нимфа! Помяни меня въ твоихъ святыхъ молитвахъ!

Занавѣсъ.

ДѢЙСТВІЕ ТРЕТЬЕ.

ЛИЦА:

Нѣгина.
Домна Пантелеевна.
Великатовъ.
Бакинъ.
Мелузовъ.
Нароковъ.
Вася.
Трагикъ.
Матрена, кухарка Нѣгиной.

Декорація перваго дѣйствія. Вечеръ. На столѣ двѣ свѣчи.

ЯВЛЕНІЕ ПЕРВОЕ.

Матрена, *потомъ* Домна Пантелеевна.

Матрена *(у двери).*

Кто тамъ? *(За сценой голосъ Домны Пантелеевны: „Это я“.)* Сейчасъ отпираю. *(Входитъ Домна Пантелеевна.)* Кіатра-то разошлась?

Домна Пантелеевна.

Нѣтъ еще, не совсѣмъ, съ полчаса пройдетъ. Я нарочно пораньше; надо чай приготовить. Саша пріѣдетъ, такъ чтобы ей не дожидаться. Самоваръ-то готовъ у тебя?

Матрена.

Развела; гляди, зашумитъ скоро.

Домна Пантелеевна.

А зашумитъ, такъ прикрой.

Матрена.

Чтò его прикрывать-то? Нашъ самоваръ и зашумитъ, такъ не скоро кипѣть-то сберется; ужъ онъ поетъ, поетъ на разные голоса, надсажается-надсажается, а все толку мало; а раздувать примешься, такъ онъ хуже, ровно тебѣ на смѣхъ. У меня съ нимъ брани не мало бываетъ.

Домна Пантелеевна.

Измучилась я въ театрѣ-то: жара, духота; радехонька, что выкатилась.

Матрена.

Да вѣстимо, лѣтнее дѣло въ четырехъ стѣнахъ сидѣть; а народу, поди, много?

Домна Пантелеевна.

Полнехонекъ театръ, какъ есть; кажется, яблоку упасть негдѣ.

Матрена.

Ишь ты! Чай, въ ладоши-то трепали-трепали?

Домна Пантелеевна.

Всего было. Поди-ка, погляди самоваръ-то, да сбери въ ея комнатѣ! Постой-ка, кто-то подъѣхалъ. Сашѣ бы еще рано. *(Матрена отворяетъ дверь; входитъ Великатовъ. Матрена уходитъ.)*

ЯВЛЕНІЕ ВТОРОЕ.

Домна Пантелеевна *и* Великатовъ.

Великатовъ.

Здравствуйте, Домна Пантелеевна!

Домна Пантелеевна.

Здравствуйте, Иванъ Семеновичъ! Чтò это вы вздумали...

Великатовъ.

Дѣло есть, Домна Пантелеевна.

Домна Пантелеевна.

Такъ до завтра бы. А то поздно, неловко какъ-то; у насъ объ эту пору мужчины не бываютъ.

Великатовъ.

Не безпокойтесь, Домна Пантелеевна: я Александру Николаевну дожидаться не стану, а про насъ съ вами никто дурного не скажетъ.

Домна Пантелеевна.

Ахъ, вы проказникъ!...

Великатовъ.

Стало-быть, тетенька, вамъ и опасаться нечего.

Домна Пантелеевна.

Да какая я вамъ тетенька?

Великатовъ.

А что-жъ, развѣ бы я въ племянники вамъ не годился?

Домна Пантелеевна.

Да ужъ чего еще лучше? Совсѣмъ молодецъ, поискать этакого красавца!

Великатовъ.

А я вамъ, Домна Пантелеевна, деньги привезъ за бенефисъ.

Домна Пантелеевна.

Вотъ благодарю, вотъ ужъ покорно благодарю! Самое это для насъ нужное, самое необходимое; потому, Иванъ Семеновичъ, первое дѣло: долги. Какъ безъ нихъ проживешь? Возможно ли?

Великатовъ.

Не возможно, Домна Пантелеевна.

Домна Пантелеевна.

Всѣ мы люди.

Великатовъ.

Всѣ человѣки, Домна Пантелеевна.

Домна Пантелеевна.

Они, долги-то, у насъ хотя и маленькіе, а все-таки, ежели который человѣкъ съ совѣстью, такъ безпокойство.

Великатовъ.

Безпокойство, Домна Пантелеевна, безпокойство. *(Передавая пакетъ съ деньгами.)* Вотъ, отдайте Александрѣ Николаевнѣ.

Домна Пантелеевна.

Благодарны, оченно вами благодарны, Иванъ Семеновичъ! Чаю не прикажете ли?

Великатовъ.

Покорно благодарю; не могу, увольте отъ чаю, Домна Пантелеевна! Какъ-то въ душу ничего нейдетъ, особенно чай; такъ все, словно, тоска какая-то, Домна Пантелеевна, все, словно, я не въ себѣ.

Домна Пантелеевна.

Пахондрія.

Великатовъ.

Дѣйствительно, Домна Пантелеевна, пахондрія.

Домна Пантелеевна.

Денегъ много, а дѣла нѣтъ, вотъ она и привяжется.

Великатовъ.

Какъ разъ угадали; отъ этого отъ самаго.

Домна Пантелеевна.

А то отчего-жъ бы вамъ тосковать-то?

Великатовъ.

Это точно, что не отъ чего. А тоскую, Домна Пантелеевна; вотъ и мечешься на ярмаркѣ-то изъ трактира въ трактиръ. Повѣрите ли, вотъ ужъ другую недѣлю все два раза въ день пьянъ... Такъ думаю, Домна Пантелеевна: либо это на меня напущено, либо ужъ Богу такъ угодно.

Домна Пантелеевна.

Одиночество.

Великатовъ.

Одиночество, Домна Пантелеевна; золотыя ваши слова, и разговора больше нѣтъ, что одиночество.

Домна Пантелеевна.

Изберите подругу жизни!

Великатовъ.

Гдѣ взять прикажете?

Домна Пантелеевна.

Женитесь, возьмите барышню хорошую; за васъ всякая пойдетъ, хоша бы самаго высокаго роду.

Великатовъ.

Боюсь, тетенька.

Домна Пантелеевна.

Чтò вы, помилуйте, чего бояться, чтò тутъ страшнаго?

Великатовъ.

Скучнѣе станетъ.

Домна Пантелеевна.

Ахъ, нѣтъ, это вы напрасно. Какъ же можно! Совсѣмъ разница женатый человѣкъ, нежели холостой.

Великатовъ.

На фортепіанахъ онѣ очень любятъ играть, а я этого терпѣть не могу.

Домна Пантелеевна.

Все-таки музыка. Ну, а холостому какое удовольствіе? Окромя, что выпить съ пріятелями, никакой ему другой радости нѣтъ въ жизни.

Великатовъ.

А хозяйство, Домна Пантелеевна? Какъ вы объ этомъ скажете?

Домна Пантелеевна.

Ну, конечно, ежели кто хозяйство свое ведетъ...

Великатовъ.

За мной этотъ грѣхъ водится. У меня въ деревнѣ домикъ хорошій, комнатъ въ сорокъ, лошадей довольно, садикъ разведенъ чуть не на версту, съ бесѣдками, съ прудами...

Домна Пантелеевна.

Значитъ, все заведеніе вполнѣ, какъ слѣдуетъ быть у хорошаго помѣщика?

Великатовъ.

Все вполнѣ, Домна Пантелеѐвна. Коли скучно, выйдешь на крыльцо, индѣйскіе пѣтухи по двору ходятъ, всѣ бѣлые.

Домна Пантелеевна.

Бѣлые! Ахъ, скажите, пожалуйста!

Великатовъ.

Закричишь имъ: „здорово, ребята!“ Они тебѣ отвѣчаютъ: „здравія желаемъ, ваше благородіе!“

Домна Пантелеевна.

Пріучены?

Великатовъ.

Пріучены. Ну, и утѣшаешься. По крышамъ, по заборамъ павлины сидятъ, хвосты-то на солнышкѣ такъ и играютъ.

Домна Пантелеевна.

И павлины? Ахъ, батюшки мои!

Великатовъ.

Выйдешь въ паркъ погулять, по озеру лебеди плаваютъ, все парочками, все парочками, Домна Пантелеевна.

Домна Пантелеевна.

Да неужто лебеди? Вотъ рай-то! Хоть бы глазкомъ взглянула.

Великатовъ *(взглянувъ на часы)*.

Такъ мы хорошо, пріятно съ вами, тетенька, разговорились, что разставаться не хочется; поговорилъ бы и еще, да некогда: извините, дѣло есть.

Домна Пантелеевна.

Ужъ и я бы поговорила, такой вы для меня пріятный... Этакого милаго, обходительнаго человѣка я и въ жизнь не видывала...

Великатовъ.

Отъ бенефиса вашего я, Домна Пантелеевна, деньги нажилъ, такъ позвольте вамъ подарочекъ предложить, *(Уходитъ въ переднюю и выноситъ свертокъ въ бумагѣ и подаетъ Домнѣ Пантелеевнѣ.)*

Домна Пантелеевна.

Что̀ же это такое?

Великатовъ.

Платочекъ.

Домна Пантелеевна *(развернувъ бумагу)*.

Да какой платокъ, помилуйте — скажите, это цѣлая шаль; я съ роду такой и не нашивала. Да сколько-жъ она сто̀итъ-то?

Великатовъ.

Не знаю, мнѣ даромъ досталась: у купца у знакомаго взялъ по-пріятельски.

Домна Пантелеевна.

Батюшка, да за что̀ же это? Право, ужъ я и не знаю, что̀ мнѣ... Да ужъ я васъ поцѣлую, ужъ позвольте, родной мой... Душа моя не вытерпитъ.

Великатовъ.

Сдѣлайте одолженіе, сколько вамъ угодно. *(Домна Пантелеевна цѣлуетъ его.)* Прощайте! Александрѣ Николаевнѣ засвидѣтельствуйте мое почтеніе. Можетъ быть, не увидимся. *(Уходитъ. Домна Пантелеевна провожаетъ его въ переднюю, потомъ возвращается.)*

Домна Пантелеевна.

Откуда этакіе люди берутся? Батюшки мои! *(Надѣваетъ платокъ.)* Да я его и не сниму теперь. *(Смотритъ въ зеркало.)* Барыня, ну, какъ есть барыня! Вотъ человѣкъ-то! А то, что̀ у насъ за люди? Не глядѣли-бъ глаза мои на нихъ. Вѣдь вотъ есть же люди. *(Прислушивается.)* Кто тамъ еще? *(Входитъ Нароковъ съ вѣнками и букетами.)*

ЯВЛЕНІЕ ТРЕТЬЕ.

Домна Пантелеевна *и* Нароковъ.

Нароковъ.

Вотъ, бери, на! Вотъ лавры твоей дочери! Гордись!

Домна Пантелеевна.

Эка невидаль! Куда намъ эти вѣнки-то? На что̀ они?

Нароковъ.

Невѣжество! Эти вѣнки — знакъ восторга, знакъ признательности таланту за счастіе, которое онъ доставляетъ. Лавры — это дипломъ на почетъ, на уваженіе.

Домна Пантелеевна.

Сколько, небось, истрачено на этотъ хворостъ! Лучше бы деньгами. Деньгамъ-то ужъ мы бы мѣсто нашли, а этотъ ворохъ... куда его? Въ печку, только и всего.

Нароковъ.

Деньги-то ты проживешь, а это у тебя всегда на память останется.

Домна Пантелеевна.

Ну, да какъ же, нужно очень всякій хламъ беречь! Нынче же за окно выкину. Ты вотъ смотри! *(Показываетъ ему шаль и поворачивается передъ нимъ.)* Вотъ это подарокъ! Мило, прелестно, деликатно.

Нароковъ.

Ну, всякому свое, я тебѣ не завидую; вотъ дочери твоей завидую. Я себѣ нѣсколько листиковъ на память возьму. *(Отрываетъ нѣсколько листковъ.)*

Домна Пантелеевна.

Да хоть все бери, не заплачу.

Нароковъ *(вынимаетъ изъ кармана листъ бумаги)*.

А вотъ это передай Александрѣ Николаевнѣ.

Домна Пантелеевна.

Что̀ еще? Записка отъ кого-нибудь? Ужъ и такъ надоѣли съ этими глупостями.

Нароковъ.

Это отъ меня... это стихи... И я въ Аркадіи родился.

Домна Пантелеевна.

Гдѣ, Прокофьичъ, гдѣ?

Нароковъ.

Далеко: ты тамъ не бывала и не будешь никогда. *(Показываетъ Домнѣ Пантелеевнѣ стихи свои.)* Вотъ видишь, бордюрчикъ: незабудки, анютины глазки, васильки, колосья. Видишь вотъ: пчелка сидитъ, бабочка летаетъ... Я цѣлую недѣлю рисовалъ.

Домна Пантелеевна.

Такъ ты бы самъ и отдалъ.

Нароковъ.

Стыдно. Вотъ смотри! *(Указываетъ на свою голову.)* Сѣдая, лысая! А тутъ чувства молодыя, свѣжія, юношескія, вотъ и стыдно. Вотъ, отдай! Да только ты не брось! Вѣдь ты грубая женщина, въ тебѣ чувства нѣтъ. Для васъ, грубыхъ людей, удовольствіе — бросить, растоптать ногами все нѣжное, все изящное.

Домна Пантелеевна.

Да, ну тебя! Ишь ты какой чувствительный. Не всѣмъ такимъ быть. Вотъ положи на столъ; она пріѣдетъ и увидитъ.

Нароковъ *(кладетъ бумагу на столъ)*.

Да, я чувствительный. Прощай! *(Уходитъ.)*

Домна Пантелеевна.

Вотъ сумасшедшій-то! А ничего, добрый, я его не боюсь. Другіе хуже чудятъ: кто посуду бьетъ, кто на людей мечется, кусается, а этотъ смирный. Подъѣхалъ кто-то. Вотъ Саша, должно быть. *(Идетъ къ двери. Входитъ Нѣгина съ букетомъ и коробочкой въ рукахъ.)*

ЯВЛЕНІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

Домна Пантелеевна и Нѣгина.

Нѣгина *(кладетъ букетъ и коробочку на столъ).*

Охъ, устала! *(Садится у стола.)*

Домна Пантелеевна.

Извозчика-то отпустить?

Нѣгина.

Нѣтъ, зачѣмъ? Я вотъ отдохну, да прокатиться поѣдемте, подышать свѣжимъ воздухомъ. Еще не поздно. Вѣдь онъ на весь вечеръ нанятъ.

Домна Пантелеевна.

И то, что̀-жъ, пусть подождетъ, не задаромъ же деньги-то платить!

Нѣгина.

Что̀ это на васъ за шаль?

Домна Пантелеевна.

Великатовъ подарилъ; отъ бенефиста, говоритъ, деньги нажилъ. А что хороша?

Нѣгина.

Отличная шаль, дорогая.

Домна Пантелеевна.

Онъ говоритъ, что даромъ досталась.

Нѣгина.

Вѣрьте вы ему! Онъ все такъ говоритъ. Такъ онъ былъ здѣсь?

Домна Пантелеевна.

Да, заѣзжалъ и деньги привезъ.

Нѣгина.

Что̀-жъ онъ со мной не повидался?

Домна Пантелеевна.

Не знаю, торопится куда-то, ужъ не уѣзжаетъ ли.

Нѣгина.

Можетъ быть. Какой онъ странный, не поймешь его никакъ. *(Задумчиво.)* А вотъ этакой мужчина, кабы захотѣлъ, кажется, сразу могъ бы увлечь женщину.

Домна Пантелеевна.

Ну, да что̀ ужъ толковать! Да и не осудишь женщину-то. Какъ ее осудить? Сердце-то не камень, а такихъ молодцовъ не много; пожалуй, другого-то такого и всю жизнь не встрѣтишь. Смиренничай да смиренничай, и проживешь всю жизнь такъ, ни за что̀, и вспомянуть будетъ нечѣмъ. Онъ мнѣ про свою усадьбу разсказывалъ. Какое у него хозяйство диковинное!

Нѣгина.

Что̀-жъ мудренаго? Онъ очень богатъ.

Домна Пантелеевна.

Ты чаю не хочешь ли?

Нѣгина.

Нѣтъ, погодите немного. *(Взглянувъ на столъ.)* А это что̀ такое?

Домна Пантелеевна.

Это Прокофьичъ принесъ тебѣ на знакъ памяти.

Нѣгина *(разсматривая бумагу).*

Ахъ, какъ мило! Какой онъ добрый, милый старикъ!

Домна Пантелеевна.

Да, добрый, хорошій человѣкъ, да вотъ опанкрутился и свихнулся. Ну, какъ же мы съ тобой теперь объ деньгахъ разсудимъ?

Нѣгина.

Что̀ разсуждать-то? Прежде всего надо долги заплатить, а что̀ останется, на то и жить.

Домна Пантелеевна.

Да немного останется-то, не разживешься.

Нѣгина.

Да, теперь труднѣе будетъ, безъ жалованья-то. А куда поѣдешь, кого я знаю? Опять же гардероба у меня нѣтъ.

Домна Пантелеевна.

Сотни двѣ, а то и полторы, больше не останется; вотъ ты ихъ и повертывай, какъ знаешь. Надо на нихъ все лѣто прожить. По три денежки въ день, куда хочешь, туда дѣнь. Осенью-то насъ въ Москву зовутъ, тамъ актрисы нужны стали.

Нѣгина.

Бросить развѣ сцену да выйти замужъ; такъ Петръ Егоровичъ еще мѣста не нашелъ. Кабы работать что̀-нибудь.

Домна Пантелеевна.

Ну, вотъ еще — бросить сцену! Ты вотъ въ одинъ день получила, чего въ три года не выработаешь.

Нѣгина.

Много мы получаемъ, да и проживать много надо.

Домна Пантелеевна.

Эхъ, какъ ни кинь, Саша, а все жизнь-то наша съ тобой не сладка. Ужъ, признаться сказать, надоѣло нищенство-то.

Нѣгина.

Надоѣло... да... надоѣло... Я думала, думала, да ужъ и думать перестала. Ну, утро вечера мудренѣе; завтра потолкуемъ.

Домна Пантелеевна.

Само собой, а теперь давай чай пить. *(Прислушивается.)* Кого еще Богъ несетъ? *(Входитъ Бакинъ.)*

ЯВЛЕНІЕ ПЯТОЕ.

Нѣгина, Домна Пантелеевна *и* Бакинъ.

Бакинъ.

Я къ вамъ чай пить, Александра Николаевна!

Нѣгина.

Ахъ, извините, я не могу васъ принять: я очень устала, мнѣ надо отдохнуть, я хочу одна быть, успокоиться.

Бакинъ.

Ну, полчаса, ну, что̀ такое полчаса?

Нѣгина.

Право, не могу, я такъ измучена.

Бакинъ.

Ну, я зайду минутъ черезъ десять или черезъ четверть часа; вы успѣете отдохнуть.

Нѣгина.

Нѣтъ, нѣтъ, сдѣлайте одолженіе! Завтра пріѣзжайте, ну, когда хотите, только не сегодня.

Бакинъ.

Александра Николаевна, я какъ-то не люблю измѣнять свои намѣренія: мнѣ всегда хочется исполнить то, что̀ я задумалъ, и, съ моей настойчивостью, мнѣ удается.

Нѣгина.

Очень рада, что вамъ удается; но, извините, я васъ оставлю, я очень устала.

Бакинъ.

Ну, уходите, а я здѣсь останусь, въ этой комнатѣ; я вотъ на̀ этомъ стулѣ всю ночь просижу.

Нѣгина.

Ну, перестаньте шутить! Довольно ужъ.

Бакинъ.

Не вѣрите? Такъ я вамъ докажу. Я человѣкъ рѣшительный.

Домна Пантелеевна.

И я, батюшка, женщина рѣшительная. Я, вѣдь, и караулъ закричу.

Бакинъ *(Нѣгиной)*.

Послушайте, вы боитесь, что меня у васъ застанетъ кто-нибудь?

Нѣгина.

Никого и ничего я не боюсь.

Бакинъ.

Всѣ ваши обожатели теперь ужинаютъ въ вокзалѣ, и князь, и Великатовъ, и Смѣльская съ ними, и просидятъ тамъ до утра.

Нѣгина.

Да что мнѣ за дѣло?

Бакинъ.

А женихъ вашъ спитъ, вѣроятно; да я и не вѣрю, что вы его любите.

Нѣгина.

Ахъ, Боже мой, это невыносимо! Я васъ и не увѣряю ни въ чемъ.

Бакинъ.

Вы его держите при себѣ только для защиты отъ ухаживанья, а понравится вамъ кто-нибудь, вѣдь вы его бросите; это всегда такъ бываетъ.

Нѣгина.

Ну, хорошо, хорошо.

Бакинъ.

Вы ужъ очень разборчивы; чего вы дожидаетесь, какой благодати? Передъ вами человѣкъ образованный, обезпеченный... Что я не ухаживаю за вами, не говорю нѣжностей, не объясняюсь въ любви, такъ это не въ моихъ правилахъ. Мы не дѣти, зачѣмъ намъ притворяться? Будемъ говорить, какъ совершеннолѣтніе.

Нѣгина.

Прощайте! *(Уходитъ.)*

Домна Пантелеевна.

Ну, батюшка, поговорили, да и будетъ. Пора людямъ покой дать! А то, коли хотите разговаривать, такъ говорите со мной: я за словомъ въ карманъ не полѣзу.

Бакинъ *(громко).*

А я все-таки еще зайду. *(Уходитъ.)*

Домна Пантелеевна.

Запру сѣни, ужъ теперь никого не пущу, хоть умирай тамъ. *(Уходитъ. За сценой слышенъ крупный разговоръ. Выходитъ Нѣгина.)*

Нѣгина.

Что тамъ такое? *(Входитъ Домна Пантелеевна, Вася съ бутылкой шампанскаго и Трагикъ.)*

ЯВЛЕНІЕ ШЕСТОЕ.

Нѣгина, Домна Пантелеевна, Вася *и* Трагикъ.

Домна Пантелеевна.

Вотъ безпутные, право, безпутные! Насильно вломились, никакихъ резонтовъ не слушаютъ.

Вася.

Да нельзя, Домна Пантелеевна, надо же за здоровье Александры Николаевны выпить; ужъ миновать этого дѣла никакъ невозможно. А чтò-жъ такое? Мы честно, благородно, со всѣмъ нашимъ уваженіемъ! Никакого безобразія, помилуйте!

Трагикъ.

Еще бы! коли я тутъ.

Нѣгина.

Да напрасно вы безпокоитесь: я пить не стану.

Вася.

Это какъ вамъ угодно-съ. Намъ больше останется, мы и одни выпьемъ. *(Кричитъ за перегородку.)* Милая, умница, дай-ка стаканчиковъ!

Домна Пантелеевна.

Да давай ужъ, я откупорю. *(Беретъ бутылку и уходитъ.)*

Трагикъ *(Нѣгиной).*

Ты говоришь, что пить не станешь; а вотъ я посмотрю, какъ ты у меня не выпьешь!

Вася.

Неволить не надо-съ.

Трагикъ.

Я неволить не стану, я буду просить. *(Выходитъ Домна Пантелеевна, ставитъ бутылку и стаканы на столъ.)*

Вася *(наливаетъ).*

Съ васъ и начинать по старшинству-съ.

Домна Пантелеевна.

Не знаю, пить ли, боюсь захмелѣю.

Вася.

А чтò-жъ такое? Чего бояться-то? Дѣло къ ночи-съ. Хоть и захмелѣете, не велика бѣда. Мы вотъ съ нимъ этого не боимся.

Домна Пантелеевна *(беретъ стаканъ).*

Ну, Саша, поздравляю тебя! *(Пьетъ.)*

Вася *(подноситъ стаканъ Нѣгиной).*

Теперь позвольте васъ просить.

Нѣгина.

Ужъ я сказала, что не буду пить.

Вася.

Нельзя-съ, за что̀-жъ обижать? Мы со всѣмъ расположеніемъ. Хоть половину-съ!

Трагикъ *(падая на колѣни).*

Саша, Александра! Ты смотри, кто тебя проситъ! Смотри, кто у ногъ твоихъ! Громиловъ, самъ Ерастъ Громиловъ!

Нѣгина.

Ну, извольте, я немного выпью; только ужъ больше ни за что̀ не стану. *(Пьетъ.)*

Вася *(помогая Трагику подняться).*

Сколько угодно-съ. *(Беретъ стаканъ.)* Остальное мы допьемъ и ваши мысли узнаемъ. *(Наливаетъ стаканы.)* Теперь мы выпьемъ-съ. *(Подаетъ стаканъ Трагику.)*

Трагикъ.

Поздравляй за двоихъ; у меня сегодня краснорѣчіе не въ порядкѣ.

Вася.

Честь имѣю поздравить съ успѣхомъ-съ. Сто лѣтъ жизни и милліонъ денегъ-съ! *(Чокаются съ трагикомъ и пьютъ.)*

Трагикъ *(подавая стаканъ).*

Наливай еще! *(Вася наливаетъ, Трагикъ пьетъ.)* Вся?

Вася *(показывая бутылку).*

Вся.

Трагикъ.

Ну, поѣдемъ!

Вася *(Нѣгиной).*

Прощенья просимъ! Пожалуйте ручку-съ! Извините за невѣжество-съ. Спасибо этому дому, теперь пойдемъ къ другому. *(Уходятъ.)*

Домна Пантелеевна.

Вотъ путаники! Точно ихъ вихремъ по городу-то носитъ. Теперь ужъ запру, одолѣли. *(Уходитъ и скоро возвращается.)*

ЯВЛЕНІЕ СЕДЬМОЕ.

Нѣгина *и* Домна Пантелеевна.

Домна Пантелеевна.

Ну, ужъ теперь давай чай пить!

Нѣгина.

Я выпью съ удовольствіемъ.

Домна Пантелеевна *(у перегородки).*

Матрена, налей-ка намъ по чашечкѣ. *(Нѣгиной.)* Дай-ка подарокъ-то!

Нѣгина *(подавая коробочку).*

Да вѣдь вы видѣли, серьги и брошка.

Домна Пантелеевна.

Да я убрать хочу. Вѣдь тоже не малыхъ денегъ стоитъ. *(Прячетъ въ карманъ.)* Тѣмъ эти вещи хороши, пріятны, что̀ случись нужда, сейчасъ и заложить можно. Не то, что̀ вотъ эти вѣники. *(Матрена приноситъ двѣ чашки чаю и уходитъ.)*

Нѣгина *(прихлебывая чай).*

А какой мнѣ букетъ Великатовъ поднесъ. Посмотрите!

Домна Пантелеевна.

Ну, что̀ букетъ? Букетъ какъ букетъ. Даромъ деньги брошены, я такъ считаю. *(Пьетъ чай.)*

Нѣгина.

Нѣтъ, вы посмотрите! Цвѣты все дорогіе, и гдѣ онъ ихъ взялъ?

Домна Пантелеевна *(разсматривая букетъ).*

Да, хорошъ, ужъ нечего сказать. *(Находитъ записку.)* А это что̀-жъ такое?

Нѣгина *(читаетъ про себя записку).*

Ахъ, ахъ!

Домна Пантелеевна.

Что̀ такое?

Нѣгина *(хватаясь за голову).*

Ахъ, нѣтъ, погоди! У меня другая есть. А я и забыла. *(Достаетъ изъ кармана записку.)* Это отъ Петра Егоровича; онъ мнѣ на подъѣздѣ далъ. *(Читаетъ про-себя.)*

Домна Пантелеевна.

Читай вслухъ! Чтò еще за секреты отъ матери!

Нѣгина *(читаетъ)*.

„Да, милая Саша, искусство не вздоръ, я начинаю понимать это. Сегодня въ игрѣ твоей я нашелъ такъ много теплоты и искренности, что, просто тебѣ сказать, пришелъ въ удивленіе. Я очень радъ за тебя. Это рѣдкія и дорогія качества души. Послѣ спектакля у тебя, вѣроятно, будетъ кто-нибудь; при твоихъ гостяхъ я всегда чувствую чтò-то непріятное: не то смущеніе, не то досаду и, вообще, мнѣ какъ-то неловко. Всѣ они смотрятъ на меня или враждебно, или съ насмѣшкой, чего я, какъ ты сама знаешь, не заслуживаю. По всѣмъ этимъ соображеніямъ, я послѣ театра къ тебѣ не зайду; но если ты найдешь минуты двѣ-три свободныхъ, такъ выбѣги въ вашъ садикъ: я тамъ подожду тебя. Конечно, я могъ бы зайти къ тебѣ и завтра утромъ; но извини, душа полна черезъ край, сердце хочетъ перелиться...“ *(Отираетъ слезы.)*

Домна Пантелеевна.

Ну-ка, прочти другое-то!

Нѣгина.

Да нѣтъ, маменька, не нужно, стыдно!

Домна Пантелеевна.

Ну, вотъ еще, стыдно! Мало ли ты получаешь записокъ, которыя читать стыдно, да вѣдь читаешь ты ихъ мнѣ.

Нѣгина.

Ну, мама, соберись съ силами. *(Читаетъ.)* „Я полюбилъ васъ съ перваго взгляда. Видѣть и слышать васъ для меня невыразимое наслажденіе. Извините, что я объясняюсь съ вами на письмѣ; по врожденной робости, я никогда не осмѣлился бы передать вамъ мои чувства словами. Теперь мое счастье отъ васъ зависитъ. А счастье мое, о которомъ я мечтаю, обожаемая Александра Николаевна, вотъ какое: въ моей усадьбѣ, въ моемъ роскошномъ дворцѣ, моихъ палатахъ, есть молодая хозяйка, которой все поклоняется, все, начиная съ меня, рабски повинуется. Такъ проходитъ лѣто. Осенью мы съ очаровательной хозяйкой ѣдемъ въ одинъ изъ южныхъ городовъ; она вступаетъ на сцену въ театрѣ, который совершенно зависитъ отъ меня, вступаетъ съ полнымъ блескомъ; я насла-

ждаюсь и горжусь ея успѣхами. О дальнѣйшемъ я не мечтаю; поживемъ, увидимъ. Не сердитесь за мои мечты, мечтать каждому позволительно. Приговоръ мой я прочту завтра въ вашихъ глазахъ, если вы меня примете; если же не примете, я съ разбитымъ сердцемъ, но безропотно удалюсь, наказанный вашимъ презрѣніемъ за мою дерзость. Вашъ Великатовъ". *(Сквозь слезы.)* Мама, да что же это такое? Что онъ, противный, пишетъ? Кто-жъ это ему позволилъ?

Домна Пантелеевна.

Что позволилъ?

Нѣгина.

Да такъ... полюбить меня.

Домна Пантелеевна.

А развѣ на это спрашивается позволенье-то, глупая?

Нѣгина.

Такъ бы вотъ и убила его. *(Молчаніе.)*

Домна Пантелеевна *(въ задумчивости).*

Лебеди... Лебеди, говоритъ, плаваютъ на озерѣ.

Нѣгина.

Ахъ, да что мнѣ за дѣло. *(Молчаніе.)*

Домна Пантелеевна.

Саша, Сашутка, вѣдь никогда еще мы съ тобой серьезно не говорили; вотъ онъ серьезъ-то начинается. Живешь, бѣдствуешь, а тутъ богатство! Ахъ, батюшки мои, какая напасть? Вотъ соблазнъ-то, вотъ соблазнъ-то! Ужъ не дьяволъ ли онъ, прости Господи, тутъ подвернулся? Въ самый-то вотъ разъ... только что мы про свою нужду-то раздумывали. Ну, какъ есть, дьяволъ. А ужъ что ласки-то въ немъ, что этой всякой добродѣтели! Да давай же говорить о дѣлѣ-то серьезно, вертушка!

Нѣгина.

„Серьезно", объ такомъ-то дѣлѣ серьезно? Да за кого-жъ вы меня принимаете? Развѣ это „дѣло"? Вѣдь это позоръ! Ты помнишь, что онъ-то говорилъ, онъ, мой милый, мой Петя! Какъ тутъ думать, объ чемъ думать, объ чемъ разговаривать? А коли есть въ тебѣ сомнѣніе, такъ возьми что-нибудь, да и погадай! Вѣдь я твоя. Чётъ или нечетъ, вотъ и конецъ. *(Беретъ записку Мелузова.)*

Домна Пантелеевна.

Да что̀ ты? Какъ я могу? Это твое дѣло. Да сохрани меня Господи! Да меня Богъ и люди...

Нѣгина *(дочитываетъ записку Мелузова).*

„Но если ты найдешь минуты двѣ-три свободныхъ, такъ выбѣги въ вашъ садикъ: я тамъ подожду тебя“. Ахъ, бѣдный, бѣдный! Какъ я его мало любила! Вотъ когда я чувствую, что люблю его всей душой! *(Беретъ письмо Нарокова.)* Ахъ, вотъ и это! И это надо сохранить на всю жизнь! Ужъ такъ меня никто любить не будетъ. Дайте-ка шаль! Я пойду.

Домна Пантелеевна.

Куда ты? Куда ты? Что̀ ты?

Нѣгина.

Ахъ, отстаньте, не ваше дѣло!

Домна Пантелеевна.

Какъ не мое? Да и ты-то моя.

Нѣгина.

Ну, я ваша, что̀ хотите со мной дѣлайте, да душа у меня своя. Я къ Петѣ. Вѣдь онъ меня любитъ, онъ меня жалѣетъ, онъ насъ съ вами добру училъ.

Домна Пантелеевна.

Да какъ же дѣло-то? Ужъ скажи что̀-нибудь!

Нѣгина.

Ахъ, дѣло, дѣло! Ну, завтра, завтра, оставимъ до завтра. А теперь не мѣшайте мнѣ. Я теперь такая добрая, такая честная, какой никогда еще не была и, можетъ быть, завтра ужъ не буду. На душѣ у меня теперь очень хорошо, очень честно: не надо этому мѣшать.

Домна Пантелеевна.

Ну, ну, какъ хочешь, какъ хочешь.

Нѣгина *(покрываясь шалью).*

Я не знаю, можетъ быть, сейчасъ ворочусь, можетъ быть, до утра... Но чтобъ ни словомъ, ни взглядомъ...

Домна Пантелеевна.

Да что̀ ты, развѣ я не мать тебѣ, развѣ я не женщина?

Не понимаю я нешто, что мѣшать тебѣ нельзя; души, чтò-ль, у меня нѣтъ?

Нѣгина.

Ну, я иду.

Домна Пантелеевна.

Да постой, покройся хорошенько, не простудись. Эко сердце-то у тебя золотое! А я все-таки запирать не стану, буду чай пить, да тебя поджидать. *(Нѣгина уходитъ. Домна Пантелеевна уходитъ за перегородку. Сцена нѣсколько времени пуста; потомъ входитъ Бакинъ.)*

ЯВЛЕНІЕ ВОСЬМОЕ.

Бакинъ *(одинъ).*

Никого нѣтъ, и дверь не заперта, и какая-то тѣнь проскользнула мимо меня — это она; но куда, къ кому? Если къ жениху, такъ незачѣмъ: онъ сюда можетъ прійти. Вѣроятно, пошла погулять въ садъ, подышать свѣжимъ воздухомъ. Я ее здѣсь подожду; ну, не прогонитъ же она, все-таки позволитъ хоть съ полчаса посидѣть. Я подержалъ пари съ Великатовымъ, что буду у нея чай пить и просижу до утра. Проиграть не хочется. Я хотѣлъ его увѣдомить, приметъ она меня или нѣтъ. А! такъ я вотъ чтò сдѣлаю: я пошлю кучера сказать, что я здѣсь остался. Если прогонитъ, то я прошатаюсь гдѣ-нибудь до свѣта. *(Отворяетъ окно. Въ это время входятъ Мелузовъ и Нѣгина, которая проходитъ за перегородку.)* Иванъ, поѣзжай въ вокзалъ, скажи, что я здѣсь остался.

ЯВЛЕНІЕ ДЕВЯТОЕ.

Бакинъ *и* Мелузовъ.

Мелузовъ.

Нѣтъ, вы не останетесь здѣсь. Велите кучеру подождать: вы сейчасъ выйдете! Чтò же вы? Ну, такъ я прикажу. *(Въ окно.)* Иванъ останься! Баринъ сейчасъ выйдетъ.

Бакинъ.

Какое право вы имѣете распоряжаться въ чужой квартирѣ? Я васъ не знаю и знать не хочу.

Мелузовъ.

Нѣтъ, позвольте, зачѣмъ вы лжете? И лжете съ дурнымъ намѣреніемъ. Вамъ хочется ославить дѣвушку?

Бакинъ.

„Ославить?“ Визитъ послѣ театра развѣ значитъ „ославить?“ Ну, что̀ вы знаете?

Мелузовъ.

Хорошо; да зачѣмъ посылать кучера объявлять, что вы здѣсь остались?

Бакинъ.

Вы посѣтитель райка, развѣ вы можете понимать отношенія между артистами и той публикой, которая занимаетъ первые ряды креселъ?

Мелузовъ.

Я вотъ что̀ понимаю, что вы, посѣтитель перваго ряда креселъ, уйдете отсюда, а я, посѣтитель райка, останусь здѣсь.

Бакинъ.

Вы здѣсь останетесь?

Мелузовъ.

Да, останусь.

Бакинъ.

Вотъ это хорошо! По крайней мѣрѣ, я сдѣлалъ открытіе, которымъ могу подѣлиться...

Мелузовъ.

Съ кѣмъ угодно.

Бакинъ.

Впрочемъ, вы, можетъ быть, сгоряча-то, немножко прихвастнули?

Мелузовъ.

Нѣтъ, ужъ будьте покойны, я останусь. *(Входитъ Нѣгина, одѣтая въ пальто.)*

ЯВЛЕНІЕ ДЕСЯТОЕ.

Бакинъ, Мелузовъ *и* Нѣгина.

Нѣгина *(кладетъ Мелузову руку на плечо).*

Да, онъ останется.

Мелузовъ.

Ну, теперь сомнѣнія ваши кончились; значитъ, вамъ остается только одно...

Нѣгина.

Удалиться.

Мелузовъ.

И чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше.

Бакинъ.

Лучше, лучше! Я самъ знаю, что̀ мнѣ лучше.

Мелузовъ.

Нѣтъ, не знаете, вы мнѣ не дали договорить. Скорѣе уйти вамъ потому лучше, что можете уйти въ дверь, а если долго будете собираться, тогда отправитесь въ пространство посредствомъ окна.

Нѣгина *(обнимая Мелузова).*

Ахъ, милый!

Бакинъ.

Ну, молодой человѣкъ, запомните вы это! *(Уходитъ.)*

Нѣгина.

Ахъ, милый Петя, голубчикъ мой, поѣдемъ сейчасъ кататься на всю ночь: лошади здѣсь.

Мелузовъ.

Куда, Саша?

Нѣгина.

Куда хочешь, куда только тебѣ угодно: все, все въ твоей волѣ вплоть до утра. Мама, прощай, запирай дверь! Мы ѣдемъ. *(Мелузовъ и Нѣгина уходятъ.)*

Занавѣсъ.

ДѢЙСТВІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

ЛИЦА:

Нѣгина.
Домна Пантелеевна.
Дулебовъ.
Смѣльская.
Великатовъ.
Бакинъ.
Мелузовъ.
Нароковъ.
Вася.
Трагикъ.
Оберъ-кондукторъ.
Кондукторъ.
Человѣкъ, служащій въ вокзалѣ. Разнаго рода пассажиры и вокзальная прислуга.

Вокзалъ желѣзной дороги. Зала для пассажировъ 1-го класса; направо отъ актеровъ дверь, въ видѣ арки, ведущая въ другую залу; прямо стеклянная дверь; за ней видна платформа и вагоны; на серединѣ, поперекъ комнаты, длинный столъ, на немъ приборы, бутылки, канделябры и ваза съ цвѣтами.

ЯВЛЕНІЕ ПЕРВОЕ.

Трагикъ *сидитъ у стола. Потомъ* Человѣкъ. *Съ платформы слышны голоса: „Станція. Городъ Бряхимовъ! Поѣздъ стоитъ двадцать минутъ, буфетъ“: „Бряхимовъ! Поѣздъ стоитъ двадцать минутъ“.*

Трагикъ.

Гдѣ мой Вася? Человѣкъ! *(Стучитъ по столу. Человѣкъ входитъ.)*

Человѣкъ.

Что̀ прикажете?

Трагикъ.

Гдѣ мой Вася?

Человѣкъ.

Да помилуйте, который разъ ужъ вы спрашиваете! Почемъ же мы знаемъ?

Трагикъ.

Ну, такъ поди вонъ, братецъ! *(Человѣкъ уходитъ.)* Гдѣ мой Вася? *(Входитъ Вася.)*

ЯВЛЕНІЕ ВТОРОЕ.

Трагикъ *и* Вася.

Вася.

Ну, вотъ Вася, ну, что̀ тебѣ?

Трагикъ.

Гдѣ ты, братецъ, пропадаешь?

Вася.

Вотъ еще! Стало-быть, дѣло есть. Ты говори, что̀ тебѣ нужно?

Трагикъ.

Чего мы, братецъ, съ тобой сегодня не пили?

Вася.

Чего? Да ужъ, кажется, все, окромя купоросу. А вотъ что̀! Довольно бы, перегодимъ!

Трагикъ.

Да ты любишь меня, или нѣтъ?

Вася.

Ну, вотъ еще разговаривать-то.

Трагикъ.

За что̀ ты меня любишь?

Вася.

За то, что у насъ въ домѣ безобразіе, а ты талантъ. Ну, и конченъ разговоръ. Только послушай! Что̀ все вино, да вино! Дадимъ ему отдохнуть немножко.

Трагикъ.

Ну, пусть его отдохнетъ.

Вася.

Я приказчика отправляю въ Харьковъ; такъ нужно растолковать ему все, какъ слѣдуетъ. Пойдемъ въ третій классъ, разгуляйся малость!

Трагикъ.

Ну пойдемъ. *(Встаетъ. Идутъ къ двери; навстрѣчу имъ изъ другой залы выходятъ Нароковъ и Мелузовъ.)*

ЯВЛЕНІЕ ТРЕТЬЕ.

Трагикъ, Вася, Нароковъ *и* Мелузовъ.

Нароковъ *(останавливая Васю).*

Постойте, постойте! Вотъ вамъ мои часы. *(Снимаетъ съ себя карманные часы и отдаетъ Васѣ.)*

Вася.

Да на что̀ мнѣ твои часы, Мартынъ Прокофьичъ?

Нароковъ.

Дайте мнѣ десять рублей, дайте, прошу васъ!

Вася.

Да часовъ-то мнѣ твоихъ не надо, чудакъ человѣкъ.

Нароковъ.

Сдѣлайте милость, сдѣлайте милость! Мнѣ крайность.

Вася.

А коли крайность, я тебѣ и такъ повѣрю.

Нароковъ.

Не надо, не надо. Возьмите часы: я ихъ выкуплю, они дорогіе; я ихъ скоро выкуплю.

Вася.

Да на что̀ тебѣ деньги? Скажи, откройся!

Нароковъ.

Ахъ, за что̀ вы меня мучаете? Скажите мнѣ, дадите вы или нѣтъ?

Вася.

Любопытно, братецъ, что̀ у тебя за дѣла, что̀ за коммерція?

Нароковъ.

Извините, что побезпокоилъ. Не надо мнѣ.

Вася.

Да изволь, изволь. *(Прячетъ часы въ карманъ и достаетъ изъ бумажника деньги.)* На, вотъ получай! Процентовъ не возьму, не бойся.

Нароковъ *(беретъ деньги и жметъ руку Васѣ).*

Благодарю васъ, благодарю, вы меня выручили. *(Вася и Трагикъ уходятъ въ другую залу.)*

Мелузовъ.

Ихъ нѣтъ и здѣсь; вы ошиблись, должно быть.

Нароковъ.

Нѣтъ, знаю, знаю, да и сердце мнѣ говоритъ, что она уѣзжаетъ. Вы видите, что я еще не могу прійти въ себя.

Мелузовъ.

Да, невѣроятно. Зачѣмъ же ей скрывать отъ меня, зачѣмъ меня обманывать? Сегодня утромъ я получилъ отъ нея записку, вотъ какого содержанія. *(Вынимаетъ записку и читаетъ.)* „Петя, нынче ты не приходи къ намъ, сиди дома, жди меня; я сама зайду къ тебѣ вечеромъ“.

Нароковъ.

Да, непонятно; но онѣ уѣзжаютъ, это вѣрно. Я заходилъ къ нимъ, меня не пустили. Вышла Домна Пантелеевна и закричала на меня: „Не до тебя намъ, не до тебя; мы сейчасъ ѣдемъ на желѣзную дорогу“. Я видѣлъ чемоданы, сакъвояжи, узлы... Я побѣжалъ къ вамъ.

Мелузовъ.

Пойдемте, посмотримъ въ той залѣ, подождемъ ихъ у входа.

Нароковъ.

Я потерялъ память. Чтò же теперь, утро или вечеръ? Я ничего не знаю. Когда отходитъ поѣздъ?

Мелузовъ.

Въ восемь часовъ вечера: еще минутъ двадцать осталось.

Нароковъ.

О, такъ, онѣ еще пріѣдутъ. Пойдемъ. *(Уходятъ въ другую залу. Изъ стекляной двери выходятъ Нѣгина, на ней дорожная сумка, Домна Пантелеевна, Смѣльская, Дулебовъ, Бакинъ и Матрена съ подушками и узлами.)*

ЯВЛЕНІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

Нѣгина *и* Смѣльская *проходятъ впередъ;* Дулебовъ *и* Бакинъ *садятся къ столу;* Матрена *кладетъ узлы и подушки на диванъ подлѣ двери;* Домна Пантелеевна *перебираетъ узлы и что-то прячетъ въ нихъ.*

Смѣльская.

Какъ ты скоро собралась, Саша, и никому ничего не сказала.

Нѣгина.

Когда же мнѣ было? Я сегодня получила телеграмму и сейчасъ же стала собираться.

Смѣльская.

Если-бъ мы съ княземъ не заѣхали на вокзалъ, такъ бы ты и уѣхала, не простясь.

Нѣгина.

Мнѣ некогда было: я ни съ кѣмъ не простилась; я собралась вдругъ и хотѣла написать вамъ изъ Москвы.

Смѣльская.

Такъ ты въ Москву ѣдешь?

Нѣгина.

Да.

Смѣльская.

На какихъ условіяхъ?

Нѣгина.

Предлагаютъ очень хорошія, но я еще не рѣшилась; я тебѣ оттуда напишу.

Дулебовъ *(Бакину).*

Мнѣ представилось, что нынче долженъ отправиться Великатовъ; вотъ я и пріѣхалъ захватить его; выпью, молъ, съ него бутылку шампанскаго въ наказаніе за то, что онъ уѣзжаетъ украдкой.

Бакинъ.

И я за тѣмъ же.

Дулебовъ.

Однако, поѣздъ ужъ пришелъ, а его нѣтъ еще: должно быть, остался въ городѣ.

Бакинъ.

Вѣдь эти господа милліонщики любятъ являться прямо къ третьему звонку.

Смѣльская *(Нѣгиной).*

А какъ же Петръ Егоровичъ?

Нѣгина.

Ахъ, не говори объ немъ, пожалуйста!

Смѣльская.

Ты ему сказала?

Нѣгина.

Нѣтъ, онъ не знаетъ. Я боюсь, что онъ сюда пріѣдетъ; ужъ ѣхать бы скорѣй.

Бакинъ.

Вотъ и Иванъ Семеновичъ! *(Изъ другой залы входитъ Великатовъ и оберъ-кондукторъ и останавливаются у двери.)*

ЯВЛЕНІЕ ПЯТОЕ.

Нѣгина, Смѣльская, Дулебовъ, Бакинъ, Домна Пантелеевна, Матрена, Великатовъ, оберъ-кондукторъ, *потомъ* человѣкъ и кондукторъ.

Оберъ-кондукторъ *(Великатову).*

Начальникъ станціи приказалъ прицѣпить особый вагонъ съ семейнымъ отдѣленіемъ.

Великатовъ.

Да, это я его просилъ. *(Кланяется Дулебову и Бакину.)*

Бакинъ.

Вы ѣдете?

Великатовъ.

Нѣтъ, я провожаю Александру Николаевну и Домну Пантелеевну. *(Оберъ-кондуктору.)* Когда будетъ готово, такъ распорядитесь, чтобы перенесли эти вещи. Ужъ похлопочите, чтобы все было хорошо и удобно.

Оберъ-кондукторъ.

Будьте нокойны.

Домна Пантелеевна.

Иванъ Семеновичъ, взяли билеты-то?

Великатовъ.

Взялъ, Домна Пантелеевна, и всю кладь вашу сдалъ.

Домна Пантелеевна.

Такъ дайте мнѣ билеты-то, а то безъ билетовъ не пустятъ.

Великатовъ.

Я вамъ послѣ отдамъ, когда будете въ вагонъ садиться.

Домна Пантелеевна.

Какъ бы не опоздать, Иванъ Семеновичъ; пожалуй, безъ насъ уѣдутъ; у меня сердце не на мѣстѣ.

Оберъ-кондукторъ.

Не безпокойтесь; я за вами приду и самъ посажу васъ, а ужъ безъ меня поѣздъ не тронется. А за вещами я сейчасъ пришлю.

Домна Пантелеевна.

Да ужъ пришлите, только кого понадежнѣе, чтобы все въ сохранности.

Великатовъ.

Такъ вы распорядитесь!

Оберъ-кондукторъ *(прикладывая руку къ шапкѣ)*.

Сейчасъ прикажу. *(Уходитъ.)*

Великатовъ.

Надо, господа, на проводахъ, бутылочку выпить; я ужъ приказалъ подать. Александра Николаевна, Нина Васильевна, прошу покорно!

Домна Пантелеевна.

Да ужъ передъ отъѣздомъ всѣмъ нужно присѣсть. Матрена, и ты садись! *(Всѣ усаживаются у стола, со стороны, противоположной аркѣ. Человѣкъ входитъ съ бутылкой шампанскаго, ставитъ на столъ и уходитъ. Великатовъ наливаетъ вино въ бокалы.)*

Великатовъ *(поднимая бокалъ)*.

Счастливаго пути, Александра Николаевна! Домна Пантелеевна! *(Дулебовъ и Бакинъ привстаютъ и кланяются.)*

Домна Пантелеевна.

Счастливо оставаться, господа!

Смѣльская *(цѣлуя Нѣгину).*

Желаю тебѣ счастья, Саша! Пиши, пожалуйста! *(Входитъ кондукторъ.)*

Кондукторъ.

Какія вещи прикажете брать?

Домна Пантелеевна.

Вонъ, батюшка! Матрена, покажи ему, да поди за нимъ, пригляди хорошенько! *(Кондукторъ забираетъ вещи.)* Кондукторъ!

Кондукторъ.

Чтò угодно?

Домна Пантелеевна.

Ты подушки-то поосторожнѣе: тамъ по полу не валяйте ихъ!

Нѣгина.

Маменька!

Домна Пантелеевна.

Чтò „маменька"? Прикажешь-то, такъ лучше. *(Кондуктору.)* Не трожь этотъ мѣшочекъ-то, крайній-то! Говорю, не трожь, тамъ баранки; еще разсыплешь, пожалуй! *(Дулебовъ и Бакинъ смѣются.)*

Нѣгина.

Маменька!

Домна Пантелеевна.

Да чтò? Понадѣйся на нихъ!

Нѣгина.

Берите все, берите все! *(На платформѣ звонокъ.)*

Домна Пантелеевна *(быстро встаетъ со стула).*

Ай! Поѣхали.

Великатовъ.

Успокойтесь, Домна Пантелеевна, безъ васъ не уѣдутъ.

Кондукторъ.

Это звонокъ третьему классу; еще времени много осталось. *(Уходитъ. Матрена за нимъ.)*

Домна Пантелеевна.

Напугали до смерти. Они этими звонками проклятыми всю душу вымотаютъ. *(Входятъ изъ другой залы Нароковъ, за нимъ человѣкъ съ бутылкой, Мелузовъ.)*

ЯВЛЕНІЕ ШЕСТОЕ.

Нѣгина, Смѣльская, Домна Пантелеевна, Великатовъ, Бакинъ, Дулебовъ. Нароковъ *садится на конецъ стола, къ аркѣ.* Человѣкъ *ставитъ передъ нимъ бутылку;* Мелузовъ *останавливается у двери.*

Нѣгина *(подходитъ къ Мелузову).*

Ни слова, ради Бога, ни слова! Если только любишь меня, молчи; я тебѣ послѣ все скажу. *(Отходитъ и садится на свое мѣсто.)*

Нароковъ *(Человѣку).*

Ты сомнѣвался, ты сомнѣвался! Гляди на меня, заплачу́ ли я тебѣ? Хорошо! Ты хорошій слуга! Вотъ тебѣ за добродѣтель награда! *(Даетъ десять рублей.)* Получи за вино, а сдачу себѣ возьми!

Человѣкъ.

Покорнѣйше благодарю-съ. *(Уходитъ. Мелузовъ садится рядомъ съ Нароковымъ, который, наливъ бокалы себѣ и Мелузову, встаетъ.)*

Бакинъ.

Спичъ, спичъ, господа! Послушаемъ.

Нароковъ.

Александра Николаевна, первый бокалъ за вашъ талантъ! Я горжусь тѣмъ, что первый замѣтилъ его. Да и кому-жъ здѣсь, кромѣ меня, замѣтить и оцѣнить дарованіе? Развѣ здѣсь понимаютъ искусство? Развѣ здѣсь искусство нужно? Развѣ здѣсь... О, проклятіе!

Бакинъ.

Запутался, Мартынъ Прокофьевичъ!

Нароковъ *(съ сердцемъ).*

Нѣтъ, я не запутался. Въ робкихъ шагахъ дебютантки, въ первомъ еще наивномъ лепетѣ, я угадалъ будущую знаменитость. У васъ есть талантъ, берегите его, растите его! Талантъ есть лучшее богатство, лучшее счастіе человѣка! За вашъ талантъ! *(Пьетъ.)*

Нѣгина.

Благодарю васъ, Мартынъ Прокофьевичъ!

Бакинъ.

Браво!

Дулебовъ.

А онъ говоритъ довольно складно.

Нароковъ *(Мелузову).*

Налейте мнѣ и себѣ. *(Мелузовъ наливаетъ. Нароковъ поднимаетъ бокалъ.)* Второй бокалъ за вашу красоту!

Нѣгина *(встаетъ).*

Ахъ, что̀ вы? Зачѣмъ?

Нароковъ.

Вы не признаете за собой красоты? Нѣтъ, вы красавица. Для меня — гдѣ талантъ, тамъ и красота! Я всю жизнь поклонялся красотѣ и буду ей поклоняться до могилы... За вашу красоту! *(Пьетъ и ставитъ бокалъ.)* Теперь позвольте мнѣ, на прощанье, поцѣловать вашу руку! *(Становится на колѣни передъ Нѣгиной и цѣлуетъ ея руку.)*

Нѣгина *(сквозь слезы).*

Встаньте, Мартынъ Прокофьевичъ, встаньте!

Великатовъ.

Довольно, Мартынъ Прокофьевичъ! Вы разстроиваете Александру Николаевну!

Нароковъ.

Да; довольно! *(Встаетъ, дѣлаетъ нѣсколько шаговъ къ стеклянной двери и останавливается. Въ дверяхъ изъ другой залы появляется оберъ-кондукторъ, прислуга и нѣсколько пассажировъ.)*

Не горе и слезы*),
Не тяжкіе сны,
А счастія розы
Тебѣ суждены.
Тѣ розы прекрасны:
То рая цвѣты.
И, вѣрь, не напрасны
Поэта мечты.

---

*) Подлинные стихи одного неизвѣстнаго артиста сороковыхъ годовъ.
Авторъ.

Но въ радостяхъ свѣта,
Въ счастливые дни,
Страдальца поэта
И ты вспомяни! *(Отходитъ къ самой двери).*
Судьбою всевластной
Нещадно гонимъ,
Онъ счастливъ, несчастный,
Лишь счастьемъ твоимъ. *(Идетъ къ дверямъ).*

Великатовъ и Нѣгина.

Мартынъ Прокофьевичъ, Мартынъ Прокофьевичъ!

Нароковъ.

Нѣтъ, довольно, довольно, больше не могу. *(Уходитъ.)*

Нѣгина *(знакомъ подзываетъ оберъ-кондуктора).*

Скажите, что пора ѣхать! Прошу васъ.

Оберъ-кондукторъ *(взглянувъ на часы).*

Еще немножко рано, а впрочемъ, какъ вамъ угодно. Господа, не угодно ли въ вагоны садиться?

Домна Пантелеевна.

Ахъ, пустите меня впередъ, господа! Пустите, а то не поспѣю!

Оберъ-кондукторъ.

Пожалуйте направо, въ послѣдній вагонъ! *(Уходятъ Домна Пантелеевна, за ней оберъ-кондукторъ, Нѣгина, Смѣльская и Великатовъ; за ними Дулебовъ и Бакинъ. Нѣгина скоро возвращается.)*

ЯВЛЕНІЕ СЕДЬМОЕ.

Мелузовъ, Нѣгина, *потомъ* Великатовъ *и* оберъ-кондукторъ.

Нѣгина.

Ну, Петя, прощай! Судьба моя рѣшена.

Мелузовъ.

Какъ? Что̀? Что̀ ты?

Нѣгина.

Я не твоя, мой милый! Нельзя, Петя.

Мелузовъ.

Чья же ты?

Нѣгина.

Ну, чтò тебѣ знать! Все равно тебѣ. Такъ надо, Петя. Я долго думала, мы обѣ съ маменькой думали... Ты хорошій человѣкъ, очень хорошій! Все, чтò ты говорилъ, правда, все это правда, а нельзя... Ужъ сколько я плакала, сколько себя бранила... Ты этого не понимаешь. Вотъ видишь ты: ужъ всегда такъ, ужъ такъ заведено, ужъ вѣдь... ну... всѣ такъ; чтò-жъ, вдругъ я одна... это даже смѣшно!

Мелузовъ.

Смѣшно? Неужели смѣшно?

Нѣгина.

Да, конечно. Все правда, все правда,. чтò ты говорилъ; такъ и надо жить всѣмъ, такъ и надо... А если талантъ... если у меня впереди слава? Чтò-жъ мнѣ, отказаться, а? А потомъ жалѣть, убиваться всю жизнь... Если я родилась актрисòй?...

Мелузовъ.

Чтò ты, чтò ты, Саша? Развѣ талантъ и развратъ не раздѣльны?

Нѣгина.

Да нѣтъ, не развратъ! Ахъ, какой ты! *(Плачетъ.)* Ты ничего не понимаешь... и не хочешь меня понять. Вѣдь я актриса, а вѣдь, по-твоему, нужно быть мнѣ героиней какой-то. Да развѣ всякая женщина можетъ быть героиней? Я актриса... Если-бъ я и вышла за тебя замужъ, я бы скоро бросила тебя и ушла на сцену; хотя за маленькое жалованье, да только-бъ на сценѣ быть. Развѣ я могу безъ театра жить?

Мелузовъ.

Это для меня новость, Саша.

Нѣгина.

Новость? Потому и новость, что ты до сихъ поръ души моей не зналъ. Ты думалъ, что я могу быть героиней, а я не могу... да и не хочу. Чтò-жъ мнѣ быть укоромъ для другихъ? Вы, молъ, вотъ какія, а я вотъ какая... честная!... Да другая, можетъ быть, и не виновата совсѣмъ; мало-ль какія обстоятельства, ты самъ посуди: или родные... или тамъ

обманомъ какимъ... А я буду укорять? Да сохрани меня Господи!

Мелузовъ.

Саша, Саша, да развѣ честная жизнь укоръ для другихъ? Честная жизнь — хорошій примѣръ для подражанія.

Нѣгина.

Ну, вотъ видишь ты; значитъ, я глупа, значитъ, ничего не понимаю... А мы съ маменькой такъ разсудили... мы поплакали, да и разсудили... А ты хочешь, чтобъ я была героиней. Нѣтъ, ужъ мнѣ куда же бороться... Какія мои силы? А все, что̀ ты говорилъ, правда. Я никогда тебя не забуду.

Мелузовъ.

Не забудешь? И за то спасибо!

Нѣгина.

Это были лучшіе дни въ моей жизни: ужъ у меня больше такихъ не будетъ. Прощай, милый!

Мелузовъ.

Прощай, Саша!

Нѣгина.

Я какъ сбиралась, все плакала о тебѣ. На вотъ! *(Достаетъ изъ дорожной сумки волосы, завернутые въ бумажку.)* Я у себя отрѣзала полкосы для тебя. Возьми на память!

Мелузовъ *(кладетъ въ карманъ).*

Благодарю, Саша.

Нѣгина.

Если хочешь, я еще отрѣжу, хоть сейчасъ. *(Достаетъ изъ сумки ножницы.)* На, отрѣжь самъ!

Мелузовъ.

Не надо, не надо. *(Великатовъ отворяетъ дверь.)*

Великатовъ.

Александра Николаевна, пожалуйте! Сейчасъ послѣдній звонокъ.

Нѣгина.

Сейчасъ, сейчасъ! Уйдите! *(Великатовъ уходитъ.)* Ну, прощай! Только ты не сердись на меня! Не брани меня! Ну, прости меня! А то мнѣ тяжело будетъ; у меня никакой радости не будетъ. Прости меня! Я на колѣняхъ буду умолять тебя.

Мелузовъ.

Не надо, не надо. Живи, какъ хочешь, какъ умѣешь! Я одного только желаю, чтобъ ты была счастлива. Только сумѣй быть счастлива, Саша! Ты обо мнѣ и объ моихъ словахъ забудь, а хоть какъ-нибудь, ужъ по-своему, сумѣй найти себѣ счастье. Вотъ и все, и вопросъ жизни рѣшенъ для тебя.

Нѣгина.

Такъ ты не сердишься? Ну, вотъ и хорошо... ахъ, хорошо! Только послушай, Петя! Если ты будешь нуждаться, напиши!

Мелузовъ.

Что̀ ты, Саша!

Нѣгина.

Нѣтъ, пожалуйста, не откажись. Я, какъ сестра... я, какъ сестра, Петя! Ну, доставь ты мнѣ эту радость!... Какъ сестра... Чѣмъ же я тебѣ за все добро твое?... *(Входитъ оберъ-кондукторъ.)*

Оберъ-кондукторъ.

Я за вами пришелъ. Пожалуйте садиться; сейчасъ поѣздъ отходитъ!

Нѣгина *(бросается на шею Мелузову).*

Прощай, Петя! Прощай, милый, голубчикъ! *(Вырывается изъ объятій и бѣжитъ къ двери.)* Напиши, Петя, напиши. *(Уходитъ, за ней оберъ-кондукторъ. Мелузовъ смотритъ въ растворенную дверь. Звонокъ. Слышенъ свистъ кондуктора, потомъ свистъ машины, поѣздъ трогается. Изъ другой залы выходятъ Трагикъ и Вася.)*

ЯВЛЕНІЕ ВОСЬМОЕ.

Мелузовъ, Трагикъ *и* Вася.

Трагикъ.

Что̀ ты сказалъ? Она уѣхала?

Вася.

Да, братъ, уѣхала наша Александра Николаевна. Прощай! Только и видѣли.

Трагикъ.

Ну, что̀-жъ? Мы съ тобой будемъ плакать въ одну урну и заочно пожелаемъ ей счастливаго пути. *(Входятъ Смѣльская, Дулебовъ и Бакинъ.)*

ЯВЛЕНІЕ ДЕВЯТОЕ.

Мелузовъ, Трагикъ, Вася, Смѣльская, Дулебовъ *и* Бакинъ.

Бакинъ *(хохочетъ).*

Это безподобно! Я ему кричу: „выходите, а то васъ увезутъ!“ А онъ говоритъ: „пусть увезутъ, я нисколько не обижусь. До свиданья, господа!“ Безподобно! Значитъ, онъ ихъ повезъ въ свою усадьбу?

Смѣльская.

Это очень замѣтно было; я сейчасъ догадалась. Развѣ Нѣгина можетъ ѣхать въ семейномъ вагонѣ? Изъ какихъ доходовъ? Ей съ маменькой мѣсто въ третьемъ классѣ, прижавшись въ уголку.

Бакинъ.

Такъ зачѣмъ же онъ вретъ, что провожаетъ?

Смѣльская.

Чтобъ избѣжать разговоровъ; скажи онъ, что ѣдетъ вмѣстѣ съ ними, сейчасъ бы пошли насмѣшки, остроты; да вы первые бы начали. А онъ стыдится, что̀ ли, или просто не любитъ такихъ разговоровъ, я ужъ не знаю. Онъ сдѣлалъ очень умно.

Дулебовъ.

Я вамъ говорилъ, что онъ человѣкъ умный.

Бакинъ.

А мы-то желаемъ счастливаго пути госпожѣ Нѣгиной! Да чего ужъ счастливѣе! Ну, если-бъ я зналъ это, я бы отъ души пожелалъ Великатову голову сломать. А вѣдь бываетъ же, князь, что иногда стрѣлочникъ пьянъ напьется... Вотъ теперь встрѣчный поѣздъ проходитъ; вдругъ на разъѣздѣ трахъ! *(Мелузовъ бросается къ двери.)* Что̀ вы, куда вы? Спасать? Не поспѣете. Да и не бойтесь! Такіе люди, какъ Великатовъ, не погибаютъ: они невредимо и огонь, и воду проходятъ. *(Мелузовъ останавливается.)* Побесѣдуемте, молодой человѣкъ! Или вы, можетъ быть, застрѣлиться торопитесь? Такъ я вамъ не помѣшаю, стрѣляйтесь, стрѣляйтесь! Вѣдь студенты при всякихъ неудачахъ стрѣляются.

Мелузовъ.

Нѣтъ, я не застрѣлюсь.

Бакинъ.

Пистолета не на что̀ купить? Такъ я вамъ куплю на свой счетъ.

Мелузовъ.

Покупайте для себя.

Бакинъ.

Что̀ же вы теперь, за какое дѣло приметесь? Опять учить?

Мелузовъ.

Да. Что̀ же больше дѣлать? Это наше занятіе, наша обязанность.

Бакинъ.

И опять актрису?

Мелузовъ.

Хоть бы и актрису.

Бакинъ.

И опять влюбитесь, опять мечтать будете, женихомъ себя считать?

Мелузовъ.

Смѣйтесь надо мной, я не сержусь, я этого заслуживаю. Я васъ обезоружу, я самъ вмѣстѣ съ вами буду смѣяться надъ собой. Вѣдь смѣшно, дѣйствительно, смѣшно. Бѣднякъ, на трудовыя деньги, выучился трудиться: ну, и трудись! А онъ вздумалъ любить! Нѣтъ, этой роскоши намъ не полагается.

Смѣльская.

Ахъ, какой милый! *(Посылаетъ рукой поцѣлуй.)*

Мелузовъ.

У насъ, у горемыкъ, у тружениковъ есть свои радости, которыхъ вы не знаете, которыя вамъ не доступны. Дружескія бесѣды за стаканомъ чаю, за бутылкой пива о книжкахъ, которыхъ вы не читаете, о движеніи науки, которой вы не знаете, объ успѣхахъ цивилизаціи, которыми вы не интересуетесь. Что̀-жъ намъ еще? А я вторгся, такъ сказать, въ чужое владѣніе, въ область безпечальнаго пребыванія, беззаботнаго время-прохожденія, въ сферу красивыхъ, веселыхъ женщинъ, въ сферу шампанскаго, букетовъ, дорогихъ подарковъ. Ну, какъ же не смѣшно! Конечно, смѣшно.

Смѣльская.

Ахъ, какой онъ милый!

Бакинъ.

Вы не обидчивы, а я думалъ, что вы меня на дуэль вызовете.

Мелузовъ.

Дуэль? Зачѣмъ? У насъ съ вами и такъ дуэль, постоянный поединокъ, непрерывная борьба. Я просвѣщаю, а вы развращаете.

Трагикъ.

Благородно! *(Васѣ.)* Спрашивай шампанскаго!

Мелузовъ.

Вотъ и давайте бѣситься: вы свое дѣло дѣлайте, а я буду свое. И посмотримъ, кто скорѣе устанетъ. Вы скорѣе бросите свое занятіе; въ легкомысліи не много привлекательнаго; придете въ солидный возрастъ, совѣсть зазритъ. Бываютъ, конечно, и такія счастливыя натуры, что до глубокой старости сохраняютъ способность — съ удивительною легкостью перелетать съ цвѣтка на цвѣтокъ; но это исключенія. Я же свое дѣло буду дѣлать до конца. А если я перестану учить, перестану вѣрить въ возможность улучшать людей, или малодушно погружусь въ бездѣйствіе и махну рукой на все, тогда покупайте мнѣ пистолетъ, спасибо скажу. *(Надвигаетъ шляпу и закутывается пледомъ.)*

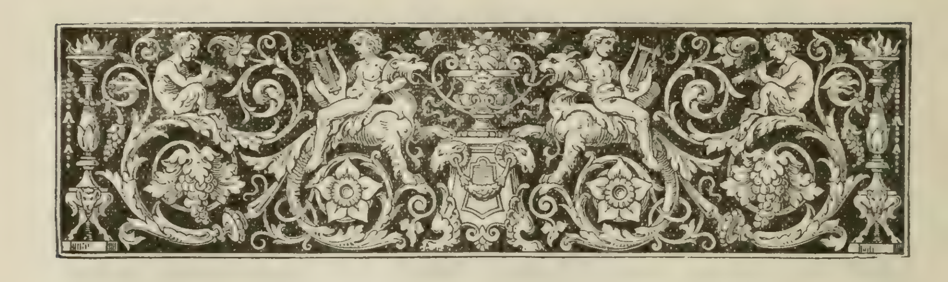
Вася.

Шампанскаго!

Трагикъ.

Полдюжины!

КРАСАВЕЦЪ-МУЖЧИНА.

КОМЕДІЯ ВЪ ЧЕТЫРЕХЪ ДѢЙСТВІЯХЪ.

ДѢЙСТВІЕ ПЕРВОЕ.

(Вмѣсто пролога).

ЛИЦА:

Аполлинарія Антоновна, пожилая дама.

Зоя Васильевна Окоемова, ея племянница, молодая женщина.

Наумъ Ѳедотовичъ Лотохинъ, богатый баринъ, пожилой, дальній родственникъ Окоемовой.

Ѳедоръ Петровичъ Олешунинъ, молодой человѣкъ, средняго состоянія, землевладѣлецъ.

Никандръ Семеновичъ Лупачевъ, пожилой баринъ, очень широко живущій и бросающій деньги, репутаціи не безукоризненной; въ хорошемъ обществѣ не принятъ.

Сосипатра Семеновна, сестра его, пожилая дама, одѣвается богато и оригинально, ведетъ себя самостоятельно и совершенно свободно, не стѣсняясь приличіями.

Пьеръ, ***Жоржъ*** — Молодые люди, пріятели Лупачева, безъ опредѣленныхъ занятій, похожи другъ на друга, одѣты и причесаны одинаково-безукоризненно, по послѣдней модѣ; молчаливы, скромны и совершенно приличны.

Василій, человѣкъ въ вокзалѣ.

Акимычъ, старый слуга Лотохина.

Дѣйствіе въ городѣ Бряхимовѣ.

Садъ лѣтняго клуба.

ЯВЛЕНІЕ ПЕРВОЕ.

Входитъ Пьеръ *и* Жоржъ, *потомъ* Василій.

Пьеръ *(ложась на садовый диванъ).*
Жоржъ, ты чтò пилъ сейчасъ?

Жоржъ.
Коньякъ.

Пьеръ.
Хорошо?

Жоржъ.
Выпей, такъ узнаешь.

Пьеръ.
Да мнѣ не хочется.

Жоржъ.
И мнѣ не хотѣлось.

Пьеръ.
Зачѣмъ же ты пилъ?

Жоржъ.
Отъ нечего дѣлать. Пьеръ, чтò это за чудакъ съ нами обѣдалъ?

Пьеръ.
Наумъ Ѳедотычъ какой-то. Какое имя глупое, Жоржъ! По фамиліи Лотохинъ. Пріѣзжій. А кто онъ такой, кто-жъ его знаетъ.

Жоржъ.
Знаютъ.

Пьеръ.
Кто?

Жоржъ.
Буфетчикъ Василій.

Пьеръ.
Чтò-жъ онъ говоритъ?

Жоржъ.
Говоритъ, что Лотохинъ его баринъ, богатый человѣкъ, стараго вѣку, нынѣшнимъ не чета. Какого-то „стараго вѣку“, какая-то „не четà“! Ничего этого я не понимаю.

Пьеръ.
Все-таки ты знаешь больше моего, а меня спрашиваешь.

Жоржъ.

Что̀ я знаю? Что онъ „стараго вѣку“, да какая-то „не чета“ — только и всего. Я думалъ, что ты больше меня просвѣщенъ на этотъ счетъ.

Пьеръ.

Ну, мои свѣдѣнія очень ограничены. Лотохинъ пріѣхалъ откуда-то, кажется, изъ Москвы, покупаетъ здѣсь имѣніе, собираетъ о немъ справки. Все это здѣсь бываетъ часто; никому бы до него и дѣла не было; но онъ человѣкъ богатый: оттого имъ всѣ интересуются. Вѣрно только одно, что онъ чудакъ.

Жоржъ.

Я этихъ чудаковъ да простаковъ боюсь немножко.

Пьеръ.

Отчего?

Жоржъ.

А помнишь, въ прошломъ году, какой-то чудакъ наѣхалъ? Лохматый, нечесаный, сертукъ въ пуху, сапоги нечищенные, шампанское пополамъ съ квасомъ пилъ. Бумажника не носилъ, ассигнаціи свертывалъ въ комокъ, да по разнымъ карманамъ разсовывалъ. Карты въ рукахъ держать не умѣлъ, а обобралъ всѣхъ здѣсь. Послѣ я его видѣлъ въ Петербургѣ въ Ливадіи: раздушенный, завитой, всѣхъ опереточныхъ артистовъ знаетъ, шансонетки не хуже ихъ поетъ.

Пьеръ.

Да, бываютъ художники. Вотъ Василій. Позовемъ его да разспросимъ хорошенько. *(Громко.)* Василій! *(Входитъ Василій.)*

Василій.

Что̀ угодно-съ?

Пьеръ.

Ты Лотохина знаешь?

Василій.

Какъ же не знать-съ? Коли онъ мой баринъ, настоящій, природный, а не то чтобъ... Это, однако, довольно для меня удивительно, чтобы не знать, коли я съ измальства былъ ихъ слуга.

Жоржъ.

Богатъ онъ?

Василій (*махнувъ рукой*).

Ну, что̀ ужъ! Можетъ, однѣхъ вотчинъ у нихъ въ пяти губерніяхъ... и тамъ всего прочаго... Про это что̀-жъ! Ужъ всѣмъ извѣстно.

Пьеръ.

Да... Ну, а зачѣмъ онъ сюда пріѣхалъ?

Василій.

Имѣнье покупаютъ.

Жоржъ.

Зачѣмъ ему? У него и такъ много.

Василій.

Они не съ тѣмъ, чтобъ... а какъ собственно, у сродственницы.

Пьеръ.

У какой сродственницы? Кто она?

Василій.

Ужъ это я не могу знать-съ. Потому какъ... изволите видѣть, я съ ихнимъ камардиномъ, съ Акимычемъ говорилъ... (*Таинственно.*) Они въ отель-Парижѣ стоятъ, три нумера занимаютъ... можете судить... „Мы, говоритъ, имѣнье покупать; только, говоритъ, мы не за барышемъ гонимся, а по родственному расположенію“.

Пьеръ.

Въ карты онъ играетъ?

Василій.

Этому они не подвержены, а обнаковенно, какъ господа, когда со временемъ, для компаніи, отчего же... это они могутъ... Потому, выиграть ли, проиграть ли, это имъ какой расчетъ! А чтобъ гостямъ удовольствіе... Ну, обнаковенно, какъ завсегда въ хорошихъ домахъ.

Жоржъ.

Давно онъ пріѣхалъ?

Василій.

Да какъ вамъ доложить! Дня четыре будетъ-съ, а пожалуй, и всѣхъ пять. Только они сродственницу свою еще не видали, въ имѣнье ѣздили, осматривать, а вчера пріѣхали обратно.

Пьеръ.

Ну, а больше ты ничего не знаешь?

Василій.

Да помилуйте, я все знаю. Дяденька у нихъ генералъ, въ конницѣ служили — такъ ужъ вотъ баринъ!...

Жоржъ.

Гдѣ же онъ теперь?

Василій.

Въ чужихъ краяхъ-съ.

Жоржъ.

Ну такъ что̀ же намъ? Богъ съ нимъ!

Василій.

Опять сестрица двоюродная, за бариномъ замужемъ, которые откупами занимались, такъ, Боже мой, брови у нихъ... Кажется, изойди весь бѣлый свѣтъ... Да нѣтъ, невозможно...

Пьеръ.

Ну, довольно, будетъ съ насъ.

Василій.

Больше ничего не прикажете?

Пьеръ.

Ничего. Ступай! *(Василій уходитъ. Лотохинъ и Сосипатра входятъ.)*

ЯВЛЕНІЕ ВТОРОЕ.

Пьеръ, Жоржъ, Сосипатра *и* Лотохинъ.

Сосипатра.

Вы извините, что для перваго знакомства братъ приглашаетъ васъ обѣдать не домой, а въ трактиръ.

Лотохинъ.

Ничего-съ. Я самъ бездомовникъ, человѣкъ кочующій; зимой по клубамъ, а лѣтомъ по роднымъ кочую.

Сосипатра.

У васъ много родни?

Лотохинъ.

Очень много-съ и, къ несчастію, все родственницы: племянницы, внучки, сестры двоюродныя, троюродныя, дѣвицы да вдовы-съ. Невѣстъ много. Опека большая.

Сосипатра.

Какое же это несчастіе? Развѣ бѣдныя? Помогать надо?

Лотохинъ.

Нѣтъ-съ, богатыя, есть даже очень богатыя.

Сосипатра.

Чего-жъ лучше?

Лотохинъ.

Красота мужская нашему семейству очень дорого обходится.

Сосипатра.

Я васъ не понимаю.

Лотохинъ.

Если изволите, я вамъ объясню.

Сосипатра.

Сдѣлайте одолженіе.

Лотохинъ.

Только, сударыня, я заранѣе прошу вашего извиненія: можетъ быть, придется сказать чтò-нибудь такое...

Сосипатра.

Пожалуйста, не церемоньтесь! Напускную скромность я не считаю за добродѣтель и излишней стыдливостью не отличаюсь, особенно въ мужскомъ обществѣ. Да вотъ у меня платокъ. *(Показываетъ носовой платокъ.)* Коли чтò такое, такъ я закроюсь, а все-таки послушаю: я очень любопытна.

Лотохинъ.

Да нѣтъ-съ, сказать чтò-нибудь неприличное я себѣ не позволю, а можетъ быть, вамъ покажется, что я не очень лестно отзываюсь о женскомъ полѣ.

Сосипатра.

Только-то? Такъ не бойтесь; я сама не очень высокаго мнѣнія о нашемъ полѣ. *(Пьеру и Жоржу.)* Вы, шалопаи, чему смѣетесь? Говорятъ люди солидные...

Лотохинъ.

Умудренные опытомъ.

Сосипатра.

Такъ вы должны слушать съ почтеніемъ; это вамъ впередъ пригодится, потому что вы еще молокососы. А то лучше убирайтесь.

Пьеръ.

Нѣтъ ужъ, позвольте!

Жоржъ.

Это очень интересно.

Сосипатра.

Ну, такъ ведите себя скромно и сидите, какъ умныя дѣти сидятъ.

Лотохинъ.

Такъ вотъ, изволите видѣть, много у меня родственницъ. Разсѣяны онѣ по разнымъ мѣстамъ Россійской имперіи, большинство, конечно, въ столицахъ. Объѣзжаю я ихъ часто, — я человѣкъ сердобольный, къ роднѣ чувствительный... Пріѣдешь къ одной, напримѣръ, навѣстить, о здоровьѣ узнать, о дѣлахъ, а она прямо начинаетъ... какъ вы думаете, съ чего?

Сосипатра.

Объ шляпкахъ, конечно, о платьяхъ, вообще, о тряпкахъ.

Лотохинъ.

Никакъ нѣтъ-съ. Она начинаетъ: „Ахъ, онъ меня любитъ!“ Кто этотъ „онъ“ — я почти никогда не спрашиваю, потому что отвѣтъ одинъ, стереотипный-съ: „мой женихъ, онъ хорошъ, уменъ, образованъ!“

Сосипатра.

Да, правда ваша. А потомъ окажется, что онъ такъ же уменъ и образованъ, какъ вотъ эти милыя особы.

Пьеръ.

Вы насъ въ примѣръ глупости выставляете? — Merci!

Сосипатра.

У женщинъ, коли мужчина хорошъ, да ей нравится, такъ онъ ужъ и уменъ, и образованъ; это я по себѣ знаю. И вы, господа, дождетесь, что васъ будутъ считать умными.

Жоржъ.

Такъ обижаться не прикажете?

Сосипатра.

Еще бы! Не ломайтесь, пожалуйста.

Жоржъ *(со вздохомъ)*.

Что̀ же дѣлать, Пьеръ! Перенесемъ.

Пьеръ *(со вздохомъ)*.

Перенесемъ, Жоржъ.

Лотохинъ.

Такъ вотъ-съ: Ахъ! онъ меня любитъ! Ну, что̀ же тутъ дѣлать? Остается только радоваться. Любитъ, такъ и пускай любитъ. Хотя, конечно, пожилому человѣку не очень интересно любоваться на эти восторги. Онъ тебя любитъ, ну, и знала бы про себя. Вѣдь это ея дѣло, такъ сказать, келейное и общественнаго интереса никакого не представляетъ; зачѣмъ же знакомымъ-то свои восторги навязывать? Другая вѣдь ужъ далеко не малолѣтняя, ужъ давно полной и довольно вѣской зрѣлости — такъ, пудовъ отъ шести съ половиною вѣсу — а все прыгаетъ да охаетъ: „Ахъ, онъ меня любитъ! Ахъ, онъ меня любитъ!“ Такъ, знаете ли, неловко какъ-то становится.

Сосипатра.

Да, это скверно, я терпѣть не могу; мнѣ просто стыдно становится. Я очень понимаю, что вамъ должно быть скучно слушать эти ихъ изліянія; но вѣдь отъ этого легко избавиться. Махнуть рукой и уѣхать. Радъ, молъ, твоей радости, и Богъ съ тобой, матушка! Блаженствуй.

Лотохинъ.

Нельзя-съ. Ужъ я вамъ докладывалъ, что я человѣкъ сердобольный; ужъ тутъ смотри въ оба, а прозѣваешь — бѣда! Вотъ извольте послушать. Заѣдешь къ этой же родственницѣ, этакъ черезъ мѣсяцъ, или черезъ два; ужъ совсѣмъ другой тонъ въ домѣ, переходъ изъ мажора въ миноръ. Одеколоны, спирты, у самой истерики, глазки опухли, носикъ покраснѣлъ, и разговоръ ужъ другой: „Ахъ, онъ меня разлюбилъ“! *(Пьеръ и Жоржъ смѣются.)*

Сосипатра.

Чему вы смѣетесь? Безчувственные!

Лотохинъ.

Утѣшать ужъ тутъ напрасно; чѣмъ ее утѣшишь? Такіе недуги время врачуетъ: глядишь, черезъ мѣсяцъ и оправится, и повеселѣетъ немножко, а черезъ два опять заохаетъ. Тутъ ужъ у меня совсѣмъ другая забота начинается: между оховъ и вздоховъ стараешься развѣдать, нѣтъ ли, кромѣ сердечнаго ущерба, еще имущественнаго.

Сосипатра.

Да, это важный вопросъ.

Лотохинъ.

На первыхъ порахъ, разумѣется, ничего не узнаешь. „Ахъ, да стóитъ ли объ этомъ говорить? Да все это вздоръ! Какіе тутъ расчеты! Я всѣ эти мелочи презираю“. Ну, сейчасъ ревизія, разспросы — и видишь, что имѣніе разстроено, долги. „Это, молъ, какъ же такъ?“ — „Ахъ, Боже мой, да чтò-жъ тутъ удивительнаго? Я готова была для него всѣмъ пожертвовать, даже жизнію, а вы пристаете. Развѣ можно было ожидать, что человѣкъ, съ такой прекрасной наружностью, имѣетъ такую коварную душу? Этого никогда не бываетъ, никогда! Я васъ увѣряю, это исключеніе. У кого наружность хороша, у того и душа благородная, это ужъ всегда, всегда, всегда, и не разговаривайте больше со мной“! Вотъ и толкуйте съ такимъ народомъ.

Сосипатра.

Господа кавалеры, правда это или нѣтъ?

Пьеръ.

Спросите у Жоржа! Я еще не женихъ пока, а онъ ужъ...

Жоржъ.

Молчи, пожалуйста! Это не честно.

Пьеръ.

Молчу.

Лотохинъ.

Иной молодой человѣкъ, красивой наружности, такую брешь въ капиталѣ и въ имѣніи-то сдѣлаетъ, что хоть по міру ступай. Вотъ почему я и стараюсь предупреждать такія катастрофы. Какъ увижу, что какая-нибудь родственница заохала, я тутъ и вьюсь.

Сосипатра.

Чтò же вы можете сдѣлать, если женщина дѣйствительно влюблена?

Лотохинъ.

На разныя хитрости поднимаюсь, а коли ужъ ничто не беретъ, такъ отступного даю. Лучше ужъ тысячъ пять, десять бросить, чѣмъ все состояніе потерять. Вѣдь навертываются и хорошіе женихи-съ, дѣльные, солидные — да какъ и не быть при такомъ приданомъ! — такъ не нравятся: люди очень обыкновенные — проза. Подавай имъ красавцевъ. Глядишь, глядишь кругомъ, ну, слава Богу, думаешь, нѣтъ красавцевъ,

все люди, какъ люди. И вдругъ, откуда ни возьмись, красавецъ тутъ какъ тутъ. И гдѣ только онѣ ихъ откапываютъ? Все не было, все не было, а вдругъ какой-нибудь длинноволосый ужъ ходитъ около. Въ бархатномъ сертукѣ, въ голубомъ, либо въ розовомъ галстукѣ, художникъ какой-нибудь непризнанный, пѣвецъ безъ голосу, музыкантъ на неизвѣстномъ инструментѣ, а то такъ и вовсе темная личность, а голову держитъ гордо. Выскочитъ замужъ вотъ за этакого проходимца, — разоренье-то разореньемъ, да кого еще въ родню-то введетъ! Черезъ этакого красавца и сама-то попадетъ въ общество, въ которомъ и мужчинѣ быть совѣстно, и насъ-то надѣлитъ родственникомъ, что не только руку подать стыдно, а того и гляди увидишь ихъ на скамьѣ подсудимыхъ за мошенничество! Наказаніе! Наша фамилія хорошая, уважаемая; вотъ одинъ только недостатокъ.

Пьеръ.

Да неужели у васъ всѣ такъ влюбчивы?

Лотохинъ.

Почти что всѣ; вѣдь, это родомъ бываетъ: въ нашемъ семействѣ такая линія вышла.

Сосипатра.

Да, дѣйствительно, у васъ забота большая, если вы не шутите. Мнѣ кажется, что вы просто хотѣли занять меня забавнымъ разговоромъ послѣ обѣда, вотъ и придумали исторію о своихъ родственникахъ.

Лотохинъ.

Какъ угодно-съ, спорить съ вами не стану. Если мой разговоръ показался вамъ интересенъ, съ меня и этого довольно! *(Встаетъ.)* Извините, я пойду чайку напиться. Московская привычка.

Сосипатра.

Я васъ удержу не надолго; позвольте только одинъ вопросъ.

Лотохинъ.

Къ вашимъ услугамъ.

Сосипатра.

Вы только для однѣхъ родственницъ такъ хлопочете или, случается, и для постороннихъ?

Лотохинъ.

Въ какомъ отношеніи?

Сосипатра.

Напримѣръ, устроить имѣніе, подать совѣтъ въ запутанномъ дѣлѣ.

Лотохинъ.

Если имѣю досугъ, такъ съ удовольствіемъ-съ.

Сосипатра.

Не сдѣлаете ли вы мнѣ одолженіе дать нѣсколько совѣтовъ по моимъ дѣламъ? Мнѣ обратиться не къ кому; у меня нѣтъ знакомыхъ дѣловыхъ людей. Все вотъ такіе. *(Указывая на Пьера и Жоржа.)*

Пьеръ.

Кланяйся, Жоржъ!

Жоржъ.

Кланяйся, Пьеръ!

Лотохинъ.

Радъ служить, чѣмъ могу.

Сосипатра.

Притомъ же, мнѣ съ вами очень ловко будетъ; вы человѣкъ пожилой, бывалый, видали виды; я съ вами могу говорить не стѣсняясь.

Лотохинъ.

Къ вашимъ услугамъ, къ вашимъ услугамъ. Я хоть сегодня же къ вамъ зайду.

Сосипатра.

Милости просимъ. *(Входитъ Лупачевъ.)* Вотъ и потолкуемъ.

ЯВЛЕНІЕ ТРЕТЬЕ.

Лотохинъ, Сосипатра, Пьеръ, Жоржъ *и* Лупачевъ.

Лупачевъ.

Объ чемъ это вы толковать собираетесь?

Сосипатра.

О серьезныхъ дѣлахъ.

Лупачевъ.

Не вѣрьте ей: никакихъ у нея серьезныхъ дѣлъ нѣтъ.

Пьеръ.

Ты напрасно. Мы и сейчасъ о серьезныхъ дѣлахъ толковали.

Жоржъ.

То-есть, мы съ Пьеромъ слушали, а разговаривали они.

Лупачевъ.

Любопытно.

Пьеръ.

О женскихъ слабостяхъ.

Лупачевъ.

Вотъ разговоръ нашли! Женскими слабостями надо пользоваться, а разговаривать о нихъ не стóитъ.

Сосипатра.

Ну, я домой. *(Лотохину.)* Извините, что задержала. Вы хотѣли чай пить. До свиданья! *(Подаетъ руку Лотохину.)*

Лотохинъ.

Мое отъ меня не уйдетъ. *(Уходитъ.)*

Сосипатра.

Господа Аяксы! Кто нынче дежурный, чья очередь меня провожать?

Жоржъ *(подавая руку Сосипатрѣ).*

Моя-съ. *(Сосипатра и Жоржъ уходятъ.)*

Пьеръ.

Чтò тебѣ за охота ублажать этого чудака? Угощаешь его обѣдами, шампанскимъ; не въ коня кормъ.

Лупачевъ.

Ты еще молодъ, чтобъ меня учить. Ужъ повѣрь, что я ничего даромъ не дѣлаю. Онъ москвичъ, клубный обыватель, знаетъ всѣ трактиры и рестораны, — такіе люди нужны. Пріѣдешь въ Москву, онъ тебя такими обѣдами и закусками угоститъ, что цѣлый годъ помнить будешь. А чтò мнѣ за дѣло, что онъ чудакъ! Мнѣ съ нимъ не дѣтей крестить. Поѣсть, выпить умѣетъ и любитъ, вотъ и нашего поля ягода. Кто это? Никакъ Зоя Васильевна?

Пьеръ.

Да, онѣ съ теткой, а кавалеромъ у нихъ Олешунинъ.

Лупачевъ.

Чтò за прелесть женщина! И кѣмъ окружена? Кабы этому брильянту хорошую оправу. Нашла себѣ красиваго мужа и рада. Эко счастье этому барашку! Ей не красиваго, а богатаго.

Пьеръ.

Такого, какъ ты?

Лупачевъ.

Да, эта женщина заблестѣла бы: я бы не пожалѣлъ ничего. Ну, да еще подождемъ; чего на свѣтѣ не бываетъ.

Пьеръ.

А Олешунинъ постоянно при ней. Ужъ не влюбленъ ли?

Лупачевъ.

Онъ и любить-то не умѣетъ, а умѣетъ только ревновать. Онъ до тѣхъ поръ не обращаетъ вниманія на женщину, пока она не полюбила кого-нибудь; а какъ полюбитъ, такъ онъ сейчасъ обижаться, почему не его.

Пьеръ.

Это бы ничего, а вотъ скверно, что онъ очень скупъ и даетъ взаймы деньги малыми суммами за большіе проценты да еще съ залогомъ. *(Входятъ Зоя, Аполлинарія Антоновна и Олешунинъ.)*

ЯВЛЕНІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

Лупачевъ, Пьеръ, Зоя, Аполлинарія Антоновна *и* Олешунинъ.

Аполлинарія *(Олешунину)*.

Нѣтъ, нѣтъ, вы никогда меня не убѣдите, и напрасно вы проповѣдуете такія идеи! Вамъ жизнь не передѣлать. *(Подаетъ руку Лупачеву и Пьеру; Зоя и Олешунинъ тоже.)* Да вотъ мы спросимъ Никандра Семеновича: онъ не меньше вашего жизнь знаетъ.

Лупачевъ.

Все, чтò я знаю, Аполлинарія Антоновна, я знаю про себя, а резонерствомъ не занимаюсь.

Аполлинарія.

Нѣтъ, позвольте; скажите, пожалуйста, за кого должна дѣвушка выходить замужъ?

Лупачевъ.

Я не знаю, за кого она должна выходить, а знаю только, какъ это обыкновенно дѣлается. Дѣвушка, если она свободна, выходитъ замужъ за того, кто ей нравится.

Аполлинарія *(Олешунину)*.

Ну, вотъ, слышите! *(Лупачеву.)* А онъ говоритъ, что дѣвушка не должна обращать вниманія на наружность мужчины, а на какія-то душевныя качества.

Лупачевъ.

Отчего-жъ ему и не говорить такъ, Аполлинарія Антоновна? Всякій судитъ по-своему. Такъ говорятъ кавалеры, которые не имѣютъ счастія нравиться женщинамъ.

Аполлинарія.

Ахъ, вотъ прекрасно! Слово въ слово, какъ я говорила.

Олешунинъ.

Нашли себѣ поддержку и обрадовались. Не очень ли смѣло съ вашей стороны, Никандръ Семеновичъ, сказать, что я не нравлюсь женщинамъ?

Лупачевъ.

Да я не про васъ, я говорилъ вообще. Вы, можетъ быть, и нравитесь, — чего на свѣтѣ не бываетъ!

Аполлинарія.

Можете и вы понравиться, коли женщина никого лучше не видала. Ну, а увидитъ Аполлона Евгеньевича, такъ извините.

Зоя.

Зачѣмъ вы трогаете моего мужа? Оставьте насъ въ покоѣ. Наше безмятежное счастье никому не мѣшаетъ. Я не горжусь своимъ мужемъ, хотя и имѣла бы право. Я знаю, что не стою его и счастьемъ своимъ обязана не себѣ, не своимъ достоинствамъ, которыхъ у меня мало, а только случаю. Я благодарю судьбу и блаженствую скромно.

Олешунинъ.

Не понимаю, рѣшительно не понимаю, за что̀ вы себя унижаете и что̀ такое особенное находите въ своемъ мужѣ?

Аполлинарія.

Ахъ, Боже мой! Ну, вотъ, подите, говорите съ человѣкомъ!

Да, что̀ вы, или у васъ глазъ нѣтъ, или ужъ о себѣ очень много мечтаете!

Пьеръ.

Не спорьте, Ѳедоръ Петровичъ! Окоемовъ лучше васъ.

Олешунинъ.

Да въ какомъ смыслѣ, желаю я знать?

Пьеръ.

Просто лучше, да и все тутъ. Не спорьте, не спорьте, не хорошо.

Олешунинъ.

Ахъ, отстаньте, пожалуйста! Ну, положимъ, что лучше; только отъ этихъ красавцевъ женщины часто страдаютъ.

Аполлинарія.

Такъ ужъ было бы отъ кого. Отъ такого мужа и страдать есть счастье, а съ немилымъ вся жизнь есть непрерывное страданіе. Зато когда видишь, какъ всѣ женщины завидуютъ тебѣ, какъ зеленѣютъ отъ злости — вотъ и торжествуешь, вотъ всѣ страданія и все горе забыто.

Олешунинъ.

Зависть, ревность, злоба, торжество! Все это такъ мелко, такъ ничтожно!

Аполлинарія *(горячо)*.

Да въ этомъ вся жизнь женщины. Подите вы! Что̀-жъ ей, астрономіей, что̀ ли, заниматься?

Лупачевъ и Пьеръ.

Браво, Аполлинарія Антоновна, браво!

Аполлинарія.

Да, въ самомъ дѣлѣ, господа, что̀ же это такое? Нѣтъ, это ужасно! Винятъ мою Зою за то, что она нашла себѣ красиваго мужа.

Зоя.

Тетя, довольно объ этомъ.

Аполлинарія.

Погоди, Зоя. Да надо радоваться этому; по крайней мѣрѣ, всѣ, кто ее любитъ, радуются, а я просто торжествую. Когда она была еще маленькой дѣвочкой, я ей постоянно твердила: Зоя, ты богата, смотри, не погуби свою жизнь, какъ погубила твоя несчастная тетя. Ахъ, что̀ это былъ за ребенокъ!

Это былъ воскъ! Изъ нея можно было сдѣлать все, что̀ угодно! И я сдѣлала изъ нея идеалъ женщины, и образовала, и воспитала ее именно въ тѣхъ понятіяхъ, которыя нужны для женскаго счастія.

Олешунинъ.

Любопытно, что̀ это за понятія.

Аполлинарія.

Да ужъ конечно, не ваша философія. Теперь на нее мода прошла. Теперь нуженъ простой, натуральный умъ. Я надѣюсь, господа, что я не глупа.

Лупачевъ.

Кто же смѣетъ въ этомъ сомнѣваться!

Пьеръ.

Кто смѣетъ, Аполлинарія Антоновна!

Аполлинарія.

Я ей говорила: „не спѣши выходить замужъ; пусть тебя окружаетъ толпа молодыхъ людей; ты богата, женихи слетятся со всѣхъ сторонъ, жди, жди! Можетъ, явится такой красивый мужчина, что заахаютъ всѣ дамы и дѣвицы; вотъ тогда, на зависть всѣмъ, и бери его. Бери, во что̀ бы то ни стало, не жалѣй ничего, пожертвуй половиной состоянія, и тогда ты узнаешь, въ чемъ заключается истинное счастье женщины!" И моя Зоя торжествуетъ. Да, я могу гордиться; я устроила ея судьбу. И если я сама не видала радостей въ своей жизни, такъ живу ея счастіемъ и ея радостями.

Лупачевъ.

Да на что̀ вы-то можете жаловаться? Сколько мнѣ извѣстно, вы никакого горя въ жизни не испытали.

Аполлинарія.

Вы не знаете моего горя, и не можете его знать: его надо чувствовать, а чувствовать его можетъ только женщина.

Лупачевъ.

Значитъ, это горе особое, женское?

Пьеръ.

Женскаго рода?

Олешунинъ.

Мужчина можетъ всякое горе понять, если только оно человѣческое.

Пьеръ.

Погодите, не мѣшайте.

Аполлинарія.

Понять — пожалуй, но чувствовать вы не можете такъ, какъ женщина. Я вышла замужъ очень рано; я не могла еще разбирать людей и своей воли не имѣла. Мои родители считали моего жениха очень хорошимъ человѣкомъ, оттого и отдали меня за него.

Лупачевъ.

Да онъ и дѣйствительно былъ хорошій человѣкъ.

Аполлинарія.

Я не спорю. Я могла уважать его, но все-таки была къ нему равнодушна. Я была молода, еще мало видѣла людей и не умѣла еще различать мужчинъ по наружности, по внѣшнимъ пріемамъ; для меня почти всѣ были равны, потому я и не протестовала. Но вѣдь это должно было прійти и пришло; я вступила въ совершенный возрастъ, и понятіе о мужской красотѣ развилось во мнѣ; но, господа, я ужъ была несвободна... Выбора у меня ужъ не было. Должна я была страдать или нѣтъ? Нѣтъ, это драма, господа!

Лупачевъ.

Да, дѣйствительно, положеніе затруднительное.

Аполлинарія.

Вѣдь все-таки глаза-то у меня были; вѣдь я жила не за монастырской стѣной; я видѣла красивыхъ мужчинъ и видѣла ихъ очень довольно; господа, вѣдь я человѣкъ, я женщина. Не могла же я не сокрушаться при мысли, что будь я свободна, такъ этотъ красавецъ могъ быть моимъ, и этотъ, и этотъ.

Лупачевъ.

Какъ: „и этотъ, и этотъ?“ Да неужто...

Аполлинарія.

Ахъ, какія вы глупости говорите! Я хотѣла сказать: или этотъ, или этотъ...

Лупачевъ.

То-то, а ужъ я было подумалъ.

Аполлинарія.

Съ вами невозможно говорить.

Лупачевъ *(взглянувъ на часы).*

Да мнѣ и некогда. Пора на желѣзную дорогу: сейчасъ придетъ поѣздъ.

Зоя.

Вы уѣзжаете?

Лупачевъ.

Нѣтъ, я встрѣчаю.

Зоя.

Кого-нибудь изъ нашихъ общихъ знакомыхъ?

Лупачевъ *(смѣясь).*

Да, нашего общаго знакомаго — мужа вашего.

Зоя.

Ахъ, чтò вы, какъ же это?

Лупачевъ.

Я сегодня получилъ телеграмму.

Зоя.

Почему же онъ меня не извѣстилъ?

Лупачевъ.

Не знаю. Вѣроятно, хотѣлъ сдѣлать вамъ сюрпризъ.

Зоя.

Ахъ, такъ и я съ вами. Поѣдемте, поѣдемте!

Лупачевъ.

Не очень ажитируйтесь. Еще поспѣемъ; это очень близко.

Зоя.

Нѣтъ, поѣдемте! Прощайте, господа!

Аполлинарія.

Зоя, какъ я рада за тебя! А я къ вамъ ужъ завтра утромъ.
(Лупачевъ, Зоя и Аполлинарія уходятъ.)

ЯВЛЕНІЕ ПЯТОЕ.

Пьеръ *и* Олешунинъ.

Пьеръ.

Охота вамъ ухаживать за женщиной, которая влюблена въ своего мужа, какъ кошка.

Олешунинъ.

Влюблена? Вы думаете? Позвольте вамъ сказать, что вы ошибаетесь.

Пьеръ.

Да вы видѣли, какъ она бросилась встрѣчать мужа!

Олешунинъ.

Она слѣпая женщина: она не видитъ, что онъ ее разлюбилъ давно; онъ ужъ забылъ объ ея существованіи и даже не извѣстилъ ея о своемъ пріѣздѣ. А эта ея радость не больше, какъ экзальтація, которая скоро пройдетъ.

Пьеръ.

Однако, вотъ не проходитъ, а она ужъ давно замужемъ.

Олешунинъ.

Совѣты сумасшедшей тетки парализируютъ мое вліяніе. Но я ей скоро глаза открою; она увидитъ ясно, чтὸ за человѣкъ ея супругъ благовѣрный.

Пьеръ.

И тогда?

Олешунинъ.

Тогда она будетъ цѣнить человѣка по его внутреннимъ достоинствамъ, а не по внѣшнимъ.

Пьеръ.

Ничего этого не будетъ, а если и будетъ, такъ вамъ нѣтъ никакой выгоды, потому что не одни же вы имѣете эти внутреннія достоинства: есть люди, которые имѣютъ ихъ больше вашего.

Олешунинъ.

Но я первый научилъ ее правильно оцѣнивать людей; я ужъ и теперь пользуюсь нѣкоторымъ расположеніемъ ея, а тогда она, конечно, предпочтетъ меня всѣмъ.

Пьеръ.

Ничего этого нѣтъ и ничего не будетъ.

Олешунинъ.

Хотите пари?

Пьеръ.

Нѣтъ, не хочу. Да мы съ вами далеко зашли, вернемтесь назадъ. Вы говорите, что откроете ей глаза насчетъ мужа? — Такъ знайте, что ни одному слову вашему она не повѣритъ.

Олешунинъ.

Посмотримъ.

Пьеръ.

И все передастъ мужу. А онъ, я вамъ скажу, такой человѣкъ, такой человѣкъ, что...

Олешунинъ.

Такой же онъ человѣкъ, какъ и всѣ люди.

Пьеръ.

Ну, нѣтъ... Онъ такой человѣкъ, такой человѣкъ...

Олешунинъ.

Ну, что̀ „человѣкъ, человѣкъ“!? Не съѣстъ же онъ меня?

Пьеръ.

Ну, не поручусь. Боже мой, что̀ онъ съ вами сдѣлаетъ!

Олешунинъ.

Пожалуйста!... Не очень-то я его боюсь. Да оставьте этотъ разговоръ; вонъ подходитъ какой-то незнакомый человѣкъ.

Пьеръ.

Это знакомый: Наумъ Ѳедотовичъ Лотохинъ, богатый баринъ изъ Москвы. Хотите я и васъ съ нимъ познакомлю?

Олешунинъ.

Пожалуй. *(Входитъ Лотохинъ.)*

ЯВЛЕНІЕ ШЕСТОЕ.

Пьеръ, Олешунинъ *и* Лотохинъ.

Пьеръ *(Лотохину)*.

Вотъ позвольте васъ познакомить еще съ однимъ изъ нашихъ: Ѳедоръ Петровичъ Олешунинъ.

Лотохинъ *(подавая руку)*.

А я Лотохинъ, Наумъ Ѳедотовичъ. Очень пріятно, очень пріятно. А гдѣ же Никандръ Семеновичъ?

Пьеръ.

Онъ поѣхалъ на желѣзную дорогу встрѣчать пріятеля своего, Аполлона Евгеньевича Окоемова.

Лотохинъ.

Окоемовъ-съ? Вы адресъ его знаете?

Пьеръ.

На Дворянской улицѣ, въ собственномъ домѣ... То-есть, въ домѣ жены, но это все равно. Извозчики знаютъ... Вы съ нимъ знакомы?

Лотохинъ.

Нѣтъ, не знакомъ, но онъ мнѣ родственникъ. Племянница моя, впрочемъ, очень дальняя, замужемъ за нимъ.

Пьеръ.

Она сейчасъ была здѣсь.

Лотохинъ.

Очень жаль, что мы не встрѣтились; впрочемъ, я бы ее не узналъ: мы лѣтъ десять не видались. Надо будетъ заѣхать, поглядѣть на ихъ житье-бытье! Чтò за кроткое созданье была эта сиротка. Она воспитывалась у тетки. Чтò они согласно живутъ?

Пьеръ.

А вотъ спросите у Ѳедора Петровича: онъ у нихъ каждый день бываетъ.

Олешунинъ.

Согласно-то согласно, да не знаю, долго ли это согласіе будетъ продолжаться.

Лотохинъ.

Почему же вы такъ думаете?

Олешунинъ.

Она женщина прекрасная, про нее ничего сказать нельзя; ну, а онъ... *(Пожимаетъ плечами.)* Не пара ей.

Лотохинъ.

Да не мотаетъ онъ, не соритъ деньгами?

Пьеръ.

Ничего подобнаго.

Олешунинъ.

Ну, все-таки онъ проживаетъ довольно, но, кажется, не выше средствъ.

Лотохинъ.

И слава Богу! Съ меня и довольно, а остальное, какъ хотятъ; это ужъ ихъ дѣло. Я только съ экономической стороны.

Олешунинъ.

Любопытно бы было присутствовать при ихъ встрѣчѣ. Какимъ холодомъ онъ отвѣтитъ на ея восторги! *(Входитъ Жоржъ.)*

ЯВЛЕНІЕ СЕДЬМОЕ.

Пьеръ, Олешунинъ, Лотохинъ *и* Жоржъ.

Пьеръ.

Откуда ты?

Жоржъ.

Съ желѣзной дороги. Видѣлъ трогательную встрѣчу супруговъ Окоемовыхъ: объятія, поцѣлуи, слезы.

Олешунинъ.

Разумѣется, со стороны жены?

Жоржъ.

Нѣтъ, и со стороны мужа тоже, да еще въ придачу онъ навезъ ей кучу разныхъ дорогихъ подарковъ.

Олешунинъ.

Не понимаю.

Лотохинъ.

Что-жъ тутъ непонятнаго? Такъ и должно быть.

Жоржъ *(Лотохину).*

Никандръ Семеновичъ проситъ васъ, если вы свободны, провести сегодня вечеръ у него. Онъ извиняется, что не успѣлъ самъ васъ пригласить; онъ торопился на желѣзную дорогу.

Лотохинъ.

Это все равно. Хорошо, я пріѣду.

Жоржъ.

Поѣдемъ, Пьеръ! *(Лотохину.)* До свиданія!

Пьеръ.

Поѣдемъ, Жоржъ! *(Лотохину.)* До свиданія! *(Пьеръ и Жоржъ уходятъ. Олешунинъ молча кланяется и уходитъ въ другую сторону.)*

ЯВЛЕНІЕ ВОСЬМОЕ.

Лотохинъ, *потомъ* Акимычъ.

Лотохинъ.

Чтò за чудеса! Зоя съ мужемъ живетъ въ трогательномъ согласіи, мотовства нѣтъ, а имѣніе продаютъ за безцѣнокъ? Чтò ихъ заставляетъ? Никакъ не догадаешься. Ну, утро вечера мудренѣе: завтра заѣду къ нимъ и разберу всѣ дѣла. *(Входитъ Акимычъ.)* Чтò ты, Акимычъ?

Акимычъ *(снявъ шапку)*.

Письмо къ вамъ, баринъ — батюшка. Думалъ, чтò, пожалуй, молъ, нужное; такъ и побрелъ васъ разыскивать. Извольте! *(Подаетъ письмо.)*

Лотохинъ.

Отъ кого бы это? Рука женская. Должно быть отъ Сусанны Сергѣевны?

Акимычъ.

Надо быть, что отъ нихъ-съ. Коронку-то у нихъ на письмахъ я запримѣтилъ, такъ сходственная.

Лотохинъ *(распечатываетъ письмо)*.

Надѣнь шапку-то!

Акимычъ.

Ну, вотъ... чтò ужъ... не зима... *(Отходитъ къ сторонѣ.)*

Лотохинъ *(пробѣжавъ глазами нѣсколько строкъ)*.

Чтò такое, чтò такое? Глазамъ не вѣрю. *(Читаетъ.)* „Милый дядя! Какъ я рада, что ты въ настоящее время въ Бряхимовѣ. Судьба видимо мнѣ благопріятствуетъ. Мнѣ нужно какъ можно скорѣе продать мое бряхимовское имѣніе; тамъ на мѣстѣ ты скорѣй найдешь покупщика. Пожалуйста, не очень торгуйся. Ты такой скупой, что ужасъ“. Батюшки! Чтò-жъ это такое! *(Читаетъ.)* „Мнѣ денегъ, дядя, денегъ нужно; отъ нихъ зависитъ не только мое счастіе, но и жизнь. Довѣренность и всѣ документы я пришлю завтра, а вѣрнѣе, что сама пріѣду. Вашему хваленому жениху, умному, практичному человѣку, какъ вы его величали, я отказала. Нѣтъ, дядя, не того жаждетъ душа моя. Я не хотѣла много распространяться въ письмѣ, но не могу, нѣтъ силъ скрыть

моей радости. Милый дядя, я нашла свой идеалъ; ахъ, милый дядя, я встрѣтила... да, я встрѣтила человѣка... Онъ молодъ, уменъ, образованъ, а какъ хорошъ собой, ахъ, какъ хорошъ“! Ну, эта пѣсенка знакома мнѣ. *(Читаетъ.)* „Но, милый дядя, пожалѣй меня, несчастную, есть препятствія! Чтобы побороть ихъ, нужны деньги, нужно много денегъ!“ Нѣтъ, я не выдержу, закричу караулъ. *(Читаетъ.)* „Для того-то я и продаю имѣніе, я ничего не пожалѣю“! Акимычъ, караулъ! Грабятъ!

Акимычъ.

Чего изволите, баринъ — батюшка?

Лотохинъ.

Грабятъ, говорю тебѣ, грабятъ!

Акимычъ.

Что̀ же это? Да, Господи помилуй!

Лотохинъ.

Пойдемъ домой! Грабятъ, грабятъ, караулъ!

(Занавѣсъ.)

ДѢЙСТВІЕ ВТОРОЕ.

ЛИЦА:

Аполлонъ Евгеньевичъ Окоемовъ.
Зоя Васильевна, жена его.
Аполлинарія.
Лотохинъ.
Олешунинъ.
Лупачевъ.
Пьеръ.
Жоржъ.
Паша, горничная.

Зала въ домѣ Окоемовыхъ; въ глубинѣ входная дверь: направо (отъ актеровъ) дверь въ гостиную, налѣво — въ кабинетъ Окоемова; мебель и вся обстановка приличныя.

ЯВЛЕНІЕ ПЕРВОЕ.

Окоемовъ *и* Аполлинарія *выходятъ изъ двери налѣво, потомъ* Паша.

Окоемовъ.

Такъ вы безъ меня поживали довольно весело?

Аполлинарія.

Ну, какое веселье! Не знали, куда дѣться отъ скуки.

Окоемовъ.

И за вами никто не ухаживалъ; можетъ ли это быть?

Аполлинарія.

За кѣмъ „за вами“?

Окоемовъ.

За женой моей и за вами.

Аполлинарія.

Да кто же смѣетъ!

Окоемовъ.

О, если за тѣмъ только дѣло стало, такъ смѣлые люди найдутся.

Аполлинарія.

Какъ это у васъ языкъ поворачивается такія глупости говорить!

Окоемовъ.

Не понимаю, чего это здѣсь молодые люди смотрятъ! Двѣ женщины свободныя, живутъ однѣ, а молодежь зѣваетъ. Нѣтъ, я бы не утерпѣлъ.

Аполлинарія.

Да перестаньте! Какъ вамъ не стыдно! Про меня, пожалуй, говорите, что̀ хотите, а про жену не смѣйте! Она васъ ужъ, такъ любитъ, что и представить себѣ невозможно.

Окоемовъ.

Какъ это ей не надоѣстъ.

Аполлинарія.

Что̀ „не надоѣстъ“?

Окоемовъ.

Да любить-то меня.

Аполлинарія.

Ахъ, что̀ вы говорите? Это невыносимо, невыносимо.

Окоемовъ.

Ну, люби годъ, два, а вѣдь она за мной замужемъ-то лѣтъ шесть, коли не больше.

Аполлинарія.

Вѣдь это мужчины только непостоянны, а женская любовь и вѣрность — до гроба.

Окоемовъ.

Ахъ, не пугайте, пожалуйста! Что̀-жъ вы мнѣ этого прежде не сказали, я бы и не женился.

Аполлинарія.

Да, понимаю... Вы шутить изволите, милостивый государь. Вамъ весело, что вы завоевали два такія преданныя сердца, какъ мое и Зои, вотъ вы и потѣшаетесь. А я-то разглагольствую.

Окоемовъ.

Нѣтъ, что̀ за шутка! Я серьезно.

Аполлинарія.

Ну, да, какъ же, серьезно! Вы, я думаю, во всю свою жизнь ни разу серьезно-то съ женщинами не разговаривали. Да, впрочемъ, вамъ и не нужно, васъ и такъ обожаютъ.

Окоемовъ.

Такъ вы, бѣдныя, скучали? Это жаль. Неужели даже Ѳедя Олешунинъ не посѣщалъ васъ?

Аполлинарія.

Вотъ нашли человѣка.

Окоемовъ.

Вы ужъ очень разборчивы; чѣмъ же Ѳедя Олешунинъ не кавалеръ! Одинъ недостатокъ: самъ себя хвалитъ. Да это не порокъ. Человѣкъ милый; я его очень люблю.

Аполлинарія.

Ну, ужъ позвольте не повѣрить. Это такой скучный, такой непріятный господинъ! А что̀ онъ про васъ говоритъ, кабы вы знали.

Окоемовъ.

Да знаю, все равно; я его за это-то и люблю.

Аполлинарія.

Онъ ужасъ что̀ говоритъ; онъ говоритъ, что женщины не должны обращать вниманія на внѣшность мужчины, не должны обращать вниманія на красоту! Да что̀-жъ, ослѣпнуть намъ, что̀ ли? Нужно искать внутреннихъ достоинствъ: ума, сердца, благородства...

Окоемовъ.

Да, да, да.

Аполлинарія.

Да скоро-ль ихъ найдешь?... Мужчины такъ хитры... Да и вздоръ все это.

Окоемовъ.

Онъ правду говоритъ, правду. Это лучшій другъ мой. И я прошу васъ быть съ нимъ какъ можно любезнѣе. И Зоѣ скажите, чтобъ она была ласковѣе съ Олешунинымъ; этимъ она доставитъ мнѣ большое удовольствіе.

Аполлинарія.

Вотъ ужъ не ожидала.

Окоемовъ.

Нѣтъ, я васъ серьезно прошу.

Аполлинарія.

А коли просите, такъ надо исполнять; я не знаю, у кого достанетъ силъ отказать вамъ въ чемъ-нибудь. Для насъ ваше слово законъ. Зоя такъ васъ любитъ, что она за счастіе сочтетъ сдѣлать вамъ угодное. Да и я... Охъ... еще это неизвѣстно, кто изъ насъ больше любитъ васъ, она или я.

Окоемовъ.

А что̀-жъ вы молчали до сихъ поръ, что меня любите?

Аполлинарія *(конфузясь).*

Да, можетъ быть, вы не такъ понимаете...

Окоемовъ.

Да что̀ ужъ толковать! Ну, берегись теперь!

Аполлинарія.

Ахъ, что̀ вы, что̀ вы!

Окоемовъ.

Да ужъ поздно охать-то. *(Обнимаетъ одной рукой Аполлинарію.)* Ну, подите же къ Зоѣ, а то она приревнуетъ; да поговорите ей насчетъ Олешунина.

Паша *(входитъ)*.

Өедоръ Петровичъ Олешунинъ.

Окоемовъ.

Проси ко мнѣ въ кабинетъ. *(Уходитъ въ кабинетъ. Паша уходитъ въ переднюю.)*

Аполлинарія.

Ахъ, что̀ это за мужчина! Онъ какой-то неотразимый. На него и обижаться нельзя; ему все можно простить! *(Входитъ Зоя.)*

ЯВЛЕНІЕ ВТОРОЕ.

Аполлинарія *и* Зоя.

Зоя.

Ахъ, тетя, я не могу опомниться отъ радости. Какъ онъ меня любитъ, какъ онъ меня любитъ!

Аполлинарія.

Счастливая ты, Зоя, счастливая!

Зоя.

Прежде онъ иногда бывалъ задумчивъ, какъ будто скучалъ; хоть не часто, а бывало съ нимъ. А вѣдь это, тетя, ужасно видѣть, когда мужъ скучаетъ; какъ-то страшно дѣлается...

Аполлинарія.

Ну, еще бы.

Зоя.

Какой веселый пріѣхалъ, сколько мнѣ подарковъ привезъ; ко мнѣ постоянно съ лаской да съ шутками. Я его давно такимъ милымъ не видала.

Аполлинарія.

Онъ и со мной все шутилъ. Онъ просилъ, чтобъ мы были какъ можно любезнѣе съ Олешунинымъ.

Зоя.

Неужели? Зачѣмъ это?

Аполлинарія.

Онъ говорилъ, что считаетъ его лучшимъ своимъ другомъ и очень хвалилъ его.

Зоя.

Я догадываюсь: онъ, вѣроятно, хочетъ пошутить надъ нимъ, подурачить его. Онъ и прежде любилъ посмѣяться надъ нимъ. Чтò-жъ, тетя, сдѣлаемъ ему угодное; это для насъ ничего не стóитъ. *(Входятъ изъ кабинета Окоемовъ и Олешунинъ.)*

ЯВЛЕНІЕ ТРЕТЬЕ.

Зоя, Аполлинарія, Окоемовъ *и* Олешунинъ.

Окоемовъ.

Очень, очень благодаренъ вамъ, добрѣйшій Ѳедоръ Петровичъ! Изъ моихъ друзей только вы ведете себя, какъ истинно порядочный человѣкъ. Какъ я изъ дому, такъ всѣ и бросили мою жену, хоть умирай со скуки.

Олешунинъ.

Я всегда былъ такъ привязанъ къ Зоѣ Васильевнѣ и къ ея семейству; зачѣмъ же мѣняться мнѣ?

Окоемовъ.

Да я, признаться, и не жалѣю, что здѣшняя молодежь безъ меня не обивала мои пороги. Всѣ они такъ пусты, такъ ничтожны, что отъ ихъ разговоровъ, кромѣ головной боли, никакихъ слѣдовъ не остается.

Зоя.

Да ужъ лучше однѣмъ проскучать, чѣмъ слушать глупые анекдоты Пьера или Жоржа.

Аполлинарія.

И другіе не лучше ихъ.

Окоемовъ.

Да ужъ и вы-то хороши! Чтò у васъ за интересы, чтò за разговоры, какъ васъ послушать! Вы такихъ людей, какъ Ѳедоръ Петровичъ, должны на рукахъ носить. Онъ одинъ затрогиваетъ серьезные вопросы, одинъ возмущается вашей мелочностью и пустотой. Проще сказать, онъ одинъ между нами серьезный человѣкъ. Я не говорю, чтобы въ нашемъ городѣ ужъ совсѣмъ не было людей умнѣе и дѣльнѣе Ѳедора Петровича; вѣроятно, есть не мало...

Олешунинъ.

Конечно, но...

Окоемовъ.

Но они съ нами не водятся; а ему спасибо за то, что онъ нашимъ пустымъ обществомъ не гнушается.

Аполлинарія.

Да мы ему и такъ очень благодарны.

Окоемовъ.

Нѣтъ, мало цѣните. Вѣдь мало васъ цѣнятъ, Ѳедоръ Петровичъ?

Олешунинъ.

Но я надѣюсь, что со временемъ...

Окоемовъ.

Непремѣнно, Ѳедоръ Петровичъ, непремѣнно. *(Аполлинаріи.)* Вѣдь умныхъ и дѣльныхъ людей ни за что̀ не заманить въ нашу компанію. Они очень хорошо знаютъ, что учить васъ и насъ уму-разуму напрасный трудъ, что ровно ничего изъ этого не выйдетъ; а онъ жертвуетъ собой и не жалѣетъ для васъ краснорѣчія.

Зоя.

Да, я всегда съ удовольствіемъ слушаю Ѳедора Петровича.

Окоемовъ.

И прекрасно дѣлаешь, Зоя. Я прошу тебя и впередъ быть какъ можно внимательнѣе къ Ѳедору Петровичу. Его бесѣды тебѣ очень полезны. Не бойся, я къ нему ревновать не стану: я знаю, что онъ человѣкъ высокой нравственности.

Олешунинъ *(пожимая руку Окоемову)*.

Благодарю васъ! Вы меня поняли. Я не люблю хвалить себя; я хочу только, чтобъ мнѣ отдавали справедливость. Я скажу вамъ отровенно... я читалъ жизнеописанія Плутарха... Для меня очень странно, за что̀ эти люди считаются великими. Я всѣ эти черты въ себѣ нахожу; только мнѣ нѣтъ случая ихъ выказать.

Окоемовъ.

Можетъ быть, и представится.

Олешунинъ.

Положимъ, что я не считаю себя великимъ человѣкомъ.

Окоемовъ.

Отчего же? Это вы напрасно.

Олешунинъ.

Но что я не хуже другихъ, это я знаю вѣрно.

Окоемовъ.

Конечно, конечно. Такъ вотъ вы и слушайте, что̀ говоритъ Ѳедоръ Петровичъ. Все это вамъ на пользу. Конечно, истины, которыя онъ вамъ проповѣдуетъ, такъ сказать, дешевыя, и всякому гимназисту извѣстныя; но вы-то ихъ не знаете. Вотъ въ чемъ его заслуга.

Зоя.

Пойдемте ко мнѣ, Ѳедоръ Петровичъ, я васъ чаемъ напою съ вареньемъ. *(Уходятъ Зоя, Аполлинарія и Олешунинъ. Паша показывается изъ передней.)*

Паша.

Никандръ Семенычъ. *(Окоемовъ идетъ навстрѣчу. Входитъ Лупачевъ.)*

ЯВЛЕНІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

Окоемовъ *и* Лупачевъ.

Лупачевъ *(подавая руку).*

Ты что̀-то, я замѣчаю, веселъ пріѣхалъ. Это добрый знакъ. Съ чѣмъ поздравить?

Окоемовъ.

Погоди, еще поздравлять рано.

Лупачевъ.

Но все-таки что̀-нибудь да есть. Я по глазамъ твоимъ вижу. Ты не мечтатель, пустыми надеждами не увлечешься.

Окоемовъ.

Ну, конечно.

Лупачевъ.

Ты всегда довольно вѣрно разсчитываешь шансы.

Окоемовъ.

Всѣ слухи, всѣ свѣдѣнія, которыя я получилъ отъ тебя, оправдались. Могу сказать, что я съѣздилъ не даромъ.

Лупачевъ.

Я не спрашиваю, понравилась ли она тебѣ...

Окоемовъ.

Нѣтъ, отчего же? Все, что̀ говорили, правда; она и довольно молода, и хороша собой, характеръ прелестный, живой, веселый.

Лупачевъ.

А существенное?

Окоемовъ.

Достаточно, очень достаточно; самымъ широкимъ требованіямъ удовлетворяетъ. Однимъ словомъ, съ такими средствами доступно все.

Лупачевъ.

Но, вѣдь, не богаче же Оболдуевой?

Окоемовъ.

О, да, конечно, куда же! У Оболдуевой, кромѣ богатѣйшихъ имѣній, нѣсколько милліоновъ денегъ. Это чортъ знаетъ, что̀ такое! Это съ ума можно сойти!... Десятки тысячъ десятинъ чернозему, сотни тысячъ десятинъ лѣсу, четыре винокуренныхъ завода, полтораста кабаковъ въ одномъ уѣздѣ. Вотъ это кушъ!

Лупачевъ.

Не удалось тебѣ съ ней познакомиться, а хлопоталъ ты очень.

Окоемовъ.

Да и познакомился бы, если-бъ она была свободна, а то у нея отецъ, человѣкъ съ предразсудками. Меня даже и не пустили въ ихъ общество; отецъ не хотѣлъ, потому, видишь ли, что у меня репутація не хороша.

Лупачевъ.

Да какъ же онъ смѣетъ такъ говорить про тебя? Чѣмъ твоя репутація не хороша?

Окоемовъ.

Идіотъ; что̀ съ него взять-то?

Лупачевъ.

Умному человѣку пользоваться своимъ умомъ позволяется, а красивому человѣку пользоваться своей красотой предосудительно. Вотъ какія у нихъ понятія. Оболдуева, кажется, на-дняхъ сюда пріѣдетъ; сестра что̀-то говорила.

Окоемовъ.

Сюда? *(Нѣсколько времени находится въ задумчивости.)* Э, да что̀ тутъ думать! Она пріѣдетъ съ отцомъ; онъ ни на шагъ ее отъ себя не отпускаетъ; значитъ, мнѣ туда ходу нѣтъ. Это мечты, будемъ говорить о дѣлѣ.

Лупачевъ.

Ты, разумѣется, наводилъ справки?

Окоемовъ.

Самыя подробныя, и документы видѣлъ. Въ моемъ положеніи рисковать нельзя: вѣдь такой шагъ только разъ въ жизни можно сдѣлать.

Лупачевъ.

И что̀ же?

Окоемовъ.

Болѣе полутораста тысячъ доходу.

Лупачевъ.

Брависсимо! Ты меня извини, что я вмѣшиваюсь въ твои дѣла и вызываю тебя на откровенность! Ты знаешь, что и я тутъ заинтересованъ немножко.

Окоемовъ.

Еще бы!

Лупачевъ.

Значитъ, ея судьба рѣшена. *(Киваетъ по направленію къ гостиной.)*

Окоемовъ.

Что̀-жъ дѣлать-то? Нужда.

Лупачевъ.

Да уломаешь ли?

Окоемовъ.

Никакого нѣтъ сомнѣнія. Онѣ обѣ съ теткой такой инструментъ, на которомъ я разыграю какую хочешь мелодію. А жаль бѣдную.

Лупачевъ.

Погоди жалѣть-то! Коли она умна, такъ будетъ не бѣднѣй тебя.

Окоемовъ.

Что̀ толковать-то! Ты богатъ, какъ чортъ.

Лупачевъ.

Допустимъ и это. Ты меня не попрекай, что я богатъ; я

не виноватъ, родители виноваты. Ка́къ они наживали, это не мнѣ судить: я сынъ почтительный; мнѣ только остается грѣшить на ихъ деньги. *(Входятъ Зоя и Олешунинъ.)*

ЯВЛЕНІЕ ПЯТОЕ.

Окоемовъ, Лупачевъ, Зоя *и* Олешунинъ.

Зоя.

До свиданія, Ѳедоръ Петровичъ, не забывайте! Мы всегда рады вашему посѣщенію. *(Олешунинъ раскланивается и уходитъ.)*

Лупачевъ *(Зоѣ)*.

Сіяете?

Зоя.

Сіяю, Никандръ Семеновичъ.

Окоемовъ.

Ну, вы побесѣдуйте, а я пойду приведу въ порядокъ койкакіе счета.

Лупачевъ.

Прощай! Я уѣду сейчасъ домой; вечеромъ увидимся. *(Окоемовъ уходитъ.)*

Зоя.

Ахъ, Никандръ Семеновичъ, какъ онъ меня любитъ! Вѣдь ужъ мы не первый годъ мужъ и жена, а точно недѣлю тому назадъ обвѣнчаны.

Лупачевъ.

Да, онъ порядочный человѣкъ: онъ свои обязанности помнитъ.

Зоя.

Какія обязанности? Любить жену развѣ обязанность? Я люблю его, потому что онъ мнѣ нравится; я думаю, и онъ тоже.

Лупачевъ.

Когда люди сходятся по любви, такъ они и живутъ въ любви, пока не надоѣдятъ другъ другу; а когда бѣдный человѣкъ беретъ за женой большое приданое, такъ онъ, радъ ли, не радъ ли, а обязанъ любить.

Зоя.

И вы можете такъ дурно думать о моемъ мужѣ и вашемъ другѣ?

Лупачевъ.

Я ничего о немъ не думаю; я говорю только, какъ это обыкновенно бываетъ у людей.

Зоя.

Но развѣ не могутъ быть исключенія?

Лупачевъ.

Конечно, могутъ; и желаю, чтобы любовь вашего мужа была исключеніемъ.

Зоя.

Какіе у васъ мрачные взгляды на жизнь!

Лупачевъ.

Зато я никогда и не разочаровываюсь, я этого горя не знаю, а вамъ, съ вашими розовыми взглядами, придется разочаровываться постоянно и много страдать.

Зоя.

Не пугайте, пожалуйста!

Лупачевъ.

Предостерегать — не значитъ пугать. Пора вамъ, Зоя Васильевна, приходить въ совершеннолѣтіе. Браки между людьми неравнаго состоянія, по большей части, торговыя сдѣлки. Богатый мужчина, если женится на бѣдной, то говорятъ, что онъ беретъ ее за красоту, то-есть, проще сказать, платитъ деньги за ея красоту.

Зоя.

Какъ это хорошо — покупать женщинъ за деньги!

Лупачевъ.

Точно также не хорошо и женщинамъ покупать красивыхъ мужей.

Зоя.

Да этого никогда не бываетъ: вы клевещете на женщинъ.

Лупачевъ.

Нѣтъ, бываетъ и очень часто.

Зоя.

И что̀ же это за женщины, которыя безъ любви выходятъ замужъ за богатыхъ людей? Это значитъ продавать себя. Это развратъ. Я презираю такихъ женщинъ.

Лупачевъ.

Погодите презирать, погодите! Во-первыхъ, ни одна женщина не скажетъ вамъ, что она выходитъ замужъ по расчету, а будетъ увѣрять, что любитъ своего жениха. И не вѣрить ей не имѣете никакого права, потому что въ ея душѣ не были. Во-вторыхъ, дѣвушки часто жертвуютъ собой, чтобъ спасти отъ нищенства свою семью, чтобъ поддержать бѣдныхъ престарѣлыхъ родителей.

Зоя.

Ахъ, да, конечно. Я поторопилась. Извините!

Лупачевъ.

Погодите, погодите! Продавать себя богатому мужу, конечно, развратъ; но и богатой женщинѣ разбирать красоту мужскую и покупать себѣ за деньги мужа самаго красиваго — тоже развратъ; но тутъ есть разница: между продающими себя часто попадаются экземпляры очень умные и съ сильными характерами, тогда какъ тѣ, которыя бросаются на красоту, по большей части, отличаются пустотою головы и сердца.

Зоя.

Вы не знаете женщинъ, оттого такъ и говорите.

Лупачевъ.

Нѣтъ, знаю лучше васъ. Деньги — это дѣло прочное, существенное, а красота — блестящая игрушка, а на игрушки бросаются только дѣти.

Зоя.

Зачѣмъ вы мнѣ это говорите?

Лупачевъ.

На всякій случай; можетъ быть, и пригодится.

Зоя.

Вы ужасны: васъ слушать невозможно.

Лупачевъ.

Какъ хотите, я съ своими разговорами не навязываюсь.

Зоя.

Но иногда и боль бываетъ пріятна, и потому я васъ слушаю.

Лупачевъ.

Вотъ и вашъ бракъ. Я не знаю, можетъ быть, и въ самомъ дѣлѣ, онъ былъ слѣдствіемъ обоюдной горячей любви —

это вамъ знать; но, въ глазахъ постороннихъ, онъ имѣлъ видъ торговой сдѣлки.

Зоя.

Нѣтъ, ужъ это слишкомъ! Я вамъ говорю, что я люблю Аполлона, люблю и люблю безумно.

Лупачевъ.

Безумно? Ну, и прекрасно: такъ ужъ и не сѣтуйте, не жалуйтесь и принимайте съ покорностью послѣдствія, которыя непремѣнно слѣдуютъ за всякимъ безуміемъ.

Зоя.

Это что̀ еще?

Лупачевъ.

А вотъ будемте продолжать разговоръ. Угодно?

Зоя.

Хорошо... Истощайте мое терпѣніе....

Лупачевъ.

Въ бракахъ, которые основаны на денежныхъ расчетахъ, любовь пропорціональна деньгамъ: чѣмъ больше денегъ, тѣмъ больше и любви; убываютъ деньги, и любовь убываетъ; кончаются деньги, и любовь кончается, а часто и раньше, если въ другомъ мѣстѣ окажется для нея богатая практика.

Зоя.

Послушайте, я на васъ буду мужу жаловаться.

Лупачевъ.

Жалуйтесь! А если вашъ мужъ думаетъ такъ же, какъ и я? Тогда кому жаловаться?

Зоя.

Во всякомъ случаѣ, ужъ не вамъ.

Лупачевъ.

Напрасно. Вы меня не обѣгайте, я гожусь на многое. До свиданія! *(Подаетъ руку.)* Быть хорошенькой женщиной — привилегія большая.

Зоя.

Да, это по вашей денежной теоріи.

Лупачевъ.

Что̀-жъ дѣлать! Прежде была теорія любви, теперь теорія денегъ.

Зоя.

Прощайте! Извините, разговоръ зашелъ такъ далеко, что я боюсь услышать отъ васъ что-нибудь дерзкое. *(Лупачевъ уходитъ.)* Сколько разъ меня разстроивалъ этотъ человѣкъ! Послѣ каждаго разговора съ нимъ щемитъ сердце, какъ передъ бѣдой. Ужъ лучше разочароваться и страдать, чѣмъ совсѣмъ не вѣрить въ людей. *(Входитъ Лотохинъ.)*

ЯВЛЕНІЕ ШЕСТОЕ.

Зоя *и* Лотохинъ.

Лотохинъ.

Не узнали? *(Молчаніе.)* Ну, задумались, такъ, значитъ, не узнали. Родственникъ вашъ, только дальній.

Зоя.

Ахъ, Наумъ Ѳедотовичъ! То-то мнѣ сразу чтò-то очень знакомое показалось, да боялась ошибиться. Да вѣдь ужъ сколько лѣтъ мы не видались-то!

Лотохинъ.

Да лѣтъ шесть, коли не больше.

Зоя.

Забыли вы меня, совсѣмъ забыли.

Лотохинъ.

Вы въ Москвѣ не бываете, мнѣ сюда не дорога — вотъ и не видались; а забыть, какъ можно! Помнимъ. Знаемъ, что вы живете подъ крылышкомъ у тетеньки Аполлинаріи Антоновны, изрѣдка получаемъ отъ нея извѣстія о васъ... Кстати, какъ ея драгоцѣнное здоровье?

Зоя.

Она здорова.

Лотохинъ.

И все также молода душой?

Зоя.

Все также.

Лотохинъ.

Ну, вотъ и прекрасно. Надо правду сказать, слуховъ объ васъ было мало; но это я считаю хорошимъ знакомъ. По

пословицѣ: нѣтъ вѣстей — хорошія вѣсти. Знаемъ, что вы вышли замужъ, слышали, что живете согласно, порадовались за васъ. Да и намъ полегче на душѣ стало, одной заботой меньше: выпустили птенца изъ гнѣздышка, пусть порхаетъ на своей волѣ.

Зоя.

Ахъ, Наумъ Ѳедотовичъ, какъ онъ меня любитъ!

Лотохинъ.

Кто, онъ-то?

Зоя.

Мужъ.

Лотохинъ.

Ну, слава Богу, слава Богу! Чтò-жъ тутъ удивительнаго, чтò онъ васъ любитъ? Это его прямая обязанность.

Зоя.

Нѣтъ, вы представьте... ахъ, милый Наумъ Ѳедотовичъ, вы только представьте себѣ, какъ онъ меня любитъ, какъ балуетъ...

Лотохинъ.

Да-съ, ужъ это обыкновенно такъ бываетъ; я очень радъ-съ. Вы мнѣ сказали, ну, я такъ знать и буду, и распространяться объ этомъ нечего.

Зоя.

Нѣтъ, я не могу... Ахъ, кабы вы знали!... Вѣдь мнѣ всѣ завидуютъ.

Лотохинъ.

Завидуютъ? Чему-же-съ?

Зоя.

Да вѣдь онъ у меня красавецъ.

Лотохинъ.

Красавецъ? Да-съ... это дѣло другого рода... Виноватъ-съ. Это обстоятельство значительно усложняетъ дѣло, и вы ужъ мнѣ позвольте предложить вамъ нѣсколько вопросовъ.

Зоя.

Сдѣлайте одолженіе! Я очень рада отвѣчать на всѣ ваши вопросы; я такъ довольна, такъ счастлива!

Лотохинъ.

Позвольте-съ! Красавецъ! Значитъ, тутъ любовь-съ безотчетная и безрасчетная.

Зоя.

Да, да, страстная любовь и взаимность; однимъ словомъ, полное счастіе...

Лотохинъ.

Изъ всего этого позвольте мнѣ заключить, что у него собственнаго состоянія не было.

Зоя.

Ахъ, да какое же мнѣ до этого дѣло! Никогда я не спрашивала, есть у него состояніе или нѣтъ. Того, что̀ у насъ есть, съ насъ довольно, и мы живемъ очень хорошо; а мое ли, его ли состояніе, это рѣшительно все равно. Мы мужъ и жена, зачѣмъ намъ дѣлить? У насъ все общее.

Лотохинъ.

Неоспоримая истина. Противъ этого и говорить ничего нельзя.

Зоя.

Я думаю.

Лотохинъ.

Но если у него не было состоянія, такъ долговъ не было ли? Вы не удивляйтесь, что я васъ о долгахъ спрашиваю! У мужчинъ-красавцевъ постоянно бываютъ долги — это ихъ всегдашняя принадлежность.

Зоя.

Ничего этого я не знаю. Я знаю только одно, что мы любимъ другъ друга, съ меня этого довольно.

Лотохинъ.

Конечно, довольно: чего-жъ еще-съ!

Зоя.

Какъ съ вами легко и пріятно говорить, вы во всемъ со мной соглашаетесь, а другіе такъ осуждаютъ меня за мою неразсчетливость, за мою довѣрчивость.

Лотохинъ.

Какъ можно осуждать! Сохрани Богъ. Но у васъ, когда вы были дѣвицей, былъ большой капиталъ.

Зоя.

Да, я знаю.

Лотохинъ.

Гдѣ же онъ, какъ вы имъ распорядились?

Зоя.

Онъ тамъ... у него... Вѣдь должна же я была принести мужу приданое. Вы только подумайте, Наумъ Ѳедотовичъ; онъ явился, ослѣпилъ здѣсь всѣхъ; всѣ дѣвушки и женщины стали бредить имъ. Вѣдь рѣшительно всѣ, даже и тѣ, которыя не имѣли никакого права на него, то-есть, разныя безприданницы. Онъ былъ нарасхватъ, за нимъ ухаживали до безстыдства... Я его полюбила съ перваго взгляда; но гдѣ же мнѣ! Это все устроила тетя; я ей обязана. Разумѣется, тутъ помогло больше всего счастье; что̀ я передъ нимъ! Онъ могъ бы взять гораздо больше приданаго.

Лотохинъ.

Но у васъ еще есть отличное имѣніе.

Зоя.

Оно мнѣ досталось послѣ свадьбы отъ дяди.

Лотохинъ.

Значитъ, вы живете на проценты съ капитала и на доходы съ имѣнія?

Зоя.

Да, конечно.

Лотохинъ.

И вамъ достаточно?

Зоя.

Совершенно достаточно.

Лотохинъ.

Зачѣмъ же вы продаете имѣніе?

Зоя.

Какое имѣніе?

Лотохинъ.

Ваше наслѣдственное, золотое дно.

Зоя.

Это не мое дѣло; если онъ продаетъ, значитъ, нужно.

Лотохинъ.

И должно быть, очень нужно, потому что имѣніе продается за безцѣнокъ.

Зоя.

Ка̀къ за безцѣнокъ? Что̀ это значитъ?

Лотохинъ.

А вотъ я вамъ сейчасъ объясню. Что̀ сто́итъ это ваше колечко?

Зоя.

Сто рублей.

Лотохинъ.

Продайте мнѣ его за пятьдесятъ.

Зоя.

Зачѣмъ же его продавать за пятьдесятъ, когда оно сто́итъ сто? Да и притомъ же оно мнѣ дорого: это подарокъ мужа.

Лотохинъ.

Вотъ и имѣніе сто́итъ сто тысячъ, а продается за пятьдесятъ; да, кромѣ того, оно должно быть вамъ дорого, потому что это имѣніе дѣдовъ вашихъ: тамъ они родились и умерли.

Зоя.

Право, Наумъ Ѳедотовичъ, я ничего не знаю. Вы поговорите съ мужемъ.

Лотохинъ.

Да-съ, я за тѣмъ и пріѣхалъ, чтобы оно не доставалось чужимъ; все-таки въ нашемъ роду будетъ.

Зоя.

Я сейчасъ позову мужа. *(Подходитъ къ дверямъ кабинета.)* Аполлонъ, Аполлонъ! *(Входитъ Окоемовъ.)*

ЯВЛЕНІЕ СЕДЬМОЕ.

Зоя, Лотохинъ *и* Окоемовъ.

Зоя *(Лотохину).*

Вотъ мой мужъ, Аполлонъ Евгеньевичъ Окоемовъ! *(Мужу.)* Это, Аполлонъ, нашъ родственникъ, Наумъ Ѳедотовичъ Лотохинъ; онъ нарочно пріѣхалъ сюда, чтобы купить наше имѣніе.

Окоемовъ.

Ахъ, очень радъ! Очень пріятно познакомиться.

Лотохинъ.

Я давно знаю ваше имѣніе и могъ бы купить его за глаза; но я все-таки съѣздилъ его посмотрѣть; я вчера только оттуда. Поразстроили вы его немножко, лѣску убыло.

Окоемовъ.

Разворовали, Наумъ Ѳедотовичъ. Присмотру нѣтъ, я очень плохой хозяинъ; потому я его и продаю.

Лотохинъ.

Ужъ это ваше дѣло. Чѣмъ вамъ съ комиссіонерами возиться, я у васъ его куплю безъ всякаго посредничества. Цѣна не дорогая, какъ я слышалъ, мы кончимъ въ два слова. Документы у васъ готовы?

Окоемовъ.

Все готово, и справки всѣ ужъ собраны; остается только купчую совершить.

Лотохинъ.

Такъ ужъ вы не хлопочите; вамъ не сдѣлаютъ такъ скоро, какъ мнѣ; я слово знаю. Я сейчасъ же отсюда заѣду къ старшему нотаріусу. Пожалуйте документы.

Окоемовъ.

Благодаренъ вамъ, очень благодаренъ. Сію минуту доставлю: они у меня на столѣ. *(Уходитъ въ кабинетъ.)*

Зоя.

Вы долго здѣсь пробудете?

Лотохинъ.

Да вотъ только устрою дѣлишки.

Зоя.

Надѣюсь, вы не въ послѣдній разъ у насъ.

Лотохинъ.

Конечно, куда же мнѣ здѣсь дѣться? Я никого не знаю. Да и вы, вѣроятно, не откажетесь посѣтить меня?

Зоя.

Завтра же заѣдемъ съ мужемъ. *(Входитъ Окоемовъ и подаетъ пакетъ Лотохину.)*

Окоемовъ.

Тутъ все, что̀ нужно. Позвольте, я только возьму довѣренность.

Лотохинъ.

Да на что̀ она вамъ? Мнѣ она нужнѣе: я велю съ нея снять копію. Я такъ облуплю яичко, что вамъ останется

только въ ротъ положить. Въ деньгахъ задержки не будетъ; мнѣ купчую въ руки, а вамъ деньги, всѣ до одной копеечки.

Окоемовъ.

А кàкъ вы думаете, скоро эта процедура можетъ кончиться?

Лотохинъ.

Дня въ три, въ четыре, не больше.

Зоя.

Пріѣзжайте обѣдать къ намъ, когда вамъ угодно.

Лотохинъ.

А вотъ кончимъ дѣло, тогда и пообѣдаемъ, и спрыснемъ покупку. До пріятнаго свиданія! *(Уходитъ.)*

ЯВЛЕНІЕ ВОСЬМОЕ.

Окоемовъ *и* Зоя.

Зоя *(съ лаской).*

Какъ я рада, что хоть это дѣло такъ хорошо устроилось. Ты такъ хлопочешь, такъ безпокоишься, мой милый! Ѣздилъ по дѣламъ въ Москву, прожилъ тамъ больше мѣсяца, безъ меня. Я ужъ не говорю про себя: я для тебя все перенести готова; но какъ тебѣ-то, я думаю, было скучно безъ меня!

Окоемовъ.

Да, милая Зоя, имѣніе мы продадимъ, съ этой стороны я покоенъ; но этого мало, и заботы у меня все-таки остаются.

Зоя.

Какія же заботы, мой другъ?

Окоемовъ.

Зоя, я заранѣе прошу твоего извиненія; я скажу тебѣ много непріятнаго для тебя и неожиданнаго; я во многомъ долженъ буду признаться передъ тобой.

Зоя.

Ахъ, мой другъ, только будь откровененъ; я заранѣе тебя во всемъ извиняю.

Окоемовъ.

Зоя, я много долженъ.

Зоя.

Только-то? Это еще бѣда не большая. Заплатимъ; ну, въ крайнемъ случаѣ, продадимъ все, будемъ жить бѣдно, будемъ работать. Я для тебя на все готова. Я умѣю вязать, умѣю вышивать, вотъ посмотри. *(Показываетъ работу.)*

Окоемовъ.

Все это вздоръ! Перестань ребячиться. Наступаетъ время, когда ты должна взглянуть на жизнь серьезно. Я попалъ въ такіе тиски, что всего твоего состоянія мало, чтобы выручить меня. Потомъ, я не могу жить въ бѣдности, да и ты не можешь; это пустыя мечты.

Зоя.

Милый, что же дѣлать? Ну, вѣдь есть же какое-нибудь средство, есть же?

Окоемовъ.

Одно.

Зоя *(дрожа)*.

Какое, какое?

Окоемовъ.

Намъ нужно разойтись.

Зоя.

Какъ „разойтись“? Что̀ это? Я не понимаю.

Окоемовъ.

Разводъ, Зоя...

Зоя.

Ты шутишь, ты шутишь надо мной? Ну, скажи, милый, ты шутишь?

Окоемовъ.

Не до шутокъ мнѣ, Зоя; дѣло серьезное.

Зоя *(бросаясь къ мужу и обнимая его)*.

Нѣтъ, нѣтъ, не отдамъ... умру, умру, а не отдамъ тебя. Не мучь меня! Я умираю, у меня захватываетъ дыханіе. Милый мой, милый мой! Нѣтъ, нѣтъ, это не возможно.

Окоемовъ.

Успокойся, Зоя, будь благоразумнѣе! Никто меня не отнимаетъ у тебя.

Зоя.

Такъ говори, говори! Что̀-жъ это? Я ничего не понимаю.

Окоемовъ.

Мы съ тобой не разстанемся: мы только разведемся формальнымъ образомъ.

Зоя *(хватаясь за голову, садится).*

Какъ... зачѣмъ... чтò же будетъ?

Окоемовъ.

Слушай, Зоя: я ужъ разорилъ тебя; весь твой капиталъ пошелъ на уплату моихъ долговъ; часть денегъ, которыя получимъ за имѣніе, пойдетъ туда же. Чтò у насъ останется? Развѣ могу я простить себѣ, что довелъ тебя до нищеты? Я долженъ загладить свою вину и, во чтò бы то ни стало, возвратить тебѣ состояніе.

Зоя.

Но какъ же это ты сдѣлаешь?

Окоемовъ.

Я пойду на все, даже на преступленіе.

Зоя.

Это страшно! Не говори такъ! Ахъ, прошу тебя, не говори!

Окоемовъ.

Другіе умомъ, оборотливостью, талантомъ зарабатываютъ себѣ состояніе, а у меня этого нѣтъ. У меня только одно достоинство: красивая наружность, я нравлюсь женщинамъ; этимъ я и хочу воспользоваться.

Зоя.

Ахъ, чтò ты говоришь? Аполлонъ, пожалѣй меня!

Окоемовъ.

Не возражай, Зоя! То, чтò я говорю, дѣло рѣшеное; другого выхода изъ моего положенія нѣтъ. Въ Москвѣ я случайно познакомился съ одной дамой. Не ревнуй! Она старуха и безобразна до крайности. Мы часто встрѣчались съ ней у моихъ знакомыхъ; она думала, что я холостой, и, на старости лѣтъ, влюбилась въ меня до безумія.

Зоя.

Ты бы сказалъ ей, что ты женатъ.

Окоемовъ.

Разумѣется, сказалъ: не обманывать же ее; она, конечно, опечалилась, но...

Зоя.

Чтò, „но“? Договаривай!

Окоемовъ.

Но обѣщала мнѣ полмилліона, если я разведусь съ тобой. *(Зоя плачетъ.)* Не плачь, Зоя, полмилліона все-таки деньги! Ты для меня всѣмъ пожертвовала, долженъ же и я сдѣлать что̀-нибудь для тебя! Она проживетъ не долго; прямыхъ наслѣдниковъ у нея нѣтъ, все достанется мнѣ, и тогда мы съ тобой опять вмѣстѣ: мы будемъ счастливы, богаты и ужъ навѣкъ неразлучны. Не плачь же, я ужъ тебѣ говорилъ, что это дѣло рѣшеное; такой случай можетъ не повториться; надо быть совсѣмъ сумасшедшимъ, чтобы не воспользоваться имъ. Я близокъ къ нищетѣ, къ позору, къ отчаянію, быть можетъ, къ самоубійству, потому что, вмѣстѣ съ собой, я погубилъ и тебя; я не буду знать ни дня, ни ночи покоя: меня замучатъ угрызенія совѣсти. И въ такомъ положеніи отказаться отъ денегъ, отъ богатства?

Зоя *(сквозь слезы).*

Ну, что̀-жъ, разведемся.

Окоемовъ.

Я навсегда обезпечу тебя и себя.

Зоя.

Я ничего отъ тебя не возьму.

Окоемовъ.

Я, по крайней мѣрѣ, возвращу тебѣ все, что̀ отнялъ у тебя. Зоя, ты меня презираешь?

Зоя.

Если-бъ я презирала тебя, я бы не стала тебя слушать и ушла отъ тебя. Да, ты сто́ишь презрѣнія; но я, къ несчастію, люблю тебя и жалѣю; я не хочу, чтобъ ты жаловался, что я помѣшала твоему счастію... Разведемся.

Окоемовъ *(цѣлуетъ руку жены).*

Благодарю тебя, милая Зоя. Ты героиня! Я теперь только понялъ, на какія жертвы способна любящая женщина. Но, Зоя...

Зоя.

Что̀ еще?

Окоемовъ.

Ты знаешь законы о разводѣ?

Зоя.

Слыхала...

Окоемовъ.

Надо дѣлать такъ, чтобъ я могъ жениться...

Зоя *(съ печальной улыбкой)*.

Конечно. Иначе зачѣмъ же и разводиться? Что̀ же тебѣ отъ меня нужно?

Окоемовъ.

Нужно, Зоя, чтобъ ты была виновата.

Зоя.

Какъ виновата, въ чемъ?

Окоемовъ.

Чтобъ я могъ уличить тебя въ невѣрности — несомнѣнно, со свидѣтелями.

Зоя.

Ахъ! ахъ! нѣтъ, нѣтъ! Ты забылся, Аполлонъ! Ты съ ума сошелъ! Ты говоришь съ честной женщиной и вспомни, кто я! Несчастный, ты забылъ уваженіе ко мнѣ... Чѣмъ я это заслужила? *(Плачетъ.)*

Окоемовъ.

Да ты и останешься честной женщиной; вѣдь всѣ будутъ знать, что это комедія, что это только предлогъ...

Зоя.

Да, нѣтъ, нѣтъ! Невозможно! Ты не знаешь, что такое порядочная женщина. Вы все судите по себѣ... Вы, мужчины, всѣ такъ развратны, для васъ нравственнаго чувства не существуетъ, вы не боитесь грязи... А порядочная женщина брезглива... Ты только представь себѣ: дѣвушка, совершенно чистое существо... она полюбила тебя, вышла за тебя замужъ, чтобы любить тебя всю жизнь; любовь для нея святыня, торжество; она лелѣетъ, бережетъ ее! Она знаетъ, что съ такой любовью къ мужу она всю жизнь, куда бы ее ни забросила судьба, останется чиста, непогрѣшима, уважаема всѣми... Съ этой любовью она неуязвима! Любовь къ мужу поддерживаетъ ее, спасаетъ; любовь — это ея душа. И ты хочешь, чтобъ я посрамила это чувство какимъ-то притворствомъ, какой-то комедіей! Да чѣмъ же мнѣ жить послѣ? Что̀-жъ у меня въ душѣ останется? Для чего мнѣ существовать, когда любовь моя къ тебѣ будетъ поругана мной?

Вѣдь у меня нѣтъ ничего; нѣтъ ума, нѣтъ знанія жизни, теперь даже нѣтъ и средствъ: у меня только одна чистота, непорочность; зачѣмъ же я ее грязнить стану?

Окоемовъ.

Сколько разъ я говорилъ тебѣ, Зоя: смотри легче на жизнь, смотри легче; съ такими правилами нельзя жить! Жизнь должна быть весела, легка, пріятна; а вѣдь такъ, какъ ты разсуждаешь — это ужъ не жизнь, а вѣчная трагедія.

Зоя.

Нѣтъ, нѣтъ! Обвиняй меня, въ чемъ хочешь: только моей любви, моей души не тронь! Ну, скажи, что я зла, ревнива, что я сумасшедшая, что я могу убить тебя, что я глупа, идіотка...

Окоемовъ.

Да за это не разведутъ! Зоя, чего ты боишься? Мы такъ устроимъ, что твоей невѣрности никто не повѣритъ; мы пріищемъ тебѣ самаго смѣшного любовника, ну, хоть Ѳедора Петровича... Ну, развѣ возможно представить, чтобъ ты серьезно полюбила его?..

Зоя.

Нѣтъ, невозможно, это возмущаетъ меня!

Окоемовъ.

Зоя, спаси меня! *(Падаетъ на колѣни.)*

Зоя.

Нѣтъ, не могу; это выше моихъ силъ. Придумай чтò-нибудь другое!

Окоемовъ *(встаетъ)*.

А когда такъ, прощай! *(Беретъ Зою за руку.)* Прощай, моя милая! Взгляни на меня! Ты меня видишь въ послѣдній разъ. Ты меня ничѣмъ не воротишь и нигдѣ не найдешь. Услыхать-то обо мнѣ, ты услышишь; твое упрямство принесетъ плоды... Ты отнимаешь у меня больше полумилліона; ты отнимаешь у меня возможность расплатиться съ долгами, возвратить то, чтò я похитилъ у тебя; ты отнимаешь у меня послѣднее средство примириться съ совѣстью и сдѣлаться порядочнымъ, честнымъ человѣкомъ; ты отнимаешь у меня надежду провести жизнь въ довольствѣ, счастливо, безъ горя и волненій... И ты думаешь, что я могу равнодушно перенести это, не впасть въ отчаяніе!.. Ты услышишь обо мнѣ! Для меня

дорога одна: развратъ, пьянство, мошенничество... Я буду воровать... да, воровать — и ты услышишь все это. Я сейчасъ же уѣзжаю и пропаду для тебя безъ слѣда. Прощайся со мной! Прощайся, Зоя, навсегда!

Зоя *(почти безъ чувствъ).*

Я со-глас-на! *(Падаетъ въ обморокъ.)*

Занавѣсъ.

ДѢЙСТВІЕ ТРЕТЬЕ.

Сцена 1-я.

ЛИЦА:

Лотохинъ.
Сосипатра Семеновна.
Сусанна Сергѣевна Лундышева, молодая вдова, племянница Лотохина.
Пьеръ.
Акимычъ.

Комната въ гостиницѣ, довольно прилично меблированная; двѣ двери: одна съ лѣвой стороны, другая въ глубинѣ, въ переднюю: на стѣнѣ зеркало.

ЯВЛЕНІЕ ПЕРВОЕ.

Лотохинъ *входитъ изъ средней двери, за нимъ* Акимычъ.

Лотохинъ.

Скажи въ конторѣ, чтобы фамилію Сусанны Сергѣевны не писали на доскѣ, чтобы номера, которые она заняла, отмѣтили за мной! Да не болтай ничего! Кто будетъ спрашивать, говори, что, молъ, дальняя родственница барина, проѣздомъ въ имѣніе, въ другую губернію, всего, молъ, на одинъ день. Завтра уѣзжаютъ.

Акимычъ.

Слушаю, баринъ-батюшка. Только Сусанна Сергѣевна, надо полагать, надолго пріѣхали.

Лотохинъ.

Почему же ты такъ думаешь?

Акимычъ.

Чемодановъ да сундуковъ больно съ ними много. Давеча, какъ принялась Дуняша разбирать, такъ, Боже ты милостивый, цѣлую комнату завѣсила, какихъ — такихъ платьевъ нѣтъ! И съ кружевами, и съ цвѣтами, и съ живыми птицами райскими. Однѣхъ шляпокъ, никакъ, дюжина. Какъ есть цѣлый магазинъ. Опять же этого бѣлья сквозного, съ дырочками да съ рѣшеточками, конца нѣтъ. Одна штука съ широкими рукавами, другая совсѣмъ безъ рукавовъ, и не придумаешь, на чемъ она держится.

Лотохинъ.

Ну, по платью никакъ не узнаешь, надолго ли онѣ ѣдутъ: чтò на день, чтò на мѣсяцъ — у нихъ все одно. Платья дватри, говоритъ, непремѣнно нужно взять, да на всякій случай еще пятнадцать, вотъ и наберется ихъ много. Ну, ступай же въ контору и распорядись, какъ я тебѣ приказывалъ.

Акимычъ.

Слушаю, баринъ-батюшка. Въ одну минуту. *(Уходитъ. Изъ лѣвой двери выходитъ Сусанна.)*

ЯВЛЕНІЕ ВТОРОЕ.

Лотохинъ *и* Сусанна.

Сусанна.

Ну, милый дядюшка, теперь примемся за дѣло. Времени терять не надо. Вотъ документы. Извольте поглядѣть, все ли тутъ, чтò нужно.

Лотохинъ *(беретъ документы).*

А вотъ мы положимъ ихъ пока въ карманъ, къ прочимъ таковымъ же. На это завтра время будетъ; утро вечера мудренѣе. А теперь побесѣдуемъ. *(Садятся.)* Надолго вы сюда пожаловали?

Сусанна.

Я не знаю.

Лотохинъ.

А зачѣмъ? Вѣроятно, тоже не знаешь?

Сусанна.

Нѣтъ, знаю, да не скажу.

Лотохинъ.

А я и спрашивать не стану. Ну, вотъ, что̀ взяла?

Сусанна.

Ну, нѣтъ ужъ, дядюшка, прошу извинить. Перемѣните тонъ: тутъ шутки не у мѣста.

Лотохинъ.

Значитъ, дѣло серьезное?

Сусанна.

Очень серьезное. Я, вѣдь, женщина рѣшительная.

Лотохинъ.

Ну, слава Богу! Всю жизнь пустяками да тряпками занималась, а теперь серьезничать стала. Радъ, очень радъ.

Сусанна.

Да, очень серьезное, очень серьезное дѣло... и даже секретное... Конечно, и поговорить, и посовѣтоваться я бы не прочь, а всего лучше съ тобой, но только съ уговоромъ.

Лотохинъ.

Диктуйте ваши условія.

Сусанна.

Чтобъ никакихъ возраженій, ни наставленій не было; я совершеннолѣтняя.

Лотохинъ.

Да съ чего ты выдумала, что я буду читать тебѣ наставленія? Нужно очень! Да живите, какъ знаете, только меня не троньте.

Сусанна.

Да, любезный дядюшка, дѣло серьезное, ахъ! очень для меня серьезное. *(Встаетъ и подходитъ къ зеркалу.)* А что̀, дядя, я могу нравиться?

Лотохинъ.

Ахъ ты, курочка моя! Ишь ты выдумала! Да такая женщина можетъ съ ума свести. Вѣдь ужъ я старикъ, а и меня ты за живое задѣла. Такая ты милая, хорошая сегодня, что вотъ все посматриваю, съ которой стороны поцѣловать тебя, чтобы туалета не нарушить.

Сусанна.

Ахъ, какъ это смѣшно! Ну, что̀ такое туалетъ? Чему онъ

мѣшаетъ? Родной дядя, да туалета боится. Что̀-жъ, не за версту-жъ тебѣ губы тянуть!

Лотохинъ *(цѣлуя Сусанну).*

Будь я помоложе, такъ не побоялся бы. Большую тревогу въ мужскомъ сердцѣ ты можешь произвесть.

Сусанна *(довольнымъ тономъ).*

Ахъ, дядя! Какой вы милый!

Лотохинъ.

Что̀ ужъ! Очаровательница! Хороша-то, хороша, да умѣешь и товаръ лицомъ показать; ну, мужчинамъ-то и смерть.

Сусанна *(совершенно довольная).*

Ахъ ты, дядя, какой! *(Грозитъ пальцемъ.)* А какъ ты хорошо меня понимаешь. И вѣдь это все ты вправду, безъ хитрости?

Лотохинъ.

Да какая же мнѣ корысть лгать-то?

Сусанна.

Ну, благодарю. Да, вотъ съ такимъ человѣкомъ можно говорить обо всемъ; ну, а ужъ съ другимъ ни за что бы...

Лотохинъ.

Ну, и поболтаемъ; благо, время свободное.

Сусанна.

Дѣло-то вотъ какое: я влюблена, милый дядюшка.

Лотохинъ.

Ничего нѣтъ удивительнаго; это очень натурально.

Сусанна.

Я женщина свободная и со средствами; я хочу выйти замужъ за того человѣка, котораго люблю.

Лотохинъ.

Превосходно.

Сусанна.

Я увидала его въ Москвѣ, тамъ познакомилась съ нимъ и полюбила. Вотъ тебѣ начало исторіи.

Лотохинъ.

Пока исторія очень обыкновенная. Теперь, значитъ, дѣло стало за тѣмъ, чтобъ узнать, что̀ это за человѣкъ и сто̀итъ ли

его любить, а тѣмъ паче, выходить замужъ. Потому что пословица говоритъ: семь разъ отмѣряй, а одинъ отрѣжь.

Сусанна.

Что̀ это значитъ? Какъ отмѣрять? Я не понимаю.

Лотохинъ.

Это очень просто. Напримѣръ: ты нанимаешь повара... Для тебя что̀ нужно? Чтобъ онъ не оставлялъ тебя безъ обѣда, чтобъ не отравилъ тебя.

Сусанна.

Да, конечно.

Лотохинъ.

Поэтому ты собираешь объ немъ справки, требуешь аттестата, чтобъ узнать, гдѣ онъ жилъ, у какихъ господъ, знаетъ ли свое дѣло и какъ велъ себя.

Сусанна.

Это повара, а если мужа... такъ какъ же?

Лотохинъ.

И мужа такъ же. Ты стараешься узнать, въ какомъ онъ былъ обществѣ, его знакомство, интимный кружокъ.

Сусанна.

Зачѣмъ же мнѣ это?

Лотохинъ.

Но если онъ былъ въ обществѣ шулеровъ или червонныхъ валетовъ, такъ вѣдь такой тебѣ не годится, чай? Какъ ты думаешь?

Сусанна.

Ну, само собой, нечего и думать.

Лотохинъ.

А если и изъ порядочнаго общества, такъ надо узнать, не долженъ ли.

Сусанна.

Зачѣмъ? Нѣтъ, это не надо. Можно заплатить.

Лотохинъ.

Да вѣдь каковъ долгъ? Другому кавалеру и вся-то цѣна грошъ, а долгу-то натощакъ не выговоришь. А если долговъ нѣтъ, такъ нѣтъ ли какихъ обязательствъ.

Сусанна.

Какія еще обязательства?

Лотохинъ.

А вотъ какія: я, дворянинъ, тамъ или чиновникъ и кавалеръ такой-то, обязуюсь жениться на мѣщанкѣ такой-то слободы, дѣвицѣ Милитрисѣ Кирбитьевнѣ, въ чемъ и даю сію расписку.

Сусанна.

Да развѣ такія обязательства бываютъ?

Лотохинъ.

Бываютъ. Одна моя знакомая недавно вышла замужъ; такъ у мужа-то такихъ обязательствъ оказалось четыре.

Сусанна.

Четыре. Какъ много!

Лотохинъ.

Достаточно и одного, и то скандалу-то не оберешься.

Сусанна.

Что̀ же съ этими обязательствами дѣлать?

Лотохинъ.

Надо по нимъ деньги платить.

Сусанна.

Сколько?

Лотохинъ.

А сколько мѣщанская дѣвица потребуетъ, сколько ее совѣсть не зазритъ.

Сусанна.

А если ей не заплатить?

Лотохинъ.

Тогда молодого-то мужа потребуютъ въ судъ. Это будетъ спектакль любопытный, особенно для жены. Она можетъ во всей подробности ознакомиться съ любовными похожденіями своего мужа. Мѣщанскія дѣвицы имѣютъ привычку и на судѣ въ рѣчахъ своихъ сохранять прежнюю короткость съ своими измѣнниками. И заговоритъ она съ чувствомъ: „Сердечный ты другъ мой, кабы я прежде-то знала, что ты такой мошенникъ, не стала бы я съ тобой и вязаться“.

Сусанна.

Такъ и скажетъ?

Лотохинъ.

Такъ и скажетъ. У мѣщанскихъ дѣвицъ такое правило:

„коли ужъ денегъ не возьму, такъ осрамлю, по крайности". И надо правду сказать, что срамить онѣ мастерицы, и довели это искусство до высокой виртуозности.

Сусанна.

Ха, ха, ха. Какъ это смѣшно! Но успокойся, любезный дядюшка! Со мной ничего этого не будетъ: мой женихъ не Донъ-Жуанъ, онъ самъ несчастная жертва. Когда онъ былъ очень молодъ, довѣрчивъ, его женили чуть не насильно на дѣвушкѣ безобразной, злой, развратной, и притомъ же много старше его. Вся жизнь его есть непрерывное страданіе, пытка.

Лотохинъ.

Такъ онъ женатъ?

Сусанна.

Ну, такъ что̀ же?

Лотохинъ.

Ты сумасшедшая! Нѣтъ, Сусанна Сергѣевна, я за докторомъ пошлю.

Сусанна.

Оставьте, пожалуйста! Нисколько я не сумасшедшая. Онъ терпѣлъ, терпѣлъ, наконецъ хочетъ развестись съ женой. На это нужны деньги, а онъ бѣденъ; вотъ почему я и хочу заложить свое имѣніе. Говорятъ, это очень дорого сто̀итъ.

Лотохинъ.

А если онъ возьметъ деньги, а съ женой-то не разведется? Послѣ и ищи его съ деньгами-то!

Сусанна.

Ахъ, ахъ, что̀ ты говоришь? Да я ему вѣрю больше себя. Я готова ему все отдать.

Лотохинъ *(всплеснувъ руками).*

О! Боже мой! Что̀ ты дѣлаешь!

Сусанна.

Да погоди охать-то, я еще не отдала ничего. Знаешь ли, дядя, у меня какой-то странный характеръ. Я иногда такъ расчувствуюсь, что готова все отдать, а какъ придется вынимать деньги, такъ мнѣ и жалко. У насъ въ роду была одна такая бабушка; такъ я должно быть въ нее.

Лотохинъ,

Эта черта въ тебѣ хорошая. А зачѣмъ же мужей-то съ женами разводить? Чего только эти женщины не выдумаютъ!

Сусанна.

Ахъ, какой ты, дядя, смѣшной! Да непремѣнно разводъ. Я больше имѣю правъ на него, чѣмъ его жена.

Лотохинъ.

Какихъ это? Что̀ ты говоришь?

Сусанна.

Да конечно. Я люблю его, а она — нѣтъ; я богаче... Коли у нея нѣтъ состоянія, какое же она имѣетъ право на такого мужа? Наконецъ онъ страдаетъ; я хочу его освободить; это доброе дѣло. Все это на судѣ должны принять во вниманіе.

Лотохинъ.

Ну да, какъ же, непремѣнно.

Сусанна.

Мы обязаны дѣлать добрыя дѣла; жить только для себя — не хорошо; надо помогать и ближнему. Вѣдь это человѣкъ кроткій, нѣжный, съ младенческой душой. Кабы ты послушалъ, какъ онъ разсказываетъ о своихъ страданіяхъ! Я плакала, плакала. Онъ хорошъ, уменъ, образованъ и въ такомъ несчастномъ, жалкомъ положеніи. Ахъ, какъ я плакала! Ну, наконецъ, я не утерпѣла и пріѣхала.

Лотохинъ.

Зачѣмъ?

Сусанна.

Я соскучилась.

Лотохинъ.

По комъ?

Сусанна.

Да не по тебѣ же, дядя; конечно, по немъ.

Лотохинъ.

Да развѣ онъ здѣсь?

Сусанна.

Да я ужъ, кажется, говорила тебѣ... Онъ здѣшній помѣщикъ, Аполлонъ Евгеньевичъ Окоемовъ.

Лотохинъ *(пораженный)*.

Окоемовъ!

Сусанна.

Развѣ ты его знаешь?

Лотохинъ.

Да... немного, я слыхалъ о немъ.

Сусанна.

Чтò же ты слышалъ? Скажи!

Лотохинъ.

Я скажу тебѣ послѣ; я соберу еще нѣкоторыя справки.

Сусанна.

Кто-то пришелъ къ тебѣ; я пойду въ свой номеръ. Мнѣ еще работы много, надо гардеробъ разобрать.

Лотохинъ.

Пойдемъ, я тебя провожу. *(Сусанна и Лотохинъ уходятъ въ дверь налѣво. Изъ средней двери выходятъ Сосипатра, Пьеръ и Акимычъ.)*

ЯВЛЕНІЕ ТРЕТЬЕ.

Сосипатра, Пьеръ *и* Акимычъ.

Акимычъ.

Сейчасъ были здѣсь... Должно быть вышли въ сосѣдній номеръ; тутъ у нихъ родственница, проѣздомъ въ имѣніе, остановились до завтра. Извольте обождать минутку.

Сосипатра.

Хорошо, мы подождемъ. Доложи поди.

Акимычъ.

Слушаю-съ. *(Уходитъ въ среднюю дверь.)*

Пьеръ.

Какой Олешунинъ смѣшной.

Сосипатра.

Это не новость, мой другъ! Найди чтò-нибудь поинтереснѣе.

Пьеръ.

Я вамъ самую свѣжую новость хочу разсказать. Мы сего-

дня завтракали вмѣстѣ съ Олешунинымъ, онъ хвастался какой-то новой побѣдой, говорилъ, что получилъ billet-doux.

Сосипатра.

Отъ горничной, вѣроятно.

Пьеръ.

Такъ и сіяетъ отъ радости.

Сосипатра.

А вамъ съ Жоржемъ завидно? Пусть его блаженствуетъ: ему это въ диковинку.

Пьеръ.

Да правда ли, не сочиняетъ ли онъ?

Сосипатра.

Коли есть что̀, такъ онъ не утаитъ: онъ по всему городу разблаговѣститъ. Онъ, можно сказать, изъ одной чести бьется; ему не любовь нужна, а чтобъ всѣ знали, что его любятъ. Посмотри, какъ онъ голову-то подыметъ.

Пьеръ.

Да онъ и теперь ужъ поднялъ и на насъ смотритъ съ глубокимъ презрѣніемъ. *(Входитъ Акимычъ.)*

Акимычъ.

Сейчасъ будутъ. Извиняются. *(Уходитъ въ среднюю дверь.)*

Сосипатра.

Поди, Пьеръ, подожди меня въ общемъ залѣ.

Пьеръ.

Здѣсь Жоржъ; онъ на билліардѣ играетъ; мы обѣдъ заказали.

Сосипатра.

И прекрасно. Я одна домой доѣду. *(Пьеръ кланяется и уходитъ. Изъ лѣвой двери входитъ Лотохинъ.)*

ЯВЛЕНІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

Сосипатра, Лотохинъ, *потомъ* Акимычъ.

Лотохинъ.

Извините! Все съ женщинами, служба моя тяжелая. *(Подаетъ руку Сосипатрѣ.)* Очень радъ васъ видѣть; благо-

дарю, что осчастливили. Бумаги ваши, отчеты и письма управляющаго я разобралъ. Надо ихъ обоихъ смѣнить, вотъ и все. Я вамъ пришлю изъ Москвы, у меня есть на примѣтѣ два человѣка. Дѣла ваши въ отличномъ положеніи, только не обращайте вниманія на пустяки, а смотрите на существенное. Впрочемъ, это ужъ обыкновенный, неизбѣжный недостатокъ женскаго хозяйства. Мало вывелось кохинхинскихъ цыплятъ, и вы ужасно разгнѣвались; мечете громы и молніи, грозите всѣхъ погнать, а недочетъ болѣе двухсотъ четвертей пшеницы вы проглядѣли и оставили безъ замѣчанія, и тѣмъ поощрили управляющихъ къ дальнѣйшему воровству. Впрочемъ, вы можете быть спокойны: ваши имѣнія въ хорошемъ положеніи. Поменьше гнѣва и поменьше довѣрія, и побольше...

Сосипатра.

Разсудка, вы хотите сказать? Да мало ли что̀, гдѣ-жъ его взять? Я вамъ искренно благодарна и готова, съ своей стороны, служить, чѣмъ могу.

Лотохинъ.

Благодарить меня не за что̀, а вотъ одолжить меня вы можете очень.

Сосипатра.

Съ удовольствіемъ одолжу вамъ всѣмъ, чѣмъ могу.

Лотохинъ.

Скажите мнѣ откровенно, что̀ за человѣкъ Окоемовъ?

Сосипатра.

Извольте. Я его знаю давно и могу вамъ сообщить объ немъ многое. Я его зазнала хорошенькимъ мальчикомъ съ ограниченнымъ состояніемъ; онъ учился плохо, но въ обществѣ его любили и баловали. Онъ не кончилъ нигдѣ курса и рано попалъ въ дурное общество. Къ сожалѣнію, я должна сказать, что это дурное общество есть общество моего брата. Вы видѣли это пошлое трактирное общество, для котораго ни дома, ни семьи не существуетъ. Я живу съ братомъ для того, чтобъ нашъ домъ имѣлъ хоть сколько-нибудь приличный видъ. Я ужъ давно хотѣла бросить брата, но разсудила, что я старая вдова, ко мнѣ ничего не пристанетъ, а если я брошу домъ, такъ они будутъ верхомъ по комнатамъ ѣздить. Вы видѣли нѣкоторыхъ изъ нашихъ, вотъ хоть Пьера и Жоржа.

Что̀ это такое? Это недоучившіеся шалопаи, похожіе одинъ на другого, какъ двѣ капли воды. Они ужъ были развратны, прежде чѣмъ узнали жизнь; они ужъ надѣлали долговъ, прежде чѣмъ выучились считать деньги. И теперь ждутъ только богатыхъ дуръ, чтобы поправить свои обстоятельства и заполучить деньги для дальнѣйшихъ кутежей. Но какова будетъ жизнь ихъ бѣдныхъ женъ? Таковъ же и Окоемовъ. Онъ по душѣ не дурной человѣкъ, но пріобрѣлъ трактирныя привычки и легкій почти презрительный взглядъ на женщину и ея душу. Ваша родственница Зоя влюбилась въ него и вышла за него замужъ, чему главнымъ образомъ способствовала ея тетка, помѣшанная на мужской красотѣ. Я ихъ предостерегала; но онѣ вообразили, что я завидую счастію Зои.

Лотохинъ.

Согласно ли они живутъ?

Сосипатра.

До сихъ поръ хорошо, хотя онъ съ самаго начала къ ней холоденъ, а она отъ него безъ ума. Вотъ вамъ примѣръ: у меня есть знакомая дѣвушка, безобразная собой, но очень богатая; онъ нѣсколько разъ выражалъ мнѣ свое сожалѣніе, что рано связалъ себя и лишился возможности жениться на этомъ уродѣ. Такъ что, будь только маленькая возможность, онъ, не задумываясь, бросилъ бы жену и сталъ бы ухаживать за этой дѣвицей.

Лотохинъ.

А если-бъ представилась возможность развестись съ женой?

Сосипатра.

Онъ бы не задумался ни на минуту.

Лотохинъ.

Онъ много проживаетъ?

Сосипатра.

Теперь нѣтъ. Здѣсь онъ не мотаетъ; развѣ гдѣ въ другомъ мѣстѣ. Онъ часто уѣзжаетъ.

Лотохинъ.

Долги у него есть?

Сосипатра.

Прежде были; когда женился на Зоѣ, такъ всѣ заплатилъ; онъ тогда много заплатилъ. А теперь едва ли есть долги, потому что у него нѣтъ никакого кредита.

Лотохинъ.

Зачѣмъ же онъ продаетъ за безцѣнокъ имѣніе? Вѣдь онъ Зою-то по міру пуститъ. Имъ будетъ нечѣмъ жить.

Сосипатра.

Я этого не слыхала. Ну, значитъ, опять душу продалъ. То-то онъ часто ѣздилъ въ Москву; вѣроятно, хотѣлъ блеснуть, кутилъ тамъ, игралъ...

Лотохинъ.

Позвольте, позвольте! Какъ „душу продалъ?" Развѣ у васъ люди свои души продаютъ?

Сосипатра.

Продаютъ... Это вотъ какъ дѣлается: есть особые спеціалисты-ростовщики, у которыхъ наша безпутная молодежь занимаетъ деньги за огромные проценты, въ ожиданіи наслѣдства или выгодной женитьбы. Эти спеціалисты зорко слѣдятъ за молодыми людьми и когда видятъ, что чьи-нибудь фонды начинаютъ падать, то ужъ не довольствуются простыми векселями, а заставляютъ ихъ давать подложные документы, то-есть дѣлать фальшивые бланки или поручительства отъ своихъ родныхъ.

Лотохинъ.

Такъ вотъ что̀ значитъ, душу продавать!

Сосипатра.

Тогда ужъ должникъ въ ихъ рукахъ. Они, постоянно пугая ихъ судомъ, обираютъ совершенно, а если ужъ нечего взять. то предъявляютъ такіе документы родственникамъ. Тѣ поневолѣ платятъ, чтобъ избавить фамилію отъ безчестія и не погубить молодого человѣка. Съ Окоемовымъ, когда онъ былъ холостой, ужъ подобная исторія была одинъ разъ. Скряга дядя заплатилъ за него тысячъ пять, но поклялся, что ужъ въ другой разъ онъ племянника не пожалѣетъ и обратится къ прокурору. Вѣроятно, опять такая же штука. Деньги женины прожилъ, кредита нѣтъ; вотъ онъ, въ ожиданіи наслѣдства, и рискнулъ.

Лотохинъ.

Какъ бы мнѣ разузнать это дѣло и распутать? Помогите!

Сосипатра.

Извольте, съ удовольствіемъ. Онъ, вѣроятно, долженъ тому же

ростовщику, которому былъ долженъ прежде. Я его знаю. Эти господа сколько жадны, столько же и трусливы. Надо пріѣхать къ нему съ кѣмъ-нибудь изъ лицъ судейскихъ или административныхъ, такъ только, чтобы попугать его! „И тебя, молъ, милый другъ, привлекутъ къ отвѣтственности за подстрекательство". Тогда можно будетъ выкупить векселя довольно выгодно, то-есть не придется заплатить вдвое или втрое. Сумма, вѣроятно, не очень большая; ему много не повѣрятъ. Вы это дѣло можете завтра обдѣлать. Я васъ сегодня же познакомлю съ молодымъ прокуроромъ; человѣкъ ловкій и обязательный.

Лотохинъ *(жметъ ей руку).*

Благодарю васъ, благодарю! У меня есть еще просьба до васъ.

Сосипатра.

Хоть десять. Рада служить; услуга за услугу.

Лотохинъ.

Ко мнѣ тутъ пріѣхала племянница изъ Москвы, вдова богатая.

Сосипатра.

Такъ ей нужно женское общество, что̀ ли?

Лотохинъ.

Нѣтъ-съ. Вотъ видите ли, она женщина хорошая и добрая, только немножко...

Сосипатра.

Сумасшедшая?

Лотохинъ.

Этого нельзя сказать-съ, а ужъ очень увлекается, довѣрчива...

Сосипатра.

Знаю, знаю, видала много такихъ.

Лотохинъ.

Такъ вотъ-съ, Окоемовъ въ Москвѣ очень разжалобилъ ее, даже до слезъ-съ.

Сосипатра.

Чѣмъ же?

Лотохинъ.

А тѣмъ, что онъ очень несчастливъ, что жена у него и безобразна, и зла, и развратна...

Сосипатра *(съ удивленіемъ).*

Скажите, пожалуйста!

Лотохинъ.

Ну, моя птичка и расчувствовалась, и даетъ ему много денегъ для развода съ женой.

Сосипатра.

Чтò такое? Чтò вы говорите? Это ужасно!

Лотохинъ.

Имѣнье хочетъ закладывать.

Сосипатра.

Богата она?

Лотохинъ.

Очень богата.

Сосипатра.

Вотъ бѣда! Какъ тутъ быть? Я положительно теряюсь. Ужъ коли она рѣшилась, такъ не уговоришь.

Лотохинъ.

И слушать не станетъ.

Сосипатра.

А все-таки надо съ ней познакомиться.

Лотохинъ.

Я васъ сейчасъ познакомлю.

Сосипатра.

Постойте, погодите. *(Задумывается.)* Я кой-чтò придумала. Позовите вашего человѣка.

Лотохинъ *(растворяетъ дверь въ переднюю. Акимычъ, сидя на стулѣ, спитъ).*

Акимычъ!

Акимычъ *(впросонкѣ).*

Ась?

Лотохинъ.

Проснись, проснись!

Акимычъ.

Асинька, милый?

Лотохинъ.

Проснись, баринъ зоветъ!

Акимычъ *(встаетъ)*

Виноватъ, баринъ — батюшка. *(Входитъ въ комнату.)* Чтò угодно?

Сосипатра.

Посмотри въ столовой или въ бильярдной, здѣсь ли тотъ баринъ, который входилъ сюда со мной! Если здѣсь, такъ приведи его.

Акимычъ.

Слушаю-съ. *(Уходитъ.)*

Сосипатра.

Чтò, она общительная, милая женщина?

Лотохинъ.

Это такая душа... просто прелесть! Канарейка, а не женщина.

Сосипатра.

Тѣмъ лучше.

Лотохинъ.

Вотъ только...

Сосипатра.

Ну, чтò-жъ дѣлать! Совершенства нѣтъ на свѣтѣ. *(Входитъ Пьеръ.)*

ЯВЛЕНІЕ ПЯТОЕ.

Лотохинъ, Сосипатра *и* Пьеръ.

Пьеръ *(раскланявшись съ Лотохинымъ, Сосипатрѣ).*

Къ вашимъ услугамъ. Чтò прикажете?

Сосипатра.

Я давеча забыла тебѣ сказать... Сегодня вечеромъ пріѣдетъ Оболдуева.

Пьеръ.

Съ отцомъ?

Сосипатра.

Нѣтъ, одна; она теперь совершенно свободна: отецъ разбитъ параличомъ и ужъ давно безъ языка и движенія.

Пьеръ.

Вотъ это новость. Это извѣстіе произведетъ сенсацію.

Сосипатра.

Только, пожалуйста, никому не говори, знай про себя.

Пьеръ.

О! Будьте увѣрены.

Сосипатра.

Ну, больше ничего. Прощай!

Пьеръ.

Честь имѣю кланяться. *(Подаетъ руку Лотохину и уходитъ.)*

Лотохинъ.

Что̀ это за новость вы ему сообщили, и для чего?

Сосипатра.

Это ужъ мое стратегическое соображеніе.

Лотохинъ.

Зачѣмъ же вы просили его никому не сказывать?

Сосипатра.

За тѣмъ, чтобъ онъ сейчасъ же разсказалъ всему городу. Ну, теперь пойдемте знакомиться съ племянницей.

Лотохинъ *(стучитъ въ дверь налѣво)*.

Сусанна, можно войти? Я съ гостьей. *(Сусанна за сценой: „Милости просимъ“.)*

Сосипатра.

Ну, начинается война, война съ красавцами. Врагъ силенъ; но и мы постоимъ за себя.

Лотохинъ.

Еще бы. Съ такимъ союзникомъ, какъ вы, я на цѣлую армію красавцевъ пойду. *(Уходитъ въ дверь налѣво.)*

Сцена 2-я.

ЛИЦА:

Окоемовъ.
Зоя.
Олешунинъ.
Лупачевъ.
Пьеръ.
Жоржъ.
Паша.

Гостиная: съ лѣвой стороны (отъ актеровъ) окно, далѣе дверь въ залу; съ правой — дверь въ спальню Зои. Ближе къ зрителямъ — каминъ съ экраномъ, большіе щипцы для угля и прочія каминныя принадлежности; недалеко отъ камина небольшой диванчикъ; мебель мягкая.

ЯВЛЕНІЕ ПЕРВОЕ.

Изъ лѣвой двери выходятъ Окоемовъ *и* Лупачевъ.

Лупачевъ.

Да, это извѣстіе даетъ совсѣмъ другой оборотъ дѣлу. Тутъ ужъ не сотни тысячъ, а милліоны.

Окоемовъ.

Попытаемъ.

Лупачевъ.

Оболдуева и прежде была къ тебѣ неравнодушна, да отецъ мѣшалъ, а теперь, вѣроятно, для тебя и пріѣзжаетъ.

Окоемовъ.

А вотъ посмотримъ. Не бойся, ужъ не пропустимъ, что̀ само въ руки плыветъ.

Лупачевъ.

Съ моей стороны разсчитывай на всякое дѣйствіе.

Окоемовъ.

Только бы Сосипатра Семеновна не помѣшала.

Лупачевъ.

И ее какъ-нибудь уломаемъ.

Окоемовъ.

Тогда успѣхъ вѣрный.

Лупачевъ.

А ужъ московскую барыню за штатомъ оставишь?

Окоемовъ.

Она и подождетъ. Чтò-жъ дѣлать? Я не виноватъ, коли богаче ея нашлась. Я бы радъ радостью, да расчета нѣтъ. Коли тутъ не удастся, такъ и за нее примусь; она отъ меня не уйдетъ. *(Смотритъ въ окно.)*

Лупачевъ.

Чтò ты смотришь?

Окоемовъ.

Да не идетъ ли нашъ Донъ-Жуанъ.

Лупачевъ.

Послушай! Ты рѣшился на окончательный разрывъ съ женой?

Окоемовъ.

Ты знаешь мои дѣла. Если я и продамъ имѣніе, и какъ-нибудь расплачусь съ долгомъ, чѣмъ же я буду жить потомъ? Не по міру же мнѣ итти? Если-бъ не это, разумѣется, я бы не разстался съ Зоей. Я не очень чувствительный человѣкъ и порядочно-таки испорченъ, а мнѣ ее очень жаль.

Лупачевъ.

Съ такой сентиментальностью, ты ничего не добьешься путнаго. Чтобъ успѣвать въ жизни, надо быть рѣшительнымъ. Задумалъ, рѣшилъ и отрѣзалъ безъ всякихъ колебаній. Только такъ и можно достичь чего-нибудь. Только такъ и наживаются милліоны. Ты долженъ совсѣмъ оттолкнуть отъ себя жену, показать ей презрѣніе, унизить ее.

Окоемовъ.

Да для чего же это?

Лупачевъ.

Для того, чтобы она поняла, что она опозорена, безъ средствъ, что ты для нея потерянъ навсегда.

Окоемовъ.

И чтобъ утопилась?

Лупачевъ.

О, нѣтъ! До этого не дойдетъ. Какъ онѣ мужей ни любятъ, а любовь къ жизни въ нихъ сильнѣе.

Окоемовъ.

Ну, такъ для того, чтобъ она къ тебѣ бросилась?

Лупачевъ.

Ну, ужъ это какъ она знаетъ. Если она не глупа, такъ будетъ счастлива, и тебѣ жалѣть ее будетъ нечего.

Окоемовъ.

Признайся! Ты ее любишь?

Лупачевъ.

Это до тебя не касается.

Окоемовъ.

Ты за нее сватался, и тебѣ отказали?

Лупачевъ.

Положимъ, что и такъ; чтò-жъ изъ этого?

Окоемовъ.

Да вѣдь я ее ограбилъ и я же ее отталкиваю; вѣдь я не разбойникъ. Нужно же мнѣ успокоиться хоть на томъ, что она не останется безъ поддержки, не будетъ въ крайней нищетѣ. *(Хватаетъ себя за голову.)* Впрочемъ, чтò-жъ я! Когда я разбогатѣю, я ей возвращу все, чтò отнялъ у нея.

Лупачевъ.

Да, если позволятъ тебѣ безотчетно распоряжаться деньгами. А если будетъ строгій контроль?

Окоемовъ.

Ахъ, вѣдь вотъ меня счастье, богатство ожидаетъ, а все-таки мнѣ невыносимо скверно... Такъ скверно, что... кажется...

Лупачевъ.

Ну, философія началась. Пойдемъ въ кабинетъ, тамъ Пьеръ и Жоржъ; насъ четверо, сядемъ играть въ винтъ и развлечемся.

Окоемовъ.

Погоди! *(У двери.)* Паша! *(Входитъ Паша.)*

ЯВЛЕНІЕ ВТОРОЕ.

Окоемовъ, Лупачевъ *и* Паша.

Окоемовъ.

Паша! Не принимать никого.

Паша.

Слушаю-съ...

Окоемовъ.

Принять только Өедора Петровича, если онъ придетъ.

Паша.

Они придутъ-съ. Они каждый день ходятъ.

Окоемовъ.

Такъ ты ему скажи, что меня дома нѣтъ, а дома только барыня, что я уѣхалъ на охоту съ Никандромъ Семеновичемъ и не ворочусь до завтра. Такъ и людямъ скажи. А мы сядемъ играть въ карты и запремся, чтобъ намъ не мѣшали.

Паша.

Слушаю-съ. *(Уходитъ.)*

Окоемовъ *(взглянувъ въ окно).*

А вотъ и Олешунинъ. Легокъ на поминѣ. Кажется, я не ошибся. *(Прислушивается.)* Нѣтъ... Вотъ ужъ онъ въ передней... Разговариваетъ съ Пашей. Идемъ! *(Окоемовъ и Лупачевъ уходятъ въ кабинетъ. Входятъ Олешунинъ и Паша.)*

ЯВЛЕНІЕ ТРЕТЬЕ.

Олешунинъ *и* Паша.

Олешунинъ.

Доложите барынѣ.

Паша.

Сейчасъ доложу-съ. *(Уходитъ.)*

Олешунинъ.

Наконецъ! *(Смотритъ въ зеркало и поправляется.)* Впрочемъ, что̀ же наружность? Это вздоръ. *(Разсматриваетъ волосы.)* Конечно, при всей моей скромности, я не могу себѣ отказать во многихъ достоинствахъ... ну, тамъ... умъ и прочее.... Но любопытно, что̀ собственно во мнѣ ей понравилось? *(Входитъ Зоя.)*

ЯВЛЕНІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

Олешунинъ *и* Зоя.

Зоя *(потупляясь и шопотомъ).*

Вы получили мое письмо?

Олешунинъ *(цѣлуя руку Зои, шутливо).*

А развѣ вы писали? *(Серьезно.)* Нѣтъ, я шучу. Получилъ.

Зоя *(потупясь).*

Мнѣ совѣстно вамъ въ глаза смотрѣть.

Олешунинъ.

Нѣтъ, что̀ же... я этого ожидалъ... Рано или поздно, это должно было случиться.

Зоя.

Но все-таки... какъ хотите... я замужняя женщина... я не должна была открывать своихъ чувствъ.

Олешунивъ *(съ важностью).*

Отчего же? Конечно, ваше письмо въ рукахъ какого-нибудь фата... это другое дѣло... А я серьезный человѣкъ.

Зоя.

Вы не удивились... садитесь, пожалуйста. *(Садится на кресло.)*

Олешунинъ.

Помилуйте! Чему же удивляться? *(Очень свободно садится на диванъ.)* Я себѣ цѣну знаю, Зоя Васильевна. Вѣдь гдѣ же этимъ господамъ Пьерамъ и Жоржамъ понять меня! Оттого они и позволяютъ себѣ разныя глупыя шутки. Но я на нихъ не претендую; они слишкомъ мелки. Вотъ теперь посмотрѣли бы они на меня!

Зоя.

Ахъ, что̀ вы говорите? Вы подумайте! Вѣдь у меня мужъ... Наша любовь требуетъ тайны.

Олешунинъ.

Да, тайны, тайны. Помилуйте, развѣ я не понимаю... Только вѣдь обидно... Я въ секретѣ, въ самомъ глубокомъ секретѣ буду таить... Но за что̀ же такія шутки, когда... вотъ меня любятъ... Вѣдь вы меня любите?

Зоя.

Какой вы холодный человѣкъ!

Олешунинъ.

Кто холодный? Я? Нѣтъ, извините... я васъ люблю... я даже очень, очень люблю... *(Молча и сконфуженно смотрятъ другъ на друга.)*

Зоя.

Θедя!

Олешунинъ *(растерявшись).*

А? Что? Θедя... да... *(Стараясь быть развязнымъ.)* Нѣтъ, вотъ что̀, Зоя... Если-бъ теперь вдругъ... луна и тамъ... вдали прудъ... *(Съ паθосомъ.)* Какое блаженство!

Зоя.

Да зачѣмъ намъ луна? Нѣтъ, ты ледъ, ты ледъ! *(Встаетъ съ кресла и бросается на шею Олешунину.)* Θедя, я люблю тебя, люблю...

Олешунинъ.

И я, Зоя, и я... Зоя, ручку! Нѣтъ, знаешь, Зоя, все-таки любовь... въ волшебной обстановкѣ. Это прелесть... Знаешь... когда вся природа ликуетъ...

Зоя *(обнимая Олешунина).*

Θедя, Θедя! *(Входятъ Окоемовъ, Лупачевъ, Пьеръ и Жоржъ.)*

ЯВЛЕНІЕ ПЯТОЕ.

Олешунинъ, Зоя, Окоемовъ, Лупачевъ, Пьеръ *и* Жоржъ.

Зоя *(присматриваясь къ Олешунину).*

Ахъ, Θедя, спаси меня! Онъ меня убьетъ. *(Прячется на диванъ за Олешунина.)*

Олешунинъ *(растерявшись).*

Что̀ это? Какъ? Но позвольте... *(Встаетъ съ дивана. Зоя тихо уходитъ въ дверь направо.)*

Окоемовъ.

Ну, что̀ тутъ за разговоры? *(Обращаясь къ Лупачеву, Пьеру и Жоржу.)* Вотъ, господа, вы видѣли. Кажется, этого для васъ довольно, чтобъ составить понятіе о вѣрности моей супруги?

Лупачевъ.

Чего-жъ еще! *(Пьеръ и Жоржъ утвердительно кланяются.)*

Окоемовъ.

Господа, теперь вы, нисколько не грѣша противъ совѣсти, можете показать даже подъ присягой, что поведеніе моей жены не безукоризненно.

Лупачевъ.

Нѣтъ, этого мало. Я смѣло скажу, что оно преступно. *(Пьеру и Жоржу.)* Согласны, господа?

Пьеръ.

Совершенно согласенъ.

Жоржъ.

Безъ всякихъ сомнѣній.

Окоемовъ.

Благодарю! Господа, я пригласилъ васъ... я хотѣлъ весело провести время съ друзьями; но случай натолкнулъ насъ на эту печальную сцену; я не думаю, чтобы дальнѣйшее присутствіе въ этомъ безславномъ домѣ было для васъ пріятно. Я и самъ бы бѣжалъ изъ дому, но я, къ несчастію, одно изъ дѣйствующихъ лицъ этой семейной драмы; я долженъ буду выслушивать разныя объясненія; я обязанъ выпить чашу до дна. Господа, оставьте меня наединѣ съ моимъ позоромъ!

Лупачевъ *(подавая руку Олешунину).*

Прощай, бѣдный другъ мой! *(Уходитъ. Пьеръ и Жоржъ подаютъ руки, раскланиваются и уходятъ.)*

ЯВЛЕНІЕ ШЕСТОЕ.

Окоемовъ, Олешунинъ *и* Зоя.

Олешунинъ.

Милостивый государь! Тутъ одно недоразумѣніе: хотя жена ваша дѣйствительно предпочитаетъ меня другимъ, но въ этомъ ничего преступнаго нѣтъ.

Окоемовъ *(холодно).*

Я знаю.

Олешунинъ.

И все-таки, если вамъ угодно, я готовъ дать вамъ удовлетвореніе.

Окоемовъ.

Какое тутъ еще удовлетвореніе? Ничего этого не нужно. Напротивъ, я вамъ очень благодаренъ.

Олешунинъ.

Но это дѣло не можетъ кончиться иначе, какъ дуэлью.

Окоемовъ.

Чтò за дуэль? Вотъ еще! Охота мнѣ свой лобъ подъ пулю подставлять.

Олешунинъ.

А! Такъ вы трусъ? Нѣтъ, я требую, непремѣнно требую.

Окоемовъ.

Никакой дуэли не будетъ; зачѣмъ? А вотъ со мной револьверъ: не хотите ли, я лучше васъ такъ убью. Это мнѣ ничего не стóитъ. И меня оправдаютъ. Знаете, чтò адвокатъ будетъ говорить?

Олешунинъ.

Оставьте шутки! Я ихъ не люблю.

Окоемовъ.

Нѣтъ, оно интересно. Адвокатъ скажетъ: горячій, благородный человѣкъ застаетъ въ домѣ обольстителя и, въ благородномъ негодованіи, въ горячкѣ, въ изступленіи, убиваетъ его. Можно ли обвинить его? Онъ дѣйствовалъ въ состояніи невмѣняемости! — Ну, чтò-жъ вы молчите? Вамъ не угодно, чтобъ я убилъ васъ? Такъ уходите! Вызывать на дуэль могу я! Но я васъ не вызываю, а благодарю.

Олешунинъ.

Какая благодарность? За чтò?

Окоемовъ.

Вотъ видите ли: намъ нужно было разойтись; это ужъ наши расчеты. Я долго искалъ человѣка, который бы былъ такъ легкомысленъ...

Олешунинъ *(грозя пальцемъ).*

Ссс-ъ! Безъ оскорбленій!

Окоемовъ.

Я не говорю ничего оскорбительнаго; я говорю только: „легкомысленъ“. Но какъ же назвать того человѣка, который повѣритъ, что Зоя можетъ прельститься имъ, имѣя такого мужа, какъ я? Вотъ нашлись вы, и я вамъ очень благодаренъ.

Олешунинъ.

Ну, такъ, нѣтъ-съ! Не нужно мнѣ вашей благодарности. Я крови хочу, крови!... Я завтра же пришлю къ вамъ моихъ секундантовъ.

Окоемовъ.

Милости просимъ! Я прогоню ихъ, какъ васъ.

Олешунинъ.

Я не позволю играть надъ собой. *(Наступаетъ на Окоемова; тотъ хладнокровно вынимаетъ изъ кармана карманный пистолетъ. Олешунинъ отступаетъ и идетъ къ двери.)*

Окоемовъ *(ласково).*

Прощайте! *(Подойдя къ двери.)* Эй! Кто тамъ? Проводите господина Олешунина. *(Входитъ Зоя.)*

ЯВЛЕНІЕ СЕДЬМОЕ.

Окоемовъ *и* Зоя.

Зоя.

Ахъ, кабы ты могъ чувствовать, Аполлонъ, какая это пытка! Ну, что̀, мой милый, хорошо я сыграла свою роль?

Окоемовъ *(сухо).*

Да, такъ хорошо, что можно усомниться, роль ты играла или дѣйствительно любишь Олешунина.

Зоя.

Значитъ, хорошо?

Окоемовъ.

Не мѣшало бы и хуже; никто тебя не заставлялъ быть очень натуральной.

Зоя.

Ты ревнуешь, мой милый. Какъ я рада! Значитъ, ты меня любишь.

Окоемовъ.

Погоди радоваться. Ты не забывай, что ты говоришь съ мужемъ, который сейчасъ только видѣлъ тебя въ объятіяхъ чужого человѣка.

Зоя.

Да несчастный... Аполлонъ, Аполлонъ... что̀ ты?... Вѣдь ты самъ меня заставилъ, ты меня упрашивалъ.

Окоемовъ.

То-то вотъ, что ты ужъ очень скоро меня послушалась. Это-то и подозрительно.

Зоя.

Ты и умолялъ, и грозилъ... Ты знаешь, съ какимъ я отвращеніемъ...

Окоемовъ.

Съ отвращеніемъ ли? Кто-жъ это знаетъ? Женщинѣ, которая такъ ловко умѣетъ обниматься съ посторонними мужчинами, какъ-то плохо вѣрится.

Зоя.

Зачѣмъ ты такъ говоришь? *(Въ изнеможеніи опускается на диванъ.)* Зачѣмъ, Аполлонъ, зачѣмъ, зачѣмъ?

Окоемовъ.

А за тѣмъ, чтобы ты поняла, наконецъ, что ты вся въ моихъ рукахъ: что̀ я захочу, то съ тобой и сдѣлаю. Пора перестать сентиментальничать-то.

Зоя.

Я ничего не понимаю.

Окоемовъ.

Что̀ ты такое? Женщина безъ состоянія, опозоренная; сегодня же весь городъ узнаетъ о нашемъ позорѣ, и мнѣ оттолкнуть тебя съ презрѣніемъ даже выгодно. И я это непремѣнно сдѣлаю, если ты вздумаешь мѣшать мнѣ.

Зоя *(съ трепетомъ)*.

Аполлонъ, Аполлонъ! Я боюсь... Мнѣ страшно... Ты совсѣмъ не тотъ... ты другой человѣкъ.

Окоемовъ.

Тотъ же или другой — это все равно; люди мѣняются съ обстоятельствами. Нужда всему научитъ. Кто меня осудитъ, если я брошу и совсѣмъ забуду тебя? Ты будешь жаловаться, плакать, увѣрять, что я обманулъ тебя. Кто-жъ повѣритъ тебѣ?

Зоя.

Ты убиваешь меня! Перестань, перестань! Заговори со мной попрежнему, съ прежней лаской... Вѣдь мнѣ страшно, мнѣ кажется, что я теряю... хороню тебя! Ахъ, ахъ!... Ну, улыбнись мнѣ, мой милый! Пожалѣй меня, вѣдь я женщина... Гдѣ же силы, гдѣ же силы, другъ мой?...

Окоемовъ.

Оставь нѣжности! Не до нихъ... Ты меня разъ послуша-

лась, и ужъ теперь ты въ такомъ положеніи, что должна слѣпо повиноваться мнѣ; иначе ты погибнешь.

Зоя.

Да я тебя слушаюсь. Приказывай. *(Опускается съ дивана на колѣни и складываетъ руки.)* Я раба твоя.

Окоемовъ.

Ахъ! Пожалуйста, безъ глупостей... Сядь! *(Зоя садится на диванъ въ полномъ отчаяніи.)* Прежде всего помни, что мы теперь чужіе... *(Зоя слабо вскрикиваетъ.)* Примиреніе возможно... Мы еще можемъ быть друзьями, но только съ однимъ условіемъ.

Зоя.

Говори, говори! Я впередъ на все согласна.

Окоемовъ.

Я требую отъ тебя, чтобъ ты бросила всѣ эти нѣжности и сентиментальности и поступила благоразумно.

Зоя.

Благоразумно? Женщинѣ съ чувствомъ это трудно; но изволь, я буду принуждать себя.

Окоемовъ.

Потомъ, надо бросить всѣ эти предразсудки, тамъ долги разные, приличія и обязанности, которыми вы себя опутываете, какъ цѣпями. Живи, Зоя, какъ живутъ люди дѣловые, практическіе; они не очень-то разборчивы на средства, когда добиваются чего-нибудь большого, существеннаго.

Зоя.

Говори, милый, яснѣе! Я тебя слушаю со всѣмъ вниманіемъ.

Окоемовъ.

Тебѣ есть случай жить богато, весело и постоянно пользоваться моей дружбой. Глядя на тебя, я бы радовался... Моя совѣсть была бы спокойнѣе, потому что причина всего твоего горя — я! *(Зоя слушаетъ съ напряженнымъ вниманіемъ.)* А тутъ я видѣлъ бы тебя опять богатой, любимой. Отчего тебѣ не сойтись съ Лупачевымъ? Онъ такъ тебя любитъ. Полюби и ты его!

Зоя *(вскрикиваетъ).*

Ахъ! *(Хватаетъ щипцы отъ камина и бросается на мужа.)*

Окоемовъ.

Чтò ты, чтò ты?

Зоя.

Ахъ, извини! *(Щипцы падаютъ изъ рукъ ея.)* Ты меня заставилъ притворяться... Притворяться я могу... но быть безчестной, нѣтъ... Какъ ты смѣлъ... какъ ты смѣлъ!...

Окоемовъ.

Зоя, Зоя, успокойся, тише!

Зоя.

Нѣтъ, я не могу, я не могу; ты тутъ... *(показывая на грудь)* разорвалъ все... Мнѣ надо прійти въ себя... надо одуматься... послѣ... *(Идетъ къ двери.)*

Окоемовъ.

Зоя, Зоя, выслушай!

Зоя *(у двери).*

Нѣтъ, нѣтъ, я пойду... Прощай! Чтò я говорю... Нѣтъ, я подумаю...

Окоемовъ *(идетъ за ней).*

Зоя, ну, извини! Я грубо выразился!

Зоя.

Прощай! То-есть, я пойду, подумаю... Не ходи за мной... *(Оборачивается, беретъ Окоемова одной рукой за лицо, пристально смотритъ на него. Покачавъ головой.)* Красавецъ! *(Уходитъ въ дверь направо. Окоемовъ дѣлаетъ нѣсколько шаговъ къ двери.)*

Занавѣсъ.

ДѢЙСТВІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

ЛИЦА:

Сосипатра.
Лупачевъ.
Лотохинъ.
Сусанна.
Окоемовъ.
Зоя.
Пьеръ.
Иванъ, лакей Сосипатры Семеновны.

Небольшая, но изящно убранная и меблированная гостиная; по срединѣ закрытая богатой портьерой дверь въ другую гостиную; направо (отъ актеровъ) дверь во внутреннія комнаты.

ЯВЛЕНІЕ ПЕРВОЕ.

Лупачевъ *и* Сосипатра *выходятъ изъ средней двери.*

Лупачевъ.

Послушай, сестра! Чтò за дама пріѣхала къ тебѣ вчера поздно вечеромъ?

Сосипатра.

Чтò тебѣ за интересъ знать, кто эта дама? Мало ли ихъ, проѣздомъ въ деревню, останавливаются у меня.

Лупачевъ.

Она долго пробудетъ у тебя?

Сосипатра.

Да тебѣ-то чтò? Она сегодня же уѣзжаетъ въ имѣніе. Я не захотѣла, чтобъ она стояла въ гостиницѣ и перевезла ее къ себѣ.

Лупачевъ.

Кто-жъ она такая? Не секретъ, я думаю.

Сосипатра.

Не секретъ, да не хочетъ она, чтобъ знали о ея пріѣздѣ. Не хочетъ, чтобъ ей надоѣдали визитами.

Лупачевъ.

Да не Оболдуева?

Сосипатра.

Ахъ, отстань, пожалуйста! Ну, хоть и Оболдуева, тебѣ-то что̀ за дѣло?

Лупачевъ.

А въ такомъ случаѣ у меня къ тебѣ будетъ просьба.

Сосипатра.

Какая еще?

Лупачевъ.

И ты должна будешь ее исполнить, потому что это первая и послѣдняя; никогда я къ тебѣ ни съ какими просьбами не обращался и не обращусь.

Сосипатра.

Да говори, что̀ такое?

Лупачевъ.

Если Оболдуева здѣсь или будетъ здѣсь, познакомь съ ней Окоемова и доставь ему случай видѣться съ ней tête-à-tête!

Сосипатра.

Зачѣмъ это она ему?

Лупачевъ.

А кто-жъ его знаетъ? Значитъ, надо. Чужая душа потемки.

Сосипатра.

Ужъ именно потемки. Да у всѣхъ-то у васъ души темненькія.

Лупачевъ.

Ну, я къ тебѣ не за моралью пришелъ. Такъ ужъ, пожалуйста! Я тебя прошу. Ты и мнѣ сдѣлаешь большое, очень большое одолженіе.

Сосипатра.

Тебѣ-то что̀ нужно? Тоже потемки?

Лупачевъ.

Это зависитъ отъ взгляда: по вашему — потемки, а по нашему — ясный день. Такъ, пожалуйста, Сосипатра. *(Идетъ къ двери.)*

Сосипатра.

Хорошо! *(Идетъ за нимъ. Лупачевъ уходитъ. Сосипатра, открывъ портьеру, видитъ Лотохина.)* Пожалуйте сюда, Наумъ Ѳедотовичъ! *(Входитъ Лотохинъ.)*

ЯВЛЕНІЕ ВТОРОЕ.

Сосипатра *и* Лотохинъ.

Сосипатра.

Салонъ у меня — тамъ *(указываетъ въ гостиную)*, а эта комната для друзей, для интимныхъ и дѣловыхъ бесѣдъ.

Лотохинъ.

Какія дѣла-то, Сосипатра Семеновна!

Сосипатра.

Ахъ, и не говорите! Я давно знаю этихъ господъ, а такого поступка отъ нихъ не ожидала. Вѣдь это злодѣйство! Я наплакалась на Зою. Мнѣ было обидно вообще за женщину: нельзя же такъ ругаться надъ чистой привязанностью, надъ женскимъ сердцемъ, надъ нашимъ добрымъ именемъ! *(Плачетъ.)* Я сразу догадалась, что главнымъ двигателемъ тутъ мой братецъ любезный. Окоемовъ дѣйствуетъ по его указаніямъ. Зоя всегда нравилась брату; онъ зубами скрипѣлъ, когда она вышла за Окоемова.

Лотохинъ.

Нѣтъ, ужъ не защищайте и Окоемова!

Сосипатра.

Ему оправданія нѣтъ. Если-бъ его присудили въ Сибирь, я бы не очень пожалѣла. Я говорю только, что Окоемовъ, по натурѣ, не золъ; онъ еще не безнадежно испорченъ; онъ только пустой человѣкъ: съ хорошими людьми и онъ будетъ недуренъ, а съ дурными будетъ негодяй. Бѣдная Зоя совсѣмъ безъ пріюта. Вчера на нее было страшно смотрѣть, а сегодня немного успокоилась.

Лотохинъ.

Да, я знаю: она у меня была; для обезпеченія ея матеріальнаго положенія нужны были нѣкоторыя формальности, нужна была ея подпись подъ бумагами. При такой душѣ она имѣетъ довольно сильный характеръ.

Сосипатра.

Да, характеръ у нея есть.

Лотохинъ.

Она у васъ?

Сосипатра.

У меня: сидитъ въ спальнѣ и не выходитъ. Хороша ея тетенька, Аполлинарія Антоновна! Не могла дать угла племянницѣ; видите ли: у нея какія-то семейныя обстоятельства.

Лотохинъ.

Да жалѣть-то много не о чемъ. Она сама не влюблена ли въ кого на старости лѣтъ?

Сосипатра.

Кажется; похоже на то.

Лотохинъ.

А что̀ моя Сусанна Сергѣевна?

Сосипатра.

Я ее вчера перевезла къ себѣ.

Лотохинъ.

Не скучаетъ она?

Сосипатра.

Да ей некогда еще скучать-то: вчера цѣлый вечеръ проболтали, а нынче встали поздно, да на туалетъ она употребляетъ часа три, — вотъ и все время. Я успѣла ужъ съ ней подружиться: такая милая! Она нѣсколько разъ заговаривала объ Окоемовѣ; но я уклонялась отъ разговора; я увѣряла ее, что его нѣтъ въ городѣ, что онъ въ деревнѣ или на охотѣ, и что его ждутъ сегодня вечеромъ или завтра. Мнѣ нужно только выиграть время.

Лотохинъ.

На что̀ же вы надѣетесь?

Сосипатра.

Я распустила слухъ, что съ часу на часъ жду милліонщицу-невѣсту, Оболдуеву; до Окоемова ужъ дошло, и онъ засылалъ ко мнѣ, чтобъ я ему доставила случай познакомиться съ ней и поговорить наединѣ. Онъ ее никогда не видалъ, а ужъ что̀-то задумываетъ. Теперь пусть Сусанна Сергѣевна съ нимъ увидится; онъ, въ ожиданіи милліоновъ, обдастъ ее такимъ холодомъ, что она совсѣмъ разочаруется.

Лотохинъ.

Тщетныя надежды. Окоемовъ не дуракъ: онъ знаетъ, что лучше синицу въ руки, чѣмъ журавля въ небѣ.

Сосипатра.

У меня другого средства не было; утопающій хватается за соломинку. Можетъ быть, и еще чтȯ-нибудь придумаемъ. А какъ ваши дѣла?

Лотохинъ.

Векселя, при вашемъ содѣйствіи, я выручилъ довольно дешево. Они дѣйствительно были фальшивые. Теперь имѣніе Зои спасено.

Сосипатра.

Ну, слава Богу!

Лотохинъ.

Можно видѣть Сусанну Сергѣевну?

Сосипатра.

Я ее помѣстила здѣсь. *(Показываетъ дверь направо.)* Хотите вызову?

Лотохинъ.

Сдѣлайте одолженіе!

Сосипатра *(у двери)*.

Сусанна Сергѣевна, Наумъ Ѳедотычъ у насъ. *(Голосъ Сусанны: „Иду“. Выходитъ Сусанна.)*

ЯВЛЕНІЕ ТРЕТЬЕ.

Сосипатра, Лотохинъ, Сусанна, *потомъ* Иванъ.

Лотохинъ *(цѣлуя Сусанну)*.

Здравствуй, моя ласточка! Какъ прыгаешь?

Сусанна.

На удивленье! Здорова и весела.

Сосипатра.

Вотъ и кстати, а у насъ тутъ веселый разговоръ идетъ. Для веселаго человѣка пищи много.

Сусанна.

Чтȯ такое? Скажите, пожалуйста! Я очень люблю все веселое.

Сосипатра *(Лотохину)*.

Сказать?

Лотохинъ.

Скажите! Она свой человѣкъ.

Сосипатра

Вотъ видите ли! Я бы должна была молчать изъ чувства мѣстнаго, такъ сказать, губернскаго патріотизма, потому что то, о чемъ мы разговаривали, нисколько не сдѣлаетъ намъ чести, то-есть, главнымъ образомъ, нашей молодежи.

Сусанна.

Молодежи? Ахъ, это очень интересно! Ну, душечка, Сосипатра Семеновна, скажите!

Сосипатра.

Нечего дѣлать, придется накладывать на себя руки и доставлять вамъ, столичной дамѣ, матеріалъ для насмѣшекъ надъ нами, провинціалами.

Лотохинъ.

Только, Сусанна, это секретъ; ты насъ не выдавай.

Сусанна.

Ну, вотъ еще! Ахъ, дядя! Кого я здѣсь знаю, кому мнѣ выдавать васъ! Да хоть бы и знала, такъ развѣ я такая?... Вотъ ужъ я не сплетница-то... Я все держу въ секретѣ и про себя, и про другихъ. Мнѣ только самой посмѣяться, больше ничего.

Сосипатра.

Такъ уговоръ дороже денегъ, потому что я буду называть по фамиліямъ.

Сусанна.

Да кого же я здѣсь знаю?

Сосипатра.

Можетъ быть, кого-нибудь и знаете. Да я вамъ вѣрю. Вотъ въ чемъ дѣло: прошелъ слухъ, въ чемъ я немножко виновата, что сюда пріѣдетъ моя знакомая дѣвица, невѣста съ милліоннымъ приданымъ.

Сусанна.

Кто такая?

Сосипатра.

Купеческая дочь Оболдуева.

Сусанна.

Хорошенькая?

Сосипатра.

То-то, что нѣтъ. Она немного горбата, и у нея черное родимое пятно, покрытое мелкой шерстью.

Сусанна.

На видномъ мѣстѣ?

Сосипатра.

Да, скрыть мудрено. Оно занимаетъ половину лица: лобъ, бровь, лѣвый глазъ и полщеки.

Сусанна.

Ахъ! Вотъ несчастіе! Какое горе!

Лотохинъ.

При милліонахъ-то всякому горю можно помочь; тутъ и родимыя пятна не помѣха.

Сусанна.

Какъ же она людямъ показывается?

Сосипатра.

Дома, при знакомыхъ и родныхъ, она всегда въ полумаскѣ, а когда выѣзжаетъ, такъ надѣваетъ густую вуаль.

Сусанна.

Такъ вы говорите, что она пріѣдетъ?

Сосипатра.

Да, ее ждутъ; и по тому случаю вся ваша молодежь съ ума сошла.

Сусанна.

О такомъ-то уродѣ?

Лотохинъ.

Не объ уродѣ, а объ милліонахъ.

Сосипатра.

Да, убиваются объ этихъ милліонахъ не только холостые, а даже и женатые. Объ чемъ они-то хлопочутъ, я ужъ не понимаю. Развѣ хотятъ съ женами развестись?

Сусанна.

Ктò, ктò женатые? Это любопытно.

Сосипатра.

Да, ужъ я, право, не знаю, говорить ли.

Лотохинъ.

Говорите, не выдадимъ.

Сосипатра.

Да вотъ Аполлонъ Евгеньевичъ Окоемовъ первый.

Сусанна.

Ахъ, нѣтъ, не можетъ быть! Я его знаю, я за него ручаюсь.

Лотохинъ.

Погоди горячиться-то!

Сосипатра.

Поручиться-то за него я не поручусь, а все-таки не думала, что онъ раньше другихъ поинтересуется Оболдуевой.

Сусанна.

А онъ что̀ же?

Сосипатра.

Ужъ два раза присылалъ освѣдомиться, не пріѣхала ли она.

Сусанна.

На что̀ ему? Вотъ ужъ это не понятно. Дядя, вѣдь это совершенно не понятно?

Сосипатра.

Просилъ доставить ему возможность поговорить съ ней наединѣ.

Сусанна.

Ахъ, Сосипатра Семеновна, позвольте, я васъ поймала. Какъ же онъ могъ присылать къ вамъ, коли его въ городѣ нѣтъ?

Сосипатра.

Онъ самъ говорилъ брату, что ѣдетъ на охоту; должно быть, вернулся или остался, совсѣмъ не поѣхалъ.

Лотохинъ.

Какой ему расчетъ на охоту въ болото ѣхать! Бекасовъ да утокъ хоть цѣлый ягташъ настрѣляй, все корысть-то не Богъ вѣсть какая; а тутъ одну птичку подстрѣлилъ — и милліонъ. Любопытно бы послушать, какъ и объ чемъ онъ станетъ съ Оболдуевой разговаривать.

Сосипатра.

Тутъ ничего нѣтъ любопытнаго. Всѣ женатые, когда ухаживаютъ, говорятъ одно и то же. Чтобъ оправдать свой по-

ступокъ и возбудить къ себѣ состраданіе, они обыкновенно жалуются на женъ. *(Сусанна задумывается.)* Будь жена хоть ангелъ, все-таки на нее посыплются всевозможныя обвиненія.

Сусанна *(въ задумчивости).*

А у Окоемова жена развѣ хорошая женщина?

Сосипатра.

Я не говорю, кто изъ нихъ лучше; я мужей съ женами не сужу. Я говорю только, что у всѣхъ женатыхъ одна пѣсенка.

Сусанна.

Ужъ будто непремѣнно онъ будетъ бранить жену свою Оболдуевой? Можетъ быть, онъ объ чемъ-нибудь другомъ хочетъ поговорить съ ней?

Сосипатра.

Не о чемъ больше ему говорить. Хотите, я вамъ слово въ слово передамъ его объясненіе? „Я страдаю, моя душа разбита; мнѣ нужно, чтобъ меня любилъ кто-нибудь. Моя жена не хороша собой, глупа, зла и къ тому же не вѣрна мнѣ. Если вы не можете помочь моему горю, такъ плачьте вмѣстѣ со мной!“ Варіанты, конечно, могутъ быть разные; но тема все одна.

Сусанна *(горячо).*

Да почемъ вы знаете?

Сосипатра.

Имъ говорить больше нечего. Поживите съ мое, такъ вы и узнаете. Я готова съ вами пари держать, что Окоемовъ будетъ именно эти самыя слова говорить. Жаль только, что провѣрить этого нельзя: Оболдуева не пріѣдетъ.

Сусанна.

Ахъ, какъ я желала бы выиграть! Увѣряю васъ, что я выиграла бы непремѣнно? На что̀ будемъ держать пари?

Сосипатра.

Да тутъ дѣло не въ цѣнѣ. Что̀ бы ни выиграть, только выиграть. Тутъ задѣто самолюбіе... Ну, хоть на конфеты.

Сусанна.

Такъ извините, выиграю я. *(Задумывается.)* Мнѣ приходитъ въ голову соблазнительная мысль. Какого роста эта Оболдуева?

Сосипатра.

Почти вашего.

Сусанна.

Она умна, образована?

Сосипатра.

Ни то, ни другое. Изъ жалости, чтобъ ее не мучить и не безпокоить, ее ничему не учили; у нея не было ни учителей, ни гувернантокъ; она едва знаетъ грамотѣ. Время свое она проводитъ большею частью съ няньками и самыми простыми горничными, и переняла у нихъ и тонъ, и манеры, и даже самыя выраженія.

Сусанна.

И тонъ, и выраженія эти я знаю. А какъ она одѣвается?

Сосипатра.

Конечно, богато, только всегда накидываетъ чтò-нибудь на плечи, чтобы скрыть горбъ, а лицо закрываетъ вуалемъ или надѣваетъ маску.

Сусанна.

Подите сюда на минуточку! *(Отводитъ Сосипатру и чтò-то шепчетъ ей.)*

Сосипатра.

Превосходная мысль! Я совершенно одобряю. *(Входитъ Иванъ.)*

Иванъ *(Сосипатрѣ).*

Аполлонъ Евгеньичъ Окоемовъ желаютъ васъ видѣть.

Сусанна.

Такъ я пойду. Дядя, до свиданія!

Лотохинъ.

Еще увидимся; я къ вамъ на цѣлый день. *(Сусанна уходитъ направо.)*

Сосипатра *(Ивану).*

Проси сюда! *(Иванъ уходитъ.)* Дѣло идетъ на ладъ, Наумъ Ѳедотовичъ.

Лотохинъ.

Очень радъ, Сосипатра Семеновна. *(Входитъ Окоемовъ.)*

ЯВЛЕНІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

Сосипатра, Лотохинъ *и* Окоемовъ.

Окоемовъ *(цѣлуя руку Сосипатры)*.

Виноватъ, Сосипатра Семеновна; давно не былъ у васъ, каюсь. То въ Москвѣ, то дѣла. Теперь опять подъ ваше крылышко. *(Обращаясь къ Лотохину и подавая ему руку.)* А! это вы! Я заѣзжалъ къ вамъ сегодня; мнѣ нужны нѣкоторые документы.

Лотохинъ.

Все, что̀ вамъ нужно, вы сегодня же получите. Я мѣшать вамъ не буду. Сосипатра Семеновна, я на минуточку отлучусь; есть дѣлишки. Не прощаюсь. *(Уходитъ.)*

Сосипатра.

Какой вѣтеръ занесъ васъ ко мнѣ?

Окоемовъ.

Будто не знаете?

Сосипатра.

Знаю, да плохо вѣрится. Зачѣмъ вамъ Оболдуева? Вы женихомъ быть не можете; вы женаты. Какія же ваши намѣренія?

Окоемовъ.

Не исповѣдуйте! Грѣхи свои, коли они есть у меня, и намѣренія я вамъ объясню послѣ, и вы меня оправдаете. А теперь, если я сто́ю, если въ васъ осталась хоть капля расположенія ко мнѣ, окажите милость.

Сосипатра.

Какую прикажете?

Окоемовъ.

У васъ Оболдуева?

Сосипатра.

Ну, положимъ, у меня; что̀-жъ потомъ?

Окоемовъ.

Я давно добиваюсь съ ней видѣться, да отецъ не позволяетъ; я надѣюсь, что вы будете снисходительнѣе отца. Дозвольте съ ней поговорить!

Сосипатра.

Да вѣдь вы не знакомы.

Окоемовъ.

Это не бѣда; я отрекомендуюсь. Я знаю, что она меня видѣла... Не препятствуйте!

Сосипатра.

Какой вы плутъ, однако!

Окоемовъ.

Слово „плутъ“ отъ васъ не брань, а похвала; потому я и не обижаюсь.

Сосипатра.

Она здѣсь! *(Указываетъ направо.)* Но я хотѣла, чтобъ никто не зналъ о ея короткомъ пребываніи у меня. Смотрите, не проболтайтесь.

Окоемовъ.

Да что̀ вы! Съ какой стати я стану разсказывать? Я вамъ позволяю считать меня плутомъ, но никакъ не дуракомъ; я хочу самъ воспользоваться всѣми выгодами пребыванія здѣсь Оболдуевой; я самъ хочу эксплуатировать этотъ предметъ; такъ какой же расчетъ накликать конкуррентовъ?

Сосипатра.

Откровенно.

Окоемовъ.

Передъ вами-то! Что̀-жъ мнѣ святымъ, что̀ ли, прикидываться? Такъ вѣдь не повѣрите.

Сосипатра.

Не повѣрю. Не хотите ли, чтобъ я сообщила вамъ еще какія-нибудь свѣдѣнія о дѣвицѣ Оболдуевой?

Окоемовъ.

Сдѣлайте одолженіе! Для меня каждая малость дорога; мнѣ все нужно принять въ соображеніе. Во-первыхъ, я забылъ, какъ ее зовутъ.

Сосипатра.

Матрена Селиверстовна. Еще чего не нужно ли?

Окоемовъ.

Все, что̀ ни скажете, для меня чистое золото.

Сосипатра.

Вы ей нравитесь больше всѣхъ нашихъ молодыхъ людей.

Окоемовъ.

Да неужели? Вы не шутите?

Сосипатра.

Нисколько. Она за тѣмъ и пріѣхала, чтобъ повидаться съ вами.

Окоемовъ.

Изъ чего же вы это заключаете?

Сосипатра.

Она сама сказала; она вѣдь откровенна. Она говоритъ: „Я очень богата и въ своихъ чувствахъ стѣснять себя не желаю“.

Окоемовъ.

Какъ это мило съ ея стороны!

Сосипатра.

Теперь не желаете ли, чтобъ я васъ представила ей?

Окоемовъ.

Ужъ осчастливьте до конца, по гробъ не забуду.

Сосипатра *(въ дверь направо)*.

Матрена Селиверстовна, не прячьтесь! Выползайте на свѣтъ Божій. Здѣсь свои. *(Выходитъ Оболдуева.)* *)

ЯВЛЕНІЕ ПЯТОЕ.

Сосипатра, Окоемовъ *и* Оболдуева.

Сосипатра.

Честь имѣю представить вамъ: Аполлонъ Евгеньевичъ Окоемовъ.

Оболдуева.

Да, это они; я ихъ видѣла.

Сосипатра.

Это вашъ гость, а не мой; я могу оставить васъ, не извиняясь. Вы здѣсь хозяйка. *(Уходитъ.)*

---

*) Держитъ себя въ продолженіе всей сцены неподвижно, не позволяя себѣ никакихъ жестовъ, на подобіе изваянія, говоритъ медленно, однимъ тономъ, не повышая и не понижая голоса.

Оболдуева *(садясь).*

Присядьте! Что̀-жъ вы!

Окоемовъ.

Благодарю васъ. *(Садится.)*

Оболдуева.

Ну, что̀-жъ, мы такъ-то сидимъ? Объ чемъ же мы будемъ говорить? Говорите что̀-нибудь! Мнѣ антиресно васъ послушать.

Окоемовъ.

Я давно искалъ случая; но я боюсь наскучить вамъ своими жалобами на судьбу; я человѣкъ несчастный.

Оболдуева.

Да все одно, говорите, что̀ хотите, а я на васъ смотрѣть буду.

Окоемовъ.

Я очень несчастливъ своей женитьбой, я погубилъ себя. Долго распространяться о своихъ горестяхъ я не стану; скажу вамъ коротко: жена моя глупа, и что̀ хуже всего не вѣрна мнѣ. Матрена Селиверстовна! Помочь вы не можете, хоть пожалѣйте меня, хоть поплачьте вмѣстѣ со мной!

Оболдуева.

Жалѣть всѣхъ невозможно, и ежели плакать обо всемъ, такъ слезъ недостанетъ.

Окоемовъ.

Ахъ! Я несчастливъ оттого, Матрена Селиверстовна, что родился съ душой нѣжной, чувствительной.

Оболдуева.

Что̀-жъ, это очень хорошо.

Окоемовъ.

Но моя душа не находитъ отвѣта. Съ горя, съ отчаянія, я хотѣлъ утѣшить себя веселой жизнью: я бросился въ разгулъ, въ общество людей праздныхъ.

Оболдуева.

И частенько таки вы...

Окоемовъ.

Что̀ „частенько“?

Оболдуева.

Запиваете-то?

Окоемовъ.

Я не запиваю.

Оболдуева.

Да вы не лгите, лучше вы мнѣ всю правду... Вы не стыдитесь! Нѣтъ... ежели не надолго да не часто, та̀къ раза два-три въ годъ, такъ это ничего.

Окоемовъ.

Нѣтъ, нѣтъ, не безпокойтесь! Я ищу любви, Матрена Селиверстовна... ищу и не нахожу... Я готовъ полюбить и буду любить всякую женщину. Мнѣ красоты не нужно, мнѣ нужно любящее сердце. Красоту я видалъ, а сердца не находилъ.

Оболдуева.

Вотъ, одно сердце страдаетъ, а другое не знаетъ. Я жила здѣсь въ городѣ, такъ всѣ глаза проглядѣла на васъ, когда бывало дѣлаю проминажъ. Я каждый день дѣлаю проминажъ въ каретѣ и часто встрѣчала васъ на улицѣ. Вотъ тогда я и полюбила васъ за вашу красоту.

Окоемовъ.

Какое несчастіе, что я этого не зналъ! Я бы не женился, не сдѣлалъ этой непростительной глупости.

Оболдуева.

Да ужъ вамъ теперь жениться нельзя и любить постороннюю женщину грѣхъ, потому что вы въ законѣ живете.

Окоемовъ.

Ну, я грѣха не боюсь: я полюблю женщину, если она того сто́итъ и меня любитъ.

Оболдуева.

Это хорошо.

Окоемовъ.

Да я и жениться могу: нужно только развестись съ женой.

Оболдуева.

А это еще лучше, потому крѣпче, и для всякой женщины пріятнѣе. Какое же это сравненіе? Мужъ или другой кто! Мужъ завсегда при тебѣ, никуда не уйдетъ, а другого какъ удержишь? Ежели вамъ на разводъ деньги нужны, такъ я могу дать, сколько потребуется; я за этимъ не постою. Кого я полюблю, такъ тому человѣку очень хорошо; подарки дарю и деньгами даю.

Окоемовъ.

Конечно, что̀ же вамъ сто̀итъ при вашемъ состояніи!

Оболдуева.

У насъ есть молодецъ, просто артельщикъ, по-русски ходитъ, а понравился мнѣ, такъ теперь въ спинжакахъ ходитъ и при часахъ.

Окоемовъ.

Вы, съ вашими средствами, всякаго можете осчастливить.

Оболдуева.

Только вѣдь этого вашего разводу долго ждать.

Окоемовъ.

Съ деньгами скоро сдѣлаемъ.

Оболдуева.

То-то же. Я еще вамъ вотъ что̀ скажу: у меня такой характеръ, коли я кого люблю, чтобы и меня на отвѣтъ любить завсегда, постоянно и аккуратно, и чтобъ никакихъ подлостевъ.

Окоемовъ.

Да помилуйте, какъ это возможно? Ваше расположеніе каждый долженъ за счастіе считать. Вы отъ измѣны застрахованы.

Оболдуева.

Ну, смотрите же, чтобъ никакого даже сумлѣнія не было, чтобъ мнѣ этимъ самымъ сумлѣніемъ не мучиться. А то, я отъ сумлѣнія могу прійти въ разстройство. Такъ сами разсудите, какой же мнѣ антиресъ за свои же деньги себѣ разстройство чувствъ получить?

Окоемовъ.

Совершенно справедливо.

Оболдуева.

И, при всемъ томъ, я въ разстройствѣ бываю ужасно какъ горяча и не только, что всякими бранными словами, но и руками бываю неосторожна. Такъ что меня всѣ домашніе даже очень боятся; потому я въ это время никакой осторожности не наблюдаю, а что̀ подъ руку попало.

Окоемовъ.

Да, конечно, характеры бываютъ разные.

Оболдуева.

Подождите, я подарю вамъ подарокъ. *(Встаетъ.)*

Окоемовъ.

Благодарю васъ. *(Цѣлуетъ руку Оболдуевой.)*

Оболдуева.

Ну, что̀ цѣловать прежде времени. *(Уходитъ. Изъ средней двери выходитъ Сосипатра.)*

ЯВЛЕНІЕ ШЕСТОЕ.

Окоемовъ *и* Сосипатра.

Сосипатра.

Съ чѣмъ поздравить?

Окоемовъ.

Съ полнымъ успѣхомъ. Я блаженствую! Благодарю васъ.

Сосипатра.

За что? Вы меня обижаете. Это ужъ ея и ваше дѣло; я тутъ не при чемъ. И, пожалуйста, вы меня не путайте въ эту исторію. Она моя гостья, она желала васъ видѣть; я изъ гостепріимства не могла отказать ей, а какія у васъ и у нея цѣли и намѣренія, это ужъ до меня не касается.

Окоемовъ.

А вы правду говорили. Она совсѣмъ не воспитана, такая простушка. Это немножко странно на первый взглядъ; но ничего, пожалуй, даже мило.

Сосипатра.

Я эту милую простоту знаю. Она состоитъ въ незнаніи того, что̀ нужно знать, и въ знаніи того, что̀ не нужно знать. Надо быть глубоко безнравственнымъ, чтобы мириться съ такой простотой.

Окоемовъ.

А милліоны-то вы и забыли; милліоны примирятъ со всѣмъ.

Сосипатра.

А у меня въ гостяхъ еще одна ваша знакомая, московская, Сусанна Сергѣевна.

Окоемовъ.

Ахъ, увольте!

Сосипатра.

Да ужъ я ей сказала, что вы здѣсь.

Окоемовъ.

Нельзя ли какъ скрыться незамѣтнымъ образомъ? Скажите, что я къ ней заѣду сегодня же. Гдѣ она остановилась?

Сосипатра.

Чтò вы такъ перепугались? Видно, дѣло-то не чисто?

Окоемовъ.

Нѣтъ, я тутъ ничуть не виноватъ; но она женщина навязчивая; она меня преслѣдуетъ своей любовью.

Сосипатра.

Куда же васъ спрятать, я не знаю. Да вотъ и она! Ужъ выпутывайтесь сами, какъ хотите! *(Изъ средней двери выходитъ Сусанна. Сосипатра уходитъ.)*

ЯВЛЕНІЕ СЕДЬМОЕ.

Окоемовъ *и* Сусанна.

Окоемовъ.

Сусанна Сергѣевна! Какими судьбами?

Сусанна.

Пріѣхала имѣніе закладывать да васъ посмотрѣть.

Окоемовъ.

Развѣ вы не получали моего письма?

Сусанна.

Какого письма?

Окоемовъ.

Я просилъ у васъ извиненія; я просилъ васъ забыть меня и оставить всѣ наши переговоры безъ послѣдствій. Я писалъ вамъ, что я опомнился, что моя любовь къ вамъ не была серьезной страстью, что это было какое-то безотчетное и неразумное увлеченіе, въ которомъ я раскаиваюсь.

Сусанна.

Нѣтъ, вы не раскаиваетесь; вы еще будете раскаиваться. Вы мнѣ ничего не писали и намѣреніе свое вы перемѣнили только сегодня, когда увидали Оболдуеву.

Окоемовъ.

А хоть бы и такъ; какое право вы имѣете требовать отъ меня отчета? Вы не жена моя.

Сусанна.

Ахъ, кстати! Я сейчасъ познакомилась съ женой вашей; она очень милая женщина.

Окоемовъ *(съ испугомъ)*.

Она здѣсь?

Сусанна.

Здѣсь. Чтò? Испугались?

Окоемовъ.

Нѣтъ. Я ничего теперь не испугаюсь; я пойду напроломъ. Слишкомъ великъ кушъ, чтобъ колебаться. Такіе случаи не повторяются въ жизни.

Сусанна.

Ахъ, несчастный, какъ вы глубоко падаете! А главное-то, я изъ-за васъ пари проиграла.

Окоемовъ.

Какое пари?

Сусанна *(печально)*.

Конфеты. Фунтовъ пять купить надо будетъ.

Окоемовъ.

Ну, вотъ горе какое! Велики деньги!

Сусанна.

Хоть и не велики, а все-таки дороже васъ; вы и ихъ не стòите. *(Уходитъ.)*

Окоемовъ.

Чтò же Оболдуева не идетъ съ подаркомъ? Я бы скрылся въ ея комнатѣ. *(Входитъ Пьеръ.)*

ЯВЛЕНІЕ ВОСЬМОЕ.

Окоемовъ, Пьеръ, *потомъ* Иванъ.

Пьеръ.

Аполлонъ, я за тобой. Никандръ Семеновичъ тебя дожидается.

Окоемовъ.

Погоди, Пьеръ! Тамъ жена; а мнѣ не хотѣлось бы съ ней встрѣчаться.

Пьеръ.

Ничего, мы проскользнемъ незамѣтно.

Окоемовъ.

Мнѣ надо подождать немного: я сейчасъ получу значительный кушъ.

Пьеръ.

Интересныя новости! Оболдуева вышла замужъ.

Окоемовъ.

То-есть, скоро выйдетъ, а еще не вышла.

Пьеръ.

Нѣтъ, вышла. У Никандра Семеновича сидитъ ихъ управляющій; онъ говоритъ, что она вышла замужъ на прошлой недѣлѣ за профессора.

Окоемовъ.

За профессора?

Пьеръ.

Бѣлой магіи. Никандръ Семеновичъ говоритъ, что тебѣ сейчасъ надо ѣхать въ Москву и кончать дѣло съ Лундышевой.

Окоемовъ.

Оболдуева здѣсь, говорю тебѣ; я самъ ее видѣлъ.

Пьеръ.

Ты ошибаешься. Справки наведены самымъ тщательнымъ образомъ: у Сосипатры Семеновны остановилась какая-то барыня, пріѣзжая изъ Москвы. Съ ней только одна горничная; я ее видѣлъ — прехорошенькая.

Окоемовъ.

Вотъ эта пріѣзжая-то Лундышева и есть. И я ужъ дѣло испортилъ. *(Входитъ Иванъ.)*

Иванъ *(подавая Окоемову пакетъ).*

Отъ госпожи Оболдуевой. *(Уходитъ.)*

Пьеръ.

Вотъ сейчасъ все дѣло объяснится.

Окоемовъ *(разорвавъ пакетъ).*

Мои письма къ Сусаннѣ Сергѣевнѣ Лундышевой. Я попалъ въ ловушку. *(Молчаніе.)* Нѣтъ, я еще молодъ для крупныхъ операцій. Надо больше хладнокровія... Надо мной насмѣялись, какъ надъ мальчишкой! И вѣдь было замѣтно... вѣдь я чувствовалъ, что тутъ что̀-то не такъ. Милліоны-то меня ужъ очень отуманили, Пьеръ. Кажется, посади передо мной куклу, да скажи, что это Оболдуева, я и то бы сталъ ручки цѣловать. Куда же я гожусь послѣ этого? На серьезное, честное дѣло не способенъ, при большомъ плутовствѣ — теряюсь; остается только мелкое мошенничество.

Пьеръ.

Ты ужъ слишкомъ мрачно смотришь на жизнь.

Окоемовъ.

Теперь только одна надежда на милость жены. Я готовъ подчиниться ея приговору, какъ бы жестокъ онъ ни былъ. Все-таки это лучшій выходъ изъ моего положенія. Пять минутъ тому назадъ, я считалъ себя обладателемъ милліоновъ, а теперь что̀ я? О, съ какой радостью пошелъ бы я теперь въ лакеи самому себѣ! Безподобное существованіе: у безпутнаго барина лакею житье отличное. Если жалованье получаешь не всегда аккуратно, зато доходы есть и воровать можно, сколько угодно. Потребности небольшія; пиджакъ съ баринова плеча производитъ на горничныхъ дѣйствіе поразительное; всегда веселъ и никакой отвѣтственности ни передъ совѣстью, ни передъ обществомъ. Чѣмъ не жизнь? *(Портьера открывается; входятъ Сосипатра, Зоя, Сусанна и Лотохинъ.)*

ЯВЛЕНІЕ ДЕВЯТОЕ.

Окоемовъ, Пьеръ, Сосипатра, Зоя, Сусанна *и* Лотохинъ.

Сосипатра.

Такъ тонутъ маленькія дѣти,
Купаясь жаркою порой.

Зоя Васильевна! Я отмстила за васъ; теперь оскорбленіе, нанесенное вамъ, заглажено, если не въ вашемъ сердцѣ, такъ въ общественномъ мнѣніи. Я мстила вообще за женщину; а

за себя расправляйтесь, какъ знаете! Позоръ, которымъ они хотѣли покрыть васъ, обратился на ихъ голову. Русскій человѣкъ любитъ посмѣяться надъ ближнимъ и смѣется безжалостно. Вотъ пусть они попробуютъ теперь показаться куда-нибудь въ публичное мѣсто; они оцѣнятъ силу и мѣткость русскаго остроумія. А ваше несчастіе послужитъ намъ урокомъ: другая и призадумается передъ замужествомъ-то, и не кинется, очертя голову, на шею первому встрѣчному.

Лотохинъ.

Нѣтъ, я съ вами не согласенъ. Для женщины уроковъ нѣтъ... Мало ли было подобныхъ исторій, а женщины все тѣ же.

Сосипатра.

Ну, по крайней мѣрѣ, у насъ въ городѣ или хоть въ нашемъ кружкѣ этотъ случай послужитъ предостереженіемъ.

Лотохинъ.

Едва ли.

Пьеръ *(Окоемову)*.

Поѣдемъ! Пора!

Сосипатра.

Куда вы торопитесь?

Пьеръ.

У насъ торжественный завтракъ. Мы къ Аполлинаріи Антоновнѣ; она выходитъ замужъ за Жоржа.

Лотохинъ.

Ну, вотъ извольте полюбоваться. Вотъ вамъ и уроки! Бабѣ пятьдесятъ лѣтъ, выходитъ замужъ чуть не за мальчика и рада-радехонька.

Сосипатра.

Ну, ужъ теперь я молчу. Я завтра же уѣду въ деревню на все лѣто.

Сусанна.

И я тоже.

Лотохинъ.

А мы къ тебѣ съ Зоей Васильевной въ гости.

Сусанна.

Милости просимъ.

Лотохинъ.

Выпишемъ твоего полковника, да и обвѣнчаемъ васъ.

Сусанна.

Я его боюсь: онъ очень уменъ.

Лотохинъ.

Ну, это бѣда небольшая. Поживете вмѣстѣ и сравняетесь.

Сусанна.

Ты думаешь, я поумнѣю?

Лотохинъ.

Ну, это рѣдко бываетъ. А скорѣе онъ поглупѣетъ, какъ поживетъ съ тобой. Вотъ и будете пара. *(Окоемову.)* Вы желаете получить документы? Изъ нихъ я могу возвратить вамъ только довѣренность Зои Васильевны; остальные вамъ не принадлежатъ. А довѣренность я вамъ отдамъ съ большимъ удовольствіемъ, потому что она ужъ формально уничтожена. Я бы вамъ совѣтовалъ уединиться въ деревню годика на два, на три и заняться хозяйствомъ, чтобы поправить тѣ ущербы, которые вы нанесли имѣнію. Управлять тамъ будетъ новый управляющій, а вы будете только присматривать и помогать ему. Впрочемъ, какъ вамъ угодно.

Зоя.

А я, какъ и всегда, хочу заплатить вамъ за зло добромъ. *(Отдаетъ Окоемову пакетъ.)* Вотъ ваши векселя; я ихъ выкупила. Вы боялись отвѣтственности; эти векселя лежали тяжелымъ гнетомъ на душѣ вашей; въ тревогѣ, въ страхѣ вы готовы были даже на преступленіе. Теперь вамъ бояться нечего; ничто васъ не тянетъ въ пропасть; передъ вами открыты всѣ дороги, и хорошія, и худыя, и вы совершенно свободны въ выборѣ.

Окоемовъ.

Векселя! О, какое великодушіе! Зоя, ты ангелъ!

Зоя.

Вы меня пугали разлукой, и я ея очень боялась; теперь я сама желаю разлуки. Любить мужчину только за красоту я уже считаю безнравственнымъ. Вчера я перенесла ужасную пытку, и эта пытка отрезвила меня. Если-бъ вы съ уваженіемъ, котораго я заслуживаю, съ любовью, которой я стóю, сказали мнѣ: „Зоя, я гибну, ты мѣшаешь моему счастью спаси меня“! — я бы не винила васъ, и кто знаетъ, какъ бы

я поступила. Я способна на самоотверженіе: я вамъ это доказала. Вы говорили со мной не какъ мужъ, не какъ любящій человѣкъ, а какъ неисправимый, наглый развратникъ. Добрая, честная женщина способна на безконечную преданность, способна прощать мужу его недостатки, пороки, переносить незаслуженныя оскорбленія; въ горькихъ обстоятельствахъ терпѣнію ея нѣтъ конца; но знайте, что есть границы, за которыя честная женщина не перейдетъ никогда. Постарайтесь, я не говорю исправиться, постарайтесь найти въ своей душѣ хоть что̀-нибудь доброе, честное, и я опять полюблю васъ и все остальное прощу вамъ; отъ васъ зависитъ, чтобъ разлука наша не была вѣчной. Всякій хорошій поступокъ вашъ будетъ приближать васъ ко мнѣ и всякій дурной — отдалять отъ меня. Я ужъ не убѣждаю васъ, а прошу васъ... вы видите мои слезы... постарайтесь быть порядочнымъ человѣкомъ и доставьте мнѣ счастье опять полюбить васъ. Прощайте!

БЕЗЪ ВИНЫ ВИНОВАТЫЕ.

КОМЕДІЯ ВЪ ЧЕТЫРЕХЪ ДѢЙСТВІЯХЪ.

ДѢЙСТВІЕ ПЕРВОЕ.

(Вмѣсто пролога.)

ЛИЦА:

Любовь Ивановна Отрадина, дѣвица благороднаго происхожденія.
Таиса Ильинична Шелавина, дѣвица, товарка Отрадиной.
Аннушка, горничная Отрадиной.
Арина Галчиха, мѣщанка.
Григорій Львовичъ Муровъ, молодой человѣкъ изъ губернскихъ чиновниковъ.

Дѣйствіе въ губернскомъ городѣ.

Комната небогатой квартиры на самомъ краю города. Двери справа и слѣва во внутреннія комнаты; въ глубинѣ окно и входная дверь. Мебель простая, но приличная; въ комнатѣ чисто и уютно.

ЯВЛЕНІЕ ПЕРВОЕ.

Отрадина *сидитъ за столомъ и шьетъ воротничокъ;* Аннушка *подлѣ нея шьетъ платье.*

Аннушка *(откусываетъ нитку).*

Вотъ, барышня, и готово. Сами скроили, сами и сшили, не хуже другой портнихи.

Отрадина.

Да, разумѣется, не хуже.

Аннушка.

И какое безподобное платье вышло!

Отрадина.

Ну, ужъ и безподобное!... Нѣтъ, вотъ я вчера къ портнихѣ за выкройкой для воротничка ходила, такъ видѣла платье... вотъ тò, такъ ужъ дѣйствительно безподобное! Таисѣ Ильиничнѣ подвѣнечное шьютъ.

Аннушка.

Слышала я, слышала, а платья не видала. Небось, дорогое?

Отрадина.

Да, дорогое; рублей шестьсотъ, коли не больше стóитъ.

Аннушка.

Ай, чтò вы? Шестьсотъ?... Шесть такихъ бумажекъ сотельныхъ?

Отрадина.

Да, вѣдь, бѣлый фай; сколько тутъ его пошло? Да настоящія брюссельскія кружева.

Аннушка.

Шесть сотельныхъ! Ай, ай, ай, ай!... Да на эти деньги можно все приданое сшить, хорошей барышнѣ, благородной можно сдѣлать, а она только одно платье.

Отрадина.

Чтò-жъ ей не щеголять, коли она такъ богата?

Аннушка.

Все-жъ бы ей надо хоть немножко постыдиться, не вдругъ свое богатство-то показывать.

Отрадина.

Чтò ты за вздоръ болтаешь!

Аннушка.

Да ужъ очень мудреныя дѣла-то на свѣтѣ творятся.

Отрадина.

Чтò тутъ мудренаго? Самое обыкновенное дѣло: деньги ей достались по наслѣдству отъ богатыхъ родственниковъ.

Аннушка.

Да какъ же это такъ по наслѣдству, коли у нея, окромя двухъ тетокъ, и родственниковъ-то нѣтъ.

Отрадина.

Это ты почемъ знаешь?

Аннушка.

Слухомъ земля полнится.

Отрадина.

Много вѣдь и пустяковъ говорятъ, Аннушка.

Аннушка.

Нѣтъ, ужъ чего не было, такъ говорить не станутъ. Кому нужно? Бѣдно вѣдь жили здѣсь Таиса-то Ильинична съ своей тетенькой, всѣ ихъ знали, а я такъ и очень хорошо; время-то недавнее, всего три года. А познакомился тогда съ ними богатый баринъ, старичокъ, изъ Сибири пріѣхалъ, золотыхъ песковъ тамъ у него, говорятъ, много, ну, и увезъ ихъ отсюда... Тетка-то изъ Москвы сейчасъ же и вернулась, а Таиса Ильинична поѣхала съ нимъ на теплыя воды. Тамъ старикъ-то и померъ, да и отказалъ всѣ свои деньги и всѣ пески золотые Таисѣ Ильиничнѣ; вотъ она и разбогатѣла. Пріѣхала сюда, да теперь шику и задаетъ. Тетка-то у нея теперь какъ замѣсто прислуги.

Отрадина.

А ты дѣвушка молоденькая, ты не все говори, что̀ слышишь; стыдно.

Аннушка.

Что̀-жъ за стыдъ, коли правда! Стыдно-то не тому, кто говоритъ, а тому, кто дѣлаетъ.

Отрадина.

Все-таки лучше помолчать. Она мнѣ товарка; мы съ ней вмѣстѣ учились. Мы и до сихъ поръ знакомы.

Аннушка.

Такъ развѣ она васъ понимать можетъ, развѣ она цѣнитъ ваше знакомство-то? Вотъ ужъ съ мѣсяцъ она къ вамъ и не заглянетъ.

Отрадина.

Ей некогда: она теперь хлопочетъ, замужъ выходитъ.

Аннушка.

Что и замужъ-то выходитъ, вы отъ портнихи узнали. А еще пріятельницей называется! А ей бы прежде всего къ вамъ:

такъ и такъ, молъ, думаю замужъ выйти вотъ за такого-то. Какъ посовѣтуешь? Вотъ какъ добрые-то люди дѣлаютъ!

Отрадина.

А за кого она выходитъ, ты не слыхала?

Аннушка.

Кто говоритъ за офицера, а кто за особыхъ порученіевъ.

Отрадина.

Какихъ... особыхъ порученіевъ?

Аннушка.

Чиновники такіе есть. Вотъ бы свадьбу-то посмотрѣть, — да вѣнчаться будутъ, говорятъ, въ имѣніи, пятьдесятъ верстъ по желѣзной дорогѣ, да тамъ верстъ двадцать въ сторону.

Отрадина.

Откуда ты такія свѣдѣнія получаешь?

Аннушка.

Мы скорѣе вашего все узнаемъ. Я отъ мастерицъ у портнихи слышала. Кабы дѣло-то чисто было, такъ не стала бы вѣнчаться въ деревнѣ, точно украдкой.

Отрадина.

И все-таки не нужно объ ней дурно говорить; такими разговорами можно дѣло разстроить, помѣшать.

Аннушка.

Помѣшаешь ей! Да кто-жъ на ея капиталъ не польстится, какая бы она ни была! Нѣтъ, такимъ-то всегда счастье, а хорошія барышни жди да пожди. Вотъ вы скоро-ль дождетесь хорошаго жениха? Другой бы, можетъ, и взялъ; вотъ хоть бы, напримѣръ, Григорій Львовичъ, да...

Отрадина.

Что̀ „да“?

Аннушка.

Да приданаго нѣтъ.

Отрадина.

Такъ ты думаешь, что только за тѣмъ и дѣло стало?

Аннушка.

А то за чѣмъ же? Нынче народъ-то какой? Только денегъ и ищутъ, а не хотятъ того понимать, что коли у васъ при-

данаго нѣтъ, такъ вы зато изъ хорошаго роду, образованіе имѣете, всякое дѣло знаете. А что ваши родители померли, да вамъ ничего не оставили, такъ кто-жъ этому виноватъ?

Отрадина.

Такъ, такъ; отлично ты разсуждаешь. А вотъ погоди, и я разбогатѣю, такъ замужъ выйду.

Аннушка.

А что̀-жъ мудренаго вамъ разбогатѣть? У васъ есть бабушка богатая.

Отрадина.

Во-первыхъ, она очень дальняя родня, а во-вторыхъ, у нея прямыхъ наслѣдниковъ много. Да кстати, она писала мнѣ изъ деревни, что сегодня будетъ въ городѣ, такъ заѣдетъ ко мнѣ чай пить. Надо кипяченыхъ сливокъ изготовить: она до смерти любитъ. Нѣтъ, я и такъ, безъ бабушекъ разбогатѣю.

Аннушка.

Съ уроковъ-то разбогатѣете? Это въ нашей сторонѣ-то? Невозможно этому быть.

Отрадина.

Да, правда твоя; здѣсь сторона купеческая, образованіе не въ ходу.

Аннушка.

На что̀ имъ ученье? Они съ капиталами, при всемъ своемъ полномъ невѣжествѣ, прожить могутъ.

Отрадина.

А не разбогатѣю, такъ, можетъ быть, и безъ приданаго добрый человѣкъ возьметъ. Какъ ты думаешь? У меня такой есть на примѣтѣ...

Аннушка.

Дай-то Богъ! Только вѣдь и мужчины-то нынче...

Отрадина.

А что̀?

Аннушка.

Да сначала очень завлекательны, а потомъ часто бываютъ даже и очень обманчивы.

Отрадина.

А ты почемъ знаешь?

Аннушка.

Да вѣдь я живой тоже человѣкъ, развѣ не вижу, что̀ на свѣтѣ-то дѣлается!... *(Складываетъ платье.)* Въ шкафъ, что̀ ли, повѣсить?

Отрадина.

Оставь тутъ! Я его еще разъ примѣряю и спрячу.

Аннушка.

Такъ пойти за свое дѣло приняться. У насъ въ кухнѣ-то никого нѣтъ, не вошелъ бы кто.

Отрадина *(взглянувъ въ окно)*.

Ты прежде отопри; Григорій Львовичъ идетъ; а потомъ ужъ и ступай за своимъ дѣломъ. *(Аннушка отпираетъ, впускаетъ Мурова и уходитъ въ дверь направо.)*

ЯВЛЕНІЕ ВТОРОЕ.

Отрадина *и* Муровъ.

Отрадина *(встрѣчая Мурова)*.

Ахъ, мой милый, какъ я рада!...

Муровъ.

Здравствуй, Люба... Ты, должно быть, сегодня рано встала; ужъ и одѣта, и причесана, точно ждешь кого.

Отрадина.

Чему ты удивляешься, я не понимаю; я всегда такъ встаю. Да вѣдь ты самъ сказалъ, что придешь ко мнѣ сегодня рано; тебѣ нужно о чемъ-то поговорить со мной.

Муровъ.

Ахъ, да, я и забылъ совсѣмъ. Да, точно, я вѣдь говорилъ тебѣ.

Отрадина.

Да ты что̀-то и всегда сталъ рано приходить ко мнѣ, какъ будто боишься кого.

Муровъ.

Ахъ, Боже мой! Разумѣется, боюсь, только не за себя, а за тебя. Очень просто, — я не хочу, чтобъ про тебя дурно говорили.

Отрадина.

Благодарю, мой милый, благодарю! Однако, ты прежде этого не боялся. Да вѣдь ужъ развѣ скроешься? Ужъ и теперь мнѣ намекаютъ: „скоро ли, барышня, Григорій Львовичъ женится на васъ?“ Лучше бы не прятаться, а эти толки прекратить.

Муровъ.

Ужъ чего бы лучше, но, къ несчастью, мой другъ, это пока не возможно.

Отрадина.

Какъ не возможно? Почему? Чтò ты говоришь? Я не могу этому повѣрить.

Муровъ.

Маменька не согласится; да и согласится ли она хоть когда-нибудь, я не знаю, а я безъ ея воли шага шагнуть не смѣю.

Отрадина.

Чтò же ей нужно?

Муровъ.

Ей нужно, чтобъ я женился на дѣвушкѣ богатой и съ сильной родней.

Отрадина.

Все это новости для меня; я тебя знаю четыре года, а ты мнѣ ни слова.

Муровъ.

У меня до сихъ поръ и разговора съ маменькой объ этомъ не было.

Отрадина.

Да какъ же такъ? Ты не имѣлъ права молчать, ты обязанъ былъ говорить обо мнѣ.

Муровъ.

Чтò-жъ дѣлать!.. Виновато во всемъ мое воспитаніе; я человѣкъ забитый, загнанный. Извини меня, — ну, я просто боялся. Но наконецъ, мнѣ надоѣло быть постоянно подъ опекой. Ты сама посуди. Я совершеннолѣтній, а не смѣю ступить шагу безъ позволенія, не смѣю ничѣмъ распорядиться; каждый рубль долженъ просить у нея.

Отрадина.

Ну, ну!...

Муровъ.

Я сталъ просить ее, чтобъ она отдѣлила мнѣ часть имѣнія или дала приличное содержаніе: тысячи три-четыре въ годъ. Она сказала, что не дастъ мнѣ ни гроша, пока я не женюсь по ея выбору.

Отрадина.

Ну, что̀ же ты, что̀ же ты?

Муровъ.

Ахъ, не спрашивай меня, пожалуйста! У меня голова кругомъ идетъ.

Отрадина.

Но ты пойми же, что мнѣ нужно знать навѣрное твои намѣренія, твои мысли; иначе мнѣ жить нельзя.

Муровъ.

Мои намѣренія?

Отрадина.

Да, да, твои намѣренія.

Муровъ *(смущенный)*.

Ну, что̀ же... Ну, ты ихъ знаешь... Могу ли я, въ состояніи ли я?... Моя обязанность...

Отрадина.

Ну, да, да! Я надѣюсь, что ты твердо знаешь свою обязанность. Мнѣ нельзя сомнѣваться въ тебѣ, а то пытка вѣдь это, пытка... Ты долженъ помнить каждую минуту, что у насъ есть сынъ. Ты рѣдко его видишь, а я вчера была у Галчихи. Вѣдь онъ ужъ понимать начинаетъ. Ласкается ко мнѣ, мамой, мамочкой зоветъ. А онъ врозь со мной, онъ у женщины необразованной, корыстолюбивой... Я измучилась, я ночи не сплю, мнѣ все думается: сытъ ли онъ, покойно ли онъ спитъ. Гриша! Ты хоть бы поглядѣлъ на него, полюбовался. Что̀ это за ангелъ!

Муровъ.

Ты очень любишь нашего Гришу?

Отрадина *(съ удивленіемъ)*.

Еще бы. Что̀ за вопросъ? Разумѣется, люблю, какъ только можно любить, какъ нужно любить матери.

Муровъ.

Да, да... Конечно... А что̀, Люба, если вдругъ этотъ несчастный ребенокъ останется безъ отца?

Отрадина.

Какъ безъ отца?

Муровъ.

Ахъ, Боже мой! Вѣдь все можетъ случиться. Я ѣзжу много, могутъ меня лошади разбить, ну, тамъ... на желѣзной дорогѣ что̀-нибудь случится.

Отрадина.

Да что̀ за разговоры, помилуй! Что̀ ты меня мучить пришелъ сегодня, что̀ ли?

Муровъ.

Ахъ, Люба, всегда надо предполагать худшее, чтобъ быть готовымъ. Ну, вотъ я и думаю: что̀ ты будешь дѣлать съ Гришей, если меня съ вами не будетъ?

Отрадина.

Ахъ, отстань, пожалуйста! Пожалѣй мои нервы!

Муровъ.

Охъ, нервы, нервы! Вотъ то-то и горе наше, что у васъ нервы очень слабы.

Отрадина.

Если ты спрашиваешь серьезно, такъ я тебѣ отвѣчу. Ты не безпокойся: онъ нужды знать не будетъ. Я буду работать день и ночь, чтобы у него было все, все, что̀ ему нужно. Развѣ я могу допустить, чтобъ онъ былъ голоденъ или не одѣтъ? Нѣтъ, у него будутъ и книжки, и игрушки, да, игрушки, дорогія игрушки. Чтобы все, что̀ у другихъ дѣтей, то и у него. Чѣмъ же онъ хуже? Чѣмъ онъ виноватъ? Ну, а не въ силахъ буду работать, захвораю тамъ, что̀ ли... ну, что̀-жъ, ну, я не постыжусь для него... я буду просить милостыню. *(Плачетъ.)*

Муровъ.

Ахъ, Люба, что̀ ты, что̀ ты!

Отрадина.

Да вѣдь ты самъ спрашиваешь, ты самъ хочешь, чтобъ я говорила. Чего-жъ ты ждалъ отъ меня, какого другого отвѣта? Неужели ты предполагалъ, что я его брошу?

Муровъ.

Ахъ, бѣдная! Извини меня! У меня и въ помышленіи не было разстраивать тебя. Оставимъ эти разговоры, поговоримъ о чемъ-нибудь другомъ.

Отрадина.

Ахъ! да, пожалуйста, о другомъ. Сдѣлай милость.

Муровъ.

Чтò ты подѣлываешь?

Отрадина.

Вотъ платье шила.

Муровъ.

Кому это?

Отрадина.

Себѣ.

Муровъ.

Хорошенькое?

Отрадина.

Дешевенькое. Для меня и это хорошо: у меня золотыхъ пріисковъ нѣтъ.

Муровъ.

Зато ты сама чистое золото. Да про какіе ты пріиски говоришь?

Отрадина.

А вотъ про какіе! Вчера я видѣла платье, вотъ такъ ужъ роскошь! Подвѣнечное съ блондами.

Муровъ.

Чье же это?

Отрадина.

Таисы Ильиничны Шелавиной.

Муровъ.

Какъ? чтò? Чтò ты говоришь?

Отрадина.

Я говорю: Таисы Ильиничны. Ты развѣ ее знаешь?

Муровъ.

Нѣтъ, такъ... слыхалъ про нее.

Отрадина.

Она хорошенькая и богатая, не то чтò я. А была бѣдная дѣвочка; мы съ ней давно знакомы, вмѣстѣ учиться бѣгали.

Муровъ.

Неужели?

Отрадина.

Лѣнивая такая была и училась плохо, а вотъ разбогатѣла, и мужа нашла. Еще дѣвчонкой она насъ удивляла...

Муровъ.

Чѣмъ же?

Отрадина.

А тѣмъ, что стыда въ ней какъ-то мало было. А сердце все-таки у нея доброе, надо правду сказать. Не видались мы съ ней года три, а встрѣтила меня чуть не со слезами, два раза была у меня, предлагала денегъ... Я не взяла, разумѣется. А вотъ что̀ хорошо: она обѣщаетъ доставить мнѣ два урока и постоянную работу. Это для меня очень важно; я могу не тратить моего маленькаго капитала, могу поберечь его для сына... а, можетъ быть, и на приданое. Послушай! Покажи меня своей матери; я могу ей понравиться; у меня есть способности. Я здѣсь заглохла. Я, если захочу, могу блеснуть и умомъ, и своими знаніями, и очаровать старуху.

Муровъ.

Да, да, я не сомнѣваюсь.

Отрадина.

Ну, вотъ и прекрасно! Я недавно познакомилась съ однимъ семействомъ, тамъ бываетъ и твоя мать.

Муровъ.

Все это очень хорошо, но только не теперь, какъ-нибудь впослѣдствіи.

Отрадина.

Отчего же?

Муровъ.

Да вотъ что̀, мой другъ! Я долженъ сообщить тебѣ не совсѣмъ пріятную новость...

Отрадина.

Что̀ еще? Говори скорѣй! Что̀ за мученье мнѣ сегодня!

Муровъ.

Не бойся! Ничего особеннаго. Намъ надо будетъ разстаться на время.

Отрадина.

Зачѣмъ?

Муровъ.

Я ѣду.

Отрадина.

Ѣдешь! Куда же?

Муровъ.

Въ Смоленскую губернію, потомъ въ Петербургъ, по дѣламъ маменьки.

Отрадина.

Надолго?

Муровъ.

Я и самъ еще не знаю, мѣсяца на два, а, можетъ быть, и больше. Какъ дѣло кончится въ сенатѣ... Я ужъ и отпускъ взялъ.

Отрадина.

Когда же ты отправляешься?

Муровъ.

Сегодня вечеромъ.

Отрадина.

Такъ скоро? Чтò-жъ ты меня не предупредилъ? Я совсѣмъ не приготовилась; я была такъ весела сегодня, не думала о разлукѣ съ тобой, и вдругъ такое горе! *(Плачетъ.)*

Муровъ.

Ну, чтò за горе? Объ чемъ же плакать? Я, можетъ быть, ворочусь очень скоро.

Отрадина.

А Гриша? Тебѣ не жаль его?

Муровъ.

Да развѣ ему твоей любви мало? Да чтò, въ самомъ дѣлѣ, умирать, чтò ли, я сбираюсь? Ну, перестань же! Мнѣ и такъ не легко разставаться съ тобой, а какъ ты еще расплачешься...

Отрадина.

Ну, хорошо, ну, я перестану. *(Ласкаясь.)* Ты вѣдь не долго будешь такъ мучить меня? Скоро мы съ тобой уже совсѣмъ разлучаться не будемъ? А? скоро? Ну, говори же!

Муровъ.

Да, конечно, скоро.

Отрадина.

Ахъ, бѣдный! Довольно ли у тебя денегъ на дорогу-то?

Муровъ.

Довольно! Будетъ съ меня.

Отрадина.

Не вѣрю, не вѣрю; твоя матушка не очень расщедрится. *(Достаетъ изъ стола бумажникъ.)* Вотъ возьми рублей сто, бери и больше, пожалуй. Мнѣ не нужно, я получу за уроки, да у меня будетъ работа. Что̀ же мнѣ дѣлать безъ тебя? Буду работать отъ скуки.

Муровъ.

Да нѣтъ же, не могу я и не хочу брать деньги у тебя.

Отрадина.

Отчего же это? Развѣ я тебѣ чужая? Развѣ мы не обязаны дѣлиться другъ съ другомъ? Да послушай! *(Пристально смотритъ на Мурова.)* Ты меня не любишь или хочешь оставить?

Муровъ.

Что̀ за вздоръ тебѣ лѣзетъ въ голову!

Отрадина.

Такъ возьми... Неужели же бы ты не взялъ отъ жены своей! Ну, это мой подарокъ тебѣ!

Муровъ.

Изволь, я возьму. Только, если я увижу, что у меня своихъ денегъ будетъ довольно, ты ужъ позволь мнѣ возвратить тебѣ твой подарокъ.

Отрадина.

Ну, тамъ видно будетъ. А вотъ еще, мой другъ, возьми этотъ медальонъ. *(Снимаетъ съ своей шеи медальонъ.)* Носи его постоянно. Тутъ волосы нашего Гриши: онъ тебѣ будетъ напоминать о насъ.

Муровъ *(беретъ медальонъ).*

Изволь, изволь, мой другъ.

Отрадина.

Ахъ, какое мученье, какое мученье!

Муровъ.

А коли мученье, такъ надо его кончить поскорѣй. Прощай, Люба, я ѣду!

Отрадина.

Погоди! Вспоминай обо мнѣ почаще, пиши мнѣ!

Муровъ.

Непремѣнно, непремѣнно. О комъ же мнѣ и помнить, какъ не о тебѣ!

Отрадина.

Какъ пріѣдешь въ Петербургъ, такъ напиши.

Муровъ.

Разумѣется, сейчасъ же напишу.

Отрадина.

Ну, прощай! Поѣзжай съ Богомъ! *(Обнимаетъ его.)*

Муровъ.

Довольно, Люба, довольно! *(Взглянувъ въ окно.)* Что̀ это? Кто-то подъѣхалъ въ каретѣ.

Отрадина *(взглянувъ въ окно)*.

Шелавина; это ея карета.

Муровъ *(съ испугомъ)*.

Ахъ, какъ это непріятно!

Отрадина.

Да что̀ за бѣда? Что̀ ты такъ тревожишься? Ея бояться нечего; она осуждать не станетъ.

Муровъ.

Какъ не бояться? Нѣтъ, я не хочу, чтобъ она меня здѣсь видѣла. Это невозможно! Она такая болтливая.

Отрадина.

Такъ ты ее знаешь? А говорилъ, что не знакомъ съ ней.

Муровъ.

Мнѣ говорили, я слышалъ... Она идетъ, спрячь меня!

Отрадина.

Да зачѣмъ прятаться? Это странно.

Муровъ.

Ахъ, вотъ... я уйду въ эту комнату. *(Уходитъ въ дверь налѣво.)*

Отрадина.

Пожалуй; только я не понимаю... *(Входитъ Шелавина съ коробкой въ рукахъ.)*

ЯВЛЕНІЕ ТРЕТЬЕ.

Отрадина *и* Шелавина.

Шелавина.

Здравствуй, душка!

Отрадина.

Здравствуй, Таиса! Чтò у тебя за коробка?

Шелавина.

Платье подвѣнечное. Я вѣдь замужъ выхожу; развѣ я тебѣ не говорила?

Отрадина.

Нѣтъ. Да я знаю, я слышала; я и платье-то видѣла у портнихи.

Шелавина.

Вотъ прелесть-то! Чудо, какъ хорошо! Не хочешь ли поглядѣть его на мнѣ? Вотъ я сейчасъ, тутъ у тебя, и надѣну его. *(Хочетъ раздѣваться.)*

Отрадина.

Не надо, зачѣмъ? Еще, пожалуй, войдетъ кто-нибудь.

Шелавина.

Такъ пойдемъ къ тебѣ въ спальню! *(Идетъ къ двери налѣво.)*

Отрадина.

Да не нужно, говорю тебѣ. Я и такъ знаю, что хорошо.

Шелавина.

Ну, не надо, такъ не надо. Чтò ты такая сегодня? Лѣвой ногой съ постели встала, должно быть.

Отрадина.

Чтò-то нездоровится, да и встала рано, работала сидѣла. *(Показываетъ платье.)*

Шелавина.

Себѣ платье шила? Ахъ, ты бѣдная! Я прыгаю, веселюсь, а она вонъ работаетъ сидитъ. Какъ судьба-то не справедлива! Ты лучше меня въ тысячу разъ и умнѣе, а живешь бѣдно; а я вотъ, ни съ того, ни съ сего, разбогатѣла.

Отрадина.

Какъ же это ни съ того, ни съ сего?

Шелавина.

Да, конечно. Свалилось богатство нежданно-негаданно; сошелъ человѣкъ, на старости лѣтъ, съ ума и наградилъ. Спасибо ему, я его всегда буду добромъ поминать; по его милости я какъ разъ и мужа нашла.

Отрадина.

Поздравляю тебя!

Шелавина.

Не съ чѣмъ, душечка!

Отрадина.

Развѣ ты не любишь своего жениха?

Шелавина.

Да какъ его любить-то? Шутъ его знаетъ, что̀ онъ за человѣкъ. Словамъ его я не вѣрю, да и вѣрить-то имъ нельзя.

Отрадина.

Богатъ?

Шелавина.

Какое богатство! Голь перекатная!

Отрадина.

Значитъ, хорошъ собой?

Шелавина.

Ну, нельзя сказать; такъ себѣ.

Отрадина.

Такъ хорошей фамиліи, въ большихъ чинахъ?

Шелавина *(смѣется)*.

Да, въ чинахъ. Ваше высоко-ничего, вотъ и весь его чинъ.

Отрадина.

Такъ на что̀-жъ ты польстилась? Для чего идешь за него замужъ?

Шелавина.

Вотъ я тебѣ объясню, для чего. Я теперь стала богата, а жить-то по богатому не умѣю. То-есть, умѣю только деньги по магазинамъ развозить, на это у меня ума хватаетъ; а какъ вести счеты да расчеты, да управлять имѣніемъ, я аза въ глаза не знаю. Достались мнѣ акціи да билеты; вотъ я поверчу, поверчу ихъ передъ глазами, да опять положу; а сколько тутъ денегъ, ни въ жизнь мнѣ не счесть. Считать-то я учи-

лась по пальцамъ, а тутъ пальцевъ-то и не хватаетъ. А съ имѣніями-то да заводами что̀ я стану дѣлать? Положиться на управляющихъ да на приказчиковъ, такъ они сейчасъ мою премудрость постигнутъ и будутъ обирать, какъ имъ угодно. А теперь я въ барышахъ: управляющій даромъ, да онъ же и мужъ, человѣкъ молодой, ловкій. Чего-жъ мнѣ еще? Да къ тому же онъ еще клятву далъ изъ повиновенія не выходить.

Отрадина.

Однако, у тебя будетъ мужъ хорошій, почтительный.

Шелавина.

Ну, какой бы ни былъ, а ужъ у насъ дѣло слажено. Послѣ свадьбы мы сейчасъ поѣдемъ въ Петербургъ; онъ перейдетъ туда на службу; я еще молода, не дурна собою; посмотри, какихъ мы дѣловъ надѣлаемъ.

Отрадина.

Твой женихъ чиновникъ?

Шелавина.

Да, чиновникъ.

Отрадина.

А гдѣ служитъ?

Шелавина.

Не знаю, право. Такъ болтается гдѣ-то, у начальника на посылкахъ, должно быть. Да вотъ, не хочешь ли, я тебѣ покажу его? Со мной карточка.

Отрадина.

Покажи, покажи!

Шелавина.

Кажется, я ее въ карманъ сунула. *(Шаритъ въ карманѣ.)* Да вотъ она. Измялась немножко. *(Подаетъ карточку Отрадиной.)* Вотъ гляди!

Отрадина *(взглянувъ на карточку).*

Ахъ! ахъ!

Шелавина.

Что̀ съ тобой?

Отрадина.

Ничего, я оперлась рукой на столъ и накололась на булавки.

Шелавина.

Ахъ, бѣдная! Больно тебѣ?

Отрадина.

На, возьми. *(Отдаетъ карточку.)*

Шелавина.

Ну, что̀, каковъ?

Отрадина.

Не знаю, что̀ сказать тебѣ. Наружность у людей такъ обманчива. *(Опускается на стулъ.)*

Шелавина.

Да, это правда. Но если онъ обманетъ меня, такъ ему же хуже. Со мной шутки плохи. Я вѣдь не поцеремонюсь, я его, милаго дружка, Григорія Львовича, и за дверь вытолкаю. Однако, мнѣ пора. Я бы и посидѣла у тебя, да пропасть хлопотъ въ городѣ. Пріѣзжай на свадьбу, сдѣлай милость!

Отрадина.

Нѣтъ, нѣтъ, благодарю тебя.

Шелавина.

Милая моя, ты нездорова. Поди ложись; я тебѣ пришлю доктора. Если тебѣ что̀ нужно, ты только скажи мнѣ, пришли ко мнѣ; я для тебя все готова... Ну, прощай, милая, голубка! *(Цѣлуетъ Отрадину и уходитъ. Отрадина провожаетъ ее до дверей; потомъ, едва держась на ногахъ, подходитъ къ столу, опирается на него правой рукой и съ напряженіемъ смотритъ на дверь спальни. Въ двери показывается Муровъ.)*

Отрадина *(указывая на среднюю дверь.)*

Уходите!

Муровъ.

Любушка, выслушай!

Отрадина.

Уходите!

Муровъ *(подавая деньги)*.

Твои деньги...

Отрадина *(беретъ деньги и кладетъ на столъ)*.

Уходите, говорю я вамъ! *(Входитъ Галчиха.)*

ЯВЛЕНІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

Отрадина, Муровъ, Галчиха, *потомъ* Аннушка.

Отрадина.

Что̀ ты, Архиповна?

Галчиха.

Къ вамъ, матушка.

Отрадина.

Какъ же ты ребенка бросила? Зачѣмъ ты въ городѣ?

Галчиха.

Да, матушка *(утираетъ фартукомъ слезы)*, ребеночекъ-то...

Отрадина.

Что̀, что̀?

Галчиха.

Помираетъ, матушка.

Отрадина.

Какъ? Что̀? Аннушка, Аннушка! *(Аннушка показывается въ двери справа.)* Платокъ, платокъ! Да бѣги за извозчикомъ.

Галчиха.

Да я на извозчикѣ. *(Аннушка уходитъ.)*

Отрадина.

Что̀ же, что̀ же? Говори, ради Бога! Онъ вчера здоровъ былъ.

Галчиха.

Вдругъ, матушка... Захрапитъ, захрапитъ, да весь почернѣетъ.

Отрадина.

Доктора, скорѣй доктора!

Галчиха.

Докторъ у насъ, матушка. Тутъ земскій пріѣхалъ къ намъ въ слободу, такъ я его позвала. Онъ меня и послалъ.

Отрадина.

Что̀-жъ онъ говоритъ? *(Входитъ Аннушка съ платкомъ.)*

Галчиха.

Дурно, говоритъ, самая болѣзнь опасная. *(Утираетъ слезы.)* Часу, говоритъ, не проживетъ.

Отрадина *(беретъ платокъ и покрывается).*

Побѣжимъ, побѣжимъ! *(Мурову.)* Ну, теперь вы совсѣмъ свободны.

Муровъ.

Я за вами поѣду. *(Уходятъ.)*

Занавѣсъ.

ДѢЙСТВІЕ ВТОРОЕ.

ЛИЦА:

Елена Ивановна Кручинина, извѣстная провинціальная актриса.
Нилъ Стратоновичъ Дудукинъ, богатый баринъ
Нина Павловна Коринкина, актриса.
Арина Архиповна Галчиха.
Григорій Незнамовъ, ***Шмага*** — артисты провинціальнаго театра.
Иванъ, слуга въ гостиницѣ.

Комната въ гостиницѣ, прилично меблированная, съ каминомъ; въ глубинѣ дверь въ коридоръ; справа (отъ актеровъ) дверь въ другую комнату. Между первымъ и вторымъ дѣйствіями проходитъ семнадцать лѣтъ.

ЯВЛЕНІЕ ПЕРВОЕ.

Иванъ *стираетъ пыль съ мебели;* Дудукинъ *отворяетъ дверь.*

Дудукинъ *(въ дверяхъ).*

Можно войти?

Иванъ.

Пожалуйте, сударь, Нилъ Стратонычъ!

Дудукинъ *(входя съ кулькомъ въ рукахъ).*

Что̀, Елена Ивановна встала?

Иванъ.

Ужъ и кофею накушались.

Дудукинъ.

Спроси, приметъ ли она меня?

Иванъ.

Да онѣ уѣхамши-съ.

Дудукинъ.

Эка досада! А я ей чаю привезъ, только получили съ ярмарки, и икры зернистой стерляжьей: она любитъ очень.

Иванъ.

Понимаю-съ. Пожалуйте, я дѣвушкѣ отдамъ. Вы, сударь, Нилъ Стратонычъ, подождите ихъ; онѣ скоро будутъ. *(Беретъ кулекъ, уходитъ въ дверь направо и сейчасъ же возвращается.)*

Дудукинъ.

А куда она поѣхала?

Иванъ.

Къ губернатору-съ.

Дудукинъ.

Зачѣмъ?

Иванъ.

Не могу знать-съ. Надо полагать, насчетъ бенефисту-съ, такъ какъ актеры и актрисы, которые ежели... такъ ужъ первымъ долгомъ завсегда-съ...

Дудукинъ.

Что̀ ты врешь! Какой бенефисъ? О бенефисѣ еще и разговору нѣтъ. Про бенефисы я всегда прежде всѣхъ знаю. Съ кѣмъ поѣхала? Со Степкой?

Иванъ.

Со Степкой-съ.

Дудукинъ.

На пристяжкѣ караковая?

Иванъ.

Караковая-съ.

Дудукинъ.

То-то же! А то у него соврасенькая есть, такъ та пуглива и задомъ бьетъ, того гляди черезъ постромку ногу перекинетъ. Съ мужчиной ѣдетъ — ну, ничего, а женщина — сосудъ скудельный. Нервы у нихъ.

Иванъ.

Какъ можно, помилуйте! Сохрани Богъ!

Дудукинъ.

А зелень у васъ къ столу есть какая-нибудь?

Иванъ.

Какая ужъ зелень у насъ! Одинъ салатъ, да и тотъ больше какъ въ родѣ кожи. Нешто у насъ заведеніе настоящее? Тоже, развѣ мало слышимъ брани-то отъ пріѣзжающихъ! А мы при чемъ тутъ, коли хозяинъ безъ понятія.

Дудукинъ.

Ну, такъ я вамъ пришлю и салату, и цвѣтной капусты. Подавайте только одной Еленѣ Ивановнѣ; на всѣхъ гостей я вамъ не поставщикъ. Такъ повару и скажи!

Иванъ.

Слушаю. Да что̀ вамъ, сударь, безпокоиться? Вѣдь ужъ если нашъ хозяинъ не знаетъ, что̀ для хорошихъ господъ требуется, такъ никому вреда, кромѣ какъ себѣ.

Дудукинъ.

Да вѣдь это свинство, любезный другъ!

Иванъ.

Ужъ это какъ есть, въ полной формѣ.

Дудукинъ.

Актриса знаменитая!

Иванъ.

Да-съ, которые господа видѣли, такъ ужасно какъ ихнюю игру одобряютъ, даже внѣ себя приходятъ.

Дудукинъ.

Мнѣ до вашего хозяина дѣла нѣтъ, да за нашъ городъ-то стыдно: мы здѣшніе обыватели. Гдѣ-нибудь, въ другомъ губернскомъ городѣ, будетъ Елена Ивановна говорить, что и помѣстить-то, и накормить-то не умѣли; пріятно это намъ будетъ! *(Входитъ Коринкина. Иванъ уходитъ.)*

ЯВЛЕНІЕ ВТОРОЕ.

Дудукинъ *и* Коринкина.

Коринкина.

А! Вы здѣсь! Ну, да, конечно, гдѣ же вамъ и быть!

Дудукинъ.

Ахъ, красавица моя!

Коринкина.

Чтò такое за красавица! Чтò за фамильярность! У меня есть имя и отчество!

Дудукинъ.

Позвольте вамъ доложить, Нина Павловна, что вы напрасно гнѣваться изволите. Я даже обязанъ быть здѣсь.

Коринкина.

Скажите, пожалуйста! Обязанъ! Зачѣмъ это, позвольте васъ спросить?

Дудукинъ.

Пріѣхала извѣстная артистка; она въ первый разъ въ нашемъ городѣ, никого здѣсь не знаетъ; я, какъ представитель здѣшней интеллигенціи...

Коринкина.

Ахъ, оставьте глупости! Какая интеллигенція! Просто появилась новая юбка въ городѣ, вотъ вы и растаяли! *(Со смѣхомъ.)* Обязанности! Отличныя у васъ обязанности!

Дудукинъ.

Ревнуете, безцѣнная моя?

Коринкина.

Ревновать васъ? Не смѣшите пожалуйста! Мнѣ просто стыдно за васъ: какъ увидите женщину, такъ и губы распустите. О, противность какая!

Дудукинъ.

Вы только за этимъ и пріѣхали сюда, мое блаженство?

Коринкина.

Опять вы „мое блаженство"! *(Топаетъ ногой.)* Ну, слушайте. У меня сейчасъ собираются нѣкоторые артисты: мы хотимъ серьезно поговорить объ одномъ дѣлѣ, и вы должны тутъ присутствовать. Я васъ вездѣ искала, по всему городу ѣздила...

Дудукинъ.

Чтò же это за конгрессъ у васъ собирается, и объ чемъ дебаты будутъ?

Коринкина.

Вы слышали, что̀ вчера надѣлалъ Незнамовъ?

Дудукинъ.

Не только слышалъ, но почти былъ свидѣтелемъ этого назидательнаго спектакля; немного опоздалъ, о чемъ весьма сожалѣю.

Коринкина.

Онъ въ буфетѣ, во время спектакля, избилъ Мухобоева.

Дудукинъ.

И прекрасно сдѣлалъ!

Коринкина.

Да вѣдь Мухобоевъ почтенный человѣкъ: онъ градскимъ головою хотѣлъ быть.

Дудукинъ.

Какъ ему не хотѣть! Да общество-то захочетъ ли?

Коринкина.

Да вѣдь это два бель-этажа и нѣсколько креселъ въ бенефисъ. Онъ теперь и въ театръ не заглянетъ. Вотъ мы и собираемся писать письмо Мухобоеву, что Незнамова мы нашимъ товарищемъ не признаемъ и будемъ требовать отъ антрепренера его увольненія. Да и я не хочу, чтобы Незнамовъ вмѣстѣ со мной служилъ.

Дудукинъ.

Да вы-то, что̀ такъ ужъ очень гнѣваетесь на него, мое очарованіе?

Коринкина.

Ахъ, онъ не выносимъ, не возможенъ! У него острый и злой языкъ и самый дурной характеръ; какъ только артисты сойдутся вмѣстѣ, особенно если ему попадетъ лишняя рюмка, такъ и пошелъ, и пошелъ... и ужъ непремѣнно придерется къ кому-нибудь. А какія онъ вещи говоритъ женщинамъ! Невыносимо, невыносимо! Такъ бы вотъ и убила его!

Дудукинъ.

Обижаетъ васъ, сочиняетъ про васъ небылицу, выдумываетъ? За это, дѣйствительно, убить слѣдуетъ.

Коринкина.

Да положимъ, что и не выдумываетъ; пожалуй, все это правда, что̀ онъ говоритъ; да зачѣмъ? Кто его проситъ? Онъ

моложе всѣхъ въ труппѣ, ему ли учить! Мы собираемся, чтобъ провести время весело, а совсѣмъ не за тѣмъ, чтобъ слушать его проповѣди. Коли что̀ знаешь, такъ и знай про себя. Онъ только отравляетъ наше общество. Какъ я рада буду, если мы отъ него отдѣлаемся! Такой молодой, еще совсѣмъ мальчикъ и такой раздражительный.

Дудукинъ.

Раздражали его, такъ онъ сталъ раздражительный. А ему-то самому жизнь сладка ли, спросите?

Коринкина.

Пожалуйста, не заступайтесь. Вы здѣсь останетесь, конечно? Вотъ вамъ полчаса сроку для разговоровъ съ Кручининой, впрочемъ, и четверти часа довольно. Потомъ заѣдете за моими ботинками въ магазинъ и въ кондитерскую за конфетами, и въ 12 часовъ, чтобъ у меня, ни раньше, ни позже! Слышите, въ 12 часовъ! Если вы опоздаете хоть пять минутъ, то дверь будетъ заперта для васъ.

Дудукинъ.

И надолго?

Коринкина.

Навсегда! Я съ вами затолковалась, а меня Миловзоровъ на дрожкахъ дожидается.

Дудукинъ.

Безъ провожатыхъ не можете?

Коринкина.

Ужъ не ревность ли? Вотъ еще новости! Вѣдь онъ у насъ первый любовникъ въ театрѣ; мы съ нимъ каждый день въ любви объясняемся; пора бы вамъ привыкнуть.

Дудукинъ.

Такъ ужъ пускай бы онъ вашимъ любовникомъ только на сценѣ и оставался. Вы въ провожатые лучше комиковъ берите, съ ними веселѣе.

Коринкина.

Это вамъ веселье-то нужно, вы только пустяками и занимаетесь, а я женщина серьезная! Такъ сказано вамъ, что въ 12 часовъ, чтобъ такъ и было! До свиданья!

Дудукинъ.

Ну, что̀ ужъ, — на крыльяхъ прилечу! *(Коринкина уходитъ. Входитъ Иванъ.)*

ЯВЛЕНІЕ ТРЕТЬЕ.

Дудукинъ, Иванъ, *потомъ* Кручинина.

Иванъ.

Елена Ивановна пріѣхали.

Дудукинъ.

Вотъ и прекрасно! *(Входитъ Кручинина.)*

Кручинина.

Нилъ Стратоновичъ, очень рада васъ видѣть. Извините, я васъ на минуточку оставлю, шляпку сниму.

Иванъ.

Тутъ артисты васъ два раза спрашивали.

Кручинина.

Какіе?

Иванъ.

Не такъ, чтобы очень, не изъ первыхъ сортовъ.

Кручинина.

Гдѣ-жъ они?

Иванъ.

Здѣсь на билліардѣ играютъ.

Кручинина.

Ну, пускай играютъ, пригласи ихъ послѣ. *(Уходитъ въ дверь направо.)*

Дудукинъ.

Какъ же тебѣ, братецъ, не стыдно; ты артистовъ не знаешь.

Иванъ.

Какъ ихъ? О, чтобъ... И помнилъ да забылъ. Одинъ-то даже въ чужомъ пальтѣ, не по росту ему, съ большого человѣка надѣто.

Дудукинъ.

Шмага?

Иванъ.

Онъ, онъ самый! *(Входитъ Кручинина. Иванъ уходитъ.)*

Кручинина.

Какъ вамъ не стыдно, Нилъ Стратоновичъ! Вы опять съ приношеніями; вы меня ужъ очень балуете. Мнѣ, право, совѣстно; каждый день что̀-нибудь; вотъ сегодня, чаю, икры привезли.

Дудукинъ.

Да вѣдь надо же вамъ чѣмъ-нибудь питаться; гостиницы у насъ въ плохомъ состояніи. А что̀ такое эти бездѣлки: чаи, да икра, да и всѣ наши букеты и лавры? Объ нихъ и говорить-то не сто́итъ. Все это очень малая плата за то счастье, за тѣ наслажденія, которыя вы намъ доставляете своимъ талантомъ.

Кручинина.

Всѣ говорятъ, что вы очень добрый человѣкъ.

Дудукинъ.

Это во мнѣ есть, только вѣдь это качество наслѣдственное, отъ родителей, а моей заслуги тутъ никакой нѣтъ-съ. Да вѣдь это дарованіе не очень важное! Еслибъ и доброты-то во мнѣ не было, такъ куда-жъ бы я годился?

Кручинина.

Нѣтъ, хорошее качество, хорошее.

Дудукинъ.

Дешевенькое-съ, мнѣ оно никакого труда не сто́итъ.

Кручинина.

Тѣмъ-то оно и дорого.

Дудукинъ.

Ужъ это вамъ какъ угодно, спорить не смѣю. Я человѣкъ ограниченный, ни къ какимъ занятіямъ даже и хозяйственнымъ неспособный; такъ чтобы ужъ не быть совсѣмъ безъ дѣла, я себѣ и избралъ спеціальность — услаждать жизнь артистовъ.

Кручинина.

И артистокъ?

Дудукинъ.

И артистокъ. Заѣдетъ труппа, напримѣръ, хоть въ нашъ городъ увеселять людей, ровно ничего не дѣлающихъ, ничѣмъ не интересующихся и ничего не желающихъ, и сядутъ, какъ раки на мели. Обыватели у насъ большею частью люди со-

лидные, тяжеловѣсные, богатые, благотворительные, степенные и даже первостепенные.

Кручинина.

Чего же еще!

Дудукинъ.

Но относительно нравовъ и умственнаго развитія находятся еще въ самомъ первоначальномъ невѣжествѣ; о существованіи драматическаго искусства имѣютъ представленія самыя смутныя. А вѣдь артисты народъ необезпеченный, по-европейски сказать, пролетаріи, а по нашему по-русски, птицы небесныя: гдѣ посыпано крупки, тамъ клюютъ, а гдѣ нѣтъ, тамъ голодаютъ. Какъ же къ нимъ не имѣть сожалѣнія?

Кручинина.

Ну, къ артисткамъ-то влечетъ васъ, я думаю, не одно сожалѣніе?

Дудукинъ.

Да-съ, да-съ. Совершенно справедливо. Ничего такого возвышеннаго во мнѣ нѣтъ, а грѣховъ много. Обыкновенный старичокъ, дюжинный; много насъ такихъ-то. У губернатора изволили быть?

Кручинина.

Да, благодарить его ѣздила. Вчера во время спектакля въ театральномъ буфетѣ вышелъ скандалъ, въ которомъ обвиняютъ артиста Незнамова. Антрепренеръ прибѣжалъ ко мнѣ въ уборную встревоженный и объявилъ, что Незнамову грозитъ бѣда, что онъ держится въ труппѣ только вслѣдствіе снисходительности губернатора, который ужъ и прежде обѣщалъ выслать его изъ города, если онъ будетъ производить скандалы, такъ какъ это случалось съ нимъ не разъ, да и паспортъ у него не въ исправности. Послѣ спектакля губернаторъ пришелъ на сцену; тутъ я его и просила за Незнамова; онъ сказалъ, что Незнамова слѣдовало бы проучить, но что для меня онъ готовъ оставить это дѣло безъ вниманія, если оно кончится миромъ. Оно, кажется, ужъ и кончилось. Скажите, что̀ это за исторія, и что̀ такое этотъ Незнамовъ? Онъ, кажется, еще очень молодой человѣкъ?

Дудукинъ.

Я изложу вамъ краткую біографію его, какъ онъ мнѣ самъ передавалъ. Ни отца, ни матери онъ не помнитъ и не знаетъ,

росъ и воспитывался онъ гдѣ-то далеко, чуть не на границахъ Сибири въ домѣ какихъ-то бездѣтныхъ, но достаточныхъ супруговъ изъ міра чиновниковъ, которыхъ долгое время считалъ за родителей. Его любили, съ нимъ обращались хорошо, хотя не безъ того, чтобы подъ сердитую руку не попрекнуть его незаконнымъ происхожденіемъ. Разумѣется, онъ ихъ словъ не понималъ и разобралъ ихъ значеніе только впослѣдствіи. Его даже учили: онъ бѣгалъ въ какой-то дешевенькій пансіонъ и получилъ порядочное для провинціальнаго артиста образованіе. Такъ онъ прожилъ лѣтъ до пятнадцати, потомъ начались страданія, о которыхъ онъ безъ ужаса вспомнить не можетъ. Чиновникъ умеръ, а вдова его вышла замужъ за отставного землемѣра; пошло безконечное пьянство, ссоры и драки, въ которыхъ прежде всего доставалось ему. Его прогнали въ кухню и кормили вмѣстѣ съ прислугой; часто по ночамъ его выталкивали изъ дому, и ему приходилось ночевать подъ открытымъ небомъ. А иногда отъ брани и побоевъ онъ и самъ уходилъ, и пропадалъ по недѣлѣ, проживалъ койгдѣ съ поденщиками, нищими и всякими бродягами, и съ этого времени, кромѣ позорной брани, онъ ужъ никакихъ другихъ словъ не слыхалъ отъ людей. Въ такой жизни онъ озлобился и одичалъ до того, что сталъ кусаться, какъ звѣрь. Наконецъ, въ одно прекрасное утро его изъ дому совсѣмъ выгнали; тогда онъ присталъ къ какой-то бродячей труппѣ и переѣхалъ съ ней въ другой городъ. Оттуда его, за неимѣніе законнаго вида, отправили по этапу на мѣсто жительства. Документы его оказались затерянными; волочили, волочили его, наконецъ, выдали какую-то копію съ явочнаго прошенія, съ которой онъ и сталъ переѣзжать съ антрепренерами изъ города въ городъ, подъ вѣчнымъ страхомъ, что каждую минуту полиція можетъ препроводить его на родину.

Кручинина.

Его зовутъ Григорій...

Дудукинъ.

Да, Григорій.

Кручинина.

А много ли ему лѣтъ?

Дудукинъ.

Года двадцать три.

Кручинина.

Не меньше?

Дудукинъ.

Никакъ не меньше. Почему васъ это интересуетъ?

Кручинина.

Такъ, нѣкоторое совпаденіе... Да вы не обращайте вниманія: это фантазія. Извините, что васъ перебиваю.

Дудукинъ.

Что̀ касается вчерашней исторіи, такъ это дѣло обыкновенное; такія исторіи у насъ часто случаются. Вчера одинъ изъ нашихъ почтенныхъ обывателей, Мухобоевъ, такъ увлекся вашей игрой, что запилъ съ перваго акта. Сталъ шумѣть въ буфетѣ, приставать ко всѣмъ, потчевать всѣхъ, цѣловать. Тутъ случился и Незнамовъ, онъ и къ нему сталъ приставать. Незнамовъ, чтобъ отвязаться, хотѣлъ уйти изъ буфета; тогда Мухобоевъ сталъ ругаться и оскорбилъ Незнамова самымъ чувствительнымъ образомъ.

Кручинина.

За что̀ же?

Дудукинъ.

За то, что тотъ отказался. Я, говоритъ, ему честь дѣлаю, хочу съ нимъ выпить, а онъ, какой-то подзаборникъ, еще смѣетъ отказываться.

Кручинина.

Что̀ такое „подзаборникъ“?

Дудукинъ.

Ребенокъ, брошенный, подкинутый къ чужому крыльцу или забору.

Кручинина.

Какъ это глупо! Неужели еще находятся такіе люди, которые позволяютъ себѣ подобныя выходки?

Дудукинъ.

Къ несчастью, много ихъ находится. Вслѣдъ за этой обидой началось должное возмездіе: изъ почтеннаго Мухобоева Незнамовъ сдѣлалъ что̀-то въ родѣ отбивной котлетки. Сначала Мухобоевъ разсвирѣпѣлъ, хотѣлъ жаловаться, хотѣлъ сослать Незнамова въ Сибирь; но добрые люди его скоро уговорили, и все кончилось примиреніемъ и общей выпивкой.

Между тѣмъ на шумъ явилась полиція, и дѣло могло кончиться очень дурно для Незнамова, еслибъ не ваше заступничество. А какъ вы вчера играли! Не мудрено, что люди запиваютъ отъ восторга. Какъ вы вѣрно передали чувство матери!

Кручинина.

На то я актриса, Нилъ Стратоновичъ.

Дудукинъ.

Но чтобъ вѣрно представить положеніе, надо прочувствовать, пережить, если не то самое, такъ хоть что̀-нибудь подобное.

Кручинина.

Ахъ, Нилъ Стратоновичъ, я столько пережила и перечувствовала, что для меня едва ли какое-нибудь драматическое положеніе будетъ новостью.

Дудукинъ.

Значитъ, лавры-то не дешево достаются?

Кручинина.

Лавры-то потомъ, а сначала горе да слезы.

Дудукинъ.

Но чувство матери, эта страстная любовь къ сыну, это отчаяніе...

Кручинина.

И я была матерью, и я такъ же видѣла умирающаго сына, какъ лэди Микельсфильдъ, которую я вчера играла. Только мой сынъ умеръ еще ребенкомъ. *(Утираетъ слезы.)*

Дудукинъ.

Ну, вотъ я васъ и плакать заставилъ; извините, пожалуйста.

Кручинина.

Ничего, иногда и поплакать хорошо; я теперь не часто плачу. Я еще вамъ благодарна, что вы вызвали во мнѣ воспоминанія о прошломъ; въ нихъ много горькаго, но и въ самой этой горечи есть пріятное для меня. Я не бѣгу отъ воспоминаній, я ихъ нарочно возбуждаю въ себѣ; а что поплачу, это не бѣда: женщины любятъ поплакать. Я вчера объѣзжала вашъ городъ: онъ мало измѣнился; я много нашла знакомыхъ

зданій и даже деревьевъ, и многое припомнила изъ своей прежней жизни и хорошаго, и дурного.

Дудукинъ.

Такъ вы у насъ не въ первый разъ?

Кручинина.

Нѣтъ, я и родилась здѣсь, и провела почти всю молодость. Я сначала хотѣла мимо проѣхать — меня ждутъ въ Саратовѣ и въ Ростовѣ; но вашъ антрепренеръ узналъ о моемъ проѣздѣ и упросилъ меня сыграть нѣсколько спектаклей, чтобы поднять сборы, которые у него плохи, и я не жалѣю, что здѣсь осталась.

Дудукинъ.

Вы давно ли уѣхали отсюда?

Кручинина.

Ровно семнадцать лѣтъ.

Дудукинъ.

И вы не встрѣтили никого знакомыхъ или родныхъ, и васъ никто не узналъ?

Кручинина.

Родныхъ у меня нѣтъ; жила я скромно, почти не имѣла знакомства, такъ и узнать меня некому. Вчера я проѣзжала мимо того дома, гдѣ жила, велѣла остановиться и подробно осмотрѣла все: крыльцо, окна, ставни, заборъ, даже заглядывала въ садъ. Боже мой! Сколько у меня въ это время разныхъ воспоминаній промелькнуло въ головѣ! У меня ужъ слишкомъ сильно воображеніе и, кажется, въ ущербъ разсудку.

Дудукинъ.

Это не порокъ-съ: это у многихъ женщинъ есть.

Кручинина.

Мнѣ ничего не стóитъ перенестись за семнадцать лѣтъ назадъ, представить себѣ, что я сижу въ своей квартирѣ, работаю; вдругъ мнѣ стало скучно, я беру платокъ, накрываюсь и бѣгу навѣстить сына; играю съ нимъ, разговариваю. Я его такъ живо представляю себѣ. Это, должно быть, отъ того, что я не видала его мертвымъ, не видала въ гробу, въ могилѣ.

Дудукинъ.

Какъ же это случилось? Извините, что я вызываю васъ на откровенность.

Кручинина.

Я не боюсь быть откровенной съ вами; вы такой добрый. Это случилось вотъ какъ: мнѣ сказали, что мой сынъ захворалъ въ то самое время, когда я узнала, что отецъ его мнѣ измѣняетъ и потихоньку отъ меня женится на другой. Я и безъ того была потрясена, разбита, уничтожена, а тутъ еще болѣзнь ребенка. Я бросилась къ нему и увидала ребенка ужъ безъ признаковъ жизни: передо мной былъ посинѣвшій трупъ; дыханія уже не было, а только слышалось едва уловимое хрипѣніе въ горлѣ. Я кинулась его обнимать, цѣловать, и упала безъ чувствъ. Такъ въ обморокѣ меня и доставили домой, а къ вечеру у меня открылся сильный дифтеритъ. Я прохворала мѣсяца полтора и едва еще держалась на ногахъ, когда моя бабушка, единственная моя родственница и то дальняя, увезла меня къ себѣ въ деревню. Тамъ мнѣ подали наконецъ письмо, въ которомъ меня извѣщали, что сынъ мой умеръ и похороненъ отцомъ, что малютка теперь на небесахъ и молится за родителей. Письмо это было писано давно, но его отъ меня скрывали. Потомъ мы съ бабушкой поѣхали въ Крымъ, гдѣ у нея было маленькое имѣніе, и прожили тамъ три года въ совершенномъ уединеніи.

Дудукинъ.

А дальнѣйшая ваша жизнь?

Кручинина.

Она представляетъ мало интереса. Я съ теткой много странствовала, жила и за-границей, и довольно долго; потомъ тетка умерла и оставила мнѣ значительную часть наслѣдства. Я стала довольно богата и совершенно независима, но отъ тоски не знала, куда дѣться. Подумала, подумала, и пошла въ актрисы. Играла я больше на югѣ и въ этой сторонѣ не была ни разу. Вотъ теперь заѣхала сюда случайно и вспомнила живо и свою юность, и своего сына, о которомъ я плачу, какъ вы видите; я вѣдь странная женщина: чувство совершенно владѣетъ мною, захватываетъ меня всю, и я часто дохожу до галлюцинацій.

Дудукинъ.

Лѣчиться надобно, Елена Ивановна; нынче противъ воображенія есть довольно вѣрныя средства, съ большимъ успѣхомъ дѣйствуютъ.

Кручинина.

Да я не хочу лѣчиться; мнѣ пріятна моя болѣзнь. Мнѣ пріятно вызывать образъ моего сына, пріятно разговаривать съ нимъ, пріятно думать, что онъ живъ. Я иногда съ какимъ-то испугомъ, съ какой-то дрожью жду, что вотъ онъ войдетъ ко мнѣ.

Дудукинъ.

Да, если-бъ онъ и вошелъ, такъ вѣдь вы бы его не узнали.

Кручинина.

Нѣтъ, мнѣ кажется, узнаю, сердце скажетъ.

Дудукинъ.

Да, вы его воображаете ребенкомъ, а ему теперь, если-бъ онъ былъ живъ, было бы двадцать лѣтъ. Ну, представьте, что мечты ваши сбылись, что вы увидите вашего сына... Вотъ вамъ сказали, что сейчасъ онъ войдетъ сюда...

Кручинина.

Ахъ, ахъ! *(Закрываетъ лицо руками.)*

Дудукинъ.

Вы представляете себѣ улыбающееся, ангельское личико съ бѣленькими шелковыми кудрями...

Кручинина.

Да, да, съ шелковыми кудрями!

Дудукинъ.

И вдругъ вваливается растрепанный шелопай, въ родѣ Незнамова, небритый, съ букетомъ дешевыхъ папиросъ и коньяку.

Кручинина.

Ахъ, нѣтъ! Ахъ, довольно, оставьте! Этимъ не шутятъ.

Дудукинъ.

Да я и не шучу; я вамъ докладываю сущую правду. Не хорошо, Елена Ивановна, думать и сокрушаться о томъ, что̀ было семнадцать лѣтъ тому назадъ, не здорово. Вы много

дома сидите, вамъ нужно развлеченіе, нужно повеселѣе жизнь вести. *(Взглянувъ на часы.)* Ай, ай, какъ я заговорился съ вами. *(Встаетъ, взглянувъ на каминъ.)* Однако, у васъ посѣтителей-то довольно было!

Кручинина.

Это только карточки. Иванъ ихъ на каминъ складываетъ, а я почти никого не принимаю.

Дудукинъ *(взявъ одну карточку).*

„Григорій Львовичъ Муровъ".

Кручинина.

Какъ, что̀ вы прочли?

Дудукинъ.

Муровъ, Григорій Львовичъ. Если вы его прежде знали, такъ теперь не узнаете. Важнымъ бариномъ сталъ, разбогатѣлъ страшно и одинъ изъ главныхъ воротилъ въ губерніи. До свиданія, совершеннѣйшая изъ женщинъ! *(Цѣлуетъ руку у Кручининой.)* Я васъ такъ и буду называть совершенствомъ.

Кручинина.

До свиданія, Нилъ Стратоновичъ! *(Дудукинъ уходитъ.)* Иванъ! *(Входитъ Иванъ.)* Дома ли я, нѣтъ ли, господина Мурова никогда не принимай! Слышишь?

Иванъ.

Слушаю-съ. *(Уходитъ.)*

Кручинина.

Муровъ разбогатѣлъ, сталъ большимъ бариномъ, важнымъ лицомъ въ губерніи; а какъ жалокъ, сконфуженъ, какъ ничтоженъ онъ былъ, когда мы видѣлись въ послѣдній разъ, когда я выгнала его изъ моей квартиры. Все это такъ живо мнѣ представляется, какъ будто происходило вчера. Наканунѣ этого рокового дня я навѣщала Гришу. *(Закрываетъ рукой глаза.)* Архиповна стояла съ нимъ у окна, закрывъ его до половины своимъ шейнымъ платкомъ. Когда я подошла, онъ забарабанилъ пальчиками по стеклу и спрятался подъ платокъ, потомъ взглянулъ и расхохотался. Прыгаетъ такъ, что Архиповна едва удержать его можетъ, ручонками машетъ, щечки разгорѣлись. Ну, вотъ, вотъ онъ; я какъ сейчасъ его вижу! *(Входятъ Незнамовъ и Шмага, доѣдая кусокъ бутерброда.)*

ЯВЛЕНІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

Кручинина, Незнамовъ *и* Шмага.

Кручинина *(съ испугомъ отступаетъ).*

Ахъ!

Незнамовъ.

Ничего, чего вы боитесь?

Кручинина.

Извините...

Незнамовъ.

Не бойтесь! Я вашъ собратъ по искусству или, лучше сказать, по ремеслу. Какъ вы думаете — по искусству или по ремеслу?

Кручинина.

Какъ вамъ угодно. Это зависитъ отъ взгляда.

Незнамовъ.

Вамъ, можетъ быть, угодно считать свою игру искусствомъ: мы вамъ того запретить не можемъ. Я откровеннѣе, я считаю свою профессію ремесломъ и ремесломъ довольно низкаго сорта.

Кручинина.

Вы вошли такъ неожиданно...

Незнамовъ.

Да ужъ мы въ другой разъ сегодня...

Кручинина.

Ахъ, да, мнѣ сказывали.

Незнамовъ.

Значитъ, не совсѣмъ неожиданно. Я говорю: мы, — потому что я съ другомъ. Вотъ рекомендую! Артистъ Шмага! Комикъ въ жизни и злодѣй на сценѣ. Вы не подумайте, что онъ играетъ злодѣевъ; нѣтъ, это не его амплуа. Онъ играетъ всякія роли и даже благородныхъ отцовъ; но онъ все-таки злодѣй для всякой пьесы, въ которой онъ играетъ. Кланяйся, Шмага! *(Шмага кланяется.)*

Кручинина.

Что̀ вамъ угодно, господа?

Незнамовъ.

Намъ угодно поговорить съ вами. Но, разумѣется, вы можете сейчасъ же насъ выгнать вонъ, вы на это имѣете полное право. Не стѣсняйтесь съ нами.

Кручинина.

Нѣтъ, зачѣмъ же! Милости прошу! Садитесь, господа!

Незнамовъ.

Садемъ, Шмага! Не всегда насъ такъ учтиво принимаютъ. *(Садятся. Шмага разваливается въ креслѣ очень свободно.)* Дѣло собственно касается меня; но я предоставляю говорить Шмагѣ, потому что онъ краснорѣчивѣе.

Шмага.

Мы слышали отъ нашего патрона, что вы говорили на сценѣ съ губернаторомъ.

Кручинина.

Да, я говорила.

Шмага.

Вы просили за Гришку Незнамова?

Кручинина.

Да, и губернаторъ обѣщалъ, что на этотъ разъ онъ не приметъ никакихъ мѣръ, непріятныхъ для господина Незнамова.

Шмага.

Но позвольте, позвольте! Какое же вы имѣли право просить за Гришку? Онъ васъ не приглашалъ въ адвокаты.

Кручинина.

Я не понимаю, господа, что̀ вамъ угодно отъ меня? Мнѣ сказали, что господину Незнамову грозитъ большая непріятность...

Незнамовъ.

Ну, такъ что̀-жъ? Вамъ-то что̀ за дѣло?

Кручинина.

Но если я имѣю возможность безъ особеннаго труда избавить кого бы то ни было отъ непріятности, такъ я должна это сдѣлать непремѣнно. Я считаю это не правомъ, а обязанностью, даже долгомъ.

Незнамовъ *(съ улыбкой).*

Счастливить людей, благодѣтельствовать?

Шмага *(смѣется).*

И притомъ, безъ большого труда. Нѣтъ, ужъ вы счастливьте кого угодно, только *(грозя пальцемъ)* не артистовъ. *(Разваливается еще болѣе.)* Артистъ... гордъ!

Кручинина *(вставая).*

Ну, что-жъ дѣлать? Извините! Я поступаю такъ, какъ мнѣ велитъ моя совѣсть, какъ мнѣ указываетъ сердце; другихъ побужденій у меня нѣтъ. Оправдывать себя я не считаю нужнымъ: можете думать обо мнѣ, что вамъ угодно.

Незнамовъ.

Я вамъ предлагалъ прогнать насъ: это было бы для васъ покойнѣе.

Кручинина.

Нѣтъ, зачѣмъ же гнать? Я и теперь васъ не прогоню. И обидъ, и оскорбленій, и всякаго горя я видѣла въ жизни довольно; мнѣ не привыкать стать. Мнѣ теперь больно и въ то же время интересно; я должна узнать нравы и образъ мыслей людей, съ которыми меня свела судьба. Говорите, говорите все, что вы чувствуете!

Незнамовъ.

Да-съ, я говорить буду. Вотъ ужъ вы и жалуетесь, ужъ вамъ и больно. Но вѣдь вы знали и другія ощущенія; вамъ бывало и сладко, и пріятно; отчего-жъ, для разнообразія, не испытать и боль! А представьте себѣ человѣка, который со дня рожденія не зналъ другого ощущенія, кромѣ боли, которому всегда и вездѣ больно. У меня душа такъ наболѣла, что мнѣ больно отъ всякаго взгляда, отъ всякаго слова; мнѣ больно, когда обо мнѣ говорятъ, — дурно ли, хорошо ли, это все равно; а еще больнѣе, когда меня жалѣютъ, когда мнѣ благодѣтельствуютъ. Это мнѣ ножъ острый! Одного только я прошу у людей: чтобъ меня оставили въ покоѣ, чтобъ забыли о моемъ существованіи!

Кручинина.

Я не знала этого.

Незнамовъ.

Ну, такъ знайте же и и не расточайте вашихъ благодѣяній такъ щедро, будьте осторожнѣе! Вы хотѣли избавить меня отъ путешествія по этапу? Для чего вамъ это? Вы думаете, что оказали мнѣ услугу? Нисколько. Мнѣ эта прогулка знакома; меня этимъ не удивишь! Я ужъ ходилъ по этапу чуть не ребенкомъ и безъ всякой вины съ моей стороны.

Шмага.

За безписьменность, виду не было. Ярлычокъ-то забылъ захватить, какъ его по имени звать, по отчеству величать, какъ по чину мѣсто дать во пиру, во бесѣдѣ.

Незнамовъ.

Вотъ видите! И онъ глумится надо мной! И онъ вправѣ: я ничто, я меньше всякой величины; а онъ что̀-нибудь, онъ какая-то единица, у него есть званіе, есть видъ. На этомъ видѣ значится: „сынъ отставного канцеляриста; исключенъ изъ уѣзднаго училища за дурное поведеніе; продолжалъ службу въ сиротскомъ судѣ копіистомъ и уволенъ за нерадѣніе; подъ судомъ былъ по прикосновенности по дѣлу о пропажѣ камлотовой шинели и оставленъ въ подозрѣніи“. Ну, развѣ не восторгъ имѣть такой документъ! У него видъ чистый, онъ счастливецъ, онъ всякому можетъ прямо смотрѣть въ глаза, всякому можетъ сказать, кто̀ онъ и что̀ онъ. Какая мнѣ радость, что я по вашей милости останусь здѣсь, въ этомъ городишкѣ? Изъ театра меня гонятъ и выгонятъ; что̀ же я за фигуру буду представлять изъ себя? Бродяга, не помнящій родства и человѣкъ безъ опредѣленныхъ занятій. Но въ такомъ званіи нигдѣ нельзя жить, ни въ какомъ городѣ, или ужъ вездѣ, но только на казенной квартирѣ, то-есть въ мѣстахъ заключенія. Я не воръ и наклонности къ этому занятію не чувствую. Я не разбойникъ, не убійца, во мнѣ кровожадныхъ инстинктовъ нѣтъ; но все-таки я чувствую, что по какой-то покатости, безъ участія моей воли, я неудержимо влекусь къ острогу. Такихъ людей лучше не трогать: благодѣянія озлобляютъ ихъ еще больше.

Кручинина.

Ахъ, да отчего же, отчего же?

Незнамовъ.

Да вотъ, напримѣръ: мнѣ совсѣмъ не до васъ; существуете ли на свѣтѣ вы, или нѣтъ васъ — мнѣ рѣшительно все равно, мы другъ другу чужіе, ну, и шли бы каждый своей дорогой. А вы навязываетесь съ благодѣяніями и напрашиваетесь на благодарность. Ну, положимъ, благодарить я васъ не стану; такъ вѣдь все равно, мнѣ товарищи покоя не дадутъ. При всякомъ удобномъ случаѣ, каждый напомнитъ мнѣ о вашемъ благодѣяніи. „Благодари Кручинину, что ты съ нами! Кабы не Кручинина, странствовать бы тебѣ"! И такъ надоѣдятъ мнѣ, что я принужденъ буду васъ возненавидѣть. А я этого не желалъ, я желалъ оставаться къ вамъ равнодушнымъ. Я понимаю, что благодѣтельствовать очень заманчиво, особенно если васъ всѣ осыпаютъ любезностями и ни въ чемъ вамъ не отказываютъ, но не всегда можно разсчитывать на благодарность, иногда можно наткнуться и на непріятность.

Кручинина.

И довольно часто. Я это знаю.

Незнамовъ.

И все не унимаетесь?

Кручинина.

И не уймусь никогда, потому что чувствую потребность дѣлать добро.

Незнамовъ.

Это довольно странно. Поуняться не мѣшало бы.

Кручинина.

Ну, вотъ что̀, господа! Я выслушала васъ терпѣливо; въ томъ, что своей услугой я сдѣлала вамъ непріятность, я извиняюсь передъ вами. Но, господинъ Незнамовъ, вы очень дурно воспользовались моей снисходительностью; вы могли говорить только о своемъ дѣлѣ, а вы позволили себѣ обсуждать мои поступки и давать мнѣ совѣты. Вы еще очень молоды, вы совсѣмъ не знаете жизни; васъ окружали съ дѣтства, да и теперь окружаютъ люди, далеко не лучшіе. Дѣлать заключенія вообще о людяхъ вы не смѣете, потому что хорошихъ людей вы почти не видали и среди ихъ не жили. Вы видѣли жизнь только...

Шмага.

Изъ подворотни?

Кручинина.

Я не то хотѣла сказать.

Шмага.

Отчего же? Нѣтъ, такъ лучше, вѣрнѣе.

Незнамовъ.

Все равно, не въ словахъ дѣло.

Кручинина.

Я опытнѣе васъ и больше жила на свѣтѣ; я знаю, что въ людяхъ есть много благородства, много любви, самоотверженія, особенно въ женщинахъ.

Незнамовъ.

Будто?

Кручинина.

Вы ничего этого не видали?

Незнамовъ.

Не случалось.

Кручинина.

Очень жаль.

Незнамовъ.

Гдѣ-жъ такіе рѣдкостные экземпляры находятся?

Кручинина.

Вездѣ, сто́итъ только поискать; они не рѣдки, ихъ много. Да вотъ, недалеко ходить, — вы знаете, что̀ такое сестры милосердія?

Незнамовъ.

Знаю.

Кручинина.

Что̀ побуждаетъ ихъ переносить лишенія, невѣроятные труды, опасности?

Незнамовъ.

Я этого не знаю.

Кручинина.

Да и не однѣ сестры милосердія: есть много женщинъ, которыя поставили цѣлью своей жизни помочь сиротамъ, больнымъ, неимѣющимъ возможности трудиться и вообще такимъ, которые страдаютъ не по своей винѣ... Да нѣтъ, этого мало...

Есть такія любящія души, которыя не разбираютъ, по чужой или по своей винѣ человѣкъ страдаетъ, и которыя готовы помогать даже людямъ...

Незнамовъ.

Вы ищете слова? Не церемоньтесь, договаривайте.

Кручинина.

Даже людямъ безнадежно испорченнымъ. Вы знаете, чтò такое любовь?

Незнамовъ.

Изъ романовъ знаю.

Кручинина.

Васъ любилъ кто-нибудь?

Незнамовъ.

Какъ вамъ сказать... Настоящимъ образомъ нѣтъ... Меня нельзя любить.

Кручинина.

Почему?

Незнамовъ.

Да за чтò же любить человѣка, безнадежно испорченнаго? Чтò за интересъ? Развѣ съ цѣлью исправить? Такъ, во-первыхъ, не всякаго можно исправить, а, во-вторыхъ, не всякій позволитъ, чтобъ его исправляли.

Кручинина.

Можно и такого любить.

Незнамовъ.

Сомнѣваюсь.

Кручинина.

Развѣ сестры милосердія, со всей любовью, ухаживаютъ только за тѣми, кого можно вылѣчить? Нѣтъ, онѣ еще съ большею любовью заботятся и о безнадежныхъ, неизлѣчимыхъ. Теперь вы, вѣроятно, согласитесь, что бываютъ женщины, которыя дѣлаютъ добро безъ всякихъ расчетовъ, а только изъ чистыхъ побужденій. Отвѣчайте мнѣ. Бываютъ?

Незнамовъ *(потупясь)*.

Да, бываютъ.

Кручинина.

Съ меня и довольно. Вы раздражены, разстроены; подите успокойтесь и подумайте о томъ, чтò вы сейчасъ сказали!

Незнамовъ.

Ну. Шмага, пойдемъ! Мы свое дѣло сдѣлали — пришли и нагрубили хорошей женщинѣ. Чего-жъ еще ждать отъ насъ?

Шмага.

Грубить — это твое дѣло, а я человѣкъ деликатный. Что̀ такое былъ нашъ разговоръ? Это только прелюдія, серьезное будетъ впереди. Я имѣю другую тему; у меня теперь пойдетъ мотивъ въ минорномъ тонѣ. Но безъ свидѣтелей мнѣ будетъ удобнѣе.

Незнамовъ.

Нѣтъ, нѣтъ, говори при мнѣ, а то я тебя знаю.

Шмага.

Мадамъ, мы пришли въ гостиницу, чтобъ объясниться съ вами по дѣлу, вамъ извѣстному; но вы были заняты. Ну, знаете ли, увлеченіе молодости, буфетъ, билліардъ... соблазнъ... и при всемъ томъ недостатокъ средствъ. Вамъ, конечно, извѣстно, что̀ такое бѣдный артистъ. Однимъ словомъ, мы задолжали въ буфетѣ.

Незнамовъ *(строго).*

Что̀, что̀?

Кручинина.

Не безпокойтесь, я велю сейчасъ заплатить. *(Незнамову.)* Пожалуйста, не претендуйте, доставьте мнѣ это удовольствіе.

Шмага.

Да-съ... мерси! Впрочемъ, иначе и быть не можетъ; вамъ и слѣдуетъ заплатить. Мы не виноваты, что вы не могли насъ принять. Не въ передней же намъ ждать... Мы артисты, наше мѣсто въ буфетѣ.

Незнамовъ.

Ну, поговорилъ, и будетъ. Пойдемъ, маршъ!

Шмага.

Ахъ, Гришка, оставь! Оставь, говорю я тебѣ! *(Кручининой.)* Но я вамъ долженъ сказать, мадамъ, что и дальнѣйшее наше существованіе не обезпечено. Вы — знаменитость, вы получаете за спектакль чуть не половину сбора, а еще неизвѣстно, отъ кого зависитъ успѣхъ пьесы и кто дѣлаетъ сборы, вы или мы. Такъ не мѣшало бы вамъ подѣлиться съ товарищами. *(Незнамовъ молча беретъ Шмагу сзади за воротникъ и ведетъ его къ двери.)*

Шмага *(на ходу оборачиваясь то въ ту, то въ другую сторону).*

Гриша, Гриша!

Незнамовъ *(проводивъ Шмагу до двери).*

Уходи! *(Шмага быстро скрывается.)*

ЯВЛЕНІЕ ПЯТОЕ.

Кручинина и Незнамовъ.

Кручинина.

Вамъ стыдно за вашего товарища?

Незнамовъ.

Нѣтъ, за себя.

Кручинина.

Зачѣмъ же вы дружитесь съ такимъ человѣкомъ?

Незнамовъ.

А гдѣ-жъ я, въ моемъ званіи, другихъ-то возьму? Его, конечно, нельзя считать образцомъ нравственности; онъ не задумается за грошъ продать лучшаго своего друга и благодѣтеля; но вѣдь, сколько мнѣ извѣстно, очень многіе артисты не лишены этой слабости. Зато онъ имѣетъ и неоцѣненныя достоинства: онъ не зябнетъ въ легкомъ пальто въ трескучіе морозы, онъ не жалуется на голодъ, когда ему ѣсть нечего, онъ не сердится, когда его ругаютъ и даже бьютъ. То-есть, онъ, можетъ быть, въ душѣ и сердится, но ничѣмъ своего гнѣва не обнаруживаетъ.

Кручинина.

Онъ и зимой въ лѣтнемъ пальто ходитъ?

Незнамовъ.

Вотъ какъ вы его видѣли, весь его гардеробъ тутъ.

Кручинина *(достаетъ изъ портмонэ десятирублевую бумажку).*

Передайте ему, пожалуйста, отъ меня.

Незнамовъ.

Чтò вы, чтò вы! Не надо. Онъ ихъ пропьетъ сейчасъ же.

Кручинина.

Ну, да ужъ какъ онъ хочетъ.

Незнамовъ.

Это даромъ брошенныя деньги.

Кручинина.

Да вѣдь ему пріятно будетъ получить ихъ?

Незнамовъ.

Еще бы! Конечно, пріятно.

Кручинина.

Ну, вотъ я представляю, какъ ему будетъ пріятно, и мнѣ самой дѣлается пріятно. Я люблю дарить. Да, вотъ что̀ я васъ попрошу. Не можете ли вы купить ему пальто готовое, получше? Деньги, сколько нужно, я заплачу. Вы потрудитесь?

Незнамовъ.

Да тутъ и труда нѣтъ никакого. *(Кланяется.)*

Кручинина.

До свиданія!

Незнамовъ *(помолчавъ)*.

Позвольте мнѣ у васъ руку поцѣловать!

Кручинина.

Ахъ, извольте, извольте!

Незнамовъ.

То-есть вы мнѣ протяните ее, какъ милостыню. Нѣтъ, если вы чувствуете ко мнѣ отвращеніе, такъ скажите прямо.

Кручинина.

Да нѣтъ же, нѣтъ; я очень рада!

Незнамовъ.

Вѣдь, въ сущности, я дрянь, да еще подзаборникъ. *(Незнамовъ беретъ руку Кручининой.)*

Кручинина *(отвернувшись, тихо)*.

Не говорите этого слова: я не могу его слышать. *(Незнамовъ цѣлуетъ ея руку. Она прижимаетъ его голову къ груди и крѣпко цѣлуетъ.)*

Незнамовъ.

Что̀ вы, что̀ вы! За что̀?

Кручинина.

Извините!

Незнамовъ.

Вы же еще просите извиненія! Ахъ, Богъ съ вами! *(Уходитъ.)*

Иванъ *(въ дверяхъ)*.

Ступай, ступай! Сказано, что не принимаютъ!

Кручинина.

Иванъ, съ кѣмъ ты тамъ? *(Входитъ Иванъ.)*

ЯВЛЕНІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

Кручинина, Иванъ, *потомъ* Галчиха.

Иванъ.

Тутъ, сударыня, одна полоумная попрошайка все таскается, господамъ надоѣдаетъ.

Кручинина.

Я дамъ ей чтò-нибудь.

Иванъ.

Да вѣдь она повадится, отъ нея не отвяжешься. Нѣтъ, я ее спроважу лучше. *(Уходитъ.)*

Кручинина *(заглянувъ въ дверь)*.

Ахъ, ахъ! Кто это? Это она! Веди, веди ее сюда. Иванъ! *(Входятъ Иванъ и Галчиха.)* Архиповна! узнаешь ты меня?

Галчиха.

Какъ не узнать, ваше сіятельство; въ прошломъ году тоже не оставили своей милостью бѣдную старуху, сироту горькую.

Кручинина.

Ты погляди на меня хорошенько, погляди!

Галчиха.

Виновата, матушка, запамятовала. Въ запрошломъ году сапожки-то пожаловали... Какъ же, помню...

Кручинина.

Иванъ, кто это? Какъ ее зовутъ? Арина Галчиха?

Иванъ.

Она самая-съ.

Кручинина.

Ну, ступай! *(Иванъ уходитъ.)* Гдѣ похоронили моего Гришу? *(Беретъ Галчиху за плечи.)* Моего ребенка, моего ребенка?

Галчиха.

Не занимаюсь, матушка, годовъ пятнадцать не занимаюсь. А было время, брала ребятъ, брала деньги; жила ничѣмъ не вредима, а теперь бѣдствую; безъ роду, безъ племени, сирота круглая.

Кручинина.

Да ты вглядись въ меня, вглядись хорошенько!

Галчиха.

Матушка, да никакъ... неужто-жъ вы... какъ это... Любовь Ивановна, что̀ ли?

Кручинина.

Да, я, я, она самая...

Галчиха.

Ну, какъ же, помню, матушка — благодѣтельница!

Кручинина.

Поѣдемъ же на могилку, поѣдемъ!

Галчиха.

Куда, матушка, на какую?

Кручинина.

Сынъ былъ у меня, сынъ...

Галчиха.

Да, да, сынъ, точно... Какъ его звали-то! Много у меня ребятъ-то было, много. Генерала Быстрова помните? Всѣхъ дѣтей принимала.

Кручинина.

Да не то, все не то ты говоришь!

Галчиха.

А то вотъ еще купцы были богатѣйшіе у Здвиженья; такъ сама-то безъ меня ничего. Я ее и пользовала.

Кручинина.

Да нѣтъ, мой сынъ, мой сынъ!

Галчиха.

Да я про то-жъ и говорю; и вашъ сынъ... А то еще вдова; за рѣкой домъ, такой большущій и мезонинъ... и въ этомъ мезонинѣ...

Кручинина.

Да не то... Сынъ мой, Гриша...

Галчиха.

Гриша! Да, да, помню...

Кручинина *(сажая Галчиху на стулъ)*.

Еще онъ тогда захворалъ; захворалъ вдругъ страшной болѣзнью. Захрипѣлъ, ну, помнишь? И умеръ.

Галчиха.

Выздоровѣлъ, матушка! Богъ далъ, выздоровѣлъ!

Кручинина.

Чтò ты говоришь, Архиповна? Пожалѣй ты меня!

Галчиха.

Выздоровѣлъ, выздоровѣлъ!

Кручинина.

А потомъ, чтò потомъ?

Галчиха.

Потомъ бѣдность меня одолѣла. Какъ въ тѣ поры хорошо жила, всего было довольно, а тутъ и нѣтъ ничего. Хоть бы изъ одежонки чтò-нибудь пожаловали.

Кручинина.

Да вотъ деньги, вотъ! Все отдамъ, только говори! *(Кладетъ на столъ деньги.)* Гдѣ Гриша, чтò вы съ нимъ сдѣлали?

Галчиха.

Ахъ, да... Богъ меня наказалъ, вотъ за это за самое и наказалъ.

Кручинина.

Да за чтò „за это?“ Ты говоришь, что онъ выздоровѣлъ?

Галчиха.

Выздоровѣлъ, выздоровѣлъ; какъ же, скорехонько выздоровѣлъ! *(Косится на деньги.)* Хорошо, кого Господь-то наградитъ, а я вотъ горькая...

Кручинина.

Вѣдь ужъ я сказала, что эти деньги будутъ твои; только говори! Прошу тебя, умоляю!

Галчиха.

Да чтò, матушка, говорить-то?

Кручинина.

О Гришѣ, о моемъ Гришѣ!

Галчиха.

Бѣленькій такой мальчикъ?

Кручинина.

Да, бѣленькій. Ты говоришь, что Богъ тебя наказалъ за него. За чтò же?

Галчиха.

Вспомнила, матушка, вспомнила...

Кручинина.

Боже мой! Вспомнила! Ну, ну! *(Становится передъ ней на колѣни и глядитъ ей прямо въ глаза.)*

Галчиха.

Какъ это онъ выправляться-то сталъ, такъ все маму спрашивалъ да кликалъ.

Кручинина *(рыдая)*.

Ты говоришь: маму?

Галчиха.

Да. Ручонки-то вытянетъ, да говоритъ: „мама, мама!“

Кручинина.

О, Боже мой! О, Боже мой! Мама, мама! Ну, дальше, дальше!

Галчиха.

Думаю, куда его дѣть?... Держать у себя, такъ еще будутъ ли платить... Сумлѣвалась. Ужъ запамятовала фамилію-то... Мужъ съ женой, только дѣтей Богъ не далъ. Вотъ сама-то и говоритъ: достань мнѣ сиротку, я его вмѣсто сына любить буду. Я и отдала; много я съ нея денегъ взяла... За воспитанье, говорю, мнѣ за два года не плачено, такъ заплати! Заплатила. Потомъ Григорью... какъ его... да, вспомнила, Григорью Львовичу и сказываю: такъ и такъ, молъ, отдала. И хорошо, говоритъ, и безъ хлопотъ. Еще мнѣ же зелененькую пожаловалъ.

Кручинина.

А потомъ, потомъ?

Галчиха.

И все такъ хорошо, прекрасно.

Кручинина.

Такъ ты видѣла его, навѣщала часто?

Галчиха.

Какъ же, видала, видала... Да вотъ и недавно видѣла.

Кручинина (*съ испугомъ*).

Недавно?

Галчиха.

Бѣгаетъ въ саду, телѣжку катаетъ; рубашечка синенькая.

Кручинина (*отстраняясь*).

Что̀ ты, что̀ ты? Да вѣдь ему теперь двадцать лѣтъ!

Галчиха.

Какихъ двадцать? Нѣтъ, маленькій.

Кручинина.

Да Архиповна! Арина, Арина, что̀ ты говоришь?

Галчиха.

Ахъ, матушка, простите вы меня! Польстилась вотъ на деньги-то... Вы приказываете говорить; я и говорю, говорю, утѣшаю васъ, а сама не знаю что̀... Совсѣмъ затмилось... Затуманилось въ головѣ-то, сама ничего не разберу. Передохнуть бы малость.

Кручинина.

Ну, поди, отдохни! (*Ведетъ Галчиху въ другую комнату.*)

Галчиха.

Коли что̀ знаю, такъ я вспомню... (*Уходитъ.*)

Кручинина (*садится у стола*).

Какое злодѣйство, какое злодѣйство! Я тоскую объ сынѣ, убиваюсь; меня увѣряютъ, что онъ умеръ; я обливаюсь слезами, бѣгу далеко, ищу по свѣту уголка, гдѣ бы забыть свое горе, — а онъ манитъ меня ручонками и кличетъ: мама, мама! Какое злодѣйство! (*Рыдая, опускаетъ голову на столъ.*)

Занавѣсъ.

ДѢЙСТВІЕ ТРЕТЬЕ.

ЛИЦА:

Кручинина.
Дудукинъ.
Муровъ.
Коринкина.
Незнамовъ.
Шмага.
Миловзоровъ Петя, первый любовникъ.

Женская уборная: обои мѣстами прорваны, мѣстами облунились; въ глубинѣ дверь на сцену; столъ, передъ нимъ мягкое потертое кресло, остальная мебель сборная.

ЯВЛЕНІЕ ПЕРВОЕ.

Коринкина *въ задумчивости полулежитъ въ креслѣ. Входитъ* Миловзоровъ.

Коринкина.

Кто тамъ?

Миловзоровъ.

Я, мой другъ...

Коринкина.

Затвори дверь!

Миловзоровъ.

Зачѣмъ?

Коринкина.

Шляются тутъ и подслушиваютъ.

Миловзоровъ.

У васъ, мой другъ, нервы...

Коринкина.

Ну, да, нервы; будутъ тутъ нервы. Не понимаю. Просто всѣ помѣшались; въ здравомъ умѣ такихъ вещей нельзя дѣлать.

Миловзоровъ.

Все это про кого?

Коринкина.

Про публику, про вчерашній спектакль. Ну, что̀ такое особеннаго въ Кручининой, чтобы такъ бѣсноваться? Ну, скажи! Я тебя спрашиваю, что̀ въ ней особеннаго?

Миловзоровъ.

Тонкая французская игра.

Коринкнна.

Дуракъ! Убирайся отъ меня! Зачѣмъ вы ходите ко мнѣ въ уборную? Чтобы глупости говорить? Такъ я этого не желаю. Вѣдь ты меня злишь, злишь нарочно!

Миловзоровъ.

Развѣ же я не могу свое мнѣніе имѣть?

Коринкина.

Конечно, не можешь, потому что ты ничего не понимаешь. Да это и не по-товарищески. Пусть публика съ ума сходитъ, а вамъ что̀? У васъ есть своя актриса, которую вы должны поддерживать. Вы ни меня, ни моего расположенія цѣнить не умѣете. И ты-то, ты-то! Кажется, долженъ бы...

Миловзоровъ.

Ахъ, мой другъ, я очень, очень чувствую ваше расположеніе.

Коринкина.

Я тебя и манерамъ-то выучила. Какъ ты себя держалъ? Какъ ты стоялъ, какъ ты ходилъ? Ну, что̀ такое ты былъ на сценѣ? Цырюльникъ!

Миловзоровъ.

Я вамъ благодаренъ; но зачѣмъ же такія выраженія? Это рѣзко, мой другъ. *(Хочетъ поцѣловать руку у Коринкиной.)*

Коринкина.

Что̀ за нѣжности? Поди прочь отъ меня! *(Встаетъ.)* Ничего нѣтъ особеннаго, ничего! Чувство есть? Что̀-жъ такое чувство? Это дѣло очень обыкновенное: у многихъ женщинъ есть чувство. А гдѣ-жъ игра? Я видала французскихъ актрисъ, — ничего нѣтъ похожаго. И досаднѣй всего, что она притворяется; скромность на себя напускаетъ, держится какъ институтка, какой-то отшельницей притворяется... И всѣ ей вѣрятъ, — вотъ что̀ обидно!

Миловзоровъ.

Скромности у нея отнять нельзя.

Коринкина.

Опять заступаться? Нѣтъ, ужъ ты про ея скромность разсказывай кому-нибудь другому, а я ея похожденія очень хорошо знаю.

Миловзоровъ.

И я знаю.

Коринкина.

Что̀ же ты знаешь?

Миловзоровъ.

Да, вѣроятно, то же, что̀ и вы. Мнѣ Нилъ Стратоновичъ разсказывалъ.

Коринкина.

Хорошъ! Съ меня взялъ клятву, что я молчать буду, а самъ всѣмъ разсказываетъ. Да и отлично; пусть его болтаетъ, и я молчать не намѣрена; очень мнѣ нужно чужіе секреты беречь!

Миловзоровъ.

Да вѣдь ужъ это давно было; а послѣ того она...

Коринкина.

Что̀ „послѣ того она?" Нѣтъ, ты меня выведешь изъ терпѣнія! Неужели вы всѣ такъ глупы, что ей вѣрите? Это смѣшно даже! Она разсказываетъ, что долго была за-границей съ какой-то барыней, и та оставила ей въ благодарность за это свое состояніе. Ну, какой чурбанъ этому повѣритъ? Съ бариномъ развѣ, а не съ барыней. Вотъ это похоже на дѣло. Мы знаемъ, есть такіе дураки, и обираютъ ихъ. А то съ барыней! Оставляютъ барыни состояніе за-границей, это сплошь да рядомъ случается, да только не компаньонкамъ. А коли у нея деньги, такъ зачѣмъ она въ актрисы пошла, зачѣмъ рыщетъ по Россіи, у насъ хлѣбъ отбиваетъ? Значитъ, ей на мѣстѣ оставаться нельзя, вышла какая-нибудь исторія, надо ѣхать въ другое, а въ другомъ другая исторія, надо въ третье, а въ третьемъ третья.

Миловзоровъ.

Она много добра дѣлаетъ, я слышалъ.

Коринкина.

Для разговору. Съ деньгами-то можно себя тѣшить. Она вонъ и за Незнамова просила. А для чего, спросите у нея,

такъ сама не знаетъ. Она-то уѣдетъ, а мы тутъ оставайся съ этимъ сахаромъ.

Миловзоровъ.

Жаль, что она ѣдетъ-то скоро, а то бы онъ показалъ ей себя.

Коринкина.

Да это можно и теперь; у меня со вчерашняго дня сидитъ мысль въ головѣ. Только положиться-то ни на кого изъ васъ нельзя.

Миловзоровъ.

Ахъ, зачѣмъ же такія слова, мой другъ? Я для васъ все, что̀ угодно...

Коринкина.

Ну, смотри же! Честное слово?

Миловзоровъ.

Благородное, самое благородное.

Коринкина.

Слушай, я хочу попросить Нила Стратоновича, чтобы онъ пригласилъ Кручинину къ себѣ сегодня вечеромъ; вѣдь спектакля у насъ нѣтъ. Пригласимъ и Незнамова, подпоимъ его хорошенько, а тамъ только сто́итъ завести его — и пойдетъ музыка.

Миловзоровъ.

Да Незнамовъ, пожалуй, не поѣдетъ къ Нилу Стратоновичу; онъ дичится общества.

Коринкина.

Ну, ужъ я умаслю какъ-нибудь. А ты прежде подготовь его, дай ему тему для разговора. Распиши ему Кручинину-то, что̀ тебѣ жалѣть ее! Вѣдь ужъ тутъ вертѣться, мой милый, нельзя; я должна знать навѣрное: другъ ты мнѣ или врагъ?

Миловзоровъ.

Съ нимъ разговаривать-то немножко страшно: онъ сильнѣе меня.

Коринкина.

Ну, ужъ это твое дѣло. Какъ же ты осмѣливаешься играть драматическихъ любовниковъ, если ты боишься пожертвовать собой, хоть разъ въ жизни, для меня, за все, за все...

Миловзоровъ.

Ну, хорошо, мой другъ, хорошо.

Коринкина.

Ты только вообрази себѣ, какой это будетъ спектакль! Что̀ за прелесть! *(Дудукинъ за дверью: „Можно войти?“)*

Коринкина.

Да, конечно, что̀ за вопросъ? *(Тихо Миловзорову.)* Отойди! *(Входитъ Дудукинъ.)*

ЯВЛЕНІЕ ВТОРОЕ.

Коринкина, Миловзоровъ *и* Дудукинъ.

Миловзоровъ.

Здравствуй, Нилъ! *(Вынимаетъ у Дудукина изъ боковаго наружнаго кармана портсигаръ, достаетъ нѣсколько папиросъ и кладетъ въ свой, на что̀ Дудукинъ не обращаетъ никакого вниманія.)*

Дудукинъ *(Коринкиной)*.

Какъ ваше здоровье, моя прелесть? Вы вчера были какъ будто разстроены?

Коринкина.

Съ чего вы взяли? Я совершенно здорова.

Дудукинъ.

Ну, тѣмъ лучше, тѣмъ лучше. Очень радъ!

Миловзоровъ.

У тебя запасъ большой?

Дудукинъ.

Бери, сдѣлай милость, безъ церемоніи.

Миловзоровъ.

Когда же я съ тобой, Нилъ, церемонюсь? Ты меня обижаешь. *(Кладетъ обратно Дудукину въ карманъ портсигаръ.)*

Дудукинъ *(Коринкиной).*

Позвольте вашу бѣлоснѣжную ручку прижать къ моимъ недостойнымъ губамъ! *(Цѣлуетъ руку Коринкиной.)*

Коринкина.

Я-то здорова, Нилъ Стратоновичъ, совершенно здорова; вотъ вамъ бы съ докторомъ посовѣтоваться не мѣшало. Я за васъ серьезно опасаться начинаю.

Дудукинъ.

Что̀ такъ? Нѣтъ, я, грѣхъ пожаловаться, никакого изъяна въ себѣ не замѣчаю.

Коринкина.

Я боюсь, что вы окончательно съ ума сойдете. Не болятъ руки-то послѣ вчерашняго?

Дудукинъ.

А, понимаю, понимаю. Восторгался, въ экстазъ приходилъ. Да вѣдь ужъ и игра! Ну, вотъ, скажи, Петя; вотъ ты самъ былъ на сценѣ. Въ сценѣ съ тобой, напримѣръ?

Миловзоровъ.

Со мной, Нилъ Стратоновичъ, актрисѣ легко играть. У меня жару много.

Дудукинъ.

Жару? Однако, ты вчера два раза такъ совралъ, что чудо.

Миловзоровъ.

Ахъ, Нилъ, я горячъ, заторопился, ну, невольно съ языка сорвется.

Дудукинъ.

А какъ ты иностранныя слова произносишь! Ужъ Богъ тебя знаетъ, что̀ у тебя выходитъ!

Миловзоровъ.

Роли плохо переписываютъ. Да для кого, Нилъ, стараться-то? Ну, хорошо, ты понимаешь, а другіе-то! Имъ что̀ ни скажи, все равно. Вѣдь у насъ какая публика-то?

Дудукинъ.

Ну, ужъ зато, кто понимаетъ, такъ даже въ изумленіе приходятъ. Думаешь: Боже ты мой милостивый, откуда только онъ беретъ такія слова! Вѣдь развѣ только въ ирокезскомъ языкѣ такіе звуки найти можно. Ты, пожалуйста, не обижайся!

Миловзоровъ.

Ну, вотъ еще! Ты, Нилъ, правъ: не ты одинъ, и другіе мнѣ то же говорили; да знаешь, жалованье небольшое, такъ не стóитъ очень стараться-то.

Дудукинъ.

А вы, красота моя неописанная, не извольте гнѣваться. Я изящное люблю во всѣхъ видахъ. У людей со вкусомъ

отношеніе къ изящному совсѣмъ другое, особенное, совсѣмъ не то, чтò къ живой красотѣ. Тутъ ревность неумѣстна.

Коринкина.

Да кто вамъ сказалъ, что я ревную? Я вамъ сейчасъ докажу противное!

Дудукинъ.

Доказывайте, мое блаженство!

Коринкина.

Вы восхищаетесь Кручининой, подаете ей вѣнки, собираете деньги на подарокъ, — вы думаете это ей нужно? Всего этого она видала много. А вотъ догадки у васъ нѣтъ, какъ доставить ей удовольствіе. Она живетъ въ дурной гостиницѣ, въ грязномъ номерѣ; сегодня спектакля нѣтъ: чтò она будетъ дѣлать дома вечеромъ? Пріѣдутъ къ ней два-три поношенныхъ театрала, съ своими, извините, глупыми восторгами, — вы думаете это весело? Вы ее не познакомили съ обществомъ, да и съ артистами она видится только на репетиціи: чтò бы вамъ нынче у себя вечеръ устроить съ хорошимъ ужиномъ и пригласить ее, только чтобы общество было избранное. Вы пригласите когонибудь изъ знакомыхъ, а артисты — ужъ это дѣло мое, я знаю, кого пригласить. Нравится вамъ моя мысль? Похоже это на ревность?...

Дудукинъ.

О, нѣтъ, какая ревность! Вотъ это — идея, идея! Merci, мое сокровище! Какъ это: женскій умъ... женскій умъ...

Миловзоровъ.

Женскій умъ лучше всякихъ думъ.

Дудукинъ.

Вотъ чтò правда, то правда! И какъ это мнѣ въ голову не пришло! Я, Петя, полагаю, что мы неблагородны, что мало мы у женщинъ ручки цѣлуемъ. *(Входитъ Шмага въ новомъ пальто и въ шляпѣ на ухо, раскланивается.)*

ЯВЛЕНІЕ ТРЕТЬЕ.

Коринкина, Миловзоровъ, Дудукинъ *и* Шмага.

Шмага *(Дудукину)*.

Меценату, просвѣщенному покровителю искусствъ и всякихъ художествъ! Ну-ка, меценатъ, одолжите сигарочку!

Дудукинъ.

Изъ какихъ тебѣ?

Шмага.

Да ужъ я постоянно одинъ сортъ курю.

Дудукинъ.

Какія же?

Шмага.

Чужія. *(Дудукинъ даетъ ему сигару, которую Шмага завертываетъ въ бумажку и кладетъ въ карманъ.)* Это послѣ, за завтракомъ.

Миловзоровъ.

Шмага, ты не видалъ Незнамова? Будетъ онъ на репетиціи?

Шмага.

Кто-жъ его знаетъ! Я не нянька его.

Коринкина.

Вы, кажется, такія неразрывные были.

Шмага.

Чего на свѣтѣ не бываетъ. И мужья съ женами расходятся, а не то, что друзья.

Дудукинъ.

Вотъ чудо-то! Какая кошка между вами пробѣжала?

Шмага *(важно)*.

Въ убѣжденіяхъ не сошлись.

Коринкина.

Вы не смѣшите! Ну, какія у васъ съ Незнамовымъ убѣжденія?

Дудукинъ.

Въ самомъ дѣлѣ, Шмага, что̀-то я у тебя прежде убѣжденій не замѣчалъ.

Шмага.

Напрасно; убѣжденія у меня есть твердыя. Вчера у меня, сверхъ всякаго ожиданія, деньги завелись, такъ бѣшеныя набѣжали, съ вѣтру.

Миловзоровъ.

Да видимъ, видимъ, что ты въ обновкѣ.

Шмага.

Мое убѣжденіе такое, что надо ихъ непремѣнно пропить поскорѣе. А вы говорите, что у меня нѣтъ убѣжденій. Чѣмъ

это не убѣжденіе? И я убѣждалъ Гришку отправиться въ трактиръ „Собраніе веселыхъ друзей“. Но убѣжденія мои не подѣйствовали.

Дудукинъ.

Отказался? Неужели?

Коринкина.

Да это онъ сказки разсказываетъ!

Шмага.

И не только отказался, но оскорбилъ меня словесно и чуть-чуть не нанесъ оскорбленія дѣйствіемъ; немножко Богъ помиловалъ. Кончено! Гришка погибъ для нашего общества!

Миловзоровъ.

Для какого?

Шмага.

Для „Собранія веселыхъ друзей“. Я потерялъ лучшаго своего друга.

Дудукинъ.

Да что̀ съ нимъ сдѣлалось?

Шмага.

Очень просто: нить въ жизни потерялъ.

Миловзоровъ.

Какъ это нить потерялъ? Какую нить?

Шмага.

Ну, вотъ еще, какая нить? У всякаго своя нить. Ты вотъ любовникъ и на сценѣ, и въ жизни; ты свою нить и тянешь, и намъ надо было свою тянуть.

Коринкина.

Въ „Собраніи веселыхъ друзей“?

Шмага.

Конечно. Какъ человѣкъ нить потерялъ, такъ пропалъ. Ему, и по заведенному порядку, слѣдуетъ въ трактиръ итти, а онъ за философію. А отъ философіи нападаетъ на человѣка тоска, а хуже тоски ничего быть не можетъ.

Дудукинъ.

Незнамовъ — и за философію!... Странно.

Коринкина.

Что̀ его сглазили, что̀ ли?

Шмага.

Сглазили.

Коринкина.

Кто же?

Шмага.

Пріѣзжая знаменитость.

Коринкина.

Да ты врешь. Пошелъ вонъ!

Шмага.

Нѣтъ, ужъ это вѣрно.

Коринкина.

Миловзоровъ, это надо принять къ свѣдѣнію!

Миловзоровъ.

Примемъ.

Шмага.

Кончено... Прощай, голубчикъ! Нить потерялъ.

Миловзоровъ.

А ты не теряешь?

Шмага.

Еще бы. Чтò мнѣ за расчетъ? Вотъ я хочу къ меценату обратиться съ предложеніемъ услугъ.

Дудукинъ.

Благодарю. Какихъ услугъ, мой другъ?

Шмага.

Я подозрѣваю, что у васъ есть намѣреніе угостить насъ, первыхъ сюжетовъ, завтракомъ; по этому случаю вы мнѣ дадите денегъ, а ужъ я, такъ и быть, услужу вамъ: схожу куплю пироговъ, колбаски, икорки и прочаго.

Коринкина.

Только, пожалуйста, не здѣсь.

Шмага.

Ну, вотъ еще! Завтракъ для первыхъ сюжетовъ, такъ мы и пойдемъ туда, гдѣ первые сюжеты одѣваются.

Миловзоровъ.

Куда-жъ это?

Шмага.

Наверхъ, на чердакъ, въ общую, гдѣ статистамъ бороды наклеиваютъ.

Дудукинъ.

Услужи, услужи! Подожди немного на сценѣ, я только повидаюсь съ Еленой Ивановной.

Миловзоровъ.

Да коли увидишь Незнамова, такъ пошли его сюда.

Шмага *(показывая на сцену).*

Да вонъ онъ! *(Дудукинъ и Шмага уходятъ.)*

Коринкина *(у двери).*

Незнамовъ, зайдите на минуту! *(Незнамовъ входитъ.)*

ЯВЛЕНІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

Коринкина, Миловзоровъ *и* Незнамовъ.

Незнамовъ.

Чтȯ вамъ угодно?

Миловзоровъ.

Здравствуй, Гриша!

Незнамовъ.

Здравствуй!

Коринкина.

Чтȯ вы отъ насъ бѣгаете?

Незнамовъ.

Отъ кого „отъ насъ“?

Коринкина.

Ну, отъ меня.

Незнамовъ *(окидывая ее глазами).*

Да я никогда при васъ и не состоялъ. Этого счастія удостоенъ не былъ.

Коринкина.

Кто-жъ виноватъ? Вы сами не хотѣли; вы такой нелюбезный. Не ждете ли вы, что женщины за вами будутъ сами ухаживать? Хотя это и бываетъ, да очень рѣдко. Надо, чтобъ вы сами...

Незнамовъ.

Не могу. Я въ эту должность не гожусь.

Коринкина.

Въ какую?

Незнамовъ.

Ни въ пажи, ни въ Амишки. Это вотъ ужъ ихъ дѣло. *(Указывая на Миловзорова.)* Что̀ же вамъ угодно отъ меня?

Коринкина.

Ахъ, да ничего особеннаго, только не будьте такимъ букой, не удаляйтесь отъ нашего общества. Ну, что̀ вамъ за компанія Шмага?

Незнамовъ.

Позвольте, позвольте! Шмагу не трогайте. Во-первыхъ, онъ веселъ и остроуменъ, а вы всѣ скучны; во-вторыхъ, онъ хоть дрянь, но искрененъ: онъ себя за дрянь и выдаетъ; а вы всѣ, извините меня, фальшивы.

Коринкина.

Ахъ, Боже мой, я и не говорю, что мы святые; и у насъ есть недостатки: и фальшь, и все, что̀ вамъ угодно. Да простите намъ ихъ, какъ вы прощаете Шмагѣ; не судите насъ строго!

Незнамовъ.

„Простите, не судите“. Не хочу я ни судить, ни прощать васъ; что̀ я за судья? Я только сторонюсь отъ васъ и буду сторониться, потому что вы сейчасъ же поставите меня въ дураки и насмѣетесь надо мной.

Коринкина.

Ахъ, что̀ вы, что̀ вы?

Миловзоровъ.

Ахъ, Гриша! Зачѣмъ такая недовѣрчивость, мамочка?

Незнамовъ.

Въ два голоса принялись!

Коринкина.

Вы такой милый и водитесь съ Шмагой.

Незнамовъ.

Милый? Давно ли? Что̀ вы мнѣ поете? Вѣдь вы меня не любите?

Коринкина.

То-есть... не любила.

Незнамовъ.

А теперь полюбили?

Коринкина.

Ужъ вы многаго захотѣли! Развѣ такъ прямо спрашиваютъ? *(Смѣется.)* При свидѣтеляхъ я не признаюсь.

Незнамовъ.

Ну, я какъ-нибудь васъ безъ свидѣтелей поймаю.

Коринкина.

Тогда другое дѣло.

Незнамовъ.

Говорите яснѣй, говорите прямо! Чтò вамъ нужно?

Коринкина.

Скажу, скажу.... Только, вѣдь, я васъ знаю, вы чудакъ и очень упрямый... Но на этотъ разъ, пожалуйста, чтобъ безъ отказу!

Миловзоровъ.

Да, мамочка, ужъ сдѣлай милость!

Незнамовъ.

Да говорите!

Коринкина.

Я не знаю, какъ и начать, ужъ очень боюсь васъ. Вотъ, видите ли, Нилъ Стратоновичъ звалъ насъ сегодня на вечеръ...

Незнамовъ.

Такъ чтò-жъ? Мнѣ-то чтò за дѣло?

Коринкина.

Нѣтъ, я боюсь, право, боюсь. Да ужъ рискну, была ни была. Такъ вотъ: проводите меня къ нему, останьтесь съ нами весь вечеръ и отвезите меня домой! Да, ну, рѣшайтесь! Ахъ, какой тюлень!

Незнамовъ.

Чтò такое вы выдумываете?

Коринкина.

Ну, голубчикъ, ну, милый Незнамовъ!

Миловзоровъ.

Да какой „Незнамовъ“? Просто — Гриша.

Коринкина.

Ну, Гриша! Милый, сдѣлай для меня это удовольствіе! *(Обнимаетъ и цѣлуетъ Незнамова.)*

Незнамовъ.

Чтò вы, чтò вы? Это чтò еще за новости?

Коринкина.

Отъ души, голубчикъ, отъ души!

Незнамовъ.

Ну, коли отъ души, такъ другое дѣло. А онъ-то? Вѣдь онъ у васъ постоянный, безсмѣнный...

Коринкина.

Онъ другую даму провожаетъ; да онъ ужъ и надоѣлъ мнѣ.

Незнамовъ.

Ну, чтò-жъ, извольте, я сегодня свободенъ. Только вѣдь тамъ скучно!

Коринкина.

Мы постараемся развлечь васъ. Вотъ это мило! Вотъ это душка! *(Дѣлаетъ ручкой и уходитъ за сцену.)*

ЯВЛЕНІЕ ПЯТОЕ.

Незнамовъ *и* Миловзоровъ.

Незнамовъ.

Чтò это за комедія? Скажи, пожалуйста!

Миловзоровъ.

Никакой комедіи, мамочка: все очень просто.

Незнамовъ.

Да зачѣмъ именно я ей понадобился? Развѣ она не могла взять кого-нибудь другого?

Миловзоровъ.

Кого же? Изъ резонеровъ или комиковъ? Развѣ можно на нихъ разсчитывать? Они и сами не знаютъ, чтò будетъ съ ними къ вечеру. А, можетъ быть, мамочка, это женскій капризъ. Имъ часто приходитъ въ голову то, чего и не ожидаешь.

Незнамовъ.

Капризъ! Не люблю я капризовъ-то.

Миловзоровъ.

Ахъ, мамочка, да развѣ бываютъ женщины безъ капризовъ?

Незнамовъ.

Да ты-то почемъ это знаешь? Много ли ты женщинъ видѣлъ, и какихъ? Ты судишь объ женщинахъ по водевилямъ, гдѣ у нихъ, послѣ каждаго слова, улыбка къ публикѣ и куплетъ. Что̀ такое нынче у Нила Стратоновича?

Миловзоровъ.

Ничего особеннаго. Будетъ бомонъ и артисты; все свои люди; Кручинина будетъ.

Незнамовъ.

Кручинина? Что̀-жъ ты мнѣ прежде не сказалъ?

Миловзоровъ.

Да объ чемъ говорить-то? Что̀ тутъ такого необыкновеннаго?

Незнамовъ.

А какъ ты думаешь: Кручинина обыкновенная женщина или нѣтъ?

Миловзоровъ.

Актриса, вотъ и все.

Незнамовъ.

Да актриса-то обыкновенная?

Миловзоровъ.

Публикѣ нравится.

Незнамовъ.

А тебѣ?

Миловзоровъ.

Говорятъ, Сара Бернаръ лучше.

Незнамовъ.

Говорятъ! А самъ-то ты ужъ ни глазъ, ни смыслу не имѣешь? Ну, такъ я тебѣ скажу: она и артистка необыкновенная, и женщина необыкновенная!

Миловзоровъ.

Артистка — пожалуй! Ну, а женщина... *(Улыбается и пожимаетъ плечами.)*

Незнамовъ *(строго)*.

Что̀ „женщина"? Договаривай!

Миловзоровъ.

Я думаю, такая же, какъ и всѣ.

Незнамовъ.

Вѣдь ты меня знаешь: я на похвалы не очень щедръ; а я тебѣ вотъ что̀ скажу: я только разъ поговорилъ съ ней, и всѣ наши выходки, молодечество, ухарство, напускное презрѣніе къ людямъ показались мнѣ такъ мелки и жалки, и самъ я себѣ показался такъ ничтоженъ, что хоть сквозь землю провалиться. Мы при ней и разговаривать-то не должны, а стоять намъ дурачкомъ молча, опустя голову, да ловить, какъ манну небесную, ея кроткія, умныя рѣчи.

Миловзоровъ.

Нѣтъ, я со всѣми развязенъ.

Незнамовъ.

О, несчастный!

Миловзоровъ.

Вѣдь это философія, мамочка!

Незнамовъ.

Замолчи! Сочти такъ, что ты не слыхалъ моихъ словъ, что я съ этой стѣной разговаривалъ. Ты не знаешь, долго ли Кручинина здѣсь пробудетъ?

Миловзоровъ.

Я полагаю, что она скоро уѣдетъ.

Незнамовъ.

Почему?

Миловзоровъ.

Да такъ; открылись нѣкоторыя обстоятельства, старые грѣшки...

Незнамовъ.

Я тебѣ приказываю говорить объ этой женщинѣ съ уваженіемъ. Слышишь?

Миловзоровъ.

Я бы радъ говорить съ уваженіемъ, если тебѣ это пріятно; но всѣхъ молчать не заставишь; я повторяю только чужія слова.

Незнамовъ.

Вы сами же сочинили какую-нибудь гадость, да и разславляете вездѣ. Я васъ знаю: вы на это способны. Ты скажи всѣмъ, что я обижать ее не позволю, что я за нее...

Миловзоровъ.

Прибьешь? Отъ тебя, мамочка, только того и жди.

Незнамовъ.

Нѣтъ, не прибью...

Миловзоровъ.

Не прибьешь, помилуешь?

Незнамовъ.

Я убью до смерти!

Миловзоровъ *(съ испугомъ)*.

Ну, вотъ, мамочка! Какъ же можно съ тобой разговаривать? Ну, тебя! Отставь меня, не спрашивай. Я уйду.

Незнамовъ.

Нѣтъ, постой! Ты началъ, такъ договаривай! Только говори правду, одну правду!

Миловзоровъ.

Вотъ ты самъ, мамочка, заставляешь, а начни я говорить, такъ ты опять...

Незнамовъ.

Нѣтъ, говори, говори! Мнѣ нужно знать все. Отъ этого зависитъ... Не поймешь ты, вотъ чего я боюсь. Вѣдь я круглый сирота, брошенный въ омутъ безсердечныхъ людей, которые грызутся изъ-за куска хлѣба, за рубль продаютъ другъ друга, и вдругъ я встрѣчаю участіе, ласку — и отъ кого же? Отъ женщины, которой слава гремитъ, съ которой всякій считаетъ за счастіе хоть поговорить! Повѣришь ли ты, повѣришь ли, я вчера въ первый разъ въ жизни видѣлъ ласку матери!

Миловзоровъ.

Мамочка, это увлеченіе. Ты, Гриша, влюбленъ?

Незнамовъ.

Нѣтъ, я вижу, что съ тобой говорить невозможно. Да вылѣзь ты изъ своего дурацкаго амплуа хоть на минуту! Это не любовь, это благоговѣніе!

Миловзоровъ.

Ты говоришь, что въ первый разъ узналъ ласку матери? Вотъ въ этомъ-то ты и ошибаешься.

Незнамовъ.

Чтò такое? Чтò за вздоръ ты говоришь?

Миловзоровъ.

Любовь матери ты можешь искать гдѣ угодно, но только не у нея.

Незнамовъ.

Не испытывай ты моего терпѣнія!

Миловзоровъ.

Ее главнымъ образомъ и обвиняютъ въ томъ, что она бросаетъ своихъ дѣтей.

Незнамовъ.

Какъ бросаетъ?

Миловзоровъ.

Вотъ здѣсь, напримѣръ, нѣсколько лѣтъ тому назадъ, она бросила своего ребенка на произволъ судьбы и уѣхала съ какимъ-то бариномъ. Да, говорятъ, это бывало съ ней и не одинъ разъ.

Незнамовъ.

Кто же ее обвиняетъ?

Миловзоровъ.

Да всѣ, мамочка. Да чего лучше! Спроси у Нила Стратоновича; онъ говорилъ съ ней объ этомъ предметѣ, и она сама ему призналась.

Незнамовъ.

Постой, постой! Это невозможно, нѣтъ, это на нее не похоже. У нея въ голосѣ, въ разговорѣ, въ манерѣ такая искренность, такая сердечность!...

Миловзоровъ.

А ты и растаялъ, распустилъ губы-то? Актриса, хорошая актриса...

Незнамовъ.

Актриса, да... но я все-таки тебѣ не вѣрю.

Миловзоровъ.

А я увѣрять не стану; какъ хочешь!

Незнамовъ *(задумывается).*

Актриса! актриса! Такъ и играй на сценѣ. Тамъ за хорошее притворство деньги платятъ. А играть въ жизни надъ простыми, довѣрчивыми сердцами, которымъ игра не нужна, которыя правды просятъ... за это казнить надо... Намъ обмана не нужно! Намъ подавай правду, чистую правду! Актриса! *(Задумывается.)* Гдѣ Шмага?

Миловзоровъ.

Наверху, въ уборной, водку пьетъ.

Незнамовъ.

Хорошее это занятіе. О, какъ бы я желалъ, чтобы все это оказалось вздоромъ!

Миловзоровъ.

А если правда?

Незнамовъ.

Ну, тогда я сумѣю наказать себя за глупую довѣрчивость; да и еще кой-кому достанется. *(Уходитъ. Входитъ Коринкина.)*

ЯВЛЕНІЕ ШЕСТОЕ.

Миловзоровъ, Коринкина, *потомъ* Кручинина.

Коринкина.

Уходи! Сюда идетъ Кручинина; она хочетъ отдохнуть. Что̀ Незнамовъ?

Миловзоровъ.

Подѣйствовало.

Коринкина.

То-то онъ вышелъ, какъ въ воду опущенный. Значитъ, вечеромъ будетъ спектакль?

Миловзоровъ.

Да, этотъ вечеръ будетъ съ финаломъ; Незнамовъ эффекты всегда къ концу приберегаетъ. *(Уходитъ. Входитъ Кручинина.)*

Коринкина.

Пожалуйте! Я уѣзжаю. Ужъ извините, у насъ всѣ уборныя плохи! Въ моей хоть отдохнуть можно, а въ другихъ повернуться негдѣ.

Кручинина.

Да, у меня неудобно и дуетъ очень.

Коринкина.

Здѣсь все-таки и знакомыхъ принять можно.

Кручинина.

Мнѣ некого.

Коринкина.

Какъ знать! У насъ вѣдь постоянно на сценѣ публика

толчется; случается, что и зайдетъ кто-нибудь! Такъ до свиданія у Нила Стратоновича! За вами Миловзоровъ заѣдетъ.

Кручинина.

Да, ужъ я просила его. *(Коринкина подаетъ руку и уходитъ. Кручинина садится къ столу, вынимаетъ роль и читаетъ. Входитъ Муровъ.)*

ЯВЛЕНІЕ СЕДЬМОЕ.

Кручинина *и* Муровъ. *(Кручинина оборачивается, встаетъ со стула и на поклонъ Мурова молча кланяется.)*

Муровъ *(съ улыбкой).*

Муровъ, Григорій Львовичъ. Честь имѣю представиться! *(Кланяется.)* Я вчера два раза заѣзжалъ къ вамъ въ гостиницу, но не имѣлъ счастія заставать. Третьяго дня я былъ въ театрѣ; говорить о томъ впечатлѣніи, которое ваша игра производитъ на зрителей, я не стану. Это вамъ и безъ меня извѣстно; но я былъ пораженъ еще необыкновеннымъ сходствомъ, которое вы имѣете съ одной женщиной, мнѣ когда-то знакомой.

Кручинина.

Чтò же вамъ угодно?

Муровъ.

Я желаю знать, ошибаюсь я или нѣтъ? Театральное освѣщеніе, румяна, гримировка — все это такъ измѣняетъ физіономію, что можно найти сходство и тамъ, гдѣ его нѣтъ.

Кручинина.

Ну, вотъ я теперь безъ гримировки. Чтò же вы находите?

Муровъ.

Я изумленъ еще болѣе... Такой игры природы не можетъ быть. Когда смотришь на васъ, или надо не вѣрить глазамъ своимъ, или, извините, нельзя удержаться отъ вопроса.

Кручинина.

Спрашивайте!

Муровъ.

Вы Любовь Ивановна Отрадина?

Кручинина.

Да, я Любовь Ивановна Отрадина.

Муровъ.

Но откуда вы явились, гдѣ вы были до сихъ поръ, чтò дѣлали, какъ поживали?

Кручинина.

Я такъ полагаю, что вамъ этого ничего знать не нужно, потому что до васъ это нисколько не касается.

Муровъ.

Но откуда-жъ у васъ это имя? Зачѣмъ вы явились сюда подъ чужой фамиліей?

Кручинина.

Я поступила на сцену, начала новую жизнь, потому и перемѣнила фамилію; это обыкновенно такъ дѣлается. Я взяла имя и фамилію моей матери. Вы кончили ваши вопросы?

Муровъ.

Вы желаете поскорѣй отдѣлаться отъ меня, прекратить разговоръ и указать мнѣ дверь?

Кручинина.

Нѣтъ, я жду, когда вы кончите спрашивать.

Муровъ.

Я кончилъ.

Кручинина.

Ну, теперь я васъ спрошу. Гдѣ мой сынъ, чтò вы съ нимъ сдѣлали?

Муровъ.

Да вѣдь ужъ я вамъ писалъ, что онъ умеръ. Развѣ вы моего письма не получили?

Кручинина.

Нѣтъ, получила; но вы меня обманули. Онъ выздоровѣлъ, и когда вы мнѣ писали объ его смерти, онъ былъ живъ.

Муровъ.

Если вы это знали, отчего вы не пріѣхали и не взяли его?

Кручинина.

Я узнала только вчера. А тогда я не могла пріѣхать: я была очень больна; меня увезли полумертвую. Вы это знали хорошо. Зачѣмъ вы меня обманули?

Муровъ.

Одинъ поступокъ всегда влечетъ за собой другой. Я боялся, что вы вернетесь, пойдетъ разговоръ, можетъ дойти до моей жены и на первыхъ порахъ разссорить насъ.

Кручинина.

Ну, это все равно; дѣло кончено. Куда вы дѣли моего ребенка? Говорите только правду, я сама кой-что знаю.

Муровъ.

Мы нашли очень хорошихъ, достаточныхъ людей; я имъ передалъ сына своими руками и, отдавая, надѣлъ тотъ медальонъ, который вы мнѣ оставили.

Кручинина.

Такъ онъ цѣлъ, онъ у него? Тамъ его золотые волосы, тамъ я и записку положила.

Муровъ.

Какую записку?

Кручинина.

Такъ, маленькую. Я записала день его рожденія.

Муровъ.

И больше ничего?

Кручинина.

Ужъ теперь не помню.

Муровъ.

Я этого не зналъ; я думалъ, что это такъ золотая бездѣлушка, не представляющая никакого документа. Ну, да это все равно. Добрые люди обѣщали мнѣ никогда не снимать съ него медальона. Они, вѣроятно, считали его за какой-нибудь талисманъ или амулетъ, имѣющій таинственную силу, или за ладанку, которую надѣваютъ дѣтямъ отъ грыжи.

Кручинина.

Что же дальше?

Муровъ.

Они его растили, учили, воспитывали, а сами богатѣли, расширили свою торговлю, завели въ нѣсколькихъ губернскихъ городахъ большіе магазины. Выстроили себѣ большой домъ, ужъ не помню хорошенько гдѣ — въ Сызрани, въ Ирбитѣ или въ Самарѣ, нѣтъ, кажется, въ Таганрогѣ, и переѣхали туда на житье.

Кручинина.

Давно ли это было?

Муровъ.

Лѣтъ восемь тому назадъ.

Кручинина.

А потомъ вы имѣли о немъ свѣдѣнія?

Муровъ.

Нѣтъ. Они просили меня прекратить всѣ сношенія съ ними. Мы, дескать, воспитали его; онъ носитъ нашу фамилію и будетъ нашимъ наслѣдникомъ; такъ ужъ оставьте насъ въ покоѣ. Да и въ самомъ дѣлѣ, если разсуждать здраво, что̀ лучшаго можно ожидать для ребенка безъ имени? Я могъ вполнѣ успокоиться; его участь завидная.

Кручинина.

Фамилія этого купца?

Муровъ.

Я ужъ забылъ. Не то Ивановъ, не то Перекусихинъ; что̀-то среднее между Ивановымъ и Перекусихинымъ, кажется, Подтоварниковъ. Если вамъ угодно, я могу собрать справки. Сегодня же я увижу одного пріѣзжаго, который знаетъ всѣхъ купцовъ во всѣхъ низовыхъ городахъ, и сегодня же передамъ вамъ. Вѣдь вы будете у Нила Стратоновича?

Кручинина.

Да, буду.

Муровъ.

Можно сказать вамъ еще нѣсколько словъ, вы позволите?

Кручинина.

Говорите!

Муровъ.

За огорченіе, которое я вамъ причинилъ, я былъ наказанъ жестоко: покойная жена моя сумѣла изъ моей жизни сдѣлать непрерывную пытку. Но я все-таки не помяну ее дурнымъ словомъ; это наказаніе я заслужилъ, и притомъ же она оставила мнѣ огромное состояніе. Послѣ моей безотрадной жизни, когда я опять увидѣлъ васъ, старая страсть запылала во мнѣ. Я вѣдь не юноша, не преувеличиваю своихъ чувствъ и научился взвѣшивать выраженія; если я говорю, что запылала, такъ, значитъ, дѣйствительно запылала, и дру-

гого слова для выраженія моего чувства нѣтъ. Тутъ только я понялъ, какое счастіе я потерялъ; это счастіе такъ велико, что я не остановлюсь ни передъ какими жертвами, чтобъ возвратить его. Вы побѣдили меня, разбили окончательно. Я прошу пощады, прошу мира. Заключимте миръ! Я побѣжденный, вы имѣете право диктовать мнѣ условія; я приму ихъ съ покорностью, безпрекословно.

Кручинина.

Какъ горько это слышать! Вы не даете никакой цѣны свѣжему, молодому чувству простой любящей дѣвушки и готовы унижаться передъ женщиной, пожившей, которой душа ужъ охладѣла, изъ-за того только, что она имѣетъ извѣстность!

Муровъ.

Но, Люба, неужели не осталось въ тебѣ ни одной искры прежняго чувства?

Кручинина.

Здѣсь нѣтъ Любы; передъ вами Елена Ивановна Кручинина.

Муровъ.

Твое чувство было такъ богато любовью, такъ расточительно!

Кручинина.

Я разучилась понимать такія слова.

Муровъ.

Извините! Я зналъ женщину; теперь передо мной актриса. Я буду говорить иначе. Не угодно ли вамъ будетъ посѣтить меня въ моемъ имѣніи? Не угодно ли вамъ будетъ тамъ остаться и быть хозяйкой? Наконецъ, не угодно ли вамъ быть госпожею Муровой?

Кручинина.

На всѣ ваши вопросы я вамъ буду отвѣчать тоже вопросомъ. Гдѣ мой сынъ? И пока я его не увижу, другого разговора между насъ не будетъ. Мнѣ пора на сцену. *(Уходитъ.)*

Муровъ.

До свиданья! *(Идетъ за Кручининой.)* Я терпѣливъ и надежды не теряю никогда. *(Уходитъ. Входитъ Незнамовъ, мрачный, останавливается у двери и пристально смотритъ на сцену.)*

ЯВЛЕНІЕ ВОСЬМОЕ.

Незнамовъ, *потомъ* Шмага.

Незнамовъ *(у двери).*

Шмага, Шмага, поди сюда! Поди сюда, говорятъ тебѣ! *(Шмага за дверью: „Бить не будешь?“)* Да не буду, очень мнѣ нужно объ тебя руки марать! *(Шмага входитъ; Незнамовъ беретъ его за воротъ.)* Говори, говори! Что̀ тамъ шепчутся, что̀ говорятъ обо мнѣ?

Шмага.

Постой, не души! Отпусти на минутку, дай вздохнуть! Все скажу, всю правду скажу!

Незнамовъ *(выпуская изъ рукъ Шмагу).*

Ну, говори!

Шмага.

Что̀ говорятъ-то? Да говорятъ глупости.

Незнамовъ.

Это я знаю.

Шмага.

А коли знаешь, за что̀-жъ сердишься?

Незнамовъ.

Да ты не разсуждай, а говори, что̀ слышалъ!

Шмага.

Да я, признаться, и не слушалъ. Зачѣмъ слушать-то? Вѣдь, кромѣ глупости, я отъ нихъ ничего не позаимствую, а этого у насъ и дома много.

Незнамовъ.

Да они что̀ поминали меня и Кручинину, и шептались?

Шмага.

Да шопотомъ ли, вслухъ ли глупости говорить — развѣ это не все равно?

Незнамовъ.

Да вѣдь они смѣются! Это ужасно! Это невыносимо! Вѣдь, по крайней мѣрѣ, съ моей-то стороны было искреннее, глубокое чувство. И зачѣмъ я разсказалъ!

Шмага.

Ну, вотъ то-то же.

Незнамовъ.

И этотъ вечеръ у Нила Стратоновича, о которомъ они хлопочутъ! Нѣтъ ли тутъ интриги, нѣтъ ли какой-нибудь подлости? Не хотятъ ли они глумиться надъ женщиной, которая заслуживаетъ всякаго уваженія?

Шмага.

Уваженія, ты говоришь?

Незнамовъ *(хватаясь за голову)*.

Ахъ, да я и самъ не знаю, уваженія или презрѣнія.

Шмага.

А не знаешь, такъ не водись ни съ ними, ни съ ней.

Незнамовъ.

Постой! Представь себѣ, что человѣкъ бѣдный, самый бѣдный, который всю жизнь не видалъ въ рукахъ гроша, нашелъ вдругъ груду золота...

Шмага.

Превосходнѣй ничего быть не можетъ!

Незнамовъ.

Погоди! И вдругъ эта груда оказывается мусоромъ. Что̀ тогда?

Шмага.

Да, если человѣкъ жаденъ, и золото очень мило ему показалось, такъ послѣ такого превращенія ужъ онъ непремѣнно зацѣпитъ петельку на гвоздикъ, да и начнетъ вправлять туда свою шею.

Незнамовъ.

Ну, такъ слушай!

Шмага *(махнувъ рукой)*.

Философія пошла! Нѣтъ, Гриша, нѣтъ, ты меня своей философіей не май, не томи!

Незнамовъ.

Да вѣдь есть же разница между добромъ и зломъ?

Шмага.

Говорятъ, есть какая-то маленькая, да не наше это дѣло. Нѣтъ, ты меня философіей не донимай! А то я затоскую такъ же, какъ ты. Направимся-ка лучше въ „Собраніе веселыхъ друзей“.

Незнамовъ.

О, варвары! Что̀ они дѣлаютъ съ моимъ сердцемъ? Но ужъ кто-нибудь мнѣ отвѣтитъ за мои страданія: или они, или она! *(Идутъ къ двери.)*

Занавѣсъ.

ДѢЙСТВІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

ЛИЦА:

Кручинина.
Коринкина.
Дудукинъ.
Муровъ.
Незнамовъ.
Миловзоровъ.
Шмага.
Гости и прислуга.

Лунная ночь. Площадка въ большомъ барскомъ саду, окруженная старыми липами; на площадкѣ скамейки и столики ясеневые, на чугунныхъ ножкахъ; на сцену выходитъ терраса большого дома; у террасы рабатки съ цвѣтами и вьющимися растеніями. На террасу изъ дома стеклянная дверь и нѣсколько оконъ; въ домѣ полное освѣщеніе.

ЯВЛЕНІЕ ПЕРВОЕ.

На одной скамейкѣ сидятъ Незнамовъ *и* Миловзоровъ, *на другой* Шмага; *онъ смотритъ то на луну, то по сторонамъ, вздыхаетъ и принимаетъ разныя позы.*

Миловзоровъ.

Что̀ ты, Шмага, вздыхаешь? Чѣмъ недоволенъ, мамочка?

Шмага.

На луну сержусь.

Миловзоровъ.

За что̀?

Шмага.

Зачѣмъ она на меня смотритъ? И какое глупое выраженіе! Точь-въ-точь круглолицая, сытая деревенская дѣвка, которая стои́тъ у воротъ, неизвѣстно чему рада, скалитъ зубы и во весь ротъ улыбается.

Миловзоровъ.

Ты, мамочка, не понимаешь поэзіи. а я сижу и про себя думаю: эка ночь-то!

Шмага.

Какъ бы хорошо въ такую ночь...

Миловзоровъ.

По Волгѣ кататься?

Шмага.

Нѣтъ, въ трактирѣ сидѣть.

Миловзоровъ.

Ну, что̀ за вздоръ? Въ трактирѣ хорошо зимой. На дворѣ вьюга или морозъ; квартиры у насъ, по большей части, сырыя или холодныя; въ трактирѣ свѣтло и тепло.

Шмага.

И весело.

Миловзоровъ.

Ну, а лѣтомъ тамъ душно, мамочка.

Шмага.

А ты вели окно открыть; вотъ тебѣ и воздухъ, и поэзія! Луна смотритъ прямо тебѣ въ тарелку; подъ окномъ сирень или липа цвѣтетъ, померанцемъ пахнетъ...

Миловзоровъ.

Это отъ липы-то?

Шмага.

Нѣтъ, отъ графина, который на столѣ стоитъ. Пѣтухи поютъ, которыхъ зажарить еще не успѣли.

Миловзоровъ.

Пѣтухи! Проза, мамочка! Ты, вѣроятно, хотѣлъ сказать: соловьи.

Шмага.

Да вѣдь это по деньгамъ глядя: много денегъ, такъ до соловьевъ просидишь, а мало, такъ только до пѣтуховъ. Соловей зарю воспѣваетъ, попоётъ, попоётъ вечеромъ, да потомъ опять на зарѣ защелкаетъ; а пѣтухъ полночь знаетъ; это нашъ хронометръ. Какъ закричитъ, — значитъ, нашъ братъ, бѣднякъ, уходи изъ трактира, а то погонятъ. *(Смотритъ на луну и вздыхаетъ.)* Нѣтъ, вотъ му́ка-то, я вамъ доложу! Мы, изволите видѣть, къ богатому барину въ гости пріѣхали! А

за чѣмъ, спрашивается? Природой любоваться? Сиди да гляди на луну, какъ волкъ въ зимнюю морозную ночь. Такъ вѣдь и волкъ поглядитъ, поглядитъ, да и взвоетъ таково жалобно. Давай, Гриша, завоемъ въ два голоса! Ты вой, а я подвывать стану съ разными переливами; авось хозяинъ-то догадается.

Незнамовъ.

Тебѣ видно не очень худо; ты еще шутить можешь, а мнѣ, братъ, скверно.

Шмага.

Ну, и мнѣ не легче.

Незнамовъ.

Ты доберешься до буфета, у тебя и пройдетъ твое горе.

Шмага.

А тебѣ кто-жъ мѣшаетъ?

Незнамовъ.

Мнѣ это средство не поможетъ; пожалуй, хуже станетъ.

Миловзоровъ.

Ну, не скажи, мамочка!

Шмага.

А ты попробуй, чудакъ, попробуй!

Незнамовъ.

Не проси, и то, кажется, попробую.

Шмага.

Что̀-жъ это такое, въ самомъ дѣлѣ? Назвалъ человѣкъ гостей, а занять ихъ не умѣетъ.

Миловзоровъ.

Ну, ужъ это ты напрасно, мамочка. Нилъ свое дѣло знаетъ. Солидные люди у него играютъ въ карты; молодые разговариваютъ съ дамами.

Шмага.

А актеры?

Миловзоровъ.

Чѣмъ же актеровъ занимать? Они сами должны оживлять общество.

Шмага.

Такъ ты прежде насъ настрой, какъ слѣдуетъ, подыми

тонъ, придай фантазіи; тогда мы и станемъ оживлять общество.

Миловзоровъ.

Всему свой чередъ, мамочка. Теперь чай пьютъ; не хочешь ли чаю?

Шмага.

Нѣтъ, ужъ это сами кушайте! *(Вздыхаетъ. Входитъ Коринкина.)*

ЯВЛЕНІЕ ВТОРОЕ.

Незнамовъ, Миловзоровъ, Шмага *и* Коринкина.

Коринкина.

Господа, что̀ же вы удаляетесь отъ общества? *(Незнамову.)* А вы что̀ надувшись сидите; отчего нейдете къ намъ?

Незнамовъ.

Зачѣмъ я вамъ понадобился?

Коринкина.

Кручинина ужъ два раза про васъ спрашивала. Она очень хорошо о васъ отзывается.

Незнамовъ.

Да хорошо ли, дурно ли, это мнѣ все равно. Я вообще не люблю, когда про меня разговариваютъ. Ахъ, ужъ оставили бы вы меня въ покоѣ. Точно у васъ нѣтъ другого разговора!

Коринкина.

Да что̀ вы за недотрога? Ужъ и хорошо-то про васъ не смѣй говорить. Кручинина находитъ, что у васъ талантъ есть и много души.

Шмага.

Ну, душа-то для актера, пожалуй, и лишнее.

Миловзоровъ.

Для комиковъ — это такъ; но есть и другія амплуа.

Шмага.

Да вотъ ты каждый день любовниковъ играешь, каждый день въ любви объясняешься, — много-ль у тебя ея, души-то?

Миловзоровъ.

Я нахожу, что для здѣшней публики достаточно, мамочка.

Шмага.

Для публики достаточно, а для домашняго употребленія, братъ, мало.

Незнамовъ.

Желалъ бы я знать, какъ настоящіе великіе артисты въ обыкновенной жизни себя ведутъ? Неужели такъ же притворяются, какъ на сценѣ?

Коринкина.

Вѣроятно. Много надо опытности, много надо пожить на свѣтѣ, чтобы выучиться отличать настоящее чувство отъ поддѣльнаго.

Незнамовъ.

Такъ, значитъ, надо ждать, пока состаришься? А до тѣхъ поръ все будутъ тебя обманывать да дуракомъ звать. Покорно васъ благодарю! Лучше совсѣмъ не вѣрить никому.

Коринкина.

Да, пожалуй, что такъ.

Шмага.

Душа-то у Незнамова есть — это правда; да вотъ бѣда-то: смыслу-то у него мало; не знаетъ онъ, куда ее дѣть, куда ее расходовать.

Незнамовъ.

Это ты правду говоришь.

Шмага.

А вотъ я хочу узнать, есть ли у васъ душа, Нина Павловна?

Коринкина.

Это что̀ еще за глупость?

Шмага.

Я согласенъ, что меня, актера Шмагу, можно въ порядочный домъ и не пускать; ну, и не пускайте, я не обижусь. Но ежели пустили и тѣмъ болѣе пригласили, то надо принять въ соображеніе мой образъ жизни и мои привычки. Если у васъ есть душа, то распорядитесь...

Коринкина.

Понимаю, понимаю. У меня есть душа, я ужъ давно распорядилась. Я затѣмъ и пришла, чтобъ пригласить васъ.

Шмага.

Пришли съ такимъ пріятнымъ извѣстіемъ и молчите до сихъ поръ! Ну, хорошо, что я не умеръ отъ нетерпѣнія, а то могло бы возникнуть уголовное дѣло. *(Подходитъ къ Незнамову.)* Гриша! брось философію-то, пойдемъ! Что̀ намъ природа: лѣса, горы, луна? Вѣдь мы не дикіе, мы люди цивилизованные.

Незнамовъ.

Дѣйствительно, братъ, скучно! Ну, пойдемъ, цивилизованный человѣкъ. Пойдемъ въ буфетъ! Пойдемъ туда, куда влечетъ меня мой жалкій жребій.

Коринкина *(Миловзорову, тихо).*

Онъ, кажется, въ ударѣ. Подогрѣйте его хорошенько.

Миловзоровъ.

Постараюсь. *(Идутъ всѣ къ дому; навстрѣчу имъ выходятъ Кручинина и Дудукинъ.)*

ЯВЛЕНІЕ ТРЕТЬЕ.

Незнамовъ, Миловзоровъ, Шмага, Коринкина, Кручинина *и* Дудукинъ.

Кручинина.

Куда же вы, господа? Вы не отъ меня ли бѣжите?

Коринкина.

О, нѣтъ; они сейчасъ же вернутся; я ихъ къ вамъ приведу.

Шмага.

Бываютъ въ жизни артиста минуты, когда онъ стремительно спѣшитъ къ своей цѣли, какъ изъ лука стрѣла. Остановить его — напрасный трудъ!

Кручинина.

Когда же эти минуты бываютъ?

Шмага.

Когда загремятъ ножами и вилками и скажутъ: закуска готова.

Незнамовъ.

Пойдемъ! Довольно тебѣ паясничать! *(Коринкина, Незнамовъ, Миловзоровъ и Шмага уходятъ въ домъ.)*

Дудукинъ.

Когда Шмага заговоритъ о закускѣ, такъ до паѳоса доходитъ; онъ возбуждаетъ аппетитъ; мы за этимъ его и приглашаемъ.

Кручинина.

Да, это тоже своего рода талантъ; но едва ли нужно поощрять такія способности.

Дудукинъ.

Что̀-жъ дѣлать? Жизнь-то у насъ, въ провинціи, скучна очень, такъ будешь радъ и Шмагѣ. Я, вѣдь, не проповѣдникъ; у меня правило: живи самъ и жить давай другимъ. Вы еще не соскучились у насъ, не надоѣло вамъ?

Кручинина.

Да гдѣ-жъ веселѣе-то? Вездѣ одно и то же. Но отсюда все-таки мнѣ надо уѣзжать скорѣе.

Дудукинъ.

Почему же?

Кручинина.

Слишкомъ много волненія я испытываю; здѣсь все напоминаетъ мнѣ мое печальное прошлое.

Дудукинъ.

Прошлое пора позабыть.

Кручинина.

Да ужъ я было и стала забывать, да вотъ попала случайно на родину — все и ожило въ моей памяти.

Дудукинъ.

Забудьте, забудьте! Пора вамъ пользоваться своей славой, своими успѣхами, пора успокоиться на лаврахъ.

Кручинина.

И рада бы успокоиться, да не даютъ. Я чуть было не умерла вчера.

Дудукинъ.

Неужели? Что̀ же случилось?

Кручинина.

Оказалось, что я была обманута самымъ безжалостнымъ образомъ. Когда мнѣ писали, что мой сынъ умеръ, онъ былъ живъ, онъ выздоровѣлъ. Его отдали кому-то въ пріемыши.

Дудукинъ.

Кому же?

Кручинина.

Ничего неизвѣстно, никто не знаетъ. У кого только можно было спросить, я спрашивала. Нѣкоторые помнятъ, что дѣйствительно были какіе-то пріѣзжіе купцы или мѣщане, а кто говоритъ, что и господа, — что взяли ребенка и уѣхали, а куда — никто не знаетъ. Такъ и слѣдовъ не осталось.

Дудукинъ.

Гдѣ-жъ теперь слѣдовъ искать? Кому ребенокъ мѣшалъ, кому нужно было его спрятать, такъ ужъ, повѣрьте, спрятали хорошо.

Кручинина.

Такъ вы думаете, что это сдѣлано умышленно, что его хотѣли сбыть съ рукъ?

Дудукинъ.

Безъ сомнѣнія. А то зачѣмъ же было писать вамъ, что онъ умеръ?

Кручинина.

Да, конечно. Ну, вотъ видите ли... А вы все совѣтуете успокоиться.

Дудукинъ.

Да и думать-то объ одномъ и томъ же что̀ хорошаго? Пользы никакой не будетъ, ничего не придумаете, а съ ума сойти можно.

Кручинина.

Да, можно, можно; я теперь понимаю, что даже легко сойти съ ума.

Дудукинъ.

А вы положитесь на судьбу! Коли суждено вашему сыну найтись, такъ онъ найдется. *(Муровъ показывается на террасѣ.)* А пока будемъ жить и веселиться! Жизнь для радостей дана. *(Входитъ Муровъ.)*

ЯВЛЕНІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

Кручинина, Дудукинъ *и* Муровъ.

Муровъ.

Тамъ послѣдній роберъ кончили; новая партія составляется.

Дудукинъ.

Извините! Я побѣгу, усажу господъ играющихъ и сейчасъ же возвращусь. *(Уходитъ.)*

Муровъ.

Вы мнѣ позволите побесѣдовать съ вами?

Кручинина.

Вы имѣете что̀-нибудь сообщить мнѣ?

Муровъ.

Имѣю; но, къ сожалѣнію, извѣстіе не совсѣмъ пріятное.

Кручинина.

Ничего, говорите! Я пріятными извѣстіями не избалована.

Муровъ.

Я видѣлъ того человѣка, о которомъ давеча говорилъ вамъ.

Кручинина.

Что̀ же вы узнали отъ него?

Муровъ.

Что этотъ купецъ — Простоквашинъ...

Кручинина.

Вы, кажется, говорили: Ивановъ?

Муровъ.

Я давеча ошибся, а потомъ вспомнилъ. Такъ вотъ-съ что̀: купецъ Простоквашинъ, вмѣстѣ съ пріемышемъ своимъ, года три или четыре тому назадъ, уѣхали въ Астрахань по своимъ торговымъ дѣламъ; оба тамъ захворали какой-то заразительной болѣзнью и умерли.

Кручинина.

Если это и правда, то вѣдь осталась вдова. Ужъ вамъ лучше сказать, что всѣ умерли.

Муровъ.

Нѣтъ, какъ можно! Зачѣмъ ей умирать? Помилуйте! Вдова осталась, непремѣнно осталась.

Кручинина.

Гдѣ-жъ она, что̀-жъ она?

Муровъ.

А она, должно быть, съ огорченія, вышла замужъ за молодого человѣка, за своего приказчика.

Кручинина.

Какъ ему фамилія?

Муровъ.

Это неизвѣстно; впрочемъ, легко узнать: сто́итъ только спросить, за кого вышла замужъ вдова купчиха Непропёкина.

Кручинина.

Вы сейчасъ только сказали, что фамилія этого купца Простоквашинъ, а теперь ужъ: Непропёкинъ?

Муровъ.

Какъ, неужели? Впрочемъ, спорить не смѣю; я очень часто перепутываю фамиліи.

Кручинина.

Теперь еще вопросъ: во всемъ томъ, что̀ вы мнѣ говорили давеча и теперь, есть сколько-нибудь правды?

Муровъ *(смѣется)*.

Вопросъ категорическій! Не сомнѣвайтесь! Есть.

Кручинина.

Что̀ же именно?

Муровъ.

Что сынъ вашъ умеръ, что его давно нѣтъ на свѣтѣ, и пора забыть все это дѣло.

Кручинина.

Забывайте, я вамъ не мѣшаю.

Муровъ.

Нѣтъ, я вамъ совѣтую. Занимайтесь своимъ дѣломъ артистическимъ, благо оно идетъ у васъ такъ успѣшно. Вы не семнадцатилѣтняя дѣвочка; вамъ ужъ пора бросить сентиментальность, пора имѣть разсудокъ и смотрѣть на жизнь серьезнѣе.

Кручинина.

Какъ вы осмѣливаетесь давать мнѣ совѣты?

Муровъ.

Вы меня сами вынудили. Вы тутъ ѣздите по городу, разспрашиваете, нашли какую-то полоумную старуху... Пріятно ли мнѣ это — подумайте! Я одинъ изъ самыхъ крупныхъ землевладѣльцевъ, у насъ скоро выборы, я баллотируюсь на видную должность, а вы тутъ заводите сплетни; такъ и жди какого-нибудь скандала.

Кручинина.

Да какое мнѣ дѣло до васъ? Я ищу своего сына; мнѣ запретить никто не можетъ.

Муровъ.

Вотъ что̀! Я еще разъ предлагаю вамъ бросить всю эту мелодраму и помириться со мной на самыхъ выходныхъ для васъ условіяхъ. А если не хотите, такъ, по крайней мѣрѣ, уѣзжайте отсюда.

Кручинина.

Я не хочу ни того, ни другого. Я обязана сыграть здѣсь еще два спектакля — и сыграю ихъ, и уѣду тогда, когда мнѣ заблагоразсудится.

Муровъ.

Обязаны! Что̀ за обязательства? Сборы здѣшніе, что̀ ли, васъ очень прельщаютъ? Такъ я вамъ заплачу, заплачу и антрепренеру.

Кручинина.

Вы ужъ заплатили мнѣ зломъ за добро, а за зло, которое вы мнѣ сдѣлали, у васъ не хватитъ состоянія заплатить мнѣ. Я не такъ богата, какъ вы, а готова заплатить что̀ угодно, чтобъ только не видать васъ, чтобъ вы не встрѣчались мнѣ никогда. Я избѣгала васъ, вы сами меня нашли.

Муровъ.

Вотъ видите ли, я бы для васъ и даромъ уѣхалъ отсюда, безъ всякой платы, да мнѣ нельзя. Я здѣшній обыватель, здѣсь всѣ мои интересы; а у васъ что̀ здѣсь? Только однѣ фантазіи. Такъ фантазировать можно и во всякомъ другомъ мѣстѣ. Послушайте, не ссорьтесь со мной! Вамъ это будетъ невыгодно: я человѣкъ сильный, у меня большая партія.

Кручинина.

Я не боюсь васъ. Я знаю, что вы способны на все; но хуже того, что̀ вы сдѣлали, вамъ ужъ не придумать.

Муровъ *(пожимая плечами).*

Ну, какъ угодно. *(Входитъ Дудукинъ.)*

ЯВЛЕНІЕ ПЯТОЕ.

Кручинина, Муровъ *и* Дудукинъ.

Дудукинъ.

Вотъ я и опять у вашихъ ногъ. Угодно вамъ погулять по саду?

Кручинина.

Нѣтъ, здѣсь свѣжо. Я пойду въ комнаты. Не провожайте меня, я и одна дорогу найду.

Дудукинъ.

Ну, какъ вамъ угодно. *(Кручинина уходитъ.)*

Муровъ.

Нилъ Стратоновичъ, скажите, пожалуйста, этотъ молодой актеръ, котораго я сейчасъ у васъ видѣлъ, имѣетъ способности?

Дудукинъ.

Да, кажется. Жаль только, что поучиться ему не у кого, образцовъ не видитъ, такъ и застрянетъ въ провинціи. А теперь-то бы и учиться, пока молодъ.

Муровъ.

Ну, на видъ-то онъ не очень молодъ.

Дудукинъ.

Безпорядочная жизнь, кутежи, безсонныя ночи ихъ рано старятъ.

Муровъ.

А какъ вы полагаете, сколько ему лѣтъ?

Дудукинъ.

Да лѣтъ двадцать съ чѣмъ-нибудь, никакъ не больше.

Муровъ.

Не можетъ быть. Ему, я полагаю, подъ тридцать.

Дудукинъ.

Почему вы спросили о немъ?

Муровъ.

Да ужъ очень онъ ведетъ себя развязно, громко говоритъ, судитъ рѣшительно.

Дудукинъ.

Ну, ужъ не взыщите! Это ихъ манера, держать себя не умѣютъ.

Муровъ.

Бесѣдку-то вы перестроили?

Дудукинъ.

Перестроилъ и эстраду для музыкантовъ выстроилъ.

Муровъ.

А кто онъ, этотъ артистъ, и откуда?

Дудукинъ.

Фамилія его Незнамовъ, а откуда онъ, кто-жъ его знаетъ? Да что̀ онъ васъ интересуетъ?

Муровъ.

Нѣтъ, я такъ спросилъ. Въ немъ что̀-то такое есть. Видно, что онъ не простого происхожденія.

Дудукинъ.

Ну, происхожденія-то своего онъ и самъ не знаетъ.

Муровъ.

Напрасно вы ихъ пускаете.

Дудукинъ.

Съ ними какъ-то веселѣе. Да кому-жъ они мѣшаютъ? Я не знаю, со мной они всегда очень учтивы.

Муровъ.

Съ вами, — этого мало. Надо, чтобъ они со всѣми были учтивы. Я ему замѣтилъ, что прежде молодые люди были гораздо почтительнѣе къ старшимъ, а онъ имѣлъ дерзость возражать. Вѣроятно, говоритъ, старики прежде были умнѣе и почтеннѣе. Глупый отвѣтъ! Такъ вы говорите, что ему лѣтъ двадцать?

Дудукинъ.

Да, около того.

Муровъ.

Вы прудъ вычистили?

Дудукинъ.

Вычистилъ и рыбы напустилъ, теперь и не узнаете.

Муровъ.

Любопытно взглянуть.

Дудукинъ.

Пойдемте! *(Идутъ въ глубину сада. Изъ дома выходитъ Коринкина, за ней Миловзоровъ.)*

ЯВЛЕНІЕ ШЕСТОЕ.

Коринкина *и* Миловзоровъ.

Миловзоровъ.

Куда вы устремляетесь?

Коринкина.

Нужно сказать нѣсколько словъ Нилу Стратоновичу.

Миловзоровъ.

Еще успѣете.

Коринкина.

Да ты что̀, въ нѣжномъ настроеніи что̀ ли?

Миловзоровъ.

Есть тотъ грѣхъ: теперь я и нѣженъ, и краснорѣчивъ, и уменъ, кажется, а вы отъ меня бѣжите.

Коринкина.

Ну, да, мало-ль что̀? Ты представь, что мнѣ теперь не до тебя. Что̀ Незнамовъ все скромничаетъ?

Миловзоровъ.

Нѣтъ, разрѣшилъ. Они съ Шмагой такъ и не отходятъ отъ стола. Кругомъ ихъ собралось большое общество; Шмага остритъ, а Незнамовъ всякаго, кто чуть заважничаетъ, вздумаетъ говорить свысока или подтрунить надъ ними, такъ и рѣжетъ, какъ бритвой. А кругомъ нихъ публика такъ и грохочетъ. У нихъ тамъ пиръ горой, разливное море. Тотъ говоритъ: „со мной, господинъ Незнамовъ, выпьемте!“ другой говоритъ — со мной! А Шмага только приговариваетъ: „и я съ вами за компанію.

Коринкина.

Однако, я тутъ толкую съ тобой, а мнѣ надо видѣть Нила Стратоновича.

Миловзоровъ.

Да вонъ онъ, кажется, сюда идетъ. Кручинина раза два заглядывала въ столовую, заслышитъ монологи Незнамова — и назадъ.

Коринкина.

Надо послать къ ней Нила Стратоновича, а то она уѣдетъ, пожалуй. Я ужъ замѣтила, что она скучать начинаетъ. *(Входитъ Шмага.)*

ЯВЛЕНІЕ СЕДЬМОЕ.

Коринкина, Миловзоровъ *и* Шмага.

Шмага.

Вотъ теперь наслаждаться природой можно. Теперь и луна поумнѣй смотритъ.

Миловзоровъ.

А Незнамовъ гдѣ?

Шмага.

Все тамъ же.

Миловзоровъ.

Что̀ же ты, мамочка, его оставилъ?

Шмага.

Поди ты къ нему, коли тебѣ охота; онъ хоть и другъ мнѣ, а въ такія минуты я стараюсь держать себя поодаль.

Миловзоровъ.

Другъ, а боишься; хорошъ, мамочка!

Шмага.

Ну, сунься, поди! Вонъ онъ идетъ; хочешь, натравлю?

Миловзоровъ.

Нѣтъ, нѣтъ, мамочка, оставь, пожалуйста, оставь! *(Входитъ Незнамовъ.)*

ЯВЛЕНІЕ ВОСЬМОЕ.

Коринкина, Миловзоровъ, Шмага *и* Незнамовъ.

Незнамовъ *(Коринкиной)*.

А! Вы здѣсь!

Коринкина.

Здѣсь. Гдѣ же мнѣ быть прикажете?

Незнамовъ.

Да мнѣ все равно. А все-таки я васъ люблю, я влюбленъ въ васъ.

Коринкина.

Покорно васъ благодарю.

Незнамовъ.

А вы меня любите?

Коринкина.

А вы какъ думаете?

Незнамовъ.

Да какъ думать? Почемъ я знаю!

Коринкина.

Догадайтесь!

Незнамовъ.

Ну, вотъ еще, очень нужно мнѣ догадываться. Говорите прямо, на чистоту!

Коринкина.

Какъ же, дожидайтесь! Да съ чего вы взяли такъ со мной разговаривать?

Незнамовъ.

Отчего-жъ не разговаривать?

Коринкина.

Да не смѣйте, вотъ и все!

Незнамовъ.

Смѣть-то, положимъ, я смѣю. А знаете ли, вѣдь вы лучше того, чѣмъ я о васъ думалъ.

Коринкина.

А что̀ же вы обо мнѣ думали?

Незнамовъ.

Спрашиваете?

Коринкина.

Да, спрашиваю.

Незнамовъ.

Я думалъ, что вы ужъ совсѣмъ никакого интереса не представляете; такъ, все равно, что ничего.

Коринкина.

Ахъ, Боже мой! Скажите пожалуйста! Во-первыхъ, милостивый государь, вы еще очень молоды, чтобы разбирать и цѣнить людей: вы еще мальчишка...

Незнамовъ.

Да, это во-первыхъ, а во-вторыхъ, что̀? Во-вторыхъ-то и не скажете! Хотите я научу?

Коринкина.

Не нуждаюсь.

Незнамовъ.

Да вѣдь не скажете. Женщина, когда разсердится, такъ воображаетъ, что можетъ наговорить ужасно много горькихъ истинъ. Начнетъ торжественно: „во-первыхъ“, да въ пяти словахъ все и выскажетъ; дальше содержанія-то и не хватаетъ. „Во-вторыхъ“, „во-вторыхъ“, а сказать-то нечего.

Коринкина.

Ахъ, какой противный!

Незнамовъ.

Но и тутъ онѣ не теряются. Когда у нихъ ни словъ, ни соображенія не хватаетъ, такъ онѣ браниться начинаютъ. А во-вторыхъ, скажутъ: ты дуракъ, невѣжа. Такъ, что̀ ли?

Коринкина.

Такъ точно. А во-вторыхъ, ты невѣжа!

Незнамовъ.

Вотъ за это мерси! Какъ вы натурально сердитесь, это хорошо.

Коринкина.

А если въ другой разъ будете подобныя глупости говорить, такъ будетъ еще натуральнѣе; я такую залѣплю...

Незнамовъ.

Отчего же въ другой разъ, а не теперь?

Коринкина.

Не хочу, вотъ и все.

Незнамовъ.

Нѣтъ, пожалуйста! Ну, я васъ прошу. Ну, что̀ вамъ сто́итъ? Авось трудъ-то не великъ?

Коринкина.

Да у меня ужъ сердце прошло. Теперь это будетъ въ шутку, а я хочу серьезно.

Незнамовъ.

Ну, хоть въ шутку.

Коринкина.

Да что̀ вы пристаете? Ну, вотъ вамъ! *(Треплетъ Незнамова ласково по щекѣ.)*

Незнамовъ.

А! Такъ вы вотъ какъ! Ну, теперь берегитесь! Теперь я имѣю полное право...

Коринкина.

Что̀ еще? Какое право?

Незнамовъ.

Поцѣловать васъ. Чѣмъ же еще я могу отплатить женщинѣ за оскорбленіе?

Коринкина.

Да что̀ ты съ ума, что̀-ль, сошелъ?

Незнамовъ.

Да нѣтъ, ужъ кончено, какіе тутъ разговоры!

Коринкина.

Да что̀ вы, Незнамовъ, что̀ за глупости? Вонъ Нилъ Стратоновичъ идетъ.

Незнамовъ.

Вотъ только развѣ Нилъ-то Стратоновичъ, а то бы... Ну, да вѣдь вмѣстѣ домой-то поѣдемъ. *(Входитъ Дудукинъ.)*

ЯВЛЕНІЕ ДЕВЯТОЕ.

Коринкина, Миловзоровъ, Шмага, Незнамовъ *и* Дудукинъ.

Коринкина.

Нилъ Стратоновичъ, что̀ же вы Кручинину оставили? Она, кажется, домой сбирается.

Дудукинъ.

Какъ домой? Нѣтъ, нѣтъ, безъ ужина нельзя! Удержите ее какъ-нибудь, мое сокровище!

Коринкина.

Да она меня не послушаетъ.

Дудукинъ.

Такъ пойдемте вмѣстѣ ее уговаривать.

Коринкина.

Пойдемте! Подождите минутку! *(Обращаясь къ Незнамову и Шмагѣ.)* Господа, за ужиномъ и вообще при Кручининой, пожалуйста, не заводите разговора о дѣтяхъ.

Незнамовъ.

О дѣтяхъ? Что̀ такое? Почему?

Дудукинъ.

Ахъ, да, да, да! Ни подъ какимъ видомъ, господа, ни подъ какимъ видомъ!

Незнамовъ.

Вѣдь это странно! А если къ слову придется? Ну, наконецъ, войдетъ мнѣ въ голову такая фантазія?

Дудукинъ.

Нѣтъ, ужъ я прошу васъ въ видѣ личнаго для меня одолженія. Я, какъ хозяинъ, забочусь, чтобъ не было ничего непріятнаго для моихъ гостей.

Незнамовъ.

О дѣтяхъ нельзя, а о совершеннолѣтнихъ можно?

Дудукинъ.

Сдѣлайте одолженіе!

Шмага.

Нѣтъ, Гриша, давай лучше о дѣдушкахъ и бабушкахъ говорить.

Незнамовъ *(громко смѣется)*.

Ха, ха, ха! Именно! Ну, вы можете быть покойны: мы будемъ говорить о такомъ возрастѣ, который очень далекъ отъ дѣтскаго. *(Дудукинъ и Коринкина уходятъ.)* Что̀ за новости, что̀ за дикія распоряженія? Это какая-то новая игра. Ужинъ съ особой программой для разговора!

Миловзоровъ.

Да развѣ ты забылъ, мамочка, что̀ я тебѣ давеча говорилъ?

Незнамовъ.

Ахъ, да! Понимаю теперь. *(Хватается за голову.)*

Миловзоровъ.

Значитъ, правда, а ты меня, мамочка, убить хотѣлъ.

Незнамовъ.

Эка важность! Хоть бы убили тебя! Ну, что̀ ты стоишь? *(Шмага отходитъ довольно далеко.)* Вотъ я очень бы доволенъ былъ, кабы меня убилъ кто-нибудь. Эй, Шмага, что̀ ты бѣгаешь отъ меня, чего ты боишься?

Шмага *(издали)*.

Ученъ, такъ и боюсь.

Незнамовъ.

Поди сюда, болтай что̀-нибудь.

Шмага.

Да что̀ болтать-то? Остроуміе что̀-то на вольномъ воздухѣ улетучиваться начинаетъ, подбавить бы его нужно.

Незнамовъ.

А вотъ погоди, мы подбавимъ. Надо, братъ Шмага, пользоваться случаемъ. Не всегда насъ съ тобой приглашаютъ въ порядочное общество, не всегда обращаются съ нами по-человѣчески. Вѣдь мы здѣсь такіе же гости, какъ и всѣ.

Шмага.

Да, это не то, что у какого-нибудь „его степенства“, гдѣ каждый подобный вечеръ кончается непремѣнно тѣмъ, что хозяина бить приходится: ужъ безъ этого никакъ обойтись нельзя.

Незнамовъ.

Да, здѣсь намъ хорошо. А вѣдь мы съ тобой ведемъ себя не очень прилично и, того гляди, скандалъ произведемъ. То-есть, скандалъ не скандалъ, а какой-нибудь гадости отъ насъ ожидать можно.

Шмага.

Похоже на то. Что̀-жъ дѣлать-то? Изъ своей шкуры не вылѣзешь. *(Выходятъ Дудукинъ, Кручинина, Коринкина; за*

ними два лакея, одинъ съ бутылками шампанскаго, другой со стаканами на подносѣ, и ставятъ вино и посуду на столахъ. Изъ глубины сада выходитъ Муровъ; изъ дома выходятъ гости, которые частью остаются на террасѣ, а частью располагаются отдѣльными группами на площадкѣ сада.)

ЯВЛЕНІЕ ДЕСЯТОЕ.

Незнамовъ, Миловзоровъ, Шмага, Дудукинъ, Кручинина, Коринкина, Муровъ, гости *и* лакеи.

Дудукинъ.

Помилуйте, Елена Ивановна, въ кои-то вѣки дождались такого счастья, что видимъ васъ въ нашемъ обществѣ; вѣдь я о вашемъ посѣщеніи на стѣнкѣ запишу золотыми буквами, а вы насъ покидать собираетесь!

Кручинина.

Я очень вамъ благодарна, Нилъ Стратоновичъ, и съ удовольствіемъ бы осталась, да не могу. Вѣдь только сегодня свободный вечеръ у меня, а то каждый день спектакль, — мнѣ отдохнуть нужно.

Дудукинъ.

Да еще успѣете, успѣете и дома быть, и отдохнуть, удѣлите намъ хоть полчасика!

Кручинина.

Не могу, Нилъ Стратоновичъ, не могу. Я вотъ прощусь съ товарищами, найду своего кавалера и поѣду.

Дудукинъ.

Нѣтъ, нѣтъ, безъ надлежащихъ проводовъ мы все-таки васъ не выпустимъ. Надо обрядъ исполнить, какъ слѣдуетъ. Присядьте вотъ на диванчикъ! Вы распорядились, Нина Павловна?

Коринкина.

Да, вотъ готово. *(Лакеямъ.)* Давайте! *(Подаютъ шампанское.)*

Кручинина.

Это напрасно, Нилъ Стратоновичъ; я вина не пью, мнѣ вредно.

Дудукинъ.

Безъ этого нельзя: у насъ почетныхъ гостей всегда такъ провожаютъ. Пожалуйте! Ну, хоть немножко, сколько можете. *(Кручинина беретъ стаканъ вина.)* Господа, пожалуйте, по стаканчику! Выпьемъ за здоровье Елены Ивановны!

Муровъ.

Я охотно принимаю ваше предложеніе; я еще не успѣлъ поблагодарить Елену Ивановну за наслажденіе, которое она намъ доставила своимъ талантомъ. *(Всѣ берутъ стаканы.)*

Дудукинъ.

Господа, я предлагаю выпить за здоровье артистки, которая оживила заглохшее стоячее болото нашей захолустной жизни. Господа, я реторики не знаю, я буду говорить просто. У насъ, людей интеллигентныхъ, въ провинціи только два занятія: карты и клубная болтовня. Такъ почтимъ же талантъ, который заставилъ насъ забыть наше обычное времяпровожденіе. Мы спимъ, господа, такъ будемъ же благодарны избраннымъ людямъ, которые изрѣдка пробуждаютъ насъ и напоминаютъ намъ о томъ идеальномъ мірѣ, о которомъ мы забыли. *(Голоса: браво, браво!)* Талантъ и самъ по себѣ дорогъ; но въ соединеніи съ другими качествами: съ умомъ, съ сердечной добротой, съ душевной теплотой, онъ представляется намъ уже такимъ явленіемъ, передъ которымъ мы должны преклоняться. Господа, выпьемъ за рѣдкій талантъ и за хорошую женщину — Елену Ивановну! *(Всѣ чокаются стаканчиками съ Кручининой и пьютъ.)*

Незнамовъ *(чокнувшись съ Шмагой)*.

Шмага, мы выпьемъ за хорошую актрису, а за хорошихъ женщинъ пить дѣло не наше. Да и кто ихъ разберетъ, хорошія онѣ или нѣтъ?

Дудукинъ.

Незнамовъ, что̀ вы?

Незнамовъ.

Виноватъ...

Кручинина.

Я за свои труды уже достаточно вознаграждена и нравственно, и матеріально. Господа, честь, которую вы мнѣ оказываете, я обязана раздѣлить съ моими товарищами. Господа, я предлагаю тостъ за всѣхъ служителей искусства, за всѣхъ

тружениковъ на этомъ благородномъ поприщѣ, безъ различія степеней и талантовъ!

Дудукинъ.

Справедливо, прекрасно, благородно! Нина Павловна, Миловзоровъ, Незнамовъ, Шмага! За ваше здоровье!

Муровъ.

За ваше здоровье, господа!

Шмага.

Наконецъ-то и я сподобился, что за мое здоровье пьютъ.

Кручинина.

Ну, теперь ужъ, Нилъ Стратоновичъ, я поѣду, мнѣ пора.

Незнамовъ.

Нѣтъ, куда-жъ вы? Нѣтъ, позвольте! Такъ нельзя. Надо еще тостъ предложить. *(Громко.)* Эй! Давайте вина! Вы ужъ мнѣ позвольте сказать нѣсколько словъ; я васъ не задержу, не задержу. Мнѣ только сказать то, что̀ у меня на душѣ; не хочется, чтобы оно такъ оставалось.

Кручинина.

Сдѣлайте одолженіе! Мнѣ будетъ очень пріятно послушать васъ; да я надѣюсь, что и всѣмъ тоже.

Незнамовъ.

Господа, я получилъ позволеніе говорить, и потому прошу не перебивать меня.

Дудукинъ.

Говорите!

Миловзоровъ и Шмага.

Говори, говори!

Незнамовъ.

Господа, я предлагаю тостъ за матерей, которыя бросаютъ дѣтей своихъ!

Дудукинъ.

Перестаньте! Что̀ вы, что̀ вы?

Кручинина *(пораженная)*.

Нѣтъ, говорите, говорите!

Незнамовъ.

Пусть пребываютъ онѣ въ радости и веселіи, и да будетъ усыпанъ путь ихъ розами и лиліями. Пусть никто и ничто не отравитъ ихъ радостнаго существованія. Пусть никто и

ничто не напомнитъ имъ о горькой участи несчастныхъ сиротъ. Зачѣмъ тревожить ихъ? За что̀ смущать ихъ покой? Онѣ все, что̀ могли, что̀ умѣли, сдѣлали для своего милаго чада. Онѣ поплакали надъ нимъ, сколько кому пришлось, поцѣловали болѣе или менѣе нѣжно. И прощай, мой голубчикъ, живи, какъ знаешь! А лучше бы, молъ, ты умеръ. Вотъ что̀ правда, то правда: умереть — это самое лучшее, что̀ можно пожелать этому новому гостю въ мірѣ. Но не всѣмъ выпадаетъ такое счастье. *(Склоняетъ голову и на мгновенье задумывается.)* А бываютъ матери и чувствительнѣе; онѣ не ограничиваются слезами и поцѣлуями, а вѣшаютъ своему ребенку какую-нибудь золотую бездѣлушку: носи и помни обо мнѣ! А что̀ бѣдному ребенку помнить? Зачѣмъ ему помнить? Зачѣмъ оставлять ему постоянную память его несчастія и позора? Ему и безъ того каждый, кому только не лѣнь, напоминаетъ, что онъ подкидышъ, оставленный подъ заборомъ. А знаютъ ли онѣ, какъ иногда этотъ несчастный, напрасно обруганный и оскорбленный, обливаетъ слезами маменькинъ подарокъ? Гдѣ, молъ, ты ликуешь теперь, откликнись? Урони хоть одну слезу на меня! Мнѣ легче будетъ переносить мои страданія, мое отчаяніе. Вѣдь эти сувениры жгутъ грудь. *(Кручинина бросается къ Незнамову и достаетъ съ его груди медальонъ.)*

Кручинина.

Онъ, онъ! *(Шатается и падаетъ безъ чувствъ на диванъ; всѣ окружаютъ ее.)*

Дудукинъ.

Ахъ, Боже мой, она умираетъ! Доктора, доктора! Вы ея сынъ! Вы убили ее!

Незнамовъ.

Я ея сынъ?

Дудукинъ.

Да. Сколько лѣтъ она искала васъ! Ее увѣрили, что вы умерли. Но она ждала какого-то чуда. Она постоянно видѣла васъ въ мечтахъ своихъ, разговаривала съ вами.

Незнамовъ.

У нея не было другихъ дѣтей?

Дудукинъ.

Что̀ вы, что̀ вы?

Незнамовъ.

А какъ же мнѣ сказали? Господа, зачѣмъ же вы меня обманули?

Коринкина.

Тише, тише, она приходитъ въ себя.

Незнамовъ.

Господа, я мстить вамъ не буду: я не звѣрь. Я теперь ребенокъ. Я еще не былъ ребенкомъ. Да, я ребенокъ. *(Падаетъ на колѣни передъ Кручининой.)* Матушка! Мама, мама!

Кручинина *(приходя въ себя).*

Да, онъ тянулъ свои ручонки и говорилъ: мама, мама!

Незнамовъ.

Я здѣсь.

Кручинина.

Да, это онъ... Гриша, мой Гриша! Какое счастье! Какъ хорошо жить на землѣ! *(Гладитъ Незнамова по головѣ.)* Господа, не обижайте его, онъ хорошій человѣкъ. А вотъ теперь онъ нашелъ свою мать и будетъ еще лучше.

Незнамовъ *(тихо).*

Мама, а гдѣ отецъ?

Кручинина.

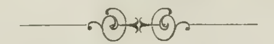
Отецъ?... *(Оглядываетъ кругомъ; Муровъ отворачивается.)* Отецъ... *(Нѣжно.)* Твой отецъ не стóитъ того, чтобъ его искать. Но я бы желала, чтобъ онъ посмотрѣлъ на насъ. Только бы посмотрѣлъ; а нашимъ счастіемъ мы съ нимъ не подѣлимся. Зачѣмъ тебѣ отецъ? Ты будешь хорошимъ актеромъ, у насъ есть состояніе... А фамилія... Ты возьмешь мою фамилію и можешь носить ее съ гордостью: она нисколько не хуже всякой другой.

Дудукинъ.

Я думалъ, что вы умерли!

Кручинина.

Отъ радости не умираютъ. *(Обнимаетъ сына.)*

НЕ ОТЪ МІРА СЕГО.

СЕМЕЙНЫЯ СЦЕНЫ ВЪ ТРЕХЪ ДѢЙСТВІЯХЪ.

ДѢЙСТВІЕ ПЕРВОЕ.

ЛИЦА:

Виталій Петровичъ Кочуевъ, важный господинъ, среднихъ лѣтъ, служащій въ частномъ банкѣ.

Ксенія Васильевна, его жена.

Макаръ Давыдовичъ Елоховъ, пожилой человѣкъ, прожившій большое состояніе.

Фирсъ Лукичъ Барбарисовъ, молодой человѣкъ, по наружности очень скромный.

Хіонія Прокофьевна, экономка.

Мардарій, лакей.

Ардаліонъ Мартыновичъ Муруговъ, богатый баринъ, живущій очень широко.

Кабинетъ, изящно меблированный: большой столъ, заваленный бумагами, шахматный столикъ и проч. Двѣ двери: прямо въ большую пріемную залу; направо (отъ актеровъ) въ уборную Кочуева.

ЯВЛЕНІЕ ПЕРВОЕ.

Елоховъ *входитъ изъ пріемной;* Мардарій *входитъ изъ уборной съ подносомъ, на которомъ пустая бутылка шампанскаго.*

Елоховъ.

Что̀ это? Шампанское пьютъ? Пивали и мы шампанское; пивали, другъ, пивали. Кто тамъ у него?

Мардарій.

Ардаліонъ Мартынычъ. Ужъ извольте немножко подождать.

Елоховъ.

Посылалъ, вѣдь, онъ за мной.

Мардарій.

Знаю-съ. Да приказывали, какъ придетъ, говорятъ, Макаръ Давыдычъ, такъ попроси подождать въ кабинетѣ.

Елоховъ.

Дѣлами занимаются?

Мардарій.

Такъ точно-съ.

Елоховъ.

Важными, должно быть?

Мардарій.

Само собою-съ. Ужъ важнѣе нашихъ дѣловъ нѣтъ-съ. Потому какъ черезъ ихнія руки большіе милліоны свой оборотъ имѣютъ. При такомъ колесѣ безъ разсмотрѣнія нельзя: каждая малость разсудка требуетъ.

Елоховъ.

То-то они, должно быть, для разсудка шампанское-то и пьютъ.

Мардарій.

Да, вѣдь, ужъ Ардаліонъ Мартынычъ безъ этого напитку не могутъ; они даже во всякое время-съ. Какъ они пріѣзжаютъ, такъ ужъ мы и знаемъ-съ, безъ всякаго приказанія.

Елоховъ *(садясь)*.

Эхъ, эхъ! Пивали, другъ, и мы.

Мардарій.

Какъ не пить-съ! Да отчего-жъ господамъ и не кушать, если есть такое расположеніе? Хмельного въ шампанскомъ нѣтъ; только одно званіе, что вино; и пьютъ его больше для прохлажденія: такъ не съ пивомъ же или квасомъ сравнять; да хоть бы и лимонадъ! Пьешь его — сладко, а выпилъ — пустота какая-то. Конечно, другой въ деньгахъ стѣсненіе видитъ, такъ ужъ тому ни въ чемъ развязки нѣтъ; весь человѣкъ связанъ.

Елоховъ.

Какая ужъ развязка безъ денегъ!

Мардарій.

Потому крыльевъ нѣтъ. И радъ бы полетѣлъ, да взяться нечѣмъ.

Елоховъ.

Полетѣть-то и безъ крыльевъ можно; влѣзь на колокольню повыше, да и лети оттуда. Одна бѣда: безъ крыльевъ сѣсть-то на землю хорошенько не сумѣешь: либо плашмя придешься, либо внизъ головой.

Мардарій.

Это точно-съ. А Ардаліону Мартынычу стѣснять себя какая оказія, коли у нихъ состояніе даже сверхъ границъ? И характеръ у нихъ такой: что̀ имъ въ голову пришло, сейчасъ подай! О цѣнѣ не спрашиваютъ. Тоже иногда послушаешь ихъ разговоръ-то...

Елоховъ.

А что̀?

Мардарій.

Да ужъ оченно хорошо, барственно разговариваютъ. Спрашиваетъ какъ-то баринъ у Ардаліона Мартыныча: „А, вѣдь, ты, должно быть, въ годъ много денегъ проживаешь“? А Ардаліонъ Мартынычъ имъ на отвѣтъ: „А почемъ я знаю? Я живу, какъ мнѣ надобно, а ужъ тамъ въ конторѣ сочтутъ, сколько я прожилъ. Мнѣ до этого дѣла нѣтъ“. Такъ и отрѣзали; значитъ, шабашъ, конченъ разговоръ. Благородно. *(Прислушиваясь.)* Кажется, идутъ-съ. *(Уходитъ въ среднюю дверь. Изъ боковой двери выходятъ Кочуевъ и Муруговъ.)*

ЯВЛЕНІЕ ВТОРОЕ.

Елоховъ, Кочуевъ *и* Муруговъ.

Кочуевъ.

Макаръ, здравствуй!

Елоховъ.

Здравствуй! *(Кланяется Муругову; тотъ молча подаетъ ему руку.)*

Муруговъ *(Кочуеву).*

Ну, такъ какъ же, Виталій Петровичъ?

Кочуевъ.

Не могу, никакъ не могу; ужъ я вамъ сказалъ. Прошу у васъ отпуска по домашнимъ обстоятельствамъ.

Муруговъ.

Чтò такое за „домашнія обстоятельства?“ Я этого не понимаю. Домъ, домашнія обстоятельства! Чтò вы, птенецъ, чтò ли, беззащитный? Тѣ только боятся изъ гнѣзда вылетѣть. У порядочнаго человѣка вездѣ домъ: гдѣ онъ, тамъ и домъ.

Елоховъ *(Кочуеву).*

Куда это тебя манятъ?

Муруговъ.

Пикникъ у насъ завтра, легкій обѣдъ по подпискѣ.

Елоховъ.

А позвольте узнать, почемъ съ физіономіи?

Муруговъ.

Рублей по триста выйдетъ. Не угодно ли?

Елоховъ.

Ого! Было время, не отказался бы, а теперь не по карману.

Муруговъ.

Недорого: съ дамами; букеты дамамъ прямо изъ Ниццы, фрукты, рыба тоже изъ Франціи. Разочтите!

Кочуевъ.

Не зовите его; онъ у насъ философъ.

Елоховъ.

Философъ! Пожалуй, и философъ, да только по неволѣ.

Муруговъ.

Какъ, по неволѣ?

Елоховъ.

Прожилъ состояніе, вотъ и философствую. Чтò-жъ больше-то дѣлать? Все-таки, занятіе. А будь у меня деньги, такъ кто-бъ мнѣ велѣлъ? Съ деньгами философіей заниматься некогда: другого дѣла много. А безъ денегъ у человѣка досугъ; вотъ, отъ скуки, и философствуй!

Кочуевъ.

Нѣтъ, ужъ дня два-три, а, можетъ быть, и недѣлю, я не вашъ. Деньги, если угодно, я заплачу, а быть не могу.

Муруговъ.

Что̀ вы? Да развѣ намъ деньги нужны? Намъ люди нужны. Скучно будетъ безъ васъ.

Кочуевъ.

Не могу, рѣшительно не могу.

Муруговъ.

Ну, какъ хотите. Послѣ сами будете жалѣть.

Кочуевъ.

Знаю, знаю, что буду жалѣть, да что̀-жъ дѣлать?

Муруговъ.

Я, все-таки, завтра за вами заѣду: можетъ быть, и надумаете. До свиданья! *(Подаетъ руку Кочуеву и Елохову и уходитъ. Кочуевъ его провожаетъ и возвращается.)*

ЯВЛЕНІЕ ТРЕТЬЕ.

Елоховъ, Кочуевъ, *потомъ* Мардарій.

Елоховъ.

Ты посылалъ за мной, ну, вотъ я и пришелъ. Зачѣмъ я тебѣ понадобился? Въ шахматы, что̀ ли, играть? Такъ давай! Я сегодня въ расположеніи. Триста рублей выиграю и запишусь на пикникъ.

Кочуевъ.

Я хочу подѣлиться съ тобой радостью.

Елоховъ.

Двѣсти тысячъ выигралъ?

Кочуевъ.

Больше; жена пріѣдетъ.

Елоховъ.

Когда?

Кочуевъ.

Да сейчасъ или завтра; сегодня утромъ депешу получилъ.

Елоховъ.

Да, дѣйствительно, радость. Ну, поздравляю! А я было ужъ думалъ...

Кочуевъ.

Что̀?

Елоховъ.

Да не хорошо...

Кочуевъ.

И я было думалъ, что не хорошо.

Елоховъ.

Да скажи, пожалуйста, что̀ у васъ вышло? Отчего она изъ-за границы не вернулась къ тебѣ, а проѣхала прямо въ деревню?

Кочуевъ.

А вотъ слушай! Вся моя бѣда въ томъ, что я женился на очень добродѣтельной дѣвушкѣ. Это была большая ошибка. На такихъ дѣвушекъ надо любоваться издали, а въ жены онѣ намъ не годятся.

Елоховъ.

Ну, это парадоксъ! Во-первыхъ, на нихъ расходу меньше.

Кочуевъ.

Что̀ расходы? Расходы не важное дѣло. А каково имѣть передъ собой ежеминутно строгаго цензора нравовъ? Ты ждешь отъ жены наивности, веселости, ласки, а она тебѣ въ душу глядитъ, точно допрашиваетъ. Ты знаешь, теща моя очень богата, но порядочная ханжа, женщина съ предразсудками и причудами какого-то особаго старообрядческаго оттѣнка. Въ такихъ же понятіяхъ воспитала она и дочерей. Сама-то она изъ купеческаго рода, только была замужемъ за генераломъ. При жизни-то его она молчала, рта не смѣла разинуть, а какъ мужъ умеръ, она вздумала быть генеральшей; ну, и чудитъ. Мнѣ Ксенія понравилась, да и денегъ обѣщали за ней очень много; соблазнъ былъ очень великъ. Я понадѣялся на себя, думалъ, что сумѣю перевоспитать ее, измѣнить ея взглядъ на жизнь и заставить жить, какъ всѣ люди живутъ. Не тутъ-то было: она оказалась сильнѣе меня. У нихъ есть своего рода логика, съ которой бороться трудно.

Елоховъ.

Сильны-то у нихъ капризы, а логики имъ не полагается.

Кочуевъ.

Нѣтъ, логика. Да вотъ тебѣ примѣръ! Уговорилъ я ее ѣхать въ оперетку. По-моему, хорошо исполненная оперетка самое лучшее средство для развитія женщинъ застѣнчивыхъ и очень скромныхъ. Тогда пріѣхала изъ Парижа какая-то опереточная знаменитость. Играли какую-то разудалую пьесу живо, остроумно, изящно. Только одну арію, довольно скабрезнаго содержанія, героиня сопровождала ужъ очень смѣлыми жестами, по-парижски, ничѣмъ не стѣсняясь. Въ театрѣ поднялась буря, грохотъ; стонъ стоитъ отъ восторга; заставляютъ повторить. Жена моя вся вспыхнула и обратилась ко мнѣ съ вопросомъ: „что̀, это хорошо?“ Я, знаешь, сталъ такъ и сякъ оправдывать и актрису, и публику, и этотъ родъ представленій. Она ничего слушать не хочетъ, уставила на меня глаза въ упоръ и твердитъ одно: „нѣтъ, ты скажи, хорошо это или нѣтъ?“... Куда-жъ тутъ дѣваться? Нѣтъ, говорю, не хорошо. А если, говоритъ, не хорошо, такъ зачѣмъ же ты повезъ меня, зачѣмъ и самъ ѣздишь?

Елоховъ.

Да, это, дѣйствительно, логика.

Кочуевъ.

Потомъ я началъ было ее современными натуральными романами просвѣщать. Романы она покидала подъ столъ, а одинъ маменькѣ свезла. Отъ той мнѣ такой нагоняй былъ, что я не зналъ, какъ ноги унести. Тутъ скоро прослышала она про мои закулисные грѣшки въ опереткѣ. Въ этомъ услужилъ мнѣ одинъ милый юноша; онъ вертится кругомъ моей тещи, за сестрой моей жены ухаживаетъ, то-есть за ея приданымъ. Поднялась буря. Я думалъ отразить нападеніе нападеніемъ, сталъ упрекать въ ревности, доказывать, какой это гнусный порокъ, какъ онъ разрушаетъ семейное счастіе. Не помогло. На мой горячій монологъ она мнѣ отвѣтила самымъ рѣшительнымъ тономъ, знаешь что̀?

Елоховъ.

Почемъ мнѣ знать? Я не сердцевѣдъ.

Кочуевъ.

Нѣтъ, говоритъ, это не ревность. Если-бъ ты увлекся женщиной хорошей, увлекся ея умомъ, достоинствами, я, мо-

жетъ быть, и чувствовала бы ревность; но ты падаешь очень низко, ты пересталъ быть равнымъ мнѣ, ты попадаешь въ число людей, которыхъ я равнодушно презираю. Любить такого человѣка я не могу, значитъ не могу и быть его женой; это безнравственно, грѣшно.

Елоховъ.

Да, это строго.

Кочуевъ.

Я былъ уничтоженъ; оставалось одно средство: раскаяніе. Я искренно раскаялся. Мое раскаяніе она приняла съ свѣтлой улыбкой и простила меня. Тутъ отчего-то она стала прихварывать, а потомъ и совсѣмъ расхворалась; нервы ея совершенно разстроились. Не знаю, виноватъ ли я въ этой ея болѣзни, или нѣтъ. Должно быть, немножко виноватъ. Доктора отправили ее за границу. Она до самаго отъѣзда была очень любезна со мной, и мы разстались трогательно. Но вотъ что̀ странно: начинаю я получать отъ нея письма съ упреками, что я веду безъ нея безнравственную жизнь, и одно письмо грознѣе другого.

Елоховъ.

Какъ это странно!

Кочуевъ.

Изъ-за границы она даже не заѣхала ко мнѣ, а проѣхала прямо въ деревню. И оттуда такія же письма. Сначала я опра̀вдывался, потомъ махнулъ рукой и пересталъ отвѣчать.

Елоховъ.

Да, ты мнѣ тогда сказывалъ.

Кочуевъ.

Это одно, а теперь другое. Теща всѣхъ денегъ, которыя обѣщала за дочерью, сразу не выдала; остальныя, говоритъ (а остальныхъ около ста тысячъ), черезъ годъ, когда увижу, что вы согласно живете. А ужъ какое согласіе! Самъ видишь.

Елоховъ.

Затруднительное положеніе!

Кочуевъ.

Какъ я уже сказалъ тебѣ, я рѣшился выдержать и не писать къ женѣ, но выдержалъ не долго. Ты знаешь, въ какомъ я обществѣ живу; все милліонщики, бросаютъ деньги

не жалѣя, а ужъ я отъ компаніи отстать не могу. Да и дома безъ хозяйки пропасть лишняго расходу. Вотъ я и сталъ въ расчетахъ путаться. Вотъ видишь, какая гора счетовъ разныхъ. Не то, чтобъ я былъ долженъ много; нѣтъ, все мелочи, а, все-таки, непріятно. Нѣтъ ничего хуже, какъ эти мелкіе счеты: каретникамъ да шорникамъ, мебельщикамъ да драпировщикамъ! Вотъ я и сталъ о женѣ подумывать, и чудное дѣло, братецъ: чѣмъ больше я о ней думалъ, тѣмъ больше въ нее влюблялся, тѣмъ больше открывалъ въ ней достоинствъ, которыхъ не замѣчалъ прежде. И сѣлъ я писать ей письмо. Напишу и изорву, потомъ примусь за другое, за третье, и все рву. Пишу это я ей письма и чувствую, чувствую, что самъ перерождаюсь, становлюсь лучше; жизнь моя мнѣ показалась пошлой, глупой; ну, просто, самъ себя стыжусь. Чудо, братецъ!

Елоховъ.

Нѣтъ, это бываетъ, когда раздумаешься.

Кочуевъ.

Ну, наконецъ, написалъ ей большое письмо, нѣжное, искреннее, перечиталъ его разъ пять и послалъ. Я ей подробно изложилъ свое настоящее положеніе, свой образъ мыслей и всю свою прежнюю жизнь.

Елоховъ.

Да ужъ коли ты рѣшился разстаться съ прошлымъ, такъ ужъ надо стряхнуть съ себя все, откровенно во всемъ признаться, покаяться.

Кочуевъ.

Какъ, откровенно? Да развѣ это можно?

Елоховъ.

А то какъ же еще? А послѣ, пожалуй, что̀-нибудь выйдетъ наружу; она скажетъ, что ты ее обманывалъ. Опять недовѣріе, подозрѣнія.

Кочуевъ.

Нѣтъ, зачѣмъ ей все знать? Какъ можно! Помилуй! Стало-быть, и про коляску для мадемуазель Клемансъ написать, и про всѣ ея магазинные счеты, по которымъ я платилъ и еще долженъ заплатить? Зачѣмъ же я ея праведную душу буду грязнить своими признаніями?

Елоховъ.

Да, и то правда. Ну, а какъ насчетъ жизни-то? Ты рѣшился совсѣмъ, окончательно?

Кочуевъ.

Окончательно и безповоротно.

Елоховъ.

Значитъ, все оставилъ?

Кочуевъ.

Все.

Елоховъ.

И мамзель Клемансъ?

Кочуевъ.

Конечно, еще бы!

Елоховъ.

Давно ли?

Кочуевъ.

Недавно-то, недавно; но только ужъ все кончено. Да ты, кажется, сомнѣваешься? Такъ вотъ тебѣ доказательство! *(Беретъ со стола книгу.)* Видишь? Книгъ накупилъ душеспасительныхъ, читаю, стараюсь вникать.

Елоховъ.

И дѣйствуетъ?

Кочуевъ.

Да, кромѣ шутокъ. Замѣтно серьезнѣе становлюсь: ужъ прежняго образа мыслей нѣтъ; вижу, братецъ, вижу, что все это суета. Теперь ужъ жизнь пойдетъ другая; я торгую для Ксеніи Васильевны имѣніе въ Крыму, и мы поѣдемъ туда съ ней вмѣстѣ.

Елоховъ.

Когда-жъ ты ждешь Ксенію Васильевну?

Кочуевъ.

Да, вѣроятно, завтра, а, можетъ быть, и сегодня, если поторопится. Экипажъ и человѣка я ужъ послалъ. Надо бы поѣхать самому встрѣтить, да мнѣ необходимо быть въ театрѣ, хоть на полчаса, хоть только показаться своимъ. Новая оперетка нынче. Да Ксенія, вѣроятно, завтра пріѣдетъ, а, впрочемъ, я скоро ворочусь; если что̀, такъ ты пришли за мной. *(Входитъ Мардарій.)*

Мардарій.

Фирсъ Лукичъ Барбарисовъ.

Кочуевъ.

Проси! *(Мардарій уходитъ.)* Вотъ онъ, гусь-то лапчатый! Съ нимъ надо осторожнѣе; вѣроятно, съ подсыломъ отъ тещи. *(Входитъ Барбарисовъ.)*

ЯВЛЕНІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

Кочуевъ, Елоховъ *и* Барбарисовъ.

Барбарисовъ.

Честь имѣю кланяться! Я къ вамъ по порученію Евлампіи Платоновны.

Кочуевъ.

Извините; мнѣ сейчасъ нужно ѣхать.

Барбарисовъ.

Я васъ не задержу; я на нѣсколько минутъ. Евлампія Платоновна поручила мнѣ спросить васъ, не имѣете ли вы какихъ извѣстій отъ Ксеніи Васильевны?

Кочуевъ.

То-есть какихъ извѣстій? Объ ея здоровьѣ, что̀ ли? Такъ она здорова.

Барбарисовъ.

О здоровьѣ мы знаемъ; нѣтъ ли какихъ особенныхъ извѣстій?

Кочуевъ.

Особенныхъ никакихъ.

Барбарисовъ.

Евлампія Платоновна получили телеграмму отъ Ксеніи Васильевны.

Кочуевъ.

А получила телеграмму, такъ, значитъ, получила и извѣстія.

Барбарисовъ.

Ксенія Васильевна увѣдомляетъ, что она ѣдетъ сюда.

Кочуевъ.

Да, я жду ее.

Барбарисовъ.

Евлампія Платоновна интересуется знать, зачѣмъ, собственно, Ксенія Васильевна пріѣдетъ.

Кочуевъ.

Представьте, и я тѣмъ же интересуюсь, и только что хотѣлъ ѣхать къ Евлампіи Платоновнѣ спросить у нея, зачѣмъ жена моя ѣдетъ ко мнѣ.

Барбарисовъ.

Вы шутите, вы должны знать.

Кочуевъ.

Рѣшительно не знаю... имѣю нѣкоторыя предположенія.

Барбарисовъ.

И мы имѣемъ; но ваши, конечно, вѣрнѣе. Такъ какъ же вы полагаете?

Кочуевъ.

По зрѣломъ размышленіи, я полагаю, что жена моя ѣдетъ за тѣмъ же, за чѣмъ всѣ домой ѣздятъ. Вотъ и я тоже, куда ни поѣду, въ театръ ли, въ клубъ ли, всегда домой возвращаюсь. По русской пословицѣ: въ гостяхъ хорошо, а дома лучше.

Барбарисовъ.

Но Ксенія Васильевна очень долго не возвращалась, такъ что можно было думать...

Кочуевъ.

Думать можно все, что̀ угодно; это никому не запрещается. Здѣсь климатъ былъ вреденъ для ея здоровья.

Барбарисовъ.

А теперь?

Кочуевъ.

А теперь она настолько поправилась, что можетъ жить и здѣсь. Извините! Мнѣ пора ѣхать.

Барбарисовъ.

Извините меня, что я васъ задержалъ. Позвольте мнѣ написать у васъ двѣ-три строчки Евлампіи Платоновнѣ. Я пошлю съ кучеромъ, а самому мнѣ заѣзжать къ ней некогда.

Кочуевъ.

Сдѣлайте одолженіе! Вотъ вамъ бумага и все, что нужно. *(Идетъ къ двери.)*

Елоховъ.

Виталій Петровичъ, Виталій Петровичъ!

Кочуевъ.

Что тебѣ?

Елоховъ.

Два слова.

Кочуевъ.

Такъ поди сюда! *(Кочуевъ и Елоховъ уходятъ въ дверь направо.)*

ЯВЛЕНІЕ ПЯТОЕ.

Барбарисовъ *(одинъ).*

Хитритъ. Онъ знаетъ; это по всему замѣтно. Тутъ непремѣнно какая-нибудь штука съ его стороны. Не къ тещинымъ ли капиталамъ подбирается? Надо держать ухо востро. *(Садится къ столу и пишетъ письмо. Потомъ, поминутно оглядываясь, разбираетъ разбросанныя въ безпорядкѣ по столу бумаги.)* Вотъ документикъ-то интересный! Экая прелесть! А вотъ и еще! Это пріобрѣсть не мѣшаетъ на всякій случай. *(Оглядывается на дверь, беретъ со стола два листка и кладетъ въ карманъ. Потомъ укладываетъ письмо въ конвертъ и, не торопясь, тщательно надписываетъ адресъ. Входятъ Елоховъ и Кочуевъ съ шляпой и въ перчаткахъ.)*

ЯВЛЕНІЕ ШЕСТОЕ.

Барбарисовъ, Елоховъ *и* Кочуевъ.

Кочуевъ.

До свиданья! *(Подаетъ руку Барбарисову и Елохову.)*

Барбарисовъ.

Ничего не прикажете сказать Евлампіи Платоновнѣ?

Кочуевъ.

Скажите, что почтительнѣйше цѣлую ея ручки, и больше ничего. *(Елохову.)* Такъ ты распорядись, какъ я тебѣ сказалъ. *(Уходитъ.)*

Барбарисовъ *(беретъ шляпу).*

Не много же интереснаго я могу сообщить Евлампіи Платоновнѣ.

Елоховъ.

Да чтò за нетерпѣніе? Завтра же, вѣроятно, Евлампія Платоновна узнаетъ отъ самой Ксеніи Васильевны, зачѣмъ она пріѣхала.

Барбарисовъ.

Евлампія Платоновна себя не помнитъ отъ радости, что дочь пріѣдетъ. Зачѣмъ бы она ни пріѣхала, ей все равно, только бы видѣть дочь. У Ксеніи Васильевны есть сестра — Капитолина Васильевна.

Елоховъ.

Знаю.

Барбарисовъ.

Она тоже любитъ Ксенію Васильевну, но благоразумія не теряетъ. Она находитъ, что Ксеніи Васильевнѣ совсѣмъ и пріѣзжать не надо.

Елоховъ.

Это почему же?

Барбарисовъ.

Да помилуйте. Она очень больна; мы имѣемъ вѣрныя свѣдѣнія.

Елоховъ.

Неправда; она сама писала, что здорова.

Барбарисовъ.

Изъ эгоистическихъ цѣлей безпокоить, выписывать почти умирающую женщину!...

Елоховъ.

Про кого вы это? Ничего, вѣдь, этого нѣтъ.

Барбарисовъ.

Мнѣ, конечно, все равно; я посторонній человѣкъ; одно обидно, что нигдѣ, рѣшительно нигдѣ на свѣтѣ, не найдешь справедливости.

Елоховъ.

О какой справедливости вы говорите?

Барбарисовъ.

Да какъ же! Вѣдь у Евлампіи Платоновны двѣ дочери; она

должна любить ихъ одинаково. А это на что̀-жъ похоже? Для одной готова душу отдать, а другая — какъ и не дочь.

Елоховъ.

Да вѣдь имъ назначено приданое равное.

Барбарисовъ.

Да что̀ такое приданое? У Евлампіи Платоновны и кромѣ приданаго большой капиталъ. Кому онъ достаться-то долженъ, да весь, весь, неприкосновенно? Это видимое дѣло... Ксенія Васильевна и замужъ-то вышла почти противъ воли матери; дѣтей у нея нѣтъ, а теперь больна. Много ли ей и жить-то? Вы не подумайте! Я только о справедливости...

Елоховъ.

Матери слѣпы.

Барбарисовъ.

Да дѣтямъ-то отъ этого не легче. Матери къ дѣтямъ слѣпы, я это знаю; но надо все-таки умѣть разбирать хоть посторонних-то людей. Надо же видѣть, что одинъ мотаетъ, распутничаетъ, а другой...

Елоховъ.

Кто это другой-то?

Барбарисовъ.

Все равно, кто бы онъ ни былъ. Есть такой человѣкъ, который давно любитъ Капитолину Васильевну и давно принятъ у нихъ въ домѣ, какъ родственникъ.

Елоховъ.

Да, понимаю теперь.

Барбарисовъ.

Евлампія Платоновна женщина особенная; требованія ея огромныя: и непоколебимыя нравственныя правила требуются, и краснорѣчивыя разсужденія на нравственныя темы... Въ этомъ семействѣ добродѣтели довольно суровыя, старинныя: и отреченіе отъ удовольствій, и строгое воздержаніе въ пищѣ, постничанье... По настоящему-то времени много ли найдется охотниковъ? Вѣдь это подвигъ! Надо его цѣнить!

Елоховъ.

А развѣ не цѣнятъ?

Барбарисовъ.

Цѣнятъ-то, цѣнятъ; нельзя не цѣнить; а все какъ-то страшно.

Вотъ любимая дочка явится, глядишь, въ маменькиномъ-то капиталѣ и произойдетъ брешь порядочная. А вѣдь разочаровываться-то въ надеждахъ не легко. Вѣдь приносишь жертвы. Тогда только трудъ и не тяжелъ, когда имѣешь увѣренность, что онъ будетъ вознагражденъ впослѣдствіи. Вѣдь каждую копейку, даромъ брошенную, жаль. Порокъ долженъ быть наказанъ.

Елоховъ.

А добродѣтель награждена?

Барбарисовъ.

Да-съ. А мы видимъ противное: награждается то порокъ. Можетъ быть, васъ удивляетъ, что я неспокойно говорю объ этомъ предметѣ? Чтò-жъ дѣлать? Я такой человѣкъ: несправедливость меня возмущаетъ; я хочу, чтобъ каждый получалъ должное, по своимъ заслугамъ.

Елоховъ.

Кабы вашими устами да медъ пить.

Барбарисовъ.

До свиданья!

Елоховъ.

Честь имѣю кланяться! *(Барбарисовъ уходитъ. Въ дверяхъ показывается Хіонія Прокофьевна.)*

ЯВЛЕНІЕ СЕДЬМОЕ.

Елоховъ *и* Хіонія Прокофьевна.

Хіонія.

Можно войти?

Елоховъ.

Войдите, Хіонія Прокофьевна.

Хіонія.

Правда ли, Макаръ Давыдычъ, что барыня пріѣдетъ?

Елоховъ.

Правда, Хіонія Прокофьевна.

Хіонія.

Охъ, напрасно, охъ, напрасно!

Елоховъ.

Отчего же напрасно?

Хіонія.

Потому какъ онѣ дама больная, жить въ такомъ городѣ для нихъ только безпокойство одно. И опять же новые порядки пойдутъ: съ ногъ собьешься. То не такъ, другое не такъ; на больного человѣка угодить трудно.

Елоховъ.

Ксенія Васильевна не капризна.

Хіонія.

Хоша и не капризна, все ужъ не то, какъ ежели баринъ одинъ. Мы ужъ къ нимъ привыкли, даже всякій взглядъ ихній понимаемъ. Виталій Петровичъ человѣкъ самыхъ благородныхъ правилъ; они во всякую малость входить не станутъ; ну, а женское хозяйство совсѣмъ другое дѣло. Виталій Петровичъ любятъ, чтобы все было хорошо и въ порядкѣ; только имъ и нужно; а ужъ до кляузовъ они не доходятъ никогда; чтобы, къ примѣру, каждую копейку усчитывать — они этого стыда не возьмутъ, потому что мужчина всегда лучше себя понимаетъ, ни чѣмъ женщина, и гораздо благороднѣе. А ежели дама въ хозяйство входитъ, такъ тутъ очень много всякаго вздору бываетъ; другія дамы до такой низкости доходятъ, что говядину дома на своихъ вѣсахъ перевѣшиваютъ. Какой же прислугѣ интересно, когда объ ней на манеръ какъ объ ворѣ понимаютъ? Прислугѣ жить безъ доходу тоже нельзя: однимъ жалованьемъ не много составишь. Баринъ нашъ это очень хорошо понимаетъ: гдѣ прислуга пользуется, такъ она этимъ мѣстомъ дорожитъ, чтобы какъ не потерять его, а гдѣ есть сумлѣніе, такъ ужъ въ прислугѣ старанія нѣтъ, а все больше съ неудовольствіемъ да какъ-нибудь. Берите съ малаго! Хоть бы огарки. Неужли имъ счетъ вести? И такъ каждая малость. Господамъ вниманія нестóящее, а намъ на пользу. *(Входитъ Мардарій.)*

Мардарій.

Хіонія Прокофьевна, барыня пріѣхали.

Елоховъ.

Доложите Ксеніи Васильевнѣ, что я здѣсь; можетъ быть, она пожелаетъ меня видѣть.

Хіонія.

Хорошо, доложу-съ... *(Хіонія Прокофьевна уходитъ.)*

Елоховъ.

Мардарій, надо Виталія Петровича увѣдомить. Онъ въ театрѣ.

Мардарій.

Да ужъ я послалъ. Мы знаемъ, гдѣ ихъ искать. *(Уходитъ.)*

ЯВЛЕНІЕ ВОСЬМОЕ.

Елоховъ *(одинъ)*.

Живой о живомъ и думаетъ. Вотъ и экономка, и та сокрушается, что, съ пріѣздомъ барыни, ей меньше доходу будетъ, и откровенно объявляетъ объ этомъ. Виталій Петровичъ, какъ понадобились деньги, объ женѣ встосковался, образъ жизни перемѣнилъ. Барбарисовъ тоже о живомъ думаетъ, желаетъ тещино состояніе все вполнѣ пріобрѣсть, безраздѣльно, чтобъ рубля не пропало. Только одна Ксенія Васильевна, женщина съ большими средствами, съ капиталомъ, о живомъ не думаетъ, живетъ какъ птица, потому что не отъ міра сего. Ну, понятное дѣло, люди, которые о живомъ-то думаютъ, додумались и до ея капитала. „Что̀, молъ, онъ у нея безъ призрѣнія находится?“ И вотъ ужъ на ея капиталъ два претендента: мужъ да Барбарисовъ. Какъ-то они ее раздѣлятъ бѣдную? Гдѣ дѣло о деньгахъ идетъ, тамъ людей не жалѣютъ. *(Входитъ Ксенія Васильевна.)*

ЯВЛЕНІЕ ДЕВЯТОЕ.

Елоховъ *и* Ксенія Васильевна.

Елоховъ.

Ксенія Васильевна, здравствуйте! Давненько, давненько не видались.

Ксенія.

Здравствуйте, Макаръ Давыдовичъ!

Елоховъ.

Какъ васъ Богъ милуетъ? Устали?

Ксенія *(садится)*.

Да, устала. Здоровье попрежнему. Что̀ Виталій Петровичъ? Какъ онъ себя чувствуетъ?

Елоховъ.

Тѣлесно-то онъ здоровъ; пока еще изьяну никакого не замѣтно; ну, а душевнаго состоянія похвалить нельзя. Сердцемъ боленъ. Вы въ немъ много перемѣны увидите.

Ксенія.

Ахъ! Да скажите вы мнѣ, пожалуйста, что̀ тутъ у васъ дѣлается? Вы, вѣроятно, знаете; онъ отъ васъ ничего не скрываетъ.

Елоховъ.

Я все знаю; но что̀ же мнѣ вамъ сказать-то? Про что̀ изволите спрашивать?

Ксенія.

Я такъ этого боюсь... столько я читала этихъ ужасовъ.

Елоховъ.

Ужасовъ? Ужасовъ, Богъ миловалъ, никакихъ нѣтъ-съ.

Ксенія.

Ну, какъ? Что̀ вы отъ меня скрываете? Развѣ это не ужасы: огласка, слѣдствіе, потомъ этотъ судъ? Адвокаты, прокуроры рѣчи тамъ говорятъ... всю жизнь человѣка разбираютъ, семейство его, образъ жизни... ничего не щадятъ... Да это умереть можно отъ стыда.

Елоховъ.

Это дѣйствительно, Ксенія Васильевна; старые люди говорятъ: отъ сумы да отъ тюрьмы не убережешься. Только намъ съ Виталіемъ Петровичемъ до этого еще далеко.

Ксенія.

Далеко ли, близко ли, да, вѣдь, это непремѣнно будетъ. Ужъ ожиданіе-то одно...

Елоховъ.

Ну, ужъ и „непремѣнно!“ Этого нельзя сказать-съ.

Ксенія.

Ахъ, да говорите, пожалуйста, откровенно! Не мучьте меня! Я знаю, что есть растрата... Большая она?

Елоховъ.

Вотъ вы изволите говорить: растрата. Если ужъ растрата, такъ большая, конечно, лучше.

Ксенія.

Да почему же?

Елоховъ.

Когда большая растрата, такъ дѣло короче и хлопотъ меньше. Коли есть характеръ, такъ садись равнодушно на скамью подсудимыхъ и отправляйся, куда тебя опредѣлятъ, а коли нѣтъ характера, такъ пулю въ лобъ; вотъ и все-съ.

Ксенія.

Вы меня терзаете.

Елоховъ.

Какое же терзаніе? Не понимаю. Мы растрату разсматриваемъ, такъ сказать, теоретически, безъ всякаго отношенія къ личностямъ. А небольшая растрата, такъ тутъ хлопотъ много: мечется человѣкъ, убивается, какъ бы ее пополнить, чтобъ не довести дѣло до суда; страдаетъ, роковой-то день приближается, а все-таки глядишь, попадется, какъ куръ во щи. Вотъ и выходитъ, что лучше воровать-то большими кушами, покойнѣе.

Ксенія.

Вы сказали „роковой день“... Какой же это роковой день?

Елоховъ.

Первое число. По первымъ числамъ обыкновенно бываетъ свидѣтельство кассъ, а то бываютъ и внезапныя ревизіи.

Ксенія.

Да, вѣдь, первое число черезъ два дня.

Елоховъ.

Такъ точно-съ, черезъ два дня.

Ксенія *(утирая слезы)*.

Хорошо, что я поторопилась. Ну, что-жъ? Я готова отдать все, чтобъ только спасти мужа. Какое же лучше употребленіе я могу сдѣлать изъ своихъ денегъ? Да я и постороннему готова...

Елоховъ.

Да-съ, вотъ куда дѣло пошло! Такъ успокойтесь! Ничего этого нѣтъ, никакой растраты. Дѣла его по службѣ въ самомъ лучшемъ положеніи: онъ, вѣроятно, скоро будетъ назначенъ главнымъ управляющимъ въ одномъ большомъ предпріятіи и будетъ получать огромное жалованье.

Ксенія.

Такъ за что̀ же вы меня мучили напрасно?

Елоховъ.

Да зачѣмъ же вы спрашивали? Откуда вамъ въ голову пришло, что у вашего мужа растрата?

Ксенія.

Мнѣ писали.

Елоховъ.

Кто?

Ксенія.

Письмо было безъ подписи: „Не довѣряйте мужу, берегите себя и свое состояніе! Оставьте ваши деньги въ рукахъ матери! Въ городѣ идетъ слухъ, что въ томъ банкѣ, гдѣ служитъ вашъ мужъ, большая растрата. Винятъ, главнымъ образомъ, его“.

Елоховъ.

Хорошее письмо! Такъ жить нельзя, Ксенія Васильевна! Или надо совсѣмъ разойтись съ мужемъ и утѣшаться только анонимными письмами, или надо мужу вѣрить и жечь эти письма, не читая.

Ксенія.

Вы сказали, что Виталій Петровичъ перемѣнился; что̀ же, онъ похудѣлъ?

Елоховъ.

Нѣтъ, не похудѣлъ. Худѣть ему никакого расчета нѣтъ. Онъ сталъ серьезнѣе: глупыхъ романовъ не читаетъ, а читаетъ книги дѣльныя, глупыхъ картинъ по стѣнамъ не вѣшаетъ.

Ксенія.

Да, вотъ и въ кабинетѣ обстановка совсѣмъ другая; бывало, стыдно войти.

Елоховъ.

Бросилъ совсѣмъ играть въ карты, не ѣздитъ въ оперетку,

то есть, ѣздитъ рѣдко, а не каждый день. Положимъ, что онъ, по своей службѣ, долженъ постоянно обращаться въ компаніи тузовъ, милліонщиковъ, которые проводятъ время довольно шумно и не очень нравственно; но онъ съ волками живетъ, а по-волчьи не воетъ. Прежде, можетъ быть, тоже вылъ, но теперь пересталъ. А главная перемѣна: влюбленъ.

Ксенія.

Какъ влюбленъ, въ кого?

Елоховъ.

Въ васъ.

Ксенія *(съ улыбкой)*.

Ахъ, какія глупости!

Елоховъ.

Дѣйствительно глупости. Жену довольно любить, а влюбленнымъ быть въ нее — это излишняя роскошь. Но ужъ, видно, онъ такъ созданъ; ему мало быть мужемъ, ему хочется быть еще любовникомъ своей жены. Вотъ посмотрите, онъ вамъ каждое утро будетъ букеты подносить.

Ксенія.

Чтò за пустяки! Къ чему это?

Елоховъ.

Я самъ видѣлъ, какъ онъ плакалъ, когда говорилъ о васъ. Это очень понятно: онъ всегда васъ любилъ; онъ видитъ, что васъ стараются разлучить, а чтò теряешь, тò кажется вдвое дороже.

Ксенія.

Я съ вами согласна; но зачѣмъ преувеличивать? Любовь слово большое. А то вспомнитъ про жену, вспомнитъ, что она добрая женщина, появится у него теплое чувство, а ему сейчасъ ужъ представляется, что онъ влюбленъ. И себя обманываетъ, и жену. Вѣдь, любовью можно покорить какое угодно сердце... Значитъ, обманывать не надо, грѣхъ. Вѣдь, любовь есть высшее благо, особенно для женщины кроткой.

Елоховъ.

Не отъ міра сего.

Ксенія.

Вѣдь, это цѣль нашей жизни, вѣнецъ всѣхъ желаній, торжество! Вѣдь, это та неоцѣненная рѣдкость, которую ищутъ

всѣ женщины, а находятъ очень немногія; женщины кроткія, скромныя, меньше всего имѣютъ надежды на это счастье; но зато онѣ дороже его цѣнятъ. Какъ онѣ благодарны тѣмъ мужьямъ, которые ихъ любятъ, на какой пьедесталъ ихъ ставятъ! Загляните въ душу такой женщины! Вѣдь, это храмъ, гдѣ совершается скромное торжество добродѣтели. Кроткая женщина не столько радуется тому, что ее любятъ, сколько торжествуетъ, что родъ людской еще не совсѣмъ палъ, что не одна красота, а и скромное, любящее сердце могутъ найти себѣ оцѣнку. Это святое, духовное торжество, это ни съ чѣмъ несравнимая радость побѣды добра и честной жизни надъ зломъ и развратомъ. Ну, вотъ и посудите теперь, честно ли обмануть такую женщину?

Елоховъ.

Женщину не отъ міра сего.

Ксенія.

Вдругъ она видитъ, что тотъ, кто плакалъ передъ ней, клялся ей въ вѣчной любви, полюбилъ другую женщину, которая, кромѣ презрѣнія, ничего не заслуживаетъ. Что у нея въ душѣ-то дѣлается тогда? Вы знаете, какъ тяжело переносить незаслуженную обиду; ну, такъ вотъ такой-то поступокъ со стороны мужа есть самая горькая, самая тяжелая обида, какую только можно вообразить. Храмъ разрушенъ, оскверненъ, кумиръ валится съ пьедестала въ грязь, вѣра въ торжество добра и честности гибнетъ. Вмѣсто свѣтлой радости, какой-то тяжелый, давящій туманъ застилаетъ душу. И въ этомъ туманѣ (ужъ это наша женская черта) начинаются мучительныя грезы. Поминутно представляется, какъ онъ ласкается къ этой недостойной женщинѣ, какъ она отталкиваетъ его, говоритъ ему: „поди, у тебя есть жена“, какъ онъ клянется, что никогда не любилъ жену, что жены на то и созданы, чтобъ ихъ обманывать, что жена надоѣла ему своей глупой кротостью, своими скучными добродѣтелями. Со мной ужъ это было одинъ разъ. Я не знаю, какъ я не умерла тогда. У страстной, энергической женщины явится ревность, она отомститъ или мужу, или соперницѣ, для оскорбленнаго чувства найдется выходъ, а кроткая женщина и на протестъ не рѣшится: для нея все это такъ гадко покажется, что она только уйдетъ въ себя, сожмется, завянетъ. Да, цвѣтокъ она,

цвѣтокъ... Пригрѣетъ его солнцемъ, онъ распустится, благоухаетъ, радуется; поднимется буря, подуетъ холодный вѣтеръ, онъ вянетъ безъ всякаго протеста. Конечно, можно и не умереть отъ такой обиды, а ужъ жизнь будетъ надломлена. Женщина сдѣлается или озлобленной, сухой, придирчивой моралисткой, или завянетъ, какъ цвѣтокъ, и ужъ другой бури, другого мороза не выдержитъ, свернется. *(Пауза.)* Да что̀ онъ, въ самомъ дѣлѣ, что̀ ли, опять полюбилъ меня?

Елоховъ.

Что̀-жъ я, взятку, что̀ ли, взялъ съ него? *(Ксенія встаетъ, взглядываетъ на себя въ зеркало и опять садится.)* Съ какой стати мнѣ, старой, сѣдой крысѣ, обманывать васъ?

Ксенія *(приглаживая прическу)*.

А вотъ онъ взглянетъ на меня, такую растрепанную, усталую, такъ авось разочаруется.

Елоховъ.

Да онъ васъ не за красоту любитъ. У него только и словъ о вашемъ здоровьѣ, о вашемъ спокойствіи. Онъ ужъ приторговалъ для васъ имѣніе въ Крыму и хочетъ устроить свои дѣла такъ, чтобы имѣть возможность уѣзжать туда вмѣстѣ съ вами мѣсяца на три, на четыре въ годъ.

Ксенія.

Неужели? А я такъ мечтала объ этомъ; онъ какъ будто угадалъ мои мысли.

Елоховъ.

Вотъ и планъ имѣнія.

Ксенія.

Покажите! *(Елоховъ подаетъ планъ.)* Прелестно! Недалеко отъ моря и отъ Ялты. Все это очень, очень хорошо. Я не ожидала. *(Опять встаетъ и взглядываетъ въ зеркало.)* Но зачѣмъ онъ влюбился въ меня? Мы просто будемъ уважать, или, какъ тамъ говорится, почитать другъ друга. *(Смѣется.)* А любовь... нѣтъ, я ея боюсь. Я боюсь, что повѣрю его любви. Мнѣ какъ-то больно дѣлается, точно притрогиваюсь къ больному мѣсту.

Елоховъ.

Ужъ это ваше дѣло. Какъ хотите, такъ и размежовывайтесь.

Ксенія.

Не нуждается ли онъ въ деньгахъ?

Елоховъ.

Едва ли. А, впрочемъ, какъ, чай, не нуждаться! Домъ безъ хозяйки, грабятъ со всѣхъ сторонъ. Вѣроятно, путается въ расчетахъ; только серьезныхъ затрудненій нѣтъ. Да вы съ нимъ самимъ поговорите, только не пугайте его излишней строгостью.

Ксенія.

Ужъ это завтра; нынче я съ нимъ ни объ чемъ не буду говорить.

Елоховъ.

Вотъ, кажется, онъ пріѣхалъ. *(Подходитъ къ двери.)* Бросился на вашу половину. Онъ теперь весь домъ обѣгаетъ, будетъ искать васъ. Подите къ нему. *(Ксенія уходитъ.)*

ЯВЛЕНІЕ ДЕСЯТОЕ.

Елоховъ *одинъ, потомъ* Мардарій.

Елоховъ.

Кажется, дѣло улаживается. Теперь можно и домой отправляться, а завтра, что̀ Богъ дастъ. Доживемъ, такъ увидимъ. *(Входитъ Мардарій.)*

Мардарій.

Виталій Петровичъ просятъ васъ подождать ихъ.

Елоховъ.

Подождать? Ну, что̀-жъ? Можно и подождать. Гдѣ онъ?

Мардарій.

Въ гостиной, съ барыней разговариваютъ.

Елоховъ.

Чай, обрадовался, Виталій-то Петровичъ?

Мардарій.

Да какъ же, помилуйте-съ... столько-то времени не видались... Опять же насчетъ здоровья сумлѣвались... Это доведись до всякаго, такъ все одно-съ. Мало ли тутъ что̀ болтали? Прислуга отъ ихней маменьки ходитъ. Только, по видимости, все это пустяки. *(Мардарій уходитъ. Входитъ Кочуевъ.)*

ЯВЛЕНІЕ ОДИННАДЦАТОЕ.

Елоховъ, Кочуевъ, *потомъ* Мардарій.

Кочуевъ.

Ксенія Васильевна проситъ у тебя извиненія; она не выйдетъ, отдохнуть хочетъ, устала.

Елоховъ.

Ну, какъ она?

Кочуевъ.

Мила необыкновенно; я ужъ теперь еще больше влюбленъ. Объ дѣлѣ, говоритъ, завтра: „утро вечера мудренѣе". Поцѣловала меня... Холодненько немножко, а, все-таки, любезно.

Елоховъ.

Ну, не вдругъ же.

Кочуевъ.

Ахъ, Макаръ, я теперь совершенно покоенъ и такъ счастливъ, какъ еще никогда въ жизни не бывалъ. Это я тебѣ обязанъ, ты ее настроилъ. *(Цѣлуетъ Елохова.)* О чемъ вы тутъ съ ней толковали?

Елоховъ.

Объ этомъ разсказывать долго. Скажу тебѣ одно: ее противъ тебя вооружали, но вооружить не успѣли; она за тебя и въ огонь, и въ воду готова. Она сейчасъ за тебя хотѣла пожертвовать всѣмъ своимъ состояніемъ.

Кочуевъ.

Какъ? Что̀ такое?

Елоховъ.

Ты знаешь ли, зачѣмъ она поторопилась пріѣхать? Она получила письмо, что у васъ растрата, и пріѣхала спасать тебя отъ Сибири.

Кочуевъ.

Кто же это? Неужели теща?

Елоховъ.

А кому-жъ больше? Или она, или Барбарисовъ.

Кочуевъ.

Вотъ каковы у меня дружки! Они ни передъ чѣмъ не оста-

новятся. Да пусть городятъ, что̀ хотятъ; теперь ужъ я ихъ не боюсь. *(Взглянувъ на столъ.)* Ахъ, какая неосторожность!

Елоховъ.

Какая неосторожность? Въ чемъ?

Кочуевъ.

Да тутъ, на столѣ есть бумажонки, которыхъ женѣ видѣть не нужно.

Елоховъ.

Она и не подходила къ столу.

Кочуевъ.

Положимъ, что она никогда моихъ бумагъ не трогаетъ, а, все-таки, лучше ихъ убрать. *(Разбираетъ бумаги.)* Помнится мнѣ, тутъ были два счета. Куда они дѣлись? *(Хватаетъ себя за лобъ.)* Или я ихъ убралъ прежде? Ты говоришь, что она не подходила къ столу?

Елоховъ.

Да нѣтъ же; она сидѣла вотъ тутъ.

Кочуевъ *(убираетъ бумаги въ ящикъ).*

Вотъ такъ-то лучше; теперь можно вздохнуть свободно.

Елоховъ.

Что̀-жъ это ты такъ скоро убѣжалъ отъ жены?

Кочуевъ *(медленно разставляя руки).*

Прогнали.

Елоховъ.

Нужно, братъ, въ этомъ горѣ утѣшеніе какое-нибудь.

Кочуевъ.

А вотъ сейчасъ. Мардарій! *(Входитъ Мардарій.)* Приготовь намъ закусить что̀-нибудь, да подай бутылку шампанскаго. *(Мардарій уходитъ.)* Вотъ теперь давай въ шахматы играть.

Елоховъ *(подвигая шахматный столикъ).*

Давай, давай! Оно хоть утѣшеніе и плохое, да что̀-жъ дѣлать? Вотъ ужъ теперь я тебя обыграю, потому что у тебя голова теперь совсѣмъ другимъ занята. *(Садится къ столу и разставляетъ шахматы.)*

Занавѣсъ.

ДѢЙСТВІЕ ВТОРОЕ.

ЛИЦА:

Кочуевъ.
Ксенія Васильевна.
Евлампія Платоновна Снафидина, мать Ксеніи.
Капитолина, другая дочь ея.
Барбарисовъ.
Елоховъ.
Прокофьевна.
Мардарій.

Гостиная въ домѣ Кочуевыхъ; двѣ двери: одна, налѣво отъ актеровъ, въ комнаты Ксеніи, другая, въ глубинѣ, въ залу. Съ правой стороны окна.

ЯВЛЕНІЕ ПЕРВОЕ.

Хіонія Прокофьевна *смотритъ въ окно; входитъ* Мардарій.

Мардарій.

Виталій Петровичъ приказали узнать, воротились Ксенія Васильевна или нѣтъ?

Хіонія.

Какая ужъ очень необыкновенная любовь вдругъ проявилась!

Мардарій.

Да-съ, Хіонія Прокофьевна, ужъ даже до чрезвычайности.

Хіонія.

Недавно, кажется, видѣлись; цѣлое утро тутъ въ разговорахъ прохлаждались.

Мардарій.

Да-съ, точно молодые, точно недавно повѣнчались. Какъ, говоритъ, пріѣдетъ, такъ доложи.

Хіонія.

Ну, да вотъ нечего дѣлать; она еще у маменьки у своей, потому навѣстить маменьку — это первый долгъ.

Мардарій.

Само собой, ежели визиты, такъ ужъ къ маменькѣ завсегда первый визитъ.

Хіонія.

А я такъ думаю, Мардарій Иванычъ, что торопиться-то некуда; успѣютъ и наглядѣться другъ на друга, и надоѣсть другъ другу.

Мардарій.

Это впередъ человѣкъ знать не можетъ, потому ему не дано. А только спервоначалу чувства у барина большія: вчера Виталій Петровичъ отъ радости мнѣ десять рублей дали.

Хіонія.

Вамъ хорошо! Такого-то барина днемъ съ огнемъ поискать; а я вотъ отъ Ксеніи Васильевны ничего не видала, а еще исполнительности требуетъ.

Мардарій.

Да помилуйте, развѣ вамъ мало было подарковъ и отъ Ксеніи Васильевны? Ужъ это грѣхъ сказать.

Хіонія.

Подарки подарками, а все пріятнѣе, ежели они отъ легкаго сердца, съ удовольствіемъ.

Мардарій.

У нихъ другое воспитаніе.

Хіонія.

Нѣтъ, ужъ это человѣкомъ выходитъ, родомъ. У нихъ и маменька... одна серьезность да строгость, а чувствъ никакихъ. А вотъ кто-то подъѣхалъ. Нѣтъ, это Фирсъ Лукичъ.

Мардарій.

Господинъ Барбарисовъ?

Хіонія.

Онъ. А вотъ съ другой стороны и Ксенія Васильевна съ маменькой, и Капитолина Васильевна съ ними.

Мардарій.

Пойти доложить. *(Уходитъ. Хіонія Прокофьевна поправляетъ на столѣ салфетку и уходитъ въ залу. Изъ залы выходятъ Ксенія Васильевна, Снафидина, Капитолина и Барбарисовъ.)*

ЯВЛЕНІЕ ВТОРОЕ.

Ксенія, Снафидина, Капитолина *и* Барбарисовъ.

Барбарисовъ.

Ксенія Васильевна, позвольте васъ поздравить съ пріѣздомъ. Счелъ первымъ долгомъ.

Ксенія.

Благодарю васъ. Вы извините меня, я съ дороги немного устала.

Барбарисовъ.

Ахъ, сдѣлайте одолженіе, не обращайте на меня никакого вниманія! Я только счелъ пріятной обязанностью.

Ксенія.

Побесѣдуйте съ сестрой; она, я думаю, сумѣетъ васъ занять. Пойдемте, маменька, ко мнѣ; тамъ уютнѣе.

Снафидина.

Мнѣ все равно, пойдемъ, пожалуй. *(Ксенія и Снафидина уходятъ въ дверь налѣво).*

Барбарисовъ.

Ну, что̀ же, былъ какой-нибудь разговоръ?

Капитолина *(печально).*

Былъ.

Барбарисовъ.

Что̀ же, какой? какой?

Капитолина.

Мало ли, что̀ тутъ было: и слезы, и упреки, и поцѣлуи, и опять слезы, и опять поцѣлуи.

Барбарисовъ.

Да чѣмъ же кончилось?

Капитолина *(сквозь слезы).*

Отдала, все, все отдала.

Барбарисовъ.

О, слабость, проклятая слабость!

Капитолина.

Она со мной только строга-то.

Барбарисовъ.

Для чего-жъ она ей отдала? Зачѣмъ Ксеніи Васильевнѣ деньги понадобились?

Капитолина.

Имѣніе въ Крыму покупаетъ.

Барбарисовъ.

Вотъ это отлично придумано, подходъ ловкій. Женщинѣ и жить-то всего годъ, много два осталось, а они имѣніе.

Капитолина.

Да съ чего ты взялъ? Сестра здорова.

Барбарисовъ.

Поспорь еще! Я у докторовъ-то спрашивалъ.

Капитолина.

А вотъ въ Крыму поправится.

Барбарисовъ.

Да, пожалуй... мудренаго нѣтъ... Экое наказаніе! Вотъ и вѣрь твоей маменькѣ, и разсчитывай на ея слова.

Капитолина.

Да что̀-жъ, развѣ тебѣ мало моего-то приданаго?

Барбарисовъ.

Смѣшно слушать! Нѣтъ, не мало, не мало, Капитолина Васильевна... И за то я, по своему ничтожеству, долженъ Бога благодарить. Такъ, что̀ ли, разсуждать прикажете?

Капитолина.

Да какъ хочешь! Что̀ мнѣ?

Барбарисовъ.

Не мало, Капитолина Васильевна; справедливы ваши слова. Да пойми ты, вѣдь, больше-то лучше. Такъ или нѣтъ?

Капитолина.

Конечно, лучше.

Барбарисовъ.

Такъ, вѣдь, и я про то же. Что̀ она говорила-то? „Ксенія должна разойтись съ мужемъ и жить у меня. Она женщина кроткая; ей ничего не нужно. Все будетъ ваше, только ведите себя хорошо и во всемъ слушайтесь меня“. Самодурство! Сейчасъ видно, что изъ купеческаго рода.

Капитолина.

„Изъ купеческаго рода“! Туда же! Да самъ-то ты кто?

Барбарисовъ.

Я и не хвастаюсь. Не титулованная особа, извините, изъ разночинцевъ. Да вотъ умъ имѣю и способности. Искала бы себѣ лучше, коли я не пара.

Капитолина.

Да гдѣ я искать-то стану? Кого я вижу? Меня до двадцати пяти лѣтъ держать взаперти. Маменька все шепталась да совѣтовалась съ какими-то старухами, да вотъ и нашли гдѣ-то тебя. Маменька мнѣ говоритъ: „Вотъ тебѣ женихъ; это твоя судьба. Полюби его!“ Ну, я и полюбила.

Барбарисовъ.

И прекрасно сдѣлала. Зачѣмъ ты только споришь со мной и маменьку свою защищаешь? Ужъ я даромъ слова не скажу.

Капитолина.

Да я и сама не знаю, что̀ говорю. Скучно мнѣ до смерти; поскорѣе бы вырваться.

Барбарисовъ.

Да вырвешься, погоди; вотъ срокъ кончится.

Капитолина.

Когда же онъ кончится?

Барбарисовъ.

Какъ я просилъ твоей руки, она мнѣ сказала: „Извольте, я согласна; но только цѣлый годъ вы будете на испытаніи; я хочу прежде узнать ваше поведеніе и вашъ характеръ“. Теперь этому испытанію скоро конецъ; полтора мѣсяца только осталось. Вотъ тогда мы поговоримъ съ вами, любезная маменька! Ахъ, какъ мнѣ жаль этихъ денегъ; просто, хоть плакать!

Капитолина.

Да и мнѣ жалко.

Барбарисовъ.

Кто-то идетъ сюда.

Капитолина.

Я пойду къ нимъ. Что̀ онѣ тамъ секретничаютъ? *(Уходитъ въ дверь налѣво. Входитъ Елоховъ съ букетомъ.)*

ЯВЛЕНІЕ ТРЕТЬЕ.

Барбарисовъ *и* Елоховъ.

Елоховъ *(положивъ букетъ на столъ).*

Здравствуйте! Вы ужъ здѣсь?

Барбарисовъ.

Поздравить съ пріѣздомъ заѣхалъ.

Елоховъ.

А гдѣ же Ксенія Васильевна?

Барбарисовъ.

Она тамъ, у себя; у нея Евлампія Платоновна и Капитолина Васильевна.

Елоховъ.

Обрадовалась, я думаю, Евлампія-то Платоновна?

Барбарисовъ.

Да-съ, обрадовалась, обрадовалась, очень, очень обрадовалась. Перестаньте хитрить-то, перестаньте хитрить-то! Не на того напали.

Елоховъ.

Что̀ вы, какая хитрость? Это не наше занятіе.

Барбарисовъ.

Знаю я, хорошо знаю. Тутъ ужъ впередъ все подстроено было. Я вчера говорилъ вамъ, что этотъ пріѣздъ не даромъ. Такъ и вышло.

Елоховъ.

Ничего не понимаю.

Барбарисовъ.

И какъ только все устроено! Мы съ Капитолиной Васильевной не успѣли и опомниться, а ужъ готово! Радость, слезы и великодушіе! А я думаю, и мы тоже въ этомъ дѣлѣ заинтересованы, и мы должны имѣть голосъ.

Елоховъ.

Въ какомъ дѣлѣ-то?

Барбарисовъ.

„Маменька, я покупаю имѣніе въ Крыму, такъ пожалуйте

денегъ!“ Извольте, дочка, берите, сколько вамъ угодно, берите, берите безъ счета.

Елоховъ.

А васъ и не спросились? Это, дѣйствительно, обидно.

Барбарисовъ.

И какое имѣніе? Никакого имѣнія нѣтъ. Все выдумки, все обманъ!

Елоховъ.

А если есть?

Барбарисовъ.

Ну, положимъ, и есть, да за что же награждать-то безъ разбора?

Елоховъ.

Кого люблю, того и дарю.

Барбарисовъ.

Къ чему такая слабость непростительная? Зачѣмъ распускаться? Евлампія Платоновна не должна забывать, сколько огорченій доставилъ ей этотъ бракъ ея дочери. Она должна помнить, помнить все, что̀ перенесла по милости Ксеніи Васильевны.

Елоховъ.

„Не должна забывать, должна помнить!“ Вотъ вы хвалитесь благочестивой жизнью; вы какой же религіи придерживаетесь?

Барбарисовъ.

Да что вы: „религія!“ Лучше васъ я это знаю.

Елоховъ.

А коли знаете, зачѣмъ такъ говорите?

Барбарисовъ.

Заговоришь, когда тебя грабятъ, и не то заговоришь.

Елоховъ.

Нѣтъ, вы ужъ сдѣлайте одолженіе, потрудитесь выбирать другія выраженія. Вы у Виталія Петровича въ домѣ и такъ объ немъ отзываетесь! Это неприлично и неосторожно.

Барбарисовъ.

Развѣ вы сплетничать хотите? Извольте! Я не боюсь.

Елоховъ.

Сплетничать не сплетничать, а и скрывать не вижу никакой надобности. Виталій Петровичъ не любитъ, когда объ немъ неучтиво отзываются; онъ васъ за это не похвалитъ.

Барбарисовъ.

Я извинюсь, я извинюсь. Меня всѣ извиняютъ. Что̀ дѣлать? Я такой человѣкъ. Я блаженный; у меня — что̀ на умѣ, то и на языкѣ. Да я и не считаю, что нахожусь у Виталія Петровича: я у Ксеніи Васильевны. Въ ихъ семействѣ я свой человѣкъ; я защищаю ихъ интересы. Мнѣ никто этого запретить не можетъ.

Елоховъ.

Нѣтъ, Евлампія Платоновна лучше васъ; она разсуждаетъ, какъ слѣдуетъ, какъ нравственный законъ повелѣваетъ; по-христіански, всякую обиду, всякое огорченіе прощать слѣдуетъ.

Барбарисовъ.

„Прощать, прощать“! Я это знаю. Прибей меня, я прощу. И жена можетъ простить мужа за невѣрность, и теща, только... только деньгами-то зачѣмъ же награждать? Изъ-за чего же тогда, изъ-за какихъ благъ другіе-то должны воздерживаться и отказывать себѣ во всемъ, если...

Елоховъ.

Значитъ, по-вашему, покаявшихся прощать можно, только надо съ нихъ штрафъ брать въ пользу добродѣтельныхъ?

Барбарисовъ.

Да, конечно, надо же какую-нибудь разницу...

Елоховъ.

Прекрасно! Это новый кодексъ нравственныхъ правилъ: нераскаянныхъ грѣшниковъ судить уголовнымъ судомъ, а раскаявшихся гражданскимъ, съ наложеніемъ взысканія, и всѣ грѣхи и проступки положить въ цѣну: одинъ грѣхъ дороже, другой дешевле! Вотъ вы и займитесь этимъ дѣломъ: напишите рефератъ и прочитайте въ юридическомъ обществѣ.

Барбарисовъ.

Смѣйтесь, смѣйтесь! Хорошо вамъ смѣяться-то! *(Изъ боковой двери входятъ Снафидина и Капитолина.)*

ЯВЛЕНІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

Елоховъ, Барбарисовъ, Снафидина *и* Капитолина.

Елоховъ.

Здравствуйте, Евлампія Платоновна!

Снафидина.

Ахъ, Макаръ Давыдовичъ! Очень вамъ благодарна, что навѣщаете Ксенію. Вы человѣкъ почтенный, не то, что нынѣшніе кавалеры.

Капитолина.

Маменька! *(Пожимаетъ плечами.)* „Кавалеры"!

Снафидина.

Ну, ужъ не учи мать, придерживай языкъ-то! Мы съ Макаромъ Давыдовичемъ понимаемъ другъ друга.

Елоховъ.

Понимаемъ, Евлампія Платоновна, понимаемъ. Нѣтъ, ужъ гдѣ мнѣ за нынѣшними кавалерами гоняться! Ноги плохи стали.

Снафидина.

Какъ я рада, что Ксенія покупаетъ себѣ дачу въ Крыму. Тамъ она успокоится и поправится.

Барбарисовъ.

Только надо, чтобъ она себѣ купила, именно себѣ.

Снафидина.

Какъ „себѣ"? Разумѣется, себѣ, а то еще кому же?

Барбарисовъ.

То-есть на свое имя. А она можетъ купить на имя Виталія Петровича.

Снафидина.

Зачѣмъ? Съ какой стати? Это будетъ ея имѣніе, ея собственное. Чьи деньги, того и имѣніе. Ужъ это всякому извѣстно.

Барбарисовъ.

Для этого-то и надо, чтобы купчая была совершена на ея имя.

Снафидина.

А коли надо, такъ ты и скажи ей, научи ее!

Капитолина.

Да послушаетъ ли она его?

Снафидина.

Ну, вотъ еще! Скажи, что я приказала. Какъ она смѣетъ не послушать?

Барбарисовъ.

Если имѣніе будетъ куплено на имя Ксеніи Васильевны, такъ въ случаѣ, чего Боже сохрани, смерти ея оно должно по наслѣдству перейти къ Капитолинѣ Васильевнѣ.

Капитолина.

Да, такъ и надо сдѣлать, чтобъ оно мое было. Ужъ вы, Фирсъ Лукичъ, такъ и постарайтесь.

Снафидина.

Вы съ Фирсомъ Лукичемъ, я вижу, ужъ что̀-то очень много о земномъ хлопочете; не хорошо это; не тому я васъ учила. Вы бы почаще о душѣ подумывали.

Барбарисовъ.

Нельзя же, Евлампія Платоновна, и о земномъ не думать. На землѣ живемъ.

Капитолина.

Конечно, послѣ сестры все мнѣ слѣдуетъ.

Елоховъ.

Если она не оставитъ завѣщанія.

Снафидина.

Какого еще завѣщанія?

Елоховъ.

Она по завѣщанію можетъ отказать свое имѣніе кому угодно.

Снафидина.

Безъ позволенія-то матери?

Барбарисовъ.

Да-съ, можетъ; она совершеннолѣтняя.

Снафидина.

Ну, ужъ ты, пожалуйста, молчи. Я не хуже тебя знаю.

Елоховъ.

И судъ утвердитъ такое завѣщаніе, потому что противъ него и спору никакого не можетъ быть.

Снафидина.

Какъ „никакого спору“? Да я первая начну споръ.

Елоховъ.

И вамъ судъ откажетъ, а завѣщаніе утвердитъ.

Снафидина.

Хороши же ваши суды! И какъ вамъ не стыдно, Макаръ Давыдовичъ?

Елоховъ.

Какой стыдъ? Чего мнѣ стыдиться?

Снафидина.

Вы ужъ довольно-таки пожилой человѣкъ, и вы равнодушно говорите о такихъ порядкахъ въ судѣ. Или это, по нынѣшнему, такъ и слѣдуетъ?

Елоховъ.

Да и прежде также было.

Снафидина.

Нѣтъ ужъ, не можетъ быть; прежде все было лучше. Не одна я это говорю. А хоть бы и было, такъ мнѣ все равно; я суду вашему не покорюсь: я въ сенатъ буду жаловаться.

Елоховъ.

И сенатъ откажетъ. И сенату тутъ судить нечего, потому что на это есть очень ясный законъ.

Снафидина.

Законъ, чтобы дѣти не слушались родителей? Нѣтъ, такого закона и быть не можетъ!

Елоховъ.

Я не юристъ, спорить съ вами не смѣю.

Снафидина.

И давно бы вамъ такъ сказать надо было.

Барбарисовъ.

Сенатъ откажетъ, Евлампія Платоновна. Дѣйствительно, есть такой законъ, что совершеннолѣтніе могутъ...

Снафидина.

Ахъ, молчи, сдѣлай милость! Постарше тебя есть, да не спорятъ. „Сенатъ откажетъ“! Ну, что-жъ такое? Я и выше пойду. Какой еще тамъ законъ? Одинъ законъ только и есть —

„чтобъ дѣти повиновались своимъ родителямъ“. И никакихъ другихъ законовъ нѣтъ. А если и есть, такъ я ихъ и знать не хочу. Пусть, кто хочетъ, тотъ ихъ и исполняетъ, а я не намѣрена. Я стану просить, чтобъ запретили судамъ бунтовать противъ меня моихъ дочерей, чтобъ ихъ непослушаніе въ судахъ не оправдывали и не покрывали какими-то своими законами. Нѣтъ, со мной трудно спорить; я, батюшка, мать; я свои права знаю; я за дочерей должна на томъ свѣтѣ отвѣчать.

Елоховъ.

Да мы и не споримъ съ вами, Евлампія Платоновна.

Барбарисовъ *(Елохову)*.

Не слыхали ли вы, поѣдетъ нынче Виталій Петровичъ на пикникъ?

Елоховъ.

Нѣтъ, не поѣдетъ.

Снафидина.

Какой это пикникъ?

Барбарисовъ.

Веселый, со всѣми онёрами, съ дамами.

Снафидина.

Хороши, я думаю, дамы!

Барбарисовъ.

Дорогой пикникъ: рублей по триста съ человѣка. Букеты дамамъ изъ Ниццы выписывали.

Капитолина.

Ахъ, вотъ прелесть-то! Вы не поѣдете, Фирсъ Лукичъ?

Барбарисовъ.

Нѣтъ, я на такихъ пикникахъ не бываю.

Капитолина.

А я такъ бы и полетѣла!

Снафидина.

Что̀ ты, что̀ ты? Ты только подумай, что̀ ты говоришь!

Барбарисовъ.

Это не Капитолина Васильевна говоритъ, это ея невинность говоритъ. Она и понятія не имѣетъ о томъ, что̀ тамъ творится, и какіе тамъ канканы танцуютъ.

Снафидина.

Да, я знаю, что невинность. А то что̀ же? Не заступайся, пожалуйста! Не обижу напрасно. А, все-таки, ей бы помолчать лучше.

Барбарисовъ.

Ужъ они бы и дамъ-то изъ Парижа выписывали.

Елоховъ.

Что̀ вы толкуете о томъ, чего не знаете? Не бывали вы на этихъ пикникахъ, — дороги они для васъ, — такъ погодили бы осуждать-то.

Барбарисовъ.

Впрочемъ, зачѣмъ дамъ выписывать? Букетовъ-то заграничныхъ не было, а дамы-то есть, еще раньше были выписаны. Жаль, очень жаль, что Виталій Петровичъ тамъ не будетъ; безъ него и праздникъ не въ праздникъ. Онъ, кажется, у нихъ главнымъ распорядителемъ.

Елоховъ.

Что̀ вы на Виталія Петровича напраслину взводите? Никогда онъ у нихъ распорядителемъ не бывалъ, а сегодня и подавно.

Барбарисовъ.

Да что̀-жъ я, въ самомъ дѣлѣ? Вѣдь, Ксенія Васильевна только что пріѣхала.

Снафидина.

Ну, вотъ, что̀-жъ ты болтаешь-то?

Барбарисовъ.

Не бросить же ему, на первыхъ порахъ, жену для своихъ пріятелей! Съ ними онъ каждый день видится, денёкъ-то, другой и подождутъ. Они отъ него никуда не уйдутъ, и пикникъ-то это не первый и не послѣдній. Виталій Петровичъ свое возьметъ; не удалось теперь, такъ послѣ наведетъ. Давеча, какъ вы вошли съ букетомъ, я думалъ: ужъ не оттуда ли это, не заграничный ли букетъ-то?

Елоховъ.

Нѣтъ, это здѣшній.

Барбарисовъ.

А мнѣ ужъ представилось, что букетъ оттуда, и что Ви-

талій Петровичъ хочетъ и Ксенію Васильевну вмѣстѣ съ собой на пикникъ везти.

Снафидина.

Какія ты глупости говоришь! Возможное ли это дѣло?

Барбарисовъ.

Отчего-жъ невозможное? Конечно, сегодня еще рано, а потомъ... Будетъ постоянно проводить время въ ихъ обществѣ, такъ, незамѣтно, и сама въ ихъ жизнь втянется, и всѣ ихъ привычки усвоитъ. Вотъ посмотрите, они ее и канканъ выучатъ танцовать.

Снафидина.

Ну, ужъ ты, кажется, забываешься! Ты долженъ имѣть къ ней уваженіе!

Барбарисовъ.

Чего не сдѣлаетъ любящая жена для своего мужа!

Снафидина.

Нѣтъ, никогда я себѣ не прощу, никогда не прощу, что такъ неосмотрительно ее выдала.

Елоховъ.

Ужъ теперь дѣло сдѣлано, такъ не объ чемъ толковать!

Снафидина.

Ахъ, нѣтъ! Я сдѣлала ошибку, я должна и поправлять.

Елоховъ.

А вы не слушайте чужихъ словъ, да сами вглядитесь хорошенько, такъ увидите, что и поправлять-то нечего.

Снафидина.

Я выдала ее замужъ, не подумавши, — моя обязанность и развести ее съ мужемъ.

Елоховъ.

Какъ развести? Чтò вы? Да она сама не захочетъ.

Снафидина.

Мало ли чего она не захочетъ! Развѣ она въ жизни чтò-нибудь понимаетъ? Ей нужно растолковать, въ какую ее пропасть тянутъ, да уличить мужа-то, да на дѣлѣ ей показать.

Барбарисовъ.

И все это можно, и все это очень легко.

Елоховъ.

Помилуйте! Да такъ можно убить ее. Она женщина очень впечатлительная и слабаго здоровья.

Снафидина.

А хоть бы и убить! Что̀-жъ тутъ страшнаго? Я исполняю свой долгъ. Я убью ея тѣло, но спасу душу.

Елоховъ.

Да образумьтесь вы, ради Бога! Что̀ вы говорите? Вѣдь, это разбой!

Снафидина.

А что̀-жъ такое „разбой"? Есть дѣла и хуже разбоя.

Елоховъ.

Да, конечно...

Снафидина.

Я дивлюсь на васъ. Вы старый человѣкъ, а понимаете очень, очень мало. Разбой! Ужъ будто это такое слово, что хуже его и на свѣтѣ нѣтъ? Напрасно! Знаете ли вы, что разбойникъ только убиваетъ, а души не трогаетъ; а развратный человѣкъ убиваетъ душу. Такъ кто лучше?

Елоховъ.

Да извольте, согласенъ съ вами; но какимъ образомъ все это можетъ относиться къ мужу Ксеніи Васильевны, къ Виталію Петровичу? Вы его ужъ хуже разбойника считаете.

Снафидина.

А вотъ мы посмотримъ, мы изслѣдуемъ; я безъ оглядки дѣла не сдѣлаю. И если окажется, что онъ моей дочери не достоинъ, тогда ужъ, не взыщите, я дочь губить не позволю. Вы знаете ли, какъ я ее люблю?

Елоховъ.

Я въ этомъ увѣренъ.

Капитолина.

Да ужъ, маменька, кажется, вы слишкомъ.

Снафидина.

Ты боишься, что на тебя недостанется? На всѣхъ, на всѣхъ хватитъ! Не сомнѣвайтесь! Да-съ, я ее очень люблю; а ужъ какъ въ дѣтствѣ любила, этого словами и выразить нельзя. Я просила, я молилась, чтобъ она умерла.

Елоховъ.

Умерла?

Снафидина.

Чтобы она умерла еще въ отрочествѣ, дѣвицей. Тогда бы ужъ туда прямо во всей своей младенческой непорочности.

Елоховъ.

Да-съ, это точно, любовь необыкновенная. *(Входитъ Ксенія Васильевна.)*

ЯВЛЕНІЕ ПЯТОЕ.

Снафидина, Елоховъ, Барбарисовъ, Капитолина *и* Ксенія.

Елоховъ *(подаетъ букетъ).*

Виталій Петровичъ просилъ передать вамъ.

Ксенія.

Зачѣмъ это? Право, не нужно бы.

Барбарисовъ.

Виталій Петровичъ современный человѣкъ; онъ знаетъ, что нынче мода такая.

Снафидина.

Ничего тутъ дурного нѣтъ. Цвѣтокъ — вѣдь, это невинность; ужъ что̀ можетъ быть непорочнѣе цвѣтка? Я очень люблю цвѣты.

Ксенія.

Маменька, такъ позвольте вамъ предложить... *(Подаетъ букетъ.)*

Снафидина.

Вотъ благодарю! Вотъ ужъ покорно тебя благодарю! Кромѣ тебя, вѣдь, никто не догадается. *(Завертываетъ букетъ въ платокъ.)*

Барбарисовъ *(Капитолинѣ тихо).*

Она сто тысячъ, а ей букетъ; вотъ и квиты.

Елоховъ *(Ксеніи тихо).*

Виталій Петровичъ желаетъ съ вами поговорить; онъ ждетъ — не дождется.

Ксенія *(тихо).*

Они скоро уѣдутъ.

Снафидина.

Чтò вы тамъ шепчетесь? Говорите вслухъ! Это не прилично.

Елоховъ.

Да, вѣдь и вслухъ-то говорить всякій вздоръ тоже неприлично. Вслухъ-то надо говорить только то, чтò можетъ быть интересно для всего общества; а то лучше промолчать или на ухо сказать.

Снафидина.

Этого ужъ я, чтò-то, не понимаю.

Елоховъ.

Да вотъ если у меня зубы болятъ или подъ ложечкой неладно, такъ зачѣмъ же я буду кричать во всю залу? Лучше я пріятелю на ухо скажу.

Снафидина.

А, вѣдь, и въ самомъ дѣлѣ такъ. Ну, Капитолина, поѣдемъ.

Ксенія.

Маменька, я вечеромъ васъ буду ждать; только пріѣзжайте пораньше.

Снафидина.

Да, ужъ, конечно, не по-модному, не въ полночь. Въ полночь-то я ужъ другой сонъ вижу.

Ксенія.

И я тоже.

Снафидина.

Ну, поѣдемте, поѣдемте! До свиданья! *(Дамы цѣлуются; Барбарисовъ раскланивается. Уходятъ Снафидина, Капитолина, Барбарисовъ; Ксенія ихъ провожаетъ и возвращается.)*

ЯВЛЕНІЕ ШЕСТОЕ.

Елоховъ *и* Ксенія.

Елоховъ.

Ну, Ксенія Васильевна, чего я тутъ наслушался, просто ужасъ! Съ непрывычки-то, знаете ли, морозъ по кожѣ подираетъ.

Ксенія.

Я думаю. Я сама въ маменькѣ большую перемѣну замѣтила.

Елоховъ.

Что̀ они тутъ говорили про Виталія Петровича! Они его хуже всякого разбойника считаютъ. А если безпристрастно-то разсуждать, такъ онъ гораздо лучше ихъ.

Ксенія.

Я вѣрю вамъ, что онъ лучше ихъ. Не много я давеча съ ними говорила, а сейчасъ же убѣдилась, что они неправду говорятъ про моего мужа. И сестру я не узнаю: она какая-то корыстолюбивая стала.

Елоховъ.

Да чего ужъ! Она о вашей смерти очень равнодушно разсуждаетъ и откровенно заявляетъ претензію получить наслѣдство послѣ васъ.

Ксенія.

А вотъ и ошибется. Я все мужу оставляю; я ужъ и завѣщаніе сдѣлала.

Елоховъ.

И о завѣщаніи былъ разговоръ. Мамаша ваша говорила, что вы даже и завѣщанія безъ ея позволенія не смѣете написать.

Ксенія *(смѣется)*.

Хоть и грѣхъ, а ужъ въ этомъ дѣлѣ я маменьку не послушаюсь.

Елоховъ.

А! Скажите пожалуйста! А все нравственность проповѣдуютъ.

Ксенія.

Нѣтъ, онѣ отъ настоящей-то нравственности куда-то въ сторону ушли. Ихъ кто-нибудь путаетъ.

Елоховъ.

Да Барбарисовъ; кому-жъ еще?

Ксенія.

Ну, я сестрѣ не позавидую. Какъ онѣ ни бранятъ Виталія Петровича, а я его не промѣняю на Барбарисова. Вся бѣда,

что маменька словамъ вѣритъ. Кто говоритъ ей пріятное, тотъ и хорошій человѣкъ.

Елоховъ.

Да если-бъ Виталій Петровичъ захотѣлъ, такъ онъ бы ее очаровалъ совсѣмъ. Онъ между всѣми своими сослуживцами считается самымъ краснорѣчивымъ. Да онъ къ такимъ средствамъ прибѣгать не станетъ.

Ксенія.

Да, разумѣется, это гадко.

Елоховъ.

Вы, пожалуйста, не вѣрьте имъ. Маменька ваша говоритъ, что ея священная обязанность развести васъ съ мужемъ.

Ксенія *(съ испугомъ).*

Ахъ! Неужели? Благодарю васъ, что предупредили. Я теперь буду остерегаться... Я теперь ни одному слову ихъ не повѣрю.

Елоховъ.

Даже если чтò и глазами увидите, и тому не вѣрьте; и тутъ можетъ быть обманъ.

Ксенія.

Да, да.

Елоховъ.

Смотрите же, помните это. Васъ разлучить хотятъ. Не забывайте! А то бѣду наживете.

Ксенія.

Нѣтъ, нѣтъ, я буду помнить, буду хорошо помнить. Благодарю васъ. *(Жметъ руку Елохова.)* Благодарю. *(Задумывается. Входитъ Кочуевъ.)*

ЯВЛЕНІЕ СЕДЬМОЕ.

Елоховъ, Ксенія *и* Кочуевъ.

Ксенія *(все еще въ задумчивости).*

Ты мнѣ букетъ прислалъ. *(Цѣлуетъ мужа.)* Благодарю, мой милый! Только не нужно этого.

Кочуевъ.

Какъ тебѣ угодно: не нужно, такъ не нужно. *(Цѣлуетъ у жены руку.)*

Елоховъ.

Ну, Виталій Петровичъ, какіе тебѣ тутъ панегирики читали! Вотъ бы ты послушалъ.

Кочуевъ.

Да я знаю, знаю, мнѣ и слушать не надо. Очень понятно: я имъ поперекъ горла сталъ.

Елоховъ.

Нѣтъ, всего не знаешь и даже представить себѣ не можешь.

Ксенія.

Зачѣмъ вы? Не надо ему разсказывать, не надо. Я знаю, что все это вздоръ, и ничему не вѣрю.

Кочуевъ.

А вотъ погоди: я имъ отомщу отлично.

Ксенія.

Нѣтъ, мстить не хорошо. Оставь, послушай меня, оставь!

Кочуевъ.

Я такъ отомщу, что ты сама похвалишь.

Елоховъ.

Ну, оставайтесь съ Богомъ! Я вамъ мѣшать не буду. Совѣтъ да любовь! Не прощаюсь. Вечеромъ забѣгу. *(Кочуеву.)* Не провожай меня! Не надо! *(Идетъ къ двери.)* А книгу-то ты хотѣлъ принести Ксеніи Васильевнѣ? Забылъ?

Кочуевъ.

Извини, Ксенія! Я сегодня же отыщу и пришлю. *(Елоховъ уходитъ.)*

ЯВЛЕНІЕ ВОСЬМОЕ.

Кочуевъ *и* Ксенія.

Ксенія.

Чѣмъ же ты хочешь отомстить?

Кочуевъ.

А тѣмъ, что мы устроимъ такъ свою семейную жизнь, что она будетъ образцовой, будетъ служить примѣромъ для всѣхъ; тогда маменька не осуждать насъ, а завидовать намъ станетъ.

Ксенія (*съ удивленіемъ*).

Что̀, что̀ ты говоришь?

Кочуевъ.

Садись! Я тебѣ разовью свои мысли. Теперь, по большей части, мужья съ женами, даже самые согласные, не составляютъ одного цѣлаго, одной души. Они живутъ вмѣстѣ, а думаютъ врозь; у нихъ вкусы, привычки, образъ мыслей, даже образъ жизни — все разное.

Ксенія.

Да, да.

Кочуевъ.

У нихъ и знакомства, и развлеченія разныя. У мужа свои пріятели, большею частью, холостежь, развратная, пресыщенная, вся пропитанная цинизмомъ; у него свои удовольствія: оперетка, маскарады. Такъ?

Ксенія.

Такъ, такъ. Я слушаю тебя, слушаю.

Кочуевъ.

Жена въ развлеченіяхъ мужа никакого участія принять не можетъ: такъ все тамъ неприлично и грязно. Жена или сидитъ дома и скучаетъ, или имѣетъ свой кружокъ изъ такихъ же несчастныхъ женъ, съ которыми проводитъ все время въ сплетняхъ, осужденіи ближнихъ, или играетъ запоемъ въ карты. Хорошо это?

Ксенія.

Нѣтъ, милый, не хорошо, не хорошо.

Кочуевъ.

У насъ съ тобой будетъ иначе. Мы никогда не будемъ разлучаться. Гдѣ я, тамъ и ты; куда я, туда и ты. У себя мы будемъ собирать только умныхъ, солидныхъ людей. Чтобъ не было монотонно и скучно, чтобъ разнообразить наши вечера, мы будемъ приглашать музыкантовъ, пѣвцовъ, литераторовъ, ученыхъ, художниковъ, но только извѣстныхъ, знаменитыхъ, — только такихъ, съ которыми знакомство и пріятно, и поучительно.

Ксенія.

Ахъ, какъ это прелестно! Да неужели все это будетъ? Другъ мой, какое счастіе ты мнѣ обѣщаешь!

Кочуевъ.

Отчего же не быть? Все это въ нашихъ средствахъ. Погоди, погоди! Не замѣчаешь ли ты, что всѣ мы, мужчины, какъ-то апатичны, пресыщены; что всѣ удовольствія, не говоря уже о невинныхъ, насъ мало удовлетворяютъ; что мы ищемъ развлеченій, все болѣе раздражающихъ нашу чувственность; что мы все болѣе и болѣе погружаемся въ развратъ, а многіе изъ насъ доходятъ до послѣднихъ его предѣловъ? Отчего это?

Ксенія.

Я не знаю.

Кочуевъ.

А оттого, что мы только и живемъ удовольствіями, что мы себѣ отдыха не даемъ. Мы забыли, что человѣкъ созданъ не для однихъ удовольствій, забыли, что для человѣка обязателенъ трудъ, что трудъ врачуетъ, укрѣпляетъ душу; забыли, что человѣку нужна свѣжая голова, что онъ долженъ имѣть много покоя, отдыха, чтобы быть въ состояніи заняться серьезнымъ размышленіемъ о своихъ поступкахъ, заняться улучшеніемъ своей души. Удовольствіямъ надо отдаваться рѣдко, очень рѣдко; тогда только они и пріятны, тогда только и цѣнны. Мы забываемъ дни поста и молитвы.

Ксенія *(встаетъ)*.

Ахъ, неужели? И это ты правду говоришь? О, милый!

Кочуевъ *(съ волненіемъ)*.

Ну, такъ вотъ что̀, Ксенія. Ей Богу, ну, ей Богу, я тебя люблю безконечно. Возьми ты меня, возьми подъ свое управленіе, дѣлай изъ меня, что̀ хочешь. Я буду самымъ покорнымъ рабомъ твоимъ... Не отталкивай меня!

Ксенія.

Нѣтъ, зачѣмъ рабомъ? Это не хорошо; жена не должна приказывать мужу; въ этомъ есть что̀-то холодное... Женщина должна любить, подчиняться; вотъ въ чемъ наше счастье. Ты будешь главой! Ты все лучше меня знаешь.

Кочуевъ.

Можетъ быть и лучше, но, чтобъ исполнить мои замыслы, мнѣ нужна твоя поддержка.

Ксенія.

О, изволь, изволь!

Кочуевъ.

Да этого мало... Мнѣ нужна ласка, любовь твоя.

Ксенія.

Любовь? Да развѣ ты сомнѣвался? Все мое существо проникнуто любовью... Любить тебя я считала и считаю счастіемъ.

Кочуевъ.

Ксенія, такъ поди же... поди же!

Ксенія *(бросаясь къ мужу на грудь).*

Какъ я счастлива въ твоихъ объятіяхъ! Какое это блаженство! О, милый, милый! Ты оживилъ меня. Я теперь жить хочу, хочу жить!

Занавѣсъ.

ДѢЙСТВІЕ ТРЕТЬЕ.

ЛИЦА:

Кочуевъ.
Ксенія.
Снафидина.
Капитолина.
Елоховъ.
Барбарисовъ.
Муруговъ.
Хіонія.
Мардарій.

Декорація второго дѣйствія.

ЯВЛЕНІЕ ПЕРВОЕ.

Хіонія *подслушиваетъ у боковой двери; изъ средней входитъ* Барбарисовъ.

Барбарисовъ.

Ай, ай! Подслушиваете? Не хорошо, Хіонія Прокофьевна, не хорошо.

Хіонія.

Не знаю ужъ я, хорошо ли, нѣтъ ли; для васъ стараюсь, Фирсъ Лукичъ. Сами научили.

Барбарисовъ.

Старайтесь, старайтесь! Я шучу. Большое вознагражденіе получите и отъ меня, и отъ Евлампіи Платоновны. Кто тамъ?

Хіонія.

Ксенія Васильевна.

Барбарисовъ.

А еще?

Хіонія.

Да вотъ этотъ старикъ, Макаръ Давыдычъ. Онъ совсѣмъ тутъ поселился.

Барбарисовъ.

Объ чемъ же они?

Хіонія.

Хорошо-то я не разслушала... Что̀-то про мебель... Онъ говоритъ: чернаго дерева, матовую, а она: дубовую рѣзную... Кажется, хочетъ Виталію Петровичу суприз сдѣлать, въ кабинетъ ему новую мебель подарить.

Барбарисовъ.

А еще что̀?

Хіонія.

Еще ничего не слыхала явственно; не хочу лгать. Такъ, черезъ десять словъ, мелькомъ, одно или два долетятъ, а потомъ и опять ничего не слышно. Но только если эти слова съ умомъ разобрать, такъ можно понятіе имѣть.

Барбарисовъ.

Объ чемъ понятіе?

Хіонія.

А къ чему какое слово сказано. Вотъ, къ примѣру, говоритъ Ксенія Васильевна: „постараюсь", потомъ не слышу, потомъ опять громко: „чтобъ ничего не осталось". Ну, къ чему она такія слова сказать можетъ? Въ какомъ смыслѣ?

Барбарисовъ.

Не знаю. Вамъ лучше знать.

Хіонія.

Ужъ изъ этихъ словъ кто хочешь пойметъ, что вся-то ея

рѣчь такая: „постараюсь выманить у маменьки всѣ деньги, чтобъ сестрѣ ничего не осталось“.

Барбарисовъ.

Вы полагаете?

Хіонія.

Я какъ только первое слово услыхала: „постараюсь“, такъ и догадалась. Ну, думаю, поняла я васъ. Потому, разсудите сами, объ чемъ же ей больше стараться? Не объ чемъ больше; только одно должно быть на умѣ. Значитъ, оно такъ точно и выходитъ. Побожиться не грѣхъ. Ужъ это вы за вѣрное можете считать, все равно, что сами слушали.

Барбарисовъ.

Однако, вы проницательная женщина, Хіонія Прокофьевна.

Хіонія.

Я отъ васъ деньги получаю, такъ должна свое усердіе прилагать. Я тоже свою совѣсть берегу.

Барбарисовъ.

А какъ они между собой-то?

Хіонія.

Наглядѣться другъ на друга не могутъ. Прежде Ксенія Васильевна была скромная женщина, совѣстливая, а теперь такъ на шею и кидается, такъ и виснетъ. Которая женщина въ пожилыхъ лѣтахъ, вотъ какъ я, такъ даже глядѣть не хорошо. Точно онъ ее приворожилъ чѣмъ. А, вѣдь, это бываетъ.

Барбарисовъ.

Ну, ужъ не знаю, какъ вамъ сказать.

Хіонія.

Только, чтобъ противъ женщинъ такое слово знать, надо много грѣха на душу принять: проклясть надо всего себя въ треисподнюю. *(Входитъ Мардарій.)*

ЯВЛЕНІЕ ВТОРОЕ.

Барбарисовъ, Хіонія *и* Мардарій.

Мардарій.

Вотъ Виталій Петровичъ книгу барынѣ прислали.

Хіонія.

Положите тутъ!

Мардарій.

Какъ „положите“? Я долженъ руками отдать.

Хіонія.

Такъ давайте, я снесу.

Барбарисовъ.

Нѣтъ, постойте! Дайте мнѣ! Я погляжу, что̀ такое за книга. Я потомъ самъ передамъ Ксеніи Васильевнѣ или вамъ, Хіонія Прокофьевна. *(Мардарій подаетъ книгу и уходитъ. Хіонія подходитъ къ двери и подслушиваетъ).*

ЯВЛЕНІЕ ТРЕТЬЕ.

Барбарисовъ *и* Хіонія.

Барбарисовъ *(просматривая книгу).*

О, какая серьезность! Ловокъ Виталій Петровичъ, умѣетъ попасть въ тонъ. А вотъ мы въ эту книжку и закладочку положимъ. *(Вынимаетъ изъ кармана двѣ бумажки и кладетъ въ книгу.)* Хіонія Прокофьевна, возьмите! Ничего интереснаго нѣтъ; такъ, вздоръ какой-то написанъ. Только вы отдайте эту книгу Ксеніи Васильевнѣ, когда она будетъ одна. Непремѣнно! Слышите?

Хіонія.

Слышу, слышу, такъ и сдѣлаю. *(Беретъ книгу и прячетъ ее подъ фартукъ.)* А вотъ, кажется, и голосъ Виталія Петровича слышенъ.

Барбарисовъ.

Я уйду. Вы, Хіонія Прокофьевна, не говорите, что я здѣсь былъ, ни подъ какимъ видомъ не говорите. Скажутъ, пожалуй: экъ онъ обрадовался, спозаранку пріѣхалъ. Такъ не говорите!

Хіонія.

Хорошо, слушаю-съ. *(Барбарисовъ уходитъ. Хіонія, послушавъ у боковой двери, уходитъ тихонько въ среднюю дверь. Изъ боковой двери выходятъ Ксенія Васильевна, Кочуевъ и Елоховъ.)*

ЯВЛЕНІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

Ксенія, Кочуевъ, Елоховъ *и потомъ* Мардарій.

Ксенія.

Онъ меня проситъ, чтобъ я его исправляла отъ недостатковъ, а я его прошу, чтобъ онъ меня исправлялъ.

Елоховъ.

Да какіе у васъ недостатки? Откуда имъ взяться? Ваши недостатки въ другой женщинѣ были бы достоинствами.

Ксенія.

Ахъ, нѣтъ, много недостатковъ. Вѣроятно, отъ воспитанія. Мы съ дѣтства жили взаперти, время проводили все больше съ прислугой, вотъ и наслушались.

Кочуевъ.

Ну, какіе же ты знаешь за собой недостатки? Назови, Ксенія, хоть одинъ!

Ксенія.

Я очень впечатлительна: что̀ меня хоть немножко поразитъ днемъ, во всю ночь потомъ мнѣ представляется и во снѣ, и наяву. А то вдругъ мнѣ покажется, что у меня въ комнатѣ лягушка, которыхъ я боюсь до смерти, или змѣя, и я похолодѣю, и вся сожмусь, хотя очень хорошо знаю, что забраться имъ неоткуда.

Елоховъ.

Нервы разстроены; вамъ нужно побольше моціона и почаще быть на воздухѣ.

Ксенія.

Вотъ и еще... Да ужъ это я и сказать совѣщусь...

Кочуевъ.

Что̀ такое? Что̀ такое? Не стыдись пожалуйста.

Елоховъ.

Да что̀ вы? Да посмотрите, у нашихъ барынь-то какія привередничества бываютъ! Ужъ, вѣроятно, почище вашихъ.

Ксенія.

Знаешь, что̀? Я боюсь людей.

Кочуевъ.

Только-то? Да и надо ихъ бояться; мало ли есть и дурныхъ, и злыхъ?

Ксенія.

Да нѣтъ, не то, не то... Я такъ вдругъ, безъ всякой причины, боюсь человѣка.

Кочуевъ.

Какъ же это? Объясни!

Ксенія.

Вотъ, напримѣръ, у тебя есть пріятель Муруговъ...

Кочуевъ.

Да, есть.

Ксенія.

Я не могу глядѣть на него безъ содроганія.

Кочуевъ.

Да это самый добрѣйшій человѣкъ.

Елоховъ.

Онъ мухи во всю свою жизнь не обидѣлъ и не обидитъ.

Ксенія.

Можетъ быть, можетъ быть; но какъ я увижу его, такъ мнѣ кажется... мнѣ кажется — повѣришь ли? — что онъ пришелъ за душой моей...

Кочуевъ.

Ксенія, ты въ бреду.

Ксенія.

Нѣтъ, я въ полномъ разсудкѣ. *(Смѣется.)* Я думаю, это оттого, что у меня въ дѣтствѣ была книжка съ картинками; я одной картинки очень боялась... Было нарисовано, какъ къ одному бѣдняку приходитъ какой-то страшный человѣкъ и говоритъ: „я пришелъ за душой твоей". Вѣришь ли, твой Муруговъ и этотъ страшный человѣкъ такъ похожи... Сходство поразительное!... То же лицо, то же выраженіе...

Кочуевъ.

Ужъ пора забыть эту книжку.

Ксенія.

Нѣтъ, вотъ, не забываю. Я и книжки-то боялась, а по-

смотрѣть тянетъ; взгляну, спрячу книжку куда-нибудь подальше, да поскорѣй бѣжать изъ комнаты.

Елоховъ.

Все-таки, нервы, все одна причина.

Кочуевъ.

Да, я вижу, съ тобой возни много будетъ, пока твое здоровье въ настоящій порядокъ приведешь. Ну, а еще какіе недостатки у тебя?

Ксенія.

Да не знаю... много... Вотъ еще испугъ постоянный... Всего-то я боюсь: и стука боюсь, и громкаго разговора боюсь. И я вдругъ или голосъ теряю, или память, такъ что ничего не помню, гдѣ я, зачѣмъ, и всему удивляюсь. *(Входитъ Мардарій.)*

Мардарій.

Господинъ Муруговъ.

Ксенія.

Ахъ! Вотъ ужъ я и помертвѣла.

Кочуевъ.

Хочешь, я его у себя приму?

Ксенія.

Нѣтъ, не надо; я хочу пересилить себя.

Кочуевъ.

Смотри, Ксенія, не повредило бы это тебѣ.

Ксенія.

Нѣтъ, нѣтъ; это будетъ мой первый урокъ.

Кочуевъ *(Мардарію)*.

Проси сюда. *(Мардарій уходитъ.)*

Ксенія.

Вотъ я и успокоилась.

Кочуевъ.

Успокоилась, а голосъ-то дрожитъ. Чтò же ты обманываешь? *(Входитъ Муруговъ.)*

ЯВЛЕНІЕ ПЯТОЕ.

Кочуевъ, Ксенія, Елоховъ *и* Муруговъ.

Муруговъ.

А, Ксенія Васильевна! Вотъ ужъ не ожидали! *(Подаетъ ей руку.)*

Ксенія.

Здравствуйте, Ардаліонъ Мартыновичъ!

Муруговъ *(Кочуеву).*

Вотъ и разгадка вашего затворничества! *(Подаетъ руку Кочуеву и Елохову.)* Ну, понятное дѣло. Извините, что мы такъ настойчиво къ вамъ приставали. Ксенія Васильевна, вы такъ обрадовали насъ своимъ пріѣздомъ, что на этотъ разъ мы охотно освобождаемъ вашего мужа въ домашній отпускъ. Но надѣюсь, что вы не совсѣмъ отнимете его у насъ. Не будьте такъ жестоки!

Ксенія.

Нѣтъ, нѣтъ, не берите его у меня.

Муруговъ.

Ксенія Васильевна, онъ членъ общества, и нарушать своихъ обязанностей по отношенію къ кружку, къ которому онъ принадлежитъ, не долженъ.

Ксенія.

Да какія же обязанности могутъ быть выше семейныхъ?

Муруговъ.

Да семейныя обязанности — это личное дѣло каждаго человѣка: каждый долженъ ихъ знать про себя, и онѣ нисколько не должны мѣшать ни службѣ, ни отношеніямъ къ обществу.

Ксенія.

Нѣтъ, нѣтъ, семейныя обязанности выше всего. *(Беретъ Кочуева за руку.)* Я не отпущу его.

Муруговъ.

Успокойтесь! Мы и не возьмемъ его у васъ. Мы понимаемъ, какая это радость въ домѣ — возвращеніе жены, и мы съ глубокимъ уваженіемъ относимся къ этой семейной радости.

Ксенія.

Да, и надо уважать, и надо.

Муруговъ.

Но, Ксенія Васильевна, мы живемъ не въ юртахъ, не въ кибиткахъ, не въ шатрахъ. Тамъ, дѣйствительно, каждая юрта, каждый чумъ составляетъ свой отдѣльный мірокъ, изъ котораго обитатели выползаютъ на четверенькахъ только въ большіе праздники, чтобы всѣмъ обществомъ теплую оленью кровь пить. У насъ и клубы, и собранія, и множество общественныхъ учрежденій.

Кочуевъ.

Не спорьте съ ней, Ардаліонъ Мартыновичъ! У нихъ своя логика — логика сердца.

Муруговъ.

Извините меня, Ксенія Васильевна, сдѣлайте одолженіе! Я и не думаю спорить. Да мнѣ и спорить не о чемъ; мои мнѣнія основаны на такомъ крѣпкомъ фундаментѣ, что и не нуждаются въ новыхъ аргументахъ. Но я умѣю уважать и чужія убѣжденія. Одно только скажу, что требованія Ксеніи Васильевны слишкомъ высоки для насъ; они намъ не впору, — очень идеальны. И въ исторіи найдется не много примѣровъ тѣхъ чистыхъ семейныхъ добродѣтелей, какихъ желаетъ Ксенія Васильевна. Кто же? Вотъ идеальная пара, если вѣрить Овидію: Филемонъ и Бавкида. Да вѣдь и они — созданіе поэта.

Кочуевъ.

Ха, ха, ха! Ксенія, онъ насъ съ тобою называетъ Филемономъ и Бавкидой.

Ксенія.

Развѣ это не хорошо?

Елоховъ.

Ничего лучше быть не можетъ.

Муруговъ.

Или вотъ созданіе другого поэта: Аѳанасій Ивановичъ и Пульхерія Ивановна.

Кочуевъ.

Этимъ сравненіемъ, Ардаліонъ Мартыновичъ, можно и обидѣться.

Муруговъ.

Тоже идиллія.

Елоховъ.

Ну, ужъ, извините, Ардаліонъ Мартыновичъ! Тутъ сходства нѣтъ; тѣ ѣли очень жирно и много, и у нихъ нервы были крѣпки.

Ксенія.

Вы ужъ очень строги къ женщинамъ.

Кочуевъ.

Нѣтъ, что̀ ты? Онъ самый любезный кавалеръ; онъ только шутитъ.

Елоховъ.

И очень многія дамы любятъ Ардаліона Мартыновича за это.

Кочуевъ.

Да нельзя и не любить человѣка, который оживляетъ общество.

Муруговъ.

Нѣтъ, Ксенія Васильевна, я не строгъ къ женщинамъ; я ихъ люблю и очень многихъ уважаю глубоко. Вотъ у меня есть одна знакомая дама, жена адвоката; я очень уважаю ее, не смотря на всѣ ея странности.

Ксенія.

А какія же у нея странности?

Муруговъ.

Она минуты не можетъ быть безъ мужа и очень печалится, что мужъ не беретъ ее съ собой въ окружный судъ на каѳедру. Я бы, говоритъ, никому не мѣшала; я бы глядѣла ему въ глаза и держала за руку.

Ксенія.

Она дура?

Муруговъ.

Нѣтъ, примѣрная жена и пишетъ стихи очень хорошіе.

Кочуевъ.

Видишь, какъ онъ мило разсказываетъ.

Ксенія.

Да, мило, только какъ-то больно дѣлается.

Муруговъ.

Ахъ, извините! Я и не воображалъ, что своими шутками доставлю вамъ какую-нибудь непріятность.

Ксенія.

Нѣтъ, ничего... Но я семью чту, какъ святыню, а вы ее такъ низко ставите.

Муруговъ.

На свое мѣсто, Ксенія Васильевна. Представьте, что солдату нужно воевать, а жена его не пускаетъ. И жена, конечно, по-своему права; но, вѣдь, право и начальство, которое говоритъ ему: „Коли ты солдатъ, такъ тебѣ слѣдуетъ воевать, а не на печкѣ лежать". Честь имѣю кланяться! Спѣшу къ отправленію моихъ общественныхъ обязанностей. Семьи нѣтъ, холостъ. Коли женюсь, такъ, можетъ быть, и я заговорю такъ же, какъ вы. Позвольте прислать вамъ фруктовъ или цвѣтовъ? Что̀ вамъ угодно?

Кочуевъ.

Присылайте фруктовъ! Не она, такъ мы съѣдимъ. *(Муруговъ уходитъ. Кочуевъ его провожаетъ.)*

Елоховъ.

Ну, какъ вамъ показался нашъ Ардаліонъ Мартыновичъ?

Ксенія.

Онъ умный, только страшный. Онъ страшнѣе, чѣмъ прежде былъ. Не говорите мужу! *(Кочуевъ возвращается.)*

ЯВЛЕНІЕ ШЕСТОЕ.

Ксенія, Елоховъ *и* Кочуевъ.

Кочуевъ.

Ну, вотъ, не съѣлъ онъ тебя. Теперь ты его бояться не будешь?

Ксенія.

Нѣтъ, что̀ его бояться!

Кочуевъ *(беретъ руку Ксеніи)*.

Говоритъ: „что̀ его бояться", а у самой руки поледенѣли. Ты, больна, Ксенія?

Ксенія.

Я не знаю... Нѣтъ, не больна... Такъ, немного разстроена.

Кочуевъ.

Какъ не больна? Ты на себя не похожа.

Ксенія.

Я очень его испугалась. Смѣшалась и какъ-то поглупѣла вдругъ. Сама чувствую, что глупости говорю, а остановиться не могу. Хочу поправиться, и скажу что̀-нибудь еще глупѣе.

Кочуевъ.

Конфузъ! Одичала ты, живши въ деревнѣ-то. Послушай! Прими капель и ложись, отдохни! Я сейчасъ пришлю къ тебѣ Хіонію Прокофьевну.

Ксенія.

Не надо. Такъ пройдетъ. Со мной это бываетъ.

Кочуевъ.

Нѣтъ, все-таки, лучше. Поди, успокойся, успокойся, моя милая. *(Цѣлуетъ Ксенію въ голову.)* Мы тебѣ мѣшать не станемъ. Мы пока съ Макаромъ Давыдовичемъ въ шахматы поиграемъ. *(Уходятъ Кочуевъ и Елоховъ.)*

ЯВЛЕНІЕ СЕДЬМОЕ.

Ксенія *одна, потомъ* Хіонія.

Ксенія.

Я убита, уничтожена! Онъ унесъ мою душу. Какое холодное, безжалостное презрѣніе къ женскимъ чувствамъ, къ женскому сердцу! И мужъ не заступился за меня. Значитъ, онъ раздѣляетъ мнѣніе Муругова... Значитъ, онъ меня только словами утѣшаетъ, обманываетъ. Нѣтъ, намъ, кроткимъ и не знающимъ жизни женщинамъ, жить нельзя на свѣтѣ, и не надо... Кому вѣрить? На кого положиться? Вотъ мужъ мой... Я знаю, что онъ меня любитъ, но положиться на него я не могу... Онъ не говоритъ мнѣ правды; онъ говоритъ только то, что̀ мнѣ пріятно, старается попасть въ мой тонъ, утѣшаетъ меня... Утѣшаетъ и обманываетъ; онъ, какъ ребенка, няньчитъ меня на рукахъ, говоритъ мнѣ: „агу, душенька", пляшетъ передо мной, даритъ куклы, конфеты, но умомъ своимъ, своимъ знаніемъ жизни не дѣлится со мной. Вмѣсто того, чтобы учить, руководить меня, онъ со мной соглашается; онъ боится оскорбить меня моимъ же невѣжествомъ; онъ

боится, что я буду спорить противъ неоспоримыхъ истинъ, и прячетъ ихъ, скрываетъ отъ меня. И я ужъ ему вѣрить не могу. Если онъ скрываетъ отъ меня свои убѣжденія, можетъ скрывать и что̀-нибудь другое. *(Входитъ Хіонія.)*

Хіонія.

Виталій Петровичъ прислали вамъ книжку.

Ксенія.

Хорошо; положи на столикъ. Поди! Ты мнѣ не нужна! *(Хіонія уходитъ.)* Прислалъ книгу... И въ этой книгѣ, вѣроятно, нѣтъ правды... не то, что̀ нужно для меня, а какія-нибудь идилліи, небывалыя добродѣтели... Филемонъ и Бавкида... *(Садится въ кресло и беретъ книгу. Сначала смотритъ заглавіе, потомъ перелистываетъ книгу и находитъ вложенныя Барбарисовымъ бумаги.)* Зачѣмъ это здѣсь? *(Читаетъ.)* „По старому счету за коляску для г-жи Клемансъ 500. За новый скатъ колесъ и гуттаперчевыя шины 300 р. *(Смотритъ другой счетъ.)* За доставленныя мадемуазель Клемансъ брилліантовыя серьги 2000 р. По старому счету за взятыя ею вещи 1200 руб.“ *(Хватаясь за грудь.)* Ай! Ахъ, Боже мой! *(Протираетъ рукой глаза и опять разсматриваетъ счеты, потомъ кладетъ ихъ на столикъ и, медленно поднявшись съ кресла, проходитъ нѣсколько шаговъ.)* Что̀ это? Что̀ это со мной? Я, какъ будто, забыла... Что̀... что̀, что̀ я забыла? Да! *(Осматриваетъ свое очень дорогое платье.)* Нѣтъ, я не сплю... Я одѣта... хорошо одѣта... Зачѣмъ я такъ одѣлась? Да... мы хотѣли ѣхать на вечеръ... Что̀-жъ мы не ѣдемъ? Ахъ, да, я сдѣлалась нездорова... Да, да, да, помню теперь... Меня ужалила змѣя... Гдѣ змѣя? *(Осматриваетъ кругомъ.)* Да какая змѣя? Откуда она?... О, нѣтъ! Это я говорила про змѣю... Онъ сказалъ: отдохни, успокойся... прими капель! А я не легла... Надо успокоиться. *(Са̀дится въ кресло.)* Я отдохну, успокоюсь... вотъ такъ... *(Машинально беретъ со стола одинъ изъ счетовъ и прочитываетъ про-себя.)* Ай, я умираю! *(Безъ чувствъ опускается на спинку кресла. Входитъ Хіонія.)*

Хіонія.

Маменька пріѣхали и еще гости. Заснула. *(Громко.)* Ксенія Васильевна, Ксенія Васильевна!

Ксенія *(очнувшись.)*

А? Что̀?

Хіонія.

Маменька пріѣхали и еще гости съ ними. Они въ залѣ, и Виталій Петровичъ тамъ.

Ксенія.

Кто̀ пріѣхалъ? Онъ, онъ?

Хіонія.

Кто „онъ“-то-съ?

Ксенія.

Муруговъ... Онъ пришелъ за душой моей... Ты не пускай его ко мнѣ... Позови Виталія Петровича... Онъ за меня заступится... Тутъ змѣя, тутъ змѣя... *(Громко.)* Защитите! *(Опускается на кресло безъ чувствъ.)*

Хіонія.

Батюшки! Что̀ съ ней? *(Бѣжитъ въ залу.)* Виталій Петровичъ, Виталій Петровичъ! Ксенія Васильевна умираетъ! *(Кочуевъ и Елоховъ входятъ и въ испугѣ останавливаются. За ними тихо входятъ Снафидина, Капитолина и Барбарисовъ.)*

ЯВЛЕНІЕ ВОСЬМОЕ.

Ксенія, Кочуевъ, Елоховъ, Снафидина, Капитолина *и* Барбарисовъ.

Кочуевъ.

Что̀ такое? Что̀ такое? Ей дурно! Спирту дайте, спирту! Ксенія! *(Увидавъ счеты.)* О, какое гнусное, гнусное коварство! Это убійство! Ксенія, Ксенія! *(Ксенія открываетъ глаза.)* Она жива, она не умретъ. Ксенія, не умирай, не умирай! *(Показываетъ ей счеты.)* Это коварство, коварство! Ничего этого нѣтъ.

Елоховъ.

Я вамъ говорилъ: не вѣрьте даже глазамъ своимъ!

Ксенія *(тихо).*

Этого нѣтъ?

Кочуевъ.

Нѣтъ, нѣтъ, милая Ксенія. Одну тебя, одну тебя люблю я.

Ксенія.

Сюда, поближе ко мнѣ! *(Кочуевъ становится подлѣ нея на колѣни. Она кладетъ руку ему на плечо.)* Я... люблю... тебя.

Кочуевъ *(цѣлуя ея руку).*

И прощаешь?

Ксенія.

И прощаю. *(Умираетъ. Картина.)*

PG 3337 O8 1890 t.10

Ostrovskiĭ, Aleksandr Nikolaevich
Sochineniia. Izd. 9.

PLEASE DO NOT REMOVE
CARDS OR SLIPS FROM THIS POCKET

UNIVERSITY OF TORONTO LIBRARY

